

С. О. Курбанов

ИСТОРИЯ КОРЕИ

С ДРЕВНОСТИ
ДО НАЧАЛА XXI века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. Курбанов

ИСТОРИЯ КОРЕИ
с древности до начала ХХI в.

3-е издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 94
ББК 63.3(5)
К93

Рецензенты: д-р ист. наук *А. В. Филиппов* (С.-Петербург. гос. ун-т);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (С.-Петербург. Ин-т восточных рукописей РАН)

Курбанов С. О.
К93 История Кореи: с древности до начала XXI в. — 3-е изд.,
испр. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 744 с.
ISBN 978-5-288-05822-6

Книга представляет читателю историю Кореи с древнейших времен до начала XXI столетия. Работа построена на изучении отечественной, южнокорейской и северокорейской историографии с привлечением материалов первоисточников, а также ряда сведений, почерпнутых из западной научной литературы.

Книга содержит ряд новых трактовок различных вопросов исторического развития Кореи и впервые предлагает читателю систематизированное изложение основных событий истории страны конца 1970 — начала 2000-х годов.

Предназначена для специалистов, а также всех интересующихся историей Кореи.

УДК 94
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-288-05822-6

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2018
© С. О. Курбанов, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое читателю третье издание книги «История Кореи с древности до начала XXI века» не имеет столь кардинальных изменений, как второе, которое значительно отличалось от первого: была введена новая глава об истории Кореи 2000–2005 гг. и изменено название.

В настоящее третье издание внесены незначительные стилистические и содержательные правки, обновлен список литературы.

Несмотря на то, что с 2009 по 2018 гг. как в России, так и за рубежом из печати вышло немало работ, использование которых могло бы сделать изложение более точным и корректным, автор оставил содержательную часть без изменений, поскольку учет новейшей научной литературы требует *полной* переработки книги, что для автора пока что не представляется возможным.

Последний период истории Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики, охватывающий первые два десятилетия XXI века, автор планирует представить в отдельной монографии с рабочим названием «История Кореи начала XXI века (2000–2018)».

В предисловии ко второму изданию автор уже разъяснял характер предлагаемой читателю книги, указав на то, что ее восприятие как учебного издания не является *корректным*, к 2018 г. снова возникла необходимость обратиться к указанному вопросу.

Представленному в «Истории Кореи» материалу присущи некоторые качества, не позволяющие отнести ее к учебникам: 1) изложение известных фактов в сугубо авторской подборке и последовательности; 2) введение в научный оборот новых фактов, прежде не отражавшихся в русскоязычной корееведческой литературе; 3) представление различных подходов в российской, южнокорейской и северо-корейской историографии; 4) в отдельных случаях — новая интерпретация исторических событий.

Новые факты и трактовки событий, предлагаемые в книге пусть даже в кратком изложении, в дальнейшем могут стать «компасом»

для выбора направлений более глубоких исследований в той или иной сфере изучения истории Кореи.

Действительно, наша книга уже дала плодотворный импульс для углубленного изучения таких аспектов истории Кореи, как «Движение за новую деревню» (Республика Корея; 1970–1980-е гг.), проникновение и распространение христианства на Корейском полуострове, новое восприятие Первомартовского движения 1919 г. за независимость Кореи как движения, имевшего в себе *также и* элементы буржуазно-демократической революции. Последнее утверждение теперь, в 2010-е гг., даже вошло в вузовские южнокорейские учебники по родной истории¹, хотя на момент подготовки ее первого издания к подобной оценке Первомартовского движения научные круги относились весьма скептически.

Сходство «Истории Кореи» с учебным пособием нередко приводит к тому, что отдельные заимствования из нее, *включая прямое копирование текста*, не сопровождается ссылками на имя автора и книгу, на основании того, что информация из нее, якобы, «и так всем известна»². На самом деле она стала «всем известной», прежде всего, благодаря выходу книги и ее широкому распространению, за что автор выражает свою глубокую благодарность издательству СПбГУ и всем читателям, обратившим на нее свой благосклонный взор.

Надеемся, что в дальнейшем при использовании идей и «исторических подсказок» из предлагаемой читателю «Истории Кореи» исследователи не будут стесняться делать соответствующие ссылки.

В заключение хотелось бы выразить особую благодарность старшим коллегам, оказавшим существенную помощь при внесении исправлений во второе издание книги: ведущему научному сотруднику ИДВ РАН Юрию Васильевичу Ванину (Москва; 1930–2017) и доценту Университета им. Этвоша Лоранда др. Карою Фендлеру (Будапешт; 1933–2013).

---

¹ См., например: Чхон Гёнхва. Понимание корейской истории (Чхон Гёнхва. Хагукса-ый иихэ; на кор. яз.). Сеул, 2009. С. 305–306. Перечень *новых* оценок исторического значения Первомартовского движения 1919 г. в указанной книге полностью совпадает с авторской аргументацией, представленной на международной конференции 1999 г., по итогам которой вышла коллективная монография, и в «Курсе лекций по истории Кореи» (2002 г.).

² Подробнее см.: Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 13. СПб., 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло уже более пяти лет со времени первого издания «Курса лекций по истории Кореи с древности до конца XX века». За это время с книгой познакомилось немалое количество читателей, оставивших свои отзывы о книге и указавших как на ее достоинства, так и на недостатки. Поэтому для того, чтобы исправить и дополнить труд, вышедший из печати в 2002 г., автор решился на повторное — дополненное и исправленное издание монографии по истории Кореи.

Кроме желания исправить обнаруженные недочеты, автор также имел и другую важную причину для того, чтобы заняться переизданием «Курса». События, произошедшие на территории Корейского полуострова в начале XXI столетия — в Северной и Южной Корее, — до сих пор не описаны с точки зрения *исторической* ни в российской, ни даже в корейской специальной литературе³. Однако знать об этих событиях необходимо, поскольку они проливают свет на важнейшие тенденции развития двух государств Корейского полуострова. Поэтому в настоящем издании читатель обнаружит новую, довольно объемную часть, посвященную событиям 2000–2005 гг.

Готовя к публикации второе издание книги, автор отказался от прежнего заглавия «Курс лекций по истории Кореи» и решил остановиться на более лаконичном: «История Кореи». Одной из причин подобной замены послужило не совсем адекватное отношение читателей к термину «курс лекций», который у большинства ассоциируется исключительно с понятием «учебное пособие», что не совсем корректно. Лекция в высшем учебном заведении — это не простое изложение материала студентам для механического заучивания, а своего рода научная публикация, представляемая лектором в аудитории, в которой на суд слушателей выносятся новые гипотезы и факты. В «Курсе лекций» было немало разделов, разработанных автором книги самостоятельно или же представляющих особую, авторскую

---

³ Уже после сдачи рукописи настоящей книги в издательство в Москве в 2008 г. вышла монография А. В. Торкунова, В. И. Денисова, Вл. Ф. Ли «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории».

точку зрения на излагаемый предмет. Кроме того, материал, представленный в книге, предназначен не для заучивания, а для размышления. Надеемся, что название «История Кореи» сможет дать верный настрой для будущих читателей.

В то же время, имея целью написать книгу для широкого круга читателей, автор не перегружал ее ссыльным аппаратом, пользуясь им лишь в наиболее важных случаях, а также для того, чтобы показать научный путь автора к тем или иным гипотезам и точкам зрения, высказываемым в книге.

Во втором издании, насколько это было возможно, исправлены опечатки и ряд неточностей, которые удалось обнаружить после выхода в свет первого издания. Неточности эти были во многом обусловлены разночтениями в корейской научной литературе, которая послужила основным источником информации при написании книги. Однако, несмотря на огромную работу по исправлению ошибок и неточностей, наверняка еще остались недочеты, требующие дальнейшего исправления. Надеемся на благосклонную читательскую критику представляемой книги, критику, которую автор будет стараться учитывать и в будущем.

Автор выражает огромную благодарность российским и зарубежным коллегам, оказавшим помощь в работе над вторым изданием. Однако в настоящем предисловии осознанно не указываются имена всех тех, кому автор выражает свою благодарность, дабы, по причине технического характера, не упустить какую-либо из фамилий и тем самым незаслуженно не обидеть дорогих коллег.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Необходимость создания книги по истории Кореи возникла в ходе работы на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета. С 1992 г. автор этих строк начал читать различные курсы лекций в рамках специальности «история Кореи», в том числе полный курс лекций по истории Кореи, рассчитанный на четыре семестра. Тогда возникла потребность написания такого сочинения, которое, с одной стороны, достаточно полно отражало бы историю Кореи, а с другой — не было бы чрезмерно перегружено фактами и подробностями ввиду ограниченного объема предъявляемых студентам требований.

Предлагаемая читателю книга отражает собственную точку зрения автора на различные аспекты корейской истории, которая может не совпадать с мнением многих как отечественных, так и зарубежных специалистов. «Курс лекций по истории Кореи» не представит читателю некоего «объективного» или «верно раскрытого» хода истории Кореи. Напротив, автор пытается показать, насколько сложно не только дать оценку тех или иных исторических событий, но даже установить их достоверность. Для этого в «Курсе лекций» освещается позиция отечественной, а также корейской историографии, как Юга, так и Севера, на те или иные проблемы истории Кореи.

При написании «Курса лекций по истории Кореи» автор сознательно не стремился к полному охвату исторической литературы, изданной за пределами России или Кореи. Причиной тому является авторское представление о востоковедении как национальной науке.

Любой из тех, кто пишет о Востоке за рубежом, вольно или невольно сравнивает культуру чужого для него Востока со своей родной. Поэтому востоковедение (корееведение) в каждой из стран мира отлично друг от друга, и это отличие тем значительнее, чем больше различаются между собой страны, в которых изучается Восток. Поэтому, например, для адекватного понимания работ по истории Кореи, изданных на Западе, требуется хорошо знать культуру той страны Запада, в которой издана эта работа.

Обращение к корейским историческим работам обязательно, поскольку они помогают понять восприятие корейцами собственной истории.

Таким образом, уделение особого внимания историографии в предлагаемом «Курсе лекций по истории Кореи» и попытка представить различные точки зрения на те или иные аспекты истории страны помогают избежать чрезмерной однобокости в изложении материала. Вместе с тем подобный историографический уклон делает книгу заведомо ограниченной. Во-первых, не будучи исследованием по *историографии* Кореи, «Курс лекций» не охватывает всей доступной литературы. Во-вторых, по прошествии определенного времени, после того как в свет выйдут новые работы, «Курс лекций» не сможет избежать известного устаревания. И, тем не менее, автор избрал путь сравнения представленных в литературе различных подходов и оценок для иллюстрации того, что полное и адекватное отражение исторических событий иногда оказывается в принципе невозможным.

К настоящему времени в России издано немало трудов по истории Кореи, не только специальных, но и общих. Считается, что первое краткое изложение истории Кореи на русском языке (1842 г.) принадлежит перу знаменитого российского китаеведа Н. Я. Бичурина (о. Иакинф; 1777–1853).

В последней трети XIX столетия, после того как в 1860 г. у России и Кореи появилась общая граница по реке Туманган, а в 1884 г. между двумя странами был подписан договор об установлении дипломатических отношений, в России возник особый интерес к доселе почти неизвестной Стране Утренней Свежести, т. е. к Корее. Тогда были изданы многочисленные очерки о Корее описательного характера, в которых нередко одна из глав отводилась изложению истории страны. Самым известным и фундаментальным сочинением такого рода является трехтомное «Описание Кореи», увидевшее свет в 1900 г. Его первая глава «Краткий очерк истории Кореи» была написана известным российским китаеведом, японоведом и корееведом — Н. В. Кюнером (1877–1955).

Новый этап изучения Кореи в нашей стране начался в 1945 г., после освобождения Кореи от японской колониальной зависимости. Тогда корейский язык, литература (классическая и современная), география, этнография, история (древняя, средневековая, новая и новейшая) — буквально все стороны корейской культуры начали получать отражение в отечественной корееведческой литературе. Однако первая общая работа по истории Кореи была переводной: в 1960 г. в Москве вышел в свет первый том «Истории Кореи» («*Чосон тхон*

са»), составленный Институтом истории Академии наук Корейской Народно-Демократической Республики. Он охватывал хронологический период с древности до начала XIX в. Редактором перевода был один из ведущих отечественных историков Кореи — М. Н. Пак.

В 1974 г. был издан двухтомный коллективный труд «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)», подготовленный Институтом востоковедения Академии наук СССР. В его создании приняли участие лучшие отечественные специалисты по истории Кореи. Изложение исторических событий в нем по степени подробности иногда превосходит некоторые современные специальные исследования. Между тем двухтомная «История Кореи» 1974 г., естественно, была написана с позиций исторического материализма и в условиях продолжавшейся «холодной войны». Это особенно отразилось на подборе и оценке фактов, иллюстрировавших события новейшей истории Кореи.

Очевидно, что потребность переоценки событий прошлого, в частности корейской истории, приводит к появлению новых исторических сочинений, написанных с иных (немарксистских) точек зрения. Поскольку в российской историографии Кореи такие попытки еще не предпринимались, в последнее время появляется немало изданий, представляющих собой перевод на русский язык южнокорейских общих работ по истории Кореи⁴. Все эти сочинения изначально имеют общий недостаток объективного характера: поскольку они написаны носителями корейской культуры, отдельные аспекты корейской культуры и истории, естественные для их авторов, но чуждые российским читателям, оказываются необъясненными. Неменьшей проблемой таких изданий остается качество перевода, которое, в отличие от советского периода отечественной историографии, не контролируется признанными научно-исследовательскими или образовательными учреждениями.

Автор предлагаемого «Курса лекций по истории Кореи» не отрицает известных достижений исторического материализма, а также того, что производительные силы, производственные отношения, классовая борьба и т. п. воздействуют на ход исторического процесса. Однако набор факторов, определяющих исторический процесс, далеко не ограничивается приведенным перечнем, и его следует рассматривать шире. В «Курсе лекций» автор старается по возможности рассматривать предпосылки и последствия излагаемых событий.

---

⁴ В качестве примеров можно привести следующие издания: *Лю Ённик*. Краткая история Кореи. Сеул, 1999; *Ли Гибэж*. История Кореи: новая трактовка. М., 2000; *Син Хёнсик*. История Кореи (Краткий популярный очерк). М., 2001.

Вероятно, не все читатели согласятся с используемыми в книге принципами транскрипции корейских терминов и имен собственных. Дело в том, что в отечественном корееведении до сих пор отсутствуют *общепринятые* нормы и правила транскрипции корейских слов. Есть, например, различия между так называемыми московской и петербургской школами. Кроме того, даже внутри этих школ нет единства мнений. Кроме того, ряд корейских имен собственных уже в течение нескольких десятилетий имеет в отечественной общественно-политической литературе не совсем точную, но устоявшуюся передачу по-русски. Автор «Курса лекций» предпринимает попытку некоторой универсализации записи корейских названий и имен собственных. Поэтому отдельные имена представлены не совсем привычно для российского читателя, но узнаваемо. Например, известное имя «Ким Ир Сен» передается как «Ким Ирсен»⁵.

В заключение хотелось бы выразить благодарность российским и зарубежным коллегам, оказавшим помощь при написании и издании настоящего «Курса лекций по истории Кореи»: А. В. Филиппову и А. В. Попову (кафедра истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ), И. Ф. Поповой (С.-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), Т. М. Симбирцевой (Корейский центр при Институте стран Азии и Африки МГУ), Хван Пхэгану (Университет Тангук, Сеул, Республика Корея), а также многим другим. Перечень их имен мог бы занять не одну страницу.

Также хотелось бы отметить, что первые *практические* шаги в овладении корейским языком и в понимании корейской культуры были сделаны автором в Университете им. Ким Ирсена (КНДР), о времени пребывания в котором у автора настоящих строк сохранились самые теплые воспоминания.

Особую благодарность автор выражает Корейскому фонду (Республика Корея), не раз предоставлявшему возможность заниматься научной работой в Республике Корея и оказавшему финансовую поддержку при издании настоящей книги.

И конечно же, работа над рукописью книги не была бы возможной без понимания и сопереживания со стороны членов семьи автора — супруги Анны Чон и дочери Веры Чон.

---

⁵ На самом деле и в варианте «Ким Ирсен» передача имени основателя КНДР не вполне корректна. Исходя из правил транскрипции, которых придерживается автор настоящей книги, следовало бы писать «Ким Ильсон». Однако в таком виде имя может быть не узнано читателями, сколько-нибудь знакомыми с историей Северной Кореи.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. О понятии «история»

*Посмотрите на секундную стрелку часов!
Всё, что за нею, — это история.*

Многие ученые, писавшие о прошлом той или иной страны, обращались к вопросу о том, что же такое история¹. Например, в начале XX столетия известный востоковед академик В. Бартольд в рамках курса лекций «Истории изучения Востока в Европе и России» отвечал на него так: «История есть наука о прошлом человека»².

В толковых словарях русского языка можно встретить следующие определения истории:

— «Действительность, в процессе развития». Однако, на наш взгляд, в данном случае можно говорить не только о развитии, но и об *изменении*, которое не всегда бывает поступательным («положительным»).

— «Совокупность фактов и событий, относящихся к прошлой жизни»; «прошлое, сохраняющееся в памяти людей».

— «Наука, изучающая прошлое человеческого общества во всей его конкретности, многообразии».

— «Ход, последовательное развитие чего-либо». В данном случае также следует вести речь не о «развитии», а об *изменении* чего-либо, ибо, насколько известно, как природе, так и человеческому обществу свойствен не только рост (развитие), но и деградация (движение к смерти). Поэтому в случае с указанным определением было бы корректнее говорить именно об «изменении», а не о развитии.

---

¹ Подробнее см. также в издании: Курбанов С. О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб.: Издательство РХГА, 2016.

² Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Л., 1925. С. 1.

— «Наука, изучающая последовательное развитие, последовательные изменения какой-либо области природы, культуры, знания».

— «Совокупность взглядов и событий, связанная с кем-либо или чем-либо».

— «Рассказ, повествование».

— «Происшествие, событие, случай»³.

Несмотря на различие в указанных выше классических определениях понятия «история», во всех них можно обнаружить общие черты, свойственные «универсальному понятию» «история», которое мы и попытаемся определить. Это:

1. Время (в философии время было принято определять как «всеобщую объективную форму существования материи, проявляющуюся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения»).

2. Время всегда прошедшее.

3. Любые события (объекты) прошлого.

Таким образом, рассматривая предмет истории, можно утверждать, что «предмет истории — это всё и одновременно ничего».

Поясним это, на первый взгляд, парадоксальное высказывание.

Так называемое «настоящее» — это некий «неуловимый» момент, постоянно движущийся во времени. Движущееся «настоящее» является главным атрибутом физического (реального) времени. При этом *каждый* «пройденный», «прожитый» момент *навсегда* становится историческим. Таким образом, все сущее и достоверно известное нам и есть *история*, ибо *настоящее* невозможно *сохранить* в памяти, а все *сохранившееся* в памяти уже есть *история*.

С другой стороны, это так называемое «известное нам», т.е. сохраненная информация о прошлом, есть *абстракция*, зафиксированная в человеческой памяти или «воссоздаваемая» на основе *следов* событий, имевших место в прошлом. Это лишь искусственно созданная картина того, чего уже нет и чего уже невозможно вернуть (пережить заново).

Следовательно, *задача истории* как науки состоит в том, чтобы 1) максимально «восстановить» события, имевшие место в прошлом и априори недостаточно зафиксированные (ибо нет средств абсолютной фиксации событий во всей их полноте) или же зафиксированные неверно; 2) объяснить логику последовательности этих событий во времени.

³ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1985. С. 691.

Необходимость реализации *задачи истории* связана с понятием общечеловеческой «памяти», «общественной памяти», на основе которой формируется человеческая культура. Для индивидуума память является основой формирования личности человека. Ибо все наши знания — это есть память. Таким образом, чем богаче память (чем больше знаний), тем богаче личность человека. Точно так же и для каждого отдельного сообщества, для каждой культуры (нации) история играет роль той самой *универсальной памяти*, которая облик этой культуры и создает.

Итак, каким образом история как наука может выполнить две обозначенные выше задачи?

Можно выделить *три* основных *метода* (и в то же время — *три цели*) исторической науки, которые соответственно относятся к ведению *практической* и *теоретической* истории:

1. *Поиск* новых «следов» *событий*: открытие новых предметов, активно использовавшихся в прошлом (например, путем археологических раскопок), новых документов, их перевод на язык и код родной культуры (в том случае, если речь идет об инокультурной или слишком отдаленной во времени культурной среде/эпохе), и т. п.
2. *Воссоздание*, или «вычисление», «расчет» неизвестных ранее *фактов* истории на основе известных данных.

Первый из указанных методов можно определить как «механический», а второй как «логический». При этом оба указанных метода исторической науки относятся к разряду *практической истории*.

И, наконец, назовем последний метод исторической науки, используемый для выполнения указанных выше двух *задач исторической науки*.

3. Объяснение причинно-следственных связей событий и фактов.

Третий метод, как и второй, является логическим, но относится к разряду *теоретической истории*.

Представим описанные выше методы исторической науки, связанные с понятиями практической и теоретической истории в форме наглядной схемы (см. с. 14).

Таким образом, как это ни парадоксально может звучать, история является такой же всеобъемлющей и универсальной наукой, как и философия. Например, то же литературоведение является в известном смысле разновидностью истории, поскольку изучает литературные произведения, написанные в *прошлом* — далеком или близком. Физика, хотя и исследует универсальные законы природы, основывается на практических опытах, описывающих события *прошлого*.

практическая история	ПОИСК ФАКТОВ	механический метод
	ВОССОЗДАНИЕ ФАКТОВ	логический метод
теоретическая история	ОБЪЯСНЕНИЕ ФАКТОВ	

Хотя, с другой стороны, описываемые законы могут проявляться в настоящем и будущем. Но основой исследований все равно являются *прошедшие* события и явления.

Другое дело, что под *исторической наукой* в общепринятом, «бытовом» смысле обычно понимают лишь одну «разновидность» истории — *историю общества*, имеющего определенную структуру (например государственность), вместе с ее атрибутами — политикой, экономикой, культурой.

§ 2. О проблеме периодизации истории Кореи

Общепринятым является деление мировой истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Для истории Кореи как в отечественной, так и в корейской и западной историографии также характерна указанная периодизация. С одной стороны, в понятиях «древняя», «средневековая», «новая» и «новейшая история» отражается прежде всего ход истории классического средиземноморского Древнего мира и далее — Европы, являвшейся в определенной мере его преемницей. С другой стороны, в этих понятиях заключен элемент *формационной* периодизации истории: древняя история — это первобытнообщинный и рабовладельческий строй, средневековая — феодальный, новая — капиталистический, новейшая — социалистический строй и капитализм в своей высшей стадии.

Азия, в частности Дальний Восток, особенно на ранних этапах истории государственности, существовала независимо от Европы, где

как раз сформировалась современная историческая наука. Ранняя и средневековая история Дальнего Востока (Кореи) содержит примеры своих особых форм социально-экономической организации государства, не совсем отвечающих европейским представлениям о формациях. Европейские хронологические рамки древности и средневековья, механически примененные к Дальнему Востоку, часто не отражают реального течения его истории. Поэтому, например, известный отечественный историк Кореи М. Н. Пак называет время вплоть до образования первых государств на территории Корейского полуострова и историю самих этих государств «ранней историей» и не употребляет термин «древняя история»⁴.

Действительно, то, насколько трудно соотнести понятия «первобытной», «древней», «средневековой» и т. п. истории с реалиями Кореи, демонстрируется хотя бы теми расхождениями в периодизации «родной истории» по указанному принципу, которые можно обнаружить в исторической науке Северной и Южной Кореи.

Историки КНДР начинают отсчет первобытной истории — *вонси са* — Кореи с 600 000–400 000 лет до н. э. и завершают II тысячелетием до н. э. — временем, когда, по их мнению, на территорию Корейского полуострова пришел бронзовый век. К древней истории — *кодэса* — относится история государства Древний Чосон (2333–108 гг. до н. э.). Общество Древнего Чосона северокорейские историки считают рабовладельческим. Средневековая история Кореи — *чунсе са*, — с которой в КНДР связано представление о феодальном строе, продолжалась с I в. до н. э. вплоть до конца XIX столетия. Иными словами, те периоды, которые в европейской истории по времени соотносятся с древностью, Средневековьем и Новым временем, в Корею являются «средневековьем». Период новой истории — *кындэ са* — очень короток: с 1860-х годов, времени прекращения в Корею политики самоизоляции, и до 1920-х — начала «революционной» деятельности Ким Ирсена. Соответственно, новейшая история — *хёндэ са* — охватывает время с 1920-х годов и до наших дней: антияпонская революционная борьба Ким Ирсена, построение в северной части Корейского полуострова особого *чучхейского* государства.

Таким образом, в северокорейской периодизации истории Кореи можно выделить следующие особенности: 1) описание хода истории в соответствии с учением об общественных формациях; 2) пред-

⁴ См.: Пак М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.

ставление во многом мифологической истории государства Древний Чосон как реальной, т. е. «удлинение» своей истории; 3) необычайно длительный период средневековья; 4) короткий период нового времени.

Южнокорейская историческая наука также оперирует понятиями первобытной, древней, средневековой, новой и новейшей истории. При этом необходимо отметить одно различие в периодизации, принятой до недавнего времени образовательной программой для средних школ, и в периодизации академической. В школьных учебных пособиях догосударственная история Кореи и история ранних государств объединены понятием «древняя история»⁵.

Первобытная история (*вонси са*) начинается около 700 000–500 000 лет до н. э. и продолжается примерно до IV в. до н. э. Древняя история (*кодэ са*) охватывает время первых государственных образований на территории Корейского полуострова с X в. до н. э. до X в. н. э. Несовпадение хронологических границ между первобытной и древней историей объясняется тем, что в то время, когда на севере Корейского полуострова и за его пределами существовало государство Древний Чосон, юг полуострова находился в состоянии первобытнообщинного строя. Период средневековья (*чунсе са*) в южнокорейской историографии определяется всего пятью столетиями, с X по XIV в. Далее следуют два периода новой истории. В переводе на русский язык названия периодов можно передать только как «новая история», в то время как в корейском языке употребляются два родственных, но различных по смыслу слова. Время с XIV в. по 1860-е годы определяется термином *кынсе са*, т. е. дословно «история новой эпохи», а период 1860–1945 гг. называется *кындэ са*, т. е. «история новой эры (или опять же эпохи)». Новейшая история (*хёндэ са*) начинается с 1945 г. и длится до настоящего времени.

В южнокорейской периодизации «родной истории» можно обнаружить следующие особенности: 1) включение в единую категорию «древность» истории различных по социально-экономическому характеру, этническому составу, территории Древнего Чосона и Трех государств; 2) выделение особого периода новой истории — *кынсе са*; термин *кындэ са*, использующийся для обозначения истории конца XIX — первой половины XX в., пришел в корейскую (дальневосточную) историографию как одно из отражений влияния периодиза-

⁵ Такой же подход к периодизации ранней истории Кореи обнаруживает крупное южнокорейское 28-томное академическое издание 1984 г. «История Кореи» («Хангукса»).

ции, принятой в европейской историографии; 3) определение 1945 г. как водораздела между новой и новейшей историей, что связано с освобождением Кореи от японского колониального господства, возрождением ее независимости; однако это не совсем полно отражает процессы всесторонней модернизации корейского общества, которые начались значительно раньше.

Отечественная историография также не демонстрирует единства мнений относительно периодизации истории Кореи. Приведем лишь несколько примеров. Если обратиться к фундаментальному археологическому исследованию М. В. Воробьева «Древняя Корея», то можно обнаружить, что Корея каменного и бронзового веков классифицируется как «древняя». Двухтомная «История Кореи», изданная в 1974 г., продолжает период древности до второй половины VII в., т. е. до времени образования государства Объединенное Силла. В монографии «Корея до второй трети VII века», вышедшей в 1997 г. в Санкт-Петербурге, М. В. Воробьев указывает на множество различных вариантов периодизации ранней истории Кореи и на отсутствие по данному вопросу единого мнения. Новая история Кореи для отечественных корееведов начинается с XVII–XVIII вв., а рубежом новой и новейшей истории называется 1917 г., что не совсем удачно соотносится с конкретными историческими реалиями Кореи.

Таким образом, любая попытка периодизации истории Кореи, исходя из представлений о социально-экономических формациях и европейских взглядов на древность, средние века, новое и новейшее время, наталкивается на множество трудноразрешимых вопросов. Попытки их решения приводят к появлению различных вариантов периодизации. Поэтому, разделяя историю Кореи на отдельные временные отрезки, можно избрать иной тип периодизации — *формально-хронологический*, согласно которому ход истории разделяется на отдельные этапы в связи со сменой династий, образованием или гибелью отдельных государств, войнами и другими поворотными историческими событиями. Именно такого принципа придерживались историки старой Кореи.

Часть I. РАННЯЯ ИСТОРИЯ КОРЕИ

Глава 1. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В ДОГОСУДАРСТВЕННУЮ ЭПОХУ

§ 1. Каменный век — палеолит, мезолит, неолит — на территории Корейского полуострова

Когда мы говорим о первобытной истории Кореи, то для обозначения места зарождения древней протокорейской культуры точнее использовать словосочетание «Корейский полуостров», а не привычное слово «Корея». С названием «Корея», как правило, ассоциируется единое государство с одной нацией, проживающей в течение длительного времени на Корейском полуострове. Однако «Корея» со времени появления первых людей и до рубежа нашей эры не была единым государством, занимавшим всю или большую часть территории Корейского полуострова. К тому же древнее население полуострова — не предки современных корейцев. Поэтому мы говорим о первобытной истории обществ *Корейского полуострова*.

До начала 1960-х годов считалось, что человек на Корейском полуострове появился только в период неолита, т. е. примерно в X–VI тысячелетии до н. э. Хотя еще в 1933 г. в местечке Тонгванчжин, в верхнем течении реки Тэдонган в провинции Северная Хамгён, японские археологи нашли остатки мамонтов и других животных эпохи палеолита, а также каменные предметы, которые, скорее всего, были обработаны человеком. Однако эта находка не стала предметом гласности. Дело в том, что на протяжении 1910–1945 гг. Корея была японской колонией, а в самой Японии еще не были найдены места палеолитических стоянок человека. Японские ученые не хотели расставаться с теорией, утверждавшей, что японская культура древнее корейской.

Лишь после преодоления тяжелых последствий Корейской войны 1950–1953 гг., когда жизнь в Корее, свободной от японской колонизации, но уже окончательно разделенной на Север и Юг, начала стабилизироваться, археологи обеих частей Корейского полуостро-

ва смогли заняться более тщательным поиском остатков жизнедеятельности древнего человека. Действительно, 1960-е годы принесли корейской археологии ряд замечательных открытий. В 1963 г. в Северной Корее в провинции Северная Хамгён в деревне Кульпхори была обнаружена стоянка человека предположительно времен среднего палеолита. В 1964 г. в Южной Корее недалеко от города Кончжу в селении Сокчанни археологи обнаружили еще одну палеолитическую (по оценкам некоторых ученых — мезолитическую) стоянку. В 1966 г. недалеко от Пхеньяна была открыта пещера Комынмору («Черная наковальня») с остатками жизнедеятельности человека раннего палеолита. Его возраст оценивают в 600 000–400 000 лет, а иногда даже в 700 000 лет. Вплоть до настоящего времени в Северной и Южной Корее было открыто более 50 палеолитических стоянок, предоставивших богатый материал для изучения жизни палеолитического человека на Корейском полуострове.

Период **палеолита** на Корейском полуострове имеет следующую периодизацию: ранний, или нижний, палеолит — 700 000–120 000 лет до н. э., средний палеолит — 120 000–50 000 лет до н. э. и поздний, или верхний, палеолит — 50 000–10 000 лет до н. э.

Итак, что же можно сказать о людях, населявших Корейский полуостров в период палеолита? По мнению абсолютного большинства ученых, все они не являются предками современных корейцев. Тем не менее на протяжении всего периода палеолита, так же как и сменившего его мезолита и неолита, люди постоянно населяли территорию нынешней Кореи. Во времена палеолита на полуострове наблюдалось несколько потоков больших миграций, связанных с периодами оледенения, которых насчитывают четыре, и, соответственно, с тремя промежуточными периодами потепления. После последнего оледенения на Корейском полуострове наступил период неолита.

Человек, которого можно отнести к разряду *хомо сапиенс* (неоантроп), появился на полуострове приблизительно 40 000–25 000 лет тому назад, в период позднего палеолита. До этого полуостров населяли *хомо эректус* (человек прямостоящий), а ранее — люди типа австралопитеков (архантропы, палеоантропы), с небольшой черепной коробкой, массивными челюстями, согнутой спиной и т. п. Однако даже сравнительно поздний палеолитический *хомо сапиенс*, чьи останки были обнаружены на Корейском полуострове, не являлся предком современных корейцев: у него были иная форма челюсти, иные пропорции тела. Таковы, например, останки 35-летнего муж-

чины из пещеры в горах Сыннисан недалеко от города Токчхон в верховьях реки Тэдонган (Северная Корея).

Отличительной особенностью палеолита, как известно, были производство и использование примитивнейших орудий труда из камня. Нижнепалеолитические орудия имели многофункциональное значение и именуются гальками. В дальнейшем каменные орудия труда совершенствовались, каждое приобретало особое назначение. Появились каменные топоры, скребки, наконечники стрел и т. д.

Люди палеолита чаще всего жили в пещерах, но также строили жилища и на ровных местах (последнее более типично для среднего и верхнего палеолита). Так, например, на известной стоянке Сокчанни были обнаружены остатки жилища, имевшего столбы, на которых покоилась крыша; в нем находился очаг. Жилище имело размеры приблизительно 7 на 7,5 м, и в нем могли проживать до 8 человек.

Социальная организация находилась на самом примитивном уровне. Низкая производительность труда не могла привести к социальному расслоению, поэтому в нижнем и среднем палеолите люди жили родами, организованными в праобщины. Ко времени верхнего палеолита появляются раннеродовые общины.

Занятие охотой и собирательством привело к появлению примитивных верований в животных и разного рода духов. Таким образом, возникло некое простейшее подобие религии — тотемизм, которое, очевидно, отразилось в дошедших до наших дней мифах о легендарных основателях государства Древний Чосон или Трех государств (Когурё, Пэкче, Силла).

Время с VIII по VI тысячелетие до н. э. относится к совсем короткому периоду **мезолита**. Очевидно, он не имел большого значения для исторического развития Кореи, поскольку в специальной литературе этому периоду уделяется совсем мало внимания. Говорится главным образом о том, что, в отличие от палеолита, каменные орудия, изготавливавшиеся во времена мезолита, имели меньшие размеры. И это свидетельствовало о более совершенной технике обработки камня. В качестве примера чаще всего упоминаются наконечники стрел.

Для понимания этнических процессов, происходивших на Корейском полуострове, а также для выяснения вопроса о происхождении тех этносов, которые в дальнейшем стали основой формирования корейской нации, важным является период неолита. На территории нынешней Кореи **неолит** продолжался приблизительно с VI по I тысячелетие до н. э.

Неолит для истории развития человечества в целом и для Корейского полуострова в частности стал поистине революционной эпохой. В производстве каменных орудий на смену технике скола пришла техника полировки или заточки каменных изделий. Еще более значимым, на наш взгляд, было изобретение керамики. Керамика изготавливалась из глины, которая затем обжигалась. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что именно большие глиняные сосуды впервые позволили людям делать качественные запасы продуктов питания на длительный срок. Конечно же, еще рано говорить о социальном расслоении протокорейского общества на неолитическом этапе развития, однако появление новой возможности иметь запасы пищи не могло не послужить одним из отправных моментов, стимулировавших процесс социального расслоения — важнейшей ступени на пути формирования государства¹.

Керамика, изготавливавшаяся в разные периоды и на различных территориях, имела свои особенности, что позволяет современным ученым заниматься исследованием *различных* неолитических культур, говорить об этногенезе тех или иных народностей. Так, для неолитических жителей Корейского полуострова наиболее распространенной является гребенчатая керамика, имевшая по бокам узоры в виде густого ряда параллельных ломаных линий, словно выдавленных гребенкой. Для разных периодов неолита и для разных частей Корейского полуострова гребенчатая керамика имеет свои особенности.

Глиняный сосуд с гребенчатой керамикой. Неолит

¹ На протяжении длительного периода истории Кореи (древность и средние века) рис играл роль «денег», т. е. универсальной единицы измерения ценностей предметов, вовлеченных в рыночный оборот, и ряда услуг (например, оплата труда чиновников).

Заметим, что по вопросу периодизации корейского неолита нет единого мнения. Южнокорейские ученые считают, что ранний неолит продолжался с VI до середины III тысячелетия до н. э., развитый (или средний) — с середины III до II тысячелетия до н. э., поздний — со II по I тысячелетие до н. э. Северокорейские историки сокращают длительность неолита, относя образование государственности на Корейском полуострове уже ко II тысячелетию до н. э. Ранний неолит они датируют V–IV тысячелетиями до н. э., средний — III тысячелетием, поздний — III–II тысячелетиями до н. э.

По типу неолитической керамики Корейский полуостров принято делить на три части: западное, южное и восточное побережье. Для западного побережья раннего неолита характерны гребенчатая керамика и сосуды, имеющие заостренную форму дна. На южном и восточном побережье обнаруживают сосуды с гребенчатыми узорами, но плоским дном, а также сосуды с выпуклыми узорами или вообще гладкие. В период развитого (среднего) неолита на западном побережье также была распространена гребенчатая керамика, но уже с меньшим количеством узоров в нижней части сосудов. На южном и восточном побережье получила развитие керамика с узором в стиле «скелет рыбы». В позднем неолите сокращается количество изделий из гребенчатой керамики и ей на смену приходит гладкая керамика, которая, как отмечается в научной литературе, отличается от ранней гладкой неолитической керамики.

Исходя из данных археологии и из особенностей того или иного типа керамики, а также истории корейского языка и т. д. корейские и зарубежные ученые пытаются решить проблему этногенеза жителей Корейского полуострова периода неолита. Существует множество теорий, которые еще не получили окончательного подтверждения. Некоторые из них подробно рассмотрены в книге М. В. Воробьева «Корея до второй трети VII века» (СПб., 1997), познакомиться с которой рекомендуется всем специально интересующимся историей Древней Кореи.

Однако прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению проблемы происхождения населения Корейского полуострова периода неолита, следует сказать несколько слов о характере его жизни и общественной организации.

В раннем неолите жители Корейского полуострова, подобно людям эпохи палеолита, еще занимались исключительно собирательством, охотой и рыбной ловлей, вели кочевой образ жизни. В позднем неолите на полуострове появляется культура земледелия. (Су-

ществует точка зрения, связывающая начало занятия земледелием жителями Корейского полуострова с процессом миграции переселенцев из Северного Китая.) Правда, это еще не была культура рисоводства, которая появилась значительно позже, в бронзовом веке. Занятие земледелием привело к тому, что люди стали переходить от кочевого образа жизни к оседлому. Из орудий труда этого времени найдены каменные серпы и мотыги. Считается, что примерно в то же время на Корейском полуострове появляется скотоводство.

Для периода неолита характерно жилище двух типов: пещерное и полуземляночное. Последний тип встречается чаще. Полуземлянки имели глубину около 60 см и диаметр около 5 м. Форма жилища была, как правило, круглая с очагом посередине и входом, обращенным на южную, самую светлую и теплую сторону. Такое жилище, по мнению ученых, предназначалось для проживания четырех человек. Около входа в полуземлянки неолитические люди устраивали врытые в землю хранилища продуктов питания.

Жили протокорейцы небольшими поселениями, объединявшими представителей одного рода или племени. По мнению большинства ученых, социального расслоения в то время еще не было. Главной организационной единицей была родовая община. Количество человек в одной общине доходило до 30.

Население Корейского полуострова поклонялось Небу, а также животным. Все это привело к зарождению тотемизма и отразилось в мифах об основании древних корейских государств. В местах археологических раскопок протокорейских неолитических поселений часто находят небольшие каменные или костяные предметы, напоминающие по форме змею, лошадь или даже человека. По-видимому, они играли роль амулетов. Вера в сверхъестественные силы природы, включая Небеса и животных, стала первоосновой для дальнейшего зарождения и становления шаманизма, широко распространенного в современной Южной Корее².

---

² О шаманизме в Северной Корее автору этих строк достоверных сведений пока получить не удалось. Однако личный опыт длительного проживания в северо-корейской провинции показывает, что в КНДР сохранилось гораздо больше элементов традиционной культуры, чем это представляется в западных или российских СМИ.

§ 2. О происхождении неолитического населения Корейского полуострова

Прежде всего напомним читателю, что население Корейского полуострова периодов палеолита и мезолита этнически не связано с населением неолита. Существует множество теорий о происхождении населения Корейского полуострова. Вкратце представим основное содержание современного представления об этногенезе протокорейцев в южнокорейской, северокорейской и российской историографии.

Одна из распространенных точек зрения южнокорейских исследователей заключается в том, что первоначально корейцев, обладатели гребенчатой керамики, ведут свое происхождение из Сибири, откуда они пришли на Корейский полуостров. Их принято называть палеоазиатами. Протокорейские языки относятся к алтайским языкам. Обладатели гладкой керамики пришли в Корею позже, в период среднего и позднего неолита. Этнически они близки к тунгусам, жителям Северного Китая. Северокитайская ветвь принесла на Корейский полуостров культуру земледелия. Обе этнические ветви принадлежат монголоидной расе³.

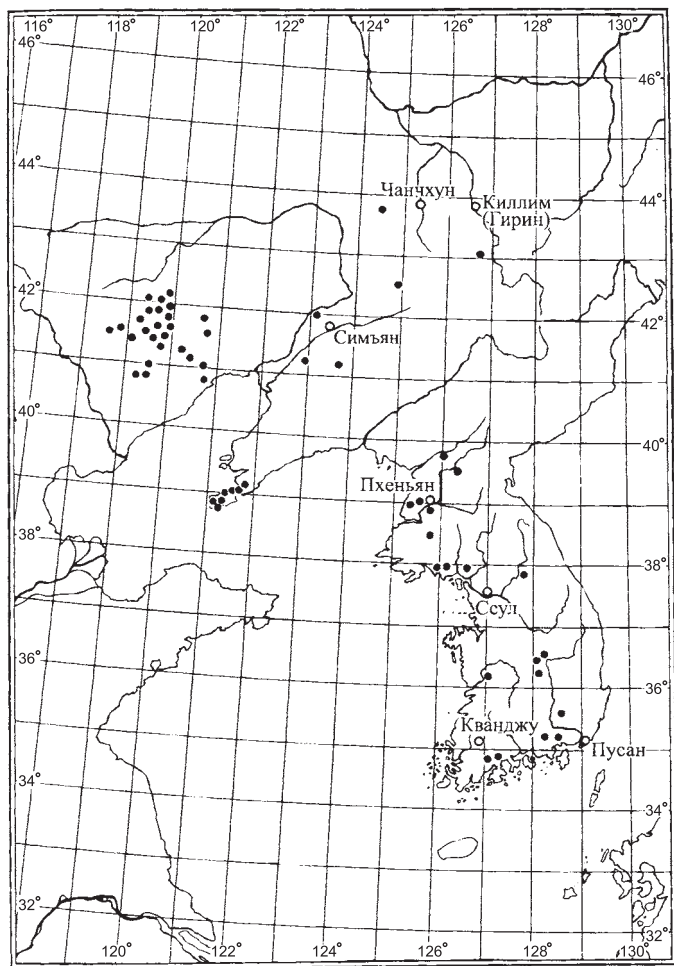
Северокорейская теория этногенеза протокорейцев в корне отличается от всех остальных теорий и отрицает тезис об отсутствии связи между палеолитическим и неолитическим населением жителей Корейского полуострова. Ученые КНДР утверждают следующее: на Корейском полуострове, а также в прилегающих к нему районах Северо-Восточного Китая, Маньчжурии и российского Приморья без какого-либо этнокультурного влияния извне происходило самостоятельное развитие людей палеолита, потомками которых стали люди неолита, населявшие Корейский полуостров⁴. Эта теория возникла в 1960–1970-е годы, скорее всего, в связи с идеологической установкой северокорейского руководства доказать исключительность и самостоятельность истории корейского народа с древнейших времен. Поэтому ее трудно считать достоверной.

Российские ученые также считают, что в период неолита имела место этническая миграция с севера на юг. Носителями культуры протокорейцев были либо палеоазиаты, ассимилированные в дальнейшем пришлыми тунгусами, либо исключительно тунгусы, про-

³ Пён Тхэсон. Хангукса тхоннон (Очерки истории Кореи). Сеул, 1996.

⁴ Чосон когохак кэё (Краткий обзор корейской археологии). Пхеньян, 1977.

Карта № 1*. Район распространения мечей в форме лютни «пипха»

* Представленные в настоящей монографии карты, относящиеся к периоду древней и средневековой истории Кореи, заимствованы из русскоязычного издания книги: Ли Ги Бэж. История Кореи: новая трактовка / Пер. с кор. под ред. С. О. Курбанова. М., 2000.

Правила транскрипции, использованные в картах, несколько отличны от тех, которых придерживается автор настоящей монографии.

живавшие в районе Восточной Сибири еще с верхнего палеолита. Однако второй вариант теории этногенеза не подтверждается археологическими находками. Общеизвестно, что носителями гребенчатой керамики являются палеоазиаты, а гладкой — северные тунгусы, говорившие на алтайских языках. Оба вида неолитической керамики имеют достаточно широкое распространение на Корейском полуострове. Кроме указанных двух ветвей отечественные историки также выделяют третью, южную, полинезийскую ветвь. Такой вывод они формируют на основе схожести мифов об основателях корейских государств с полинезийскими мифами: в обоих случаях первоуправители рождались из яйца.

А вот теория миграций с севера находит все больше подтверждений. Например, в результате лингвистических исследований последних десятилетий было найдено до 200 лексических соответствий в корейском и алтайских языках.

Неолитические миграции на Корейский полуостров были первыми из известных ученым переселений. Однако они не завершили историю формирования корейского этноса. Миграции продолжались довольно активно и в I тысячелетии н. э., к концу которого, по-видимому, можно говорить об окончательном формировании единого этноса Кореи.

§ 3. *Бронзовый и железный век на Корейском полуострове*

Большинство ученых считают, что *изделия* из бронзы вместе с технологией ее производства появились на Корейском полуострове около X в. до н. э. **Эпоха бронзы** продолжалась до IV в. до н. э., когда на смену ей пришел железный век. В Северной Корее до недавнего времени начало бронзового века датировалось V в. до н. э. Выше мы специально выделили слово «изделие» курсивом, имея в виду то, что новые технологии не затронули сферу сельскохозяйственного производства. Как и во времена неолита, земледельческие орудия труда были каменными. Из бронзы изготавливалось в основном оружие — мечи и наконечники для стрел, а также топоры.

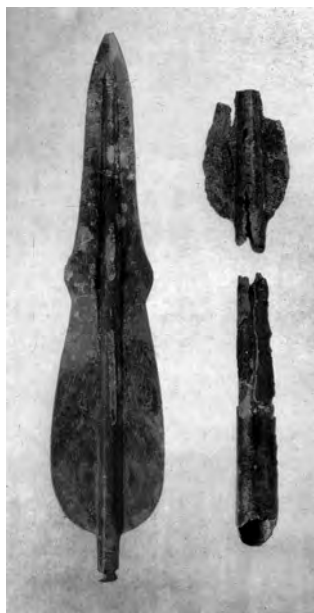
Вместе с культурой бронзы на Корейском полуострове распространилась иная керамика. Как и в период позднего неолита, она была гладкой, главным образом красноватого цвета, но форма — волчкообразная с заостренным дном, или невысокая, круглая, с плоским дном. Из оружия бронзового века особо выделяют кинжал (корот-

кий меч) в форме лютни (иногда еще говорят «в форме скрипки») — *nupha*. Короткие мечи отличались от оружия, которое археологи находили на территории Древнего Китая, что позволяет говорить об особой протокорейской культуре. Сначала центром распространения мечей *nupha* были район современной китайской провинции Ляонин, полуостров Ляодун и Южная Маньчжурия. Позднее такие мечи появились и на самом Корейском полуострове.

Таким образом, в бронзовом веке проходил еще один процесс миграции населения с севера на территорию Корейского полуострова. Переселенцы принесли с собой новую керамику, новое оружие и новые производственные достижения. Из особых изделий материальной культуры корейской эпохи бронзы также выделяют бронзовые зеркала с грубыми пупырчатыми узорами на тыльной стороне. Подобные зеркала обнаружены только в районе Корейского полуострова и в Маньчжурии. Носителями новой культуры переселенцев считают племена *эмж*, этническую принадлежность которых определяют как алтайскую.

Насколько известно, мигрировавшие на Корейский полуостров племена *эмж* не знали ни государственности, ни высокоорганизованной культуры, ни тем более письменности. Откуда нам известно о них? Из древнекитайских исторических сочинений. Самым значимым письменным источником является труд Сыма Цяня (145–85? гг. до н. э.) «Исторические записки», в особенности раздел «Восточные варвары». Таким образом, название этноса *эмж* и других племен, проживавших на территории Корейского полуострова в догосударственную эпоху, — это не что иное, как современное корейское прочтение китайских иероглифов, которыми обозначалось название племени в старых китайских хрониках.

Поворотным для истории Корейского полуострова стал рубеж IV–III вв. до н. э. и не только в связи с началом распространения

Бронзовый меч в форме лютни *nupha* (меч ляодунского типа) (слева) и бронзовый наконечник копья (справа)

культуры железа. В местах раскопок поселений указанного времени был обнаружен новый тип тонкого серповидного кинжала *се* (иероглиф «се» дословно переводится как «тонкий, изящный»). Чаще всего кинжал (короткий меч) *се* археологи находили в бассейне реки Тэ-донган. Кинжал *се* считается исключительно корейским изделием, появившимся, однако, под влиянием новой технологической культуры Китая. Вместе с коротким мечом *се* археологи обнаруживали новый тип медных зеркал с более тонкими узорами. Таким образом, IV–III вв. до н. э., несомненно, являются важным историческим рубежом, который условно можно определить как конец бронзового века.

Кто населял Корейский полуостров в бронзовом веке, и какова была жизнь этих людей?

Начнем с того, что если неолитический протокореец строил свои жилища в основном по берегам рек и у моря, то протокореец бронзового века чаще селился у склонов возвышенностей. Это означает, что, в отличие от позднего неолита, в эпоху бронзы земледелие становится основным занятием жителей Корейского полуострова. Протокорейцы выращивали гаолян, чумизу, просо, но главное — рис. Культура рисоводства была завезена на полуостров ориентировочно в VIII–VII вв. до н. э. и получила наиболее широкое распространение в его южной части. Земледелие, и прежде всего рисоводство, стало основным занятием населения, что имело непреходящее значение: 1) увеличилось количество продовольствия; 2) это соответственно привело к росту населения; 3) население окончательно перешло к оседлому образу жизни; 4) появление в некотором роде «излишков» продуктов производства привело к социальному расслоению; 5) все вышеуказанное способствовало формированию отношений собственности.

В бронзовый век изменилось и жилище протокорейцев. Полужемлянки стали менее глубокими, по форме вытянутыми. Они имели размер примерно 5–6 м в длину и 3–4 м в ширину. Столбы, на которых покоилась крыша, стали устанавливать на камни — некое подобие фундамента. Очаг сместился из центра помещения к краю. Хранилище для продуктов стало устраиваться у стены строения. В таких домах могли жить от 4 до 8 человек.

О начавшемся классовом расслоении у протокорейцев бронзового века свидетельствуют сохранившиеся до наших дней захоронения вождей крупных племенных объединений — каменные дольмены. Помимо этого встречаются захоронения в виде каменных гробов, врытых в землю.

Союзы племен, населявших Корейский полуостров в бронзовом — начале железного века, были так велики и хорошо организованы, а их вожди настолько сильны, что древние китайские историографы даже называли их словом «государство» (20). Это привело к спорам в современной историографии о характере организации этносов Корейского полуострова, в связи с чем возник вопрос о существовании протокорейских государств в I тысячелетии до н. э.

Хроника древнекитайского княжества Вэй — «Вэй чжи», составленная около III в. до н. э., в разделе «Восточные варвары» так описывает племенные союзы, или «протогосударства», Корейского полуострова. На севере находилось государство Чосон; севернее Чосона — племенные объединения (или «протогосударства») Пуё и Когурё. Когурё, о котором говорится в «Вэй чжи», несомненно, имеет определенную связь с будущим корейским государством Когурё. Но здесь, скорее, можно говорить только о племенном союзе с одноименным названием, поскольку он существовал ранее мифической даты основания государства Когурё. На восточном побережье Корейского полуострова находились племенные союзы Окчо и Восточных Е («Тонъе»). Юг полуострова занимало протогосударство (или племенной союз) Чин (Чингук), которое в дальнейшем распалось на Три Хан: Махан, Чинхан и Пёнхан. О Чингук и Трех Хан речь пойдет в отдельной главе.

Начало **железного века** датируется на Корейском полуострове IV в. до н. э. Однако на протяжении первых трех столетий после начала распространения на полуострове железные изделия еще не вытеснили бронзовых. Господство железа наступило лишь с I в. до н. э. При этом, в отличие от бронзового века, из железа делали не только оружие, но и орудия труда для земледелия: железные серпы, наконечники мотыг и плуги.

Культура железа пришла в Корею из Китая и распространялась через бассейны рек Амноккан, Чхончхонган, Тэдонган и далее — на юг. Одновременно с приходом культуры железа отмечено циркулирование монет древнекитайского княжества Янь на севере Корейского полуострова. Из предметов материальной культуры для того времени характерны тонкие кинжалы *се*, металлические зеркала с тонкими узорами на тыльной стороне и гладкая керамика.

Как пишут многие корейские авторы, китайская культура железа, распространившись на Корейском полуострове, ассимилировалась с местной культурой и дала толчок к возникновению *особой* культуры Корейского полуострова.

Глава 2. ГОСУДАРСТВО ДРЕВНИЙ ЧОСОН

В настоящей главе речь пойдет о первом государстве, история которого тесно связана с Корейским полуостровом. Мы не говорим «о первом корейском государстве». Формулировка, начинающая вторую главу книги, очень осторожна, и для этого есть ряд причин. Дело в том, что в отношении Древнего Чосона в историографии существует ряд непростых вопросов. Хотя историки отдельных государств, например КНДР, в начале 1990-х годов эти вопросы окончательно и бесповоротно решили. Тем не менее, на наш взгляд, в связи с недостаточностью исторического материала однозначно говорить о Древнем Чосоне трудно. В целом все спорные моменты можно определить в четырех вопросах:

1) об этнокультурной принадлежности Древнего Чосона: было ли это государство корейским, или китайским;

2) о времени образования государства Древний Чосон: возникло ли оно в III тысячелетии до н. э. или в середине I тысячелетия до н. э.;

3) о территории, которую занимал Древний Чосон: находился ли он в районе современной китайской провинции Ляонин и на Ляодунском полуострове или в северной части Корейского полуострова и имел столицу в Пхеньяне;

4) о социально-экономическом строе Древнего Чосона: было ли это государство рабовладельческим?

Отметим еще один важный момент. Хотя в мировой историографии государство именуется Древний Чосон, во времена его существования оно называлось «Чосон». Слово «древний» появилось позднее для того, чтобы отличать историю этого государства от истории Кореи династии Ли (1392–1910 гг.), когда страна снова стала именоваться «Чосон».

В настоящей главе попытаемся представить основные точки зрения по спорным вопросам и подробнее остановимся на наиболее, на наш взгляд, заслуживающих внимания. Но начнем с изложения *формальной* хронологии истории Древнего Чосона, которая также не является бесспорной, во многом отражая мифологическое представление об истории этого государства.

§ 1. Формально-хронологические этапы истории Древнего Чосона

О Древнем Чосоне известно из корейских и китайских письменных источников. Корейские, дошедшие до наших дней, были написаны довольно поздно. Сведения о самых ранних этапах истории Древнего Чосона дошли до нас из мифов, самый известный из которых — миф о Тангуне, основателе Древнего Чосона. Текст мифа зафиксирован в нескольких корейских средневековых памятниках. Прежде всего это «*Самгук юса*», или «Достопамятные события Трех государств» (1281 г.), автором которых является буддийский монах Ирён (1206–1289). Миф о Тангуне представлен также в летописи XIII в. «*Чеван унги*» («Рифмованные записи о королях и императорах») историка Ли Сынхю (1224–1301). Кроме того, называют «*Сечжон силлок*» («Реальные записи [правления государя] Сечжона»), «черновое» историописание XV в., готовившееся как материал для составления официальной династийной истории, и ряд других.

Историю Древнего Чосона принято делить на три периода. **Первый период**, «мифический» (поскольку о нем известно из мифов), называется «Чосон Тангуна» и датируется 2333–1122 гг. до н. э. Вот краткое изложение мифа о Тангуне⁵.

Жил некогда Хванин, повелитель Небес, и был у него сын Хванун, который решил жить среди людей. Тогда Хванин высмотрел на земле гору под названием Тхэбэк [находится на территории Корейского полуострова], вручил сыну три небесные печати и послал управлять людьми.

Действительно, Хванун спустился на землю вместе с 3000 человек и основал столичный город Синси [названия города в русском переводе нет; дословно означает «Город духов»]. Там он управлял как главными духами природы — Ветра, Дождя и Облаков, так и делами людей: ростом злаков, судьбой людей, их болезнями, добром и злом — всего 360 видами дел, по одному для каждого дня года.

В то время жили в одной пещере медведь и тигр, которые очень хотели превратиться в людей и молили об этом Хвануна. Хванун предоставил им такую возможность, обязав выполнить условие: дал по стебельку полыни и по 20 чесночин и повелел 100 дней не показываться на солнце. Только медведю удалось выполнить поставленные условия, и он превратился в женщину.

---

⁵ Полный текст перевода на русский язык см.: Корейские предания и легенды из средневековых книг. М., 1980. С. 37–38.

Естественно, что женщина хотела иметь ребенка, молила духов, но ничего не получалось. И тогда Хванун «обернулся человеком», взял ее в жены, и она родила сына, которого назвали Тангун-Вангом [о значении имени Тангун будет сказано особо чуть ниже. Иероглиф «ван» означает «правитель, король», «гом» — «бережливый, простой»].

На 50-м году правления китайского императора Яо (2333 г. до н. э.) Тангун основал столицу в крепости Пхеньян, а страну назвал Чосон [что значит «Утренняя свежесть»]. Через некоторое время столица была перенесена в город Асадаль [переводят как «Восточная (или утренняя) гора»; точное местоположение неизвестно]. Так Тангун правил Чосоном 1500 лет.

Так было до тех пор, пока в год зайца (1122 г. до н. э.) китайский правитель новой династии Чжоу — Ху-ван не пожаловал некоему Цзи-цзы [корейское прочтение имени Кичжа] земли в стране Чосон.

В результате Тангуну пришлось перенести столицу в город Чандангён [предположительно в горах Кувольсан провинции Хванхэ]. Сам Тангун возвратился в Асадаль, где и покинул мир людей в возрасте 1908 лет, став горным духом.

Ничего более о Чосоне Тангуна в «*Самгук юса*» не говорится, и ученым приходится воссоздавать картину событий, исходя из данных археологии, а также кратких упоминаний в древних китайских источниках.

Можно ли говорить о том, что Чосон Тангуна был государственным образованием? Напомним, что, по мнению большинства ученых, кроме историков КНДР, бронза появилась на Корейском полуострове и к северу от него не ранее X в. до н. э., а железо — лишь на рубеже IV–III вв. до н. э. При этом сельскохозяйственные орудия оставались каменными до конца I тысячелетия до н. э. Культура разведения риса проникла на полуостров в VIII–VII вв. до н. э. Выше мы уже упоминали о значении рисоводства и использования металлических орудий труда для процесса образования государства. Поэтому, на наш взгляд, вряд ли можно говорить о государственности на Корейском полуострове и территориях, граничащих с севера, в III — конце II тысячелетия до н. э.

Действительно, большинство историков склоняются к тому, что образование *государства* Древний Чосон произошло лишь в I тысячелетии до н. э. В конце 1990-х годов южнокорейская историография датировала время формирования государства V–IV вв. до н. э., российские же историки относят его к рубежу VIII–VII вв. до н. э. и позже. Даже в КНДР до 1993 г. признавалось, что население, на

основе культуры которого строилось государство Чосон, этнически оформилось ко II тысячелетию до н. э., а о государственности можно говорить лишь с первой половины I тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют археологические находки и данные китайских исторических описаний.

С 1993 г. северокорейская позиция относительно Чосона Тангуна изменилась коренным образом⁶. В 1993 г. руководитель КНДР Ким Ирсен дал указание избавиться от искажений родной истории, произошедших по вине «японских продажных ученых», неверно излагавших историю Кореи в годы японской колонизации. Указание было выполнено, и вскоре в результате раскопок в 30 км к северо-востоку от Пхеньяна у горы Тэбак «обнаружили» гробницу Тангуна, в которой были найдены «останки» Тангуна и его жены. В результате физико-химического анализа возраст костей был датирован 3018 г. до н. э. Таким образом, для ученых КНДР, возможно, поневоле личность Тангуна стала не мифологической, а исторической. Наверное, существует немало способов оспорить эти результаты. Достаточно указать на «реконструированные» скелеты Тангуна и его жены, форма которых свойственна скорее индоевропейской, а не монголоидной расе (широкие тазовые кости женщины и т. п.). В любом случае, большинство ученых согласны с тем, что говорить о государственности в период Чосона Тангуна не представляется возможным.

Кто же такой Тангун и что означает это слово? «Тангун» — это современное корейское прочтение китайских иероглифов, которыми записывается это имя. В Южной Корее и в России есть немало вариантов дешифровки слова «Тангун». Все их можно свести к обобщающему значению «Небесный князь»⁷. По мнению большинства ученых, Тангун — это, скорее, не имя какого-либо конкретного человека, а название «должности» главы союза племен. Иными словами, на протяжении 1200 лет территорией Чосон правили люди, именовавшиеся «тангунами», или «тангун-вангомами».

Северокорейская историография до 1993 г. также придерживалась схожей точки зрения, утверждавшей, что иероглиф «тан» ука-

⁶ Подробнее см.: Тангун — родоначальник Кореи. Пхеньян, 1994.

⁷ В случае с Древней Кореей значение слова не всегда связано со значением иероглифов, с помощью которых передается его звучание. Нередко китайские иероглифы использовались исключительно для записи звучания корейских слов, вне связи с их значением. Поэтому древние корейские названия часто требуют особой дешифровки.

зывает на одно из названий этноса, населявшего Древний Чосон, а «гун» — обозначение правителя, главы союза племен. Говоря об этносе Древнего Чосона, историки КНДР считают, что большинство его населения составляли народности *е* и частично — *мэж*. Иногда говорят о единой народности *емэж*. Тот фрагмент мифа о Тангуне, где говорится о приходе вместе с сыном Небесного правителя Хвануном (отцом Тангуна) 3000 человек, интерпретируется как отражение процесса перехода протокорейских племен *емэж* из Алтая в Восточную Азию.

Итак, первый период истории Древнего Чосона — Чосон Тангуна, скорее, следует относить к категории «мифическая история». Тогда еще не было государственного образования, но проходил процесс перемещения и консолидации союза племен в районе Корейского полуострова и севернее от него. Возглавлялись союзы племен «тангунами».

Второй период, «легендарный», называется «Чосон Кичжа» и датируется 1122–195 гг. до н.э. Он связан с легендой, следы которой присутствуют в мифе о Тангуне: правитель китайской династии Чжоу (1122⁸–247 гг. до н.э.) У-ван (1121–1116 гг. до н.э.) отдал Чосон в удел некоему Кичжа.

Легенда эта вызывает разноречивые чувства у корейцев. Действительно, если Чосон был отдан китайским правителем китайскому же вассалу, то возникает вопрос: а не был ли Чосон в это время просто-напросто частью Китая? Ведь территориально Древний Чосон находился не только, а иногда и не столько на Корейском полуострове. К тому же Древний Чосон закончил свою историю тем, что вошел в состав Китая. Огромное влияние китайской культуры, в особенности культуры железа, на Древний Чосон не отрицается учеными.

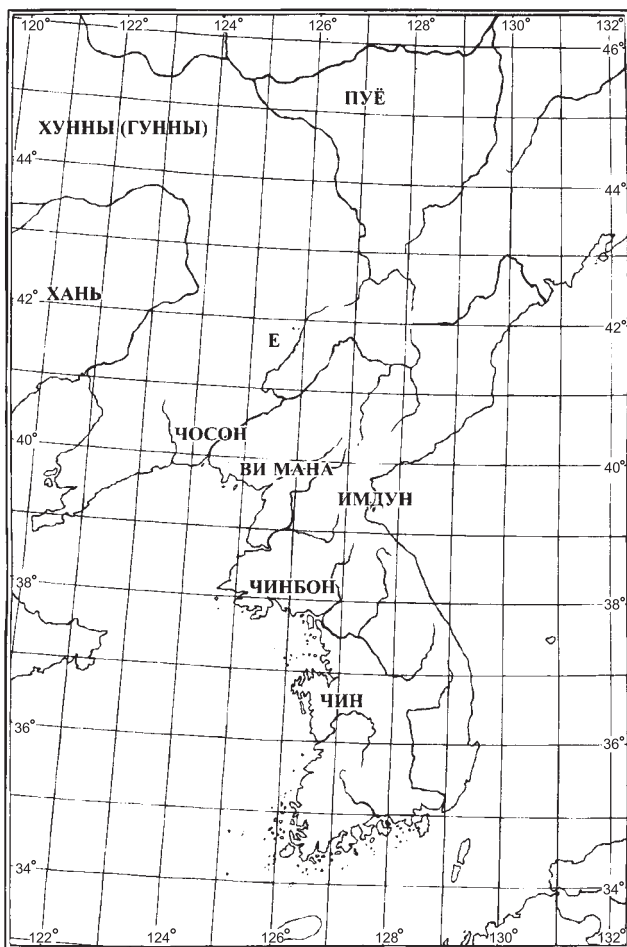
Однако и южнокорейская, северокорейская и отечественная⁹, и историография однозначно отрицают любую возможность положительного ответа на поставленные вопросы. Ведя речь о Чосоне Кичжа, в особенности со второй половины I тысячелетия до н.э., можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что назва-

---

⁸ В настоящее время в научной китаеведческой литературе нет общепринятой точки зрения на дату, с которой следует начинать отсчет правления династии Чжоу. В литературе встречаются также указания на 1134, 1046, 1027 гг. до н.э. (см., напр.: *Кравцова М. Е.* История культуры Китая. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 406).

⁹ Подробнее о государстве Древний Чосон см.: *Бутин Ю. М.* Древний Чосон. Новосибирск, 1982.

Карта № 2. Корейский полуостров и окрестности
в период Чосона Ви Мана

ние «Чосон» обозначало государство (а не, к примеру, союз племен). Этому вопросу будет специально посвящен параграф «Социально-экономическое устройство Древнего Чосона». Кроме того, в многочисленных древнекитайских летописях Древний Чосон упоминается как государство. Перечислим важнейшие из них.

Прежде всего это известные нам «Исторические записки» Сыма Цяня, глава 115¹⁰. «*Гуань-цзы*» (имя собственное) — сводно-энциклопедический текст, составленный в IV–II или V–III вв. до н. э. Авторство приписывается министру древнекитайского княжества Ци — Гуань-чжуну. В летописи, в частности, говорится, что у княжества Ци и Чосона были торговые контакты. «*Шань хай цзин*» («Каталог гор и морей») — сборник географических и мифологических сведений о Древнем Китае и сопредельных территориях, составленный в конце III — начале II в. до н. э. О Древнем Чосоне есть короткое упоминание в конце цзюани (главы) 12. Трактат «*Вэй люэ*» («Краткая история княжества Вэй») относится к IV–III вв. до н. э. Все перечисленные трактаты составлялись во времена Чосона Кичжа, и сведения, представленные в них, можно считать в достаточной степени достоверными.

Третий период истории Древнего Чосона именуется «Чосон Ви Мана» и датируется 194–108 гг. до н. э. С наступлением данного этапа связаны следующие события. В 195 г. до н. э. выходец из китайского княжества Янь — Вэй Мань (в современном корейском прочтении иероглифов имя звучит как Ви Ман) вместе с 1000 своих людей перешел на службу к древнеchosонскому правителю Чун-вану¹¹. В 194 г.

¹⁰ Трактат, опубликованный в русском переводе, см.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) // Памятники письменности Востока, XXXII. Т. 1–4. М., 1980–1986.

¹¹ В отечественной историографии до сих пор нет единства в написании храмовых имен древнекорейских правителей. Дело в том, что имена корейских королей вплоть до X в. заканчиваются словом-слогом «ван», что значит «король», т. е. правитель государства, находящегося в вассальном подчинении к Серединой Империи — Китаю. Поэтому отдельные исследователи изымают из имени слово-слог «ван», считая его не частью имени, а лишь указанием на «должность» правителя. Имя «Чун-ван» они записывают просто как «Чун», добавляя перед ним слово «король», или «ван». Таким образом, пишут «король Чун», или «ван Чун». Мы же считаем слово-слог «ван» частью храмового имени (имени, дававшегося посмертно и становившегося официальным). Во-первых, в корейском языке слог-слово «ван» всегда записывается как часть имени корейских государей. Во-вторых, в той же отечественной историографии аналогичное по своим функциям слово-слогу «ван» слово-слог «чон/чжон», или «чо/чжо» («великий предок»), ставшее частью храмовых имен корейских государей X–XX вв., везде записывается слитно, как часть имени, например, в имени Кочжон (1863–1907)

до н.э. вместе с другими выходцами из китайских княжеств Вэй Мань захватил власть, после чего он, его сыновья и внуки правили в Древнем Чосоне до тех пор, пока император уже объединенного Китая новой династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) У-ди (140–87 гг. до н.э.) не отправил в 109 г. до н.э. в Древний Чосон войска: 50 000 человек по суше и 7000 — по морю. В результате в 108 г. до н.э. Древний Чосон пал, а на его месте были образованы четыре китайских округа: Чженьфань (корейское прочтение — Чинбон), Линьтунь (Имдун), Сюаньту (Хёнтхо) и Лэлан [Лаолан]¹² (Наннан). На этом заканчивается история государства Древний Чосон.

Однако очень много вопросов еще остаются открытыми. Например, вопросы о *времени формирования* государственности в Древнем Чосоне, его культурной принадлежности и степени независимости от Китая. Почему выходец из Китая Вэй Мань (Ви Ман), в принципе, мог «перейти на службу» в Чосон? Не по причине ли культурной близости, если не говорить о большем? И почему китайский император У-ди, правитель династии, *объединившей* Китай, решил присоединить к своей империи и Древний Чосон?

Корейские авторы, что вполне естественно, пытаются доказать обратное. Так, они указывают на то, что когда Ви Ман пришел ко двору Чун-вана, то был одет в чосонские одежды, т.е. являлся чосонцем, проживавшим на территории китайского княжества Янь. И тот факт, что после захвата власти он не сменил название государства, также свидетельствует о его чосонском, а не китайском происхождении.

И тем не менее есть такие вопросы, которые в новейшей историографии уже получили разрешение и, кажется, больше не вызывают споров. Одним из них является вопрос о местоположении Древнего Чосона.

§ 2. О местоположении Древнего Чосона

К настоящему времени сформировались три основные теории, определяющие местоположение государства Древний Чосон.

1. Древний Чосон находился в районе современной китайской провинции Ляонин. Сторонники этой теории исходят из описания

и т.д. Таким образом, элементарное требование универсальности в подходе к принципам записи имен корейских монархов приводит к необходимости восприятия слова-слога «ван» как составной *части имен* корейских правителей.

¹² В отечественной корееведческой литературе китайское прочтение названия округа Наннан нередко передают как «Лолан», что не совсем точно отражает современное китайское произношение.

местоположения Пхеньяна, столицы Древнего Чосона, в китайских хрониках, где говорится, что город находился к востоку (недалеко) от Великой китайской стены. Действительно, в районе реки Ляохэ археологи нашли остатки Великой китайской стены периода династий Цинь (246–207 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Кроме того, в пользу этой теории имеется ряд других свидетельств. В упоминавшемся китайском трактате «Шань хай цзин» сказано, что Чосон находился к востоку от Леяна, т.е. в районе Ляонина, где появились и получили дальнейшее распространение знаменитые чосонские кинжалы в форме лютни *пипха*. Об этом свидетельствуют археологические находки и записи в китайском трактате «Гуань-цзы».

2. Приверженцы второй теории считают, что Древний Чосон находился в северной части Корейского полуострова, а его столица Пхеньян была построена на реке Тэдонган, т.е. местоположение древнечосонского Пхеньяна совпадает с местоположением современного Пхеньяна — столицы КНДР. Аргументы тех, кто придерживается второй теории, строятся на определении местоположения реки, на которой стояла столица Древнего Чосона. Тогда река называлась не Тэдонган, а Пхэсу. Существуют поздние китайские записи, относящиеся к концу V — началу VI в. н.э. и указывающие местоположение реки. Записи были сделаны со слов посла корейского государства Когурё, который в то время посещал китайское государство Северная Вэй. Его описания однозначно указывают на современную реку Тэдонган и на гору Тэсонсан, находящуюся в предместьях Пхеньяна. Еще одним аргументом сторонников второй теории является то, что образованный после покорения Древнего Чосона округ Наннан, и в особенности входивший в этот округ уезд Чосон, бесспорно, соотносятся с бассейном реки Тэдонган.

3. В результате возникновения представленных двух теорий, а также дополнительного изучения источников появилась третья теория, совмещающая в себе эти две. Суть ее состоит в том, что территория Древнего Чосона вместе с его столицей перемещалась. Сначала центр Древнего Чосона находился в районе современной китайской провинции Ляонин. Затем в результате военного конфликта с китайским княжеством Янь в IV–III вв. до н.э. центр государства вместе со столицей переместился в северную часть Корейского полуострова, в бассейн реки Тэдонган. При этом Древний Чо-

сон потерял около 2000 *ли*¹³ своих территорий к западу. В пользу этой теории, в дополнение ко всем аргументам, изложенным выше, говорит тот факт, что для культуры Древнего Чосона характерны кинжалы в форме лютни *пипха* и тонкие кинжалы *се*. Центр распространения первых — Ляонин, а вторых — бассейн реки Тэдонган.

На наш взгляд, последняя из упомянутых теорий представляется наиболее логичной и доказанной. И тем не менее еще не все «точки над *i*» оказываются расставленными. Например, говорят, что во времена Ви Мана Древний Чосон вел активную военную деятельность в разных направлениях с целью расширения своих территорий, в результате чего к нему были присоединены районы, именовавшиеся Чинбон и Имдун (в дальнейшем соответственно китайские округа Чженьфань и Линьтунь). В южнокорейской литературе местоположение Чинбона определяется к северу от реки Ханган. Крупнейший отечественный специалист по истории Древнего Чосона Ю. М. Бутин полагает, что округ Чинбон располагался за пределами Корейского полуострова: к северу от реки Амноккан. В южнокорейских работах Имдун обозначен в районе современной провинции Южная Хамгён, в то время как, по мнению Ю. М. Бутина, округ Имдун находился несколько южнее: юг провинции Южная Хамгён — север провинции Канвон. Возможно, причина таких несовпадений состоит в том, что месторасположение китайских округов отличалось от положения районов с тем же названием во времена Древнего Чосона. Возможно, причина разногласий — в неточности информации¹⁴.

§ 3. Социально-экономическое устройство Древнего Чосона

Социально-экономическое положение Древнего Чосона следует рассматривать в зависимости от периодов его истории. Помимо известных нам периодов — Чосона Тангуна, Чосона Кичжа и Чосона Ви Мана — в научной литературе также встречается деление истории Древнего Чосона на ранний период — время становления госу-

¹³ Традиционная мера длины; на протяжении истории Кореи имела незначительные различия. В эпоху Трех государств (I в до н. э. — VII в. н. э.) 1 *ли* равнялся 372,67 м, в середине XV в. — 374,3 м. В настоящее время 1 *ли* соответствует 392,7 м.

¹⁴ Подробнее о дискуссиях относительно местоположения четырех китайских округов на территории Древнего Чосона см.: Бутин Ю. М. Корея: от Чосона к Трем Государствам. Новосибирск, 1984.

Модель колесницы государства Древний Чосон

дарственности, и поздний — история *государства* Чосон. Социально-экономическое устройство удобнее рассматривать исходя из второй периодизации истории Древнего Чосона.

О раннем периоде известно крайне мало. Его изучение затрудняется рядом научных дискуссий. Во-первых, это споры о социально-экономическом строе Древнего Чосона. Что следует рассматривать: признаки формирования рабовладения или некоей ранней формы «государственного феодализма»? Во-вторых, это споры о культурной и этнической принадлежности Древнего Чосона: путь *самостоятельного* формирования государства или путь заимствования культуры и государственных структур из соседнего Китая? Мы примем следующую условную концепцию развития Древнего Чосона, с которой, вероятно, согласится большинство исследователей ранней Кореи: формирование государственности Чосона происходило самостоятельно, но при сильном влиянии китайской культуры. Рабовладение отсутствовало (речь о формационной принадлежности Древнего Чосона пойдет чуть ниже). Время складывания государственности — примерно V–IV вв. до н. э.

В ранний догосударственный период население Чосона проживало в сельских общинах. Уже тогда среди населения сформировались устойчивые верования в духов предков, а также в духов солнца, неба, воды. Вера в духов предков вообще имеет особое значение как для

Кореи на протяжении всей ее истории, так и для Дальнего Востока в целом. Достаточно сказать, что вера эта по сей день не исчезла ни в сильно христианизированной Южной Корее, ни в «коммунистической»¹⁵ Северной Корее.

В догосударственный период происходило формирование экономических, политических и военных организаций, по мнению отечественных исследователей, в виде образования укрепленных городов и подчиненных им территорий с сельским населением.

О позднем периоде наиболее достоверно известно по последним десятилетиям истории Древнего Чосона. Речь идет о времени правления государя Уго-вана, который не смог защитить столичный город Вангомсон¹⁶, и страна была покорена Китаем династии Хань. В частности, при именах ближайших подданных Уго-вана встречаются термины, совпадающие с наименованием чиновничьих должностей в Китае. Например, *сан* — «министр», *чангун* — «полководец, генерал», *пакса* — «доктор наук, наставник, ученый советник», *тэ-син* — «великий сановник» и т. д. Известна история, когда «чосонский министр Ёкке[гён], будучи отвергнутым государем Уго-ваном, взял с собой 2000 дворов населения и ушел на юг», в «государство» Чингук. Поэтому многие ученые считают, что в то время в Древнем Чосоне существовал развитый государственный аппарат. По мнению других исследователей, все эти названия указывают не на классические чиновничьи должности развитого государственного аппарата, характерные для соседнего Китая, а лишь на то, что при дворе находились представители крупных родоплеменных структур, участвовавшие в процессе управления подчиненными территориями, которые именовали себя «министрами» и «генералами», но реально таковыми не были.

Бесспорным является то, что в Древнем Чосоне существовало классовое расслоение. Об этом, в частности, свидетельствуют раскопки чосонских погребений, в которых находят множество всевозможных украшений и прочих дорогих предметов. К 1979 г. северо-корейские ученые насчитывали до 46 мест археологических раскопок на Корейском полуострове и в китайской провинции Ляонин, относящихся к Древнему Чосону.

Китайская «История династии Хань» («*Хань шу*», I в. н. э.) в главе 28 сообщает, что в Древнем Чосоне существовал некий уголовный

¹⁵ Называть КНДР 1990–2000-х годов «коммунистическим государством» не совсем корректно (подробнее см. в соответствующих разделах настоящей книги).

¹⁶ Корневое слово-слог «сон» означает «укрепленный город, крепость».

кодекс под названием «Восемь запретительных статей». Текст трех из них дошел до наших дней.

1. Совершивший убийство сразу карается смертной казнью.
2. Причинивший ранение сразу выплачивает компенсацию зерном.

2. Совершивший воровство мужчина становится рабом в доме потерпевшего, его жена и дети становятся домашними рабами. Желаящие выкупить себя могут сделать это за 500 000 [монет] за человека.

Не так просто прокомментировать эти три статьи кодекса. Например, как показывает дальнейшая история Кореи, вплоть до XVIII–XIX вв. попытки ввести в стране денежное обращение заканчивались неудачно. Можно сказать, что до указанного времени в Корее не было денег в современном понимании. Поэтому, на наш взгляд, в «Восьми запретительных статьях» речь идет об «импортных» китайских деньгах. (Выше мы уже упоминали о том, что после IV в. до н. э., т. е. после становления государственности Древнего Чосона, на севере Корейского полуострова циркулировали монеты китайского княжества Янь.)

Бесспорно то, что древнеchosонский уголовный кодекс указывает на существование классовой верхушки, которая владела всем основным богатством, т. е. землей и рабами, и, очевидно, являлась главой больших или малых общинных объединений. Был ли Древний Чосон рабовладельческим обществом? Некоторые отечественные исследователи (в частности Ю. М. Бутин) и историки КНДР отвечают на поставленный вопрос положительно. Южнокорейские ученые считают наоборот и объясняют свою позицию исходя из следующих аргументов: во-первых, в Древнем Чосоне не было развитой товарно-денежной экономики, необходимой для рабовладельческого строя; во-вторых, не получили развития большие города, и, в-третьих, рабы не участвовали в процессе производства. Рабы были в основном домашними, в то время как производством занимались свободные общинники. Мы склоняемся ко второй точке зрения. К тому же и мировая историческая практика показывает, что «классическое» рабовладельческое общество — явление скорее исключительное, нежели обязательное и типичное.

Итак, в 108 г. до н. э. государство Чосон завершило свое существование. На его месте образовались четыре китайских округа: Чинбон, Имдун, Хэнтхо и Наннан.

На три из четырех поставленных вопросов нам удалось найти более или менее приемлемые ответы. Открытым остается и, наверное,

останется еще надолго вопрос об этнокультурной принадлежности Чосона. Для решения его весьма полезным может оказаться знание того, как сами корейцы на протяжении своей истории воспринимали Древний Чосон.

§ 4. История восприятия Древнего Чосона в Корее

Во времена Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла), история первых двух из которых завершилась в VII в., хотя и существовали сведения о том, что некогда в старину было государство, именовавшееся Чосон, их правители не считали себя его преемниками (преемниками Тангуна), а думали, что все они являются потомками *небесных* существ, спустившихся на землю и положивших начало каждому из трех самостоятельных государств.

В период Объединенного Силла (VII–X вв.) отношение к Чосону осталось прежним. Однако у населения Корейского полуострова начало формироваться сознание того, что оно имеет единые корни, общую культуру. В наибольшей степени этническое самовосприятие стало проявляться к концу Объединенного Силла. Тогда все население Кореи именовало себя народом Трех Хан — трех «протогосударств», существовавших на юге Корейского полуострова в конце I тысячелетия до н. э. В других сопредельных с Кореей странах ее также именовали как Три Хан.

В эпоху Корё (X–XIV вв.) осознание этнического единства и общности корней стало глубже. Однако еще не говорится о том, что Древний Чосон как-то связан с последующей историей корейских государств.

Перелом наступил в XIII в., что отражено в таких памятниках, как «*Самгук юса*» («Достопамятные события Трех государств») или «Чеван унги» («Рифмованные записи о королях и императорах»). Тогда впервые проявилась линия преемственности: Чосон — Три Хан — Три государства. По-видимому, новое историческое самосознание было вызвано монгольской военной агрессией и последовавшим воцарением в Китае — «Серединном государстве», т. е. «центре Вселенной», — «варварской» монгольской династии Юань. Возможно, тогда корейцы решили, что именно они должны стать «центром Вселенной» как *единственное* государство, сохранившее древнюю культуру и основы классической цивилизации. Поэтому появилась необходимость обоснования «перемещения» центра Вселенной в Ко-

рею, а значит, и поиска таких же глубоких *собственных* исторических корней, которые имел Китай.

Возможно, наши предположения относительно теории «перемещения центра Вселенной в Корею» несколько преждевременны для XIII в. Однако именно такие процессы охватили Корею времен последующей династии Ли (XIV–XX вв.). В 1644 г. в Китае воцарилась еще одна «варварская» маньчжурская династия Цин. Это способствовало появлению (или возрождению) «теории перемещения Серединного государства в Корею». Тогда же наблюдалась новая волна интереса к собственной корейской истории, попыток проследить исторические корни как можно дальше в глубь веков. Именно с этого времени, т.е. с XVII в., формируется четкая линия исторической преемственности: Чосон Тангуна — Чосон Кичжа — Чосон Ви Мана — Три Хан — Три государства и т. д.

§ 5. Судьба четырех китайских округов на территории Древнего Чосона

В какой степени Древний Чосон объективно связан с последующей историей Кореи? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к судьбе четырех *китайских* округов, образованных на территории Чосона после его падения в 108 г. до н. э.

Уже в 82 г. до н. э. были упразднены округа Чинбон и Имдун. Случилось это из-за непокорности местных народов китайскому владычеству. Китаю частично пришлось отказаться от контроля над этими территориями, некоторые из них вошли в состав оставшихся двух округов — Наннан и Хэнтхо¹⁷. Таким образом, после 82 г. до н. э. у Китая осталось всего два округа на месте бывшего Чосона, но их территориальные границы были непостоянны. Так, в 75 г. до н. э. часть населения местной народности *е* из-за постоянных военных столкновений с Китаем ушла в Маньчжурию, а территория их проживания — часть бывшего округа Имдун — была присоединена к Наннану.

В 30 г. до н. э. в округе Наннан выходец из местного населения, очевидно представитель высшего сословия, Ван Чжо убил китайского наместника и попытался избавиться от китайского контроля. Ему удалось удерживать власть в течение семи лет, после чего восстание было подавлено.

¹⁷ Иногда название округа Хэнтхо по-русски пишут как Хэндо.

В 204 г. н. э. в связи с необходимостью сдерживания военной активности населения юга Корейского полуострова на территории бывшего округа Чинбон уже независимым от центра китайским правителем Ляодуна был образован новый округ — Тэбан¹⁸. В 313 г. все три округа — Наннан, Тэбан и Хёнтхо — были покорены новым корейским государством Когурё.

Итак, на протяжении более чем 400-летней истории китайских округов управляли ими исключительно китайцы. Жили в округах как китайцы, так и чосонцы и их потомки. Китайское население округов принадлежало не только к высшему сословию, встречались китайцы-торговцы и даже простолюдины, занимавшиеся, к примеру, заготовлением древесины. Об участии китайского населения в сельскохозяйственных работах сведений не сохранилось. Также трудно сказать что-либо определенное о социально-экономическом устройстве китайских округов.

Китайская культура оказала огромное влияние на указанные территории. Из округов она передавалась южнее и сыграла большую роль в формировании древних корейских государств Когурё, Пэкче и Силла.

Наннан, Хёнтхо, Тэбан (а ранее — Чинбон и Имдун) были более развитыми государственными образованиями, чем Древний Чосон. В уголовном кодексе округов насчитывается до 60 статей. Однако, по мнению южнокорейских ученых, сформировавшаяся в этом регионе так называемая «культура Наннана» была сугубо китайской и не имела отношения к Чосону. Вопрос об этнокультурной принадлежности Древнего Чосона и его связи с историей древних корейских государств по-прежнему остается открытым.

Глава 3. ПРОТОГОСУДАРСТВА ПУЁ И ТРИ ХАН

В то время как в северной части Корейского полуострова со 108 г. до н. э. по 313 г. н. э. на месте Древнего Чосона находились китайские округа, на территориях к *северу* и к *югу* от округов начинался процесс формирования (генезиса) древних корейских государств —

---

¹⁸ Ряд историков отвергают теорию южного местоположения Чинбона.

Когурё, Пэкче и Силла. Мифологические¹⁹ даты их основания — соответственно 37, 18 и 57 гг. до н. э.

Однако, как указывают исторические источники, Когурё, Пэкче и Силла возникли не просто из союзов племен, проживавших на соответствующих территориях. У Трех государств были свои «предшественники», которых современники, т. е. китайцы, с уже сложившейся к началу I тысячелетия культурой историописания называли «государствами» *го*. Являлись ли они действительно государствами, или сильными союзами племен с элементами государственных структур — по этому поводу единого мнения нет и пока быть не может из-за недостаточности фактического материала.

В то же время теория связи истории Пуё и Трех Хан с историей Трех государств — Пэкче, Когурё и Силла, подобно теории преемственности Древнего Чосона и Трех государств, сформировалась довольно поздно, только в XIII в.

§ 1. История Пуё

Пуё — протогосударство²⁰, возникшее в бассейне реки Сунгари с центром в районе современного Харбина, т. е. в Северо-Восточном Китае, вдали от территории современной Кореи.

В таком случае стоит ли вообще говорить о Пуё? Стоит, и для этого есть по меньшей мере несколько причин. Во-первых, мифы об основателях Пуё и древнекорейского государства Когурё очень похожи, что дает основание говорить о родственности или взаимосвязи двух культур. (Существует мнение, что пуёский миф возник даже позднее когурёского, несмотря на то что Когурё образовалось позже.) Во-вторых, во многих исторических источниках прослеживается прямая связь между культурами Пуё и Когурё. В-третьих, население Пуё состояло в основном из народности *е*, к которой со временем добавилось большое число переселенцев народности *мэж*. Со временем эти две народности слились в единое целое. Народности *е*, *мэж*, или *емэж*, составляли основу населения как Древнего Чосона, так и впоследствии Когурё.

¹⁹ В научных кругах можно столкнуться с точкой зрения, признающей эти даты не мифологическими, а историческими.

²⁰ Здесь и в дальнейшем термин «протогосударство» будем употреблять в значении «союз племен с элементами государства» или «государство на ранних этапах формирования».

Впервые слово *пуё* в отношении населения Северо-Восточного Китая упоминается в связи с событиями IV в. до н.э. и зафиксировано в «Исторических записках» Сыма Цяня. Считается, что протогосударство Пуё оформилось ко II–I вв. до н.э. Правители Пуё в то время именовались *ванами*.

Название «Пуё» интерпретируется по-разному. Одни полагают, что слово *пуё* восходит к тунгусскому слову *bu-yu*, означающему «олень», и соотносят его с названием гор, у подножия которых жили пуёсцы. По-китайски эти горы называются «Лушань», т.е. «Оленьи горы». Другие считают слово *пуё* родственным корейскому слову *поль*, что значит «равнина»: пуёсцы жили на равнинной местности.

Сохранилось не так много сведений из истории протогосударства Пуё. Большую их часть мы можем почерпнуть из китайских исторических хроник. Перечислим наиболее значимые из событий, сведения о которых сохранились до наших дней.

В 49 г. н.э. пуёский ван отправил в Китай династии Поздняя Хань (23–220 гг.) посла, после чего между Китаем и Пуё установился ежегодный обмен посольствами. В 111 г. пуёский ван снарядил в военный поход 7–8-тысячное войско в китайский округ Наннан. (Интересно, что в начале первого тысячелетия Наннан иногда назывался не «округом» — *цзюнь*, а государством — *го*). В 120 г. известнейший пуёский ван Вигутхэ отправил своего сына в Китай для представления к императорскому двору, а в 122 г. лично возглавил войско, посланное в округ Хёнтхо для умирения непокорного местного населения. В 494 г. история Пуё закончилась присоединением его территории к корейскому государству Когурё.

Каким было административно-политическое устройство Пуё? По сообщениям из истории китайского княжества Вэй — «Вэй чжи», известно, что у пуёского вана был королевский дворец или нечто подобное ему. При погребении пуёских ванах использовали яшмовые гробы и рядом могли хоронить до 100 человек «прислуги». Все это свидетельствует о могуществе пуёского вана. Однако власть его не была абсолютной, и в управлении протогосударством была достаточно велика роль глав родоплеменных союзов, проживавших на территории Пуё. Действительно, при наследовании власти либо «престол» передавался законному сыну, либо собрание глав родоплеменных союзов избирало другого вана.

Причин для переизбрания верховного правителя могло быть множество. По пуёским представлениям, если страну постигали разрушительные бедствия, например засуха или наводнение, или неуро-

жай, то причиной всему являлся ван, который «плохо» осуществлял связь земного мира с небесным или же по тем или иным причинам был просто неугоден Небесам²¹. В таком случае выбирали нового вана, а старого могли умертвить, если его вина представлялась очевидной.

Китайские историописания сообщают, что при «дворе» пуёских ванов были сановники. Однако это не позволяет говорить о развитии государственном аппарате. Причиной для подобной оценки служат наименования «должностей», такие как, например, *уга*, *мага*, *куга* и т. п. «У» значит «корова», «ма» — «лошадь», «ку» — «собака». Существует точка зрения, утверждающая, что такие названия «должностей» указывают на род занятий пуёсцев. На наш взгляд, такие «должности», скорее всего, связаны с родоплеменными отношениями и, возможно, обозначают животных-тотемов какого-либо рода, глава которого находился при «дворе» пуёского вана.

В протогосударстве Пуё существовал свод законов, напоминавший древнечосонский: 1) убийца карался смертной казнью, а его родственники обращались в рабов; 2) вор должен был возмещать материальный ущерб потерпевшему.

Население Пуё, главным образом крестьяне, среди которых имелись как зажиточные, так и беднейшие, проживало в поселках *ымнак*²². Бедных было большинство. Крестьяне платили налоги и выполняли трудовую повинность. Иногда по призыву глав «сильных семей» (родоплеменных объединений) они могли участвовать в боевых действиях. Таким образом, если верить сообщениям источников, на низшем уровне в Пуё обнаруживались элементы раннефеодального государства дальневосточного типа.

Однако протогосударству Пуё не суждено было долго существовать по причине географического положения. Пуё было первым «буферным» протогосударством, располагавшимся между кочевыми племенами на северо-западе и Китаем и Корейским полуостровом

²¹ Подобное представление о роли верховного правителя, его связи с Небом, о периодическом выражении Небесами своего недовольства и возможности заменять отдельного правителя или целую династию сохранялось на протяжении всей истории Кореи (а также Китая и ряда сопредельных стран), по меньшей мере, вплоть до начала XX в.

²² Термин *ымнак* представляет интерес с этимологической точки зрения. Первая его часть «ым», или «ып», в дальнейшем приобрела значение «уездный город». Вторая часть «нак», или «ак», «рак» (чтение иероглифа может быть различным в зависимости от положения слога в слове), имеет значение «поселок», «деревня».

к югу и юго-востоку. В III в. н. э. сильнейший удар по Пуё нанесли племена *сяньби*. Набеги сяньби повторялись неоднократно. Пуё терпело поражение за поражением. Пуёские ваны кончали жизнь самоубийством. Племена сяньби захватывали множество пленных, иногда до 50 000 человек за один поход. Для ранней истории это поистине огромное количество. Поэтому, когда в 494 г. Пуё было присоединено к Когурё, это уже было не сильное раннегосударственное образование, а бедная территория, с трудом управлявшаяся ослабевшей центральной властью.

Итак, в связи с генезисом государств на Корейском полуострове и историей Пуё возникает один очень важный и непростой вопрос о местоположении будущего государства Когурё: если территории китайских округов на северо-западе Корейского полуострова (бассейн реки Тэдонган) были присоединены к Когурё только в 313 г., а удобная для проживания долина реки Сунгари (Пуё) — только в 492 г., то где же зарождалось *корейское* государство Когурё? Ведь к югу от Тэдонгана образовывались государства Пэкче и Силла. Уж не в горных ли районах к северу от Корейского полуострова? Ответ на этот вопрос мы дадим в следующей главе. А пока обратим внимание на южную часть Корейского полуострова.

§ 2. Чингук и Три Хан: Махан, Пёнхан, Чинхан

Если о протогосударстве Пуё, несмотря на его предполагаемые этнокультурные связи с Когурё, можно сказать, что оно не являлось *генетическим* предшественником какого-либо из Трёх государств, то ситуация на юге Корейского полуострова была иной. Из его протогосударственных образований непосредственно выросли государства Пэкче и Силла.

Сначала обратимся к протогосударству **Чингук**, или **Чин**²³. В южнокорейской историографии о Чингук говорится как бы вскользь. Его именуют даже «государством», но очень маленьким, одним из большого числа мелких союзов, находившихся на территории будущего протогосударства Махан.

Историки Северной Кореи уделяют Чингук гораздо больше внимания. Трудно сказать, насколько их позиция обоснованна, но она достаточно любопытна и с нею стоит ознакомиться.

²³ Вторая часть имени Чингук — «гук» (китайское прочтение иероглифа «го») как раз и значит «государство», поэтому некоторые европейские ученые слог «гук» в название протогосударства не включают.

В КНДР считают, что Чингук было государством и образовалось в IV в. до н.э. В китайском сочинении IV–V вв. «История поздней династии Хань» (*Хоу хань шу*) северокорейские ученые находят свидетельства того, что Чингук занимало огромную территорию юга Корейского полуострова — территорию, которую в дальнейшем займут все три протогосударства Махан, Пёнхан и Чинхан. Чингук существовало вместе с Древним Чосоном и, возможно, имело с ним какие-то отношения. У Чингук была своя столица — город Вольчжигук.

Особый интерес северокорейской историографии к Чингук становится понятным после ознакомления с теорией исчезновения этого протогосударства. Оно не погибло. Просто все жители Чингук мигрировали на Японские острова, став этнокультурной основой для формирования древнейшей японской культуры Яёи. В принципе, в научной японоведческой литературе никто не отрицает тот факт, что «континентальная культура», т.е. культура Китая, пришла в Японию через Корею и даже «в корейской редакции». Однако северокорейская теория истории Чингук, наверное, чересчур преувеличивает роль Древней Кореи, настаивая на том, что не только в японской культуре, но и в японском этносе нет ничего, что изначально не было бы корейским²⁴.

Соответственно, после такого «естественного» исчезновения государства Чингук на его месте образовались Три Хан.

Отечественные и южнокорейские историки считают, что название Чингук появилось в китайских исторических источниках во II в. до н.э., т.е. гораздо позже, чем Три Хан. Поэтому Чингук определяется только как один из союзов племен или протогосударств юга Корейского полуострова, достаточно сильный и поэтому известный среди современников.

На рубеже новой эры на юге Корейского полуострова проживало самое разнообразное по этническому составу население: выходцы из племен *мэж*, *е*, *пудэ*, беженцы из Китая. И еще были некие местные народности — обладатели мифа о рождении первых государей из яйца. Однако об их происхождении ничего не известно. Как уже говорилось, отечественные историки предполагают, что это были представители полинезийской этнической ветви.

²⁴ Возможно, данная теория является реакцией на политику культурной ассимиляции, проводившуюся японцами в годы японской колонизации Кореи (1910–1945), и их теорию единых корней японцев и корейцев, где «материнской» культурой, естественно, признавалась японская.

Протогосударство **Махан** занимало район современных корейских провинций Чхунчхон и Чолла. Собственно государства с монархической властью там не было. Имело место лишь то, что по-корейски именуется термином *согук*, т. е. «малые государства». Напомним, что в китайской историографии термин *гук* (или по-китайски — *го*) мог употребляться для обозначения сильных союзов племен. Самым сильным союзом племен был Махан. Источники свидетельствуют, что в разное время от 12 до 60 «малых государств» подчинялись Махан. В начале I тысячелетия н. э. на территории союза племен Махан стал возвышаться союз («малое государство») Пэкче. Союз племен Махан был покорен Пэкче в 8 г. Остальные союзы племен, некогда подчинявшиеся Махан, постепенно покорялись Пэкче вплоть до конца III в.

Главным занятием жителей Махан, так же, как и жителей соседних протогосударств Чинхан и Пёнхан, было поливное земледелие — рисоводство; главным предметом поклонений — Небо, для которого по меньшей мере дважды в год в масштабах всего протогосударства совершались церемонии жертвоприношений²⁵. В исторической литературе встречается оценка Трех Хан как раннеклассовых обществ. Однако характер социально-экономического строя не уточняется.

Чинхан было аналогичным Махан объединением «малых государств» и занимало район современной провинции Кёнсан. Состояло примерно из 10 союзов племен и оформилось ко II в. до н. э. Есть сведения, что одно время Чинхан даже подчинялся Махан, но это длилось совсем недолго. В дальнейшем одно из чинханских «малых государств» — Саро (Силла) стало набирать силу, независимость и постепенно подчинять окружающие союзы племен. Таким образом происходило становление государства Силла. Жители Чинхан за-

²⁵ Для российского читателя по известным причинам понятие «жертвоприношение» обычно ассоциируется с чем-то кровавым. В странах Дальнего Востока жертвоприношение, если можно так выразиться, более гуманно. Человеческих жертв, насколько нам известно, не приносилось вообще. Животные, главным образом домашние, могли быть частью жертвенного стола и, как показывает древнекорейская мифология, скорее всего и были на ранних этапах истории. Однако в дальнейшем главным предметом жертвоприношения становится рис. Суть церемонии вкратце можно выразить следующим высказыванием: «Накормить божество или какой-либо дух, а затем самому вкусить трапезу с жертвенного стола, «оставшуюся» после вкушения духом и как бы «даваемую» этим самым божеством или духом» (подробнее см.: Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997).

нимались земледелием, как поливным, так и суходольным, и даже разведением тутового шелкопряда (производили шелк).

Пёнхан объединял 12 «малых государств» и занимал район юга современной провинции Южная Кёнсан — бассейн реки Нактонган. Пёнхан возглавлялся протогосударством Пёнчжин-гуягук, которое иногда называли просто Пёнчжин. Как указывают исторические источники, а также данные археологических раскопок, в культурном отношении Пёнхан был очень схож с Чинханом.

Благодаря тому, что в районе Пёнхана имелись богатые месторождения железной руды, там активно развивалось производство железа. Свои изделия из железа Пёнхан экспортировал и в соседний Махан, и в китайский округ Наннан, и в образованный позднее округ Тэбан.

В дальнейшем «малые государства» на территории Пёнхан продолжали существовать независимо примерно до V–VI вв. При этом часть их постепенно присоединялась либо к набирающему силы Пэкче, либо к Силла. Кроме того, из шести «малых государств» Пёнхан образовался союз протогосударств Кая, история которого продолжалась с I по VI в.

Таким образом, в отличие от древнекорейского государства Когурё, начавшего формироваться за пределами Корейского полуострова и лишь впоследствии присоединившего китайские округа Наннан и Хёнтхо с их населением и старой «китайско-чосонской» высокоразвитой культурой, государства Пэкче и Силла выросли непосредственно из протогосударств Махан, Пёнхан и Чинхан.

Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ: КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА В I–IV ВЕКАХ

Когурё, Пэкче и Силла — первые три государства Корейского полуострова, с истории которых начинается непрерывная история корейской культуры. Образовавшись почти одновременно, Три государства боролись за гегемонию. В результате победило Силла, объединив страну под своей властью. Все последующие корейские династии были непосредственными преемниками Трех государств.

В научной среде существуют различные точки зрения на время образования Трех государств. В целом их можно свести к двум основным. Первая точка зрения, которой придерживаются по большей части корейские историки, определяет время образования Когурё,

Пэкче и Силла как *государств* рубежом I в. до н. э. — I в. н. э. Причины такого подхода понятны — вполне естественное желание доказать длительность истории корейской культуры. Сторонники этой теории исходят из того, что информация, представленная в «Исторических записях Трех государств» («*Самгук саги*»)²⁶ Ким Бусика (1075–1151), так же, как и в древних китайских исторических сочинениях, имеет реальную основу. Действительно, «*Самгук саги*» — это самый ранний исторический труд о Трех государствах, дошедший до нас. Это также самый полный источник фактической информации. И если не соглашаться со сторонниками данной точки зрения, то тогда текст «*Самгук саги*» придется считать состоящим во многом из мифов, что также маловероятно.

Вторая точка зрения определяет процесс становления государственности в Когурё, Пэкче и Силла как весьма длительный, занявший несколько столетий и завершившийся лишь к III–IV вв. Ее придерживаются отечественные историки. В Южной Корее также можно найти ее приверженцев, но их меньшинство. Так, руководство Центрального государственного (исторического) музея Республики Корея (Южной), который до конца 1990-х годов располагался на территории комплекса построек королевского дворца Кёнбоккун в Сеуле, в 1990-е годы как раз исходило из второй точки зрения, называя время первых веков нашей эры как «Прото-Три государства» («*Вон Самгук*»), за что получало нарекания со стороны ряда южнокорейских историков. Эта точка зрения опиралась на данные археологических раскопок, а также на исторические тексты, такие, как «*Самгук саги*», которые воспринимаются с учетом поправки на время написания труда (XII в.).

Автор настоящей книги склоняется ко второй точке зрения. Скорее всего, процесс формирования государственности, а следовательно, и целостной культуры Трех государств следует рассматривать как длительный, т. е. занимающий первые столетия I тысячелетия н. э. Самые ранние сообщения о Трех государствах из «*Самгук саги*» следует относить к описаниям истории союзов племен с зачатками государственности. То, что в «*Самгук саги*» история Когурё, Пэкче и Силла первых веков нашей эры представляется как история государств, наверное, объясняется поздним (XII в.) написанием

²⁶ Сочинение переведено на русский язык выдающимся отечественным корееведом, историком М. Н. Паком и его учениками и коллегами (см.: Ким Бусик. 1) Самгук саги. Летописи Силла. М., 1959; 2) Самгук Саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М., 1995).

самого памятника и, соответственно, произвольной «подгонкой» сохранившихся к тому времени исторических фактов о прошлом к тогдашним представлениям о единственно возможном государственном устройстве, в рамках которого и жил сам автор. Не следует забывать, что в XII в., т. е. во время написания Ким Бусиком своего сочинения, ни в Корее, ни где-либо в мире еще не существовало представлений о *генезисе* государства.

§ 1. Когурё

Когурё было особым государством среди Трех государств, поскольку в его состав вошли территория, а вместе с ней была воспринята и культура китайского округа Наннан (313 г.), а затем протогосударства Пуё (494 г.). Округ Наннан с китайским населением и высокоразвитой культурой сыграл огромную роль в становлении культуры Когурё²⁷.

До начала IV в. не только в культурном, но и в территориальном плане Когурё было небольшим протогосударственным образованием в среднем течении реки Амноккан. С севера оно было ограничено протогосударством Пуё, а с юга — китайским округом Наннан. Этнической основой Когурё были племена *мэк*. В дальнейшем были присоединены племена *окчо*, *пуё* и др.

Мифическим основателем Когурё считается государь Чумон. Чумон — личное имя, в переводе на русский язык означает «Меткий лучник». Храмовое имя Чумона — Тонмён-ван, т. е. «Светлый государь Востока». Слово «Восток» в данном случае обозначает Корею, поскольку она находится к востоку от Серединой Империи — Китая.

Представим краткое изложение мифа об основателе Когурё²⁸.

Правитель Пуё Хэбуру до старости не имел сына. Поэтому он молил духов гор и рек о наследнике. Однажды около озера Конён он

²⁷ В Центральном государственном (историческом) музее Южной Кореи в одном зале, буквально на соседних витринах, в конце 1990-х годов были представлены золотые украшения, изготовленные в Наннане и соседних протогосударствах Когурё, Пэкче и Силла. Различие между изделиями было таково, что у посетителя музея возникало ощущение, будто украшения эти не были созданы в одно время, а их отделяет друг от друга, по меньшей мере, несколько столетий.

²⁸ Текст этого мифа, как и мифов об основателях двух других древнекорейских государств, известен нам из сочинения Ким Бусика «*Самгук саги*». Это доказывает, что нельзя *весь* текст «*Самгук саги*» воспринимать как *исторический*, а значит, и основывать на нем доказательства длительности *государственной* истории Когурё, Пэкче и Силла.

увидел необычный камень, велел перевернуть его и обнаружил под ним маленького ребенка, похожего на лягушку. Хэбуру решил, что это Небеса посылают ему наследника, и взял мальчика с собой, назвав его Кымва, что значит «золотой лягушонок».

По настоянию своего министра по имени Аранбуль правитель был вынужден перенести столицу на восток и основать там Восточное Пуё. Причиной тому явился сон министра, в котором Небеса повелели ему освободить прежнюю столицу, с тем чтобы Небо смогло послать туда своих наследников и основать новое государство. Действительно, через некоторое время в прежней столице неизвестно откуда появился человек по имени Хэмосу, объявил себя сыном Небесного государя и стал править.

После смерти правителя Пуё Хэбуру его место занял Кымва. Однажды к югу от горы Тхэбэк нашли девушку по имени Юхва («Цветок ивы»), которая говорила, что она — дочь речного владыки Хабэка и что как-то в доме у реки Амноккан человек по имени Хэмосу («небесный» правитель прежнего Пуё, ради которого Хэбуру оставил столицу) овладел ею, за что родители разгневались и выгнали девушку из дома. Кымва решил взять ее с собой и поселил в отдаленном доме, так, чтобы никто не мог ее видеть. Однако лучи солнца постоянно преследовали девушку, и от них невозможно было спрятаться. Под действием лучей она зачала и родила огромное яйцо. Кымва хотел было избавиться от яйца, выбросив его, но птицы и животные сохранили яйцо. Он хотел сам разбить его, но не смог и, в конце концов, вернул матери. Мать положила яйцо в теплое место, и через некоторое время из него появился красивый мальчик. Он был очень смышленным и хорошо стрелял из лука, поэтому его и назвали Чумон — «Меткий лучник».

У Кымва было еще семеро сыновей, которые испытывали зависть к Чумону и даже боялись его. Они всячески упрашивали отца избавиться от Чумона. Кымва не хотел расставаться с ним. Тогда сыновья и придворные сановники задумали убить Чумона. Об этом узнала мать — Юхва и тайно известила сына. Чумон бежал с тремя друзьями. Погоня не смогла догнать беглецов. Чумон кормил лошадей так, что хорошие лошади выглядели хилыми (они-то и достались Чумону), а плохие — упитанными (на них ездили ван и его приближенные). Ко всему прочему, все живое в природе помогало беглецам. Например, рыбы и черепахи всплыли и выстроились так, что получился мост через реку Ом-хосу, которую пересекал Чумон. Так он достиг местности Чольбончхон, встретив по дороге трех мудрецов, которые стали его сопровождать. Местность ему понравилась, и он решил основать государство, дав ему название Когурё и взяв фамилию Ко. Это было в 37 г. до н. э. Тогда Чумону исполнилось 22 года. Его слава росла,

и правители пограничных с Когурё территорий изъявляли желание подчиниться его власти.

Современные исследователи считают, что миф о Чумоне отражает процессы переселения части племен, населявших протогосударство Пуё, и образования таким образом Когурё — сначала как союза племен, а затем — государства.

Основой формирования государства Когурё послужили пять родовых объединений — *бу*: Сонобу (возможен вариант прочтения как Ённобу), Чоллобу, Суннобу, Кваннобу и Керубу. Упоминания о *бу* встречаются в исторических источниках начиная со II в. до н.э., а именно со 107 г. до н.э. Тогда в среднем течении реки Амноккан после падения Древнего Чосона появилась небольшая область Когурё, в которой проживали пять *бу*. Доминирующее положение занимал род Суннобу, а его глава признавался за вана.

К концу I в. до н.э. во главе когурёских *бу* встал родоплеменной союз Керубу, пришедший, как предполагается, из Пуё, что и отражено в мифе о Чумоне. Тогда глава Керубу стал ваном союза пяти *бу*, а за всем союзом закрепилось название «Когурё» — название местности, где проживал клан Керубу.

Сторонники теории раннего становления государственности в Когурё считают, что ван был не просто главой союза племен, а фактически государем. В качестве аргумента приводят использовавшиеся в Когурё уже на рубеже тысячелетий наименования высших должностей, отчасти напоминающие классические китайские. Например, *санга* — министр или *сачжа* — посланник. В то же время были и такие наименования, которые трудно сопоставить с чем-либо. Например, *кочхуга*, условный перевод — «министр». В данном случае иероглифы, с помощью которых записывается должность, используются как знаки транскрипции вне связи с их значением. Трудно достоверно судить о том, что стояло за этим или другим подобным названием.

С самого начала образования для Когурё было характерно социальное расслоение. Высшее сословие представляли ван, а также *тэ-га* — главы родоплеменных объединений. Основную часть населения составляли крестьяне. Зажиточные слои именовались *хомин*, что значит «зажиточный народ», а бедные крестьяне — *хахо*, т.е. «низшие дворы». С крестьян собирались продукты сельского хозяйства, рыбных и соляных промыслов. Последнее дает основание говорить о ранних формах налогообложения, а значит, и о некоторых элементах государства.

С первых веков своего существования Когурё не избежало столкновений с ближайшими соседями — Китаем и Пуё. Например, в 28 г. ханьский (китайский) наместник Ляодуна напал на Когурё. В 121 г. когурёский Тхэчжо-ван напал на Ляодун и китайский округ Хёнтхо. В 172 г. в правление государя Синдэ-вана имело место вторжение китайских войск в Когурё и т. д.

Однако более всего Когурё конфликтовало со своим северным соседом Пуё. И Пуё, и Когурё, очевидно, находились на соотносимом уровне развития. Поэтому каждое из двух протогосударств могло быть поглощено другим, что и случилось впоследствии. В 6 г. до н. э. из Пуё был снаряжен военный поход в Когурё, в который отправилось 50 000 человек. Во многом из-за зимней непогоды нападавшей стороне пришлось отказаться от продолжения похода. В 13 г. н. э. в правление Юри-вана было успешно отражено очередное нападение пуёсцев. В 21 г. Тэмусин-ван сам отправил войско в поход на Пуё. В 56 г. король²⁹ Тхэчжо-ван напал на земли племен *окчо* и присоединил их.

Излагая раннюю историю каждого из Трех государств, буквально по каждому отдельному событию можно найти ряд фактов, которые либо поддерживают, либо опровергают теорию раннего формирования государственности. К примеру, выше было упомянуто о походе на Ляодун Тхэчжо-вана. Согласно сведениям из «Самгук саги», Тхэчжо-ван правил 94 года (53–145), т. е. жил он около 100 лет, что для ранней истории маловероятно.

Конец II в. н. э. является тем рубежом, когда уже однозначно можно говорить о начале формирования государственности в современном понимании этого термина, что связано с рядом важнейших изменений в административном устройстве Когурё. Пять *бу* были переименованы и получили названия в зависимости от сторон света (в отличие от прежних названий родоплеменных объединений). Так, Керубу стал называться *Нэбу* — «Внутреннее *бу*» (или Хванбу — «Желтое³⁰ *бу*»), Чоллобу — *Пукпу*, т. е. «Северное *бу*» (или Хубу — «Заднее *бу*»), Суннобу — *Тонбу*, т. е. «Восточное *бу*» (или Чвабу — «Левое *бу*»), Кваннобу — *Намбу*, т. е. «Южное *бу*» (или Чонбу — «Переднее *бу*»), Сонобу — *Собу*, т. е. «Западное *бу*» (или Убу —

²⁹ Корейских государей — ванов — в отечественном корееведении также называют словом «король», имея в виду то, что правитель соседнего Китая (Серединного государства) обозначается словом «император» — правитель Поднебесной.

³⁰ Желтый цвет на Дальнем Востоке соотносится с государственной властью.

«Правое *бу*»)³¹. Указанный факт переименования, скорее всего, связан с объединительными процессами, происходившими в Когурё, когда родоплеменные различия стирались и все население становилось более или менее однородным.

Второе изменение произошло в системе наследования «должности» вана. Наследование по линии братьев, когда после прекращения линии наследования ван избирался заново, сменилось на наследование от отца к сыну. Этот факт свидетельствовал об усилении центральной власти.

Однако, на наш взгляд, именно присоединение в 313 г. китайского округа Наннан (образованного в свое время на месте Древнего Чосона) послужило поворотным моментом в формировании государственности Когурё как в территориальном, так и в культурном плане. Говоря о культурном влиянии, основное внимание хотелось бы обратить на значение китайской письменности, которая стала быстрее распространяться с присоединением округа. На протяжении полутора тысяч лет корейскую культуру и корейскую государственность обслуживала исключительно иероглифическая письменность, заимствованная из Китая. Роль письменности в процессе формирования государства — тема для специальных исследований, и мы не будем останавливаться на ней подробно. В любом случае, новый этап распространения иероглифической письменности подготовил почву для принятия буддизма из Китая. В Серединном государстве к тому времени все основные буддийские каноны были переведены на китайский язык. Считается, что буддизм проник в Когурё в 372 г.³² и вскоре стал государственной религией.

Именно в IV в. в Когурё окончательно утвердилось конфуцианство и была основана придворная конфуцианская академия. Конфуцианство служило идейной основой теории государственного управления в Коре.

К V в. Когурё не только окончательно оформилось как государство, занимавшее весь север Корейского полуострова, но и имело развитый аппарат власти, армию, сложившиеся классовые отношения. Описанию этих процессов как в Когурё, так и в двух других корейских королевствах будет специально посвящена глава 5 первой части книги.

³¹ В современном (изначально европейском) представлении о сторонах света север находится сверху, юг — снизу, запад — слева, а восток — справа. На Дальнем Востоке юг находился сверху, север — снизу, запад — справа, а восток — слева.

³² Подробнее об этом см.: часть 1, глава 6, § 1.

§ 2. Пэкче

Государство Пэкче формировалось в бассейне реки Ханган³³. Сначала Пэкче было одним из сильных протогосударственных объединений *гук* в составе протогосударства Махан. Правда, тогда первый слог названия — Пэк записывался другим иероглифом, но это совсем не означает, что речь идет о каком-то другом Пэкче. На ранних этапах использования китайских иероглифов для записи корейских слов иероглифы могли употребляться для передачи фонетического звучания корейского слова независимо от значения.

Затем объединение Пэкчегук покоряло другие соседние *гук*, входившие в состав Махана. Процесс подчинения окружающих Пэкче территорий шел до III в. н. э. Поэтому вряд ли можно считать 18 г. до н. э. временем формирования государства Пэкче. Именно эта дата зафиксирована в легенде о возникновении Пэкче.

Самые старые из дошедших до нас памятников письменности не имеют единства мнений относительно того, кто и каким образом основал Пэкче. Ниже приведем краткое изложение различных вариантов легенды, представленных в «Исторических записях Трех государств» («*Самгук саги*») Ким Бусика³⁴.

Основателем Пэкче был ван Ончжо³⁵. Его отец — Чхумо. Еще имя отца могут записывать как Чумон³⁶. Чумон бежал от преследований из Северного Пуё в государство Чольбон Пуё. Правитель Пуё, имевший не сыновей (т. е. наследников), а только дочерей, женил Чумона на второй дочери. Впоследствии Чумон наследовал престол Пуё. В Чольбон Пуё у Чумона родилось два сына — старший Пирю и младший Ончжо. Через некоторое время к Чумону пришел еще один сын, родившийся ранее в Северном Пуё. Именно он должен был стать наследником Чумона. Тогда Пирю и Ончжо решили отправиться на юг, чтобы поискать там земли для жительства. Так они вместе со своими подданными пришли к реке Хан [нынешняя река Ханган]. Ончжо

³³ На реке Ханган находится столица Республики Корея — Сеул.

³⁴ Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. С. 133–134.

³⁵ До сих пор в отечественном корееведении нет общепринятой нормы передачи звучания корейских слов в кириллице. Например, звучание корейской буквы «ㄷ» в позиции между гласными может передаваться по-русски как «дж» или как «чж». Петербургская школа корееведения придерживается второго варианта, согласно которому имя основателя Пэкче должно писаться как «Ончжо». Автор настоящей книги также в основном следует нормам транслитерации петербургской школы.

³⁶ Имеется в виду тот самый Чумон, который, согласно легенде об основании Когурё, бежал из Пуё и стал первым правителем Когурё.

решил поселиться неподалеку и южнее реки основал столицу Вире, назвав государство как Сипче [или «Десять переселившихся»]. Пирю решил отправиться на берег моря в местность Мичхухоль. Но там почвы были непригодными для земледелия, и Пирю вернулся в Вире, воссоединившись с братом. Страна с тех пор стала называться Пэкче [«Сто переселившихся»]. Фамилия основателей Пэкче была Пуё.

Затем в «*Самгук саги*» вслед за представленной выше легендой следует изложение другой легенды, в общем и целом напоминающей первую. Однако согласно второй легенде, основателем Пэкче был не Ончжо, а Пирю.

Отцом Пирю и Ончжо был представитель королевского рода Пуё — Утхэ. Через некоторое время после рождения сыновей отец умер, и они остались с матерью, которая была родом из Чольбона. Ее звали Сосоно. В это время (37 г. до н.э.) из Пуё в Чольбон бежал Чумон. По прибытии в Чольбон он основал новую столицу и дал название государству — Когурё. Сосоно стала женой Чумона, и он относился к Пирю и Ончжо как к родным сыновьям. Через некоторое время в Когурё прибыл сын Чумона Юри, родившийся ранее еще в Пуё. Поскольку он должен был стать наследником, то Пирю и Ончжо отправились вместе с матерью на юг в местность Мичхухоль [где и было основано государство Пэкче].

Существуют и другие версии легенд об основании Пэкче, дошедшие до нас в текстах китайских исторических источников. Но у них всех есть общий момент: основатель Пэкче имеет родственную связь с Когурё и Пуё — государствами севера Корейского полуострова. Поэтому считается, что большую часть населения Пэкче составляли выходцы из северной части Кореи, и этнические корни у Пуё, Когурё и Пэкче схожи. С другой стороны, учитывая то, что Пэкче при формировании включало в себя и культуру Махана, имевшую в том числе южные корни, можно говорить о двух разных по значимости составляющих культуры Пэкче с доминированием северной ветви.

На раннем этапе формирования государства Пэкче (Пэкчегук), согласно легендам, в нем, очевидно, сначала главенствовало родоплеменное объединение Мичхухоль (Пирю), а затем Вире (Ончжо).

Пик или завершение процесса формирования государственности Пэкче большинство ученых относят к III в. При этом особую роль в становлении государственности они отводят противостоянию с находившимися на севере китайскими округами Наннан и Тэбан. Для того чтобы защитить себя от возможной агрессии с севера, нужно было

обладать сильным войском, подобным войскам этих округов. Требовалось активно перенимать не только систему организации войск, но и государственное устройство в целом. Кроме того, у Пэкче, очевидно, были торговые и культурные контакты с округами Наннан и Тэбан.

Окончательное формирование государственности в Пэкче связывают с правлением короля Кой-вана (234–286). При нем пэкческая армия усилилась настолько, что сама атаковала китайские округа Наннан и Тэбан. В 246 г. в результате очередного похода в Тэбан был убит китайский губернатор этого округа.

В 260 г. Кой-ван ввел 16 чиновничьих рангов и 6 категорий знатности. Одновременно был издан указ об обязательном ношении чиновничьей одежды, имевшей различные цвета в зависимости от ранга. Подобная четко определенная система должностей, во многом копируя китайскую, свидетельствовала о создании или попытке создания сильного государственного аппарата. Ряд корейских историков считают, что это была не чиновничья система в ее развитом виде, а лишь некая «письменная копия», отражавшая переходную ступень между главенствованием родоплеменной знати и зачатками выборности. Сам Кой-ван не являлся наследником предшествовавшей семьи ванов, а был выходцем из другого рода.

В 262 г. в Пэкче были изданы законы о наказании чиновников за взяточничество и воровство. В 280 г. Кой-ван отправил в китайское государство Западное Цзинь послов с целью установления дипломатических отношений.

Расцвет Пэкче приходится на IV в., когда в правление короля Кынчхо-вана (346–375) Пэкче завершило процесс подчинения окружающих территорий (бывшего Махана) и даже начинало снаряжать военные походы против соседних корейских государств. Например, в 370 г. в ходе очередного похода Пэкче против Когурё погиб когурёский король Когутвон-ван. В IV в. территория Пэкче простиралась на юг вплоть до корейского Южного моря³⁷, а на север — до границ с современной провинцией Хванхэ.

В IV в. в Пэкче окончательно закрепилось наследование престола от отца к сыну. Тогда же, согласно преданиям, начало составляться первое, не дошедшее до наших дней пэкческое историописание «*Согу*», т. е. «Летописи», что также свидетельствует о высоком уровне

³⁷ «Южным морем» в Корее, как в Южной, так и в Северной, называют пролив Чечжу и Корейский пролив.

культуры и завершении процесса формирования государственности. В 384 г. в Пэкче официально, на уровне королевского двора, был принят буддизм.

И в заключение хотелось бы обратить внимание на важность географического фактора при рассмотрении исторических процессов. Пэкче обладало самым удобным географическим положением в плане контактов с Китаем. С севера находились китайские округа Наннан и Тэбан, не отделенные от Пэкче естественными преградами. Желтое море, называемое корейцами «Западным морем», обеспечивало кратчайший путь до китайского полуострова Ляодун. Все это не в последнюю очередь обусловило высокие темпы развития государственности Пэкче.

§ 3. Силла

Государство Силла имеет особое значение для истории Кореи. Именно оно оказалось сильнее двух других соседних корейских государств и сыграло роль первого объединителя Корейского полуострова. Создается впечатление, как будто и поныне земля бывшего королевства Силла — юго-восток Корейского полуострова, бассейн реки Нактонган — обладает какой-то особенной силой. Многие политические лидеры, президенты Южной Кореи были выходцами из провинции Кёнсан, совпадающей по территории с королевством Силла периода Трех государств. Самые распространенные корейские фамилии ведут свое начало из Силла.

Согласно легенде о Хёккосе, основателе Силла, это королевство образовалось еще в 57 г. до н. э., т. е. даже раньше, чем Когурё и Пэкче. Однако процесс становления государственности на Корейском полуострове тесно связан с процессом усвоения континентальной китайской культуры (что совсем не отрицает своеобразие всех трех корейских государств). Технологии производства изделий из бронзы и железа пришли в Корею из Китая. То же можно сказать об иероглифической письменности, особую роль которой в становлении государственности мы уже отмечали. Территории будущего королевства Силла были наиболее удалены от Китая в сравнении с двумя другими государствами. Кроме того, на пути к Китаю значительными препятствиями выступали горные хребты Собэк и Тхэбэк. Поэтому можно говорить о том, что на Силла китайское влияние распространилось позднее. Средневековые хроники представляют королевство Силла самым древним из Трех государств. Современные историки

объясняют это тем, что Силла являлось государством, объединившим Корейский полуостров, и, видимо, в средневековых корейских хрониках требовалось доказать право быть лидером: главенствующим может быть только то государство, чья история древнее.

Легенда о Хёккосе, основателе Силла, представленная в «Исторических записях Трех государств» Ким Бусика³⁸, гласит:

Во времена китайской династии Ранняя Хань [206 г. до н.э. — 8 г. н.э.] старейшины шести родов собрались на берегу реки Альчхон и стали думать, как им найти достойного человека на место государя. Поднялись на холм и увидели под горой Янсан клубящийся пар и лошадь, стоящую на коленях и кланяющуюся чему-то. Подошли ближе и обнаружили перед лошадью большое пурпурное яйцо. Лошадь, почуяв людей, заржала и взвилась в небо. Старейшины раскололи яйцо и нашли в нем дивной красоты мальчика, тело которого источало сияние. И назвали мальчика Хёккосе [что скорее всего является корейским словом, означающим «Правление, озаряющее мир»]. Яйцо было похоже на тыкву, а тыква называлась «пак», поэтому родовым именем (т.е. фамилией) Хёккосе стало Пак.

Тогда же, когда было найдено яйцо, в деревне Сарянни у колодца Арён из бока дракона чудесным образом родилась девочка, которую назвали по имени колодца – Арён. Когда Хёккосе и Арён исполнилось по 13 лет, Хёккосе вступил на престол, Арён стала его женой-государыней. Это произошло на первом году правления под девизом У-фэн (китайской династии Хань) [т.е. в 57 г. до н.э.]. Новое государство получило название Сораболь, а Хёккосе стал именоваться «косогоном». Правил Хёккосе 61 год, после чего вознесся на небо. Название государства Силла утвердилось гораздо позже.

Таким образом, и в легенде об основателе Силла Хёккосе, подобно легенде об основателе Когурё Чумоне, мы видим мотивы чудесного рождения первого государя из яйца, что дает основание делать предположения об общих корнях культур Когурё, Пэкче (родственная связь основателей Пэкче с Чумоном) и Силла. Считается, что легенда о Хёккосе появилась в Силла позднее, чем легенды об основателях двух других государств, и испытала на себе воздействие первых двух.

Название государства Сораболь, или Сара, Саро, происходит от названия одного из 12 протогосударственных объединений *гук*, находившихся на территории протогосударства Чинхан, одного из Трех

³⁸ Корейские предания и легенды из средневековых книг / Пер. с ханмуна. М., 1980. С. 44–46.

Хан. В течение нескольких столетий Саро подчиняло окружающие *гук*, пока на территории бывшего Чинхан не образовалось единое государство, которое с начала VI в. стали называть Силла. В самом Саро и подчиненных ему территориях на протяжении нескольких столетий происходили изменения, свидетельствовавшие о постепенном становлении и усложнении институтов государственности.

В южнокорейской историографии, с которой автор настоящей монографии в принципе согласен, историю формирования королевства Силла принято делить на три основных периода, которые связывают с изменением названия, а вместе с ним и функций главы государства.

Первый период, длившийся до конца I в. до н. э. (начало точно определить пока не представляется возможным), называется периодом *косоган* и *чхачххуи*. Первые правители Силла — Хёккосе (57–3 гг. до н. э.), Намхэ (4–23 гг. н. э.) именовались не ванами, а *косоганами*. В дальнейшем всем силласким государям, за исключением Хёккосе, средневековая корейская историография приписала титул *ван*, что должно было указывать на легитимность и высокий статус их власти. Однако первые правители Силла не были ванами.

Косоган — это корейское слово, записанное китайскими иероглифами, которые использовались исключительно для передачи звучания. Значение слова никак не связано со значением иероглифов, передающих это звучание. Оно указывало на главу рода и военного руководителя, а термин *чхачххуи* — на шамана или распорядителя различных церемоний жертвоприношений. Титулы *косоган* и *чхачххуи* на начальном этапе формирования Силла нередко применялись по отношению к одному лицу. Это означало, что глава рода мог одновременно быть военным руководителем и выступать «религиозным» лидером. При этом немало ученых считают, что во II–I вв. до н. э. население бывшего Чинхан с центром в Саро (Кёнчжуской равнине) еще не достигло такого уровня консолидации в политическом и военном отношении, чтобы можно было говорить о государстве. Особую роль в процессе формирования государства тогда играли всевозможные церемониалы жертвоприношений, важнейшими из которых были жертвоприношения духам предков.

Следует отметить, что и в современной Корее, как в Южной, так и Северной, ежегодные церемониалы жертвоприношений духам предков в семейном и общегосударственном масштабах не потеряли своей актуальности.

В первый период социально-экономической формой организации населения была сельская община.

Второй период формирования Силла именуется периодом *нисагым*. Он начался в конце I в. до н. э. и продолжался до IV в. н. э. *Нисагым*³⁹ — новое название правителей союза Саро, указывавшее на их особый статус как глав союза родоплеменных протогосударственных объединений. Наряду с новым титулом *нисагым* правители остальных протогосударств союза Саро продолжали называться *косоганами*.

Власть *нисагымов* не всегда была наследственной. На собрании *косоганов*, согласно общему мнению, принималось решение либо о передаче власти по наследству, либо об избрании нового *нисагым*. Чаще всего *нисагым*ами становились главы родов Пак, Сок и Ким. Таким образом, отчасти выборная власть в Саро указывала на незавершенность процесса формирования государственности на этом этапе. Для установившейся монархической власти в Корее (как и на всем Дальнем Востоке) было характерно представление о небесном происхождении рода государя или его особой близости к Небу, что автоматически подразумевало передачу власти по наследству.

Второй этап в формировании королевства Силла (Саро) связан не только с изменением характера верховной власти. В это время население покоренного Китаем Древнего Чосона в большом количестве переселялось на юг Корейского полуострова, в том числе и в Кёнчжускую равнину — центр формирования королевства Силла. Вместе с переселенцами в Силла (Саро) была принесена более развитая технология производства железных орудий труда. Это способствовало как экономическому, так и военному усилению района Кёнчжу.

В I–IV вв. продолжался процесс присоединения к Саро близлежащих территорий, так называемых малых государств. Только в конце I — начале II в. в союз Саро вошли Уси-сангук, Кочхиль-сангук, Пичжигук, Чхонхальгук и многие другие. Ситуация в регионе складывалась таким образом, что трудно было избежать процесса присоединения. По соседству с Саро все более укреплялись и территориально разрастались государство Пэкче, а также древнее корейское государство Кая.

³⁹ В научной литературе можно встретить и другие варианты передачи термина *нисагым* по-русски: *исагым*, и даже *нисигым*, что связано с проблемой древнего корейского прочтения китайских иероглифов, с помощью которых на письме передавались те или иные корейские реалии (см., напр.: *Ким Сугён*. Когурё, Пэкче, Силла оно ёнгу (Изучение языка Когурё, Пэкче, Силла). Сеул, 1995).

При этом основой союза Саро были шесть *бу* — родоплеменных объединений самого Саро, ставших впоследствии основой административной системы государства.

Третий период формирования Силла, длившийся с конца IV до начала VI в., называют периодом *марипкан*. *Марипкан* — это еще одно название главы союза Саро. Этимологически слово *марипкан* связано со словами *косоган* или *кан*, указывавшими на глав союзов племен. *Марип* обозначает «великий» и свидетельствует об очередном повышении статуса верховного правителя.

Этот период истории Силла характеризуется переходом власти к роду Ким в правление Нэмуль-вана (356–402) и окончательным закреплением передачи власти от отца к сыну, произошедшим в правление Нульчжи-вана (417–458). В столицу Силла (нынешний город Кёнчжу) со всей территории страны поставлялись продовольствие, самые разнообразные материальные ценности, рабы. Силлаские правители все более и более богатели, что очень хорошо можно проследить по королевским гробницам в Кёнчжу: чем позже построена гробница, тем больше она по размеру и тем богаче погребальная утварь.

С начала VI в. название государства Саро было заменено на Силла, а силлаские государи стали именоваться ванами. Южнокорейские историки объясняют переход от исконно корейских наименований силласких государей к «прокитайским» связью с вассально-сюзеренными отношениями Кореи и Китая или процессом заимствования китайской культуры. (С точки зрения Китая, ванами должны были именоваться правители пограничных с Китаем государств, находившихся на более низком культурном уровне и обязанных подчиняться императору Китая.) В связи с ростом и расцветом Силла возникает объективная потребность в развитии культуры, в том числе политической. Поэтому Силла заинтересовалось Китаем как соседней державой, стало проявлять интерес к нему и воспринимать отдельные элементы его культуры. По этой причине силлаские правители стали именоваться ванами. Известен факт, что в 377 и 382 гг. при посредничестве Когурё Силла отправляло в Китай послов для представления при дворе китайского императора и утверждения статуса государства.

В начале VI в. в Силла были установлены 17 должностных рангов, что свидетельствовало о создании более сложного государственного аппарата. Тогда же в Силла стал проникать буддизм. Что касается конфуцианства и его влияния в раннем Силла, то в истори-

ческой литературе этой проблеме почти не уделяется специального внимания. Однако поскольку и в самом Китае, и в сопредельных странах, например в Когурё и Пэкче, конфуцианство служило идейной основой формирования идеологии государственного управления, можно предположить, что и Силла, воспринявшее китайскую иероглифическую письменность, в известной степени также не избежало влияния конфуцианства.

Глава 5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

§ 1. Общие черты

Говоря о социально-экономическом устройстве Трех государств, следует учитывать следующие важнейшие моменты: 1) различный характер социально-экономического устройства в зависимости от конкретного периода истории: начальный этап, этап расцвета или завершающий; 2) моменты сходства и различия; 3) разное время восприятия континентальной китайской культуры каждым из Трех государств.

В настоящей главе речь пойдет главным образом о том периоде в истории Трех государств, когда уже можно говорить о завершении процесса формирования государственности. Каждому государству будет посвящен отдельный параграф. Однако прежде хотелось бы обратить внимание на некоторые общие черты в административном, социально-экономическом устройстве Когурё, Пэкче и Силла.

В истории административной системы Трех государств выделяют два основных этапа. Первый, длившийся приблизительно с III по IV в., связывают с функционированием так называемых *бу* (условно можно перевести на русский язык как «область, район, округ»). Второй период, завершивший эпоху Трех государств, начался около IV в. и называется «системой округов и крупных городов».

Бу были во всех Трех государствах. В Когурё и Пэкче их было по пять, в Силла – шесть. Их основой стали родовые объединения, вокруг которых началось формирование каждого из Трех государств. Поэтому в литературе *бу* иногда еще именуют «кланами». *Бу* стали стержнем централизованной административной системы. Со временем, когда к территориям Когурё, Пэкче и Силла присоединялись

все новые и новые земли, жители *бу* признавались за население, находившееся на более высоком положении. В дальнейшем, когда уже сформировалась система выдвижения на государственные должности, только выходцы из *бу* могли получить место в столице, в то время как выходцы их покоренных позднее территорий, даже если они были местными именитыми аристократами, могли рассчитывать только на должность в провинции. *Бу* подчинялись центральному правительству, но обладали известной степенью самостоятельности. Главы *бу* являлись членами государственного совета каждого из Трех государств соответственно.

В период «округов и крупных городов» *бу* в значительной степени утратили свою самостоятельность и превратились в обычные провинциальные административные единицы.

В центре государственной системы каждого из Трех государств находилась фигура абсолютного верховного правителя. Власть концентрировалась в столичном городе, где образовывались особые органы, занимавшиеся отдельными ветвями государственного управления (условно их можно соотнести с понятием «министерство»). Местная администрация, реализовывавшая верховную власть в провинции, контролировалась центром или даже направлялась из центра, который опирался на военную силу. Вместе с аппаратом королевской власти формировались слои аристократии и служилого сословия, внутри которых существовала своя градация. Важнейшим было разделение аристократии и служилого сословия на столичную и местную. В целом общество состояло из трех основных групп: аристократия, простолюдины и «подлый люд». Наиболее типичными представителями последнего были рабы. Большинство населения составляли крестьяне. В исторической литературе нередко утверждается, что крестьяне обрабатывали принадлежавшую им землю⁴⁰.

Вопрос о собственности на землю в период ранней истории Кореи до сих пор остается нерешенным. Исторические источники по истории Трех государств (I в. до н. э. — VII в.), истории Объединенного Силла (VII–X вв.) и даже последующей эпохи Корё (X–XIV вв.) специально не описывали крестьянское землевладение и землепользование. Поэтому историкам часто приходится лишь строить предположения, обращаясь к аналогиям с соседним Китаем. Однако, несмотря на предположительную собственность крестьян на землю (что, в свою очередь, тоже сомнительно, поскольку собственность не

⁴⁰ Пён Тхэсон. Хангукса тхоннон (Очерки истории Кореи). Сеул, 1996. С. 96.

может быть абсолютной, пока отсутствует гарантированное право свободной купли-продажи), *верховная* собственность на землю и на остальные природные ресурсы принадлежала монарху, который, по мнению древних корейцев, был земным представителем всевластных Небес.

Таким образом, считается, что на начальном этапе формирования государственности поля были личной или государственной (казенной) собственностью, в то время как леса, реки и пастбища в большинстве случаев были общинными (общественными). Личные поля не были в полном смысле слова *частной* собственностью, так как купля-продажа земли, если таковая имела место, происходила только с согласия большинства членов поселения. Глава поселения (дословно «хозяин деревни» — *чхончжу*) мог выступать в качестве представителя хозяина поля, т.е. в роли «верховного собственника». Крестьяне облагались государственным налогом (отдавали часть продукции земледелия) и податью (часть продукции домашнего ремесла), а также несли трудовую и военную повинности общегосударственного масштаба, привлекались на строительство ирригационных сооружений, крепостных стен и других подобных объектов.

§ 2. Когурё

Поначалу власть в Когурё принадлежала семье Ко, члены которой были выходцами из клана (*бу*) Керубу. Достаточно высокое положение в обществе занимал и клан Сонобу, будучи правящим на ранних этапах формирования государственности, а также клан Чоллобу, откуда родом было большинство королевских жен.

В Когурё ранее, чем в двух других королевствах, возникло четкое разделение на чиновничьи ранги, которых поначалу было 10. Позднее их количество увеличилось до 14. Наибольший интерес представляют две категории названий рангов. Первая заканчивается словом *хён*, что значит «старший брат», а вторая — словом *сачжэ*, т.е. «посланник». Считается, что ранг с корневым словом «старший брат» указывал на тех, кто являлся выходцем из крупных родовых объединений *бу*, а ранг с корневым словом «посланник» — на остальных «обычных» выходцев из служилого сословия. При этом по китайским историческим источникам можно проследить следующую тенденцию: более ранние историописания («Вэй шу», «Чжоу шу», «Суй шу») указывают на то, что ранги «братьев» были выше рангов «по-

сланников», в то время как более поздние («Тан шу») демонстрируют равное положение двух основных категорий рангов. Это означает, что имел место процесс постепенного уменьшения влияния родов и постепенного приближения характера государства к классическим для Кореи формам. Наличие в наименованиях должностных рангов слова *хён*, возможно, отражает существовавшую в ранний период истории Когурё практику наследования власти по линии братьев.

Несмотря на отсутствие источников, фиксирующих наименования чиновничьих *должностей* в Когурё, исходя из градации *рангов*, можно сделать предположение о существовании как отдельных должностей, так и специальных государственных органов, исполнявших функции министерств.

До IV в. основной административной единицей Когурё были *бу*. Их было пять, и сначала они назывались по именам кланов, из которых выросли: Сонобу, Чоллобу, Суннобу, Кваннобу, Керубу. Затем *бу* стали именоваться по сторонам света: Западное, Северное, Восточное, Южное и Центральное. С одной стороны, правящая элита Когурё состояла в основном из выходцев пяти *бу*. С другой — вновь присоединенные к Когурё территории обладали известной степенью самостоятельности. Так, когда в начале III в. были присоединены земли Восточных Е, никто из когурёсцев не мог пересекать территории, подчинявшиеся поселениям Восточных Е, без специального на то разрешения. В противном случае пойманный нарушитель мог стать пленником, и бывали случаи, когда в качестве штрафа отбирали домашний скот.

После IV в. основной административной единицей постепенно становятся так называемые «города-крепости» *сон* вместе с подчиненными им территориями (но это тоже лишь одно из мнений историков). Города-крепости входили в состав областей *на*, которые, в свою очередь, были частью *бу*. Управлялись города-крепости должностными лицами, присланными из столицы.

На протяжении всей истории Когурё столицей государства были города Куннэсон в среднем течении реки Амноккан и Пхеньян на реке Тэдонган.

В Когурё сложилось свое уголовное право. Вот некоторые его положения, дошедшие до нас из текстов средневековых источников: государственная измена, дезертирство, убийство карались смертной казнью; вор вносил компенсацию потерпевшему в 12-кратном размере; за убийство домашнего скота (лошади или вола) виновный обращался в рабство.

Формирование в Когурё системы права (не только уголовного) многие исследователи связывают с принятием и распространением конфуцианства. В особенности его роль повысилась после основания высшей конфуцианской школы Тхэхак в 372 г., на втором году правления короля Сосурим-вана.

§ 3. Пэкче

В Пэкче правящим королевским родом был род Пуё. Кроме того, еще восемь фамилий, ныне уже не существующих в Корее, относились к правящей элите: Са, Хэ, Хёп, Чин, Кук, Мок, Пэк⁴¹. Из этих восьми фамилий самыми влиятельными были семьи Чин и Хэ, откуда происходило большинство королевских жен.

Считается, что в Пэкче ранее, чем в двух других государствах, возникла стройная система организации общества, четкая государственная структура. Это объясняется активным влиянием китайской культуры через приграничный китайский округ Наннан и по морю через полуостров Ляодун. Уже при короле Кой-ване в 260 г. сложилась четкая градация чиновничьих рангов, должностей, министерств. Всего в Пэкче было 16 рангов. К первому относились руководители основных шести министерств, которые занимались дворцовыми делами, изданием королевских указов и т. п. Кроме них были еще двенадцать «внутренних» и десять «внешних» ведомств. Первые ведали вопросами дворцовой и столичной жизни, вторые — делами в провинции.

Одновременно с принятием новой системы должностей, структуры государственного аппарата пэкчское общество восприняло и внешние атрибуты новой государственной системы. Вместе с рангами в Пэкче было введено строгое разделение одежды по цвету в зависимости от ранга чиновника. Сановники 1–6-го рангов носили форменные одежды фиолетового цвета, с 7-го по 11-й ранг — малинового, а с 12-го по 16-й — синего цвета.

Столица и ее окрестности имели пять административных округов *бу* — четыре именовались по сторонам света, а пятый назывался «центральный». В каждом *бу* было расквартировано по 500 человек войска. Остальная территория страны делилась на пять *пан*, т. е.

⁴¹ Фамилии, звучащие как Мок и Пэк, встречаются в современной Корее, но они записываются другими иероглифами, т. е. являются другими фамилиями.

«сторон», из которых четыре также носили названия сторон света, а пятая называлась «центральной». Каждая *пан* имела свой столичный город *пансон*. Малые столичные города управлялись губернаторами, назначаемыми из главной столицы. В подчинении у них находилось от 700 до 1200 человек войска.

«Стороны» *пан* в свою очередь делились на уезды *кун*. В больших «сторонах» было по 10 уездов, в маленьких — по 6–7. Во главе уездов (всего 37) находились губернаторы, совмещавшие в одном лице гражданскую и военную власть. Самой низшей административной единицей Пэкче были укрепленные города *сон*, которых насчитывалось до двух сотен.

Таково было четкое территориально-административное деление королевства Пэкче, в котором проявлялось известное влияние китайской политической культуры.

Подобно Когурё, в Пэкче также сформировалось свое уголовное право, согласно которому убийцы, государственные изменники и дезертиры карались смертной казнью. Человек, обесчестивший женщину, становился рабом в доме потерпевшего. За воровство преступника отправляли в ссылку или заключали под стражу и изымали сумму, превышающую украденное в двукратном размере. Таким образом, как и в Когурё, основными видами наказания были смертная казнь, обращение в рабство или изъятие материальных ценностей.

Социальное расслоение носило на себе отпечаток кланово-родовых отношений. К высшему сословию Пэкче относились восемь указанных ранее фамилий во главе с королевской семьей Пуё. К высшей части элиты принадлежали представители столичных фамилий Чин и Хэ. Со временем провинциальные кланы Ён, Пэк и Са стали занимать чуть более высокое положение в обществе Пэкче.

Несмотря на развитую и самую раннюю на Корейском полуострове систему государственного управления, сформировавшуюся под значительным влиянием китайской политической культуры, высшие должности страны, сопоставимые по рангу с премьер-министром, избирались на собраниях высшего чиновничества — представителей восьми привилегированных родов. Три основные категории, на которые подразделялось все служилое сословие и в соответствии с которыми определялся цвет чиновничьей одежды (фиолетовый, малиновый, синий), также, очевидно, были каким-то образом связаны с элементами родового строя, поскольку считались более важными, чем подразделение на 16 рангов, соотносившееся с «классической» (китайской) системой управления.

Положение свободного крестьянства Пэкче было аналогичным положению в Когурё с той лишь разницей, что в Пэкче уровень налогообложения и степень привлечения к трудовым повинностям не были постоянными, варьируясь из года в год в зависимости от урожайности⁴².

Люди, профессионально занимавшиеся ремеслом, относились к самой низшей социальной категории.

§ 4. Силла

Рассмотрение отдельных аспектов социально-экономического устройства Силла, так же, как и истории принятия буддизма и формирования государственности в целом, показывает временное отставание королевства Силла от двух других корейских государств в становлении единой системы централизованного управления.

В государстве Силла правящим родом был род Ким. Второе по значимости место занимал род Пак, откуда происходило большинство королевских жен и наложниц. Однако на ранних этапах формирования Силла род Пак был правящим.

Деление служилого сословия Силла на 17 рангов сложилось к началу VI в., ко времени правления короля Попхын-вана (514–539), т. е. на три столетия позже, чем в Пэкче. (Текст указа короля Юри-вана о введении «17 рангов сановников» 32 г. н. э. следует считать скорее мифическим, нежели отражающим реальные события.) В многосложных названиях рангов с 1-го по 9-й, т. е. более чем в половине наименований, завершающими были слоги *кан* или *чан*, которые многие ученые еще соотносят со словом *хан*, обозначающим главу крупного родового объединения. Иными словами, и в VI в., несмотря на большую формализацию системы государственного управления, высшие придворные должности занимали главы еще существовавших тогда родовых объединений.

Помимо деления на ранги в Силла существовала своя уникальная система сословного деления, именовавшаяся *кольпхум*, что дословно означает «качество кости», т. е. «качество рода», «качество происхождения».

Аристократия, или люди «благородного происхождения», делились на пять категорий. Высшей была категория *сонголь*, или «свя-

⁴² Возможно, и в Когурё при определении степени налогообложения крестьян учитывалась урожайность, однако точных сведений на этот счет пока не обнаружено.

щенная кость». К ней относились члены правящего рода Ким, причем лишь те, кто потенциально имел право занимать королевский престол: дети короля, его братья, в особых ситуациях — его дяди и т. п.⁴³ За категорией *сонголь* следовала категория *чинголь*, т. е. «истинная кость». К ней относились остальные представители правящего рода Ким, не имевшие права наследования престола. Пока нет единства мнений о том, какая линия родства — отцовская или материнская — признавалась в Силла главной. Возможно, в разное время доминировать могла как первая, так и вторая. Ниже *чинголь* располагались номерные категории *тупхум*, что значит «качество головы», «ранг головы». Применительно к аристократии Силла говорят о категориях *тупхум* с 6-й по 4-ю (*юктупхум*, *одупхум*, *садупхум*). Категории *тупхум* с 3-й по 1-ю в текстах источников не встречаются. Предполагают, что на начальном этапе формирования системы *кольпхум* низшие категории также определялись, но они включали не аристократию, а людей незнатного происхождения. Однако из-за незначительности уровня обладателей низших категорий, их слишком большого количества и, соответственно, сложности проверки соблюдения регламентаций, определявшихся системой *кольпхум*, номерные категории с 3-й по 1-ю были вскоре отменены и стали обозначаться единым понятием *пэксон*, или *пхёнмин*, т. е. «простолюдины».

В середине VII в., во времена правления королевы Чиндон-нёван⁴⁴ (647–653), исчезло высшее сословие «священной кости» *сонголь*, поскольку слишком сложно стало определять, имел ли тот или иной представитель правящего рода право занимать королевский престол. В результате со времени правления короля Мурёльвана (654–660) наследниками престола стали выходцы сословия «истинной кости» *чинголь*.

Таким образом, к тому времени, когда королевство Силла объединило Корейский полуостров под своей властью, т. е. к концу VII в., в государстве оставалось пять основных категорий населения: «истинная кость» *чинголь*, 6, 5 и 4-я категории *тупхум*, а также простолюдины. В научной литературе встречается мнение, что в дальнейшем и категория 4-го *тупхум* также стала постепенно исчезать.

⁴³ Исходя из указанного определения «священной кости» можно предположить, что система «кольпхум» сформировалась не ранее конца IV в. — времени, когда королевская власть окончательно перешла в руки рода Ким.

⁴⁴ Нёван — дословно «женщина-ван», государыня.

Сословное деление по системе *кольпхум* имело важное значение в строительстве аппарата власти. В зависимости от происхождения, т. е. принадлежности к той или иной сословной категории, давались чиновничьи должности. Отнесенные к сословию 6-го *тунхум* не могли занимать должности выше 6-го ранга, 5-го *тунхум* — должности выше 10-го ранга, 4-го *тунхум* — должности выше 12-го ранга. Кстати, именно это положение наглядно показывает то, что в I тысячелетии н. э. конфуцианство, в частности в области права, было заимствовано в Силла лишь в своих внешних формах, ибо согласно конфуцианским представлениям, должность чиновника мог занять любой человек, независимо от происхождения (если только он не принадлежал к категории «подлого сословия»⁴⁵). В идеале главными критериями при отборе претендентов на государственные должности были лишь их знания и умения. Конечно, и в Китае эти требования нередко нарушались, что было вызвано отчасти причинами объективного характера: только аристократическая семья могла создать своим детям условия для получения необходимого образования.

Система *кольпхум* регулировала не только процесс отбора на государственные должности, но и повседневную жизнь силласцев: ограничивался размер комнат личных домов (так, у сословия *чин-голь* длина и ширина комнаты не могла превышать величины в 24 *чхок*⁴⁶, у 6-го *тунхум* — 21, у 5-го — 18, у 4-го — 15 *чхок*), устанавливались цвет одежды, тип повозки, посуда, которой позволялось пользоваться⁴⁷.

Центральные органы власти, соотносимые по функциям с понятием «министерство», образовались в Силла довольно поздно. Причем появлялись они постепенно, как бы вводились королевскими указами по мере необходимости.

Первым в Силла создали военное министерство *Пёнбу*. Это произошло на 3-м году правления Попхын-вана, т. е. в 516 г. Некоторые южнокорейские исследователи считают, что такой приоритет воен-

⁴⁵ В Корею эпохи Трех государств к низшему сословию относили обращенных в рабство преступников, пленных и бедняков (за долги). В дальнейшем социальный состав «подлого сословия» стал более разнообразным. Собственно термин *чхонин* (по-китайски — *цзяньжэнь*) «подлые люди» (или «подлое сословие») стал активно употребляться в Корею не ранее эпохи Корё (918–1392 гг.).

⁴⁶ *Чхок* — мера длины; современный *чхок* равняется 30,3 см.

⁴⁷ В современной Южной Корею в крупных фирмах действует следующее негласное правило: находясь на рабочем месте, подчиненный не может носить более дорогие, чем у начальника, часы, надевать более шикарную, чем у начальника, одежду.

ного ведомства указывает на военный («воинственный») характер культуры Силла VI в. В 531 г. был образован *Сандэдын* — совещательный орган при государе, ведавший делами сословия *чинголь*. Государственный совет возник только в 565 г. Центральное министерство *Чипсабу* во главе с премьер-министром *чунси* было учреждено еще позднее — в 651 г., за 17 лет до падения королевства Когурё и за 9 лет до падения Пэкче, тогда, когда Силла стало иметь тесные союзнические отношения с Китаем династии⁴⁸ Суй (589–617) и затем — династии Тан (618–907).

Местные органы власти создавались следующим образом. Шесть старинных родоплеменных объединений *бу* послужили основой для формирования королевской столицы. Именно выходцы из шести *бу* пополняли кадры как столичного, так и высшего провинциального чиновничества.

На местах сначала учредили так называемые «малые столицы» — Асичхон (нынешний Хаман) в 514 г., Кугвон (нынешний Чхунчжу) в 557 г., Хасылла (нынешний Каннин) в 639 г. С 505 г. в качестве местной административной единицы начали появляться округа *чжю*. Причем опять-таки не сразу по всей территории страны, а постепенно. Лишь во времена правления короля Чинхын-вана (540–576) был издан указ об учреждении в провинции пяти округов *чжю* и присвоении им названий по сторонам света с Центральным «посередине», подобно тому, как это было в Когурё и Пэкче. Тогда же округа были разделены на уезды *кун*. Слова *чжю* и *кун* — корейское прочтение китайских иероглифов, обозначавших в Китае соответствующие административные единицы. Введение *чжю* и *кун* в Силла, возможно, указывает на прямое пэкческое или опосредованное китайское влияние на силласкую систему местного управления. Низшей административной единицей Силла были либо поселения *чхон* (дословно — «деревни»), либо укрепленные города *сон*. Округа и уезды управлялись присланными из столицы «губернаторами», в распоряжении которых находились государственные войска.

⁴⁸ В отечественной китаеведческой литературе самоназвания китайских государств — Суй, Тан, и т. п. часто называют по-русски «династиями» (см., напр.: История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998. С. 165–169), поскольку для их обозначения используется иероглиф *чао* (朝), одним из значений которого является «династия». На самом деле в государстве Суй правила династия Ян, а в Тан — династия Ли.

С другой стороны, отдельные российские китаеведы именуют Суй и Тан исключительно «эпохами» и «империями» (см., напр.: Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.; М.; Краснодар, 2003. С. 70).

Как указывается в специальной литературе, большинство рядового населения государства Силла обрабатывало принадлежавшую им землю. Так же как и в соседних Пэкче и Когурё, крестьяне облагались налогом и податью, привлекались к трудовой деятельности общегосударственного масштаба. Например, в 536 г. 7000 человек были задействованы на ремонте дамбы Чхончже у реки Ёнчхон.

Об уголовном законодательстве в королевстве Силла, в отличие от Пэкче или Когурё, в литературе практически не упоминается.

Итак, в социально-экономическом устройстве Трёх государств хотелось бы выделить ряд **основных моментов**.

Ранее всего органы центрального и местного управления сформировались в Пэкче — около III в. В сфере государственного строительства китайское влияние в Пэкче было максимальным.

В Силла система центрального и местного управления оформилась позднее — в VI–VII вв. И здесь становление системы государственного управления также было связано с усилением интенсивности контактов с Китаем.

В Силла, по сравнению с другими корейскими государствами, влияние родового строя было наиболее сильным, сложилась уникальная система сословий *кольпхум*, плохо сочетавшаяся с конфуцианскими представлениями об управлении государством, проникавшими на Корейский полуостров вместе с китайской письменностью и культурой в целом.

К концу периода Трёх государств (VII в.) все более сокращалась степень самостоятельности местных административных единиц, все больше подчинявшихся центральной власти, шла универсализация всех территориальных составляющих того или иного королевства. В результате усиливались связи между отдельными частями каждого из трех королевств. И, как следствие, постепенно складывалось этническое самосознание жителей, начали появляться такие понятия, как «когурёсцы», «пэкчесцы», «силласцы».

В течение длительного периода времени, пока происходило становление Трёх государств, они сосуществовали в относительном мире. И лишь когда государства усилились и расширились настолько, что их границы начали соприкасаться друг с другом, в V–VI вв., начались межкорейские войны. Им будет посвящена отдельная глава.

Пока Китай был раздроблен, а Когурё представляло собой сильное единое государство, занимавшее огромные по нынешним корей-

ским меркам территории, с Китаем также поддерживались достаточно мирные отношения. Кроме того, одно время у когурёсцев даже бытовала точка зрения, согласно которой не Китай, а их государство, Когурё, является *серединным*, т. е. центром Вселенной. Однако объединенный Китай сначала под властью империи Суй (581–618), но главным образом в эпоху Тан (618–907) расставил все на свои места.

Глава 6. КУЛЬТУРА КОРЕИ ПЕРИОДА ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

§ 1. Верования

В самом начале истории Трех государств верования были *местными*, т. е. изначально присущими народам, пришедшим на Корейский полуостров в период неолита. Все их условно можно обозначить как шаманизм, имея в виду его основные черты — веру в «ответственных» за различные сферы жизни духов, особую роль шамана как посредника в общении человека с духами и церемонию различных жертвоприношений (совсем не обязательно кровавых) как основу примитивного церемониала.

Действительно, первые правители Саро — будущего государства Силла именовались *чхачхаун*, что связывается с понятием «шаман». На начальных этапах формирования Трех государств шаманизм мог исполнять общегосударственные функции: определять основные направления деятельности государства; «предотвращать» стихийные бедствия и прочие беды общегосударственного масштаба; «способствовать» скорейшему преодолению последствий стихийных бедствий, войн и т. п.; «предсказывать» большие потрясения. Например, считается, что в правление силлаской королевы Сондон-нёван (632–646) шаманы предсказали вторжение пэкческих войск.

С IV в. на Корейском полуострове начинает распространяться буддизм, который принято считать господствующей религией Трех государств. Буддизм — изначально индийская религия — в Корею пришел из Китая, т. е. уже будучи трансформированным и подготовленным для сравнительно быстрого распространения. К IV в. на китайский язык, ставший письменным языком древнекорейских королевств, были уже давно переведены основные буддийские канонические сочинения.

Со временем наибольшей популярностью в Корее стала пользоваться особая китайская школа буддизма, возникшая в VI в. В отечественной литературе ее называют *чань-буддизм*, когда речь идет о Китае, *дзэн-буддизм*, когда говорят о Японии, или *сон-буддизм*, если имеется в виду Корея. *Чань*, *дзэн*, *сон* — это различное прочтение одного и того же китайского иероглифа, обозначающего понятия «созерцание», «транс». Уже в VII в. китайская школа *чань* разделилась на северную и южную. Северная, каноническая, утверждала, что просветление — это закономерный результат длительных усилий человека. Со временем она пришла в упадок и исчезла. Образование южной школы *чань* связано с деятельностью знаменитого китайского монаха Хуэйнэна (638–713). Ее сторонники считали, что просветление происходит внезапно, с помощью некоторого интуитивного толчка. Учение этой школы впоследствии стало господствующим в чань-буддизме. Корейский буддизм конца I — начала II тысячелетия в целом также является чаньским (южной школы), хотя и со своими особенностями. Однако в IV–VI вв. буддизм, принятый в трех корейских государствах, был еще классическим, хотя и китаизированным буддизмом Большой колесницы — Махаяна, или Малой колесницы — Хинаяна⁴⁹. Чань-буддизм начал распространяться в Корее только с 784 г.

История проникновения буддизма на Корейский полуостров известна и достаточно хорошо описана в отечественной литературе⁵⁰.

Ранее всего буддизм был принят в Когурё. Правитель китайского государства Цинь в 372 г. отправил в Когурё посланника, которого сопровождал монах Шуньдао (корейское прочтение имени — Сундо). Сундо привез с собой канонические буддийские книги и статуэтки. Происхождение Сундо неизвестно, говорят, что он был родом из Цзинь. В 374 г. в Когурё приехал другой китайский монах из государства Вэй по имени Эдао (по-корейски — Адо). Оба монаха остались в Когурё, основали монастыри. С тех пор жители Когурё начали активно принимать буддизм. Во многом распространению буддизма способствовал знаменитый когурёский «Король — расширитель земель» — Квангэтхо-ван (391–412). В 392 г. он издал указ о строительстве в Пхеньяне девяти буддийских храмов. Кстати, именно Квангэтхо-ван впервые построил Храм предков королей *Чонмё* и

⁴⁹ Подробнее об основном идейном содержании буддизма см.: Касевич В. Б. Буддизм. Картина Мира. Язык. СПб., 1996.

⁵⁰ Волков С. В. Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.

стал совершать ежегодные королевские церемонии жертвоприношений духам земли.

В королевство Пэкче, согласно сообщениям корейских исторических хроник «*Самгук саги*» Ким Бусика и «*Самгук юса*» Ирёна, буддизм также проник достаточно рано. В 384 г. к королю Чхимньювану прибыл монах по имени Маранантха (корейская транскрипция индийского имени). Его родина неизвестна. Король радостно и с уважением принял монаха. С тех пор буддизм стал процветать и в Пэкче.

Позднее всего буддизм был воспринят королевством Силла, несмотря на то что в «*Самгук саги*» есть сообщение о том, что в 4 г., во времена «короля» Намхэ-вана (4–23) правитель уезда Анчхан видел, как 53 золотые статуи Будды Шакьямуни, «прибыв в местный порт, отправились в горы Кымгансан». Об этом доложили правителю, после чего было решено построить буддийский храм в горах Кымгансан, который называли Ючжомса (храм с таким названием действительно существовал в Кымгансане по меньшей мере до конца XIX столетия). Однако в Силла государственность оформилась позднее, чем в других королевствах, поэтому вряд ли это «сообщение» можно отнести к разряду исторических.

Буддизм хорошо подходил для процесса формирования *централизованного* государства. Правитель ассоциировался с Буддой. Из этого вытекала необходимость беспрекословного подчинения верховному правителю. Однако протогосударственные союзы I в. на территории будущего королевства Силла не были готовы к принятию буддизма.

В Силла буддизм распространялся труднее, чем в других королевствах. Еще в правление государя Нульчжи-вана (417–457) в Силла пришел буддийский монах по имени Мохуцзы (по-корейски — Мукхочжа). В государстве не признавали буддизм, и монаху пришлось жить, скрываясь в доме человека по имени Море. При этом монах как-то однажды помог даже вылечить заболевшую королеву. В 479–499 гг. в доме того же человека проживал другой буддийский монах по имени Адо (Его имя записывается теми же иероглифами, что и имя монаха Адо, жившего в Когурё в IV в.). Таким образом, буддизм находил в Силла все большее число последователей, но все еще не принимался на государственном уровне.

Окончательное признание буддизма в Силла произошло лишь в VI в., во времена правления государя Попхын-вана (514–539). Его имя как раз и означает «Король процветания буддийского закона».

По поводу принятия буддизма в «*Самгук саги*» зафиксировано такое предание. В 528 г. (встречается также указание на 527 г.) силлаский сановник по имени Ичхадон (по фамилии Пак) решил принести себя в жертву во имя процветания буддизма. Он сказал: «Казните меня. И если свершится чудо, значит буддизм — верное учение». Тогда Ичхадону отрубили голову и из его тела полилась белая кровь.

В целом на Корейском полуострове в I тысячелетии отмечают два пика распространения буддизма: в VI–VII вв. и в IX — начале X в. Интересно отметить, что оба пика совпадают с почти аналогичными по времени периодами в истории Кореи. В VI–VII вв. наблюдался максимум военного противостояния между Тремя государствами, закончившийся гибелью двух из них и объединением Кореи под эгидой королевства Силла. В IX–X вв. имел место распад Силла на Поздние Три государства и дальнейшее объединение Кореи под властью нового правящего дома Корё. Иными словами, когда в Корее I тысячелетия появлялась объективная необходимость объединения страны, в качестве консолидирующей религии всегда выступал буддизм.

Несмотря на то что господство буддизма в Когурё, Пэкче и Силла является общепризнанным фактом, это совсем не означает, что в Трех государствах не обращалось внимания и на другие дальневосточные религии. Например, когурёский государь Ёнъян-ван (590–617) интересовался китайским даосизмом. В 625 г. из Когурё в Китай эпохи Тан (618–907) были специально посланы люди для подробного изучения даосизма, который стал в королевстве разрешенной религией наравне с буддизмом. Как сообщает буддийский монах Подок, в 650 г., узнав о том, что в Когурё почитают даосизм и не верят в Будду, он принял решение о необходимости ухода на юг в Пэкче.

Особое место в культуре Трех государств занимало конфуцианство, возвышаясь над всеми религиями и являясь универсальным регулятором отношений в обществе и государстве.

§ 2. Конфуцианство и письменность

Конфуцианство, как известно, является идеологическим учением, которое появилось в Древнем Китае. Основатель учения Конфуций жил в 552–479 гг. до н. э. При жизни он собрал школу учеников, которые записывали высказывания учителя. В результате были составлены труды, авторство которых приписывается или лично Кон-

фуцию, или его последователям. Судьба учения в Древнем Китае была непростой. Нередко его сторонники подвергались гонениям. Однако в итоге конфуцианство покорило не только сам Китай, но и сопредельные с ним государства, в том числе и Корею, став основой идеологии государственного управления.

В принципе, невозможно адекватно изложить суть учения Конфуция в сжатой форме⁵¹. Однако попытаемся отдельными штрихами обозначить главное, что поможет понять влияние конфуцианства на историю Кореи. И в этом нам помогут некоторые реалии Южной Кореи 1990-х — начала 2000-х годов.

В любом книжном магазине Южной Кореи, как в столичном, так и в самом маленьком провинциальном, всегда продаются конфуцианские классические сочинения. Это прежде всего так называемые «Четверокнижие»⁵² и «Пятиканоние». К «Четверокнижию» относятся: «Суждения и беседы» Конфуция (по-китайски — «Луньцзи», по-корейски — «*Нон*»), «Великое учение» («Дасюэ» — «*Тэхак*»), «Учение о середине» («Чжуньюн» — «*Чунён*») и «Мэнцзы» (по-корейски — «*Мэнчжэ*»). Мэн-цзы — имя конфуцианского мыслителя IV–III вв. до н. э., являющегося автором одноименного сочинения.

«Пятиканоние» составляют «Книга песен» (по-китайски — «Ши цзин», по-корейски — «*Сигён*»), «Книга книг» («Шу цзин» — «*Согён*»), «Записи о ритуалах» («Ли цзи» — «*Еги*»), «Весны и Осени» («Чуньцзо» — «*Чунчху*»), «Книга перемен» («Ицзин» — «*Ёжжён*»; еще книгу называют по-корейски «Чуёк», т. е. «Чжоуская [книга] перемен»).

Указанные издания содержат как текст на языке оригинала — древнекитайском, так и перевод на корейский язык. На последней странице таких книг нередко печатают так называемые «Три заповеди» (по-китайски — «Саньган», по-корейски — «*Самган*») и «Пять норм морали» (по-китайски — «Улунь», по-корейски — «*Орюн*»). Можно сказать, что в этих заповедях и нормах заключена квинтэссенция конфуцианства. В современных южнокорейских деревнях в «Павильонах [для собраний] престарелых» (*Нончжэсон*), которые есть практически в каждой деревне, в большинстве случа-

⁵¹ В отечественном Китаеведении имеется достаточно много работ о конфуцианстве. Ведущим специалистом по Конфуцию и его идейному наследию является Л. С. Переломов. Подробнее см. список литературы к настоящей книге.

⁵² Русский перевод «Четверокнижия» издан отдельным томом в Москве в 2004 г.

ев можно увидеть каллиграфически записанные тексты Трех заповедей и Пяти норм морали. Автором Трех заповедей является китайский конфуцианский ученый эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) Дун Чжуншу (190 (179?)–120 (104?) гг. до н. э.). Они звучат так:

- сын служит отцу;
- подданный служит государю;
- жена служит мужу.

При этом следует отметить одну важную деталь. Перевод глагола «вэй» (по-корейски — «ви») на русский язык в значении «служить» довольно условен. Глагол включает в себе и выражение некоей «обратной связи», т. е. взаимной заботы отца о сыне, государя о подданном, мужа о жене.

Пять норм морали заимствованы из текста пятой главы «Мэн-цзы» — одного из канонов «Четверокнижия»:

- государь и подданный имеют чувство долга [в отношениях];
- отец и сын имеют родственную близость [в отношениях];
- муж и жена имеют различия [в отношениях, по своей роли в семье и обществе];
- старший и младший имеют порядок [в последовательности приоритетов];
- друзья имеют веру [в отношениях].

Таким образом, важнейшим в конфуцианстве, по мнению большинства южных корейцев, отраженном в частом воспроизведении Трех заповедей и Пяти норм морали, является идея служения младшего старшему и забота старшего о младшем. При этом такие строго регламентированные отношения строятся не на слепом подчинении одних другим, а на искреннем понимании полезности поддержания рекомендуемого порядка. А если учитывать особое внимание конфуцианства к ритуалу, то становится понятна его положительная роль как в процессе формирования Трех государств, так и в дальнейшем управлении ими.

Конфуцианство начало распространяться в Когурё, Пэкче и Силла раньше буддизма или практически одновременно с ним, но скорее всего одновременно с проникновением на Корейский полуостров китайской письменности. Письменность невозможно усвоить без изучения текстов, написанных с использованием этой письменности. Старейшими каноническими произведениями в Китае были конфуцианские тексты. Поэтому вместе с иероглифической письменностью в Корею проникало конфуцианство. Такого же мнения придержива-

ются и отдельные южнокорейские ученые⁵³. В китайском историческом сочинении «Старая история династии Тан» («*Цзю Тан шу*», составлена между 936–942 гг.) сказано, что в Когурё и Пэкче изучали «Пятиканоние», труды Конфуция и китайские классические историописания. Надпись на силлаской стеле, обнаруженной в районе буддийского храма Сокчанса, также гласит, что в Силла изучали «Книгу песен», «Записи о ритуалах», «Весны и осени».

Высшие учебные заведения для наследников престола и высшей аристократии, основывавшиеся в Трех государствах, также строили процесс обучения на конфуцианской классике. В Когурё такое учебное заведение, именовавшееся Тхэхак, было основано в 372 г. В Пэкче в IV в. была придворная должность *пакса*, что соответствует понятию «доктор наук», указывающая на существование конфуцианской системы высшего образования.

Развитие историописания является еще одним свидетельством особой роли конфуцианства в Трех государствах. Традиция историописания была воспринята Кореей из Китая. В Китае основоположниками классического историописания были сам Конфуций, которому приписывается историческое сочинение «Весны и осени» (или по меньшей мере его редакция), а также Сыма Цянь (145–85? гг. до н.э.), составивший знаменитые «Исторические записки» («Ши цзи»). В этих сочинениях подборка фактов и их трактовка осуществлялись в соответствии с конфуцианскими представлениями о человеке, обществе и т.д.

Тексты исторических сочинений, писавшихся в Трех государствах, не сохранились до наших дней. Однако известно, что в Когурё составлялось историописание «Записи об оставшемся [от прошлого]» («*Юги*») в 100 томах, которое позднее, в 600 г., доктор высшей школы Тхэхак по имени Ли Мунчжин свел в пятитомное сочинение «Новое собрание [сочинений]» («*Синчжип*»). В Пэкче доктор Ко Хын в правление государя Кынчхо-вана (346–375) написал исторический труд «Летописные записи» («*Согги*»). В знаменитой японской хронике «Анналы Японии» («*Нихон сёки*») говорится, что в Пэкче составлялись «Анналы Пэкче» («*Пэкче ги*») и «Основные анналы Пэкче» («*Пэкче понги*»).

Несмотря на значительное влияние китайской культуры на государства Корейского полуострова, жители Когурё, Пэкче и Силла

⁵³ См., напр.: Пён Тхэсон. Хангукса тхоннон (Очерки истории Кореи). Сеул, 1996. С. 110.

старались развивать свою собственную национальную культуру. Так, процесс, который выше был обозначен как заимствование китайской письменности, на самом деле означал заимствование китайского письменного языка *вэньян*, который в Корее стали называть *хан-мун*, что значит «ханьские письмена» (т. е. письмена Китая). Иными словами, в разговорной речи когурёсцы, пэкчесцы, силласцы говорили на своем родном языке, а писали иероглифами по-китайски. Поэтому сначала в Силла попытались приспособить китайские иероглифы для записи силлаского разговорного языка. Учитывая, что китайский и корейский (силлаский) языки принадлежат к разным языковым семьям, можно понять, насколько сложную задачу поставили перед собой силлаские ученые. В результате появился письменный язык *иду*, что значит «чиновничье письмо» (поскольку писали в те времена в основном государственные служащие). Однако письменный язык *иду* оказался настолько сложным и неудобным, что со временем вышел из употребления, и корейцы вернулись исключительно к *ханмуну*. И все же, забегая вперед, хотелось бы отметить, что желание корейцев писать на своем родном языке было настолько велико, что они в XV в. первые и единственные на Дальнем Востоке изобрели собственный *буквенный* алфавит.

§ 3. Материально-техническая культура

Когда в корейской или отечественной литературе речь идет о развитии материальной и духовной культуры ранней Кореи, то указывают на процесс, состоявший из трех основных этапов: 1) *частичное* заимствование культуры из Китая; 2) ее «кореизация», или «творческая переработка» на корейский манер, синтез с местной культурой; 3) «реэкспорт» культуры в Японию. Последний момент особо подчеркивается в исторической литературе Кореи, как Южной, так и Северной.

Пути заимствования континентальной культуры были различными для каждого из Трех государств. Когурё поддерживало более активные контакты с северными китайскими династиями, Пэкче — с южными, а Силла знакомилось с культурой Китая опосредованно — через Когурё и Пэкче.

О «материально-технической» культуре ранней Кореи как некоем самостоятельном элементе культуры говорить непросто, поскольку техника и наука оказываются тесно связанными с искусством, как, например, в случае с ремеслом, и трудно отделить техническую сто-

рону от художественной. Тем не менее в общих чертах попробуем познакомить читателя с самыми интересными достижениями Трех государств в сфере техники и науки.

Когурё было известно своими успехами в области строительства — каменного, земляного, деревянного и смешанного (дерево, земля, камень). Особенно хорошо когурёсцы строили стены, окружавшие их города. Например, стена первой когурёской столицы — города Куннэсон — имела высоту около шести метров. Материал стены — природные необработанные камни, очень плотно подогнанные друг к другу. Иногда в стене попадаются и обтесанные камни. Архитектурно-строительная особенность стены состоит в том, что ее основание выложено из крупных камней, а верхняя часть — из мелких. Следует отметить, что в ту же эпоху в Китае крепостные стены строили из камней одинакового размера. Считается, что когурёская техника строительства стен более примитивна, чем китайская. Однако в плане затрат и скорости постройки она была более выгодной, а по крепости когурёские стены ничуть не уступали китайским.

О других технических достижениях Когурё известно из настенных росписей гробниц IV–VI вв. когурёских высокопоставленных сановников. Самой известной является так называемая «гробница № 3 [уезда] Анак». На фресках можно увидеть изображение ножной мельницы, ткацкого станка, совершенной по форме и конструкции повозки.

В **Пэкче** была высоко развита техника производства холодного оружия, которое часто украшали эпитафией. Самым известным экземпляром является ритуальный «Меч с семью ответвлениями» («*Чхильчжидо*»), изготовленный в 369 г. и имеющий 61 знак с обеих сторон.

Пэкче также знаменито созданием водопровода. Его остатки были обнаружены в районе гор Огымсан уезда Иксан. Глиняные трубы, из которых был собран водопровод, имеют различный диаметр с двух сторон, что позволяет вставлять их одна в другую и делать таким образом соединение удобным и простым. Для примера: в Китае того же времени трубы водопровода имели одинаковый диаметр с обеих сторон, и для их соединения приходилось делать особые соединительные швы, что было неудобно.

Кроме того, Пэкче известно так называемой «сельскохозяйственной революцией V в.»: с этого времени на рисовых полях с периодичностью в один год попеременно с рисом стали сеять просо, давая возможность полю отдохнуть и одновременно повышая его урожай-

ность. В Пэкче существовала высокоразвитая система ирригации и мелиорации.

Силла известно изделиями из полудрагоценных камней, стекла, золота. Силлаская керамика изготавливалась в печах, где температура поддерживалась на уровне 1000°C. Подробнее о силласком ремесле как искусстве речь пойдет ниже.

В Силла получила значительное развитие астрономия. В VII в. в районе столичного города Кёнчжу была построена древнейшая на Дальнем Востоке астрономическая башня цилиндрической формы высотой около 9 м, диаметром у основания 5 м и в верхней части — 3 м.

Согласно сообщениям более поздних источников, можно с уверенностью говорить о том, что во всех Трех государствах были развиты география и медицина.

§ 4. Архитектура

От жилых домов Трех государств не сохранилось практически ничего. Если говорить о комплексах королевских дворцов, устройство которых в корне отличалось от европейских, то от них остался лишь фундамент. То же можно сказать и о буддийских монастырях. Однако до наших дней сохранились отдельные гробницы королей и высокопоставленных сановников, а также каменные пагоды.

Гробницы Когурё подразделяются на круглые и квадратные. Чтобы понять принципы такой классификации, требуется хотя бы несколько слов сказать об устройстве захоронений высшего сословия Трех государств. Каждая гробница имела погребальную камеру, которая могла состоять из нескольких помещений. В погребальную камеру помещались каменный гроб с телом «хозяина» (или «хозяев») гробницы, а также всевозможные предметы, которыми он должен был «пользоваться» в загробной жизни. Стены погребальной камеры, если они были выложены из камня, нередко расписывались изображениями сцен из жизни покойного. Поверх погребальной камеры насыпался огромный холм. Чем выше было положение хозяина при жизни, тем большим по размеру мог быть холм. Иногда вместо земляного холма поверх погребальной камеры складывали каменную пирамиду. Гробницы классифицируют по форме холма. Каменные пирамиды были только квадратными в сечении, земляные холмы могли быть по форме как круглыми в сечении, так и квадратными.

Погребальные камеры когурёских гробниц всегда строились из камня, в том числе из дорогого гранита или мрамора. Независимо

Фрагмент интерьера Анакской гробницы № 3. Когурё, IV в.
(окрестности Пхеньяна)

от количества помещений погребальная камера имела выход на южную сторону, который после завершения церемонии захоронения всегда наглухо заваливался. Потолок когурёских погребальных камер имел, как правило, ступенчатую форму и в сечении был квадратным или многогранным. Если гробница состояла из нескольких помещений, то в месте соединения первой и второй комнат могли устанавливаться каменные восьмигранные колонны. Считается, что подобное устройство гробниц было заимствовано Когурё из ханьского Китая (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Большинство когурёских гробниц находится в районе Пхеньяна — второго столичного города Когурё.

Гробниц Пэкче сохранилось меньше. Они также сосредоточены в районе бывших столичных городов (современные города Кончжу и Пуё). Форма земляных холмов пэкческих гробниц — в основном круглая или квадратная. Погребальные камеры — прямоугольные или квадратные, напоминают когурёские захоронения. Однако в них был использован другой материал и отличался тип каменной кладки. Иногда стены погребальных камер выкладывали из кирпича. Потолок камер нередко представлял сужающуюся кверху пирамиду. Однако встречаются погребальные камеры с потолком в форме арки, как, например, в гробнице короля Мунён-вана (501–522), обнаруженной в пригороде города Кончжу в 1971 г.⁵⁴

⁵⁴ Возможно, читателю может показаться странным, что королевские гробницы нередко приходится обнаруживать заново. Как уже говорилось, гробницы

Силлаские гробницы по форме в основном круглые или тыквообразные — такими они получаются, когда рядом друг с другом строят сразу две гробницы. Большинство из них находится в районе силлаского столичного города Кымсон (совр. Кёнчжу). Погребальные помещения силласких гробниц могли строиться из камня или из дерева и камня. В последнем случае строительная технология была наиболее проста: в месте погребения устанавливался гроб, а рядом с ним — всевозможные предметы для загробной «жизни» хозяина. Сверху строилась деревянная камера, которая затем обкладывалась камнями размером с человеческую голову. Поверх камней насыпался земляной холм.

Места **буддийских монастырей** в основном находят на территории Когурё и Пэкче. В Силла, до объединения этим королевством Корейского полуострова в VII в., также было восемь монастырей, но пока обнаружено местоположение двух из них. По фундаментам строений можно судить о планировке монастырей, которая была стандартной для всех Трех государств и сохранялась впоследствии на протяжении многих столетий.

В качестве примера рассмотрим устройство безымянного когурёского буддийского монастыря, обнаруженного в 1938 г. в селении Чхонамни, недалеко от Пхеньяна. В центре монастырской территории находится фундамент восьмигранного здания — большой деревянной пагоды. С южной стороны обнаружен фундамент ворот; с северной, западной и восточной — остатки прямоугольных строений, в которых совершались буддийские церемонии. У северного здания была небольшая пристройка, в которой располагалась монастырская школа. На всей территории монастыря археологи находили остатки утвари и культовых предметов. Четкая ориентация строений по сторонам света была обязательной.

Остатки пэкческого монастыря у селения Кунсури и силлаского монастыря Хвангёнса указывают на то, что в центральной части могло находиться главное помещение для молений, а пагоду располагали южнее, у ворот.

представляют собой земляной холм с погребальной камерой внутри. В идеальном случае на погребальном холме отсутствует растительность, за исключением коротко подстриженной травы, и тогда всем понятно, что это не просто холм, а погребение. Однако если за холмом гробницы не ухаживать, то со временем он покрывается древесной растительностью и полностью сливается с окружающим ландшафтом (Корея — гористая страна), так, что его трудно отличить от обычной сопки.

Пагоды в Трех государствах поначалу строились исключительно из дерева и лишь позднее — из камня. От деревянных пагод ранней Кореи до настоящего времени не сохранилось ничего, кроме фундамента. Поэтому трудно точно установить их форму или размеры. Считается, что самые величественные и сложные по архитектуре пагоды строились в период Объединенного Силла (VII–X вв.). Они имели четыре грани.

В Когурё и Пэкче от строительства деревянных пагод сразу перешли к постройке каменных. В Силла, по мнению ряда южнокорейских ученых, имел место промежуточный этап строительства кирпичных пагод *чонтхан*. В Южной Корее есть и другая теория, утверждающая, что силлаские кирпичные пагоды никак эволюционно не связаны ни с деревянными, ни с каменными, поскольку они встречаются исключительно в районе Андон и, скорее всего, их строил один человек, долгое время живший в Китае и научившийся там технике постройки пагод из кирпича.

Сохранилось не так много каменных пагод периода Трех государств. Вероятно, самые ранние были сложены из крупных каменных блоков-кирпичей, что придавало им внушительные размеры, имели внутреннее помещение и по форме и размерам не отличались от деревянных пагод. Большинство специалистов утверждают, что каменные пагоды унаследовали формы деревянных. Примером такого типа пагод является пэкческая пагода VII в. из монастыря Мирыкса в современной провинции Северная Чолла высотой 14 м (высота сохранившихся шести ярусов из девяти). Площадь у основания — около 25–30 кв. м. Однако в основном пагоды строились гораздо меньших размеров — как из каменных блоков, так и из монолитных секций, каждая из которых составляла отдельный ярус.

Традиция строительства пагод пришла в Корею из Индии через Китай. В принципе, согласно буддийскому учению, могло быть два вида пагод: так называемые *ступы* и *чайтъя*. Первые служили местом хранения *сарипа* — небольших окаменелостей, образующихся после кремации только какого-либо выдающегося буддийского деятеля («святого»). Вторые не имели *сарипа* и должны были указывать на священное для буддийских верующих место. Однако в Корее все пагоды со временем стали называть общим родовым словом *тхан*. Причем и символика, и их практическое значение, в особенности для простых людей, не буддийских верующих, также изменились. Пагоды стали связываться с идеями поклонения Небу, отрешения от всего мирского, приобщения к небесному. Самый верхний ярус пагоды

стали считать символом человеческой души и глаз, а сами пагоды — путем, обеспечивающим передвижение духов с Небес на Землю и обратно.

§ 5. Скульптура, живопись, ремесло

Принято считать, что история **скульптуры** началась в Корее с проникновения и распространения буддийской скульптуры, поскольку ничего более раннего обнаружить не удалось. С другой стороны, рельефные изображения на стенах гробниц и рельефные фрагменты на добуддийской керамике дают основания предполагать, что в Трех государствах скульптура могла развиваться и до буддизма.

Фрагмент фрески когурёской гробницы Муёнчхон, V в.
(У китайского города Цзиань, среднее течение р. Амноккан)

Сначала скульптурные изображения были исключительно буддийского содержания. В период Объединенного Силла стали появляться скульптуры людей и животных. Особенно интересны небольшие керамические фигурки, изображающие сцены любви⁵⁵, что, в общем, нетипично ни для предшествующей, ни для последующей скульптуры Кореи.

⁵⁵ Уникальная коллекция таких глиняных фигурок хранится в Сеуле в Государственном центральном музее Кореи (В «старой» экспозиции музея, располагавшейся в 1990-е годы в дворцовом комплексе Кёнбоккун, коллекция была представлена на витрине № 154).

Несмотря на то что буддизм начал проникать на Корейский полуостров еще в IV в., все сохранившиеся скульптуры датируются временем после VI в. При этом выделяются три ее типа: позолоченная бронзовая, каменная и глиняная. Считается, что глиняная скульптура в основном присуща Когурё, остальные виды — Пэкче и Силла. Хотя все виды скульптуры можно найти во всех Трех государствах.

Тип буддийской скульптуры Трех государств определяется как *китайский*, но с некоторыми изменениями. Например, пэкческие скульптуры отличаются удивительно доброй и широкой улыбкой буддийских персонажей.

Бронзовая позолоченная статуя будхисаттвы. Государство Пэкче, VII в. (Национальное достояние Республики Корея № 83)

Выделяют следующие особенности скульптурного изображения будд и бодхисатв. Волосы заплетены в шишкообразную прическу: шишечек может быть много или всего одна. Глаза имеют узкий разрез. На губах — «таинственная улыбка». На шее — три складки (три «кольца»), иногда может быть ожерелье. Складки одежд, как правило, u-образные или v-образные.

Больше всего скульптур, как небольших бронзовых позолоченных статуэток, так и монументальных каменных изваяний, сохранилось от королевства Силла (впоследствии — Объединенного Силла). Они датируются VII–VIII вв. Однако существуют редкие когурёские и пэкческие экземпляры. Среди них самыми известными являются когурёская бронзовая позолоченная статуэтка Будды Амитабы (покровителя «Западного рая») 539 г., обнаруженная в 1963 г. в селении Хачхонни

провинции Южная Кёнсан, и пэкческая бронзовая позолоченная статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары (по-корейски — Кваным) конца VI в., обнаруженная на месте бывшего монастыря в селении Кунсури провинции Южная Чолла.

Когда говорят о достижениях **ремесел** в ранней Корее, то прежде всего упоминают королевские короны, которые были найдены в гробницах. Как правило, короны изготавливались из бронзы и покрывались позолотой. Однако обнаружены четыре силлаские короны, выполненные из чистого золота. Форма корон напоминает рога животных. В этом прослеживается связь культуры ранней Кореи с сибирскими (скифскими) культурными пластами.

Кроме того, в королевских гробницах Когурё, Пэкче и Силла были найдены золотые серьги, серебряные шпильки для волос, бронзовые зеркала, изделия из стекла (кувшины, кубки, бусы), а также упряжь для лошадей и многое другое. Больше всего ремесленных изделий сохранилось в силласких гробницах, расположенных на южной оконечности Корейского полуострова, в районе которого происходило не так много битв, в отличие от северо-запада или центральной части Кореи.

Вся керамика периода Трех государств была глиняной. Фарфор появился на территории Корейского полуострова значительно позже. Высшее сословие иногда пользовалось посудой из золота, серебра и бронзы. Бронзовые изделия встречаются чаще.

В Когурё и Пэкче наибольшее развитие получила черная керамика, в Силла — более светлая, серо-черная или серая. Во всех Трех государствах керамические изделия изготавливались также и из тра-

Глиняная фигурка всадника.
Государство Силла
(Национальное достояние
Республики Корея № 91)

диционной красной глины. В силлаской керамике на стенках сосудов нередко встречаются рельефные изображения мифических животных и всевозможные узоры. В Когурё большое распространение получили сосуды с тремя ножками и с четырьмя ушками. Пэкческая керамика отличается большей плавностью линий. В начальный период истории Пэкче изготавливалась в основном темная керамика. Позднее приобрели популярность серые трехножные сосуды. Нередко на пэкческих сосудах оставались «естественные узоры», образовавшиеся в результате термической обработки.

Живопись в Трех государствах представлена в основном настенными росписями гробниц. Согласно историческим источникам, можно утверждать, что в Когурё, Пэкче и Силла получила развитие также классическая дальневосточная живопись на бумаге и шелке. Однако ни одно из ее произведений до наших дней не сохранилось. Известны лишь имена отдельных художников: например, пэкческий художник V в. Инса Раа, когурёский буддийский монах-художник Там Чжин (579–631). Кстати, оба в свое время жили в Японии и внесли значительный вклад в развитие японской живописи.

Настенную живопись Трех государств принято делить на четыре основные категории: 1) религиозная небуддийская; 2) религиозная буддийская; 3) бытовая добуддийская; 4) бытовая буддийская.

К религиозным небуддийским мотивам относят изображения солнца, луны, звезд, Небесного государя (верховное божество мироздания), трехногой птицы, четырех духов-хранителей сторон света. За юг «отвечал» красный феникс, за восток – синий дракон, за запад – белый тигр, за север – «черное воинство», т. е. змея с черепахой.

Самым распространенным буддийским мотивом является изображение лотоса. Лотос – особый цветок буддизма, символ чистоты и красоты, растет на болоте, посреди грязи всего мирского. В скульптуре и живописи изображение лотоса часто играет роль постамента, на котором располагают фигуру (скульптуру) Будды. К буддийским мотивам также относятся свастика – символ печати сердца Будды, изображение буддийских монахов.

К бытовым добуддийским элементам в живописи Трех государств относят изображения «хозяина гробницы» (т. е. погребенного), его приближенных, различных сцен из жизни покойного: охота, церемониальные шествия, прием подчиненных сановников. Также на стенах гробниц можно увидеть пейзажную живопись, изображения сцен трудовой деятельности простого народа.

Бытовые буддийские мотивы выражены неярко. Как правило, они проявляются в особенностях изображения отдельных узоров или фрагментов пейзажа, стилизованных изображениях облаков.

К общим чертам настенной живописи Трех государств относятся следующие три момента. Во-первых, особенное, яркое выражение движения. Лошадь изображается так, что все ее четыре ноги не касаются поверхности земли, а хвост развевается по ветру, что создает впечатление ее полета. Духи-животные также изображаются в стремительном движении. Во-вторых, пренебрежение линией горизонта. В-третьих, особенности живописной техники: сначала наносился черный контур, а затем накладывались цвета — красный, синий, желтый, зеленый, белый. В корейской историографии встречается точка зрения, согласно которой преимущественное использование оттенков красного цвета имело целью придать изображению дух погребальной таинственности. Однако в настенной живописи каждого из Трех государств были свои особенности.

Историю развития настенной живописи Когурё разделяют на три этапа. Первый этап длился до V в. Тогда на стенах погребальной камеры гробницы изображались покойный («хозяин гробницы»), его супруга, а рядом, на втором плане — приближенные. Второй период датируется первой половиной VI в. В это время в центральном помещении гробницы располагались портреты только покойного и его жены. Портреты приближенных и слуг — на стенах соседних помещений. Изображения духов-хранителей можно было найти при входе в гробницу или по краям картин. Третий период длился со второй половины VI в. до первой половины VII в. Тогда изображение хозяев полностью исчезло, и основным мотивом росписи стали духи-хранители четырех сторон света.

От настенной живописи Пэкче практически ничего не сохранилось. В некоторых гробницах в районе современных городов Кончжу и Пуё находят места, где раньше, очевидно, была штукатурка, по которой наносилось изображение. До наших дней дошли лишь фрагменты изображения духов-хранителей — синего дракона и белого тигра.

Остатки красочного покрытия, которые находят на стенах погребальных камер силласких гробниц, доказывают, что и в Силла была развита настенная живопись. Однако до наших дней сохранились лишь фрагменты изображения цветов лотоса на потолке, фигур людей и лошадей. Манера изображения лошадей в Силла схожа с тех-

ником исполнения в Когурё: тот же развевающийся по ветру хвост и поднятые над землей четыре ноги.

Лучшая сохранность фресок на севере Кореи, а погребальной утвари на юге во многом объясняется особенностями географического положения мест захоронений. В районе Пхеньяна (поздней столицы Когурё) климат значительно суше, чем у Кёнчжу (столицы Силла)⁵⁶. Однако, Кёнчжу находился в стороне от основных полей сражений как между самими Тремя государствами, так и с северными и западными соседями. Пхеньян же, наоборот, располагаясь не так далеко от северо-западных границ страны, чаще подвергался нападениям и грабежам со стороны внешних агрессоров.

Глава 7. ВОЙНЫ МЕЖДУ ТРЕМЯ ГОСУДАРСТВАМИ

Как уже говорилось в предыдущих главах, до IV–V вв. у Трех государств практически не было общих границ и поэтому между ними не возникало крупных военных конфликтов. В IV в. ситуация изменилась. В 313 г. Когурё завоевало китайский округ Лэлан (по-корейски — Наннан; еще его называли Хангунхён), находившийся на южных границах Когурё. После этого у Когурё и Пэкче появились общие границы.

Отношения между новыми соседями не могли быть мирными. К IV в. в целом завершился процесс формирования Трех государств, который шел по пути подчинения слабых протогосударственных образований более сильными. Всякая новая соседняя территория, появлявшаяся в результате расширения границ государства (протогосударства), рассматривалась как потенциальный объект для дальнейших завоеваний.

Рассмотрение истории Кореи IV–VI вв. в рамках международных отношений — создания военных союзов или военного противостояния — отражает основную тенденцию исторического развития того времени, приведшую, в конечном счете, к формированию единого государства. Эффективность именно такого подхода доказывается

---

⁵⁶ В период Трех государств столица Силла именовалась Сораболь; позднее была переименована в Кымсон.

тем, что не только автор настоящей книги⁵⁷, но и южнокорейские исследователи также постепенно обращаются к рассматриваемой теме⁵⁸.

§ 1. Противостояние Пэкче и Когурё

Почти половина столетия понадобилась Когурё для того, чтобы освоить новые территории бывшего Лэлана. Со второй половины IV в. Когурё начинает активные действия против Пэкче. В 369 г. 20-тысячное войско⁵⁹ — конница и пехота во главе с государем Когугвон-ваном (331–370)⁶⁰, вторглось на территорию Пэкче, но потерпело поражение. В 371 г. вторая попытка военного похода на Пэкче также оказалась неудачной. Зимой того же года 30 тыс. пэкческих войск напали на Пхеньян и одержали победу. Когугвон-ван погиб, сраженный пэкческой стрелой.

Причиной поражений первых военных походов принято считать менее высокий культурный уровень Когурё по сравнению с Пэкче, которое раньше восприняло конфуцианство и другие достижения китайской культуры. Именно в правление следующего когурёского короля Сосурим-вана (371–388) Когурё начало активно знакомиться с конфуцианством и буддизмом. Поэтому правление Квангэтхо-вана (391–412), храмовое имя которого можно дословно перевести как «Король — расширитель земель», было успешным для Когурё во всех отношениях.

С 371 по 391 г. Пэкче четыре раза нападало на Когурё. В 386 г. Когурё пыталось покорить Пэкче, но все так же безуспешно. И лишь Квангэтхо-ван, дважды отправив в 391 г.⁶¹ войска на Пэкче, добился

⁵⁷ См.: Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. СПб., 2002. С. 86–93.

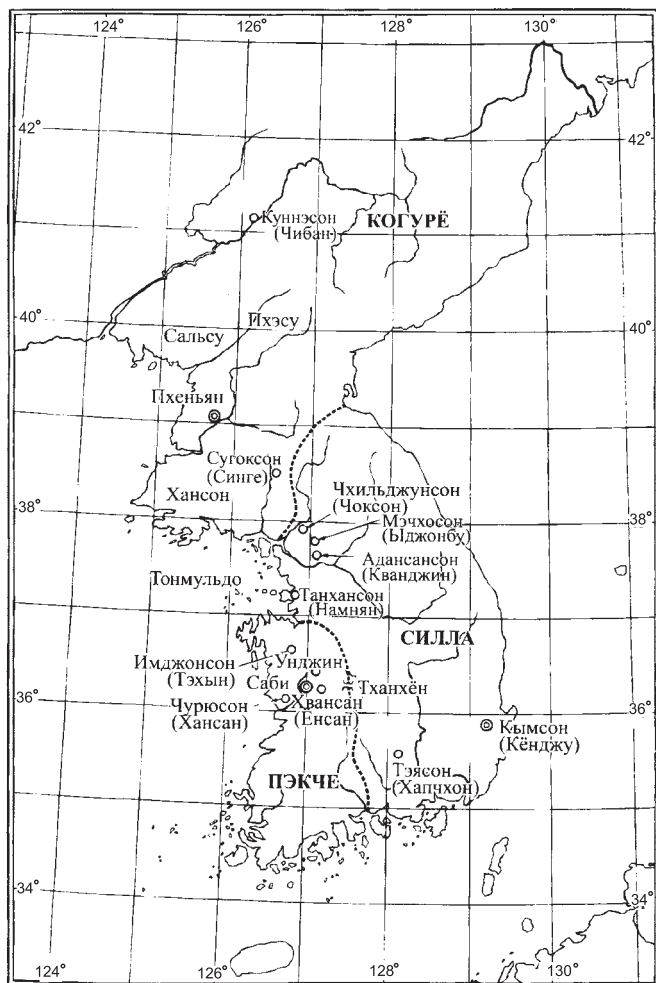
⁵⁸ Jung Woon Yong. Trends in Koguryo's Relationship with Paekche and Silla during the 4th–7th Centuries // International Journal of Korean History. Vol. 8. Aug. 2005. Seoul. P. 85–125.

⁵⁹ В ранних и средневековых корейских, китайских и др. источниках цифры статистики, в особенности военной, как правило, округлены и редко признаются исследователями как точные.

⁶⁰ Современные отечественные хронологические таблицы отмечают 370 г. как последний год правления Когугвон-вана, поскольку это первый год правления следующего короля — Сосурим-вана. Однако в действительности Когугвон-ван правил до 371 г. Точно так же, меньше на один год, принято обозначать даты правления некоторых других королей.

⁶¹ Встречается и другая дата — 392 г. В связи с трудностями перевода дат с традиционного дальневосточного летоисчисления в григорианский календарь нередко возникают расхождения в 1 год.

Карта № 3. Три государства в период военного противостояния

успеха, захватив в двух походах 11 крепостей и городов. В 395 г. он успешно отразил нападение пэкчесцев. А в 396 г. когурёские войска захватили 58 пэкческих городов, 700 поселений, дошли до столичного города Хансон и взяли в качестве заложников брата пэкческого государя и его 10 министров.

Впоследствии Пэкче удалось выменять заложников за 1000 рабов, ткани и клятву быть преданным Когурё. Однако Пэкче, очевидно, не собиралось быть верным клятве. В 397 г. оно попыталось заключить союз с Японией (которую в Корее тогда называли «государством Вэ») и примерно в то же время — с ослабевавшим южным соседом, корейским протогосударством Карак, одним из союза протогосударств Кая⁶².

В конце IV в. на военно-дипломатическую арену Трёх государств начинает выходить королевство Силла. Как раз на рубеже IV и V столетий в Силла окончательно устанавливается власть семьи Ким, и при поддержке Когурё оно получает признание в Китае. Поскольку сопредельные с Серединной империей государства были ниже по статусу и формально находились в подчиненном положении у китайского императора, постольку каждая новая династия таких государств для подтверждения законности своей власти должна была быть признана в Китае.

Успешная военная деятельность Квангэтхо-вана, в результате которой границы Когурё значительно расширились на юг, позволила перенести когурёскую столицу в Пхеньян. Это произошло в 427 г. В V в. в военном противостоянии Когурё и Пэкче наступило некоторое затишье. Только в 475 г. имел место крупный военный поход Когурё в Пэкче, когда король Чансу-ван (413–491) снарядил 30-тысячное войско, сумел захватить пэкческую столицу Хансон и взять в плен 8 тыс. человек. Следовательно, есть основания говорить о том, что активное военное противостояние Трёх государств началось все же не в IV в., а значительно позже.

§ 2. Союз Пэкче и Силла

Можно сказать, что именно на протяжении «спокойного» V столетия сформировался союз Пэкче и Силла. Силла всячески стремилось избавиться от зависимости от Когурё, особенно во внешней

---

⁶² Подробнее см.: *Тихонов В. М.* История каяских протогосударств (вторая половина V в. — 562 г.). М., 1998.

политике, в сношениях с Китаем. А Пэкче был нужен военный союзник для защиты своих северных границ от Когурё. Поэтому в 433 и 434 гг. между Пэкче и Силла произошел обмен посланниками. Известно, что в письмах, адресованных пэкческому и силласкому государям, ставился вопрос о необходимости военного союза против Когурё.

У Когурё, в свою очередь, в первой половине и в середине V в. возникли проблемы в отношениях с соседними китайскими государствами эпохи Южных и Северных династий, в частности с Северным Вэй (386–535). Будучи в курсе дипломатических проблем, Пэкче пыталось заключить союз с Северным Вэй, но неудачно. Когурё, напротив, удалось решить проблему безопасности северных границ. Именно поэтому король Чансу-ван и предпринял военный поход против Пэкче. Тогда же реализовался на практике военный союз Пэкче и Силла. Последнее отправило 10 тыс. человек на помощь, но войска прибыли к месту сражений слишком поздно. Ранее, в 455 г., во время небольшого рейда войска Когурё в Пэкче силлаские воины также принимали участие в отражении нападения.

К концу V — началу VI в. союз Пэкче и Силла укрепился настолько, что оба государства начали проводить более агрессивную политику в отношении соседних государств. Сначала предметом внимания стал союз каяских протогосударств. В 513 г. Пэкче присоединило к своим землям каяское владение Тэса, в 532 г. Силла покорило Кымгван Кая, а в 562 г. — последнее из каяских государств — Тэкая. В отношении Кая, правда, Пэкче и Силла действовали не как союзные государства, а независимо друг от друга, каждое преследуя свои собственные цели.

В начале VI в. в Силла стал активно проникать буддизм, установилась четкая административная система, внедрялась передовая китайская техника. Иными словами, постепенно Силла становилось все более сильным и развитым государством. Поэтому, когда в 550 г.⁶³ пэкческий король Сон-ван (523–553) снарядил в Когурё войско вместе с силласкими войсками, поход завершился победой союзников, и Пэкче удалось отвоевать 6 округов из тех, которые еще в 475 г. были захвачены Когурё. Силла также присоединило себе 10 когурёских округов в районе реки Ханган.

Факт присоединения части совместно отвоеванных у Когурё земель к Силла показал, что теперь у Силла на северных границах

⁶³ В некоторых исторических работах время похода определяют 551 г.

появились собственные территориальные интересы и они оказались важнее, чем союзные отношения с Пэкче.

§ 3. Развал союза Пэкче и Силла

Окрыленный победами над Когурё силлаский государь Чинхын-ван (540–575) решил расширить свои северные территории за счет Пэкче. В 553 г. он отправил войска на северо-запад, к границам с Пэкче, и присоединил пэкческие земли, основав округ Синчжу. В следующем, 554 г. пэкческий король Сон-ван лично повел войска против Силла, чтобы вернуть захваченные территории. В боях погиб он сам и вместе с ним — четверо ближайших высокопоставленных сановников. Пэкческая армия понесла потери в 29 600 человек. Сто двадцатилетний союз Пэкче и Силла распался, два соседних государства стали врагами.

В то же время со второй половины VI в. Силла становится сильнейшим государством на Корейском полуострове. В стране был проведен ряд реформ. В 576 г. основана школа молодых воинов-аристократов *хваран*. Ей мы посвятим специальный раздел следующей главы. Внешнеполитический баланс сил также складывался в пользу Силла.

В 581 г. в Китае была провозглашена новая «династия» Суй (581–618), объединившая в дальнейшем под своей властью большую часть страны⁶⁴. Силла сразу установило дружественные отношения с новой китайской династией, в то время как Когурё и Пэкче в союзе с тюркскими племенами противостояли Суй. Больше всего нападениям Суй подверглось пограничное королевство Когурё в 598–612 гг. В это же время королевство Силла, пользуясь благосклонностью своего нового китайского союзника и затруднениями северного соседа, присоединило к своим территориям значительную часть южных земель Когурё.

В VII в. противостояние Силла и Пэкче продолжилось. В 642 г. предпоследний пэкческий государь Му-ван (600–644) лично отправился со своими войсками в Силла в направлении южнее хребта Собэк. Военный поход оказался успешным, было захвачено более 40 крепостей. В тот же год был предпринят еще один победоносный поход на Силла. В результате силлаская королева Сондон-нёван (632–646) даже попыталась попросить помощи у Когурё, с которым

⁶⁴ Формально временем начала правления династии Суй на всей территории Китая считается 589 г. — год покорения Суй «династии» Чэнь (557–588).

никогда не находилась в хороших отношениях, но получила ответ, что помощь будет оказана только в том случае, если Силла возвратит когурёские земли, захваченные ранее. Условия Когурё оказались неприемлемыми для Силла.

Однако союз Силла и Когурё оказался невозможным не только по причине требований Когурё. Силла, ставшее союзником все более и более усиливавшегося Китая, не могло не отвечать на требования Серединного государства, просившего о военной помощи против Когурё и Пэкче. Так, в 645 г. силлаские войска вместе с китайскими нападали на Когурё, а затем на Пэкче.

В создавшихся условиях могло произойти сближение Когурё и Пэкче перед лицом общих врагов, однако Когурё еще долго совершало эпизодические нападения на пограничные пэкческие территории. Поэтому Когурё пришлось принять на себя всю тяжесть отражения китайской агрессии на Корейский полуостров.

§ 4. Войны Когурё с китайской империей Суй

Военное противостояние Китая и ранней Кореи началось еще со времени государства Древний Чосон. Наибольшей агрессии извне подвергались территории северо-запада Корейского полуострова, т. е. Когурё. Нападения совершали не только китайские армии, но и кочевые племена сюнну (гунны), сяньби и многие другие.

После провозглашения империи Суй Когурё в течение первых лет, с 581 по 597 г., регулярно посылало посольства с данью для выражения формальной вассальной зависимости Когурё от Суй и признания Суй центром Поднебесной. В то же время, Когурё продолжало посылать на юг Китая аналогичные посольства ко двору государства Чэнь (557–588), ведя политику двойной дипломатии, стараясь сохранить мир со своими могучими соседями. Однако после того как в 589 г. империя Суй покорила Чэнь, в Когурё поняли, что вскоре Суй организует военный поход и против Когурё. Поэтому когурёсцы стали заранее готовиться к возможной китайской агрессии. Они пригласили из Китая специалистов по военной технике, стали изготавливать новое оружие. Когурёсцы взяли в заложники суйских послов, которые были отправлены в Когурё для изучения обстановки. Когурёсцы встречали с недоверием неоднократные послания суйского императора Вэнь-ди о благорасположении к Когурё.

В 598 г., летом, ожидая нападения Суй, когурёсцы нанесли превентивный удар⁶⁵ в районе Ляоси войском всего в 10 тыс. человек, состоявшим главным образом из народности мальгаль (мохэ). В ответ из Суй были посланы войска на Пхеньян. Предвидя возможное нападение Суй на столичный город, королевскую резиденцию еще в 586 г. перенесли в соседнюю крепость Чанансон, так что когурёский король был вне опасности. В тот год в Когурё выпало необычайно много дождей, и из-за наводнения у китайской армии возникли проблемы с подвозкой продовольствия. Начался голод, суйской армии пришлось отказаться от дальнейших действий, и в начале осени китайские войска покинули Когурё. В этом походе они потеряли по 8–9 человек из каждого десятка. Силла, несмотря на союзные отношения с Суй, не принимало участия в походе суйской армии на Пхеньян.

После первого крупного военного конфликта между двумя государствами на некоторое время установились мирные отношения, и Когурё, как и прежде, стало отправлять в Суй посланников с подношениями императору. Вместе с тем, Когурё пыталось заранее заручиться поддержкой тюркских племен. Например, в 607 г. направлялись посланники в Восточно-тюркский каганат. Суй тоже готовилась к новому походу на Когурё. В 608 г. император Ян-ди (605–616) издал указ о строительстве 100 тыс. колесниц, а в 611 г. — указ о походе на Когурё.

Поход начался зимой, в начале 612 г. В Китае династии Суй насчитывалось 24 армии (1 млн 333 тыс. 800 человек). Из них в Когурё было брошено 9 армий (305 тыс. человек).

Видя такое огромное количество войск, когурёсцы решили сразу не вступать в бой, а действовать по принципу «сначала сохраняй [свои войска], а потом нападай». Навстречу китайцам был послан знаменитый когурёский военачальник и министр Ыльчжи Мундок. Он то вступал с суйцами в бой, следуя тактике «7 боев — 7 поражений», то посещал лагерь противника с ложными заявлениями о сдаче, а на самом деле пытался выяснить истинное положение дел. Иными словами, когурёсцы избрали тактику заманивания врага вглубь своей территории.

Суйцы, помня опыт военной кампании 598 г., на этот раз взяли с собой продовольствия примерно на 100 дней. Но изнуренные тяжелым походом, рассчитывавшие на быструю победу солдаты не

---

⁶⁵ Такова трактовка указанных событий в современной южнокорейской историографии.

слушали приказов и зарывали зерно. Поэтому на полпути к Пхеньяну запасы продовольствия у суйцев закончились. И все же заманиваемые Ыльчжи Мундоком китайцы дошли до Пхеньяна. Там, в удобном для когурёсцев ущелье на реке Сальсу, китайцы были наголову разбиты и в панике бежали, пройдя практически за одни сутки огромное расстояние до реки Амноккан⁶⁶. А когда оставшиеся войска дошли до крепости Ляодун, то оказалось, что из 305 тыс. человек, отправившихся в Когурё, вернулось только 2700 человек.

После поражения 612 г. Суй дважды организовывала военные походы против Когурё — в 613 и 614 гг. В 613 г. сражения шли главным образом в районе крепости Ляодун, в 614 г. — у крепости Писа, на юге полуострова Ляодун. И ни разу Суй не удавалось одержать победу.

Походы в Корею подрывали мощь Суй. Для восполнения расходов увеличивалось налогообложение простого народа. Это вызывало недовольство как среди низших слоев населения, так и среди аристократии. Последние годы Суй стали временем смут и дворцовых переворотов. В результате в 618 г. к власти пришла семья Ли, провозгласившая образование новой китайской империи Тан (618–907). Тан унаследовала от Суй агрессивный характер политики на Корейском полуострове.

Глава 8. ВОЙНЫ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ С КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ТАН И ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ ПОД ЭГИДОЙ СИЛЛА

Итак, в результате процессов, описанных в предыдущей главе, в Китае была образована империя Тан во главе с императором Гаоцзу (618–626). Подобно истории отношений с государством Суй, в первое время отношения между Тан и Тремя государствами были мирными, происходил обмен посольствами. Особенно благоприятно складывались отношения между Тан и Когурё, которому династия Тан была обязана помощью в ослаблении Суй. В Когурё и Китай возвращались воины, взятые в плен в ходе суйско-когурёских войн. Однако мир между Китаем и Кореей оказался непрочным. С сере-

⁶⁶ В настоящее время река Амноккан (Ялудзьян) является пограничной между Китаем и Северной Кореей.

дины VII в. танский Китай начинает вести агрессивную политику в отношении Корейского полуострова.

Войны Трех государств с империей Тан удобнее всего излагать в соответствии с двумя периодами: 1) войны Когурё и Тан, не связанные с процессом объединения Корейского полуострова; 2) войны Тан с Пэкче и Когурё (а затем с Силла), ставшие частью объединительного процесса.

§ 1. Войны Когурё с китайской империей Тан в середине VII в.

Хорошие отношения с династией Тан имели для Когурё обратные последствия. Укрепив свое положение на северо-западе, т. е. на границах с Тан, Когурё начало оказывать давление на соседние корейские государства — Пэкче и Силла. Однако Пэкче и Силла также пытались установить дружеские отношения с Тан. Таким образом, в первой трети VII в. обострилось противостояние между Тремя государствами.

Тан, воспользовавшись таким положением на Корейском полуострове, постепенно начало оказывать давление на Когурё. В 631 г. в Когурё отправили посланцев, чтобы посетить могилы суйских воинов, погибших в сражениях с Когурё, и совершить там церемонии жертвоприношений их духам. В то же время китайцы разрушили когурёские курганы *кёнгван*, являвшиеся символами победы Когурё над Суй. Подобное выражение преемственности династий Тан и Суй насторожило когурёсцев. Поэтому в том же году было принято решение о строительстве на севере оборонительной стены длиной в 1000 ли. Работы были завершены через 16 лет.

Между тем внутренняя ситуация в Когурё складывалась не слишком благоприятно для укрепления его военной мощи. Высшее чиновничество разделилось на две группировки. Одна ратовала за войну с Тан, другая — за мир на севере (с Китаем) и войну с южными соседями (Пэкче и Силла). Сначала при дворе доминировала группировка, настаивавшая на войнах с соседними корейскими государствами, которую возглавлял наследник престола. Затем к власти пришли сторонники войны с Китаем, при этом погибло более 1000 высокопоставленных представителей оппозиции. В то же время именно в первой половине VII в. стал оформляться союз королевства Силла и Тан, направленный против Когурё и Пэкче.

К середине VII в. стало понятно, что Тан начинает относиться к Когурё как к вражескому государству. В 644 г. в Тан начались приготовления к военному походу на Когурё. Было определено, что 60-тысячная армия направится в район полуострова Ляодун, а 43 тыс. человек на 500 кораблях должны морем дойти до Пхеньяна. Основной целью военных действий против Когурё было возвращение Китаю земель Ляодуна.

Боевые действия начались в 4-м лунном месяце⁶⁷ 645 г. и происходили главным образом к востоку от реки Ляохэ, на подступах к Ляодунскому полуострову. Китайские войска возглавлял лично император Тай-цзун (627–649). Для Когурё первые военные столкновения с танскими войсками оказались неудачными. Корейские крепости покорялись одна за другой. Первой когурёской крепостью, оказавшей значительное сопротивление, стала крепость Ёдонсон (по-китайски — Ляодуншэн), на помощь которой Когурё отправило 40-тысячное войско. Но и она в конечном счете была взята, а когурёсцы потеряли 10 тыс. человек убитыми, и 10 тыс. воинов были взяты в плен.

Сдержать танские войска удалось только у крепости Ансисон. К ней была послана подмога — когурёские войска во главе с Ко Ёнсу и 150 тыс. человек мальгальских войск. Прямые атаки на Ансисон успеха китайцам не принесли. Поверив ложному посланию китайского императора о его миролюбивых намерениях, на вражескую сторону перешел Ко Ёнсу. Но и это не помогло. В боях у Ансисона число убитых танцев превысило 30 тыс. Тогда было принято решение взять крепость в осаду. Более 500 тыс. человек строили валы вокруг города. Их высота превысила городские стены. Иногда атаки на крепость предпринимались по 6–7 раз в день. Но защитники Ансисона не сдавались. Наступила осень, начались заморозки. Танские войска стали ощущать недостаток продовольствия. Император Тай-цзун приказал повернуть войска назад. Первая попытка танского Китая покорить Когурё закончилась неудачей.

⁶⁷ Издавна на Дальнем Востоке, в том числе и в Корее, был принят так называемый лунно-солнечный календарь, в котором начало, конец и продолжительность месяца были связаны с фазами луны. Таким образом, каждый новый лунный год начинался с началом первого лунного месяца и мог иметь по 12 или 13 месяцев. В современной исторической литературе, описывающей события дальневосточной древности и средневековья, часто используется смешанный календарь, когда год указывают согласно григорианскому календарю, а месяц — по традиционному лунному (подробнее см., напр.: *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987).

Тогда в Китае решили подтачивать мощь Когурё постепенно, совершая короткие военные походы на пограничные территории. Первый из них был снаряжен в 647 г., второй — в 648 г. Оба похода были достаточно успешными для династии Тан, так как не преследовали целей покорения Когурё. Тай-цзун даже принял было решение о снаряжении 300-тысячной армии для отправки в Когурё в 649 г. Однако в 4-м лунном месяце император скончался, завещав прекратить походы на Ляодун.

§ 2. Покорение Пэкче и Когурё танским Китаем и объединение Кореи под эгидой королевства Силла

Сменивший Тай-цзуна новый китайский император Гао-цзун (650–683), следуя совету своего предшественника, больше не снаряжал масштабных походов в Когурё, но мысли покорить Корейский полуостров, очевидно, не оставил, тем более что у танского Китая на юге полуострова был союзник — королевство Силла.

Для Силла союз с Китаем также был необходим. В первой половине VII в. Силла понесло значительные потери в результате военной активности Пэкче. С 602 г. и в течение всего времени правления государя Му-вана (600–644) Пэкче неоднократно нападало на Силла, а начиная с похода 642 г. стало захватывать большое количество силласких крепостей: в 642 г. — 40, в 645 г. — 7, в 648 г. — 10, в 655 г. (совместно с войсками Когурё и мальгаль) — 33. Поэтому Силла была необходима военная помощь Китая для покорения своих северных соседей.

Пэкче первым подверглось совместному удару Тан и Силла. В 660 г. из Китая по Желтому морю⁶⁸ на кораблях в Пэкче отправилось 130-тысячное войско. Одновременно из Силла по морю было выслано 100 кораблей, а 50 тыс. человек двинулись по суше к столице Пэкче — городу Сабисон.

Пэкче не было готово к отражению агрессии. Во-первых, значительно ослабла центральная власть, на что повлияла и личность самого государя Ыйчжа-вана (645–660). Если в первые десять лет своего правления он сделал немало для процветания государства, снаряжал успешные военные походы в Силла, то к концу правления потерял всякий интерес к государственным делам. Это, в свою

⁶⁸ Как отмечалось, в Корею, как Северной, так и Южной, Желтое море нередко именуется Западным морем, или Западно-Корейским морем.

очередь, привело к отсутствию единства руководства страной в критический 660 г. Когда было получено известие о готовящемся нападении Тан и Силла, в столице был созван совет. Члены совета разделились на несколько групп. Одни говорили о необходимости сразу атаковать танские войска, чтобы тем самым показать силласцам, что лучше и не пытаться нападать на Пэкче. Другие, наоборот, предлагали не вступать в бой с танской армией, но преградить им путь, чтобы измотать, а напасть в первую очередь на войска Силла. Третьи рекомендовали допустить врага на территорию Пэкче, дать пройти через основные горные перевалы и уже потом вступать в бой.

В результате Ёйчжа-ван принял последнюю тактику. Но она оказалась неверной. Пять тысяч воинов-смертников, мужественно сражавшихся с танскими войсками, хотя и одерживали победы, в силу своей малочисленности не смогли остановить продвижение врагов к столице. В 12-й день 7-го лунного месяца войска Тан и Силла окружили столицу Пэкче — Сабисон и приступили к атаке. В городе началась неразбериха. Ёйчжа-ван и другие члены королевской семьи бежали. Однако его второй сын, провозгласив себя новым королем, пытался оказывать сопротивление. В считанные дни столица Пэкче пала. Пэкческие пять областей *бу*, 37 округов *кун* и 200 городов (крепостей) *сон* с населением в 760 тыс. дворов перешли под контроль Танской империи. Вся территория Пэкче была разделена на пять наместничеств.

Современные историки так объясняют слабость Пэкче, приведшую его к быстрой гибели: 1) чрезмерный рост чиновничьего аппарата, сказавшийся на снижении эффективности государственного управления; 2) наличие слишком большой доли земельных наделов, переданных в частное владение, в результате чего уменьшилась площадь государственной земли, с которой собирались налоги на армию и другие общегосударственные нужды; 3) неблагоприятная роль отдельных высокопоставленных сановников. Хотя, конечно же, были в пэкческо-танской войне и свои герои. Например, существует легенда, повествующая о том, что во время штурма столицы Пэкче 3000 придворных девушек, не желая стать добычей врага, покончили жизнь самоубийством, бросившись со скалы.

Падение столичного города Сабисон вовсе не означало, что остальное население страны сразу покорилось династии Тан. Член королевской семьи, военачальник Поксин буквально сразу возглавил мятеж против танских войск. Вместе с принцем Пхуном, прибывшим из Японии в 661 (662?) г. и провозглашенным новым пэкческим

королем, он попытался отбить столицу. Однако вскоре между самими лидерами сопротивления возникли разногласия. К 663 (665?)⁶⁹ г. Пэкче было покорено окончательно.

Войну против **Когурё** Танский Китай начал сразу после падения пэкческой столицы, в 661 г. Для военного похода было собрано огромное войско из 35 армий. Часть из них во главе с полководцем Су Динфаном, успешно возглавлявшим военную кампанию в Пэкче, в 8-м лунном месяце направилась по морю к Пхеньяну. Другая двинулась к реке Амноккан по суше, минуя полуостров Ляодун.

Когурёсцам удавалось сдерживать китайскую армию у реки Амноккан до тех пор, пока река не покрылась льдом. По льду китайцы легко переправились и стремительно атаковали когурёсцев, которые потеряли более 30 тыс. человек убитыми. Несмотря на победу, танские войска ушли из Когурё, получив приказ императора об отзыве войск. Дело в том, что под Пхеньяном успехи китайской армии не были такими впечатляющими. Хотя танские войска смогли без особых потерь пробиться от берега Западного (Желтого) моря до Пхеньяна, осада города оказалась безуспешной. К тому же наступили холода и пошел сильный снег. Поэтому было принято решение о сворачивании военной кампании, и китайская армия вернулась обратно.

Понеся большие потери в результате первого военного похода Тан, Когурё значительно ослабло. К тому же реальная власть принадлежала не королю Почжан-вану (642–681), а различным придворным группировкам. До 666 г. фактическая власть в стране сосредоточивалась в руках полководца Ён Гэсомуна. После его смерти начался дележ власти между его сыновьями, что отрицательно сказалось на управлении страной. Поэтому когда в 667 г. в 9-м лунном месяце танские войска вторично по суше двинулись на Когурё, то сравнительно легко захватили 16 крепостей, расположенных на его северо-западных границах, на перешейке между Ляодунским и Корейским полуостровом. В следующем, 668 г. военные действия Тан в Когурё еще более активизировались. По всей стране танские войска покоряли когурёские крепости. Только в области Пуё было взято 40 крепостей. К 9-му лунному месяцу был взят в осаду Пхеньян. Вместе с китайской армией под Пхеньяном находились и силлаские войска. Больше месяца длилась осада. Однако неравные силы и предатель-

⁶⁹ В научной литературе можно встретить различные даты тех или иных событий. В случае указанных расхождений здесь и далее в книге будут приводиться разные варианты датировок (см., напр.: История Кореи (Новая трактовка). М., 2003. С. 51).

ство отдельных когурёских военачальников предопределили падение Пхеньяна. Пять когурёских областей *бу*, 176 городов, 990 тыс. дворов были заново разделены на девять военных округов, 42 области и 100 уездов. Для управления вновь покоренными территориями в Пхеньяне было учреждено Аньдунское военное наместничество. Во вновь образованные административные единицы были назначены и когурёские высокопоставленные чиновники, чтобы участвовать в делах управления вместе с китайцами. 38 300 семей когурёсцев было переселено в Китай.

Однако, как и в случае с Пэкче, многие когурёсцы не приняли подчинение своей страны Китаю и продолжали сопротивление. К 677 г. насчитывалось 11 когурёских крепостей, которые продолжали сражаться с Тан. Обстановка была тревожной, поэтому центр Аньдунского наместничества пришлось перенести из Пхеньяна на северо-запад, в город Синсон. Последний когурёский государь Почжан-ван, несмотря на то что был «прощен» китайским императором и пожалован титулом наместника Ляодуна, до конца своей жизни (682 г.) не расставался с намерениями восстановить Когурё.

Многие когурёсцы после поражения в войне с Тан стали уходить на соседние, свободные от китайского контроля территории. Одни шли на северо-восток, в Маньчжурию. Там впоследствии возникло государство Пархэ, в котором выходцы из Когурё играли немало важную роль. Другие переселялись в королевство Силла. Например, в 669 г. в Силла перешли более 4 тыс. семей. Почему Силла, бывшее еще недавно вражеским королевством, стало тем местом, куда желали переселиться когурёсцы? С одной стороны, у Когурё, Пэкче и Силла были общие культурные и этнические корни. Поэтому жить под властью силлаского короля и подчиняться силласким законам когурёсцам было куда легче, чем при китайском правлении. С другой стороны, именно с момента падения Когурё отношения между Силла и танским Китаем изменились коренным образом: бывшие союзники стали врагами. Военное противостояние Силла и Тан завершилось объединением большей части Корейского полуострова под властью Силла.

Противостояние Силла и Тан началось в 670 г., когда в бывшем Пэкче у крепости Соксон впервые произошло военное столкновение между китайскими и силласкими войсками. Оно не было случайным: еще в 660 г., во время танской военной кампании в Пэкче, полководец Су Динфан получал от императора послания, в которых высказывалась желательность покорения не только Пэкче, но и Сил-

ла. Силла, в свою очередь, также рассматривало Китай как временного союзника, привлечение военной мощи которого могло помочь покорить соседние корейские королевства.

Действительно, уже к 671 г. почти вся территория Пэкче оказалась под контролем Силла. Современные историки объясняют этот поразительный факт двумя важнейшими обстоятельствами: 1) практически полным отсутствием в Пэкче китайских войск, занятых военной кампанией в Когурё; 2) дипломатическими шагами Силла, до самого последнего момента убеждавшего китайских союзников в своей верности.

К 675 г. Китай окончательно разобрался в своих отношениях с королевством Силла и стал готовиться к войне. Китай первым начал широкомасштабные военные действия. Однако теперь к силласким войскам присоединились жители бывших Когурё и Пэкче. Расклад сил оказался не в пользу Китая. В результате к концу VII столетия под контроль Силла перешла территория бывшего Пэкче и небольшая часть земель Когурё к югу от реки Тэдонган. Оставшаяся северная часть Корейского полуострова вошла в состав государства Пархэ, сформировавшегося к концу VII в. Когурёские земли на полуострове Ляодун оказались под китайским контролем.

Итак, к концу VII в. большая часть Корейского полуострова была объединена под властью королевства Силла, которое оказалось сильнейшим из Трех государств. Не последнюю роль в этом сыграл географический фактор — максимальная удаленность от Китая. Победу в последующих сражениях с китайскими войсками нередко связывают в том числе и с особой культурой военного воспитания аристократической молодежи, именовавшейся *хваран*.

§ 3. Силлаский институт хваранов

Сохранилось не так много источников, из которых можно почерпнуть сведения о *хваранах*.⁷⁰ Прежде всего это «Исторические записи Трех государств» («*Самгук саги*») историка Ким Бусика и «Достопамятные события Трех государств» («*Самгук юса*») буддийского

⁷⁰ Тема *хваранов* стала весьма популярной в Южной Корее во второй половине XX в. Изменение экономической роли Республики Корея в мировом сообществе способствовало росту внимания к своей собственной традиционной культуре как элементу общемировой культуры. Поэтому изучение института *хваранов* в контексте роста популярности дальневосточных боевых искусств имеет для Кореи особое значение.

монаха Ирёна. О *хваранах* повествуют древнейшие памятники корейской поэзии в жанре песен *хянга*⁷¹, дошедшие до наших дней, — «Песня о *хваране* Чукчи», «Песня о *хваране* Кипха». Кроме того, в 1989 г. в Южной Корее было обнаружено сочинение под названием «Записи о поколениях *хваранов*» («*Хваран сеги*»). Его авторство приписывается известному силласкому ученому и высокопоставленному сановнику Ким Дэмуну, жившему во времена правления короля Сондог-вана (702–736). Обнаруженный рукописный экземпляр текста датируется довольно поздним временем, где-то между 1801 и 1834 гг. Поэтому многие ученые сомневаются в его достоверности. В «*Самгук саги*» о *хваранах* сказано примерно следующее.

На 37-м году правления короля Чинхын-вана (576 г.) впервые призывали ко двору людей, именовавшихся *вонхва*, что значит «изначальный цветок». Потому что еще раньше стали беспокоиться о том, что вскоре не из кого будет отбирать будущих военачальников. Вот почему решили позвать ко двору достойных людей и посмотреть, кто есть кто и у кого какие способности. Сначала нашли и представили двух очень красивых молодых девушек по имени Наммо и Чунчжон. Каждая из них собрала по 300 человек боевую дружину. Девушки ревностно относились к красоте друг друга. Поэтому как-то раз Чунчжон привела Наммо к себе домой, напоила вином и утопила в реке. После таких событий дружины распустили, а саму Чунчжон казнили. Однако через некоторое время начали отбирать красивых и достойных по качествам юношей, которых стали именовать *хваран*, что значит «цветочные мужи», и образовали из них новые дружины. Эти юноши учились постижению Пути и Справедливости, тренировали себя и еще пели красивые песни и путешествовали по стране, посещая живописные горы и речные потоки.

В «*Самгук юса*» также сказано, что, после того как в правление государя Чинхын-вана упразднили *вонхва*, все же поняли, что стране не обойтись без «Пути ветров и луны»⁷². Поэтому из семей уважаемых людей начали отбирать красивых молодых людей достойного поведения, которых называли *хваран*, а их руководителей — *сольволлан* («изначальный цветок полыни») — стали почитать за «государственных святых».

⁷¹ Подробнее о *хянга* см. в работах по истории корейской литературы М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич.

⁷² Выражение, символизирующее красоту природы.

Кто же такие загадочные *хвараны*, и чем они занимались? Вопрос этот непростой. В современной исторической науке многое о *хваранах* еще не понятно.

Известно, что у *хваранов* были «Пять предписаний для повседневной жизни», которые им заповедовал буддийский монах Вонгван, живший во времена правления короля Чинпхён-вана (579–631):

- верностью служи правителю;
- сыновней почтительностью служи родителям;
- доверием обретай друзей;
- во время боя нет отступлений;
- в убийнии или оставлении живым есть выбор.

Из указанных заповедей видно, что при обучении *хваранов* большое значение придавалось основным нормам конфуцианской морали, связанным с отношениями со старшими (служение правителю, родителям) и с равными членами сообщества (друзья). Вместе с тем две последние заповеди указывают на военную направленность организации *хваранов* с ориентацией на защиту отечества и в то же время на стремление избегать бессмысленных убийств.

Об организации *хваранов* можно сказать следующее. Со времени правления государя Чинхын-вана (540–575) из местной молодежи стали отбирать людей для того, чтобы сделать их *хваранами*. Во главе *хваранов* стояли так называемые *куксон* («государственные святые»), которых могли еще называть *вонхва* («источник цветов»), *хвачэжу* («хозяева цветов») или *пхунвольчэжу* («хозяева [Пути] ветра и луны»). Для удобства из всего обилия синонимичных терминов выберем термин *вонхва*. Таких *вонхва* было немного — от одного до трех-четырех на все государство. Каждому из *вонхва* подчинялось от 3–4 до 7–8 собственно *хваранов*. У последних в подчинении находились сотни или даже тысячи таких же, как и они, молодых людей, которых именовали *нандо*, т. е. «сопровождающие [цветочных] воинов», или «сопровождающие [цветочных] мужей». Таким образом, в стране могло быть одновременно несколько подобных военно-патриотических воспитательных молодежных структур во главе с *вонхва*. Кто стоял над *вонхва* и как их деятельность координировалась государственными органами, сказать трудно.

Исходя из сообщений «*Самгук саги*», можно отметить, что первыми *вонхва* были женщины. В связи с этим некоторые исследователи делают предположение, что у *хваранов* не было различий по половому признаку, и даже находят в этом зачатки исконно корейской демократии. Однако можно встретить и совсем иную точку

зрения, отрицающую подобное равноправие и утверждающую, что первые женщины-*вонхва* были обыкновенными *кисэн*⁷³, которых государственные структуры использовали для привлечения молодых людей.

По роду деятельности организация *хваранов* была не военной, а скорее воспитательно-тренировочной с элементами военной подготовки. Выделяют три основных вида деятельности *хваранов*: 1) закладка души и тела через изучение морали и постижение Пути; 2) изучение песен, музыки, сочинение стихов; 3) путешествие по стране в поисках красивых гор и речных потоков. Интересно отметить, что у *хваранов* было принято разрисовывать лицо. Нанесение грима объясняют либо желанием быть больше похожим на женщину, чтобы привлечь к себе внимание и помощь различных духов, либо непосредственным влиянием шаманизма: раскрашивание лица и есть акт становления шаманом.

Относительно социального состава *хваранов* существуют две точки зрения. Одна утверждает, что *хваранами* становились представители высшего сословия — *чинголь* с 6-го по 4-й ранг *тупхум*, или в крайнем случае — богатые свободные простолюдины, которые могли позволить себе не работать. Согласно второй точке зрения, *хваранами* становились обычные простолюдины, что представляется менее вероятным.

Возрастной состав *хваранов* определяют в пределах 15–18 лет. Отдельные исследователи отодвигают верхнюю границу возраста до 20 лет. *Вонхва*, управлявшие *хваранами*, были взрослыми людьми. Местом, где *хвараны* проходили свою подготовку, было либо гористое побережье Восточного моря⁷⁴, либо горы в окрестностях столицы Силла. Срок обучения — 3–4 года.

Как долго существовала организации *хваранов*, и какова ее историческая судьба? Общепризнанно, что как военно-культурно-воспитательная организация институт *хваранов* существовал со времени правления короля Чинхын-вана (540–575) до царствования королевы Чинсон-нёван (887–896). Вместе с гибелью самого королевства Силла исчез институт *хваранов* в том виде, в каком он функционировал в течение нескольких столетий. Однако слово *хваран* употреблялось в корейском языке как минимум до конца XIX столетия, обозначая

⁷³ Словарное значение слова *кисэн* — женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами.

⁷⁴ В Южной и Северной Корее Японское море называется исключительно как «Восточное море» или «Восточно-Корейское море».

при этом выходцев из «подлого сословия»: мужчин-шаманов, мужей шаманок или певцов и актеров.

Здесь есть над чем задуматься. Действительно, *хвараны* занимались деятельностью, похожей и на актерскую — пели песни, и на шаманскую — накладывали на лицо грим для «привлечения духов». Наверное, именно это сохранилось в народной памяти лучше всего. Быть может, потому, что военный аспект, по крайней мере в последнее время существования *хваранов*, не занимал значительного места в их деятельности.

Глава 9. АДМИНИСТРАТИВНОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА

В 660 и 668 гг. пали столицы королевств Пэкче и Когурё. К концу 670-х — началу 680-х годов более чем две трети территории Корейского полуострова были объединены под властью Силла.

История Объединенного Силла продолжалась не так долго, как предшествующих Трех государств или последующих корейских династий, — всего два с половиной столетия. Новое государство Корё было провозглашено в 918 г. (хотя старый силлаский королевский двор еще продолжал существовать после этого более десяти лет). Однако для истории Кореи создание первого единого государства стало значительным событием, положившим начало формированию единого корейского самосознания, единой корейской нации.

В период Трех государств в императорском Китае Корею называли «Три Хан», имея в виду протогосударства Махан, Чинхан и Пёнхан, существовавшие на юге Корейского полуострова до образования Когурё, Пэкче и Силла.

С конца VII в. в Корею начался активный процесс неформального объединения, связанный с тремя основными факторами: 1) принятие в Силла, в том числе и на *исконно силласких* территориях, беженцев из Когурё и Пэкче, их постепенная ассимиляция с коренным силласким населением; 2) превращение императорского Китая в общего врага для всех жителей Корейского полуострова⁷⁵; 3) подчинение

---

⁷⁵ Следует заметить, что, несмотря на военное противостояние корейских государств и Китая, последний, будучи Серединой империей, т. е. своеобразным «центром Вселенной», никогда не становился *абсолютным* врагом. Как только

или привлечение на сторону Силла пэкческой и когурёской аристократии, позволившие эффективно реализовать централизацию власти на вновь присоединенных землях.

В 687 г. объединенные под властью Силла территории были заново разделены на девять областей. А в силласком послании китайскому императору 692 г. уже говорилось о едином населении нового государства Силла, гордившегося фактом объединения полуострова. В то же время многовековое разделение страны на самостоятельные государства, имевшие различные исторические корни, не могло исчезнуть сразу, и его следы проявлялись на протяжении многих столетий. Известные корейские поэты, историки, ученые Объединенного Силла, последующей эпохи Корё (918–1392) нередко воспринимали себя «силласцами», «когурёсцами», «пэкчесцами». К примеру, поэт Чхве Чхивон (857–?) и историк Ким Бусик (1075–1151) считали себя людьми старого королевства Силла. Следующим толчком для преодоления такого культурно-регионалистского сознания стала лишь монгольская агрессия в Корею XIII в., способствовавшая большему единению населения. Однако проявления исторической памяти о Трех государствах можно было обнаружить даже в Корее XX в.

Интересно отметить, что в традиционной корейской историографии нет разграничения истории Трех государств и Объединенного Силла. История Силла воспринималась как единое целое. При этом период до объединительного процесса, т. е. до правления государя Мурёль-вана (654–660), именуется Ранней эпохой Силла, последующий период до правления короля Хегон-вана (765–779) — Средней эпохой Силла, и далее, до начала X в., — Поздней эпохой Силла.

В настоящей главе будут представлены реалии главным образом периода Средней эпохи как времени расцвета Объединенного Силла.

§ 1. Административное устройство Объединенного Силла

Формирование центральной власти в новых условиях единого государства требовало проведения более жесткой политики в отношении представителей служилого сословия. Во-первых, необходимо было ликвидировать оппозицию среди силласких сановников, настроенных прокитайски. Ведь еще недавно Силла было союзником Тан, и не

прекращались военные действия, корейские ваны отправляли в Китай послов с подарками китайскому императору для подтверждения своих вассальных отношений.

все меняли свои убеждения так быстро. Во-вторых, появилась необходимость усилить контроль за местной и неслужилой аристократией. Эта задача была особенно актуальной по отношению к вновь присоединенным территориям. Поэтому был избран путь укрепления системы сословного разделения *кольпхум*. О ней речь шла в предыдущих разделах книги.

Одновременно вводилась новая, более развитая система центральной и местной администрации, образцом для которой во многом послужили реалии танского Китая. Образовались новые министерства и ведомства. Все органы власти четко делились на центральные, местные и военные. Заново была пересмотрена система чиновничьих должностей, которую увязали с делением на ранги, с 1-го, высшего, по 17-й, низший.

В столице в центральных органах власти служили около тысячи человек, из которых к высшему сословию «истинной кости» *чинголь* относилось 3,6 %, к сословию «6-й головы» *тунхум* — 10,8, к 5-му *тунхум* — 17,6, к 4-му *тунхум* — 68 %.

Самую важную роль играло Исполнительное ведомство *Чунсабу*⁷⁶, нечто вроде совета министров во главе с «премьер-министром» *чунси*. В состав ведомства входили 27 человек. Всего в центральном правительстве было 54 различных ведомства и управления, от Внутридворцового совета *Нэсон*, Военного ведомства *Пёнбу*, Ведомства ритуалов *Йебу* до Управления колесниц *Сынбу*. Конфуцианская модель управления государством, в принципе, предполагает критику действий правителя со стороны его приближенных. Тем не менее в Силла Исполнительное ведомство всегда стояло на стороне короля.

Действительно, несмотря на то что в Объединенном Силла влияние китайской политической системы было достаточно велико, оно не смогло окончательно вытеснить из административной системы элементы родового строя. Например, в идеале чиновники должны были назначаться на должности по их качествам, независимо от их происхождения. Однако Военное ведомство, образованное еще в VI в., на протяжении длительного времени оставалось прибежищем старой аристократии.

Помимо указанных девяти областей *чу*, вся страна была поделена на 117 округов *кун* и 293 уезда *хён*. В пяти из девяти округов были учреждены «Пять малых столиц». Главы местной администрации

⁷⁶ Иногда это ведомство называют *Чунсасон* — Исполнительный совет.

(*весачжон*) направлялись в провинцию из столицы. Таким образом обеспечивалось четкое исполнение постановлений центральной власти на местах.

Для борьбы с местничеством существовал институт так называемых *сансури* — «мелких чиновников, находящихся под охраной наверху [в столице]». Суть его состояла в следующем: из местных чиновников избирались люди, которых отправляли в столицу для службы на невысоких должностях. Такие люди, с одной стороны, играли роль «заложников», которых могли казнить в случае неподчинения той или иной области, а с другой — действительно выполняли разные административные поручения. Традиция такого института для управления делами провинции сохранялась и в последующую эпоху Корё, но под другим названием — *киин*, «их люди».

Почему система *сансури* была эффективна? Местные мелкие чиновники, которых отправляли в столицу, являлись выходцами из знатных и влиятельных семей своей округи. Становясь «заложниками», они заставляли остальных членов своих семей, занимавших важные посты на местах и игравших заметную роль в жизни провинциального общества, исполнять распоряжения центра.

Низшей административной единицей Объединенного Силла были деревни, управлявшиеся старостами *чхончжусу* (дословно — «хозяева деревни»). Обычно старостами становились люди, имевшие силу и влияние в данной местности. Однако их деятельность всегда контролировалась чиновником, присланным из центра.

Кроме обычных деревень в Объединенном Силла были особо определены поселения, именовавшиеся *хян, со, пугок*, — места компактного проживания представителей низших сословий, к которым относились рабы⁷⁷, их дети и внуки, пленники, преступники и их дети.

Военная система с формальной точки зрения подверглась незначительным изменениям в Объединенном Силла. Шесть столичных подразделений *чон* были реорганизованы в Девять полков *содан*. На северных границах с Китаем и государством Пархэ в качестве военных поселений были размещены Девять подразделений *чон*. Служащие таких подразделений занимались одновременно и военной подготовкой, и работой в поле. Для обеспечения других материальных нужд подразделений *чон*, например для строительных работ, могли привлекаться крестьяне из окрестных деревень.

⁷⁷ См. комментарий к термину «раб» в § 2 настоящей главы.

§ 2. Социально-экономическое устройство Объединенного Силла

Высокопоставленные сановники и аристократия Объединенного Силла владели частными землями, которых изначально было не так много, рабами-*ноби* и так называемыми «гостями», или *мунгэк*, что дословно означает «гости у ворот».

О «гостях» следует сказать несколько подробнее, поскольку эта категория населения, традиционная и для Китая, существовала в Корее в течение многих столетий, вплоть до нового времени. По своему социальному положению «гости» были лично свободными. Выполняя определенные поручения «хозяина», они получали за это еду, иногда одежду, кров и другие вознаграждения. Поручения могли быть самыми разнообразными — от мелких хозяйственных дел до участия в утонченных беседах или вооруженных походах. Характер поручений зависел от уровня образования и личных способностей «гостя».

Категория населения *ноби* также требует особых комментариев. В отечественной литературе термин *ноби* нередко переводят как «раб», что не совсем корректно, поскольку понятие *ноби* отличается от принятого в современном отечественном обществоведении представления о *рабах* и их статусе. В Корее почти на протяжении всей ее истории, начиная с Древнего Чосона и вплоть до XIX в., существовали частные и государственные *ноби*. Частные *ноби* в основном исполняли роль домашних слуг, государственные были приписаны к различным правительственным учреждениям, например к почтовым станциям. Несомненно, в разное время истории Кореи статус и положение *ноби* были различными, и в ранние эпохи *ноби* могли быть «рабами» в общепринятом смысле этого слова. Однако на протяжении большей части корейской истории, несмотря на то что *ноби* не были лично свободными и могли стать объектом купли-продажи, они обладали правом собственности, а в позднее средневековье отдельные *ноби* имели в частной собственности других таких же *ноби* и могли обладать большими материальными богатствами, чем свободное население. Некоторые *ноби*, подобно лично свободному населению, платили подати и исполняли трудовую повинность.

Однако вернемся к аристократии Объединенного Силла. Из «гостей» и *ноби* представители силлаского высшего сословия постепенно стали создавать свои собственные охранные гвардии, которые к концу IX в. превратились в мощную сепаратистскую силу.

Помимо частных земель, в Объединенном Силла также были земли, которые выдавались чиновничеству во временное пользование в качестве вознаграждения за службу. Существовали две основные категории таких полей — *ногып* и *сигып*, что дословно означает «поселение как вознаграждение за службу» и «поселение в кормление». Конечно же, чиновникам давали не поселения и даже не поля, а право сбора налогов. Однако поскольку вместе с правом сбора налогов владелец *ногып* или *сигып* получал также и право привлечения для своих нужд крестьян, обрабатывавших землю, то в название этих категорий полей вошло слово «поселение». Земли *ногып* теоретически должны были выдаваться на время службы и возвращаться обратно в казну по ее окончании. *Сигып* давались за особые заслуги перед государством на всю жизнь и, в принципе, должны были возвращаться в казну после смерти хозяина. Другое дело, что под разными предлогами и с помощью составления всевозможных запутанных документов земли нередко становились наследственными.

Право использования крестьян служилой аристократией для своих личных нужд таило в себе опасность того, что крестьяне также могли быть привлечены для формирования личных охранных гвардий. Поэтому в 689 г. была предпринята попытка отменить *ногып* и *сигып* и взамен ввести систему выдачи зерна за службу. Надо отметить, что для ранней и средневековой Кореи зерно — рис — было не только основным продуктом питания, но и играло роль универсального денежного эквивалента. Однако уже через 70 лет под давлением служилой аристократии королевский двор был вынужден вернуться к традиционной системе вознаграждения за службу — *ногып* и *сигып*, которая просуществовала без значительных изменений до конца истории Объединенного Силла.

Несмотря на наличие в стране частных земель и разного рода временных или пожизненных пожалований, верховным собственником всех земель оставалось государство.

Вообще конец VII в. ознаменовался в Силла целым рядом мероприятий, направленных на укрепление центральной власти. Одним из них стало более активное внедрение конфуцианства на государственном уровне. В 682 г. было основано высшее конфуцианское учебное заведение *Кукхак* (впоследствии неоднократно менявшее свое название). Еще в 648 г., т. е. до объединения Кореи, член королевской семьи Ким Чхунчху, представитель сословия *чинголь*, ставший впоследствии королем Мурёль-ваном (654–660), посещая

танский Китай, внимательно изучал там систему высшего образования. После объединения Кореи его замысел о создании подобного учебного заведения в Силла был реализован. В Кукхак обучались в основном члены королевской семьи и дети высокопоставленных сановников в возрасте от 15 до 30 лет. Основным предмет изучения — конфуцианские классические сочинения. Со временем именно знание конфуцианской классики постепенно становилось в Силла главным критерием отбора на государственные должности: в 788 г. был издан указ о введении государственных экзаменов на знание конфуцианской классики.

Жители столиц, как главной, так и малых, даже те, которые не были аристократами, в основном входили в состав правящего класса. О жизни простого народа в провинции известно не так много. Раз в три года в Объединенном Силла проводилась инспекция месторасположения деревень, количества дворов, лошадей и волов, площади обрабатываемых земель, количества тутовых деревьев и т. п. Дворы делились на девять категорий: существовали три основные категории — высшая, средняя и низшая, каждая из которых, в свою очередь, также делилась на высшую, среднюю и низшую. Критерием классификации дворов, как полагают отдельные ученые, было количество совершеннолетних «работообязанных».

Формально, исходя из сохранившихся до наших дней документов⁷⁸, заливные поля и земли для сбора топлива (леса) «раздавались» свободным крестьянам в «вечное пользование». На самом деле, как считают многие ученые, все эти поля издавна были собственностью крестьян. Государство, желая подтвердить свою верховную власть над всеми землями страны, совершало формальный акт раздачи того, что уже принадлежало крестьянам. Ко всему прочему, указанный акт провозглашал право возможного отчуждения земли в том случае, если крестьяне совершали какое-либо преступление. Со всех выданных земель взимались налоги.

Помимо обработки собственных полей крестьяне возделывали поля старосты («хозяина деревни») *чхончжусу*, поля государственных учреждений — почтовых станций, военных поселений или конопляные поля. Урожай с последних шел на удовлетворение нужд государственного ремесленного производства. Крестьяне работали на казенных полях, исполняя трудовую повинность.

---

⁷⁸ Материалы, найденные японскими археологами у Западной столицы Совонгён (современный город Чхончжу).

Работа крестьян в пользу *чхончжу* стала также одной из предпосылок зарождения и развития сепаратизма, в итоге приведшего Объединенное Силла к гибели. Относительная автономия *чхончжу*, особенно на удаленных от столицы северо-западных территориях, и возможность по своему усмотрению распоряжаться крестьянами послужили одним из источников появления так называемых сильных, или богатых, семей, которые стремились отделиться от государства и жить замкнуто, как это свойственно классическому феодальному обществу.

В связи с этим возникает вопрос о формационной принадлежности общества Объединенного Силла. В отечественной историографии советского периода силлаское общество определяется как феодальное⁷⁹. Такой же точки зрения до самого последнего времени (1990-х годов) придерживались и историки Северной Кореи. В Южной Корее применительно к средним векам иногда употребляется слово «феодализм». Однако общество Объединенного Силла, так же как и Трех государств, феодальным не называется.

Действительно, в общественно-экономической жизни Кореи второй половины I тысячелетия можно обнаружить ряд особенностей, затрудняющих определение корейского общества того времени как феодального. Во-первых, это верховная собственность государя на землю, которая не обязательно была номинальной. Всякое усиление центральной власти сопровождалось очередной инспекцией и перераспределением земли, которые воспринимались всем населением как нормальная реализация устоявшихся правовых норм. Во-вторых, это сильный государственный контроль над всеми сферами жизни. Пусть не всегда удавалось его осуществлять, в любом случае такой контроль воспринимался как проявление идеальной системы управления государством. И, в-третьих, это объединяющая, коллективизирующая идеология конфуцианства, базирующаяся на традиционных семейных отношениях, вере в духов предков, беспрекословном подчинении младшего старшему, заботой старшего о младшем и восприятии всего государства как одной большой семьи. При таких обстоятельствах всякие центробежные тенденции, приводившие к ослаблению и распаду единой системы государственного управления и контроля, т. е. всякое внешнее приближение к тому, что, с точки зрения европейца, является одним из проявлений «классическо-

⁷⁹ Самым полным сочинением по истории Кореи, опубликованным в советский период, является двухтомный коллективный труд «История Кореи», вышедший в свет в 1974 г. в издательстве «Наука».

го феодализма», воспринималось как отклонение от нормы, которое всегда старались преодолеть.

§ 3. Культура Объединенного Силла

Объединение южной и центральной частей Корейского полуострова под эгидой Силла впервые за многие столетия принесло его населению мир, что стало объективной предпосылкой для дальнейшего расцвета корейской культуры.

Расширение и усложнение государственного аппарата, в ведение которого перешли новые территории, объективно требовало усиления идеологической основы власти, т. е. конфуцианства. Поэтому, как уже упоминалось, в 682 г. было учреждено высшее конфуцианское учебное заведение Кукхак, в котором помимо классических конфуцианских текстов изучали математику, астрономию, историю, литературу.

Период Объединенного Силла можно по праву считать временем расцвета буддизма, ставшего господствующей религией Кореи. В это время жили и творили знаменитые деятели корейского буддизма. Буддийский монах Вонхё (617–686), написавший около 85 сочинений, более 20 из которых сохранились до наших дней, внес значительный вклад в развитие корейского теоретического буддизма. Монах Хечхо (704–?) после 719 г. предпринял путешествие в Индию, а затем посетил Центральную Азию. В 727 г. он вернулся в Китай. Свои путешествия Хечхо описал в книге «Записи о путешествии в пять индийских государств» («*Ван о чхончхукжук чон*»)⁸⁰.

Пагода *Таботхап* буддийского монастыря Пульгукса. Объединенное Силла (Национальное достояние Республики Корея № 20)

⁸⁰ До начала XX в. считалось, что трехтомное сочинение Хечхо утеряно. Однако в 1908 г. во время раскопок в Дуньхуане в китайской провинции Ганьсу

Каменное изваяние Будды
монастыря Соккурам. Объединенное
Силла (Национальное достояние
Республики Корея № 24)

Расцвет буддизма, естественно, сказался и на развитии буддийской архитектуры и скульптуры, оставившей Корею шедевры поистине мирового масштаба. Наиболее известными постройками этого периода являются буддийский монастырь Пульгукса («Монастырь Страны Будды») и буддийский храм Соккурам («Буддийский скит в каменной пещере»), расположенные неподалеку от силлаской столицы Кымсон (современный Кёнчжу).

Монастырь Пульгукса был основан еще в 539 г., но особую известность приобрел с 751 г., когда был отстроен заново. Его старинные деревянные постройки не сохранились до наших дней, подвергшись разрушению в ходе многочисленных войн. Современный облик монастыря создается строениями, возраст которых не так велик.

Однако две каменные пагоды, каждая высотой 10,4 м, прекрасно сохранились и являются национальным достоянием Республики Корея. Одна из них — Трехъярусная каменная пагода (*Самчхынсоктахп*)⁸¹ выстроена в классическом стиле, в то время как другая — Пагода многочисленных драгоценностей (*Таботтахп*) имеет необычные для такого рода сооружений каменные лестницы, колонны, перила.

Пещерный храм Соккурам, единственный такого рода в Корею, был построен также в 751 г. неподалеку от монастыря Пульгукса, у горы Тхохамсан. Уникальность храма, состоящего из двух основных внутренних помещений, заключается в том, что он является полностью искусственной постройкой, покрытой сверху толстым слоем грунта для придания ему облика пещеры. Стены храма украшены

французский ученый Поль Пеллио обнаружил два неполных тома сокращенной версии труда Хечхо.

⁸¹ Иногда эту пагоду называют Пагодой Будды Шакьямуни (Соккаттахп).

более чем 40 каменными изваяниями и рельефами. В центре внутреннего круглого зала находится каменная статуя сидящего Будды Шакьямуни высотой 3,26 м, отличающаяся тщательной отделкой деталей.

В трехъярусной каменной пагоде монастыря Пульгукса была найдена самая старая в Корее и самая старая в мире книга, изданная ксилографическим способом. В 1966 г., во время проведения реставрационных работ, внутри пагоды был обнаружен бумажный свиток длиной 6,3 м, состоявший из 12 склеенных вместе листов шириной 8 см, на которых был напечатан буддийский текст. Таким образом, эта находка позволяет исследователям говорить и о развитии издательского дела в Объединенном Силла.

К значительным культурно-техническим достижениям Силла можно отнести литье медных колоколов, украшенных барельефными изображениями. Работа по изготовлению самого большого (из известных пока) в Корее колокола началась в правление государя Кёндог-вана (742–764) и завершилась в 771 г., в правление следующего государя — Хегон-вана (765–779). Колокол называли «Колоколом духа великого короля Сондог-вана» (*Сондоктэван синчжон*) для того, чтобы по всей стране разносился его звук как память о мудром правлении государя Сондог-вана и возвешение о том, что в стране наступили мир и спокойствие. Колокол имеет вес в 72 т, высоту — 3,33 м, диаметр — 2,27 м⁸². Иногда еще этот колокол называют «Колоколом из храма Подокса» (*Подокса чжон*).

Семярусная каменная пагода.
Объединенное Силла (селение Тхаппёни,
пров. Северная Чхунчхон. Национальное
достояние Республики Корея № 6)

⁸² В литературе встречаются следующие параметры колокола: высота — 3,64 м, диаметр — 2,47 м.

Особо стоит отметить создание обсерватории, имеющей особую важность для наблюдения звёзд *Чомсондэ*.

Высокий уровень развития в Объединённом Силла получили литература, живопись, музыка. Объединённое Силла дало корейской культуре не только самое старое печатное издание, самый большой колокол, единственный пещерный храм, но и первого известного поэта, чьи творения сохранились до наших дней. Чхве Чхивон (857–?) с юности отличался незаурядными талантами и уже в 12 лет отправился учиться в Китай династии Тан (известной своим поэтическим наследием), где не только успешно сдал экзамены на получение государственной должности, но и занимал ряд постов в местных и центральных органах власти. Жизнь на родине, куда он вернулся в 885 г., оказалась весьма непростой, поскольку Чхве Чхивон пытался бороться со старой силлаской сословной системой *кольпхум*. Последние годы своей жизни поэт и ученый провел в отшельничестве в знаменитом монастыре Хэинса (основан в 802 г. в горах Каясан). Его творчество известно нам по сохранившемуся сборнику стихов «Пахота кистью в Коричном саду» («*Кеволь пхильгён*»), а также из более поздних исторических сочинений — «Исторические записи Трёх государств» («*Самгук саги*») и «Достопамятные события Трёх государств» («*Самгук юса*») ⁸³.

В то время как в VII столетии в средней и южной части Корейского полуострова начался период расцвета королевства Объединённое Силла, обогатившего сокровищницу корейской культуры множеством достижений, к северу от Силла начало образовываться новое государство, история которого до сих пор вызывает множество споров.

Глава 10. ГОСУДАРСТВО ПАРХЭ (БОХАЙ)

О государстве Пархэ известно не так много, как о Когурё, Пэкче или Силла. Кроме того, непросто определить, к истории какой культуры, какого государства относится Пархэ, занимавшее Корейский полуостров к северу от реки Тэдонган (современные провинции Хамгён, Пхёнан, Янган, Чаган), северо-восточную Маньчжу-

---

⁸³ О жизни и творческом наследии Чхве Чхивона подробнее см.: Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб., 1998.

рию, бассейн реки Сунгари, южную часть бассейна Амура и часть территории современного Приморского края. Населяли Пархэ жители бывшего Когурё, а также племена мальгаль (по-китайски — мохэ). Культура государства имела как когурёские, так и китайские корни. Поэтому в европейской исторической литературе название *Пархэ* часто передают в китайском прочтении как Бохай, имея в виду то, что история Пархэ (Бохая) является частью китайской истории.

В отечественной историографии историю Пархэ-Бохая относят к истории «тунгусо-маньчжурских народов»⁸⁴ или даже к истории «советского Дальнего Востока»⁸⁵. Отечественные работы по общей истории Кореи, изданные в начале 2000-х годов, обходят проблему Пархэ-Бохая молчанием, словно это государство не имеет никакого отношения к истории Кореи⁸⁶.

При этом и в Южной, и в Северной Корее нет ни одной работы по общей истории Кореи, включая учебники для средних школ, где бы история Пархэ не описывалась как *часть* корейской истории⁸⁷.

В Северной Корее истории Пархэ всегда уделялось повышенное внимание. Как-никак, Пархэ занимало большую часть современной Корейской Народно-Демократической Республики и к тому же противостояло королевству Силла — в известной степени символу Южной Кореи. К тому же в северокорейской историографии не признается факт объединения Корейского полуострова королевством Силла. История Кореи последних столетий I тысячелетия излагается таким образом, что Корея предстает разделенной на два равных по значимости государства — Пархэ и Силла. Именно поэтому королевство Силла после VII в. именуется не Объединенное Силла, а Позднее Силла.

В Республике Корея историю Пархэ относили к корейской истории и в 1950-е годы⁸⁸. В 1990-е годы интерес к истории Пархэ стал проявляться особенно заметно. С одной стороны, перспек-

⁸⁴ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 89.

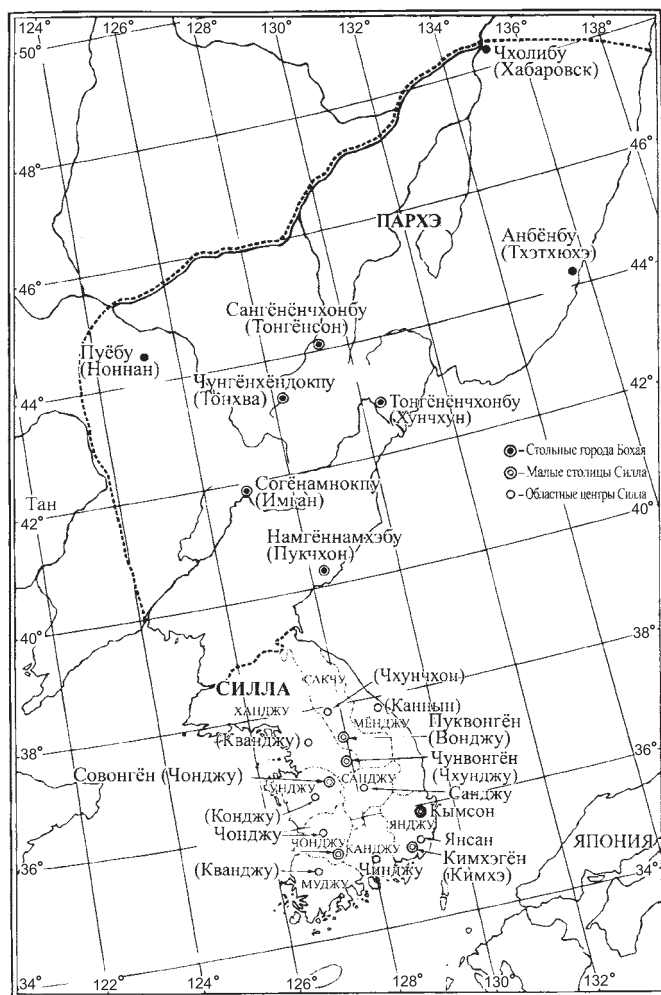
⁸⁵ Деревянко Е. И. История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 290.

⁸⁶ Тихонов В. М. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 г. М., 2003. С. 234; История Кореи (Новое прочтение). М., 2003.

⁸⁷ Кодын хаккё кукса [Родная история для средних школ высшей ступени]. Т. 1. Сеул, 1992. С. 45–48.

⁸⁸ Хангукса [История Кореи: В 7 т.]. Т. 1. Сеул, 1959. С. 651–664.

Карта № 4. Объединенное Силла и Пархэ

тива объединения Корейского полуострова пробудила особое внимание к древней истории территорий, которые должны стать частью будущего единого корейского государства. С другой — 1990-е годы ознаменовались для Южной Кореи увеличением числа всевозможных исследований по истории Кореи, в том числе затрагивающих весьма специфические проблемы, недостаточно изучавшиеся ранее.

Поэтому, несмотря на всю неоднозначность вопроса о культурно-исторической принадлежности Пархэ-Бохая, и учитывая то, что и в КНДР, и в Республике Корея историю Пархэ относят к истории *Кореи*, мы не можем обойтись без хотя бы самого краткого изложения основных моментов из истории этого государства.

§ 1. Образование государства Пархэ и проблема его этнокультурной принадлежности

Итак, территория Корейского полуострова к северу от реки Тэ-донган и полуостров Ляодун, входившие в состав Когурё, после его падения отошли к Китаю династии Тан. На месте Когурё было образовано Аньдунское наместничество (*Андон тохобу*). Однако когурёсцы не подчинились новой иноземной власти и продолжали сопротивление. Мирным путем за возрождение Когурё боролось когурёское население полуострова Ляодун, губернатором которого в 677 г. был назначен последний когурёский государь Почжан-ван. Государь хотел было отправить в столицу танского Китая своего внука, которого бы признали королем вассального, но независимого государства Когурё, но эти замыслы так и не удалось реализовать. В 699 г., после того как в 698 г. Китай упразднил Аньдунское наместничество, губернатором когурёского Ляодуна был назначен сын Почжан-вана — Ко Донму. Он пытался управлять подчиненными ему территориями независимо от Китая, поэтому одно время эти территории называли Малым Когурё. Автономия была подтверждена танским Китаем во имя спокойствия в Поднебесной.

Однако некоторые из бывших когурёсцев избирали путь вооруженной борьбы с Тан. В 696 г. в Ёнчжу, в районе Ляоси, бывшие когурёсцы и народность мальгаль во главе с полководцем Тэ Чоёном (?–719) подняли восстание против Тан, но потерпели поражение. Тогда восставшие решили отправиться на восток в сторону Мань-

чжурии. Там, по завершении перехода, в 698 г. Тэ Чоён объявил о создании государства Чингук (в китайском прочтении – Чжэньго), в котором стал королем, провозгласив следующий, 699 г., первым годом своего правления. Храмовое имя Тэ Чоёна — Ко-ван.

Новое государство сразу постаралось завязать дружеские отношения с соседними тюркскими народами, а в 705 г. — с танским Китаем: ни одно «периферийное» по отношению к Серединной империи государство не могло рассчитывать на законность своего существования, если власть его правителей не подтверждалась при дворе китайского императора. Поэтому дружеские отношения с Тан были главным условием легитимности существования нового государства. В 713 г. танский Китай пожаловал Тэ Чоёну титул правителя [государства]⁸⁹ Пархэ и по совместительству — должность губернатора области Хольханчжу. С тех пор новое государство в северной части Корейского полуострова и Маньчжурии стало именоваться Пархэ, или по-китайски — Бохай, что значит *Море Бо*⁹⁰. Иероглиф «государство» к названию Пархэ стал добавляться лишь с 762 г., что связано с длительностью процесса формирования и укрепления нового государства, а также с постепенным ослаблением влияния танского Китая.

Вопрос об этнокультурной принадлежности Пархэ возникает уже при попытке выяснения национальной принадлежности основателя государства — Тэ Чоёна. Дело в том, что фамилия *Тэ* (китайское чтение — Да) — не когурёская. Китайская историография утверждает, что Тэ Чоён этнически относился к народности мальгаль (имевшей тунгусо-маньчжурское происхождение), проживавшей на территории бывшего Когурё. Корейская хроника «*Чеван унги*» («Рифмованные записи о королях и императорах») и некоторые другие источники сообщают о том, что отец Тэ Чоёна был когурёским полководцем. На этом основании корейская историография придерживается теории когурёских этнических корней основателя Пархэ.

Таким образом, передача названия государства Пархэ в корейской транскрипции подразумевает поддержку теории его принад-

⁸⁹ Китайские хроники, описывая данное событие, сообщают о присвоении Тэ Чоёну титула правителя *области* Пархэ, а не государства.

⁹⁰ Иероглиф «Бо» никакого другого значения, кроме передачи звучания имени собственного, не имеет. Название Бохайского залива Желтого (Западно-Корейского) моря записывается теми же иероглифами, что и название государства Пархэ (Бохай).

лежности к корейской культуре, в китайской транскрипции — Бо-хай — соответственно означает принадлежность к китайской культуре. В настоящей книге название Пархэ выбрано исключительно по причине того, что корейская историография, как северная, так и южная, считает Пархэ *корейским* государством.

§ 2. Основные вехи истории государства Пархэ

В Пархэ правили 15 «великих ванов» (государей), и просуществовало оно около 230 лет, пока не было покорено киданьскими племенами в 926 г. Период правления первых трех ванов, начиная с Ко-вана (Тэ Чоёна), характеризовался прогрессом и развитием государства. Далее, до времени правления десятого по счету короля Сон-вана (818–829), следовал период упадка. При Сон-ване был короткий «средний период процветания». В правление остальных пархэских государей, очевидно, больших изменений в лучшую сторону не происходило, поскольку о них практически ничего не известно.

В 719 г., после кончины Ко-вана, престол унаследовал его сын Му-ван (Тэ Мун; 719–736). В его правление Пархэ начало вести войны за расширение территории государства на северо-восток. Войны эти были настолько успешными, что в Силла, испугавшись возможной агрессии Пархэ на юг, т. е. в сторону Силла, в районе современного города Каннын начали строить крепостную стену. Однако попытка захватить земли народности *хыксу мальгаль* («мальгаль черной воды») оказалась не столь успешной, поскольку *хыксу мальгаль* находились в союзе с Китаем. В результате в 732 г. Пархэ в союзе с киданьскими племенами пришлось вступить в войну с Тан, однако победы она не принесла.

В то же время Пархэ удалось наладить дружественные отношения с Японией. В японской записи о посольстве Пархэ 727 г. сказано, что Пархэ является преемником Когурё по территории и Пуё — по традициям и обычаям. Действительно, как показывают раскопки гробницы пархэской принцессы Чонхе, тип гробницы и ее внутреннее убранство во многом похожи на когурёские, что позволяет говорить о Пархэ как и о *корейском* государстве.

В 737 г. на престол взошел третий пархэский государь — Мун-ван (Тэ Хымму). Он правил 57 лет, до 793 г., и его время ознаменовалось рядом реформ в государственном устройстве Пархэ. Страна была раз-

делена на *бу* (условный перевод — «подпровинции»), каждое из которых делилось на области и уезды. В правление Мун-вана неоднократно переносились столицы государства: одно время королевская резиденция располагалась в «Верхней столице» Сангён провинции Ёнсу, а потом была перенесена в «Восточную столицу» Тонгён провинции Ёнвон. Возможно, это было связано с политикой укрепления королевской власти.

При дворе были учреждены три министерства *самсон*, занимавшиеся разработкой, публикацией и исполнением королевских указов, и шесть ведомств *юкпу*, отвечающих за основные направления деятельности центрального правительства: снятие и назначение на должности чиновников, ритуалы, исполнение законов, ремесла, учет населения, армию. В период расцвета армия Пархэ имела четкое деление на Центральную армию из восьми подразделений, местные войска при провинциальных административных органах и пограничные гарнизоны.

Важнейшим достижением правления Мун-вана стало признание в 762 г. статуса полноправного государства Пархэ в императорском Китае. Тогда между Пархэ и китайской династией Тан установились дружественные отношения, развивалась торговля. Основным предметом экспорта Пархэ были лошади. Этот факт дает основание говорить о важности элементов кочевой культуры в Пархэ.

Правление пархэских государей от четвертого — Сонъ-вана⁹¹ (794 г., находился на троне один год) до девятого — Кан-вана (818 г.), как уже отмечалось, определяется как период упадка. Во времена Сон-вана (Тэ Инсу; 818–829) произошло дальнейшее укрепление государства. При нем Пархэ контролировало земли полуострова Ляодун, значительную часть территорий Маньчжурии и Приморского края. Страна была разделена на 15 «подпровинций» *бу*, 62 области *чу* и имела пять столиц — «Верхнюю» (главную), находившуюся на севере, и еще четыре по сторонам света — Центральную, Западную, Восточную и Южную. Столицы с подчиненными им территориями были самыми крупными административными единицами Пархэ.

⁹¹ В корейском языке есть два звука «н» — «обычный» переднеязычный и заднеязычный, подобный английскому «ng». В русском историческом корееведении в практической транскрипции корейского языка эти звуки на письме, как правило, не передаются. Однако в случае особой необходимости, например, для избегания омонимии, «н» заднеязычный передается по-русски как «нъ».

В правление Сон-вана Пархэ достигло такого расцвета, что страну стали называть *Хэдон сонгук* — «Прцветающее государство к востоку от моря».

О названии *Хэдон* — «К востоку от моря» — следует сказать несколько слов особо. Поскольку Корейский полуостров, если смотреть на него со стороны Китая, лежит к востоку за Желтым (Западно-Корейским) морем, вполне естественно называть его «государством к востоку от моря». С другой стороны, это название достаточно нейтрально, так как не связано с самоназванием какого-либо из государств, находившихся на Корейском полуострове. Поэтому в средние века — и в эпоху Корё (918–1392), и при династии Ли (1392–1910), Корею, помимо ее официальных названий, нередко именовали *Хэдон* или *Тонгук* — «Восточное государство».

Во времена правления последних шести королей Пархэ постепенно приходило в упадок. Наверное, поэтому в источниках практически не сохранилось сведений о последнем столетии истории Пархэ.

В начале X в. к северо-северо-западу от Пархэ усилились киданьские племена, объединившиеся в «Государство киданей» *Циданьго* (с 937 г. название государства было заменено на *Ляо*) во главе с Абаоцзи, который в 907 г. даже провозгласил себя императором, что было вызовом китайскому императору — единственному законному императору в Поднебесной.

Возвышение государства киданей было неразрывно связано с военными походами, направленными на расширение территорий страны. В 925 г. был снаряжен военный поход в Пархэ, и уже к середине 1-го лунного месяца следующего, 926 г. Пархэ пало под ударами киданей. На его месте было образовано «Восточно-киданьское государство» *Дунданьго*, во главе которого Абаоцзи поставил своего старшего сына. Дунданьго во многом унаследовало культуру Пархэ. Однако в результате того, что весь правящий класс стал киданьским, а также благодаря наличию тесных связей с киданьским государством Ляо, в 982 г. значительная часть территорий Дунданьго вошла в состав Ляо.

Каковы причины столь быстрого падения Пархэ? Корейская историография объясняет это так. В 918 г. в Корее было провозглашено новое государство Корё. И само по себе название Корё, и официальная позиция его основателей указывали на то, что новое государство считало себя преемником королевства Когурё, выходцы из которого жили в Пархэ. Корё также воевало против ненавистного пархэсцам (бывшим когурёсцам) Силла. Сразу после образования Корё мог на-

чатся процесс переселения потомков когурёсцев в новое корейское государство. Поэтому, когда кидани напали на Пархэ, многие могли предпочесть «бесполезному» сопротивлению переселение на возрожденную родину их предков.

Кроме того, несмотря на быстрое падение Пархэ, часть населения во главе с аристократией продолжала сражаться с иноземцами за независимость своих земель. Поэтому после 926 г. на небольших по площади территориях время от времени возникали независимые от киданей образования, именовавшие себя «Поздним Пархэ» и управлявшиеся представителями королевского рода Тэ.

В заключение вернемся к вопросу об этнокультурной принадлежности Пархэ. По ходу изложения могло создаться впечатление, что Пархэ — корейское государство. Однако, по сообщениям источников, в Пархэ проживало не так много выходцев из Когурё. Причем это были главным образом представители правящего класса — государственные чиновники различных рангов или же, как минимум, старосты — «хозяева деревень» *чхончжу*. При этом единой народности, скорее всего, не сложилось: слишком недолгим был период совместного проживания различных народов, слишком обширной — территория, и малой — плотность населения. Люди, населявшие Пархэ, к моменту провозглашения государства уже имели свою сформировавшуюся культуру и историческую память.

Имея контакты с Японией, Пархэ нередко именovalo себя Когурё или даже Корё. А потомков когурёсцев называли пархэсцами. Например, в стеле на могиле Кочжина — внука последнего когурёского государя Почжан-вана — указано, что Кочжин был пархэсцем. С этой точки зрения можно говорить о связи культур Когурё и Пархэ.

В исторической литературе о Пархэ (Бохэе) до сих пор отсутствует единство взглядов на это государство. Отечественная китайско-ведческая литература, например, утверждает, что в Бохэе (Пархэ) за время существования государства сложился единый этнос — бохайский⁹², что противоречит взглядам корейских ученых.

Таким образом, вопрос о культурно-этнической принадлежности Пархэ (Бохэе) до настоящего времени остается нерешенным.

⁹² Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 94.

Глава 11. РАСПАД И ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА

Объединение Корейского полуострова под эгидой Силла, первое в истории Кореи, оказалось не слишком прочным. Уже с конца VIII — начала XI в. в стране вспыхивают мятежи аристократов, ставшие первыми предвестниками сепаратистских тенденций, возможно, связанных с исторической памятью о Трех государствах. Так, представитель королевской семьи, высокопоставленный сановник Ким Хончхан (?–822), который занимал самые высокие посты в государстве, в 822 г., будучи наместником области Унчхон, поднял мятеж и покорил ряд силласких городов, включая три «малые столицы». Он даже провозгласил создание нового государства Чанан — «Долгое спокойствие», но мятеж был жестоко подавлен, а сам Ким Хончхан покончил жизнь самоубийством. В 825 г. его сын Ким Боммун также попытался захватить Пхеньян, с тем чтобы основать там столичный город⁹³. В 839 г. наместник порта Чхонхэчжин (расположен на острове, именуемом в настоящее время Вандо) Кунбок (его называют также Чан Бого; ?–846) помог королю Синму-вану (839 г.) занять престол. Но когда планы наместника выдать замуж старшую дочь за сына Синму-вана — государя Мунсон-ване (839–856) не реализовались, он также поднял мятеж.

Ко второй половине IX в. сепаратистские тенденции усилились настолько, что все больше стало появляться так называемых «сильных домов», или «сильных семей», имевших собственные земельные владения, военные дружины и мало зависевших от центральной власти. В итоге этот процесс привел к образованию «Поздних Трех государств» — Позднего Пэкче и Когурё при сохранении потерявшего значительные территории Силла.

Прежде чем обратиться к хронологическому изложению основных событий истории Поздних Трех государств, рассмотрим причины, приведшие к распаду и гибели Объединенного Силла.

---

⁹³ Этот очень любопытный факт свидетельствует о том, что уже к первой четверти IX в. часть территорий к северу от реки Тэдонган не принадлежала ни китайскому Аньдунскому наместничеству, ни государству Пархэ и, возможно, уже находилась под властью Силла. Таким образом, можно предположить, что в VIII–IX вв. Силла присоединило часть территорий к северу от своих границ.

§ 1. Объединенное Силла к концу IX — началу X века: причины распада единого государства

Единство и мощь власти Силла были подорваны прежде всего несовершенством системы сословного деления *кольпхум* — системы, входившей во все большее противоречие с конфуцианскими нормами управления государством, которые активно заимствовались из обновленного Китая династии Тан. Особое недовольство система *кольпхум* вызывала у низшего и среднего чиновничества. В Силла существовало 17 чиновничьих рангов. Имели место ограничения на занятие должностей того или иного ранга в зависимости от принадлежности к сословной категории. Высшие должности с 1-го по 5-й ранг могли занимать исключительно представители королевского рода, принадлежавшие к сословию *чинголь* («истинная кость»). Сословие 6-й категории *тунхум* не могло занимать должности выше 6-го ранга, 5-й *тунхум* — выше 10-го ранга, 4-й *тунхум* — выше 12-го ранга. Такие ограничения вступали в противоречие с конфуцианским принципом отбора чиновников по способностям. В то же время и королевский род не всегда придерживался принципов *кольпхум*. Например, король Вонсон-ван (785–798) был возведен на престол только благодаря своим личным способностям, а не исходя из отношений родства.

Таким образом, сам королевский двор время от времени нарушал принципы *кольпхум*. Такие прецеденты привели к обострению борьбы за верховную власть среди расширившегося круга претендентов на престол, подорвали устои власти. Рядовые чиновники стали хуже подчиняться вышестоящим и требовали аналогичных прав и для себя при назначении на должности. Это — **первая причина** распада единого государства Силла.

Ко **второй причине** относят неравноправие аристократии и чиновничества главной столицы и провинции, что также противоречило конфуцианским представлениям об управлении государством. Во-первых, аппарат столичного чиновничества формировался главным образом из выходцев старых силласких *бу*, которые до объединения страны составляли костяк королевства Силла. Во-вторых, для выходцев из провинции в случае их перехода на службу в столицу устанавливались особые ограничения в рангах, выше которых они уже подняться не могли.

Третьей причиной называют несовершенство системы *ногын*, кормления чиновничества, приведшее к расширению площади част-

ных владений и сокращению государственных полей. Оказалось, что попытка замены системы *ногып* на прямое жалование зерном (689–757 гг.), сначала раз в год, а потом ежемесячно, ставила чиновничество в чрезмерную зависимость от королевского двора. Поэтому отмена жалования зерном и возврат к системе *ногып* автоматически приводили к большей самостоятельности чиновничества. Активизировалась легальная и нелегальная купля-продажа земли. Важнейшими участниками сделок с землей стали буддийские монастыри.

Увеличение количества частных земель и сокращение площади казенных приводили к росту поборов с крестьянства и соответственному ухудшению их жизни. Количество налогов и податей с казенных полей увеличивалось по вполне понятным причинам: уровень государственных расходов не становился ниже, и поэтому для их восполнения требовалось собирать большую долю урожая с единицы площади полей, которых стало меньше. Что касается частных полей, то все официальные, т. е. изданные государством, корейские исторические источники утверждают, что владельцы частных полей всегда собирали с крестьян гораздо больше, чем государство⁹⁴.

Повсеместное ухудшение жизни крестьянства из-за увеличения поборов относят к **четвертой причине** распада Силла. Невозможность уплатить непомерные налоги, подати и, как следствие, разорение вынуждали многих крестьян бежать в горы, становиться на путь бунта. На протяжении IX в. в Силла появлялись всевозможные «разбойничьи отряды» беглых крестьян. А в конце IX в. Силла было потрясено рядом масштабных крестьянских восстаний. В 889 г. в верховьях реки Нактонган, т. е. в историческом сердце Силла, в районе Сабольджу, вспыхнуло крестьянское восстание под предводительством Вончжона и Эно. В 896 г. на юго-западе страны действовали отряды так называемых «красных штанов». В 891–898 гг. походы крестьянских повстанцев на востоке страны возглавили Кихвон и Янгиль.

К **пятой**, объективной, **причине** гибели Силла можно отнести неудачное географическое положение главной его столицы — города

⁹⁴ Трудно судить, насколько справедливо данное утверждение, поскольку официальные исторические сочинения имели целью доказать справедливость прихода к власти новой династии. Установление новой династии, как правило, сопровождалось переучетом земель и изъятием частных полей с передачей их в распоряжение казны. Исследования и расчеты, проведенные автором настоящей книги, показывают, что количество налогов и податей, взимавшихся с частных полей следующей эпохи Корё (918–1392), могло соответствовать уровню налогообложения с казенных полей.

Кымсон (современный Кёнчжу), расположенной в восточной части равнины Кимхэ, отделенной от остальной части полуострова горным хребтом Собэк. До объединения страны основная часть территории Силла находилась как раз к юго-востоку от хребта Собэк, в равнинной части, управлять которой из Кымсона было не так сложно. После расширения территорий Силла на запад и на север столица оказалась на крайнем юго-востоке государства. Хребет Собэк, игравший во времена противостояния Трех государств роль естественной крепостной стены, наоборот, стал такой же естественной помехой для осуществления сильной централизованной власти.

Таким образом, ослабевающая центральная власть, беспокойная обстановка в стране и растущие центробежные силы подрывали могущество Силла. В исторической литературе выделяют пять основных источников сепаратизма в Силла.

1. Крестьянские «разбойничьи отряды» и крестьянские повстанческие армии. Стихийные вооруженные группы нуждались в руководителях, которыми иногда становились неугодные королевскому двору выходцы из служилого сословия, а иногда такие же крестьяне. Так, Кёнхвон (?–936), основатель Позднего Пэкче, очевидно, происходил из семьи зажиточных крестьян. Его отец Ачжагэ был «полководцем» крестьянской армии, а сам Кёнхвон, до того как стал на путь создания своего собственного государства, одно время занимал военную должность «помощника полководца» у границ юго-западного побережья⁹⁵. Подняв мятеж, Кёнхвон привлек на свою сторону крестьянских повстанцев во главе с Янгилем.

2. Северо-западные пограничные военные поселения и военные форпосты, основанные для защиты от возможной агрессии со стороны танского Китая. Многие из них были расположены на западном побережье страны и, кроме выполнения основных оборонительных функций, нередко становились центрами морской торговли. Начальники таких поселений богатели за счет торговли, усиливались их амбиции. Примером может служить семья некоего Пака из Пхёнсана (современная провинция Хванхэ).

⁹⁵ Не все известно о происхождении Кёнхвона. Например, его мать была родом из «сильной семьи», проживавшей неподалеку от Кванчжу. Поэтому ее семья могла принадлежать к какому-нибудь местному высшему сословию. В таком случае отец Кёнхвона не мог быть обычным крестьянином, так как вряд ли девушку высокого происхождения отдали бы замуж за простого крестьянина. К тому же факт занятия Кёнхвоном государственной должности в Силла с его сложной системой *колпхум* также указывает на то, что социальный статус семьи Кёнхвона, очевидно, был выше «обычного крестьянского».

3. Морские торговые порты, расположенные на достаточном удалении от силлаской столицы, т.е. на северо-западе Корейского полуострова. Здесь самым ярким примером является основатель нового государства Корё — Ван Гон (храмовое имя Тхэчжо; 877–943 гг., на троне с 918 по 943 г.). Отец Ван Гона — Ван Юн, выходец с северо-запада Силла, из города Сонак (нынешний Кэсон), одно время занимал высокие должности в силлаской столице. Однако он сумел взять под свой контроль территории вблизи Сонака, а также порты на западном побережье, через которые велась торговля с Китаем и Японией. Таким образом, семья Ван Гона приобрела значительную власть и влияние на северо-западе Силла.

4. Родовая аристократия с ее наследственными земельными владениями, обеспечивавшими большую власть и самостоятельность. Основатель Позднего Когурё — Кунъе был аристократом, выходцем из королевской семьи, вставшим на путь борьбы за власть через отделение подчиненных ему территорий от остальной части Силла.

В исторической литературе также указывают на деревенских старост *чхончжу* («хозяев деревень») как на один из источников формирования «сильных семей». Однако *чхончжу* не сыграли какой-либо принципиальной роли в истории Поздних Трех государств.

§ 2. Хронология Поздних Трех государств

В конце IX столетия в Силла, вследствие указанных объективных причин, на территориях, которые ранее занимали королевства Пэкче и частью Когурё, сепаратистские силы провозгласили создание «прежних» королевств, погибших в результате «неправедных» действий Силла. При этом лидеры этих сил не были прямыми потомками пэкчесцев или когурёсцев. Они обращались к истории для идейного оправдания противостояния силласкому двору.

Обратимся к более подробному изложению событий, связанных с основанием Позднего Пэкче и Когурё, падением Позднего Пэкче и Силла.

Как уже отмечалось, основателем **Позднего Пэкче** был Кёнхвон. В «Достопамятных событиях Трех государств» («*Самгук юса*») зафиксированы предания, отмечающие чудесное рождение и необычную юность будущего правителя Позднего Пэкче: его мать забеременела от большого земляного червя, когда тот в облике мужчины в лиловых одеждах приходил к ней по ночам. Однажды в мла-

денчестве Кёнхвона накормила своим молоком тигрица, когда тот лежал под деревом, на время оставленный матерью. В юности он проявил себя как выдающийся воин.

Появление в жизнеописании основателя государства или выдающегося человека мифов или легенд о чудесах рождения и необычности юных лет — распространенное явление для старой Кореи, указывающее на положительный характер персонажа.

Итак, будучи на военной службе на юго-западе Силла, когда в стране начали одно за другим вспыхивать крестьянские восстания, Кёнхвон собрал около 5000 человек и в 892 г. захватил город Мучжинчжу (нынешний город Кванчжу провинции Южная Чолла), объявив себя королем. В 900 г. он перенес столицу севернее, в город Вансанчжу (нынешний город Чончжу) и дал своему государству название «Позднее Пэкче» — *Хунэкче*. В том же году были заново учреждены чиновничьи должности Позднего Пэкче и сформированы центральные органы власти.

Пэкче поддерживало достаточно мирные отношения с северными территориями — с Китаем, в котором к 907 г. пало государство Тан и началась так называемая Эпоха Пяти Династий, длившаяся до 959 г., и с новым Когурё. Но с Силла отношения не складывались. Пэкче снаряжало военные экспедиции к границам Силла, а в 927 г. Кёнхвон лично возглавил поход на силласкую столицу Кымсон. Тогда был захвачен государь Кёнэ-ван (924–927). Однако Кёнхвону не удалось покорить Силла, и дело закончилось тем, что он возвел на престол лояльного к Позднему Пэкче короля Кёнсун-вана (927–935). Кёнхвон увел свои войска из Силла. Возможно, это произошло потому, что основатель нового государства Корё — Ван Гон (о котором речь пойдет чуть ниже), недовольный территориальными амбициями Позднего Пэкче, лично повел 5000 человек войск на столицу Силла и вступил в сражение с пэкческими войсками.

Активные военные действия между Поздним Пэкче и Корё вновь начали разворачиваться в 934 г. Тогда Корё захватило у Пэкче 10 крепостей. Однако в это время в Позднем Пэкче при дворе началась борьба за престолонаследие, которая подрывала устои центральной власти. Сам Кёнхвон, имевший 10 сыновей, хотел возвести на престол четвертого сына — Кымгана. Однако старший сын Сингом не согласился с решением отца. В 935 г. он заточил Кёнхвона в монастырь Кымсанса, убил младшего брата и сам захватил власть. Сингом решил сражаться с корёскими войсками, в то время как Кёнхвон и его сыновья выражали желание покориться новому могуще-

ственным Корё. В итоге в 936 г. Ван Гон во главе 100-тысячного войска в сражении у местечка Сонсан одолел Сингома. Так закончилась история Позднего Пэкче.

Государство Когурё в северной части Силла было провозглашено на несколько лет позже Позднего Пэкче. Его основатель Кунъе (?–918) был побочным сыном государя Хонган-вана (857–860). В «Исторических записях Трех государств» («*Самгук саги*») биография Кунъе помещена в разделе «Мятежники», что говорит о негативной оценке его исторической роли, данной в последующие эпохи. В биографии сказано, что с рождением Кунъе были связаны различные неблагоприятные предзнаменования, из-за чего его даже хотели убить. Но кормилица спасла Кунъе. Тогда же в результате несчастного случая Кунъе лишился одного глаза. Не имея никаких надежд ни на престол, ни на хорошую должность, Кунъе удалился в буддийский монастырь Седальса, где постригся в монахи. О его монашеской жизни в биографии сказано немало дурного. Вскоре Кунъе сблизился с руководителями крестьянских повстанческих армий, в 891 г. — с Кихвоном, а в 892 г. — с Янгилем, привлек на свою сторону часть крестьянских сил и с 894 г. стал действовать самостоятельно, главным образом на северо-востоке Силла, в районе современной провинции Канвон. К концу 890-х годов Кунъе, подчинив безлюдный гористый северо-восток Силла, обратился к равнинному и населенному северо-западу. Получив поддержку местных «сильных семей», в том числе и Ван Гона, Кунъе в 898 г. определил город Сонак (современный Кэсон) столицей своих владений. В 901 г. Кунъе провозгласил себя королем государства «Позднее Когурё» — *Хукогурё*. Под властью Кунъе оказались огромные территории, соответствующие современным провинциям Канвон, Хванхэ, Кёнги, Северная Чхунчхон. Однако слишком сильными казались Кунъе его новые союзники на западе Корейского полуострова — сильными настолько, что его не покидал страх за свою жизнь. Поэтому он решил несколько отдалиться от союзников, отказавшись от идеи возрождения прежнего королевства Когурё, и создать свое собственное, никак не связанное с прошлой историей, процветающее государство. В 904 г. Кунъе изменил название государства на Мачжин и в 905 г. перенес столицу на безлюдный восток — в Чхорвон. Однако он не терял связи ни с Ван Гоном, командовавшим флотом Мачжина и успешно расширявшим территории страны на юго-запад, ни с другими влиятельными лицами, которые поддерживали новую власть.

Обладая значительной властью, Кунье вообразил, что он и есть Майтрейя — Будда Грядущего. В новой столице был выстроен роскошный дворец, и Кунье стал требовать самых высочайших почестей. Средства расходовались без ограничений. В 911 г. Кунье решил еще раз изменить название своего государства на более величественное — Тхэбон, т. е. «Великие счастливые владения». Но столица Чхорвон была слишком удаленной от основных территорий страны. Подозрительность Кунье все более росла. Он обвинял в подготовке заговоров и аристократов, и простолюдинов. Число казненных по подозрению в измене доходило до сотни в день. Суровой участи не избежали самые близкие к Кунье люди: в 915 г. он казнил свою жену госпожу Кан и двух сыновей.

Недовольство населения Тхэбона стало настолько велико, что в 918 г. ряд высокопоставленных сановников — Хон Ю, Пэ Хёнгён, Син Сунгём, Пок Чигём и другие, собравшись вместе, выдвинули талантливого и достойного военачальника Ван Гона в качестве правителя государства. Кунье, узнав об этом, попытался бежать. Но в 20 км от столицы, в местечке Пуян (современное название Пхёнган), был схвачен и убит возмущенным народом. Так закончилась восемнадцатилетняя история Позднего Когурё — Мачжина — Тхэбона.

Избранный новым королем Ван Гон перенес столицу обратно в Сонак, свой родной город, бывший некогда столицей Позднего Когурё, и дал название стране — Корё. С одной стороны, это название указывало на то, что новое государство считает себя наследником некогда могучего королевства Когурё. С другой — отсутствие слова «гу», т. е. изменение первоначального названия, говорило о том, что основатель новой династии не считает эту связь прямой. После 918 г. Ван Гон, получивший храмовое имя Тхэчжо, начал борьбу за объединение страны и подчинение Корейского полуострова власти новой династии.

В заключение обратимся к последним годам Объединенного Силла, территории которого к началу X столетия сократились и стали такими, какими они были в эпоху Трех государств.

Почти сразу после того как войска Позднего Пэкче ушли из Силла, Кёнсун-ван (927–935) попытался наладить дружеские отношения с Корё. И это несмотря на то, что государь Кёнсун-ван был возведен на престол при помощи Кёнхвона. Таким образом он надеялся противостоять агрессивным планам Позднего Пэкче. В то же время ситуация в самом Силла в правление Кёнсун-вана не улучшалась, а в соседнем Корё проводились реформы, направленные на облегче-

ние жизни простого народа, укрепление армии и государства, лучшее функционирование системы управления. Аристократия со всего Корейского полуострова, поддерживавшая Ван Гона, получила земельные пожалования и почетные титулы при дворе. Возможно, все это привело Кёнсун-вана к мысли о том, что лучше добровольно подчиниться Ван Гону и передать ему территории Силла.

В 935 г. Кёнсун-ван составил письмо на имя Ван Гона, в котором выражал свое желание покориться Корё, и послал его с придворным сановником Ким Бонхю. Несмотря на то, что сыновья Кёнсун-вана не поддерживали отца, в том же 935 г. Силла официально вошло в состав Корё. Многие из силласких высших сановников перешли на службу к Ван Гону, а сам Кёнсун-ван был пожалован корёским почетным титулом и получил в пожизненное пользование в качестве наградных земель *сигын* огромные территории в окрестностях бывшей столицы Силла, которая стала называться Кёнчжу. Так завершилась почти тысячелетняя история государства Силла.

Часть II. ИСТОРИЯ КОРЕИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЁ

Историю государства Корё, несмотря на различные подходы к периодизации истории Кореи, исследователи единодушно относят к *средним векам*. Этот период истории Кореи очень важен: впервые вся территория Корейского полуострова оказалась объединенной под властью одного правящего дома. Корея окончательно стала единой. Именно в период Корё страна стала известна Западу. Слово «Корея» как раз и происходит от названия государства — «Корё». Именно в период правления династии Ванов начали производиться предметы, прославившие культуру Кореи на Дальнем Востоке, — характерные светло-зеленые глазурированные керамические изделия, получившие название «селадон».

Культура эпохи Корё имеет ряд специфических особенностей, которые до сих пор не получили какого-либо разъяснения. Считается, что государственной религией Корё был буддизм. Однако в расположенных на юго-западе Корейского полуострова буддийских монастырях — Унчжуса («Монастырь Облачной Лодки»), Мирыкса («Монастырь Будды Майтрейи»), Кымсанса («Монастырь Золотых Гор») можно обнаружить ряд удивительных корёских сооружений из камня, аналогов которым нельзя встретить ни в более ранний период Трех государств, ни в более поздний период династии Ли (1392–1910). Это плоские, похожие на идолов-хранителей деревни каменные изваяния Будд, каменные пагоды с ярусами в форме шаров или дисков. Известно, что идолы и идолопоклонничество несовместимы с буддизмом, а традиционные каменные пагоды имели ярусы в форме четырехскатной (четырёхугольной) крыши.

В то же время в общепринятой схеме изложения истории Корё нет ничего загадочного или фантастического. Главным источником сведений о Корё являются исторические сочинения, составленные в первые десятилетия после установления новой династии Ли, а имен-

но: «*Корёса*» — «История Корё» и «*Корёса чорё*» — «Краткое изложение основного в истории Корё». Первое сочинение было завершено к 1451 г., второе — к 1452 г. Оба составлялись при королевском дворе в особом историческом ведомстве *Чхунчхугван*, поэтому отражали официальную позицию на историю предшествовавшей династии. Понятно, что ее последние годы должны были предстать кризисными, что объясняло смену одной династии другой. К тому же в начале правления династии Ли усиливалось влияние конфуцианства, которое не уделяет большого внимания «чудесам». Поэтому в «*Корёса*» и «*Корёса чорё*» описания фантастических и удивительных событий и явлений встречаются довольно редко, что отразилось на характере современной историографии Корё. Государство Корё зародилось в недрах Поздних Трех государств.

§ 1. Объединение страны под властью Корё

Итак, в 918 г. в 6-й лунный месяц на собрании высокопоставленных сановников государства Тхэбон его правитель Кунье был смещен, а вместо него на трон возведен 41-летний талантливый военачальник Ван Гон. Тогда же название государства изменили на Корё, а столицу в следующем, 919 г. перенесли в город Сонак (современный город Кэсон), которому дали название Кэгён, т. е. «Столица открытия». «Открытие» — это начало: начало новой эры в истории государства, нового состояния гармонии в окружающем мире.

Согласно традиционным дальневосточным представлениям, династии не могли сменять друг друга, если на это не было воли всемогущих Небес. Поэтому основатели династий должны иметь определенную связь с Небесами, и если их жизнь не была отмечена чем-то необычным, то, по крайней мере, рождение содержало нечто чудесное. Так, в «*Корёса*» сказано, что отец Ван Гона — Ван Юн как-то повстречался с гадалем-геомантом, и тот указал счастливое место для строительства нового дома, предсказав, что у Ван Юна родится сын, который станет объединителем земель «Трех Хан», т. е. Кореи, и основателем нового государства. Именно гадалец посоветовал дать мальчику имя Ван Гон.

Ван Гон объединял страну скорее мудрой политикой, нежели силой. В следующий после вступления на трон месяц он издал указ о возвращении статуса *янин* («доброго люда») тем, кто в последние годы правления Кунье был обращен в *ноби*¹ за неуплату ставших

¹ О *ноби* подробнее см. § 2 главы 9 части I настоящей книги.

непомерно большими к тому времени налогов. Чиновники прежней местной администрации при условии подчинения Ван Гону сохраняли свои старые титулы и должности. Если кто-то упорствовал на местах и не желал признавать новой власти, то прежде, чем идти военным походом, Ван Гон посылал подарки с надеждой договориться мирным путем. Он пошел на то, чтобы лично породниться с представителями крупнейших «сильных семей» и тем самым укрепить власть на местах. Поэтому у Ван Гона было 29 жен.

Благодаря такой продуманной политике объединения страны, после того как в 930 г. Корё совершило успешный военный поход в Позднее Пэкче, 110 городов на северо-востоке Силла добровольно вошли в состав Корё. Поэтому королевство Силла еще в 931 г. выразило желание покориться Корё, что и было реализовано в 935 г.

Только для того чтобы покорить Позднее Пэкче, Ван Гону пришлось вести активную военную политику. К 936 г. сопротивление этого государства было окончательно сломлено.

Ван Гон проводил не менее активную политику и на северных границах Корё. Поначалу, очевидно, у него не было планов присоединения земель на севере. На третий месяц после восхождения на трон Ван Гон издал приказ о строительстве оборонительной стены к северу от Пхеньяна, который к тому времени уже был частью корейской территории. Стену решили построить на случай агрессии чжурчжэней — племен, родственных племенам мальгаль (мохэ) и проживавших в центральных и северо-восточных районах Маньчжурии. Однако после того как в 920-е годы находившееся к северу от Корё государство Пархэ стало подвергаться нападениям киданей, образовавших к тому времени свое государство Ляо, большое количество потомков бывших когурёсцев вынуждены были переселяться в Корё.

После падения Пархэ в 926 г. процесс миграции стал более интенсивным. Ко двору Ван Гона пришел пархэский наследный принц Тэ Гванхон со своими высокопоставленными сановниками. Ван Гон сохранил королевский титул Тэ Гванхона, но присвоил ему свою фамилию. Все приближенные пархэского принца получили должности при дворе Ван Гона.

Тогда же на полных правах покровителя пархэской королевской семьи Ван Гон организовал ряд военных походов на север, чтобы присоединить к Корё земли к югу от реки Амноккан, которые были некогда когурёскими, а затем стали пархэскими. Однако в X в. удалось подчинить лишь территории в нижнем и среднем течениях реки

Тэдонган и неширокую полосу земель к востоку, протянувшуюся до Восточно-Корейского (Японского) моря.

Итак, под властью Ван Гона Корея объединилась и стала занимать большие, чем во времена Объединенного Силла, территории. Почему это произошло?

О причинах распада королевства Силла и появления Поздних Трех государств речь шла в главе 11. Однако наряду с объективными причинами образования центробежных сил, к началу X в. сложились объективные причины, способствовавшие объединению страны. Среди них можно выделить три основные составляющие центростремительных тенденций. К **первой** относится формирование единой корейской этнокультурной общности, сложившейся из родственных этносов и культур Трех государств за 250 лет истории Объединенного Силла. За это же время укрепились экономические связи между различными частями Корейского полуострова. **Второй составляющей** была возросшая к началу X в. угроза вторжения с севера со стороны чжурчжэней и киданей и необходимость защиты страны с юга от нападений японских пиратов. **Третья составляющая** центростремительной тенденции не является в полном смысле слова объективной. Это ряд реформ, проведенных в Корё Ван Гоном и его потомками, направленных на снятие тех противоречий в обществе, которые в свое время привели к распаду страны.

После смерти в 943 г. Ван Гону присвоили храмовое имя Тхэчжо, что значит «Великий предок-основатель». После Ван Гона, вплоть до 1275 г., времени окончательного подчинения Корё Китаю монгольской династии Юань, храмовые имена 22 корейских королей оканчивались на корневое слово *чжсон*, что значит «предок». Правом иметь храмовые имена, оканчивавшиеся на корневые слова *чжо* (предок-основатель; по-китайски — *цзу*) или *чжсон* (предок; по-китайски — *цзун*), до X столетия обладали только китайские императоры. Храмовые имена правителей корейских государств, которые заканчивались словом *ван*, указывали на их вассальное положение по отношению к Китаю.

С одной стороны, возможность присваивания правителям Кореи храмовых имен более высокого статуса указывала на новое, более значимое положение Кореи на Дальнем Востоке. С другой — в самом Китае в первой половине X в. не было единой и сильной власти. Только в 960 г. закончилась длившаяся более 50 лет Эпоха Пяти Династий, и к власти пришла новая династия Чао, основавшая империю Сун (960–1279). Поэтому, очевидно, в самом Китае в первой

половине X в. не было такой силы, которая могла бы воспротивиться введению в Корё новой традиции храмовых имен.

§ 2. Реформы системы государственного управления начала эпохи Корё

Реформы начала эпохи Корё проводились в несколько этапов: сразу после установления новой династии, в начале 960-х, в 970-е и 980-е годы. Первый указ об изменениях в системе центральной власти был издан Ван Гоном уже на шестой день после восшествия на трон, в 20-й день 6-го лунного месяца 918 г. Тогда было учреждено 17 министерств и ведомств. Самыми главными были три министерства: *Нэбонсон* (дословно — «Министерство Внутреннее, Служения»), занимавшееся вопросами назначения на должности и основанное Кунъе еще в 895 г.; *Нэыйсон* («Министерство Внутреннее, Сопровождающий»), ведавшее подготовкой королевских указов, т. е., говоря современным языком, законодательства, и *Кванпхёнсон* («Министерство Широкое, Вынесения Решений»), главной задачей которого была реализация указов и которому подчинялись остальные основные ведомства Корё. Кроме того, были ведомства, занимавшиеся делами армии — *Пёнбу*, внутренней охраной — *Нэгунбу*, наказаниями — *Ыйхёндэ* и т. д., вплоть до Управления хранения документов — *Кванмунвон*.

В первые годы после провозглашения государства Корё серьезной проблемой для страны стали так называемые «заслуженные сановники», или *консин*, т. е. те, кто помогал Ван Гону объединять Корейский полуостров, те, кому он сам в свое время посылал подарки, чтобы привлечь на свою сторону. Они также хотели получить свою долю верховной власти. Например, в 945 г. сановник Ван Гю, выходец из Кванчжу (расположен неподалеку от современного Сеула), поднял в столице мятеж и убил государя Хечжона (943–945), второго короля Корё. В свое время Ван Гю отдал Ван Гону в наложницы двух своих дочерей и желал, чтобы кто-либо из его внуков унаследовал королевский престол. Поэтому после смерти могущественного Ван Гона он попытался силой достигнуть своей цели. Но его замыслам не суждено было осуществиться. Новый государь Чончжон (946–949) усмирил непокорного сановника.

Тем не менее только четвертому государю Корё — Кванчжону (950–975) удалось преодолеть влияние старой заслуженной аристократии. Он был третьим сыном Ван Гона и пришел к власти не с

помощью какой-либо из придворных группировок, а опираясь на свои собственные силы. Поэтому, взойдя на трон, он решил ослабить влияние «сильных семей» на законодательном уровне. В 956 г. был издан закон о пересмотре статуса лично-зависимой категории населения *ноби*. В то время в результате многочисленных боевых операций, связанных с объединением Кореи, многие лично-свободные простолюдины, относившиеся к категории «добротного люда», были обращены в *ноби* и составляли основу экономической и военной мощи «сильных семей». Новый закон делал большинство таких *ноби* лично свободными.

В 958 г. Кванчжон ввел в Корё систему сдачи государственных экзаменов *квэго* на получение чиновничьей должности. Еще в Объединенном Силла в 788 г. была осуществлена попытка введения такой системы. Но только в Корё *квэго* стала неотъемлемой частью политической практики государства². Система *квэго* также значительно ограничивала влияние «сильных семей», обеспечивая назначение на высшие государственные должности исходя из личных способностей человека.

Кроме того, в 960-е годы ряд министерств был переименован без значительного изменения их функций.

970-е годы и правление государя Кёнчжона (976–981) ознаменовались рядом реформ в экономической сфере. О них речь пойдет ниже.

Последняя волна реформ начала эпохи Корё, направленная на укрепление государства и центральной власти, связана с правлением шестого корёского государя — Сончжона (982–997). В 982 г. были переименованы два главных министерства. Одновременно изменилась их роль в механизме выработки, принятия и реализации основополагающих государственных документов. Совещательный орган *Нэый-*

---

² Поначалу система экзаменов *квэго* была достаточно простой. К концу X — началу XI столетия появились экзамены предварительные и окончательные. Предварительные организовывались ведомством, занимавшимся высшим образованием членов королевской семьи и выходцев из высокопоставленных семей, — *Кужчагам*, что значит «Управление Сынов государства». Окончательные экзамены, сдававшиеся в три этапа, курировало Министерство ритуалов *Йебу*. С XI в. государственные экзамены *квэго* сдавались один раз в два года, и число экзаменовавшихся составляло около 35 человек. Таким образом, за почти пятисотлетнюю историю Корё насчитывалось всего около 6700 человек, сдавших экзамены *квэго*. Главным предметом на экзаменах было конфуцианское учение: требовалось знание основных конфуцианских канонических книг. Однако в отдельных случаях могли сдаваться экзамены на знание медицины, географии, счета.

сон был переименован в *Нэса мунхасон*, что дословно можно перевести как «Министерство Внутренней Истории и Дел при Государе». Оно стало основным органом центральной власти Корё. Исполнительный орган *Кванпхёнсон* переименовали в *Оса досон*, что означает «Министерство Высочайшего Управления Делами». Его роль стала чуть меньше, чем прежде. Несмотря на то, что оба министерства оставались стержнем всей системы государственной власти, основную роль стал играть совещательный орган. На это стоит обратить особое внимание.

Во времена сильной единоличной власти Ван Гона главными являлись министерства и ведомства, занимавшиеся *реализацией* королевских указов. Слишком беспокойной была атмосфера при дворе, чтобы прислушиваться к советам сановников, еще недавно служивших в соседних с Корё государствах. К концу X в. ситуация в Корё стабилизировалась, укрепилась королевская власть. В то же время потомки Ван Гона понимали, что они не обладают талантами основателя династии. Соответственно повысилась роль совещательного органа власти. К примеру, известно, что при дворе Сончжона был талантливый сановник по имени Чхве Сынно (927–989), который уже в год вступления Сончжона на престол подал на высочайшее имя письмо с перечнем неотложных государственных задач из 28 пунктов. Многие из них были учтены. Сончжон уважал мнение Чхве Сынно. Источники свидетельствуют, что после смерти любимого сановника король часто сокрушался о его потере.

В 982 г. были изменены названия шести основных ведомств. Но функции их практически остались прежними. Были также переименованы названия многих чиновничьих должностей.

В 991 г. король Сончжон основал особое ведомство, занимавшееся изданием королевских указов и принятием прошений на имя короля, — *Чунчхувон* («Центральная Палата»). Считается, что Сончжон создал это ведомство под влиянием Китая эпохи Сун. Переименование центральных органов власти, о котором говорилось выше, исследователи также связывают с китайским влиянием. Этот факт представляется очень важным для понимания того, почему именно Ван Гону удалось объединить Корею и в дальнейшем сделать ее процветающей страной. Ван Гон был родом с северо-запада Кореи, географически наиболее близкого к Китаю. Семья Ван Гона поддерживала интенсивные торговые связи с Китаем. Очевидно, к началу X в. именно северо-запад оказался наиболее развитой частью Кореи, активно воспринимавшей последние достижения китайской культуры.

Одновременно с органами центральной власти реформировалась **система чиновничьих должностей**. В 919 г. все чиновничество только что образованного Корё делилось на 9 рангов. К 940 г. число категорий выросло до 29. Каждый из старых 9 рангов дополнительно подразделялся на более высшую категорию *чен*, т. е. «правильная», и категорию *чон*, т. е. «последующая». Ранги ниже третьего в пределах каждой из категорий *чен* и *чон* имели дополнительное подразделение на «высшие» и «низшие».

Такое усложненное деление на ранги было связано с ростом и расширением государственного аппарата. К 976 г. число категорий выросло до 79. Тогда же, в первый год правления государя Кёнчжона, произошло историческое разделение всего чиновничества на две группы — гражданских *мунбан* и военных *мубан*. Впоследствии высшее сословие Кореи стали именовать словом *янбан*, что значит «две группы [гражданских и военных сановников]»³.

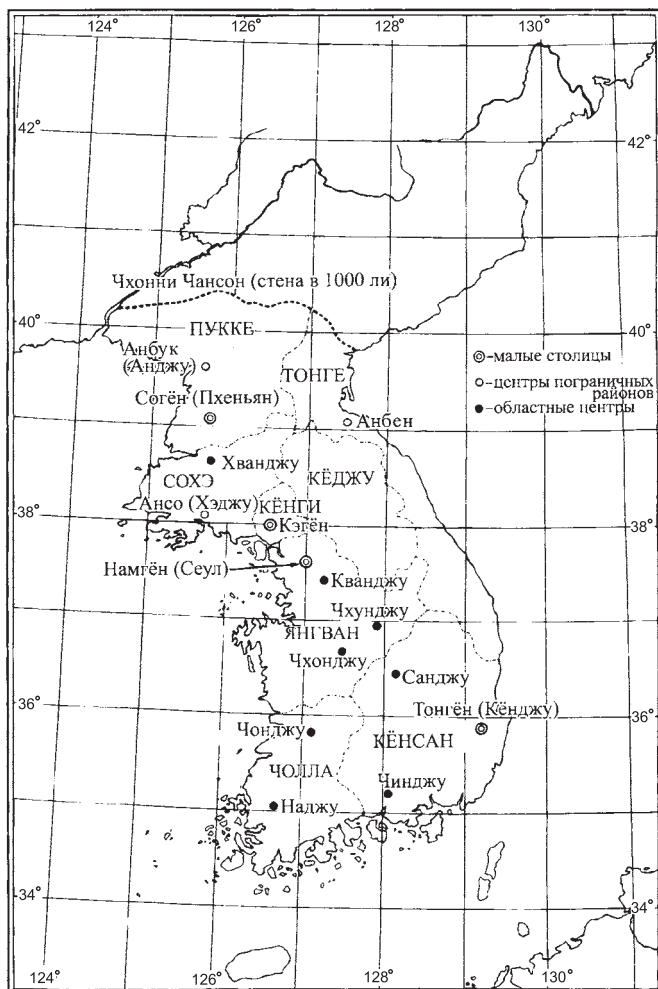
К 998 г. из-за громоздкости всей системы число рангов сократили до 18.

Реформа **системы местного управления** началась во времена Ван Гона, когда был возрожден институт так называемых «заложников». Речь идет о детях местных глав администраций или просто влиятельных людей, которые направлялись на службу в столицу сроком на 10–15 лет. С одной стороны, они служили в столичных ведомствах, чаще всего на должностях заместителей государственных складов; с другой — играли роль «заложников», гарантировавших подчинение местной администрации центру. С начала XI в. такие люди стали именоваться *кин*.

В 940 г., после завершения объединения страны, были заново учреждены области, округа, уезды. При этом старые силлаские названия административных единиц заменялись на новые или на такие, которые, по сохранившимся документам или даже местным преданиям, существовали ранее, до силласких. (Как видно, история переименований географических названий с приходом всякой новой власти не знает различий ни в эпохах, ни в культурах.)

³ В южнокорейской историографии господствующий класс эпохи Корё принято именовать «дворянами», или «аристократами», — *квичжон*, в противоположность *янбанам*, составлявшим основу правящего класса в период последующей династии Ли (1392–1910). Отечественная (так же как и северокорейская) историческая литература не придерживается указанной точки зрения, за что подвергается критике в южнокорейской историографии (подробнее см.: Анализ российской исследовательской литературы по корейской тематике. Сеул, 1997. С. 82).

Карта № 5. Государство Корё в конце XI столетия

С 970 г. начала реализовываться система регулярного направления столичных чиновников в провинцию на руководящие должности. В 983 г. государство было поделено на 12 *мок* — крупные административные центры с подчиненными им территориями — Анчжу, Хванчжу, Хэчжу, Кванчжу, Чхунчжу, Чхончжу, Кончжу, Чинчжу, Санчжу, Чончжу, Начжу, Синчжу. Эти *мок* послужили основой для создания в дальнейшем корейских провинций. Современные названия некоторых из них ведут начало от названий 12 *мок*. Это провинции Хванхэ (Хванчжу и Хэчжу), Чхунчхон (Чхунчжу и Чхончжу) и некоторые другие. Из столицы в *мок* направлялись губернаторы *чольтоса*, а с ними по два-три человека помощников. В дальнейшем система *мок* реформировалась в 995 и 1018 гг.

Одновременно с введением системы *мок* государь Сончжон попытался учредить 10 провинций *до*, подобно административному делению танского Китая. Однако такое деление оказалось неудобным и вскоре было отменено. Деление на провинции было возрождено только при государе Йечжоне (1106–1112); тогда их насчитывалось 5 — Янгван, Чолла, Кёнсан, Сохэ и Кёчжу. Отдельно управлялись столичная область (провинция) Кёнги, а также Северная пограничная и Восточная пограничная области (их также называют провинциями Пукке и Тонге соответственно). Помимо главной столицы страны — города Кэгён, учредили еще три: Западную столицу — Согён (современный Пхеньян), Южную столицу — Намгён (современный Янчжу) и Восточную столицу — Тонгён (ныне город Кёнчжу).

Сильное государство было бы невозможно без хорошо отлаженной системы связи и дорог. К середине X в. была учреждена сеть почтовых станций *ёк* на 22 основных дорогах, которые соединяли столицу Кэгён со всеми частями страны. В Корё насчитывалось до 525 почтовых станций, на которые назначались государственные служащие, выдавались лошади. На станциях строились помещения для ночлега. Государство выдавало почтовым станциям поля, непосредственное использование которых или продажа урожая с них позволяли покрыть необходимые расходы.

Одновременно были переоборудованы речные переправы у дорог и прибрежные порты. Там также полагалось оборудовать места для ночлега. Речные переправы, как правило, подобно населенным пунктам, имели собственные названия. Если перестраивалась старая переправа, то обычно менялось и ее название.

Армия также была одной из приоритетных сфер внимания новой династии. В первый месяц после прихода Ван Гона к власти среди

столичных ведомств, образованных по его указу, имелось и военное. В 919 г. были учреждены так называемые Две Армии — *Игун* и Шесть Полков — *Югви*, ставшие основой военной системы Корё. Две Армии состояли из бойцов, входивших в свое время в личную гвардию самого Ван Гона и других «сильных семей», поддержавших новую власть. Основной функцией Двух Армий была охрана королевского дворца. Несмотря на название, число воинов в них не превышало 3 тыс. Шесть Полков осуществляли функции поддержания порядка в столичном городе и его защиты, а также участвовали в боевых действиях на границах страны. Их численность была довольно велика и доходила до 45 тыс. человек.

В 947 г. для защиты северных границ от нападений киданей была учреждена так называемая Светлая Армия — *Квангун*. В ее состав входило до 30 тыс. человек. Однако, по свидетельству источников, в ней очень велико было влияние местных «сильных семей», что негативно сказалось на общей боеспособности. Поэтому в годы второй волны агрессии киданей (1011–1018) *Квангун* была расформирована, ее подразделения отошли под командование местной военной администрации.

Служба в корёских провинциальных войсках была тяжелой. Солдат набирали из свободных крестьян по закону о воинской повинности — по одному человеку с определенного количества дворов. Служили обычно с 16 до 60 лет.

После введения экзаменов на получение государственной должности в 958 г. и разделения чиновничества на гражданское и военное в 976 г. в Корё сложилась четкая система отбора на высшие военные должности посредством сдачи государственных экзаменов. Однако вплоть до правления последнего корёского государя Конъянвана (1389–1391) особых экзаменов на получение военной должности не существовало. Военные чины в Корё занимали более низкое положение, чем гражданские.

§ 3. Социально-экономические реформы начала Корё

Социально-экономическое развитие Корё достаточно подробно описано в отечественной литературе, в особенности в работах Ю. В. Ванина⁴ — ведущего российского исследователя в области средневековой экономики Кореи.

⁴ См., напр.: Ванин Ю. В. Феодалная Корея в XIII–XIV вв. М., 1962.

Экономические реформы Корё затрагивают в основном вопросы земельных отношений. Это и понятно. Для стран земледельческой культуры, к которой относится и Корея, земля была основным средством производства, а сельскохозяйственная продукция нередко играла роль денежного эквивалента. Поэтому устройство земельной системы, собственность на землю были важнейшими вопросами, от которых зависела жизнеспособность государства в целом.

До проведения реформ все земли Корё с первого дня провозглашения государства *формально управлялись* монархом. Реально количество земель, принадлежавших крестьянам, заметно сократилось в период Поздних Трех государств. Это происходило и по причине прямого захвата земель «сильными семьями», и из-за постоянных войн, вынуждавших крестьян бросать поля.

Когда Ван Гон пришел к власти, он всячески старался привлечь на свою сторону как старую аристократию Корё, так и выходцев из Позднего Пэкче или Силла. Поэтому в первые годы правления Ван Гона появилось большое количество земель «заслуженных сановников» — полководцев, комендантов крепостей, бывших высокопоставленных чиновников, помогавших Ван Гону в объединении страны и укреплении королевской власти. Немало земель принадлежало буддийским монастырям. Относительно первых лет существования Корё можно в какой-то мере говорить о возврате к силлаской системе *сигын* — выдаче земель в пожизненное владение за заслуги перед государством. Не только последний силлаский государь Кёнсун-ван получил в личное пользование земли у бывшей силлаской столицы, о чем уже говорилось, но и правитель Позднего Пэкче — Кёнхвон получил в 935 г. в личное владение земли у Намгёна (Янчжу). Причем, получая в *сигын* населенные пункты, их владельцы имели право не только собирать налог с прилегающих земель, но и в некоторой степени распоряжаться крестьянами, которые эти земли обрабатывали.

Таким образом, суть **первого этапа** земельной реформы состоит в следующем. Пока система местного управления не была развита, а территории страны до конца не объединены, Ван Гону требовалось привлекать на свою сторону костяк влиятельных людей и высшее чиновничество, делая их опорой своей власти. Для этого он раздавал им земельные пожалования. В то же время, для того чтобы добиться поддержки со стороны населения, Ван Гон сократил налогообложение крестьян и неоднократно издавал указы, поощрявшие возвращение на землю тех, кто в свое время ее покинул из-за военных действий.

Второй этап земельной реформы начался также в правление Ван Гона, в 940 г. Тогда был издан указ о введении земельной системы *ёкпунчжон* — «полей, распределяемых за службу». Этой системой охватывались все — от высшего столичного чиновничества до солдат. Поля, точнее право сбора налогов с них, раздавались в качестве вознаграждения на время службы. Как сказано в «Корёса», при выдаче полей не смотрели на ранг, а определяли, «совершает человек добро или зло, имеет большие или маленькие заслуги»⁵.

Логика второго этапа земельной реформы заключалась в следующем. В 940 г. было реформировано административное деление страны. Но новым чиновникам, особенно находящимся за пределами столицы, было еще трудно доверять. Система должностей окончательно не сформировалась⁶. Иными словами, существовала возможность, что при попытке универсализации принципов раздачи полей они могли выдаваться не по заслугам, так как само занятие должностей происходило не всегда «объективно», исходя из потребностей и интересов государства. Поэтому при раздаче полей каждый случай, очевидно, рассматривался отдельно.

В 949 г. была введена дополнительная раздача риса чиновничеству за заслуги. Определили четыре категории заслуг. Скорее всего, указ 949 г. имел целью охватить новое чиновничество, не успевшее проявить себя в ходе объединения страны. Данный указ любопытен еще и тем, что наглядно демонстрирует роль риса как денежного эквивалента в Корее средних веков.

Третьим этапом земельной реформы можно считать ряд указов о *чонсиква*, первый из которых был издан в 976 г. Термин *чонсиква* означает «поля и леса [для сбора топлива] по категориям [должностей]». Суть новой системы состояла в том, что в зависимости от «объективного» ранга чиновника, как столичного, так и провинциального, на время службы раздавались поля для сбора налогов и леса для сбора топлива. Теоретически после окончания службы поля и леса должны были возвращаться в казну. По указу 976 г. максимальная площадь выдаваемых полей составляла 110 *кёль*, минимальная — 10 *кёль*. Такими же были максимальные и минимальные площади выдаваемых лесов. О единице площади *кёль*, которая использовалась в Корее на протяжении многих столетий, стоит сказать особо.

⁵ Корёса [История Корё]. На кит. яз. Т. 2. Пхеньян, 1958. С. 585.

⁶ Волков С. В. 1) Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. С. 82; 2) Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.

Кёль как мера площади стал употребляться еще со времени Объединенного Силла, однако сказать что-либо определенное о его размере невозможно, поскольку не сохранилось точных сведений. Основным критерием было количество собираемого урожая. Определялось несколько категорий полей, обычно — три: высшая, средняя и низшая. Поскольку количество урожая, собираемого с одного кёль любого поля, должно быть одинаковым, постольку геометрические площади одного кёль полей высшей, средней и низшей категорий были различными. Наименьшие разногласия вызывает величина кёля с конца эпохи Корё до начала эпохи Чосон (XIV–XV вв.). Тогда 1 кёль полей высшей категории равнялся 0,6 га, средней — 0,95 га, а низшей — 1,4 га. По поводу единицы площади в начале периода Корё существуют самые различные точки зрения. Согласно одной из них, геометрическая величина кёля оставалась единой для всех категорий полей, но разным был уровень налога, собиравшегося с единицы площади. Говорят о величине кёль в 2,3 га, 2,25 га, 1,38 га. Собственные расчеты автора настоящей книги, основанные на изучении текста королевского указа 1069 г. об установлении величины кёль, определяют цифру в 0,2 га⁷.

По указу о *чонсиква* 976 г., несмотря на попытку большей универсализации закона, чиновники делились на 79 категорий. При этом указывались не названия должности, а только тип ведомства и цвет чиновничьего платья, с которым соотносились ранги. Система оказалась громоздкой, и в 998, 1014, 1034, 1076 гг. она подвергалась пересмотру. Число категорий сократили до 18. Уменьшилось и количество выдаваемых земель. Вместе с тем в указах о *чонсиква* появились названия конкретных должностей.

Итак, третий этап земельной реформы Корё заключался в том, что власть уже была твердо установлена и стала работать конфуцианская система отбора на должности по способностям. К тому же в связи с расширением аппарата управления требовались простота и мобильность системы вознаграждения чиновников. Всем этим требованиям и должна была отвечать новая система *чонсиква*.

Однако, очевидно, в силу объективных обстоятельств⁸, принцип возврата земель, отдававшихся в длительное пользование, не мог быть реализован. Как показывают результаты исследований, прове-

⁷ В работе Ю. В. Ванина размер одного кёля также определяется цифрой 0,25 га (см.: *Ванин Ю. В.* Феодальная Корея в XIII–XIV вв. С. 188).

⁸ Вопрос о причинах распада системы *чонсиква* еще не достаточно исследован в современной научной литературе.

денных автором настоящей книги⁹, можно сделать предположение, что выдача полей и лесов по системе *чонсиква*, по крайней мере, для высшего чиновничества, осуществлялась исходя не только из «объективных» рангов, но из личных качеств того, кому выдавалась земля. В результате по закону и в обход закона большая часть казенных земель перешла в частное владение, что привело к ослаблению государства и, как следствие, — монгольскому правлению, а в дальнейшем — к гибели Корё.

Система землепользования Корё не ограничивалась *чонсиква*. В 977 г. была введена категория «полей за заслуги» *хунчжон*. Такие поля размером от 50 до 20 *кёль* выдавали пожизненно за заслуги перед государством. Очевидно, площади таких земель были значительно меньше тех, которые раздавались в первые годы после провозглашения династии. В 983 г. был издан указ о «полях и лесах казенных учреждений» *конхэчжонси*. Окружным, областным, уездным присутственным местам, а также почтовым станциям в зависимости от категории (т. е. степени важности, величины) давались поля и леса вместе с прикрепленными к ним работниками для сбора риса, технических культур, занятия ремеслом, обслуживания присутственных мест. По этому указу определялись поля для начальников почтовых станций.

Принципы регулирования крестьянского землепользования в основных источниках по истории Корё не описаны.

Таким образом, к концу X — началу XI в. Корё во всех отношениях стало достаточно сильным государством, способным эффективно отражать агрессию извне.

Глава 2. ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ КИДАНЕЙ В 993–1018 ГОДАХ И ЧЖУРЧЖЭНЕЙ В 1107 ГОДУ

В течение X в. укреплялось не только молодое корейское государство Корё. В 960 г. в Китае воцарилась династия, основавшая государство Сун (960–1279) и положившая конец периоду нестабильности — Эпохе Пяти Династий. В начале X в. к северо-западу от Корё

---

⁹ Курбанов С. О. Историографические аспекты земельных отношений в Корее X–XIV вв. по материалам «Составленной истории [Ко]рё»: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

было создано и значительно укрепилось государство киданей, которое в 937 г. получило название Ляо. В 926 г. в западной части бывшего государства Пархэ, павшего под ударами киданей, было создано Восточно-киданьское государство — Дунданьго, вошедшее в 982 г. в состав Ляо. Учитывая агрессивный характер политики соседних киданьских государств, нападение киданей на Корё было предсказуемым. Поэтому Корё заранее готовилось к возможной агрессии.

§ 1. Политика Корё по отношению к киданям в X веке

Еще основатель Корё Ван Гон в «Десяти основных заповедях» *Сипхунгё*¹⁰, составленных им лично в 942 г., незадолго до смерти, в назидание своим внукам — возможным наследникам престола, обращал особое внимание на необходимость укрепления границ государства, и прежде всего северных.

Чжурчжэньские племена, проживавшие в основном к северо-востоку и к северу от Корё, на протяжении X столетия строили с ним отношения на мирной основе. Однако сами неоднократно подвергались нападению киданей. Особенно активизировалась агрессивная внешняя политика киданей в годы правления киданьского императора¹¹ Шэн-цзуна (983–1030), который снаряжал военные походы против чжурчжэней в 983, 985 и 989 гг.

Несмотря на то что сражения между киданями и чжурчжэнями велись вблизи границ Корё, корейское государство занимало формально нейтральную позицию. При этом, пользуясь затруднениями чжурчжэней на севере, Корё расширяло свои территории в сторону реки Амноккан. В результате к началу 990-х годов Корё и Ляо стали иметь общие границы в устье Амноккана.

Сунский Китай также был вынужден в 985 г. вступить в войну с киданями. Ко двору корёского государя Сончжона (982–997) сунский император Тай-цзун (976–997) отправил посла с просьбой прислать на помощь войска. Сончжон постарался в мягкой форме отказаться от посылки войск, желая соблюсти нейтралитет и как

¹⁰ Встречается другой вариант названия — *Хунгё сипчо*, имеющий идентичное значение.

¹¹ Принятие титула императора указывало на то, что киданьские правители претендовали на роль верховных властителей Поднебесной. В свою очередь это означало, что им требовалось добиться признания этого титула со стороны всех окружающих государств, т. е. покорить их, включая Серединную Империю.

можно дольше не вступать в конфликт с киданями. Однако появление общих границ с киданями в устье реки Амноккан заставило Корё предпринять более активные шаги по укреплению северо-западных границ. На южном берегу Амноккана была построена крепость Соксон. Летом 993 г. были сформированы три новые армии на северо-западе: Верхняя армия — *Сангун* во главе с Пак Янъю, Средняя армия — *Чунгун* во главе с Со Хи и Нижняя армия — *Хагун* во главе с Чхве Ряном. Главные оборонительные силы были расквартированы в районе реки Чхончхонган — на полпути между Западной столицей (Пхеньяном) и рекой Амноккан. Агрессия киданей не заставила долго себя ждать.

§ 2. Военные походы киданей в Корё в X–XI веках

Кидане нападали на Корё трижды. **Первый раз** они отправились в **военный поход** против Корё в **10-й месяц 993 г.** Войско возглавил наместник Восточной столицы (г. Ляоян) государства Ляо — Сяо Сюньнин. Согласно официальной династийной истории Корё — «Корёса», в его составе было 800 тысяч человек, однако современные ученые сомневаются в достоверности этой записи. Форсирование киданями реки Амноккан и продвижение в глубь Корё через так называемый пояс проживания чжурчжэней произошли довольно быстро. Первое значительное столкновение с корёскими войсками имело место у крепости Понсан, расположенной у одного из северных притоков реки Чхончхонган. Здесь, несмотря на ожесточенное сопротивление корёсцев, кидани одержали победу. Сяо Сюньнин предъявил Корё требование сдаться и вернуть Ляо территории к северу от реки Тэдонган, входившие некогда в состав Пархэ (а до Пархэ принадлежавшие Когурё). Опасаясь еще больших разрушений от действий огромной киданьской армии, корёский государь Сончжон (982–997), поддержанный рядом придворных сановников, хотел принять требование киданей, однако полководец Со Хи, командующий Средней армией, настаивал на продолжении вооруженного сопротивления.

Тогда Сяо Сюньнин решил двинуться дальше на юг и прежде всего захватить крепость Анъюнчжин в устье реки Чхончхонган. Однако сражения у Анъюнчжина оказались не такими успешными для киданей. Несмотря на это, Сяо Сюньнин снова предложил Корё покориться, разорвать отношения с сунским Китаем и «вернуть» Ляо бывшие корёские земли.

Для переговоров с киданями во вражеский стан был направлен полководец Со Хи. Переговоры продолжались семь дней. Кидани утверждали, что Корё — это наследник Силла, а Ляо — наследник Когурё, поэтому бывшие когурёские земли необходимо «вернуть» киданям. Со Хи на основании документов и благодаря личным дипломатическим способностям сумел доказать киданям, что именно Корё является наследником Когурё и все земли вплоть до реки Амноккан должны принадлежать Корё. Кидани согласились с доводами Со Хи и заключили мир с Корё. С другой стороны, Корё, с согласия сунского Китая, решило временно признать сюзеренитет Ляо. Возможно, еще одним аргументом в пользу успешного исхода переговоров стали многочисленные корёские войска, расквартированные в низовьях реки Чхончхонган, а также трудности последних боев с Корё.

В результате заключения мирного договора с киданями к Корё были присоединены все территории к северу вплоть до реки Амноккан. Кидани обещали вывести войска в течение дополнительного 10-го лунного месяца 993 г.¹² Более того, чтобы заручиться нейтралитетом Корё в случае возможных столкновений киданей с Китаем правящего дома Сун, Со Хи было вручено множество подарков, в том числе 500 отрезков шелка.

С 994 г. у пограничной крепости Соксон на реке Амноккан был организован специальный пограничный переход. Началось пятнадцатилетие мирных отношений с киданями. Однако корёсцы не питали иллюзий относительно намерений своего северо-западного соседа и активно занимались строительством новых крепостей у северо-западных границ. С 994 по 1008 г. была сооружена 21 крепость.

В 1009 г. в Корё произошел государственный переворот. Командующий войсками северо-запада Кан Чжо, прослышав о том, что серьезно болевший в то время государь Мокчон (998–1009) скончался, срочно направился в столичный город Кэгён, возглавив пяти тысячное войско. Ситуация при дворе была неспокойной, вопрос о престолонаследии не был до конца решен, и Кан Чжо решил вмешаться в процесс передачи трона, исходя из своих собственных представлений о легитимности власти. Пока он продвигался к столице, выяснилось, что слухи оказались ложными и государь Мокчон жив. Однако эта весть не остановила Кан Чжо. Он дошел до столицы, потребовал у Мокчона, чтобы тот отказался от трона в пользу Суна, внука Ван Го-

¹² В традиционном дальневосточном календаре раз в несколько лет встречаются годы, содержащие не 12, а 13 месяцев. Тогда добавленный месяц носит название «дополнительного».

на. Таким образом на престол был возведен Сун, ставший восьмым корёским королем Хёнчжоном (1009–1031). Вслед за этим Мокчона казнили.

Факт кровавого престолонаследия стал известен и в соседнем Китае, и в киданьском государстве Ляо. Киданьский «император» Шэн-цзун (983–1031), претендовавший на верховную власть в Поднебесной, решил поступить подобно китайским императорам прошлого: снарядить «карательный поход» против «варваров», т. е. корейцев, и «наказать» виновников кровавых событий при дворе. Шэн-цзун, с одной стороны, хотел продемонстрировать окружающему миру свое положение как «императора Поднебесной», а с другой — заставить Корё прекратить традиционные отношения с Китаем династии Сун и признать за «серединное государство» киданьское Ляо.

Киданьское войско в 400 тыс. человек во главе с Шэн-цзуном форсировало реку Амноккан в **11-й месяц 1010 г.**, когда река уже замерзла. Это было началом **второго военного похода** киданей против Корё. Сначала кидани попытались взять приграничный опорный пункт Хынхвачжин, однако бои, длившиеся в течение недели, не принесли успеха. Киданьские войска решили обойти крепость и попытаться продвинуться вглубь территории Кореи. Сражения у крепости Тхончжо, защитой которой руководил «мятежный» корёский сановник Кан Чжо, а также у Западной столицы Согён (нынешний Пхеньян) также не принесли киданям побед, несмотря на то, что сам Кан Чжо погиб. Не сумев взять корёские крепости, стоявшие на пути к столице государства — Кэгёну, Шэн-цзун, обойдя их, все же решил попытаться завоевать корейскую столицу. Многие придворные, напуганные быстрым продвижением врага вглубь территории, предлагали покориться Шэн-цзуну. Однако полководец Кан Гамчхан (948–1031), возглавивший защиту Кэгёна, предлагал продолжить сопротивление. При этом он решил позволить врагам временно войти в город, предварительно эвакуировав королевский двор. Продовольствие у киданей было на исходе, а в тылу находились непокоренные корёские крепости. К тому же в тот год зима в Корё выдалась необычайно суровой. Расчеты Кан Гамчхана оправдались. Вражеские войска не смогли продержаться в «покоренной» столице более десяти дней и вскоре были вынуждены принять решение об отступлении. К концу 1-го месяца 1011 г. киданьские войска, потерявшие в боях с корёсцами около 2000 человек, достигли пограничной реки Амноккан. Второй военный поход киданей в Корё завершился поражением нападавших.

Как южно-, так и северокорейская историческая литература, описывая события 1010–1011 гг., говорит о победе корёсцев над киданями. Однако, несмотря на то что отдельные корёские крепости не покорились врагу, они не смогли сдержать продвижение киданей вглубь территории страны.

Невзирая на то что в 1010–1011 гг. киданям не удалось добиться успеха в Корё, Шэн-цзун не оставил надежд присоединить к территории Ляо северо-западную часть Корё и заставить признать сюзеренитет Ляо. Уже в 1012 г. кидани предъявили Корё требование «возвратить» Ляо шесть «чжурчжэньских» крепостей к юго-востоку от реки Амноккан: Хынхвачжин, Ёнчжу, Тхончжу, Чхольчжу, Квакчу и Кучжу. Одновременно кидани начали вести политику регулярных военных провокаций на северо-западе Корё. В 1013 г. имела место первая неудачная попытка форсирования Амноккана.

В 1014 г. ситуация в Корё осложнилась противостоянием военных и гражданских сановников из-за распределения земельных владений. Непокойная обстановка в Корё придавала киданям больше уверенности. Начиная с 1014 г. кидани предприняли ряд военных походов с целью захвата приграничных корёских крепостей к югу от реки Амноккан. В конце 1014 г. отряд киданей продвинулся до крепости Тхончжу, но потерпел поражение, потеряв до 700 человек убитыми. В 1015 г. кидани пытались захватить корёские крепости Хынхвачжин и Тхончжу, в 1016 г. — Квакчу, в 1017 г. — снова Хынхвачжин. Количество ляоских войск, нападавших на корёские крепости, также увеличивалось, доходя до нескольких десятков тысяч человек.

Регулярные нарушения корёских границ киданьскими войсками и постоянные попытки отвоевать часть северо-западных территорий Корё заставляли корёский королевский двор принимать ответные меры. В 10-й месяц 1018 г. полководец Кан Гамчхан, блестяще проявивший себя во время предшествующей агрессии киданей, был назначен главнокомандующим войсками северо-запада. Заботилось Корё и о поддержании соответствующей численности войск. Поэтому, когда в **12-й месяц 1018 г.** 100-тысячная армия киданей, возглавляемая Сяо Пайя¹³, снова раз вторглась на территорию Корё, под командованием Кан Гамчхана находилось более 208 тыс. корёсцев.

Третья киданьская агрессия вглубь территории Корё значительно уступала по масштабам первым двум, однако тактика, избранная Сяо Пайя, была такой же, что и в предшествующие военные

---

¹³ Корейское прочтение имени — Со Пэап.

походы. Первое столкновение между киданями и корёсцами у крепости Хынхвачжин не принесло киданям успеха. Однако Сяо Пайя решил оставить непокоренную крепость в тылу и направиться сразу к столице — городу Кэгёну, обходя стороной все корёские укрепленные пункты. В результате уже в начале 1019 г. кидани подошли к стенам корёской столицы. Однако, увидев основательно укрепленные стены города и большое количество защитников, они не решились его атаковать. Ко всему прочему, у киданей снова возникли проблемы с продовольствием. Во многом это произошло благодаря особой тактике корёсцев, которые не оставляли никаких продовольственных запасов по пути следования врага.

Таким образом, Сяо Пайя пришлось принять решение об отступлении. Отход войск был стремительным. Киданей преследовали многочисленные корёские войска. Недалеко от корёско-ляоской границы, у крепости Кучжу, произошло решающее сражение с киданями. В нем особо отличился полководец Ким Чжонхён. В результате из 100 тыс. ляосцев, напавших на Корё, пересечь реку Амноккан, т. е. вернуться живыми, удалось лишь нескольким тысячам. Это была триумфальная победа Корё. Государь Хёнчжон лично вышел встретить возвращавшееся с победой в Кэгён войско во главе с Кан Гамчханом. С другой стороны, в 1022 г. Корё получило инвеституру от Ляо, тем самым признав Ляо в качестве государства-сюзерена. (В государствах Дальнего Востока военная победа или поражение не всегда оказывали прямое воздействие на дальнейшее развитие дипломатических отношений.)

После военного поражения 1019 г. кидани уже не беспокоили корёсцев. В самом Корё для укрепления государственности дважды, в 1034 и 1076 гг., пересматривалась земельная система *чонсиква*. В 1033 г. было начато строительство «Стены в 1000 ли»¹⁴, завершившееся к 1044 г. Стена, протянувшаяся с запада на восток вдоль северных границ Корё, должна была защитить страну от возможных нападений с севера.

На рубеже X–XI вв. к северу от Корё помимо киданей проживали также чжурчжэни, с которыми Корея строила несколько иные отношения.

---

¹⁴ По-корейски название стены звучит как «Чжонни чансон». Можно сказать, что это в своем роде корейский аналог Великой китайской стены, которая дословно называется «Стена в 10 000 ли», или «Ванли чжанчэн». Поэтому не было бы ошибкой, если бы корейскую «Стену в 1000 ли» именовали просто как «Большая корейская стена».

§ 3. Политика Корё по отношению к чжурчжэням в X–XII веках

Чжурчжэни, ведущие свое происхождение от племен мохэ (по-корейски — мальгаль), были давними соседями корейцев, проживали в государстве Пархэ, частично были покорены киданями в X в. В отношениях Корё с чжурчжэнями можно выделить два этапа, связанные с историей самих чжурчжэней. Первый длился с X до начала XII в. В то время чжурчжэни были организованы в союзы племен, не имели своей письменности, их государственность находилась в стадии формирования. Рубежом второго периода является начало XII в. — время оформления государственности и провозглашения нового государства Цзинь (1115–1234), также претендовавшего на роль «Центра Вселенной» и покорившего в 1125 г. киданьское государство Ляо, а к середине XII столетия — большую часть сунского Китая. Тогда отношения Корё с чжурчжэнями вышли на новый уровень и военные конфликты приобрели иной смысл — не просто нападение на приграничные территории, а попытка добиться признания новой роли чжурчжэней в Поднебесной.

Однако в X–XI вв. отношения с чжурчжэнями носили довольно мирный характер. Развивалась торговля, многие чжурчжэни семьями переходили в Корё на постоянное поселение. Так, в 4-м месяце 1018 г. в Корё перешло 200 чжурчжэньских семей. Многие из чжурчжэней воевали на стороне Корё в войнах с киданями и даже проявляли особый героизм на полях сражений. Корёские власти не препятствовали переселению чжурчжэней в Корё, считая это одним из способов укрепления северо-восточных границ страны.

После завершения войны с киданями (1019) отношения с чжурчжэнями некоторое время носили мирный характер. Чжурчжэни не только вели активную торговлю с Корё, но, очевидно, интересовались и культурными достижениями Кореи. С 1030 по 1050 г. Корё официально посетили около 8100 чжурчжэней. С 1020-х годов до начала XII столетия, т.е. до основания чжурчжэньского государства Цзинь, Корё посетило 13 тыс. чжурчжэней, многие из которых осели в Корё на постоянное жительство. Насчитывают до 4700 семей чжурчжэней, переселившихся либо подавших прошение о натурализации в Корё в XI в. Лояльным руководителям пограничных с Корё чжурчжэньских административ-

ных единиц (иногда в литературе их называют «главами племен») присваивались корёские почетные чиновничьи должности, что также должно было укрепить корёско-чжурчжэньские отношения.

Однако эти отношения не всегда оставались мирными. В X–XI вв. сами чжурчжэни не отличались единством, а представители разных кланов или родоплеменных группировок занимали различные позиции по отношению к Корё. Некоторые совершали пиратские нападения. Например, в 1028 г. 15 кораблей восточных чжурчжэней высадились в районе Ёнчжинчжина и захватили в плен 70 корёсцев. В 1029 г. 400 чжурчжэней вторглись в Корё в район уезда Тонсан и совершили разбойные нападения на местное население. Поэтому «Большая корейская стена» была протянута к северо-восточным границам для того, чтобы защитить Корё от нападений недружественных чжурчжэней.

В 1070-е годы чжурчжэни начали концентрировать новые военные силы на северо-восточных границах Корё. Тогда Корё, решив продемонстрировать свою военную мощь и тем самым предупредить нападения чжурчжэней, в 1080 г. снарядило военный поход. Корёское войско численностью до 30 тыс. человек перешло северо-восточную границу и уничтожило 10 чжурчжэньских поселений.

На рубеже XI–XII вв. силой, которая постепенно объединяла всех чжурчжэней в единое государство, стал чжурчжэньский клан Ваньянь, проводивший агрессивную политику по отношению к Корё. Поэтому первые годы XII в. принесли Корё новые столкновения с чжурчжэнями, пытавшимися расширить территории своих владений за счет земель северо-востока Корё. В 3-й и 4-й месяцы 1104 г. корёские войска были вынуждены дважды оказывать сопротивление чжурчжэням у крепости Чончжу. В 3-м месяце 1106 г. кавалерия клана Ваньянь снова напала на крепость Чончжу. Тогда в следующем, 1107 г. из столицы Корё на северо-восток было послано огромное войско из пяти армий во главе с Юн Гваном общей численностью около 170 тыс. человек, включая флот. К концу 1107 г., разгромив чжурчжэней, корёсцы продвинулись вплоть до реки Туманган. На освобожденной территории были выстроены девять крепостей: Ёнчжу, Унчжу, Покчу, Кильчжу, Хамчжу, Конхомчжин, Суннёнчжин, Чинъянчжин, Тхонтхэчжин. Для лучшей охраны отвоеванной территории, которую корёсцы считали бывшей землей Когурё, т. е. по праву принадлежащей их государству, планировалось пере-

селить туда до 70 тыс. крестьян с юга Кореи. Однако чжурчжэни решили не сдаваться. Уже во 2-й месяц 1108 г. начались регулярные нападения на новые корёские крепости. Основные силы чжурчжэней были брошены на крепости Ёнчжу, Унчжу и Кильчжу. Сражения продолжались в 1108 и 1109 гг. Одновременно чжурчжэни выдвинули требование «возвратить» 9 корёских крепостей. В Кэгёе при королевском дворе возникли споры: то ли защищать крепости дальше, то ли отдать их чжурчжэням. В итоге было решено отдать крепости. Отчасти такое решение было оправдано тем, что взамен чжурчжэни обязывались больше не нападать на Корё, а также тем, что крепости, расположенные далеко друг от друга, в труднодоступных гористых районах, нелегко было защищать и еще нежеланием крестьян переселяться на северо-восток. Последнее обстоятельство было важнейшим условием, обеспечивавшим реальность защиты крепостей.

Действительно, до 1115 г., т.е. до времени провозглашения Агуды, главы чжурчжэньского рода Ваньянь, императором Тай-цзу нового чжурчжэньского государства Цзинь, чжурчжэни не беспокоили Корё. Новые амбиции чжурчжэньского «императора», а также его успешные военные действия против киданей (приведшие в итоге к падению государства Ляо в 1125 г.) позволили чжурчжэням выдвинуться к северо-западным рубежам Корё, к реке Амноккан. Тогда, в конце 1115 г., чжурчжэни попытались захватить две крепости — Нэвон и Почжу, изначально корёские, но уже около 100 лет находившиеся под контролем киданьских войск, захвативших крепости еще во время прежних походов в Корею. Поэтому, когда чжурчжэни напали на «киданьские» крепости, Корё поспешило отправить в Ляо послов с требованием вернуть Нэвон и Почжу. Из-за нехватки продовольствия и опасаясь очередной атаки чжурчжэней, в начале 1117 г. кидани в спешке покинули эти две крепости, заявив об их «возврате» Корё. Поэтому, когда чжурчжэни в очередной раз попытались захватить Нэвон и Почжу, там уже находились корёские войска, успешно отразившие атаку Цзинь. Так у Корё появились два надежных форпоста, успешно охранявших северо-западные границы в течение последующего столетия.

В начале XII столетия чжурчжэни сосредоточили свое внимание на покорении киданьского государства Ляо и сунского Китая. С Корё они поддерживали мирные отношения. Возможно, в какой-то степени это было связано с тем, что основатели го-

сударства Цзинь считали, что их род уходил своими корнями в Корё¹⁵.

А в самой Корее в это время происходили процессы разрушения центральной власти и ослабления единой государственности.

Глава 3. КОРЁ В XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА: МЯТЕЖИ АРИСТОКРАТИИ, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПРИ ДВОРЕ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

В истории Корё первая четверть XII в. характеризуется несколькими основными тенденциями, определившими ход истории государства на все последующее столетие.

Во-первых, следует отметить усиление неравноправия в положении военных и гражданских чиновников, получившего законодательное оформление еще в 976 г., когда был издан указ о разделении всего служилого сословия на две группы — гражданских *мунбан* и военных *мубан*. В том же году вышел первый указ о земельной системе *чонсиква*, который определял более низкие нормы наделения земель за службу военным чиновникам по сравнению с гражданскими, имевшими такой же ранг.

Вторым важным моментом внутривластной жизни Корё начала XII столетия явилось противостояние «старой» потомственной аристократии столицы и «нового» служилого сословия из провинции. Это противостояние нельзя назвать новым явлением, оно имело место как на протяжении предшествующей истории Кореи, так и в последующие периоды. Во многом это противостояние было связано с тем, что в XI и в начале XII столетий проходил процесс преобразования государственных земель, в том числе временно выдаваемых за службу, в частные владения. Поэтому каждому новому поколению служилого сословия, в особенности выходцам из провинции, доставалось все меньше и меньше земель.

Третьим определяющим моментом в истории Корё стал постепенный распад земельной системы *чонсиква* с одновременным увеличением количества частных земельных владений. Последний указ о системе *чонсиква*, свидетельствующий о сокращении норм наделов, был издан в 1076 г. Впоследствии никаких других указов, регулирую-

¹⁵ Подробнее см.: Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 157.

ющих землепользование в Корё, не выходило или по крайней мере не сохранилось.

Поэтому в корееведческой исторической литературе первая половина XII в. ассоциируется с началом ослабления центральной власти, **четвертого определяющего** момента указанного исторического периода Корё.

Следствием всего сказанного и одновременно **пятым** определяющим моментом явились становление практики *реального* управления со стороны придворных группировок, соответствующая борьба за власть между ними и особая роль военного сословия, желавшего в этой борьбе уравнивать свои права с правами гражданских чиновников.

§ 1. Мятежи корёской аристократии в XII веке

Первая четверть XII столетия, т. е. период правления государей Сукчона (1095–1105), Ечжона (1105–1122) и частично Инчжона (1122–1146) оценивается в исторической литературе достаточно позитивно.

Государь Сукчон способствовал развитию книгоиздания и распространению буддизма. Ечжон обращал особое внимание на укрепление системы образования и учредил 7 «факультетов» чэ в высшем государственном учебном заведении *Кукхак*. Одним из них был факультет военного дела — *Мухакчэ*. Таким образом, одновременно Ечжон способствовал равному укреплению как гражданского, так и военного сословия. Практическое конфуцианство также стало одним из предметов особых забот короля. В 1113 г. Ечжон учредил Управление детального установления [конфуцианских] ритуалов — *Еый санчжонсо*. Освобождая от уплаты налогов крестьян, пострадавших от стихийных бедствий, и проводя политику поощрения освоения пустошей, Ечжон способствовал укреплению материальных основ государства и ослаблению противостояния между верхами и низами. Недаром именно в правление Ечжона Корею удалось отразить нападения чжурчжэней и обеспечить дальнейшие мирные отношения с чжурчжэньским государством Цзинь, покоровшим киданьское государство Ляо и часть сунского Китая.

Государь Инчжон в первые годы правления также прилагал усилия для развития образования в Корё, основав шесть высших школ в столице и ряд провинциальных учебных заведений. Именно в эти годы интерес к собственной корейской (а не китайской, необходи-

мой для получения классического конфуцианского образования) истории был настолько велик, что король поручил Ким Бусику написать знаменитые «Исторические записи Трёх государств» («*Самгук саги*»). В правление Инчжона были запрещены всевозможные дополнительные сборы с крестьян, помимо установленных государством, что поначалу во многом облегчило жизнь простого народа. Однако именно в его правление, в 1126 г., вспыхнул первый значительный мятеж представителя аристократии Ли Чжагёма (?–1126), а в 1135 г. — второй мятеж, имевший, правда, несколько иной характер и руководимый буддийским монахом Мёчхоном (?–1135). В результате многие позитивные начинания Инчжона были сведены на нет. Огромные средства стали тратиться на восстановление разрушенных в ходе беспорядков дворцовых построек. Положение крестьян начало ухудшаться. Появились беглые крестьяне. Многие из них становились на путь разбоя. Объективно все это явилось результатом тех основных моментов в истории Кореи начала XII столетия, которые были обозначены в начале этой главы.

Однако к объективным обстоятельствам нередко добавлялись субъективные факторы негативного характера, такие, как, например, личные особенности того или иного монарха. Так, наследовавший власть после Инчжона государь Ыйчжон (1146–1170) оказался человеком, интересовавшимся в основном не делами государства, а литературой и искусством, что, несмотря на отдельные положительные моменты, отрицательно сказалось на состоянии хозяйства и обороноспособности страны.

Поэтому совершенно естественным стало то, что после ряда «придворных восстаний» реальную власть в стране захватило «униженное» военное сословие. Положение простого народа ухудшилось, вспыхнул ряд крестьянских восстаний. В результате Корё ослабло настолько, что монгольские военные походы начала XIII в. в Корею не встретили значительного сопротивления.

Остановимся подробнее на событиях, связанных с мятежами корёской аристократии.

Ли Чжагём принадлежал к родовитой аристократической семье из района Кёнвон (по другой версии — из района Инчжу). Его вторая дочь стала главной женой государя Ечжона, иными словами, королевой. Таким образом, внук Ли Чжагёма должен был наследовать престол. Так и произошло: он стал следующим королем Инчжоном. С момента вступления дочери Ли Чжагёма в брак его позиции при дворе сильно укрепились, что вызвало недовольство ряда высоко-

поставленных сановников — выходцев из провинции, таких, как Хан Анин (?), Мун Гонин (?–1137). Надо сказать, что к первой четверти XII столетия как раз обострилось противостояние между старой аристократией и выходцами из провинции.

После того как в 1122 г. Ечжон умер и в 4-й месяц на престол был возведен внук Ли Чжагёма — Инчжон, Ли Чжагёму удалось еще больше укрепить свое положение при дворе. К тому же Ли Чжагём отдал в наложницы своему внуку своих третью и четвертую дочерей. С помощью интриг он расправился с младшим братом покойного государя Ечжона — принцем Тэбангоном и со своими оппонентами при дворе. Проводя выгодные для себя указы, используя поддельные документы, Ли Чжагём стал захватывать чужие земельные владения. Тогда группа высокопоставленных сановников из провинции во главе с Ким Чханом, Чи Ногёном, Чхве Тхаком, О Тхаком и другими, подняв войска, решила попробовать свергнуть ненавистный клан. Но Ли Чжагём вместе с верным ему Чхок Чунгёном¹⁶ и подчиненными войсками сумел разгромить выступление оппозиции.

Однако практически неограниченная власть при дворе не удовлетворяла Ли Чжагёма. Почувствовавшие его настроение придворные гадалы «предсказали» ему, что он должен стать новым королем. Ситуация достигла пика напряженности в 1126 г., когда чжурчжэньское государство Цзинь предъявило Корё требование признать Цзинь государством-сюзереном. Большинство придворных призывали отвергнуть требование чжурчжэней. Ли Чжагём придерживался противоположного мнения, очевидно, намереваясь с помощью Цзинь прийти к власти. Дважды он предпринимал попытки убить государя Инчжона. Однако никто не поддержал Ли Чжагёма, даже его бывший союзник Чхок Чунгён. В 1126 г. при помощи Чхок Чунгёна Ли Чжагём был схвачен и отправлен в ссылку. Сам Чхок Чунгён, несмотря на свои заслуги, также был отправлен в ссылку в следующем, 1127 г. Так закончился первый мятеж аристократии в Корё начала XII в.

Тем не менее противостояние между старой столичной аристократией и «новыми» выходцами из провинции сохранялось. После подавления мятежа Ли Чжагёма положение при дворе старой аристократии, выступившей в защиту государя, даже укрепилось. К числу богатейших и влиятельнейших людей столичного города Кэгёна

¹⁶ В северокорейской исторической литературе фамилия Чхок Чунгёна передается как «Тхак» (Тхак Чунгён).

относились: Ли Гонсу, Ким Бусик (автор «*Самгук саги*», занимавший самые различные должности при дворе) и даже Чхок Чунгён. Оставался не решённым и вопрос об отношении к чжурчжэньскому государству Цзинь, которое настаивало на том, чтобы Корё признало сюзеренитет Цзинь над Корё, т. е. относилось бы к Цзинь так же, как к императорскому Китаю. В 1130-е годы старая столичная аристократия склонялась к тому, чтобы признать требования Цзинь.

«Новые» чиновники — выходцы из провинции, многие из которых служили в Согёне (Западная столица, современный Пхеньян), призывали не подчиняться требованиям Цзинь. Идеологом недовольных стал **буддийский монах Мёчхон** (?–1135). Отчасти это произошло потому, что одним из видов оружия в борьбе со старой аристократией стала геомантия. А кому как не буддийскому монаху пристало заниматься геомантией?

Сторонники Мёчхона — Пэк Сухан, Чон Чжисан, Ким Ан и другие утверждали, что столицу государства следует перенести из Кэгёна в Согён (место сосредоточения «нового» служилого сословия) по той причине, что *чидок* — «добродетель земли» в Кэгёне вся исчерпана. Поэтому если перенести столицу в более достойное место, то не только дела в государстве пойдут лучше, но и чжурчжэньское государство Цзинь само покорится Корё, а вместе с Цзинь — и все другие окружающие Корею государства. Удивительно, но государь Инчжон прислушивался к словам Мёчхона. В 1128–1129 гг. в окрестностях Согёна, в местечке Имвон, был построен новый дворец Тэхвагун, в котором государь стал часто бывать.

Видя симпатии короля к таким идеям, сторонники Мёчхона даже стали требовать организации военного похода против «недостойного» государства Цзинь. Однако все эти требования встречали упорное сопротивление со стороны старой столичной аристократии. И тогда Мёчхон и его сторонники решились на практические шаги. В начале 1135 г. Мёчхон и высокопоставленное чиновничество Согёна — Чо Гван, Ю Гам, Чо Чханон и другие отстранили от должностей выходцев из столицы, служивших в Согёне, подчинили себе его военный гарнизон и объявили о создании нового государства, которое назвали Тэви, что значит «Величественное», с девизом правления *Чхонгэ*, что значит «открытие Небес». При этом восставшие не заявляли об отстранении короля от власти и создании новой династии, поскольку они ничего не имели против существующей королевской власти и лично государя Инчжона. Все, чего добивались восставшие, — это усиление своего влияния в государстве

при одновременном удалении от власти старой столичной аристократии.

В ответ на провозглашение государства Тэви из Кэгёна навстречу восставшим выдвинулись правительственные войска, возглавлявшиеся лично Ким Бусиком. Когда войска подошли к Согёну, то представители местной аристократии решили сдаться правительственным войскам. Для подтверждения своих намерений, аристократы поймали Мёчхона и Ю Гама, отрезали им головы и отправили в Кэгён. Однако в столице не только не простили «мятежников», но взяли посланника — Юн Чхома — под стражу. Тогда Чо Гван и поддерживавшая его часть восставших, понимая, что даже если они сдадутся, то прощения им не будет, решили продолжить сопротивление. Поэтому Согён удалось покорить только через год после начала карательного похода.

Как отмечается в корейской исторической литературе, такое длительное сопротивление правительственным войскам было возможно только потому, что восстание пользовалось поддержкой народа, не желавшего принимать позицию старой придворной аристократии и подчиняться чжурчжэньскому государству Цзинь. Кроме того, это выступление также оценивается как преддверие, своеобразная «репетиция» крестьянских восстаний, потрясших Корею в конце XII — начале XIII в.

Мятежи Ли Чжагёма и Мёчхона показали, насколько ослабла королевская власть в Корё. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему обострению борьбы за власть между придворными группировками. В конце XII столетия на политическую арену вышли военные сановники. В 1170 г., в последний год правления государя Ыйчжона (1146–1170), военные во главе с Чон Чжунбу подняли мятеж и захватили в стране реальную власть, которая оставалась в их руках вплоть до 1270 г., до подчинения Кореи монгольской династии, создавшей империю Юань. Корейская историография именует этот период истории Корё временем «власти военных», а в отечественной литературе его иногда называют «военной диктатурой».

§ 2. Военная диктатура рода Чхве

Время, когда реальная власть в Корё принадлежала военным, обычно делят на три периода: 1) 1170–1196 гг., период установления власти военных, характеризовавшийся сменой лидеров группировки

военных; 2) 1196–1258 гг., период правления военных рода Чхве¹⁷; 3) 1258–1270 гг., период ослабления власти военных. Рассмотрим указанные периоды в хронологическом порядке, уделяя особое внимание тем *способам* управления, с помощью которых реализовывалась власть военных¹⁸.

Итак, **первый период военного правления** отличался известной нестабильностью, постоянной сменой военных лидеров и, как следствие, еще достаточно значимой ролью гражданского чиновничества в высшем руководстве страны. В 1170 г. в 8-й месяц, в то время, когда государь Ыйчжон (1146–1170) вместе со свитой направлялся в загородную резиденцию, Чон Чжунбу, Ли Ыйбан, Ли Го и другие высокопоставленные военные сановники, находившиеся в составе свиты, на почве инцидента, разгоревшегося между гражданскими и военными, приказали войскам охраны убить гражданских сановников, сопровождавших короля. Сам Ыйчжон был взят в плен и отправлен в ссылку на остров Кочжедо. На престол Чон Чжунбу посадил младшего брата Ыйчжона — Мёнчжона (1170–1197).

Уже в следующем, 1171 г. между бывшими соратниками возникли разногласия в борьбе за лидерство. В результате Ли Ыйбан убил Ли Го. В 1174 г. Чон Чжунбу, в свою очередь, устранил Ли Ыйбана и взял власть в свои руки. Однако лидерство Чон Чжунбу не было признано всем военным сословием. Через пять лет, в 1179 г.¹⁹, в результате заговора, который возглавил его бывший соратник — полководец Кён Дэсын, Чон Чжунбу погиб. Власть перешла в руки Кён Дэсына, который управлял страной вплоть до 1183 г., пока не «умер от болезней». Кён Дэсына сменил военачальник Ли Ыймин, находившийся у власти до 1196 г. Все это время военных смут и дворцовых переворотов формально во главе государства стоял государь Мёнчжон.

Подобная нестабильность в высших эшелонах власти побуждала оппозиционные силы в лице представителей гражданского чиновничества совершать попытки свержения власти военных. Так, в 1173 г.

¹⁷ В российской литературе фамилию Чхве иногда записывают как Цой. «Цой» — это прочтение фамильного иероглифа «Чхве» в произношении северных корейских провинций конца XIX столетия.

¹⁸ Период «военного правления» хронологически пересекается со временем монгольских военных походов на Корейский полуостров и дальнейшим подчинением Кореи «династии» (см. примечание к с. 69) Юань — монгольской династии в Китае.

¹⁹ В исторической литературе как год гибели Чон Чжунбу указывается также 1178 г.

губернатор Северо-Востока Ким Бодан, намереваясь восстановить на троне Ыйчжона, который находился в то время в ссылке на острове Кочжедо, попытался поднять мятеж, но потерпел поражение. В 1174 г. градоначальник Согёна («Западная столица», современный Пхеньян) Чо Вичхон поднял восстание с привлечением простого народа, выдвинув лозунг свержения Чон Чжунбу. Восстание продолжалось почти два года и было подавлено только в 1176 г. В 1175 г. имело место стихийное выступление буддийских монахов, направленное против власти военных.

Однако позиции военных при дворе оставались достаточно крепкими, что можно объяснить рядом причин. Следует обратить особое внимание на то, каким образом военные реализовывали свою власть на первом этапе правления (1170–1196). Формально все традиционные органы власти (Три министерства и Шесть ведомств) продолжали функционировать так же, как и раньше. Но реальной силой обладал совещательный орган военных — *Чунбан*, что значит «Главная палата», которому фактически подчинялись все государственные органы.

Второй период правления военных начался в 1196 г., когда Чхве Чхунхон (1150–1219) сверг Ли Ыймина, жестоко расправившись и с его сыновьями, и со всей оппозицией. Особенностью второго периода является стабильность власти военных. Чхве Чхунхону удалось сделать свою власть наследственной, передав ее сыновьям и внукам: Чхве У, Чхве Хан, Чхве Ый. Среди основных причин стабильности можно назвать следующие.

Первая причина — это крайнее ослабление королевской власти. Корёские государи, начиная с Мёнчжона (1170–1197), так же, как и последующие четыре короля — Синчжон (1197–1204), Хыйчжон (1204–1211), Канчжон (1212–1213), Кочжон (1213–1259), были почти что игрушками в руках рода Чхве, правившего страной в течение 62 лет (четырёх поколений). Чхве Чхунхон фактически отстранил от власти Мёнчжона, и следующие четыре государя возводились на престол или смещались исключительно по воле Чхве Чхунхона.

Второй причиной были те методы управления, к которым прибегали сам Чхве Чхунхон и представители его рода. Здесь следует выделить три основных момента.

1. Изменение структуры аппарата центральной власти. Чхве Чхунхон свел к минимуму роль прежнего совещательного органа военных *Чунбан*, члены которого, такие же высокопоставленные военные, как и сам Чхве Чхунхон, являлись источником нестабиль-

ности, поскольку сами были потенциальными узурпаторами. Поэтому в период своего правления род Чхве пытался проводить политику снижения роли высокопоставленных военных сановников в управлении государством. Вместо «Главной палаты» Чунбан Чхве Чхунхон создал новый орган — *Кёчжон тогам*, что не совсем верно переводится на русский язык как «Управление по расследованиям». Исходя из значения иероглифических составляющих, название этого органа более корректно было бы переводить как «Управление по наставлению и определению [основной политики государства]». Управление возглавлялось лицом в должности *кёчжон нёльгам*, которую поначалу занимал сам Чхве Чхунхон, затем его сыновья и внуки, а после свержения власти рода Чхве в 1258 г. — другие высокопоставленные сановники. Таким образом, Чхве Чхунхон создал институт единоличной абсолютной некоролевской власти, исключавший возможность легальной деятельности какой-либо оппозиции.

2. Особая политика в отношении крестьян. В первые годы после прихода к власти Чхве Чхунхон пытался бороться с незаконным захватом крестьянских земель, чрезмерным налогообложением крестьян. Такая политика не могла не вызвать положительной реакции простого народа. Таким образом новая власть обеспечила себе спокойное существование.

3. Новая политика в отношении гражданского чиновничества. Несмотря на то что сам Чхве Чхунхон был представителем военного сословия и пришел к власти на волне противостояния военных и гражданских чиновников, он стал проводить *политику покровительства* гражданским чиновникам. Это объяснялось тем, что в новой ситуации единоличной власти Чхве Чхунхона военные сановники представляли для него большую угрозу, чем гражданские. К тому же в случае правильно выстроенных отношений гражданские чиновники могли оказать огромную помощь в деле управления государством. Действительно, в правление рода Чхве была создана благоприятная атмосфера для деятельности гражданского сословия. В качестве примера в исторической литературе указывается, что знаменитый корейский поэт Ли Гюбо (1168–1241) жил и творил как раз в годы «диктатуры рода Чхве».

Помимо всего сказанного Чхве Чхунхон также стремился наладить хорошие отношения с представителями буддийской церкви, чтобы сократить до минимума выступления недовольных монахов.

Третьей причиной, обеспечившей длительную и относительно стабильную власть рода Чхве, явилось создание им собственной частной армии. Поначалу, когда военные совершали дворцовые перевороты, они использовали непосредственно подчиненные им государственные войска. После захвата власти, вооружая и обучая так называемых «гостей»²⁰, они пытались создавать собственные охранные гвардии. Во время правления Кён Дэсына (1179–1183) его охранная гвардия, состоявшая из 100 человек, получила официальный статус «Столичной палаты» — *Тобан*. Однако после его смерти это военное подразделение временно прекратило свое существование, пока не было воссоздано вновь в 1200 г. Чхве Чхунхоном под таким же названием, но, естественно, в другом составе. Размеры воссозданного *Тобан* были значительно больше, а число подразделений *пон* в нем увеличилось с 6 до 36.

Таким образом, власть рода Чхве и его преемников (до 1270 г.) имела независимую от органов государственной власти собственную военную опору, во многом определившую стабильность этой власти. Со временем у рода Чхве появились новые категории частных войск. В 1232 г. Чхве У создал особый отряд ночных патрульных в связи со значительным увеличением числа преступлений, совершаемых ночью²¹. Отряд получил название *Ябёльчхо*, что значит «Особый ночной отряд». В дальнейшем, по мере роста количества личного состава этого отряда, он был поделен на «Левый особый отряд» — *Чвабёльчхо* и «Правый особый отряд» — *Убёльчхо*. Из тех корёских воинов, кому удалось бежать из монгольского плена и вернуться в столицу, было создано особое подразделение *Синийгун*, что в переводе означает «Армия справедливости духа». Все три отряда имели характер *частных* войск, подчинявшихся роду Чхве и его преемникам. Позднее отряды получили общее название *Самбёльчхо* — «Три особых отряда» — и сыграли заметную роль в борьбе против попытки монгольского завоевания Кореи.

Итак, из-за слабости королевской власти и благодаря особым методам управления государством, а также наличию собственных

²⁰ Подробнее о так называемых «гостях» см. комментарий на с. 119 настоящей монографии.

²¹ Рост преступности в свою очередь был вызван тем, что после первого военного похода монголов в Корё в 1231 г. в столице осталось проживать некоторое количество монголов, которые нарушали порядки и совершали преступления.

войск правление рода Чхве продолжалось вплоть до 1258 г. В 1258 г. в результате очередного дворцового переворота к власти пришел военачальник Ким Инчжун. В 1268 г. Ким Инчжуна сменил Лим Ён, передавший власть своему сыну Лим Юму. Новые военные правители унаследовали от рода Чхве и центральный орган власти *Кёчжон тогам*, и частные войска *Самбёльчхо*. При этом власть государя Вончжона (1259–1274) была по-прежнему номинальной, и только «помощь» монгольских войск помогла ему восстановить прежнюю королевскую власть, поддерживаемую гражданскими чиновниками²².

§ 3. Народные волнения конца XII — начала XIII века

Говоря об антиправительственных выступлениях низших слоев населения Корё конца XII — начала XIII в., наиболее корректно употреблять выражение «народные волнения», а не «крестьянские восстания», поскольку на борьбу против правящих кругов нередко поднимались не крестьяне, а люди так называемого «подлого сословия» (*чхонмин*) или монахи. Учитывать это тем более важно, что военный род Чхве пытался проводить более мягкую, справедливую политику по отношению к крестьянству, тем самым частично снимая противоречия между верхами и низами.

Чаще всего народные волнения происходили на севере или на юге страны, т. е. в районах, наиболее отдаленных от столицы, где слабее была власть центра и сильнее произвол местных властей. При этом пик активности народных выступлений приходится на последнюю треть XII в., т. е. на период до захвата власти родом Чхве и начала проведения политики «справедливого управления» на местах. Одной из причин такой активности является то, что как раз после 1170 г. позиции военного сословия при дворе настолько укрепились, что захват военными чиновниками крестьянских земель принял значительные масштабы.

Народные восстания начались на северо-западе страны, где традиционно было сосредоточено большое количество войск и местное население имело значительный опыт боевых действий в связи

---

²² Возможно, если бы не случилось монгольских военных походов в Корё, имевших целью подчинить себе эту страну, Корея вполне могла бы пойти по «японскому пути» политического развития с установлением системы формальной власти монарха и реальной власти военной аристократии.

с необходимостью отражения агрессии приграничных государств. В 1172 г. вспыхнули крестьянские волнения в трех северо-западных округах — Чханчжу, Сончжу и Чхольчжу. В 1174 г. градоначальник Согёна — Чо Вичхон поднял восстание против власти военного сословия (о чем уже говорилось выше) и был поддержан крестьянами. Однако если бунт Чо Вичхона был подавлен в 1176 г., то отдельные крестьянские отряды, выступавшие поначалу вместе с Чо Вичхон, продолжали самостоятельные действия на северо-западе вплоть до 1179 г.

На юго-западе в 1176 г. началось восстание крестьян и «подлого люда» под предводительством Манъи и Мансои, требовавших прекращения произвола местного чиновничества, возвращения статуса «добротного люда» представителям лично-зависимой категории *ноби*, участвовавшим в восстании. Довольно быстро восставшие заняли крупнейший город юго-запада — Кончжу (современная провинция Южная Чхунчхон). В 1177 г. территории, которые находились под контролем повстанцев, захвативших часть столичной провинции Кёнги²³, значительно расширились. Однако, поверив столичным властям, обещавшим повысить статус родных мест Манъи и разобраться с беспорядками на местах, повстанцы ослабили сопротивление. Кроме того, правительственным войскам удалось взять в заложники мать и жену Манъи. В результате к концу 1177 г. крестьянское восстание было подавлено.

В конце 1170 — начале 1190-х годов народные выступления происходили практически повсеместно. В 1176–1177 гг. в районе современной провинции Северная Чхунчхон началось восстание под предводительством Сон Чхона и Ли Гвана. В 1182 г. имели место вспышки крестьянских волнений в районе городов Квансон (современная провинция Чхунчхон) и Чончжу (провинция Чолла). В 1193–

---

²³ До подчинения Корё монгольскому юаньскому Китаю страна делилась на 8 провинций. Провинции Чолла и Кёнсан находились соответственно на юго-западе и юго-востоке страны (названия провинций совпадают с современными). Провинция Янгван (современная Чхунчхон) располагалась к югу от столицы Кэгён; Сохэ — к северо-западу (современная Хванхэ), и Кёчжу — к востоку от Кэгёна (часть современных провинций Чхунчхон и Канвон). На крайнем северо-западе была создана провинция Пукке (современная Пхёнан), а вдоль восточного побережья протянулась провинция Тонге (современная Южная Хамгён и Канвон). Сам город Кэгён находился в центре столичной провинции Кёнги (согласно современному северокорейскому административному делению — самостоятельная Кэсонская область, согласно южнокорейскому делению — до недавнего времени часть столичной провинции Кёнги).

1194 г. Ким Сами возглавил крестьянское восстание в провинции Кёнсан.

После прихода к власти Чхве Чхунхона по причинам, указанным выше, крестьянские волнения практически прекратились. На смену им пришли восстания «подлого люда», требовавшего повышения своего социального статуса. Самым известным из них является восстание *ноби* 1198 г. под предводительством Ман Чжока. Интересно заметить, что Ман Чжок был слугой в доме самого Чхве Чхунхона. Вместе с пятью *ноби* он бежал в горы в окрестностях Кэгёна, сумел собрать повстанческий отряд из кэгёнских *ноби*. Однако вскоре его планы были раскрыты, а он сам и его сторонники схвачены и казнены. В 1200 г. в провинции Кёнсан в районе Чинчжу вспыхнуло восстание казенных и частных *ноби*, отряд которых действовал в окрестностях города около года, после чего примкнул к местным крестьянским повстанческим отрядам.

В начале XIII столетия Корея снова была потрясена народными волнениями в провинции Кёнсан. В 1202 г. начальники подразделений *торён* местных войск, а также зажиточные крестьяне возглавили антиправительственный мятеж в Тонгёне («Восточная столица»; нынешний город Кёнчжу), выдвинув лозунг «возрождения королевства Силла». К мятежу присоединились крестьяне повстанческих отрядов, действовавших неподалеку, а также монахи буддийских монастырей Пуинса и Тонхваса. Волнения продолжались вплоть до 1204 г., пока не были подавлены правительственными войсками. Характер волнений однозначно определить довольно сложно, поскольку они были вызваны и недовольством властью военных в столице, и противоречиями между крестьянами и местным чиновничеством, и региональной неприязнью, уходящей своими корнями в эпоху Трех государств, а также рядом других причин.

После подавления восстаний в провинции Кёнсан крупные народные выступления, имеющие исключительно антиправительственную направленность, прекратились. Отчасти это было связано с проведением политики умиротворения крестьян со стороны захвативших власть при дворе военных рода Чхве, отчасти объяснялось начавшимися монгольскими военными походами в Корею, когда гнев народа переместился на иноземных агрессоров.

Вместе с тем именно многочисленные крестьянские выступления стали одной из причин ослабления Корё.

Глава 4. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ В КОРЁ И ПОДЧИНЕНИЕ КОРЁ МОНГОЛЬСКОЙ ДИНАСТИИ ЮАНЬ КИТАЯ

Монголы стали беспокоить Корё с начала XIII в. В 1206 г. Темучин, провозглашенный в 1202 г. Чингисханом, т. е. «Великим ханом», объявил о создании государства²⁴. Примерно с этого же времени начались активные военные походы монголов на Восток и на Запад.

Монгольские нашествия на Восток и на Запад имели различный характер. Если на Западе монголы проживали на покоренных территориях, не изменяя коренным образом свой стиль жизни, не впитывая культуру покоренных народов, то на Востоке проходил несколько иной процесс. В XIII в. монголы завоевали северную часть Китая, вплоть до реки Янцзы. Живя в Китае, монголы, в особенности на уровне правящего класса, начали активно воспринимать китайскую культуру. В 1280 г. Хубилай провозгласил создание нового государства Юань *в рамках* китайской культуры, а после смерти был удостоен китайского храмового имени Ши-цзу. Поэтому если поначалу монгольская агрессия на территории Корё носила характер нашествий иноземных «варварских» войск, то последующее подчинение Кореи монголами стало *в известной степени* подчинением Китаю, что для окружавших Китай государств Дальнего Востока было нормой. Хотя, конечно, китаизация монголов была далеко не полной. Сами китайцы до конца не покорились монголам и вели с ними постоянную борьбу, которая завершилась в 1368 г. победой и основанием новой китайской династии Мин (1368–1644).

§ 1. Военные походы монголов в Корё

С 1211 г. монголы начали вести активные боевые действия в Северном Китае. Первым монгольскому удару подверглось чжурчжэньское государство Цзинь (1115–1264). В результате племена некогда покоренных чжурчжэнями ляодунских киданей попытались возродить свою государственность. Их попыткам противились монголы, а также зависимое от монголов государство Дунчжэнь, образованное в восточной части бывшей империи Цзинь. Теснимые монго-

²⁴ Подробнее о монгольском кочевом феодализме см.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.; Л., 1935; 2-е изд. М., 1995; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1970; *Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1995.

лами кидани были вынуждены неоднократно переходить пограничную реку Амноккан, южнее которой начинались территории Корё. Таким образом, кидани вторгались в Корё в 1216, 1217, 1218 гг. Корё, отражая киданьские походы, пыталось сохранить нейтралитет в отношениях как с киданями и чжурчжэнями, так и с монголами.

В 1219 г. монголы под предлогом борьбы с киданями, вторгшимися в Корё, сами перешли реку Амноккан. Поэтому на первом этапе корёско-монгольские отношения были в известной степени дружественными, скрепленными борьбой против общего врага. Тогда же, в 1219 г., монголы оставили в пограничном городе Ыйчжу 40 человек своих людей, с тем чтобы они изучали язык и культуру корёсцев. В тот же год к корёскому двору монголы отправили послов с целью установить дружественные отношения, в которых монголы играли бы роль «старшего брата». Смерть реального военного правителя страны Чхве Чхунхона в 1219 г., обострение борьбы за власть при дворе, мятежи на северо-западных границах — иными словами, беспокойствие в стране и ослабление центральной власти вынудили государя Кочжона принять требования монголов.

После этого монголы стали регулярно посылать в Корё своих послов с требованием уплаты дани. Монголов в Корею интересовали прежде всего меховые шкурки, ткань, бумага, тушь, кисти²⁵. Только в 1221 г. таких «посольских» визитов было четыре. Чрезмерные требования монголов и их бесцеремонное поведение справедливо возмущали корёсцев. Поэтому после того как в 1225 г. очередное монгольское посольство завершило визит в Корё и возвращалось с данью обратно, глава посольства и его свита были убиты при пересечении пограничной реки Амноккан. Для монголов этот инцидент стал удобным поводом для начала завоевательных походов против Корё.

В исторической литературе нет единого мнения о количестве нашествий, т. е. периодов активных боевых действий монголов в Корё. Говорят о трех, пяти и даже большем числе военных походов. Мы будем придерживаться периодизации, на наш взгляд, наибо-

²⁵ Монголы с начала XIII в. начали активно использовать письмо. Поначалу это было уйгурское письмо без изменений. В 1310 г. уйгурское письмо чуть изменили, сделав его более удобным для записи монгольского языка. Кроме того, с 1260 по 1351 г. монголы использовали так называемое монгольское квадратное письмо — переработанное тибетское письмо с добавлением нескольких особых букв (подробнее см.: *Терентьев-Катанский А. П.* С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII вв. М., 1990).

лее убедительной и адекватно отражающей процесс монгольско-корёского противостояния, согласно которой таких нашествий было пять.

Первый военный поход в Корё монголы, уже начавшие завоевание Китая, предприняли в 9-й месяц 1231 г. Несколько десятков тысяч монгольских войск во главе с Саритаем перешли реку Амноккан в районе переправы Хамсинчжин у города Ыйчжу. Монголы быстро захватили крепости Чхольчжу и Анбокпу, однако встретили решительное сопротивление корёсцев у крепости Кучжу, к северо-востоку от Анбокпу. Оборону города возглавили губернатор северо-запада Корё Пак Со и полководец Ким Гёнсон. Монголам так и не удалось взять крепость, и они решили продвигаться на юг в сторону столицы государства — Кэгёна. К 12-му месяцу монголы окружили Кэгён, отправив часть войск еще южнее — к крепости Чхунчжу. Там монголы в очередной раз встретили достойное сопротивление, которое оказывали главным образом войска, состоящие из крестьян и *ноби*, в то время как особое подразделение, сформированное из высшего сословия *янбан*, позорно бежало, попытавшись открыть ворота врагу.

Несмотря на то что корёсцы продемонстрировали боевые успехи в отражении первой агрессии монголов, государь Кочжон и военная группировка Чхве У решили подписать насильственный мирный договор, согласно которому Корея обязалась поставлять монголам еще большее количество различных ремесленных изделий, о которых уже говорилось выше.

К причинам относительно быстрого продвижения монгольских войск по корёской территории относят ослабление центральной власти, армии и государства в целом, обусловленное распадом системы землепользования *чонсиква*, служившей основой экономики Корё. Определенную роль сыграла также позиция некоторых местных высокопоставленных сановников, добровольно открывавших ворота городов, в то время как простой народ был готов оказывать сопротивление.

Подписав договор с Корё, в 1232 г. монголы вывели свои войска из Кореи. Здесь следует учитывать, имея в виду кочевой характер монгольского хозяйства, что большие группы монголов в принципе не могли находиться на территории Кореи длительное время. В Корею почти все пригодные для земледелия территории были заняты полями. Остальная часть страны — это сопки и горы. Мест, где можно было бы устраивать значительные по площади пастбища, практиче-

ски не было. Поэтому после завершения военных походов в Корею монголам приходилось покидать страну.

Несмотря на подписание мирного договора, отношения с монголами оставались довольно напряженными. Прибывавшие в начале 1232 г. послы уже требовали от Корё не только поставок продукции ремесленного производства, но и отправки крестьян, занимавшихся земледелием (для размещения их на поселение в Северном Китае), ремесленников, детей из аристократических семей, которые, вступая в брак с представителями монгольской аристократии, должны были способствовать укреплению отношений между двумя государствами. Корёские правители, не желая уступать подобным требованиям монголов, понимали, что новый военный поход неизбежен. Поэтому в середине 1232 г. военный правитель Чхве У решил перенести столицу государства на остров Канхвадо в Западном (Жёлтом) море у устья реки Ханган. В срочном порядке там были выстроены королевский дворец, административные помещения, крепостная стена. На остров Канхвадо были отправлены 1000 человек отборных войск *пёльчхо*. Одновременно были разоружены монгольские военные наблюдатели, оставшиеся в стране после ухода монгольских войск.

Второй военный поход в Корё монголы предприняли в 8-й месяц 1232 г. И на этот раз их продвижение вглубь территории Корё было таким же стремительным. Основное внимание монголы сосредоточили на подчинении северной корёской провинции Пукке, в отношении которой у них были особые территориальные интересы. Заняв Пукке, монголы двинулись к югу. Первое значительное сопротивление им было оказано у Кэгёна, из которого уже эвакуировали королевский двор, но его жители не желали сдаваться монголам. Несмотря на то что в конечном счете Кэгён был взят, упорное сопротивление всех слоев населения города вынудило монголов отказаться от идеи захватить остров Канхвадо, и они двинулись южнее. У города Кванчжу (современная провинция Кёнги) и у крепости Чхоинсон (современный пригород Сеула — Сувон) монголы были остановлены. В Чхоинсоне сопротивление возглавил «полководец — буддийский монах» Ким Юнху. Стрела, пущенная Ким Юнху, поразила предводителя монголов Саритая. После этого монголы решили прекратить дальнейшее наступление и отошли на север. За заслуги Ким Юнху были предложены высокие военные посты в Корё: так началась его карьера военачальника.

Третий военный поход монголов в Корё начался в 7-й месяц 1235 г. К этому времени монголы уже разгромили чжурчжэньское

государство Цзинь, и их армия была укреплена чжурчжэньскими подразделениями. К тому же военные успехи к северу от Корё давали монголам надежду на победы и в Корее. Действительно, за 1235 год монголам удалось продвинуться вглубь корёской территории вплоть до крепости Тончжу (современная провинция Хванхэ). В следующем, 1236 г. монголы дошли до Намгёна (досл.: «Южной столицы»). На этот раз военное правительство рода Чхве практически не предпринимало никаких действий для того, чтобы остановить агрессора. В то же время простой народ без каких-либо указаний или помощи сверху сам поднимался на вооруженную борьбу. Например, офицеры гарнизонов крепости Кэчжу (современная провинция Пхёнан) Хыйгён и Мёнчжун по своей инициативе собрали войска и оказали отпор монголам в 7-й месяц 1236 г. В 9-й месяц того же года войска и население города Чукчу (современная провинция Кёнги), несмотря на все ухищрения монголов, взявших город в осаду, не сдались нападавшим. И это были далеко не единственные случаи.

В результате третья волна военных походов в Корё наткнулась на мощное стихийное сопротивление корёсцев. С конца 1236 г. начались переговоры о заключении мира. В 1238 г. в Монголию отправился корёский полководец Ким Бочжон. В 4-й месяц 1239 г. монголы приняли решение о выводе войск из Корё. В 8-й месяц того же года монгольское посольство в составе 137 человек отправилось ко двору Кочжона на остров Канхвадо с требованием заключить мир, важнейшими условиями которого должны были стать перенос корёской столицы обратно в Кэгён и визит короля в Монголию с намерением оставить там своего сына в качестве заложника. Хотя монгольские требования и не были приняты, король дал обещание отправить к монголам принца Синана, что и было сделано в конце 1239 г.

Четвертый военный поход монголов в Корё начался в 7-й месяц 1247 г. Им удалось продвинуться вплоть до города Ёмчжу (современная провинция Хванхэ). Однако борьба за власть между наследниками Темучина, развернувшаяся в это время в самой Монголии, привела к тому, что монголы были вынуждены свернуть эту военную кампанию и вывести войска из Кореи в следующем, 1248 г.

В 7-й месяц 1253 г. начался **пятый этап** монгольских вторжений в Корё. На этот раз монгольские войска возглавлял новый командующий — Амугань, которому помогали изменники, такие, как Хон Богвон. Войска быстро овладели северо-западом, прошли центральную часть Кореи и даже смогли дойти до окрестностей города Чончжу юго-западной провинции Чолла. Путь на юго-восток был

прегражден мужественными защитниками города Чхунчжу, оборону которого возглавил полководец Ким Юнху, героически проявивший себя в 1232 г. в боях у крепости Чхоинсон. Город был окружен в 10-м месяце. Осада длилась 70 дней. Кончилось продовольствие. Но Ким Юнху обратился с призывом к защитникам города. Он уничтожил документы на казенных *ноби*, сражавшихся вместе со всеми, тем самым дав им свободу. Чхунчжу не сдался. Монголы были вынуждены оставить намерение взять крепость и овладеть юго-востоком Корё.

С 1254 по 1259 г. монголы еще четыре раза снаряжали военные походы в Корё. Поэтому в исторической литературе выделяют еще и шестую волну монгольской агрессии в Корё, объединяя походы 1254–1259 гг. Однако все монгольские походы в Корею начиная с 1253 г. можно рассматривать в рамках единого этапа. В данном случае проблема периодизации не принципиальна, поскольку к середине XIII столетия в вопросе отношений Корё с монголами на первый план стали выходить дипломатические контакты между двумя странами, которые в итоге поставили точку в их военном противостоянии.

§ 2. Дипломатические отношения между Корё и монголами.

Подчинение Корё монгольской династии Юань Китая

Дипломатия активно включилась в процесс корёско-монгольских отношений в 1232 г., во время второго монгольского похода в Корё в связи с заключением ряда договоров с монголами. Уже с этого времени они стали настаивать на том, чтобы корейский король официально посетил Монголию и признал ее сюзереном. Подобные требования повторились в 1239 г., ко времени завершения третьего монгольского похода в Корё. Тогда дальний родственник короля принц Синан (Чон) в 12-й месяц 1239 г. отправился в Монголию вместе с монгольским посольством²⁶, которое ранее прибыло ко двору Кочжона на остров Канхвадо, чтобы вести переговоры. Через девять месяцев, в 1240 г., в сопровождении монгольских посланников принц вернулся в Корё. Тогда же монголы еще раз предъявили

²⁶ Как отмечалось, монгольское посольство состояло из 137 человек (подробнее см.: Чосон чонса (Полная история Кореи). Т. 7. Пхеньян, 1979. С. 57). В то же время, в исторической литературе, как северокорейской, так и южнокорейской, встречается утверждение о том, что 137 человек, отправившихся в Монголию вместе с Синаном, были корёсцами.

требование о визите корёского государя в Монголию. Кроме того, монголы предлагали корёскому государю вернуть на полуостров корейцев, переселившихся на острова, сообщить о количестве дворов и численности населения Корё, послать в Монголию корёского заложника королевских кровей и выдать высокопоставленных сановников, активно боровшихся с монголами.

Корёское королевское правительство не приняло требований монголов. Но для того чтобы хоть как-то смягчить напряженность и предотвратить очередные военные походы, было решено отправить под видом наследника престола принца Ённёна (Чуна). Он выехал в Монголию в 4-й месяц 1241 г. Принц не был уполномочен вести какие-либо переговоры. Его визит был лишь выражением определенной покорности Корё, которая давала возможность не торопиться со снаряжением новых военных походов.

Тем не менее монголы не могли ждать, пока корейцы выполнят их требования. Военные успехи монгольских походов, начавшихся в 1253–1254 гг., привели к тому, что к 1256 г. монголы попытались взять в блокаду остров Канхвадо, на котором находилась новая корёская столица, и заявили, что блокада будет снята только после согласия наследника престола Корё посетить Монголию. Благодаря активному сопротивлению корёсцев попытка изолировать остров провалилась. Тогда монголы пообещали вывести все свои войска из Кореи в случае согласия выполнить их требования.

Несмотря на то что ни король, ни военное правительство рода Чхве не смогли *организовать* должный отпор монголам, рядовые чиновники, простой народ, лично-зависимые *ноби* своим сопротивлением сумели добиться того, что монголы отказались от идеи завоевания Кореи. Им было достаточно признания вассального положения корейцев перед монголами и выплаты Кореей ежегодной дани.

Корейцы также не хотели мириться со слабостью и беспомощностью королевского двора. В 4-й месяц 1257 г. умер третий военный правитель из рода Чхве — Чхве Хан. Его место занял Чхве Ёй. Однако отборные войска *Самбёльчхо*, недовольные пассивностью двора по отношению к монголам, поддерживали военных сановников Ким Инчжуна и Ю Гёна, которые в 3-й месяц 1258 г. совершили государственный переворот, убив Чхве Ёй и взяв власть в свои руки.

Несмотря на смену военного правителя, никаких коренных изменений не произошло. Власть оставалась в руках уже беспомощного органа власти военных — *Кёчжон тогам*. Король в делах управления страной практически не участвовал. Поэтому уже в 4-м месяце

1258 г. монголы снова активизировали военные действия на северо-западе страны, а к 8-му месяцу обосновались в Кэгёне, угрожая захватом острова Канхвадо и продолжая настаивать на поездке в Монголию наследника престола.

В 3-й месяц 1259 г. государь Кочжон заключил с монголами очередной мирный договор, после чего монгольские войска были выведены из Кореи, а наследник престола отправился в Монголию. Переговоры с новым монгольским правителем Хубилаем были дружественными. Хубилай отказался от многих монгольских притязаний в Корею, предложив в ответ признать сюзеренитет Монголии. Наследник престола согласился с предложенными условиями. Во время пребывания в Монголии он узнал, что его отец скончался. Вернувшись в Корею, он занял престол и получил впоследствии храмовое имя Вончжон²⁷ (1259–1274).

В исторической литературе подобные действия Вончжона расцениваются весьма негативно. Между тем Вончжон, как и все предшествующие короли «эпохи власти военных», не имел реальной власти, а следовательно, и не мог организовать военного сопротивления монголам. Союз с Монголией давал Вончжону возможность покончить с властью военных, восстановить королевскую власть и прекратить опустошительные монгольские военные походы. В результате принятых дипломатических шагов цель, поставленная королевским двором, была достигнута.

Однако после восшествия на престол Вончжон еще не обладал всей полнотой власти. Страной по-прежнему правили военные во главе с Ким Инчжуном, которого в 1268 г. сменил Лим Ён. Все они призывали к активной борьбе против монголов, что не совпадало с намерениями Вончжона. Мало того, в 1269 г. Лим Ён попытался свергнуть Вончжона. Местом сосредоточения антимонгольской оппозиции был остров Канхвадо. Поэтому перенос столицы обратно в Кэгён мог способствовать как восстановлению королевской власти, так и разгрому придворной группировки военных. Этому противились военные, во главе которых встал сын Лим Ёна — Лим Юму. Тогда в 1270 г. Вончжон, призвав на помощь монголов, сам поднял

²⁷ В 1259 г. в Монголии к власти пришел Хубилай, основавший впоследствии монгольскую «династию» Юань в Китае. С ним как раз и вел переговоры Вончжон. Первая часть храмового имени корейского короля (иероглиф с корейским прочтением «вон») и название монгольской «династии» Юань (китайское прочтение того же иероглифа) совпадают. Такой выбор храмового имени корейского государя указывал на особые отношения с основателем династии Юань.

восстание, расправился с Лим Юму и перенес столицу государства в Кэгён.

На острове Канхвадо остались отборные войска *Самбёльчхо*, поддерживавшие военных. Перенос столицы на полуостров и ликвидация придворной группировки военных, для поддержки которых изначально и были сформированы *Самбёльчхо*, автоматически означали их роспуск. К тому же *Самбёльчхо* не желали принимать позорного мира с монголами. Поэтому в 6-м месяце 1270 г. войска *Самбёльчхо* подняли восстание. Понимая, что невозможно оказывать длительное сопротивление правительственным войскам и монголам, находясь недалеко от столицы, восставшие приняли решение переместиться на юг Корейского полуострова.

Местом для базирования был выбран остров Чиндо. Оттуда восставшие во главе с Пэ Чжунсоном совершали рейды в провинции Чолла и Кёнсан. К 11-му месяцу повстанцы заняли остров Чечжудо. Благодаря активным действиям, поддержанным простым народом, войскам *Самбёльчхо* удалось взять под контроль все морские перевозки вдоль южных границ страны. На подавление восстания из Кэгёна были отправлены совместные корёско-монгольские войска во главе с Ким Бангёном, Хон Дагу и другими военачальниками. В 5-м месяце 1271 г. они напали на базу восставших на острове Чиндо. В бою погиб предводитель восставших Пэ Чжунсон. Тогда под руководством Ким Тхончжона войска *Самбёльчхо* приняли решение перенести основную базу на остров Чечжудо. В течение 1272 г. восставшие продолжали активные боевые действия, совершая рейды с острова Чечжудо. Однако в 4-й месяц 1273 г. объединенные корёско-монгольские войска общей численностью около 10 тыс. человек на 160 кораблях атаковали остров Чечжудо. В бою погиб Ким Тхончжон. Более 1300 человек были взяты в плен.

Таким образом, в 1273 г. при активном участии королевского двора Корё окончательно покорилось монголам. Однако это подчинение носило ограниченный характер. Монголы почти не селились на Корейском полуострове. Исключение составлял остров Чечжудо, который подходил для занятий скотоводством, а также мог служить базой планировавшихся походов в Японию (1274, 1281 гг.). На этом острове монголы обосновались как раз после подавления восстания *Самбёльчхо*. (На Чечжудо до сих пор разводят лошадей, а в чечжудоском диалекте корейского языка можно найти немало слов, заимствованных из монгольского языка.) Однако уже в 1294 г. в результате переговоров остров Чечжудо снова вошел в со-

став Корё, хотя монгольские скотоводы оставались на острове вплоть до 1374 г.

Управляли Корё исключительно корейские государи. Но после Вончжона храмовые имена всех корейских государей Корё изменились. Слог (слово)²⁸ *чон*, *чжон*, что значит «великий предок», который завершал храмовые имена королей Корё и приравнивал их статус к статусу китайских императоров, имевших аналогичные по структуре храмовые имена, больше не употреблялся. Вместо него, начиная с государя Чхуннёль-вана (1275–1308), стали использовать слог (слово) *ван*, указывавший на вассальную зависимость корейского короля. Значение храмовых имен также стало новым. Если раньше храмовое имя присваивали исходя из заслуг и достижений короля, то с последней четверти XIII в. имена указывали на верность монгольским правителям. К примеру, имя Чхуннёль-ван как раз означает «Энергичный преданностью ван».

Несмотря на сохранение королевской власти, территории к северу от реки Тэдонган были изъяты из-под юрисдикции корёского вана. В 1269 г. там была образована особая область, формально вошедшая в состав Монгольской империи, управлявшаяся, правда, лояльными монголам корейцами и получившая название «Восточное наместничество» (по-корейски «Тоннёнбу»). Администрация наместничества располагалась в Согёне (бывшая корёская «Западная столица», современный Пхеньян). Однако уже в 1290 г. в результате переговоров с монголами королю Чхуннёль-вану удалось упразднить монгольское наместничество в Согёне и вернуть территории к северу от Тэдонгана в состав Корё.

Зависимость Корё от монголов стала тяжелым испытанием для страны более чем на столетие. Монголы вмешивались в дела королевского двора и управления страной. Корёские государи были обязаны жениться на монгольских принцессах. Страна вынуждена была платить огромную дань и отправлять в Монголию своих ремесленников, девушек для гаремов.

Юаньская империя нанесла огромный ущерб культуре Корё, достижения которой являются выдающимися не только для Кореи, но и для всего Дальнего Востока.

---

²⁸ В китайских и заимствованных из китайского языка корейских словах каждый слог записывается отдельным иероглифом и имеет самостоятельное значение.

Глава 5. КУЛЬТУРА КОРЕИ ЭПОХИ КОРЁ

Как правило, общие работы по истории Кореи рассматривают культуру Корё в пределах двух больших периодов: 1) X–XII вв., время до подчинения монголам, и 2) XIII–XIV вв., период, связанный с разрушительными монгольскими военными походами в Корею, установлением монгольского контроля, постепенным его ослаблением, затем полным освобождением от монголов и началом реформ конца династии.

В настоящей главе книги культура Кореи X–XIV вв. будет представлена как единое целое²⁹.

§ 1. Научно-технические достижения Корё

Одним из важнейших достижений культуры Кореи X–XIV вв. стало книгопечатание. Печатание с досок, или *ксилографию*, в Корею начали использовать еще в VIII в. В эпоху Корё книгопечатание достигло особого расцвета. В 1011–1090 гг. для полного издания текста «Большого свода священных буддийских писаний» («*Тэчжангён*»), насчитывающего 6 тыс. томов, было вырезано 80 тыс. деревянных досок, получивших особое корейское название — «*Пхальман тэчжангён*». Они сохранились до наших дней и находятся в буддийском храме Хэинса на юге Кореи (провинция Южная Кёнсан). После того, как в 1232 г. тексты «*Пхальман тэчжангён*» сгорели во время монгольского нашествия, свод был напечатан еще раз. Молва о высоком уровне развития книгопечатания в Корё дошла до Китая, и в 1091 г. 5 тыс. томов книг на китайском языке, изданных в Корею, были отправлены в сунский Китай.

Каким образом делались отпечатки с досок³⁰? Как правило, деревянная доска для печати — *мокпхан* с каждой стороны содержала по две страницы текста, вырезанные наоборот, т.е. всего четыре страницы. С двух торцевых сторон к ксилографической дос-

²⁹ Говоря о культуре Корё, правильным было бы такое изложение материала, при котором прослеживались бы истоки тех или иных культурных достижений Кореи, влияние извне и собственно корейские корни. Однако на настоящий момент как в корейской, так и в зарубежной историографии культура Корё представляется главным образом в форме простого перечня достижений корейского народа X–XIV вв. Не имея возможности представить собственное исследование культуры Корё, автор настоящей книги также следует указанной традиции.

³⁰ Автору настоящей книги посчастливилось летом 1995 г. принять участие в печатании корейского ксилографического текста с досок XVII в.

Буддийский монастырь Хэинса (пров. Южная Кёнсан), хранилище 81 137 деревянных ксилографических досок с буддийскими каноническими текстами «*Питальман тэчжангён*». Время создания досок — 1236–1251 гг. (Национальное достояние Республики Корея № 32)

ке прикреплялись бортики — *магури*, выступавшие над ее верхней и нижней поверхностями. Доски для печатания обычно хранились в особых павильонах, сложенные друг на друга в большие стопки. Наличие *магури* обеспечивало хорошую вентиляцию и лучшую сохранность досок, облегчало процесс печати.

Перед началом печати каждую доску обычно прочищали специальной щеткой. Иногда доску также предварительно увлажняли. Одновременно нарезали бумагу для печатания размером с развернутый лист книги. Для печати требовались три или, по крайней мере, два человека. После смазывания доски тушью один или два человека натягивали чистый лист бумаги над доской, прижимая его кончики к бортикам *магури*. Третий человек особой растрепкой в виде мешочка, заполненного шелухой злаковых растений, растирал лист бумаги до появления на нем четкого отпечатка. Нередко первый отпечаток с доски мог быть не

очень хорошего качества, поэтому с одной доски печатали несколько экземпляров. Тушь, хранящуюся в виде твердых брусков, растирали непосредственно перед печатанием, иногда добавляя в воду яичный белок или порошки из сухих трав для лучшей сохранности книги или для того, чтобы от нее исходил приятный аромат. Готовые отпечатки просушивали, подрезали точно по размеру будущей книги и сшивали, складывая каждый лист пополам, текстом наружу.

Необходимость изготовления особых досок для каждой новой книги делала процесс книгопечатания весьма долгим и дорогостоящим. Поэтому на Дальнем Востоке довольно рано пришли к идее необходимости создания подвижного шрифта. Иными словами, на стандартной ксилографической доске вместо иероглифов стали вырезать ячейки, куда можно было бы вставлять необходимые для каж-

дого конкретного текста отдельно изготовленные формы с иероглифами. Первое упоминание об использовании корейцами подвижного металлического шрифта относится к 1234–1241 гг. Кроме того, считается, что первая попытка использования деревянного подвижного шрифта имела место в Корё в 1101–1122 гг. В корейской исторической литературе довольно часто можно встретить утверждение о том, что корейцы первыми изобрели и начали использовать подвижный металлический шрифт³¹. В XIII и XIV вв. в Корее еще не раз прибегали к технике печатания с досок, набранных подвижным металлическим шрифтом, например, для издания в 1234–1240 гг. «Подробных записей о ритуалах древности и современности» («*Санчжон когым емун*»), автором которых был Чхве Юный³².

Корё также было известно качеством и разнообразием сортов изготавливаемой бумаги, среди которых была особая бумага из коры бумажного дерева, бумага с золотым песком и т. п.

К категории технических достижений относят знаменитую корёскую светло-зеленую **керамику селадон**, о которой можно говорить с точки зрения достижений ремесла и художественного искусства. Характерной черте корёского селадона является его особый зеленоватый цвет, напоминающий цвет полудрагоценного камня нефрита. Максимального расцвета искусство изготовления селадона достигло в 1120–1190-е годы.

Ваза с узором вьющихся растений.
Селадон, эпоха Корё, XIV в.

³¹ Подвижный глиняный иероглифический шрифт впервые был использован в Китае в 1041–1049 гг. Би Шэном (см.: Терентьев-Катанский А. П. С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков. С. 136).

³² Текст книги до наших дней не сохранился. Древнейшим корёским сочинением, отпечатанным в 1377 г. подвижным шрифтом и сохранившимся до наших дней, считается сочинение буддийского монаха Кёнхана «Пульчжю чикчи симчхе ёчжоль».

Для достижения характерного зеленоватого цвета в глазурь добавлялись металлический порошок, а также другие особые компоненты, составлявшие секрет мастеров. Для обжига такой керамики требовались особые печи *кама*. Печи представляли собой узкие камеры длиной более 40 м и шириной около 1 м. Печи строились на склонах холмов, так, чтобы перепад между нижней и верхней частями печи составлял около 7 м. Через каждые 2,2–2,3 м в камере строились перегородки с отверстиями для горячего воздуха. В конце печи имелась труба. Пол покрывался песком. Для обжига керамики требовалось поддержание температуры примерно 1150–1200 градусов.

Ваза с изображением бамбука и хризантем. Селадон, эпоха Корё, XII в.

Помимо разного рода сосудов, ваз, тарелок, мисок, чайников, плоских в технике селадона изготавливались статуэтки таких животных, как лев, дракон, черепаха, утка, обезьяна, голубь. Чаще всего статуэтки были лишь составной частью керамических изделий — ручками крышек или печатей. Иногда сосуды повторяли форму лотоса или напоминали изделия из бамбука. Выделяют четыре основных типа узоров, встречающихся в корёской зеленоватой керамике селадон: «журавль в белых облаках», «утки или журавли, резвящиеся на берегу водоема с ивами», различные цветы и цветочные узоры, зарисовки из жизни людей. Фигурки животных и изображения на стен-

ках сосудов часто имели значение благопожеланий, которые должны были способствовать более счастливой жизни хозяина предмета.

Производство оружия также относят к категории технических достижений Корё. Корёсцы активно использовали пороховое оружие — пушки, стрелявшие каменными зарядами. Корёские арбалеты отличались особой дальностью полета стрелы.

Развивалось в Корё и **кораблестроение**. Корабли были довольно большими по размерам, имея длину до 28 м. На боевых судах в

носовой части устанавливался особый рог для протаранивания вражеских судов. Также на носу корабля могли водружать изображение головы дракона — повелителя водной стихии. Считается, что на корёских судах до Японии можно было доплыть за один световой день, а до Китая — за три дня.

Во времена эпохи Корё продолжала развиваться **астрономия**. При дворе учреждались специальные ведомства, в задачу которых входило наблюдение за небесными явлениями. В разные периоды они имели различные названия: *Тхэбоккам*, *Тхэсагук*, *Соунгван*. Наблюдение за небом преследовало три цели: решение практических задач, связанных с летоисчислением; попытка определения «воли Неба», согласно которой должны были происходить все основные изменения в жизни на земле; практические задачи изучения метеорологических явлений. Главная обсерватория страны находилась недалеко от столичного города Кэгён. Корёсцы не только наблюдали и предсказывали солнечные и лунные затмения, но и могли обнаруживать солнечные пятна. Имеется более десятка записей о наблюдении солнечных пятен в Корё. В 1343 г. придворный астроном Кан Бо издал справочное сочинение по новой системе определения дат календаря — «*Сусирёк чхобоп унсон*», старейшее из сохранившихся до наших дней.

В Корё большое внимание уделялось **медицине**. При дворе были учреждены специальные ведомства, занимавшиеся изучением и использованием различных методов лечения (*Тхэыйгам*) и изготовлением лекарств (*Сангяккук*). Конечно же, услугами этих ведомств пользовались исключительно представители высшего сословия. В 958 г., когда был объявлен королевский указ о введении государственных экзаменов на получение чиновничьей должности, одновременно тем же указом были учреждены особые экзамены для медиков. В связи с этим также весьма интересен указ 989 г., введивший обязательное лечение для гражданских сановников выше 5-го и военных выше 4-го рангов. Корёские лекарства были хорошо известны за пределами страны. Многие из них изготавливались из местных лекарственных трав. В Корё было создано несколько трактатов по традиционной медицине. Самый известный из них — изданное при дворе в годы правления государя Кочжона (1213–1259) трехтомное сочинение «Способы быстрой помощи местными лекарствами» («*Хянгьяк кугыппан*»). Трактат оказался настолько популярен, что был переиздан уже при новой династии Ли в 1417 г.

О развитии географии в Корё свидетельствует издание самых различных карт: «Карты Трёх государств» — «*Самгук чидо*», «Карты Индии» — «*Индо чидо*», «Карты Корё» — «*Корё чидо*». Карта Корё оказалась такой точной, что использовалась как основная карта Кореи на протяжении XV в.

§ 2. Издание исторических сочинений, литература, образование в Корё

В Корею, как и на всем Дальнем Востоке, истории традиционно уделялось особое внимание. **Историописание** находилось в ведении государства. В начале Корё вопросами историописания занималось Историческое ведомство — *Сагван*. Именно в этом ведомстве служил по совместительству в должности «наблюдателя по составлению истории государства» (*камсу кукса*) знаменитый историк Ким Бусик, находившийся в то время на самых высших придворных постах. С 1308 г. ведомство *Сагван* неоднократно реформировалось, и названия его то меняли на Ведомство искусств, письмён и образцовой истории — *Емун Чхунчхугван*³³ (1308 г.), то возвращали старое название *Сагван* (1362 г.), то снова давали сокращенное *Чхунчхугван* (1325, 1362 гг.). В результате за историческим ведомством закрепилось название *Чхунчхугван*, которое сохранялось без изменений вплоть до 1894 г.

Историческое ведомство выполняло две основные задачи: сбор и фиксация фактов, связанных с текущими событиями, и издание исторических сочинений о прошлом. На основании ежедневных записей о деяниях короля, событиях, государственной политике, изменениях в должностной системе и многом другом составлялись так называемые «реальные записи», или по-корейски *силлок* — черновые анналы, на основании которых в будущем, после падения правящей династии, должны были составляться образцовые династийные истории *чонса*.

Среди многих должностей, существовавших в историческом ведомстве Корё, важнейшей была должность историка — *сагван*. *Сагван* имел исключительное право свободного доступа во все столичные и провинциальные учреждения, право присутствовать на любых мероприятиях, быть свидетелем любых событий. Для того чтобы са-

³³ *Чхунчху* — корейское прочтение названия классического китайского исторического сочинения «*Чуньцю*» — «Весны и осени», автором которого считается Конфуций.

гван мог фиксировать события объективно, никто не имел права заглядывать в его записи, даже сам король. Записи *сагван*, оформлявшиеся в виде *силлок*, писались по хронологическому принципу в нескольких экземплярах и хранились в особых исторических архивах — *саго*, расположенных в удаленных друг от друга местах. Это делалось для того, чтобы уберечь *силлок* на случай войн, пожаров, стихийных бедствий.

Основной состав исторического ведомства представляли так называемые совмещенные должности, т. е. служащие других ведомств, которые были обязаны передавать в *Чхунчхугван* подробные записи о деятельности своих ведомств, а также связанных с ней государственных делах. Таким образом достигалась полнота в изложении событий современности.

Кроме собирания и записи фактов, историческое ведомство Корё занималось, как уже говорилось, изданием исторических сочинений. Помимо знаменитых «Исторических записей Трех государств» («*Самгук саги*», 1145 г.) Ким Бусика и «Достопамятных событий Трех государств» («*Самгук юса*», 1281 г.) монаха Ирёна, в Корё было издано немало других значимых исторических сочинений, которые, к сожалению, не сохранились до наших дней. Это и «Записи о древности и современности» («*Когымнок*») Пак Илльяна (?–1096), и «Записи о ритуалах, детально установленных в древности и ныне» («*Когым санчжон немун*»³⁴) Чхве Юнъя (1102–1162) в 50 томах, и «Всеобщие анналы» («*Пхённён тхоннок*») Ким Гванья, и многие другие.

Система образования в Корё также достигла нового, более высокого уровня. Еще в 930 г. в столице было основано высшее учебное заведение *Кукхак* для представителей высших сословий. В нем, помимо конфуцианских предметов, которые, говоря современным языком, можно было бы отнести к категории «администрирования», преподавались медицина и астрономия, и вскоре были открыты самостоятельные медицинское и гадательное отделения.

К 992 г. система образования обрела более заверченный характер. В ведении придворного управления по образованию *Кукчагам* (дословно — «Управление сынов государства») находились несколько столичных учебных заведений: *Кукчахак* (Высшая школа сынов государства), *Тэхак* (Высшая школа), *Самунхак* (Высшие школы

³⁴ Встречается и сокращенная запись названия сочинения — «*Когым санчжонне*».

у четырех [городских] ворот) и шесть высших школ по отраслям — права, математики, письма и т. п. В конце X в., к примеру, только в трех крупнейших учебных заведениях *Кукчахак*, *Тэхак*, *Самунхак* обучалось по 300 человек в каждом. Однако к 1130 г. во всех учебных заведениях, подотчетных *Кукчагам*, насчитывалось всего лишь 200 студентов. Это отчасти объясняется тем, что к тому времени обучение и сдача экзаменов на некоторое время перестали быть необходимым условием для того, чтобы утвердиться в обществе, так как должности стали покупаться и продаваться. Расширилось частное землевладение. Поэтому для того чтобы жить в достатке, было совсем не обязательно служить королю.

Несмотря на сокращение числа обучающихся, система образования в Корё продолжала совершенствоваться. Так, в 1109 г.³⁵ при *Кукчагам* впервые открылось специальное отделение для профессионального обучения военного сословия.

С XII столетия в Корё стала развиваться система частных школ. Так, в 1053 г. высокопоставленный сановник Чхве Чхун (984–1068), оставив в возрасте 70 лет государственную службу, вернулся в родные места и основал там девять частных школ. Его заслуги в распространении знаний были настолько велики, что он получил прозвище корейского Конфуция (*Хэдон Кончжса*). При династии Ли такие частные учебные заведения, имевшие алтарь в честь основателя, получили название *совон*, что значит «палата книг». Кроме частных школ, готовивших учащихся к сдаче государственных экзаменов, в деревнях стали создаваться начальные частные школы, получившие название *содан*, т. е. «павильон книг». Государственные провинциальные начальные школы *хянгё* («местные школы»), подчинявшиеся *Кукчагам*, известны в Корее со времени эпохи Корё. В каждом *хянгё* был алтарь для совершения церемонии кормления духа Конфуция. Буддийские монастыри также были центрами образования, не связанного со служебной карьерой.

Однако именно сдача государственных экзаменов на получение чиновничьей должности являлась целью практически каждого молодого человека из высшего сословия. В Корё такие экзамены были введены королевским указом 958 г. Поначалу экзамены сдавались один раз в год. Позднее, когда число вакантных должностей сокра-

³⁵ В год, когда военачальник Кан Чжо сместил с престола короля Мокчона, казнил его и возвел на престол Хёнчжона. Тогда же Корё стало готовиться к отражению ожидаемого «карательного» военного похода киданьского государства Ляо, претендовавшего на роль «центра Поднебесной».

тилось, один раз в два-три года. Помимо общих вопросов, связанных со знанием конфуцианской классики, задавались и специальные вопросы по медицине, гаданию (астрономии), законодательству. На листе с ответом на экзаменационный вопрос имя следовало написать так, чтобы его невозможно было прочесть экзаменатору. Это делалось для того, чтобы соблюсти правило отбора претендентов по способностям, а не по происхождению. При этом происхождение экзаменуемого полностью не игнорировалось: вместе с именем всегда следовало указывать место происхождения рода и имена прямых предков по мужской линии вплоть до четвертого колена. «Подлый люд» (*чхонмин*), музыканты, ремесленники или же совершившие преступление, нарушившие нормы морали, а также их сыновья и внуки до сдачи экзаменов не допускались.

Период Корё ознаменовался значительным вкладом в развитие **корейской литературы**, в особенности поэзии. Самым известным корёским поэтом, чьи произведения сохранились до наших дней, был Ли Гюбо (1168–1241). Одно из самых выдающихся его произведений — поэма о мифическом основателе государства Когурё — «Сказание о Тонмёнване» (*«Тонмёнван пхён»*)³⁶. Ученый и поэт конца эпохи Корё — Ли Сынхю (1224–1300) составил знаменитую поэму «Рифмованные записи о королях и императорах» (*«Чеван унги»*, 1287 г.), где в стихах обрисовывал самые важные моменты истории Китая и Кореи. Несмотря на то что в X–XIV вв. корейские литераторы писали на китайском языке, в их произведениях находило отражение своеобразие культуры Корё.

До наших дней сохранились корёские народные песни в жанре *каё* («песни») или *согвё* («народные песни»), поскольку в свое время они были записаны по-корейски китайскими иероглифами способом *иду*³⁷, или в переводе на китайский язык.

Сочинение буддийского монаха Ирёна «Достопамятные события Трех государств» (*«Самгук юса»*), по поводу которого в научной литературе ведутся споры, является ли оно историческим сочинением, или относится к категории художественной литературы, независимо от того, как решается поставленный вопрос, несомненно, является выдающимся литературным произведением периода Корё.

³⁶ В России исследованием творчества Ли Гюбо и переводом его произведений на русский язык занимались петербургские корееведы Л. В. Жданова и А. Ф. Троцевич (перевод поэмы см. в кн.: Корейские предания и легенды из средневековых книг. М., 1980. С. 205–228).

³⁷ См. § 2 Главы 6 Части I настоящего издания.

Буддизм был господствующей религией Корё. Нередко в исторической литературе можно даже встретить определение буддизма как государственной религии Кореи X–XIV вв. Поэтому выдающиеся буддийские мыслители оставили после себя богатое литературное и духовное наследие. В начале XX столетия был обнаружен трактат буддийского монаха Какхуна «Сказание о выдающихся буддийских монахах Кореи» (*«Хэдон косынчжон»*, 1215 г.). Монах Чинуль (1158–1210) оставил после себя 11 буддийских сочинений, оказавших огромное влияние на развитие буддийской религиозной мысли Кореи.

§ 3. Архитектура, ремесло, живопись Корё

Считается, что Корё, помимо знаменитого селадона, было известно своими **изделиями из бронзы**, в частности бронзовыми зеркалами. Чаще всего зеркала имели круглую форму, однако изготавливались зеркала и в форме цветочного лепестка или листа дерева. Их тыльную сторону украшали барельефные узоры, часто имевшие значение благопожеланий. Кроме зеркал в Корё отливали бронзовые вазы, чайники, курильницы, колокола для буддийских монастырей³⁸.

Архитектура Корё представлена каменными и деревянными постройками. Из дерева строили, как правило, павильоны дворцов и буддийских монастырей. Из дворцов самым известным считается столичный королевский дворец Кэгёна. Его деревянные постройки не сохранились до наших дней, однако по каменным фундаментам можно судить о величине и особенностях этого архитектурного комплекса. В частности, у кэгёнского дворца было четверо расположенных последовательно ворот, ведущих внутрь комплекса, в то время как во дворцах прежних эпох — только двое.

В связи с тем, что буддизм был господствующей религией и получал от государства поддержку, в Корё строилось очень много буддийских монастырей. Только в окрестностях столицы Корё было сооружено около 70 больших и малых монастырей. Поскольку постройки были в основном деревянными, то от большинства монастырей не сохранилось практически ничего, кроме фундаментов павильонов, а также каменных пагод и изваяний Будд. Тем не менее в южной части Кореи, наименее пострадавшей от многочисленных войн, сохранился ряд монастырских деревянных построек периода Корё. Это па-

³⁸ Об искусстве Кореи периода Корё подробнее см.: *Глухарева О. Н.* Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX в. М., 1982. С. 90–142.

вильон *Кыннакчон* монастыря Пончжонса и павильон *Мурыансучжон* монастыря Пусокса провинции Северная Кёнсан, а также главный павильон *Тэунчжон* монастыря Судокса провинции Южная Чхунчхон.

Одним из самых величественных буддийских монастырей эпохи Корё был столичный монастырь Хынванса, строительство которого завершилось в 1067 г. Его постройки имели 2800 помещений (комнат).

Каменные пагоды Корё, как уже отмечалось, стали более разнообразными по форме, нежели в предшествующие периоды, имели восьмигранные или даже круглые ярусы. На территории Северной Кореи особо отмечают пагоды монастырей Пурильса (5 ярусов; 951 г., г. Кэсон), Хёнхваса (7 ярусов, 1020 г., г. Кэсон), Похёнса (9 ярусов, 1044 г., горы Мёхянсан). На территории Южной Кореи — каменные пагоды монастырей Вольчжонса (8 граней, 9 ярусов, XI–XII вв., провинция Канвон), Кёнчхонса (10 ярусов, 1348 г., провинция Кёнги).

Скульптурные изображения Будд в Корё делали из камня, золота, дерева. Самым знаменитым и в то же время самым большим в Корее каменным изваянием Будды Майтрейи является статуя из монастыря Кванчхокса (провинция Южная Чхунчхон). Согласно записям, на создание изваяния высотой более 21 м потребовалось 38 лет, и его установили в монастыре только в 968 г. В храме Пусокса провинции Север-

Каменная пагода с шарообразными ярусами. Эпоха Корё. Буддийский монастырь Унчжуса (пров. Южная Чолла)

Каменная пагода с дискообразными ярусами. Эпоха Корё. Буддийский монастырь Унчжуса (пров. Южная Чолла)

ная Кёнсан была найдена уникальная деревянная статуя Будды Амитабы начала эпохи Корё высотой в 2,78 м.

Помимо монументальных скульптур, в Корё продолжали создавать металлические изваяния Будд небольших размеров. Одной из наиболее уникальных считается золотая статуя Будды, обнаруженная в уезде Кымган провинции Канвон.

Примером небуддийской скульптуры Корё могут служить каменные изваяния воинов и сановников у гробницы короля Конмин-вана (1351–1374) в провинции Хванхэ.

Живопись в Корё находилась в сфере пристального внимания государства. В столице при дворе были учреждены особые ведомства, занимавшиеся вопросами изобразительного искусства. Они назывались *Тохвавон* (Палата рисунков и картин), *Хвагук* (Управление изобразительного искусства). В Корё высокого уровня достигла пейзажная живопись. Известно, что слава о мастерстве корейского художника Ли Нёна (начало XII в.) достигла Китая. Ли Нён не только жил в Китае династии Сун, но и учил своему искусству китайских художников. Художник конца XI — начала XII в. Чон Дыккон был известен особым мастерством в изображении рыб.

Не так много картин, созданных в период Корё, сохранилось до наших дней. Среди них — настенная живопись в павильоне *Чосадан* буддийского монастыря Пусокса (провинция Северная Кёнсан), портрет конфуцианского ученого Хве Хона, хранящийся в *совоне* Сосу (1318 г., автор неизвестен, провинция Северная Кёнсан). Государь Конмин-ван (1351–1374) был знаменит своим искусством каллиграфии и живописи. Сохранилась написанная им «Картина большой охоты у Небесных гор» («*Чхонсан тэрёнто*»). Отдельные произведения живописи эпохи Корё, в основном буддийского содержания, хранятся в Японии.

Музыка в Корё была составной частью сложной системы ритуалов. Кроме того, считалось, что с помощью музыки возможно совершенствовать «нравы и характер народа». Поэтому музыка также не оставалась в стороне от внимания государства. При королевском дворе был создан оркестр, в котором было 108 музыкантов, игравших на 40 видах музыкальных инструментов. Иногда в городах устраивались большие концерты. Например, в 4-й месяц 1245 г. в Праздник фонарей (день рождения Будды Шакьямуни) на острове Канхвадо, куда временно была перенесена Корёская столица, военный правитель Чхве Чхунхон организовал грандиозный концерт. Тогда в выступлении приняли участие 1350 музыкантов.

Кроме придворной музыки в Корё было развито народное музыкальное творчество. В «Истории Корё» («*Корёса*») в разделе «Записи о музыке» («*Ажчи*») в переводе на *ханмун*³⁹ приведены тексты 24 народных песен, которые исполнялись на корейском языке.

Несмотря на зависимость Корё от монгольской династии Юань в Китае, Корея сумела сохранить свою национальную культуру и в XIV столетии вступить на путь реформ, вернуть былую самостоятельность.

Глава 6. ГОСУДАРСТВО КОРЁ В XIV ВЕКЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ НОВОЙ ДИНАСТИИ ЛИ

Несмотря на высокий уровень развития культуры Корё, в социально-экономической сфере жизнеспособность династии оказалась подорванной. Попытки провести социально-экономические реформы привели не к укреплению Корё, а к окончательному падению старой династии и установлению новой — династии Ли (1392–1910)⁴⁰.

§ 1. Социально-экономическое положение Корё в XIV веке

Социально-экономическую ситуацию в Корее XIV в. принято оценивать как критическую, обусловленную тремя основными факторами негативного характера. Первый — это ослабление государственного контроля над землей, которая в те времена была основным средством производства, источником пополнения государственной казны, материального обеспечения боеспособности армии. Второй фактор, как обратная сторона процесса ослабления государственного контроля, заключается в усилении частного землевладения и соответствующем ухудшении положения крестьянства, ослаблении связей по линии провинция — столица, а значит и ослаблении единства страны. Третьим фактором, причем не только экономическим, был ущерб от монгольских военных походов в Корею и последующего

³⁹ *Ханмун* — письменный древнекитайский язык, использовавшийся в Корее для записи и публикации официальных текстов.

⁴⁰ В отечественной и северокорейской литературе новую династию называют «династией Ли» по фамилии ее основателя, в то время как в южнокорейской и частично западной исторической литературе ее именуют «династией Чосон» по новому названию государства.

подчинения Кореи монгольской «династии» Юань в Китае. Подчинение монголам не только лишило Корё части северных территорий и значительной доли государственных доходов, но и нанесло ощутимый удар по репутации королевского двора в целом.

Однако для того чтобы в стране произошла смена власти и системы государственного управления, требуется не только наличие предпосылок ослабления власти существующей, но и наличие тех *новых сил*, которые были бы способны взять эту власть. Такой силой стало «новое» сословие мелкого и среднего чиновничества, выходцев из провинции. Конечно же, мелкие и средние чиновники существовали в Корее и раньше. Но лишь в конце периода Корё у этого сословия появился некоторый элемент новизны.

«Новое» провинциальное служилое сословие в Корее XIV в. стали определять словом *садэбу*, что значит «ученые и большие мужи». Оно противостояло корёской аристократии — выходцам из семей богатых частных землевладельцев, многие из которых присвоили себе государственные земли в результате распада системы полей *чонси-кwa*. Идеологией старой аристократии было китайское конфуцианство эпохи Тан (618–907), а также буддизм.

Садэбу также не являлись неимущими, но относились к классу мелких и средних землевладельцев. Они придерживались обновленного конфуцианства китайской эпохи Сун (960–1279), которое еще называют «неоконфуцианством»; его основоположником стал китайский конфуцианский мыслитель Чжу Си (1130–1200). Сословие *садэбу* формировалось в течение последних двух столетий эпохи Корё, начиная со времени монгольских военных походов в Корею. В сословии *садэбу* важную роль снова начали играть военные сановники, в особенности во второй половине XIV столетия, когда Корё активизировало военные действия как против монголов, так и против японских пиратов.

В 1356 г. государь Конмин-ван отправил войско за реку Амноккан в места сосредоточения монголов и разгромил три монгольских укрепленных пункта. В том же году в результате успешного военного похода на северо-восток было упразднено монгольское наместничество Ссансон, а к Корё присоединены значительные территории, соответствующие современной провинции Южная Хамгён. В 1369–1371 гг. Корё трижды снаряжало военные экспедиции на полуостров Ляодун. В результате в 1370 г. было окончательно упразднено Восточное наместничество — *Тоннёнбу*, и монголы были изгнаны с Ляодуна. В 1374 г. 25 тыс. человек корёских воинов на 300 кораблях

высадились на острове Чечжудо и наголову разбили остававшиеся там монгольские войска. С 1350 по 1389 г. корёские войска десятки раз успешно отражали набеги японских пиратов на южные провинции Кореи.

Понятно, что в условиях повышения значения армии, сыгравшей важнейшую роль в освобождении Кореи от монгольской зависимости, даже выходцы из простолюдинов могли становиться военными сановниками. Кроме того, стирались различия между лично-свободным «добрым человеком» *янин* и жителями поселений *пугок* — «подлым человеком» *чхонмин*. Дело дошло до того, что при государе Конминване фактическая власть в стране была отдана буддийскому монаху Синдону (?–1371), который был сыном *ноби*.

Таким образом, не только новое сословие *садэбу*, стремившееся к власти и расширению государственного контроля над землями, но и само по себе разрушение системы строгого деления населения на категории согласно происхождению объективно противостояли господству старой аристократии. Этому же процессу способствовало то, что после подчинения Кореи монголам в среде высшей корёской знати появились смешанные браки с монголами и чжурчжэнями. Поэтому «чистота крови» и «аристократичность происхождения» становились менее значимыми.

Неоконфуцианство, ставшее идеологическим фундаментом в деятельности *садэбу*, подчеркивая необходимость соблюдения норм морали, отбора людей на высшие должности страны в соответствии со способностями, а не по происхождению, также подталкивало общество к реформированию. Попытки проведения реформ предпринимались корейскими королями на протяжении всего XIV столетия.

§ 2. Попытки проведения реформ и приход к власти Ли Сонге

Первым, кто попытался реформировать управление страной и в первую очередь чиновничью систему, был государь Чхунсон-ван, вззошедший на престол в возрасте 23 лет в 1298 г. Однако из-за своих намерений он не смог сохранить власть: в том же году при поддержке консервативных сил и не без вмешательства Юань на троне был снова восстановлен король Чхуннён-ван, правивший до 1308 г. Чхунсон-ван был вынужден отправиться в столицу Юань, где провел почти 10 лет, пока снова, вернувшись в Корё, не был возведен на трон в 1308 г. Чхунсон-ван правил всего пять лет, в продолжение

которых хотя и пытался реализовать юношеские мечты, однако не получил поддержки при дворе, отчасти из-за того, что слишком долгое время провел у монголов. Тем не менее он смог внести заметный вклад в развитие традиционных наук.

Только государю Чхунмог-вану (1344–1348) удалось осуществить попытку первых практических шагов на пути реформ, несмотря на то, что он был возведен на трон в возрасте 8 лет. К тому времени злоупотребления в системе землепользования и беспорядки в управлении страной достигли такой степени, что не только отдельные сановники Корё, такие, как Ли Чжэхён (1287–1367), настаивали на реформах, но и в монгольском Китае идея реформ получила поддержку. Поэтому уже в первые годы правления при дворе Чхунмог-вана предприняли попытку возрождения системы выдачи полей за службу, как это практиковалось в начале Корё. Но такие поля называли уже не *чонсиква*, а иначе — *нокквачхон*, что значит «поля по категориям [чиновников] в качестве жалования», что в принципе схоже по содержанию с *чонсиква*. Из-за противодействия консервативных сил, и прежде всего незаконных владельцев частных полей, попытка реформы провалилась. Тогда снова под давлением Юань в 1347 г. при дворе было учреждено особое ведомство — *Чончхи тогам* («Ведомство для приведения в порядок управления [страной]»), в которое было назначено около 40 человек. Ведомство с еще большим усердием, чем раньше, принялось за инспекцию всех земельных угодий страны. Однако из-за злоупотреблений отдельных чиновников *Чончхи тогам* деятельность его была приостановлена, а в 1349 г. ведомство распустили. Очевидно, к этому времени не сложились объективные условия для успешного проведения реформ.

Поворотным в реформировании системы землепользования и государственного устройства в целом стало правление государя Конмин-вана (1351–1374). Возможно, не последнюю роль в этом процессе сыграло положение в соседнем Китае, где в 1368 г. на юге к власти пришла новая китайская династия, провозгласившая создание нового государства Мин (1368–1644) и положившая конец монгольскому правлению в Китае. Не случайно именно в 1369–1371 гг. Конмин-ван снарядил три военных похода против монголов на полуостров Ляодун.

В правление Конмин-вана в Корё значительно усилились позиции конфуцианства. *Кукчагам* — придворное ведомство, занимавшееся образованием (дословно — «Управление сынов государства»),

было переименовано в *Сонгюнган* (условный перевод названия — «Академия успешного достижения равновесия»), обычно называемую в литературе «конфуцианской академией»⁴¹. Одновременно по всей стране стала разворачиваться критика буддизма, во многом связанная с тем, что буддийские монастыри к тому времени владели огромными площадями земли, неподконтрольными государству, что отрицательно сказывалось на всей экономике страны.

Одновременно все активнее разворачивалось движение за равноправие гражданских и военных чиновников. На протяжении многих столетий военное сословие по положению считалось ниже гражданского. Военные чиновники, имевшие одинаковый ранг с гражданскими, обычно получали меньшее вознаграждение за службу. Необходимость организации военных походов для окончательного освобождения от монгольской зависимости объективно способствовала усилению влияния военных. Именно это стало одним из факторов, позволивших военачальнику Ли Сонге (1335–1408) стать основателем новой корейской династии.

Именно в годы правления Конмин-вана новое сословие *садэбу* все громче заявляло о необходимости учета и перераспределения земель между находящимися на службе чиновниками, возврата земли из незаконной частной собственности в государственную, о восстановлении «старой» системы должностей начала эпохи Корё, когда чиновники назначались «в соответствии со способностями».

Ослабление монгольской власти в Китае, в особенности под ударами активно развернувшегося с 1351 г. (года восшествия на престол Конмин-вана) народного движения в Китае, позволило Конмин-вану проводить политику, направленную на усиление собственной королевской власти и избавление от монгольского господства. Сразу после восшествия на престол он создал ведомство для учета и перераспределения полей — *Чонмин тогам*. В 1364 г. под давлением монголов реформы системы землепользования были приостановлены. Однако с 1365 г. при помощи буддийского монаха Синдона, привлеченного Конмин-ваном на службу, процесс реформирования в Корё возобновился.

⁴¹ Иногда говорят о восстановлении Конмин-ваном академии *Сонгюнган*, имея в виду то, что в правление Чхунсон-вана (1308–1313) высшее столичное учебное заведение *Куклак* некоторое время также называлось *Сонгюнган*. Высшее конфуцианское учебное заведение *Сонгюнган*, не прерывавшее своей истории с конца XIV столетия, существует в Сеуле и в наши дни.

Биография Синдона (?–1371) весьма показательна, поскольку очень хорошо характеризует трагическое время конца эпохи Корё с постоянной сменой власти, дворцовыми переворотами, убийствами.

По рождению Синдон был *ноби* («рабом») в буддийском монастыре Окчхонса. Его мать была *ноби* в том же монастыре, а отец, по слухам, — высокопоставленным сановником. Происхождение Синдона формально не позволяло ему стать полноправным буддийским монахом. Однако его желание стать монахом было настолько велико, что, вопреки существующим порядкам, он удалился далеко в горы и там вел монашескую жизнь. Несмотря на замкнутый образ жизни, способности Синдона стали известны при дворе, и в 1358 г. он был представлен Конмин-вану сановником Ким Вонмёном. С этого момента в жизни Синдона наступили большие перемены. Он стал жить при дворе. Конмин-ван своим указом снял с Синдона его «подлое» происхождение и присвоил титул *чхонгангоса*, что значит «чистый живущий в праздности ученый»⁴².

С 1365 г. Конмин-ван решил привлечь Синдона к делам управления, с тем чтобы избавиться от влияния консервативных гражданских сановников, принадлежавших к старой аристократии. При участии Синдона были изданы указы: о возвращении незаконно изъятой земли и *ноби* прежним хозяевам; о возвращении статуса «доброго человека» *янин* тем, кого незаконно обратили в *ноби*; об отмене категории так называемых «свободных чиновников» *халлянгван*, т. е. не имевших конкретной должности, но получавших небольшое жалованье или поля для сбора налогов в качестве жалованья; об укреплении значимости конфуцианской академии *Сонгюнган*; об усилении роли государственных экзаменов при назначении на государственные должности и др.

На первых порах реформы, начавшие проводиться с участием Синдона, получили поддержку военных во главе с видным военачальником Чхве Ёном (1316–1388), поскольку они способствовали укреплению их положения. Однако по мере реализации королевских указов сила и власть самого Синдона увеличилась настолько, что со временем он стал пользоваться почти теми же почестями при дворе, что и сам король. Дело дошло до того, что Синдон вместо Конмин-вана принимал сановников на утренней аудиенции и в Китае стал известен в качестве «короля по власти».

⁴² Термин «жить в праздности» указывает на то, что человек, не находясь на государственной службе, занимается, говоря современным языком, интеллектуальной деятельностью.

В своих реформах Синдон опирался не только на военных. Именно благодаря его усилиям возросла значимость конфуцианской академии *Сонгюнган*⁴³, именно при нем большое влияние при дворе получили молодые гражданские чиновники, которых в современной историографии даже стали называть «партией реформаторов»: Чон Дочжон (?–1398), Квон Гын (1352–1409), Ли Сунин (1349–1392), Чо Чжун (?–1405). Поэтому на первых порах реформы Синдона имели успех. Король Конмин-ван, долгое время не имевший реальной власти при дворе, снова начал непосредственно участвовать в делах управления. Власть старого гражданского сословия оказалась под угрозой, и в 1370 г. возглавившая оппозицию королева-мать и ее сторонники захватили Синдона, выслали его в Сувон и в следующем году казнили. Королева-мать опасалась того, что сам Синдон желал большей власти. В 1369 г. он подготовил текст указа о реформе управления страной, согласно которой должен был стать губернатором пяти основных провинций Корё.

После казни Синдона старое гражданское сословие укрепило свои позиции при дворе. Однако и вновь выдвинувшиеся представители сословия *садэбу*, такие, как Чон Дочжон, Чон Мончжу (1337–1392), сохранили свое влияние. Противостояние между реформаторами и старой аристократией продолжалось. Конмин-ван, пытаясь бороться со злоупотреблениями отдельных придворных, был убит в результате заговора Чхве Мансэна в 9-й месяц 1374 г.

В последний год правления следующего короля, У-вана (1374–1388), баланс сил окончательно сместился в пользу реформаторов. Однако поначалу власть при дворе захватили представители старой аристократии во главе с Ли Инимом (?–1388)⁴⁴. Он и возвел

⁴³ Стоит обратить особое внимание на тот факт, что *буддийский* монах способствовал укреплению и развитию конфуцианства. Обычно буддизм и конфуцианство рассматриваются как противоположные учения, в особенности применительно к истории Кореи XV–XIX вв. На самом деле прямое сравнение буддизма и конфуцианства не совсем корректно, поскольку для буддизма (как религии) главной ценностью является человек, в то время как в конфуцианстве (идеологическом учении) все подчинено задаче обеспечения жизни общества в целом. Вместе с тем в Корее XIV–XV вв. имело место противоборство буддизма и конфуцианства, но на экономической почве. Конфуцианство «обслуживало» аргументы сторонников усиления государственной собственности на землю, а буддистская церковь, будучи сама крупнейшим землевладельцем Кореи, объективно защищала частную собственность на землю.

⁴⁴ В отечественной литературе пишут о «клике Лима — Ёма», имея в виду, что вместе с Ли Инимом во главе придворной группировки старой аристократии

на престол нового короля, которому было всего десять лет. В годы правления *У-вана* имел место возврат к дореформенному положению не только во внутренней, но и во внешней политике. Ли Иним восстановил отношения с монгольской династией Юань, еще сохранявшей власть в Северном Китае. При нем ухудшились отношения с минским Китаем, фактически прекратившиеся в период с 1374 по 1386 г.

В 1388 г. новое китайское государство Мин как наследник Юань предъявило претензии на северо-восточные территории Корё (бывшее монгольское наместничество Ссансон), отвоеванные корейцами у монголов еще в 1356 г. К этому времени государь *У-ван* уже перестал быть игрушкой в руках придворной группировки Ли Инима. Вместе с полководцем Чхве Ёном (1316–1388) он решил избавиться от нее. В 1388 г. Ли Иним и его сторонники были взяты под стражу. Ли Иним умер в том же 1388 г. А *У-ван* и Чхве Ён решили снарядить поход на северо-восток, чтобы не позволить минским войскам отнять корёские земли. Они также планировали отправить войска на полуостров Ляодун, который раньше принадлежал Когурё и где проживало много выходцев с Корейского полуострова, чтобы попытаться присоединить эти земли к Корё.

Корейские войска, возглавлявшиеся самим государем *У-ваном* и полководцем Чхве Ёном, выступили в поход на Ляодун в 4-й месяц 1388 г. Вторым лицом в армии Корё был полководец Ли Сонге. Дойдя вместе со всеми до реки Амноккан и благополучно заняв остров Вихвадо в устье реки, Ли Сонге объявил о том, что намерен прекратить поход против Китая, объяснив это затяжными дождями и невозможностью продвигаться далее (а на деле представляя ту группировку придворных, которые не желали портить отношения с минским Китаем). Во главе части войск вместе с поддержавшими его другими военачальниками, такими, как Чо Минсу (?–1390), он первым вернулся в столичный город Кэгён. *У-ван* и Чхве Ён последовали за Ли Сонге. Однако тот, имея множество сторонников в столице, фактически захватил власть в стране. Он объявил о взятии под стражу Чхве Ёна и о низвержении *У-вана*, который был отправлен в ссылку сначала на остров Канхвадо, а затем на восточное побережье Кореи в город Каннын, где вскоре был казнен.

Формальной причиной отстранения короля от власти было то, что *У-ван* «не принадлежал к королевской семье». Действительно, в

стояли также военный сановник Лим Гёнми (?–1388) и гражданский сановник Ём Хынбан (?–1388).

«Истории Корё» («*Корёса*») сказано, что будто бы У-ван был сыном буддийского монаха Синдона, а значит, формально относился к категории *ноби*, т. е. был человеком «подлого» сословия. (Современные исследователи говорят о том, что У-ван скорее всего был приемным или побочным сыном государя Конмин-вана.) Тем не менее на престол Ли Сонге временно возвел семилетнего сына У-вана — Чхан-вана, объявив себя регентом. В 1389 г., найдя подходящего представителя королевского рода Ванов (потомков Ван Гона), он возвел на престол нового короля. Последний государь Корё — Конъян-ван находился на троне около трех полных лет, с 1389 по 1392 г.

Фактически власть в стране стала принадлежать придворной группировке Ли Сонге, выражавшей интересы нового сословия *садэбу*. Поэтому Ли Сонге вместе с упоминавшейся «партией реформаторов» приступил к активному проведению реформ, указы о которых, естественно, исходили от имени Конъян-вана.

Прежде всего была реформирована система полей. В 1391 г. был издан указ о *квачжонпон*, или «законе о полях по категориям [чиновников]». Согласно этому закону всем находившимся на государственной службе давалось временное право сбора налогов с полей в качестве вознаграждения. Количество полей определялось в зависимости от ранга. Максимальный размер полей составлял 150 *кёль*, минимальный — 10 *кёль*. Для провинциальных мелких чиновников были учреждены так называемые «поля для военных», или *кунчжон*. Размеры *кунчжон* колебались от 10 до 5 *кёль*, и раздавались такие поля не только военным, но и гражданским чиновникам. «Свободные чиновники» — *халлянгван*, не имевшие конкретных обязанностей, лишились своих прежних владений. В то же время сохранилась категория полей за заслуги перед государством — *конымчжон*, которые давались пожизненно и с правом передачи по наследству. Почтовые станции, паромные переправы, находящиеся на поселении военные гарнизоны и буддийские монастыри — все получали определенное количество полей. Незаконно присвоенные монастырями земли возвращались в казну.

Для реализации земельной реформы при дворе было учреждено особое «Управление выдачи полей» — *Кыпчон тогам*. Фактически реформа не вносила почти ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что было в начале эпохи Корё. Суть реформы состояла в переучете земель и их новом распределении, в полной мере охватывавшем и новое служилое сословие *садэбу*. Особое отличие земельной реформы Конъян-вана — Ли Сонге состояло в том, что впер-

вые строго ограничивалось количество взимаемого налога с единицы площади *кёль* — не более 30 *ту*⁴⁵. Таким образом, был положен конец неограниченному налогообложению крестьянства, практиковавшемуся в конце Корё, когда у одного поля по документам было по 7–8 хозяев, а налоги собирались по несколько раз в год. Поэтому не только среднее и мелкое чиновничество, но и крестьянство поддерживало новую земельную реформу.

Таким образом, создавалась экономическая основа для смены власти, для установления новой династии, тем более, что в соседнем Китае монгольская «династия» Юань была свергнута *китайской* династией, провозгласившей создание государства Мин. А поскольку Корё в течение более чем ста лет было связано с монголами кровными узами (так что с конца XIII в. каждый корейский наследный принц имел монгольское имя), испытывала сильнейшее монгольское влияние и проводила промонгольскую политику, то в контексте событий, происходивших как в соседнем Китае, так и в самой Корее, вопрос о смене династии Ванов, правившей в Корё, не был чем-то неестественным. Наибольшей поддержкой среди придворных, настроенных оппозиционно по отношению к старой династии, пользовался полководец Ли Сонге.

Ли Сонге (1335–1408) был выходцем из северо-восточной части Кореи, находившейся до 1356 г. в составе империи Юань в качестве монгольского наместничества Ссансон. Несмотря на то что предки Ли Сонге одно время занимали довольно высокие посты в Юань, его отец Ли Чжачхун, будучи притесняемым монголами, сам пришел ко двору государя Конмин-вана и предложил помощь в борьбе с монголами за возвращение северо-восточных земель Кореи. Благодаря заслугам отца, Ли Сонге получил возможность рано начать продвижение по служебной лестнице как военный сановник. Его личные подвиги в сражениях с монголами и японскими пиратами, мудрая политика в отношении нового служилого сословия *садэбу* обеспечили ему поддержку как военных, так и гражданских сановников.

Однако были в Корё и противники идеи смены династии, лидером которых выступал конфуцианец Чон Мончжу (1337–1392). Поначалу Чон Мончжу был достаточно близок с Ли Сонге, также поддерживал идею установления тесных отношений с новым китайским государством Мин и являлся противником Северной Юань, за что даже

⁴⁵ *Ту* — мера объема сыпучих тел, составляет около 18 л. По расчетам специалистов, уровень налогообложения после реализации указа о *квачжонпю* не превышал $\frac{1}{6}$ урожая.

был отправлен в ссылку Ли Инимом. Вместе с Ли Сонге Чон Мончжу участвовал в походах против японских пиратов и способствовал возведению на трон Конгъян-вана. Его конфликт с Ли Сонге начался тогда, когда Чо Чжун, Чон Дочжон и другие представители «партии реформаторов» предложили провозгласить новую династию, основателем которой выступил бы Ли Сонге. Как истинный конфуцианец, полный идеями самоотверженного служения государю, он не мог согласиться с планом насильственной смены династии. Поэтому пятый сын Ли Сонге (ставший впоследствии третьим государем династии Ли — Тхэчжоном), Ли Банвон, приказал служившему у него *гостю*⁴⁶ Чо Ёнгу убить Чон Мончжу. Вслед за этим в 17-й день 7-го месяца 1392 г. Ли Сонге был провозглашен правителем новой династии и получил впоследствии храмовое имя Тхэчжо (1392–1398), имя, которое получали основатели новых династий императорского Китая и которое имел основатель династии Корё Ван Гон. Тем самым потомки Ли Сонге заявили о новом, более высоком положении Кореи в известном им мире с формальным центром в Китае.

В первый год своего правления Ли Сонге еще сохранял старое название страны — Корё. Однако уже в следующем, 1393 г. Корея получила новое название — Чосон⁴⁷, такое, какое имело самое древнее государство, существовавшее на Корейском полуострове и основанное легендарным Тангуном. Новое название государства приближало историю Кореи по длительности к истории Китая. В Пхеньяне был выстроен храм Тангуну, в котором стали совершаться церемонии кормления его духа. В 1394 г. столицу страны перенесли к югу в город Хангъян, который переименовали в Хансон («Крепость на реке Ханган»), или, в разговорной речи, — Сеул, что значит «столица».

Так началась история последней королевской династии Кореи, которая правила более 500 лет, в конце своего правления провозгласила Корею *империей*, но вместе с тем позволила ей потерять свою независимость и стать японской колонией.

⁴⁶ См. комментарий на С. 108.

Убийство Чон Мончжу произошло на мосту Сончжуккё, на котором, согласно преданию, «навечно» остались следы невинно пролитой крови верного государю сановника.

⁴⁷ Несмотря на освобождение от монгольской зависимости, традиционные вассальные отношения Кореи и Китая сохранились. Поэтому новое название страны Ли Сонге должен был утвердить при дворе китайского императора новой «династии» Мин — Тай-цзу. Тай-цзу предложил Ли Сонге на выбор два возможных названия страны — Чосон («Утренняя Свежесть») и Хванён («Мир и спокойствие»). Ли Сонге предпочел первое.

Глава 7. КОРЕЯ В XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ЧОСОН РАННЕГО ПЕРИОДА

XV–XVI вв. в южнокорейской историографии принято называть «ранним периодом Чосон». К «позднему периоду» государства Чосон относят XVII–XIX вв. Чем характерна история Кореи XV–XVI вв., что нового дало стране это время?

В ранний период государства Чосон произошло становление новой власти, новых центральных органов управления, новой столичной и провинциальной административной системы, новой идеологии — корейской версии неоконфуцианства. Одним словом, в ранний период Чосон сформировался тот облик Кореи, который оставался во многом неизменным вплоть до реформ 1894 г.

Корейское общество XV–XIX вв. в южнокорейской историографии также принято характеризовать как «общество *янбан* и чиновников» — *янбан гвалльё сахве*, в противоположность корёскому «обществу аристократии» — *квичжсок сахве*. Очевидно, под новой характеристикой корейского общества позднего средневековья и начала нового времени имеется в виду большая социальная мобильность правящего класса⁴⁸ Чосон по сравнению с Корё.

XV в. ознаменовался также значительными культурными достижениями Кореи, самым важным из которых следует считать введение корейского алфавита в 1443 г. во время правления короля Сечжона (1418–1450), которое по исторической значимости для Кореи можно в известной степени сравнить с эпохой Петра I для России.

Однако первые годы правления династии Ли, несмотря на сильную власть Ли Сонге, не были спокойными, и становление новой власти происходило на фоне не менее трагических и кровавых событий, чем и в конце XIV в.

§ 1. Борьба за власть в первые годы династии Ли

Причиной нестабильности новой власти было противостояние различных группировок внутри правящего класса. В этом противостоянии уже не участвовали выходцы из старой высокопоставленной

⁴⁸ Интересно отметить, что термин «правлящий класс» — *чибэ кечхын* — употребляется не только в северокорейской, но и в южнокорейской историографии.

корёской аристократии. О ее ослаблении Ли Сонге позаботился сразу по восшествии на престол. Были значительно сокращены полномочия корёского центрального совещательного органа при государе — *Топхён ыйсаса*. В 1393 г. Тхэчжо (Ли Сонге) учредил новую систему управления чиновничеством, разделив его на семь основных категорий. При этом были ужесточены требования государственных экзаменов *квэго* на получение чиновничьей должности. Таким образом повышалась роль служилого сословия и сокращалась степень влияния наследственной аристократии. Членов прежней королевской семьи Корё Ли Сонге отправил в ссылку на острова Канхвадо и Кочжедо.

Для укрепления королевской власти на местах Тхэчжо учредил институт губернаторов провинций — *кванчхальса*, назначавшихся по распоряжению из столицы, а также повысил должностной ранг правителей округов и уездов. Те же цели преследовало наделение наградами землями и *ноби* тех «заслуженных сановников» *кэгук консин*, которые помогали Ли Сонге прийти к власти, т. е. гражданских и военных представителей сословия *садэбу*.

Однако основу новой власти Ли Сонге стал строить, опираясь на тех людей, которые занимали высокие посты при прежней династии, — на «партию реформаторов» во главе с Чон Дочжоном, Чо Чжуном, Нам Ыном и др. Они и при династии Ли стали занимать руководящие должности, что вызвало недовольство «новых заслуженных сановников», которые выдвинулись на волне смены династий. Они объединились вокруг пятого сына Ли Сонге — Ли Банвона (1367–1422).

В 1398 г. при дворе встал вопрос об определении наследника престола. Чон Дочжон предложил передать трон восьмому сыну Ли Сонге — Ли Бансоку. Тогда Ли Банвон, понимая, что передача власти младшему брату приведет к ослаблению его собственного влияния и позиций его группировки, обвинил Чон Дочжона и его сторонников в том, что те якобы хотели убить всех остальных сыновей Ли Сонге. Под этим предлогом он жестоко расправился как с самой «партией реформаторов», так и с младшим братом Ли Бансоком.

Однако же, опасаясь слишком сильного недовольства своими действиями со стороны ряда высокопоставленных сановников, Ли Банвон не стал выдвигать себя самого в качестве нового наследника престола, а предложил старшего брата — Ли Банква (второй сын Ли Сонге), который в том же году взошел на престол, получив впоследствии храмовое имя Чончжон (1398–1400).

Тогда старший брат Ли Банвона — Ли Банхан (четвертый сын Ли Сонге) решил последовать примеру активной и весьма успешной борьбы за власть. В 1400 г. при поддержке Пак Пхо — одного из «заслуженных сановников», не удостоившихся должных наград после первого столкновения на почве наследования престола, он попытался захватить власть в свои руки. Однако мятеж был подавлен, Пак Пхо казнен, а сам Ли Банвон как герой борьбы с придворными мятежами решил провозгласить себя новым наследником престола, став в возрасте 33 лет третьим государем династии Ли с храмовым именем Тхэчжон (1400–1418).

Именно в правление Тхэчжона окончательно укрепились королевская власть и сформировалась такая система управления, которая просуществовала в период Чосон без значительных изменений вплоть до 1894 г.

§ 2. Государственно-административное устройство Кореи периода Чосон

В период Чосон впервые за всю историю Кореи управление государством и его хозяйственной жизнью стало строиться на основании *свода законов*, имевшего особое название и действовавшего на протяжении длительного исторического периода. Поначалу он назывался «Уложение по управлению государством Чосон» — «*Чосон кёнгукчон*». Его текст был подготовлен к 1394 г. лидером «партии реформаторов» Чон Дочжоном. В дальнейшем, в связи с борьбой за власть между различными придворными группировками, в результате которой погиб сам Чон Дочжон, но главное — в связи с длительным процессом формирования и укрепления нового государства, свод законов подвергался многочисленным доработкам и был в основном завершен к 1460 г. Окончательный текст свода был опубликован в 1485 г. под названием «Великое уложение по управлению государством» — «*Кёнгук тэчжон*».

В первые годы династии во главе центрального **административного аппарата** стоял Верховный государственный совет — *Ыйчжонбу*, учрежденный в 1400 г. вместо корёского придворного совещательного органа — *Тонхён ыйсаса*. В правление короля Тхэчжона, обладавшего сильной личной властью, в 1414 г. роль *Ыйчжонбу* значительно уменьшилась и полномочия Верховного государственного совета свелись к предложению необязательных для выполнения советов. В дальнейшем роль *Ыйчжонбу* менялась в зависимости от

того, насколько сильной была власть государей или высших сановников. В первом случае роль *Ыйчжонбу* была невелика, во втором — совет становился центром административной системы государства.

В подчинении у Верховного государственного совета (если он играл значимую роль в управлении страной) или же в прямом подчинении у короля (если роль Верховного государственного совета была невелика), находились так называемые «Шесть палат [т. е. министерств]» — *Юкчо*: Палата чинов, Палата населения (дословно — «учетных дворов»), Палата ритуалов, Палата войск, Палата наказаний, Палата общественных работ.

Палата чинов — *Ичжсо* — ведала всеми кадровыми делами гражданских чиновников. Палата населения — *Хочжсо* — занималась учетом населения, сбором налогов. Очень важную роль в жизни общества играла Палата ритуалов — *Ечжсо*, совмещавшая в себе, говоря современным языком, функции идеологического органа и в то же время занимавшаяся такими важнейшими практическими делами, как проведение государственных экзаменов на получение чиновничьей должности или же регулирование отношений с внешним миром и прежде всего с Китаем, по отношению к которому Корея должна была исполнять ритуал «вассального государства». Иными словами, Палата ритуалов в определенной мере несла на себе и функции министерства иностранных дел.

Следует специально отметить особую роль ритуалов и церемоний в жизни средневековой (да и современной) Кореи. Существовал особый термин *ечхи*, что значит «правление с помощью ритуала», указывавший на то, что ритуал являлся одним из *способов* управления обществом. Ритуалы регулировали поведение не только в обществе, но и в семье. В эпоху Чосон особой популярностью пользовалась книга «Семейные ритуалы [в описании] Чжу Си» — «*Чучжса каре*». Ритуал регулировал весь жизненный цикл человека. Существовало и до сих пор не потеряло своей актуальности понятие «четырёх [основных] ритуалов»: ритуал совершеннолетия — *квалле*, ритуал свадьбы — *холле*, ритуал похорон — *санне* и ритуал кормления [духов предков] — *чере*. Таким образом, Палата ритуалов занималась практическим обеспечением мира и порядка в обществе.

Палата войск — *Пёнчжсо* — ведала охраной государя и его семьи, подавлением смут и мятежей, охраной внешних границ и другими вопросами, связанными с армией. Палата наказаний — *Хёнчжсо* — занималась установлением правопорядка насильственными методами, разработкой законов, связанных с наказаниями. В сферу деятель-

ности Палаты общественных работ — *Кончжю* — входило не только обеспечение выполнения работ общегосударственного масштаба, как, например, строительство ирригационной системы, крепостей и т. п., но и управление ремесленным производством, сухопутными дорогами и водным транспортом, т. е., говоря современным языком, она выполняла функции министерства строительства, промышленности и транспорта.

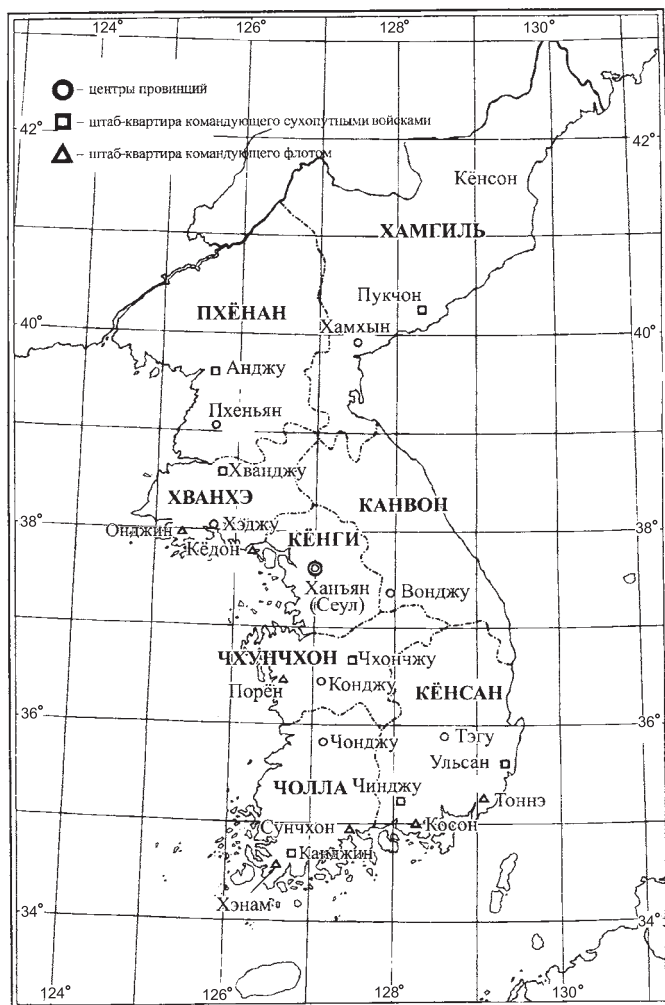
Все Шесть палат, сохраняя как свои названия, так и основные функции, просуществовали в Корее практически без изменений до 1894 г. Кроме Шести палат в новой столице Кореи Сеуле находилось еще свыше 80 центральных ведомств. Работавшие в них чиновники относились к категории столичных чиновников *кёнгван*. Однако большинство служилого сословия Кореи составляли провинциальные чиновники *вегван*.

В первые годы правления династии, в 1413 г., Корея была заново разделена на восемь провинций, частично унаследовав административное деление Корё. Это были провинции Чолла (в XVII в. временно переименовывалась в провинцию Кваннам), Кёнсан, Чхунчхон (в конце XVIII и начале XIX в. временно имела названия Хынчхун и Кончхун), столичная провинция Кёнги (границы провинции переместились к югу, так что центром стал город Сеул), Канвон (временные названия в XVII и XVIII вв. — Вонъян и Канъян), Хванхэ (временные названия начала XV и начала XVII вв. — Пхунхэ и Хвангён соответственно), Пхёнан, Хамгён (имела до XVI в. название Хамгиль). Такое административное деление страны сохранялось на протяжении всего периода Чосон. Лишь в 1896 г. пять провинций — Чолла, Кёнсан, Чхунчхон, Пхёнан и Хамгён — были разделены на северные и южные части каждая. Южная Корея до недавнего времени придерживалась административного деления страны, установленного в начале династии Ли и исправленного в конце XIX столетия.

Все провинции Кореи делились на округа, области и уезды. Провинции возглавлялись губернаторами — *кванчхальса*; округа, области и уезды — правителями соответствующих рангов, названия которых нет необходимости подробно перечислять. Интересно отметить, что при династии Ли управление народом на местах выражалось понятием «пасти народ», принятым в конфуцианском Китае, а все провинциальные чиновники нередко именовались универсальным термином *монмингван* («чиновник, пасущий народ»).

Ли Сонге в первые годы после провозглашения династии реформировал армию, соединив вместе Восемь столичных корпусов

Карта № 6. Восемь провинций раннего Чосона

(*Пхальви*) армии Корё с подчиненными лично ему двумя корпусами войск *Ыйхын чхингун* и создав Управление Трех армий — *Ыйхын (Ыйхын самгунбу)*. В 1400 г. все упраздненные личные военные формирования «заслуженных сановников» были введены в состав Трех армий. Однако Три армии еще не подчинялись Палате войск (*Пён-чжо*). Лишь с 1457 г. Палата войск, возглавлявшаяся гражданскими сановниками, стала во главе военной системы Чосона. Тогда же столичные Три армии были реформированы в Пять корпусов (*Ови*), которые насчитывали около 50 тыс. человек.

Руководство Палатой войск со стороны гражданских сановников показывает, что в период Чосон, так же как и ранее, военное сословие продолжало занимать более низкое положение, чем гражданское. Управление центральным военным ведомством, осуществляемое гражданскими чиновниками, плохо разбиравшимися в военном деле, неоднократно отрицательно сказывалось на боеспособности корейской армии, в особенности в 1592–1598 гг. во время войны с Японией.

В провинции все войска были разделены на сухопутные (около 100 тыс. человек) и «водные» (речные и морские; около 50 тыс. человек). На уровне провинций войска подчинялись командующим — *пёньма чольтоса*. Функции командующих исполняли сами губернаторы провинций — *кванчхальса*, и, кроме того, в наиболее важные в оборонном плане провинции дополнительно было назначено еще семь человек *пёньма чольтоса*.

Низшей структурной единицей провинциальных войск была крепость *чин*, которая подчинялась «большим крепостям» (*кочжсин*), а те, в свою очередь, — «главным крепостям» (*чучжсин*). Впоследствии, с середины XVI в., провинциальные войска стали подчиняться непосредственно начальникам округов, уездов и волостей, связанным напрямую с центром.

В корейской армии периода Чосон служили в основном крестьяне, отрабатывая воинскую повинность, хотя в столичных элитных войсках находились и представители правящего класса. Призывным считался возраст с 16 до 60 лет. Обычно крестьяне служили в войсках не более нескольких месяцев в году, а в остальное время имели возможность заниматься сельским хозяйством. Поскольку в период Чосон войны велись нечасто, то крестьяне нередко убегали из армии, и впоследствии воинская повинность была заменена воинским налогом.

§ 3. Социально-экономические изменения в раннем Чосоне

Экономическая ситуация, сложившаяся в Корее XV–XVI вв., соответствовала *классическому* феодальному⁴⁹ государству дальневосточного типа⁵⁰. Рубеж XIV–XV вв. ознаменовался очередным переучетом и перераспределением земель, введением система наделения земель за службу для столичного чиновничества — *квачжсон*, которая по своей сути во многом напоминала земельную систему начала эпохи Корё — *чонсиква*.

Однако не прошло 60–70 лет с начала функционирования системы *квачжсон*, как в стране наступил очередной кризис землепользования. Поля, бывшие в начале периода Чосон казенной (государственной) собственностью, снова стали частными, и уже не оставалось земель для выдачи за службу новым чиновникам. К тому же имелись легальные способы, облегчавшие переход земель в «вечное владение» одной семьи. В первой половине XV столетия в рамках системы *квачжсон* существовали специальные категории полей для жен умерших чиновников — *сусинчжсон* или поля для осиротевших детей семьи чиновника — *хюрянчжсон*. Поэтому для урегулирования сложившейся ситуации в 1466 г. в правление государя Сечжо (1455–1468) была введена новая система раздачи полей, которую называли *чикччон*, что значит «поля за службу». Поначалу суть *чикччон* была в принципе такой же, что и системы землепользования по закону *квачжсон*. Единственное нововведение состояло в том, что если в середине XV в., согласно *квачжсон*, служебные земли выдавались пожизненно, т. е. теоретически возвращались в казну лишь после смерти чиновника, то, согласно *чикччон*, земли выдавались только на время службы. К тому же введение «новой» системы землепользования послужило удобным поводом для проведения переучета всех земель, возвращения части незаконно присвоенных земельных владений. Это также было одной из целей введения закона о *чикччон*.

Тем не менее попытка возрождения изначальной «идеальной» системы землепользования окончилась безрезультатно. Владельцы по-

⁴⁹ Термин «феодализм» применительно к Корее средних веков достаточно активно используется как в северокорейской, так и южнокорейской историографии.

⁵⁰ Имеется в виду сохранение главенствующей роли государства в экономике страны одновременно с распространением и последующим доминированием частной собственности на землю (подробнее о социально-экономическом развитии Кореи XV–XVI вв. см.: *Ванин Ю. В.* Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981, а также соответствующий раздел коллективного труда «История Кореи» (Т. 1. М., 1974), принадлежащий перу того же автора).

лей *чикчон* взымали с крестьян большее количество налогов, чем им полагалось по закону. Тогда в 1470 г. государь Сончжон (1469–1494) решил усовершенствовать систему *чикчон*, повелев налог с должностных полей сначала полностью сдавать государству, а уже затем из государственной казны выдавать чиновникам жалованье зерном и другими натуральными продуктами. Однако и эта система не прижилась. Сбором налогов с полей *чикчон* ведали все те же находящиеся на государственной службе мелкие и средние чиновники, поэтому имели место многочисленные злоупотребления. Кроме того, необходимость предварительной сдачи государству налога со служебного поля отнюдь не лишала чиновника временного права владения этим полем. Поэтому в дальнейшем внесение налога со служебных полей в казну стало нерегулярным, и собственники *чикчон* постепенно вернулись к прямому налогообложению крестьян. В итоге система *чикчон* со временем перестала функционировать, и в 1556 г. государь Мёнчжон (1545–1567) издал указ о ее ликвидации.

Таким образом, за первые полтора столетия правления династии Ли большинство земель страны перешло в частные руки. Еще в 1424 г. был введен закон, разрешавший куплю-продажу земли, который стал одним из важнейших стимулов законного и незаконного присвоения земли. В результате тенденция доминирования частного землевладения в землепользовании страны, начавшая проявляться с XI–XII вв., в XVI в. получила окончательное законодательное закрепление. Все служилое сословие Кореи разделилось на две большие группы: 1) влиятельные сановники и выходцы из семей богатых землевладельцев, не нуждавшиеся в полях за службу, и 2) мелкое чиновничество, официально практически не получавшее полей, но имевшее доходы отчасти из небольшого жалованья, отчасти благодаря незаконным поборам с крестьян на местах.

В первые годы после установления власти династии Ли государство пыталось упорядочить крестьянское землевладение, частично восстановив права на землю тех, кто незаконно лишился их в конце периода Корё. Тогда же государство поощряло распашку целины и залежных земель, предоставляя их в собственность крестьянам. Даже *ноби* и другим представителям «подлого» сословия не запрещалось иметь землю в частной собственности. Однако в связи с процессом расширения крупных частных земельных владений в XV–XVI вв. крестьяне постепенно лишались своих полей, становясь арендаторами. Ухудшение экономического положения крестьянства в конце XV — начале XVI в. приводило к росту крестьянских вол-

нений, известнейшим из которых стало крестьянское восстание под предводительством Лим Ккокчона (1559–1562) в провинции Хванхэ.

К середине XVI в. были также упразднены отдельные категории полей, обслуживавших государственные нужды, такие, например, как поля военных поселений (*куктунчжон*), большинство полей для буддийских монастырей (*савончжон*). Однако поля, доходы с которых поступали на нужды присутственных мест, почтовых станций и т. п., под разными названиями существовали на протяжении всего периода Чосон.

С начала правления новой династии в Корее получили дальнейшее развитие ремесло и торговля. Поначалу ремесленники, обслуживавшие государственные нужды, были приписаны к столичным или провинциальным учреждениям, начиная с Палаты общественных работ — *Кончжю*, и занимались изготовлением бумаги, оружия, посуды, обработкой железа. Всего в начале династии Ли по всей стране насчитывалось около 6500 человек ремесленников. Однако в провинции лично свободные ремесленники имели возможность производить продукцию для продажи.

Между тем в первой половине XV в. рынок в Корее еще не был достаточно развит. Первые государи династии Ли, например Сечжон (1418–1450), издавали специальные указы о запрещении образования стихийных рынков, считая, что «второстепенное» занятие торговлей будет отвлекать людей от достойного занятия земледелием (традиционно конфуцианский взгляд на земледелие и торговлю). Поэтому и попытка введения металлических денег *чосон тхонбо* («находящееся в обращении богатство [государства] Чосон») в 1423 г. оказалась безуспешной, как и предшествующая попытка 1401 г. ввести в обращение бумажные деньги. Лишь в конце XV — начале XVI столетия, несмотря на многочисленные запреты, в Корее начали развиваться местные рынки, сначала в провинции Чолла, а затем в соседних южных провинциях. Поэтому в 1546 г. был издан королевский указ, разрешавший свободную торговлю на рынках. Возможно, развитие троговли в южных провинциях Кореи стимулировалось близостью с Японией, с которой государство Чосон поддерживало активные внешнеторговые связи. В середине XVI в. в крупнейшем морском порту Пусане уже существовали особые японские торговые поселения.

Социальное расслоение начала эпохи Чосон во многом походило на ситуацию, сложившуюся в конце периода Корё. Господствующий класс представляло служилое сословие *янбан*. Ниже по поло-

жению находились мелкие провинциальные чиновники, крестьяне, торговцы, относившиеся к категории *янин* — «доброго люда», которым формально было предоставлено право учиться и сдавать государственные экзамены на получение чиновничьей должности. Дети *янбан* от наложниц относились к категории *со* (если их мать была представителем «доброго люда») или *оль* (если мать была «подлого» происхождения). Они не причислялись к категории «подлого люда», но большинству из них не разрешалось сдавать государственные экзамены. Впоследствии эту категорию населения, а также представителей низшего «технического» персонала присутственных мест стали определять термином *чунин*, что значит «человек среднего [общественного положения]». Сословие «подлого люда» *чхонмин* представляло самые различные категории населения: лично-зависимые *ноби* (как государственные, так и частные), *пэжон* — представители «низких» профессий, например мясники и т. п. В ранний период Чосон в Корее иногда бывали случаи, когда человек и его семья понижали свой социальный статус. Обратное было практически невозможно.

§ 4. Внешние связи Кореи в XV–XVI веках

Отношения новой династии Ли с Китаем долгое время были довольно напряженными. В Китае под разными предлогами новая династия не признавалась безоговорочно, в том числе утверждалось, что Ли Сонге, основатель династии, был якобы родственником или даже сыном Ли Инима (?–1388), который в 1374 г. фактически захватил в стране власть и выступал против новой китайской «династии» Мин, поддерживая монгольскую «династию» Юань. На самом деле, конечно же, Ли Иним был врагом для Ли Сонге и происходил совершенно из другой фамилии — Ли из Сончжу, в то время как Ли Сонге принадлежал к фамилии Ли из Чончжу⁵¹. Однако лишь к 1584 г. удалось окончательно урегулировать вопрос о «чистоте» происхождения и легитимности установления династии Ли.

Несмотря на отдельные спорные вопросы о законности основания новой династии, Китай все же поддерживал отношения с новой

⁵¹ В Корее не так много фамилий. Согласно «Большому корейско-русскому словарю» (в 2 т. М., 1976), их всего 208. Из них приблизительно около $\frac{1}{3}$ являются наиболее распространенными. Однако количество родов — *понгван* (в отечественной литературе их иногда называют «кланами», что не совсем точно) гораздо больше, поскольку некоторые роды со сходной фамилией имеют разные места происхождения «первопредка».

властью в Корее. Уже в 1401 г. из Китая в Корею была прислана золотая королевская печать для корейских государей. Этот акт означал фактическое признание нового корейского государства. Корея как государство, находившееся в вассальной зависимости от Китая, была вынуждена по 6–7 раз в год снаряжать регулярные и экстренные (по случаю различных важных событий в Китае) посольства с подарками китайскому императору. Подарки эти были отнюдь не символическими и представляли собой значительные поставки золота и серебра, женьшеня, лошадей и крупного рогатого скота, мехов и шкур, тканей. Иногда члены посольства брали с собой в Китай товары на продажу и занимались торговлей. Однако в ранний период Чосон торговля с Китаем не была сколько-нибудь значимой для Кореи.

Помимо регулярной отправки посольств с подарками минский Китай (Китай династии Мин) также требовал, чтобы Корея поставляла евнухов и девушек для императорского двора. Причем во время отбора девушек по всей Корее начинал действовать запрет на заключение браков, для того чтобы можно было выбрать самых лучших. Только королю Сечжону в 1436 г. удалось добиться отмены принудительной отправки корейских девушек в Китай.

Отношения Кореи и Японии также были весьма неоднозначными. С одной стороны, южные провинции Кореи несли немалый ущерб от постоянных нападений японских пиратов. Поэтому в первые годы после установления династии Ли королевский двор занялся укреплением корейских морских сил, строя новые корабли, количество которых превысило 600, и увеличивая численность личного состава флота. С другой стороны, японцам было позволено вести торговлю в южных провинциях и даже временно проживать в корейских портах. Таким образом корейское правительство надеялось сдерживать пиратские рейды японцев.

Однако Япония была разделена на множество относительно самостоятельных княжеств, каждое из которых могло принимать собственное решение о совершении военного похода к корейским берегам. Поэтому только с 1393 по 1407 г. берега Кореи 61 раз подвергались нападениям японских пиратов. Чашу терпения переполнил 1419 год, когда японские пираты на 50 военных кораблях, направлявшихся к берегам китайской провинции Чжэцзян, в 5-й день 5-го месяца, проходя мимо берегов Кореи, высадились в провинции Чхунчхон в уезде Пиин. Получив отпор со стороны корейских сухопутных войск, японцы попытались продолжить свой грабительский рейд севернее,

высадившись 11-го числа в местечке Ёнпхён провинции Хванхэ. Тогда в 14-й день 5-го месяца король принял решение ответить военным походом на японский остров Цусима, находившийся на полпути между Японией и Кореей. Губернатор острова, по мнению корейцев, был в ответе за то, что не предотвращал пиратских рейдов к корейским берегам. Флот в составе 227 кораблей под командованием Ли Чжонму (1360–1425) был сформирован уже к 6-му месяцу и подошел к берегам Цусимы к 20-му числу того же месяца 1419 г. Корейцы потопили 124 вражеских судна, нанесли значительный урон прибрежным поселениям и добились от губернатора Цусимы выражения покорности Корее и обещания впредь делать все, чтобы не допускать пиратских набегов к ее берегам.

Губернатор Цусимы обратился с просьбой разрешить японцам вести торговлю в трех южных корейских портах — Пусанпхо, Чепхо, Ёмпхо (иногда их еще называют Три порта — *Сампхо*) и получил положительный ответ. Особый торговый договор 1443 г. закрепил японские права на торговлю. Таким образом, за исключением 1510 г., когда японские поселенцы Трех портов подняли мятеж и затем порты были закрыты, на протяжении XV–XVI вв. японцы постоянно проживали в южной части Кореи. Считается, что Корею ежегодно посещало до 6–8 тыс. японцев, а средний срок их проживания составлял около 8 месяцев в году. Постоянное присутствие японцев в Корее, хорошее знание морских путей, соединявших две страны, освоение портов и прилегающей к ним территории в немалой степени способствовали тому, что первый этап корейско-японской войны 1592–1598 гг. оказался весьма успешным для японцев.

Кроме торговли и отражения нападений японских пиратов, еще одним важным аспектом отношений двух стран был обмен регулярными посольствами, в котором Корея выступала в качестве «страны-сюзерена», получая большую часть «подарков» с острова Цусима, «умиротворенного» ею.

Помимо Китая и Японии, соседями Кореи были **чжурчжэньские племена**, проживавшие у северо-восточных границ страны. После падения чжурчжэньского государства Цзинь в 1234 г. чжурчжэни вошли в состав территорий, управлявшихся монгольской династией Юань. Новая китайская династия Мин, сменившая Юань, не смогла подчинить большую часть чжурчжэней, живших отдельными племенами и «княжествами» в районе Северо-Восточного Китая. Чжурчжэни, проживавшие в районе реки Туманган, куда многие из них были вытеснены после присоединения к Корее монгольского на-

местничества Ссансон в 1356 г., и далее — после расширения границ страны — на северо-восток, причиняли Корее наибольшее беспокойство, совершая многочисленные набеги. Корейско-чжурчжэньские отношения осложнялись еще и тем, что Корея как страна древней конфуцианской культуры, считая чжурчжэней «варварами», требовала, чтобы те признали главенство Кореи и поставляли в страну ежегодную дань. Поэтому для обеспечения безопасности северных и северо-восточных границ Корею требовалось провести ряд особых мероприятий.

Еще в 1398 г. Ли Сонге приказал построить крепости Кончжу и Капчу для укрепления северных границ (верховья реки Амноккан). В правление короля Тхэчжона (1400–1418) для защиты границы в среднем течении Амноккана начали создавать особые укрепленные округа, учредив в 1416 г. округ Ёён. Позже неподалеку от Ёёна образовали еще три укрепленных округа, переселив туда многие тысячи человек: Часон (1433 г.), Мучхан (1440 г.), Уе (1443 г.). Однако из-за удаленности от центра и трудностей, связанных с поддержанием жизнеспособности, а главное — из-за того, что более всего чжурчжэни беспокоили Корею с северо-востока, а не с севера, к 1459 г. все эти округа были ликвидированы.

Для защиты северо-восточных границ вдоль среднего и нижнего течения реки Туманган начали строить крепости *чин*. Сначала в 1432 г. у южного берега Тумангана построили крепость Нёнбук (в русскоязычной литературе ее называют Нёнбукчин). В 1434 г. были созданы особые оборонительные округа с центрами в крепостях Чонсон (вместо Нёнбук), Онсон, Кёнвон, Кёнхын, Пурён, Хверён, получившие общее название «шесть крепостей» — *юкчин*. Крепости обеспечивали надежную защиту от нападений чжурчжэней и служили базой для организации превентивных военных походов, самые значительные из которых предпринимались в 1437, 1460, 1467, 1479, 1491 гг.

Однако для защиты северных и северо-восточных границ государства короли династии Ли не ограничивались использованием силовых методов. Еще в 1406 г. близ поселений Кёнвон и Кёнсон были устроены специальные рынки, где чжурчжэни могли вести торговлю с корейцами. Кроме того, с 1435 г. Корея стала проводить активную политику поощрения иммиграции чжурчжэней в пограничные районы. Переселявшимся выдавалась земля, оказывалась помощь при строительстве домов. Однако бывали и случаи бегства насильно переселенных чжурчжэней.

Стабилизация международного положения Кореи была частью общего процесса укрепления и развития нового государства Чосон, который не мог не сказаться положительно на состоянии корейской культуры.

§ 5. Культурные достижения Кореи XV–XVI веков

Для Кореи XV столетие стало важнейшим в культурной истории страны, поскольку именно в это время в употребление был введен уникальный корейский алфавит, состоявший из 28 букв (17 согласных и 11 гласных). Буквы, передававшие отдельные звуки, записывались компактно, небольшими группами — от двух до четырех, составляя один слог. Конечно же, официальным языком документов на протяжении последующих столетий продолжал оставаться письменный китайский язык — *ханмун*. Однако корейская азбука помогала быстрее освоить китайскую грамоту, указывая на чтение иероглифов. К тому же корейский алфавит получал все большее распространение. С конца XV — начала XVI столетия в Корее началась работа по переводу на корейский язык и изданию китайских классических конфуцианских сочинений. Сначала эта работа велась по частной инициативе Чхве Сечжина (1473–1542). Затем, в конце XVI столетия, было образовано специальное ведомство *Кёчжончхон* («Палата сопоставлений и исправлений»), задачей которого как раз являлся перевод китайских классических сочинений на корейский язык. Позднее, в XVII–XVIII вв. на корейском языке стали записывать и издавать литературные произведения.

Что касается проблемы изобретения корейского алфавита, то до последнего времени в южнокорейской, северо-корейской, российской и западной историографии считалось, что группа ученых по указу государя Сечжона (1418–1450) и во главе с ним разработала и опубликовала корейский алфавит в 1443 г. в трактате «*Хунмин чоным*» («Наставление народу о правильном произношении»)⁵². Однако с середины 1990-х годов в Северной Корее стали утверждать, что у алфавита *хунмин чоным* были свои предшественники, начиная со времени Древнего Чосона, когда был изобретен алфавит *синчжси*. Затем алфавит *синчжси* постоянно развивался. Им пользовались в

⁵² Трактат переведен на русский язык и исследован заслуженным отечественным лингвистом-корееведом Л. Р. Концевичем (см.: Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении») // Памятники письменности Востока. LVIII. М., 1979).

эпоху Корё. Именно на основе «старого» корёского алфавита король Сечжон будто бы и создал алфавит *хунмин чонгым*⁵³.

В любом случае, правы северокорейские ученые или нет, поворотным в истории создания и употребления корейского алфавита стал XV в. — время интенсивного развития корейской науки и культуры. С приходом к власти новой династии начался процесс перераспределения земли и других источников доходов, исходя из способностей каждого представителя служилого сословия. Активная деятельность на благо государства позволяла достичь тогда высокого положения. Это было хорошим стимулом для проявления личной инициативы, изобретательства служащими государственными ведомств.

В начале XV столетия был изобретен дождемер, который с 1442 г. стал обязательным для использования в столичном метеорологическом ведомстве — *Согван* (в дальнейшем название изменено на *Квансангам*) и во всех провинциальных уездных управах. Результаты измерения учитывались при проведении полевых работ. Это было не случайно, так как еще в 1428 г. государь Сечжон повелел ежедневно фиксировать данные о метеорологических наблюдениях и составлять ежегодные отчеты. Все это было частью единой астрометеорологической «науки о небесных письменах» *чхонмунхак*, продемонстрировавшей в XV сто-

Современный портрет
государя Сечжона
(годы правления: 1418–1450)

⁵³ См., напр.: *Рю Рер*. Наша нация — мудрая нация, обладающая собственной национальной письменностью с периода Древней Кореи // Тангун — родоначальник Кореи. Пхеньян, 1994. — Несмотря на «фантастичность» подобных гипотез, к ним следует относиться достаточно серьезно. Действительно, алфавит, представленный в 1443 г., отличался совершенством и, будучи непохожим на известные алфавиты соседних с Кореей народов, по крайней мере в теории, должен иметь достаточно длительную историю создания.

летия ряд достижений, в том числе создание новых, более совершенных приборов для наблюдений за небесными явлениями, составление в 1442 г. более точного календаря «*Чхильчжонсан нэпхён*».

Первое столетие правления династии Ли также ознаменовалось расцветом историописания, литературы, книгопечатания. Внимание к **историописанию** было вполне закономерным. К власти пришла новая династия, поэтому требовалось составить и издать историю предшествующей династии эпохи Корё на основе написанных ранее текстов «черновых» королевских хроник *силлок* (дословно — «реальные записи»). Нужно было доказать легитимность прихода к власти новой династии. Поэтому уже в 1395 г. представитель «партии реформаторов» Чон Дочжон завершил написание «Истории государства Корё» («*Корё кукса*») в 37 томах. Однако это был лишь первый этап работы над историческим сочинением, продолжавшийся более полувека. Лишь в 1451 г. был завершён 137-томный коллективный труд работников придворного исторического ведомства *Чхунчхугван*, который стал называться «История Корё» («*Корёса*»). И ныне он является основным источником сведений об истории Корё.

Кроме «*Корёса*» было издано немало других официальных исторических сочинений как по истории одной династии периода Корё, так и по истории Кореи в целом, с древности до конца XIV в. Это и «Краткая история Корё» («*Корёса чорё*», 1451 г.), и «Всеобщая поучительная история Кореи» («*Тонгук*⁵⁴ *тхонгам*», 1485 г.), и «Краткая история Кореи» («*Тонгук саряк*», 1403 г.), и многие другие. С 1408 г. началось составление и издание «черновых» королевских хроник *силлок* правящей династии Ли.

Становление новой административной системы, а также расширение границ государства на северо-восток (возвращение принадлежавших ранее Корее территорий) вызвали необходимость сбора более точных **географических сведений**. В 1432 г. было издано комплексное географическое сочинение о Корее — «Географические записи о восьми провинциях» («*Пхальтто чириченси*»), а в 1481 г. —

⁵⁴ *Тонгук* — одно из самоназваний Кореи династии Ли. В отечественной корееведческой литературе его принято переводить дословно как «Восточное государство». Автор настоящей книги, исходя из того, что, например, название современного северокорейского государства переводят как «Корейская Народно-Демократическая Республика», а не «Народно-Демократическая Республика Утренней Свежести», а южнокорейского государства — как «Республика Корея», а не «Республика Великая Хан» (как следовало бы делать, придерживаясь *принципа дословного перевода*), считает, что корейское самоназвание *Тонгук* также следует переводить как «Корея».

«Описание земель и достопримечательностей Кореи» («*Тонгук ёчжи сыннам*»), которое не было простым описанием рельефа и других географических особенностей, но рассказывало об истории, военной системе, нравах и обычаях различных местностей Кореи. В XV–XVI столетиях издавались новые карты Кореи: «Карта Кореи» («*Тонгук чидо*», 1463 г.), «Карта территорий Кореи» («*Чосон панёкчи до*», 1557 г.).

Первое столетие после установления династии Ли ознаменовалось значительными достижениями Кореи в **области литературы**. Именно XV в. дал Корею имена, составившие впоследствии классику средневековой корейской литературы. Среди них — Ким Сисып (1435–1493), написавший «Сборник рассказов с горы Кымо» («*Кымо синхва*»), а также множество стихотворений. Со Гочжон (1420–1488) и Сон Хён (1439–1504) прославились новеллами в жанре *пхэсол*⁵⁵ (маленькие рассказы). Со Гочжон как выдающийся деятель культуры и науки своего времени принимал участие в составлении таких известных сочинений своей эпохи, как историческое сочинение «*Тонгук тхонгам*» или географическое описание Кореи «*Тонгук ёчжи сыннам*». Он же был одной из центральных фигур в издании первой в Корею (дошедшей до наших дней) антологии корейской поэзии со времен Трёх государств до начала эпохи Чосон. Антология называлась «Собрание литературы Кореи» («*Тонмунсон*»). В ней были представлены 4302 произведения более чем пятисот авторов. Издание такой антологии имело для Кореи важнейшее значение, поскольку демонстрировало сопоставимость по времени и содержанию корейской и китайской поэтической традиции.

Можно сказать, что не было такой сферы культуры Кореи раннего периода Чосон, которая не оставила бы заметного следа, не оказала бы значительного воздействия на дальнейшее ее развитие. Достижения в **сфере медицины** отразились в публикациях таких сочинений, как «Собрание рецептов местных лекарств» («*Хянь-як чипсонбан*», 1433 г.) или «Сокровищница корейской медицины» («*Тоный погам*», в 1597 г. труд был завершен, в 1613 г. — опубликован⁵⁶). Автором последнего был известный корейский медик

⁵⁵ Исследованием традиционной корейской литературы в жанре *пхэсол*, а также ее переводами на русский язык занимался петербургский кореевед-филолог Д. Д. Елисеев (см., напр., сборник корейской прозы «История цветов» (Л., 1991)).

⁵⁶ Иногда встречается утверждение о том, что «*Тоный погам*» был завершен в 1610 г.

Хо Чжун (1546–1615). Его труд «*Тонный погам*» является, наверное, одним из самых популярных старинных сочинений в современной Корее.

Музыкальное искусство также получило развитие. В 1493 г. был опубликован трактат «Основы науки о музыке» («*Акхак кве-бом*»), одним из авторов которого был Сон Хён, прославившийся новеллами в жанре *пхэсол*. В трактате были описаны важнейшие музыкальные жанры, мелодии музыкальных произведений, инструменты и способы игры на них, а также многое другое из мира музыки, вплоть до костюмов исполнителей. Таким образом, музыкальное искусство в ранний период Чосон получило теоретическую основу. Одной из причин повышенного внимания к музыке было усиление роли конфуцианства, с точки зрения которого музыка являлась одним из способов умиротворения народа.

Расцвет историописания, литературы, искусств и науки стимулировал **развитие книгопечатания**. Еще в 1403 г. в столице была основана новая большая типография, для которой изготавливались наборные шрифты. С 1436 г. для литья подвижных шрифтов в Корее стали использовать главным образом свинец. Традиционный способ книгопечатания с деревянных досок также оставался достаточно распространенным.

Заметный вклад в сокровищницу корейской культуры внесли **ремесло, живопись, архитектура** раннего Чосона. В это время проходит мода на зелено-голубую керамику корёского типа и большое распространение получает белая керамика с более свободной от стилизации росписью — *пунчхон*.

Как и в период Корё, при дворе королей династии Ли существовало особое ведомство, занимавшееся организацией творчества и жизни художников, — Академия живописи («*Тохвасо*). Основными живописными жанрами были пейзаж, а также изображения птиц и животных. До наших дней дошли произведения корейских художников XV–XVI вв., такие, как, например, «Мудрец, созерцающий воду» Кан Хвиана (1419–1464), «Путешествие во сне в страну цветущих персиков» Ан Гёна (?). Буддийская живопись в связи с гонениями на буддизм и постепенным становлением конфуцианства в качестве господствующей идеологии не получила заметного развития, так же как и буддийская архитектура. Из построек раннего Чосона наиболее значимыми и величественными являются дворцовые комплексы, например Чхандоккун в Сеуле (конец XIV — начало XV в.). «Визитной карточкой» двух современных корейских столиц стали город-

ские Южные ворота (*Намдэмуи*, 1448 г.) в Сеуле и городские Ворота [у реки] Потхон (*Потхонмуи*, 1473 г.) в Пхеньяне.

В ранний период Чосон конфуцианство окончательно заняло доминирующие позиции в корейском обществе, вытеснив буддизм. Этот процесс утверждения конфуцианства был длительным и непростым.

Глава 8. БУДДИЗМ И КОНФУЦИАНСТВО В КОРЕЕ XV–XVI ВЕКОВ

В исторической литературе по истории Кореи нередко можно встретить утверждение о том, что в период Корё господствующей идеологией был буддизм, в то время как при династии Ли (Чосон) — конфуцианство. Выше уже говорилось о том, что *прямое* сопоставление буддизма и конфуцианства не совсем корректно, поскольку буддизм — это *религия*, основное внимание которой направлено на жизнь каждого отдельного человека, в то время как конфуцианство — *идеологическое учение*, главной задачей которого является обеспечение гармоничной жизни общества в целом. Напомним, что конфуцианство начало распространяться на Корейском полуострове по меньшей мере с III в. н.э. и с тех пор никогда полностью не утрачивало своего влияния в Корее.

В буддизме, как в любой древней религии, значительное развитие получила идейная (философская) составляющая. А конфуцианская идеология, распространившись до низших слоев населения, впитала некоторые элементы религии. Примером тому является культ предков, ставший составной частью конфуцианства и предполагающий веру в то, что духи умерших не исчезают бесследно, а в течение некоторого времени могут влиять на жизнь живущих⁵⁷. Причем чем более значимое место в обществе занимал при жизни предок, тем больше по силе и дольше по времени воздействие его духа. С этой точки зрения дух Конфуция, жертвоприношения которому по несколько раз в год совершались в специальных храмах, например при местных государственных начальных школах *хянггё*, в какой-то степени мог играть роль божества.

---

⁵⁷ Подробнее см.: Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.

И тем не менее буддизм и конфуцианство в конце Корё — начале эпохи Чосон были *противоборствующими* «учениями-религиями», но не на идеологической, а на экономической и впоследствии — политической почве. Буддийская церковь, обладая огромными земельными владениями, отстаивала частную собственность на землю, господствовавшую в конце Корё. Конфуцианство, ставшее «знаменем» новых придворных сановников-реформаторов, создавало теоретическую основу для укрепления государственной собственности и контроля за землепользованием.

§ 1. Политика корейских государей по отношению к буддизму и конфуцианству в XV — начале XVI века

Поскольку изначально буддизм и конфуцианство «обслуживали» разные сферы общественной жизни, первое — духовную, а второе — политическую, то приход к власти новых сановников-конфуцианцев, выдвинувших Ли Сонге в качестве основателя новой династии, совсем не означал, что немедленно последуют гонения на буддизм. Действительно, Ли Сонге в 1393 г. дал указание отреставрировать крупнейший буддийский храм юго-востока Кореи — Хэинса (основан в 802 г.) в горах Каясан. В правление Ли Сонге отдельным буддийским храмам продолжали раздавать земельные пожалования.

Политика гонений на буддизм началась только в правление третьего короля Чосона — Тхэчжона (1400–1418). Тогда королевскими указами стали закрывать отдельные буддийские монастыри. Однако это происходило не столько по идеологическим соображениям, сколько из-за необходимости сократить их экономическую мощь и вернуть монастырские земли в казну. При государе Сечжоне (1418–1450) судьба буддизма, казалось, была окончательно предрешена: число буддийских монастырей сократилось до 36. С 1442 г. стали производиться регулярные проверки деятельности монастырей, хотя оставшимся монастырям иногда выдавались дополнительные земли и лично зависимые *ноби* в качестве слуг.

В правление государей Танчжона (1452–1455), Сечжо (1455–1468), Сончжона (1469–1494) жесткая политика королевского двора по отношению к буддизму прекратилась. Старым монастырям снова стали раздавать значительные земельные угодья, строились новые буддийские храмы, издавались и переиздавались буддийские канонические сочинения.

Переломным в отношении буддизма стало правление «князя» Ёнсан-гуна (1494–1506) — законного правителя Кореи из династии Ли, не получившего должного храмового имени после смерти по причине того, *каким* было его правление. Ёнсан-гун проводил политику особого покровительства буддизму, который «не вмешивался», в отличие от конфуцианства, в управление страной, чем, кстати, Ёнсан-гун практически не занимался. Тогда же имели место страшные гонения на конфуцианских ученых.

Ёнсан-гун был сыном второй жены короля Сончжона. Поскольку первая жена умерла, не оставив наследника, в 1474 г. Сончжон взял в жены дочь высокопоставленного сановника — Юн Гигёна — госпожу Юн. Однако судьба новой королевы оказалась не слишком счастливой. Король и королева-мать невзлюбили королеву Юн (или же в действительности она совершала действия, недостойные королевы), и в 1479 г., несмотря на протесты большого числа придворных, она была лишена сана королевы, низведена до положения простолюдинки и выслана к себе на родину, в провинцию. В тот год Ёнсан-гуну исполнилось всего 3 года, поэтому он ничего не знал о судьбе своей родной матери до тех пор, пока не стал королем и ему не сообщили об этом. Однако государь Сончжон, видимо, не был уверен в правильности своего решения, и поэтому продолжала существовать возможность того, что королева Юн снова вернется ко двору. В 1482 г. королева-мать ложно обвинила Юн в дурных намерениях в отношении государя, и Сончжон был вынужден отправить бывшей королеве Юн особый приказ с повелением умереть, т. е. покончить жизнь самоубийством.

В 1483 г. Ёнсан-гуна официально объявили наследником престола, который он занял в 1494 г. после смерти отца. В течение первых четырех лет на престоле Ёнсан-гун проявлял значительный интерес к делам управления государством, занимался вопросами обороны страны на северо-западных границах и укрепления южного побережья для отражения нападений японских пиратов. Он способствовал увеличению производства оружия, изданию ряда значимых исторических и географических сочинений, таких, как «*Кукчо погам*» («Драгоценное отражение [правления нынешней] династии государства»⁵⁸), «*Тонгук ёчжиси сыннам*» («Описание земель и достопримечательностей Кореи», 1481 г.).

⁵⁸ Работа над этим сочинением и его издание продолжались с середины XV до середины XIX в.

Однако с 1498 г. характер правления Ёнсан-гуна стал меняться. Отчасти это было связано с очередным противостоянием при дворе группировки «старых заслуженных» конфуцианских сановников — *хунгунха* и вновь выдвинувшихся сановников, которые в дальнейшем стали именовать себя *сарим* (дословно — «лес ученых»; подробнее о них речь пойдет в следующем параграфе настоящей главы). Как не раз бывало в истории Кореи, «новые», обладая более радикальными взглядами на вопросы управления государством, не имели источников доходов, подобных тем, которые были у представителей группировки «заслуженных».

В 1498 г. поводом для конфликта стали написание «черновой» королевской хроники «Реальные записи [правления короля] Сончжона» («*Сончжон силлок*») и вопрос отражения в ней подробностей низвержения короля Танчжона королем Сечжо. В результате «новые» конфуцианские сановники, ратовавшие за правдивое изложение событий, указом короля Ёнсан-гуна подверглись массовым репрессиям: многие были казнены и отправлены в ссылку.

После трагических событий 1498 г. Ёнсан-гун стал постепенно отходить от дел государства, отдавая все больше и больше времени разнообразным развлечениям. В буддийском монастыре Вонгакса⁵⁹ он устроил особое место для развлечений, где держал большое количество девушек. В подобное по духу заведение превратил конфуцианскую академию Сонгюнгван. Запретил употребление корейской письменности. Ликвидировал все дворцовые совещательные органы, которые могли на законном основании повлиять на государя.

Чашу терпения высшего чиновничества страны переполнили события 1504 г. Тогда один из сановников по имени Лим Сахон раскрыл Ёнсан-гуну тайну гибели его матери. Разгневанный король решил восстановить королевский сан своей матери и перенести ее могилу к гробнице отца — короля Сончжона. Одновременно он предпринял расследование того, кто и как «оклеветал» его мать, кто способствовал изданию приказа с повелением умереть. В результате в том же году имело место второе массовое гонение на конфуцианских сановников, но теперь уже не только «новых», но и «старых заслуженных». По корейскому конфуцианству был нанесен сильнейший удар.

Однако основное направление исторического развития Кореи XV в. — укрепление роли государства на основе конфуцианской идео-

⁵⁹ С начала династии Ли (эпохи Чосон) — главный монастырь господствовавшей в Корее буддийской школы *чогечжон*. Расположен в центре Сеула, неподалеку от королевского дворца Кёнбоккун (ныне — музейный комплекс).

логии — было обусловлено рядом объективных обстоятельств, которые не могли позволить коренным образом изменить ход истории. Что бы ни происходило в столице, заложенные в провинции основы нового государства с ведущей ролью конфуцианской идеологии объективно требовали восстановления роли столичных конфуцианских сановников.

Именно поэтому в 1506 г. ряд высокопоставленных сановников во главе с Сон Хыйаном и Пак Вончжоном решили свергнуть Ён-сан-гуна с престола и возвести на трон его младшего брата, князя Чинсон-тэгуна, получившего впоследствии храмовое имя Чунчжон (1506–1544).

В правление Чунчжона положение конфуцианства заметно улучшилось. Было решено максимально ограничить влияние буддизма, который, по мнению конфуцианцев, лишь «развращал» нравы народа. В 1509 г. в Сеуле закрыли все буддийские монастыри. В провинции в очередной раз сократили количество монастырей и значительно урезали их привилегии. Однако противостояние «старых» и «новых» конфуцианцев все еще продолжалось и закончилось победой «новых» лишь к середине — второй половине XVI столетия.

§ 2. Выдвижение конфуцианских ученых нового поколения — сарим (Корея XVI века)

XVI в. имеет для Кореи особое значение. Историки Южной и Северной Кореи отмечают, что это было время заметного развития сельского хозяйства, ремесла и торговли. Кроме того, происходили изменения в сфере общественной мысли. Подобные социально-экономические перемены позволили в свое время историкам Южной Кореи говорить о том, что период с XV по XVII в. уже можно относить к «новому времени» — *кынсе*⁶⁰.

Действительно, общественная мысль Кореи XVI в. внесла значительный вклад в развитие корейской культуры. Как отмечалось, носителями новых идей стали представители прослойки вновь выдвинувшихся конфуцианских сановников, именовавших себя *сарим*, т. е. «лес ученых [мужей]». Им противостояла прослойка «старых заслуженных сановников» — *хунгунха*, или *хунгу гваллё*. К категории

⁶⁰ Подробнее о проблеме периодизации истории Кореи см. вводный раздел настоящей монографии. В начале XXI столетия период XV–XVII вв. стал иногда определяться в южнокорейской историографии как средневековье.

«заслуженных» относились не только потомки тех, кто помогал приходу к власти новой династии, но и родственники короля по боковой линии (*чхоксин*). Все они были крупными землевладельцами, которым удавалось передавать свои земли по наследству, несмотря на то, что система полей за службу — *чикчон*, согласно которой большая часть полей должна была находиться в собственности государства, еще не была отменена⁶¹. Поэтому в провинции образовалась прослойка усиливавшегося провинциального чиновничества, также стремившегося к власти, перераспределению прав на основное средство производства того времени — землю. Это как раз и были конфуцианские сановники и ученые *сарим*.

Впервые *сарим* проявили себя в правление государя Сончжона (1469–1494). В то время «заслуженные» сановники — *хунгу гваллё* — стремились всячески ограничить реальную власть короля, что привело к их противостоянию. Сончжон попытался привлечь на свою сторону *сарим* как силу, способную помочь в борьбе со «старой» прослойкой высшего чиновничества (в их рядах могли также быть и молодые по возрасту люди). Однако *сарим* не являлись исключительными прагматиками, которые выступали против «старых заслуженных» сановников только из соображений передела власти и сфер экономического влияния. У *сарим* была своя собственная система идей, которая спланировала новое сословие и давала ему право бороться с негативными, на их взгляд, общественными явлениями. *Сарим* считали аморальным и неправильным поведение «заслуженных» *хунгу гваллё*. Для сохранения правильных норм поведения в обществе провинциальные конфуцианские сановники нового поколения создавали особые местные уставы — *хянвьяк*. Для обсуждения и принятия таких уставов организовывались местные собрания, также именовавшиеся *хянвьяк*. Уставы описывали все важнейшие сферы провинциальной жизни: местное самоуправление, обучение, порядок проведения собраний, регулирование отношений собственности⁶².

Активная критика со стороны *сарим* правящей верхушки, в том числе и поведения «неправильных государей», таких, как Ёнсан-гун,

⁶¹ Подробнее см.: Ванин Ю. В. Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981.

⁶² Традиция составления и публикации новых или старинных местных уставов сохранилась в Южной Корее вплоть до наших дней. Конечно же, они не имеют силы законодательных актов, но служат назиданием к «правильному поведению» для нового поколения (см., напр.: Ё-сси хянвьяк онхэ (Перевод на корейский язык и комментарии к Уставу [семьи по] фамилии Ё). Сеул, 1976).

не раз приводили к гонениям: казням, ссылкам, снятию с постов (1498 и 1504 гг.). Хотя во время таких гонений доставалось не только *сарим*, но и прослойке «старых заслуженных» сановников. Поэтому когда в 1506 г. Ёнсан-гуна на престоле сменил его брат, получивший храмовое имя Чунчжон (1506–1544), положение сановников-конфуцианцев, как «старого поколения», так и *сарим*, заметно улучшилось, и некоторые из *сарим* даже стали выдвигаться в столичные ведомства.

Однако приход к власти короля, выдвинутого конфуцианцами и поддерживавшего конфуцианство, совсем не означал, что гонения на конфуцианцев прекратятся. Именно в правление государя Чунчжона конфуцианцы дважды подвергались репрессиям. Причиной таких гонений было продолжавшееся противостояние между «заслуженными» конфуцианскими сановниками и новой прослойкой *сарим*.

В 1519 г. *сарим* потребовали отмены всех привилегий большей части (76 человек) «заслуженных» *хунгу гваллё*, которых они объявили «неспособными», а также возвращения в казну их земель и лично зависимых *ноби*. Государь Чунчжон поддержал «старых», сумевших доказать, что лидер группировки *сарим* Чо Гванчжо (1482–1519) претендует на престол. Чо Гванчжо и его ближайшие соратники были отправлены в ссылку, а затем казнены. Наказание других *сарим* было ограничено снятием с должностей и ссылкой.

Тем не менее нельзя сказать, что гонения на *сарим* 1519 г. нанесли роковой удар по «новым» конфуцианцам. Развитие конфуцианской общественной мысли, необходимость укрепления власти, построенной на более активном применении конфуцианских норм, объективно обуславливали повышение общественной роли *сарим*. Во время трагических событий 1519 г. более тысячи студентов высшего конфуцианского учебного заведения Сонгюнгван собрались недалеко от столичного королевского дворца перед воротами Кванхвамун и выразили свое несогласие с решением короля.

Последнее гонение на конфуцианских ученых 1545 г. было связано с противостоянием внутри самих *сарим* и борьбой за власть внутри королевского рода. Это противостояние привело одновременно к усилению влияния при дворе одной части *сарим* и ослабления — другой.

Еще при жизни государя Чунчжона встал вопрос о престолонаследии. Старший сын короля, мать которого умерла сразу после родов, приходился родственником по женской линии семье так называемых «больших Юн», а младший сын от второй жены — родствен-

ником семье «малых Юн». Новые конфуцианские сановники *сарим* также разделились на две «партии», каждая из которых поддерживала «больших» или «малых» Юн.

После смерти государя Чунчжона на престол взошел старший сын, получивший храмовое имя Инчжон. Однако через восемь месяцев он умер, и в 1545 г. престол занял младший сын, король Мёнчжон (1545–1567), которому к моменту восшествия на трон было всего 11 лет⁶³. Тогда же особое влияние при дворе обрели *сарим* — сторонники «малых Юн», решившие окончательно расправиться с оппозицией. В 1545 г. были казнены многие из сторонников «больших Юн» во главе с Юн Инимом, Ю Гваном и др. Десятки были отправлены в ссылку. Однако гонения на сторонников «больших Юн» не закончились. На протяжении 5–6 лет после трагических событий 1545 г. более 100 человек из известных сторонников «больших Юн» были осуждены на казнь.

Позднее никаких массовых гонений на конфуцианцев уже не происходило, и во второй половине XVI в., в особенности в правление государя Сончжо (1567–1608), группировка *сарим* окончательно заняла лидирующее положение при дворе. Правда, она уже не была такой однородной, как во времена противостояния с «заслуженными» сановниками *хунгу гваллё*.

К основным причинам особой роли *сарим* в развитии корейского общества XVI в. относят особенности их организации, а также те новые идеи, которых они придерживались. Главной особенностью организации *сарим* была их связь с провинцией, а точнее, с частными конфуцианскими учебными заведениями *совон*, в которых они обучались и которые становились опорными центрами той или иной группировки внутри самих *сарим*.

Как уже отмечалось, частные конфуцианские учебные заведения, где впоследствии стали строить храм духа предка — основателя частной школы, впервые возникли еще в эпоху Корё в XII в. Однако название *совон* («палата книг») и новый статус они получили с 1543 г. Несмотря на частный характер *совон*, их основатели нередко желали, чтобы названия для *совон* присваивал государь.

⁶³ В корейской справочной литературе говорится о том, что к моменту восшествия на престол новому королю было 12 лет. Такое расхождение в цифрах связано с особенностями корейского исчисления возраста, которое ведется не с момента рождения, а со времени зачатия. Кроме того, каждый новый год в возрасте прибавляется не по прошествии дня рождения, как это принято в Европе, а с наступлением первого дня нового года.

В этом случае *совон* получали от государства книги, а также земли и *ноби*.

Повышение роли образования в Корее XVI в., то, что в формировании тех или иных группировок высокопоставленных сановников важную роль стали играть идейные разногласия, не могло не послужить толчком для развития корейской общественной мысли, которую иногда называют термином *чхорхак*, что в дословном переводе означает «философия»⁶⁴.

Знаменитые корейские мыслители Ли Хван (литературный псевдоним — Тхвеге; 1501–1570) и Ли И (псевдоним — Юльгок; 1536–1584), творческую деятельность которых считают первоисточником развития особого течения корейской общественной мысли нового времени — *сирхак* («[за]реальные науки»), жили и работали в XVI столетии. Как общественная мысль XVI в., так и идеи *сирхак* представляются для истории Кореи особенно важными, поскольку истоки движения за реформы, развернувшегося в Корее в конце XIX в., по мнению ряда исследователей, следует искать не во влиянии Японии или Китая, а как раз в идейном течении *сирхак*. (Вместе с тем интересно отметить, что сам по себе термин *сирхак* (в китайском прочтении — *шисюэ*) использовался и в Китае и означал идейное течение в неоконфуцианстве начала эпохи Цин (XVII–XVIII вв.), в основе которого лежала идея о «практическом упорядочении мира по канонам»⁶⁵.)

Итак, о чем спорили корейские мыслители, представители сословия *сарим*, в XVI в.? Спорили о двух первоначалах — *ли* и *ки*. *Ли* — это высшее духовное начало, рациональность, с которым связано понятие *сущности*. *Ки* — материальное начало, энергия; с ним соотносятся понятия *внешнего вида* и *явления*. Корейские мыслители XVI столетия спорили о том, что первично — *ли* или *ки*. Причем споры эти зародились еще в Китае. Полемика о первичности двух начал выходила за рамки «чистой философии», переходя на принципы морали и управления государством. Считалось, что настаивание на первичности *ли* означало, что идеальное состояние — это доброта, а зло — ненормально. Настаивание на первичности *ки* было связано с представлением о том, что и доброе и злое — все

⁶⁴ Учитывая ряд принципиальных различий между западной философией и дальневосточной общественной мыслью, отечественные востоковеды нередко стараются избегать употребления термина «философия» при описании общественной мысли Дальнего Востока.

⁶⁵ Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002. С. 7, 9.

имеет одинаковую силу и является естественным состоянием космоса.

Корейские мыслители Ли Хван и Ли И пришли к идее о том, что *оба* начала выступают *первоначалами* и влияют друг на друга. В этом, как считают современные корейские исследователи, данные мыслители пошли дальше китайского основоположника неоконфуцианства Чжу Си⁶⁶. Ли Хван — один из известнейших корейских мыслителей. Его вклад в развитие корейского конфуцианства был настолько велик, что со временем его стали называть «Восточным»⁶⁷ Чжу Си». У Ли Хвана насчитывалось более 260 учеников и последователей, что немало для того времени.

И вот эти, казалось бы, «безобидные» споры об абстрактных вещах послужили одной из идейных основ распада корейского правящего класса, выходцев из сословия *сарим*, на так называемые «партии» — *тан* (может произноситься как *дан*).

О «партиях» следует сказать несколько слов особо. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о том, можно ли говорить об образовании *партий* в современном понимании в Корее XVI в., или же следует вести речь о *придворных группировках*. С одной стороны, для обозначения политических партий XX–XXI вв. употребляется то же слово, что и для «партий» XVI в. С другой — в принципах их формирования и деятельности не находят того, что присуще современным политическим партиям. В отечественной исторической литературе *тан* определяют как «группировки правящей элиты» и употребляют слово «партия», взятое в кавычки⁶⁸.

Действительно, несмотря на то что отдельные исследователи усматривают в деятельности «партий» главным образом выяснение вопросов служебных перестановок, престолонаследия, ритуалов, иными словами, борьбу за влияние при дворе, «партии» представляли собой качественно новое явление во внутриполитической жизни Кореи. Во-первых, у «партий» были свои более или менее четко очерченные идейные представления, а во-вторых, их влияние не ограничивалось столицей, а распространялось и на провинцию че-

⁶⁶ В корейской специальной литературе также встречается и другое мнение, согласно которому Ли Хван настаивал на первичности *ли*, а Ли И — на первичности *ки*.

⁶⁷ Слово «восточный» указывает на одно из самоназваний Кореи периода Чосон — *Тонгук*, «Восточное государство». Поэтому словосочетание «Восточный Чжу Си» следует понимать как «Корейский Чжу Си».

⁶⁸ См.: Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVII вв. СПб., 1995.

рез те *совоны*, которые связывали представителей тех или иных «партий».

Начало истории «партий» в Корее было положено в 1575 г. Поводом стал вопрос об определении кандидатуры на один из высокопоставленных постов Палаты чинов — *Ичжсо*. Тогда сторонники придворного сановника Ким Хёвона (1532–1590), проживавшего в восточной части Сеула, образовали «Восточную партию», приверженцев которой стали называть *тонин*, т. е. «люди Восточной [партии]», а последователи Сим Ыйгома, младшего брата вдовствующей королевы, который в то время проживал в западной части Сеула, образовали «Западную партию», приверженцев которой стали называть *соин*, т. е. «люди Западной [партии]». Считается, что сторонники «Восточной партии» придерживались идеи, согласно которой основой всего является идеальное начало *ли*, а последователи «Западной партии» принимали за первооснову материальное начало *ки*.

В 1589 г., всего за несколько лет до вторжения в Корею японцев, «Восточная партия» раскололась на «Северную» и «Южную партию». Впервые за многовековую историю Корея лишилась относительного единства правящего класса. В предшествующие исторические периоды нередко было размежевание служилого сословия на две группировки. В конце XVI столетия их было уже три, а в дальнейшем число «партий» стало еще большим. Вовлечение в борьбу «партий» частных учебных заведений *совонов* приводило к тому, что раскол в среде правящего класса выходил за пределы королевского двора и распространялся на провинцию.

Поэтому, несмотря на отдельные положительные сдвиги в экономике страны, наблюдавшиеся в конце XVI столетия, такие, как, например, улучшение системы орошения и способов распашки земель, обострившееся противостояние внутри правящего класса отрицательно сказалось на эффективности руководства страной, а также на степени ее защищенности от внешнего агрессора.

В 1592 г. Корея столкнулась с еще одним тяжелейшим испытанием.

Глава 9. ИМЧЖИНСКАЯ ВОЙНА 1592–1598 ГОДОВ

В южнокорейской историографии события 1592–1598 гг. называются «Смута [в связи с] японцами [годов] имчжин» — *Имчжин вэран*. *Имчжин* — это корейское прочтение циклических знаков, с помощью которых в традиционном дальневосточном лунно-солнеч-

ном календаре передается порядковое обозначение года, и который приходится на 1592 г. по григорианскому календарю. В северо-корейской историографии те же события именуются «Отечественная война [года] имчжин» — *Имчжин чогул чончжэп*. В российской исторической литературе было принято следовать названию, используемому в северо-корейской историографии, — «Имчжинская отечественная война корейского народа против японских захватчиков».

Мы не случайно обращаем внимание на различные варианты названия этого значимого для истории Кореи события. Южнокорейская оценка войны как «смуты» является во многом традиционной и имеет целью принизить статус врага. Северо-корейское название «отечественная война» перекликается с другой «отечественной войной» — 1950–1953 гг. и ставит эти два события в один ранг, пытаясь доказать, что и в конце XVI, и в середине XX столетия Корея подвергалась вероломной агрессии извне и с честью смогла отстоять свою независимость.

Автор настоящей монографии избрал нейтральное обозначение событий как «Имчжинская война».

В известной степени Имчжинская война стала одним из узловых моментов в истории Кореи. Стране был нанесен мощнейший удар, она подверглась разграблению, на преодоление последствий которого потребовалось огромное количество сил и времени. Не все из утерянных во время войны достижений в сфере культуры удалось до конца восстановить. Вместе с тем именно на волне преодоления последствий войны в Корее был проведен ряд реформ, которые позволили достичь Корее качественно нового уровня в социально-экономическом развитии.

Имчжинская война подробно описана в исторической литературе, особенно в корейской, что объясняется большим количеством письменных источников, в которых отразились события тех лет. Важнейшим из них является собрание сочинений главного героя Имчжинской войны — флотоводца Ли Сунсина (1545–1598), озаглавленное «Полное собрание сочинений преданного военного князя Ли» (*«Ли чхунмугон чонсо»*). «Преданный военный князь» — это почетный титул флотоводца, присвоенный ему после смерти за заслуги перед государством. Помимо описаний военных подвигов Ли Сунсина, важнейшей частью этого собрания являются его дневники, которые он вел во время войны, — «Дневники, [написанные] во время смуты» (*«Нанчжун ильги»*). Кроме того, до наших дней сохранились тексты сочинений его соратников, например «Наследие учителя Чоль

Гока» («*Чольгок сонсэн ючжсок*»), а также японские описания их военных походов в Корею.

§ 1. Первый период войны (1592–1593). Флотоводец Ли Сунсин

Обычно Имчжинскую войну делят на три периода. Первый — это начало вторжения японских войск в Корею в 1592–1593 гг. и последующий ввод в страну союзных китайских войск. Второй период длился с 1593 по 1597 г.; его основное содержание составляют японская оккупация южной части Корейского полуострова и попытки ведения мирных переговоров при участии Китая. Третий период (1597–1598) охватывает второе вторжение японских войск в Корею и их окончательный разгром.

К 1580-м годам японский полководец Тоётоми Хидэёси (1536–1598), завершив объединение Японии, фактически стал ее верховным правителем. Военные успехи в самой Японии придали Хидэёси уверенность в том, что ему по силам подчинить соседние Корею и Китай. Корея в планах Хидэёси занимала «промежуточное» место. Когда в конце 1580-х — начале 1590-х годов Корея и Япония обменивались посольствами, корейские посланники сообщили о том, что Япония снаряжает огромную армию для похода в Китай и просит Корею «дать дорогу» для прохода японских войск. При дворе государя Сончжо никто и слушать не хотел о возможной военной опасности с юга. Действительно, за исключением эпизодических рейдов японских пиратов, на Корею практически никогда не нападали с южного направления.

Корея была не готова к отражению японской агрессии. Первые японские военные корабли подошли к ее берегам на 13-й день⁶⁹ 4-го месяца в 18 часов в районе порта Пусан, хорошо известного японцам благодаря многим десятилетиям торговых отношений с Кореей, осуществлявшихся через этот порт. В составе первого подразделения было около 700 судов. Японские войска под командованием Кониси Юкинага высадились на берег и на другой день в течение двух часов сумели занять крепость Пусан, которую защищал гарнизон численностью более тысячи человек, что было несопоставимо с 18 тыс. японских войск, входивших в состав авангардного подразделения. В тот же день бы взят соседний порт Тоннэ.

⁶⁹ В исторической литературе также встречается указание на 14-е число.

В 18-й день 4-го месяца к Пусану подошло еще два японских подразделения. Первое из них в составе 22 тыс. человек под командованием Като Киёмаса высадилось в Пусане и направилось на север в сторону города Кёнчжу, а второе — 11-тысячное под командованием Курода Нагамаса, высадившись в Кимхэ, стало продвигаться на север вдоль восточного берега реки Нактонган.

В последующие дни 4-го месяца к берегам Кореи подошло 8 японских подразделений. Всего на Корейский полуостров должно было высадиться 9 подразделений сухопутных войск общей численностью 158 700 человек. Тоётоми Хидэёси заранее распределил, какая из восьми японских армий будет отвечать за оккупацию одной из восьми провинций Кореи. Помимо сухопутных войск, в завоевании Кореи должен был принимать участие японский флот, в составе которого было несколько десятков тысяч моряков.

В первые месяцы после начала войны основные действия развернулись на суше. Корейцы пытались оказать посильное сопротивление врагу. Главнокомандующим сухопутными войсками был срочно назначен Ю Соннён (1542–1607). Ли Иль (1538–1601), военный ревизор трех южных провинций — Кёнсан, Чолла и Чхунчхон, надеялся остановить продвижение японцев у перевалов горного хребта Собэк, отделяющего провинцию Кёнсан от остальной части Кореи. Однако все попытки остановить врага оказывались безуспешными. В самом королевском дворе не было единства. В результате борьбы придворных группировок вскоре после назначения был смещен с поста главнокомандующего Ю Соннён. Ли Илю не удалось собрать достаточного количества войск, только — 800–900 человек, которые были легко разбиты 25-го числа 4-го месяца внезапно нагрянувшими японцами. Тогда было решено попытаться задержать противника у крепости Чхунчжу на северо-востоке провинции Чхунчхон, у южного притока реки Ханган. Оборону крепости возглавил полководец Син Ип (1546–1592). Однако ему не удалось остановить 18-тысячную армию противника, вступившую в бой с корейскими войсками в 28-й день 4-го месяца. Слишком велико было численное превосходство. Отсюда японцам открывался прямой путь на Сеул, также расположенный на реке Ханган. Син Ип, понимая, что, оставляя Чхунчжу, он подставляет под удар противника столицу, покончил жизнь самоубийством, утопившись в реке. Королевский двор, получив известие о поражении, решил оставить Сеул и эвакуироваться на север.

Уже в начале 5-го месяца японские войска без боя взяли Сеул, однако долго в столице не задержались и продолжили продвижение

на север. Важнейшей задачей японцев было взятие Пхеньяна, откуда открывалась сухопутная дорога на Китай, являвшийся конечной целью завоеваний Тоётоми Хидэёси. По пути на север японцы встретили серьезное сопротивление корейцев у реки Имчжинган, продолжавшееся с 10-го по 27-й день 5-го месяца, и подошли к Пхеньяну в 8-й день 6-го месяца, взяв по пути бывшую корёскую столицу — город Кэсон. После взятия Кэсона часть японских войск во главе с Като Киёмаса направилась на северо-восток в сторону провинции Хамгён.

Возглавить оборону Пхеньяна были назначены военачальник Ли Иль, высокопоставленные гражданские сановники Юн Дусу (1533–1601), Ким Мёнвон (1534–1602). Для защиты Пхеньяна удалось собрать 10 тыс. человек, включая народное ополчение. Но войск явно не хватало. Тогда на сосны, росшие на склонах холмов, надели одежду, чтобы дезориентировать японцев по поводу численности защитников крепости. Однако уже в 15-й день 6-го месяца под натиском превосходящих сил противника было принято решение об отступлении в пригород Пхеньяна, Сунан, а на следующий день японские войска вошли в крепость.

Причину такого стремительного поражения корейских войск на первом этапе войны принято объяснять следующими факторами. **Во-первых**, длительная подготовка к войне Японии, с одной стороны, и неожиданность войны для Кореи — с другой. **Во-вторых**, связанное с развалом системы полей *чжжчон* значительное уменьшение площади казенных земель, обеспечивавших пополнение государственной казны и содержание армии. **В-третьих**, отсутствие единства в руководстве страной (и военными действиями), связанное с борьбой за влияние между «партиями» и придворными группировками. **В-четвертых**, некомпетентность корейских военачальников.

Вместе с тем не следует забывать, что на протяжении всей предшествующей истории у Кореи не было опыта ведения боевых действий на юге, так как в большинстве случаев страна подвергалась агрессии с севера, где и была сосредоточена большая часть войск и оборонительных сооружений. Возможно, это стало одной из причин того, что севернее Пхеньяна японским войскам продвинуться не удалось. Незадолго до японской агрессии, в 1583 и 1587 гг., Корея успешно отразила нападение чжурчжэньских племен на северных границах, а в 1588 г. совершила военный поход против чжурчжэней к северу от реки Туманган.

Кроме того, корейцы, вооруженные традиционным холодным оружием и пушками, впервые в своей истории столкнулись с массовым применением *легкого* огнестрельного оружия, которое японцы начали активно использовать с середины XVI столетия. Это также не могло не сказаться на противостоянии корейских войск японской агрессии.

В отличие от действий на суше, боевые **операции корейского флота** на море принесли успех и оказали решающее воздействие на ход Имчжинской войны. Победы корейского флота связаны с именем адмирала Ли Сунсина, который к началу Имчжинской войны занимал должность командующего «водными войсками» левой (восточной) полупровинции Чолла, на крайнем юге страны. Ли Сунсин узнал о японском нападении только на третий день, 15-го числа 4-го месяца. После этого в течение 15 дней пришлось ждать, пока дойдет соответствующий королевский указ о начале боевых действий. Таким образом, Ли Сунсин смог созвать совещание для обсуждения плана боевых операций только в 1-й день 5-го месяца. Тогда было принято решение о совместном действии флотов провинции Чолла и уцелевших после ударов японского флота кораблей провинции Кёнсан.

Когда стало известно о падении Сеула, Ли Сунсин принял решение в 4-й день 5-го месяца начать наступление и вывел свою эскадру в составе 85 кораблей из порта Ёсу в восточном направлении. Через три дня в порту Окпхо он обнаружил 50 вражеских судов, из которых 26 кораблей удалось потопить. Продолжив движение на восток, в тот же день его эскадра потопила еще 5 вражеских судов у порта Хашпхо, а в 8-й день того же месяца — 11 кораблей у Чокчинпхо. Это была первая морская операция Ли Сунсина.

В 1592 г. Ли Сунсин предпринял четыре морские операции. Первая закончилась в 9-й день 5-го месяца. Остальные три разворачивались в период с 29-го дня 5-го месяца по 10-й день 6-го месяца (вторая), с 6-го дня 7-го месяца по 13-й день 7-го месяца (третья) и с 24-го дня 8-го месяца по 2-й день 9-го месяца (четвертая) с заметной тенденцией продвижения на восток в сторону Пусана. Пусан как базовый порт японской армии, в котором к осени находилось 470 вражеских кораблей, был конечной целью морских операций Ли Сунсина.

В 25-й день 8-го месяца эскадра под командованием Ли Сунсина соединилась с эскадрой командующего «водными войсками» правой полупровинции Кёнсан, и 29-го числа было принято решение нанести

удар по вражеским кораблям, стоявшим в бухте Пусана. Внезапно напавшие корабли корейской флотилии потопили более 100 вражеских судов, однако численное преимущество противника не позволило Ли Сунсину продолжить атаку, и было принято решение вернуться обратно в порт Ёсу, откуда Ли Сунсин начал свои рейды против японцев.

Итак, на первом этапе Имчжинской войны морские сражения корейского флота под предводительством Ли Сунсина закончились победой. В чем **причины такого успеха**, особенно ценного в условиях постоянных поражений корейской армии на суше? Исследователи указывают на несколько составляющих побед корейского флота. **Во-первых**, особый героизм корейских моряков, вдохновленных личными качествами Ли Сунсина. **Во-вторых**, поддержка местного населения, которое помогало флотилии Ли Сунсина продовольствием, оружием, добывало сведения о расположении противника. **В-третьих**, политика самого Ли Сунсина на подчиненных ему в связи с военным положением территориях провинции Чолла — политика, состоявшая не только в защите местного населения от японцев, но и в организации производства оружия, амуниции, керамики, в стимулировании распашки залежных земель, рыбной ловли, производства соли. Все это способствовало укреплению тылового обеспечения подчиненных Ли Сунсину подразделений. По-видимому, важнейшей составляющей морских успехов Ли Сунсина была большая готовность южной части Кореи к ведению боевых действий на море. Постоянные нападения японских пиратов на корейское побережье обусловили не только организацию флота, который должен был охранять южные берега, но и развитие кораблестроения.

Здесь следует специально сказать о корейском военном «корабле-черепахе» (*кобуксон*). Его особые технико-боевые характеристики позволили корейскому флоту иметь преимущество на море. Свое название корабль получил из-за формы, напоминавшей черепаху. Это был веселый корабль, имевший сверху полностью закрывавшую корпус крышу, покрытую металлическими пластинами, с огромными шипами посередине. Металлические пластины защищали от вражеских пушек, а шипы не позволяли брать корабль на abordаж. На корабле также мог устанавливаться парус. На носу *кобуксона* прикреплялось рельефное изображение головы дракона — властителя морей. По всему периметру корабля имелись отверстия для пушек — по 22 с каждой стороны, и отверстия для весел — по 10 с каждой стороны. Таким образом, *кобуксон* отличался быстроходностью и большой ог-

невой мощью. Средние размеры корабля составляли около 19,5 м в длину, 5 м в ширину и 2,3 м в высоту. Самый большой «корабль-черепаха» имел около 30 м в длину. Таким образом, *кобуксон* стал первым в мире бронированным боевым кораблем.

Существует несколько версий о том, кто был изобретателем нового «корабля-черепахи». Иногда говорят о На Дэёне, заместителе Ли Сунсина. Однако большинство авторов полагают, что *кобуксон* изобрел сам Ли Сунсин. Согласно записям в военном дневнике Ли Сунсина «*Нанчжун ильги*», первый корабль *кобуксон* был спущен на воду в 27-й день 3-го месяца 1592 г. и окончательно достроен к 12-му дню 4-го месяца, за день до японского вторжения в Корею. Впервые «корабль-черепаха» был опробован в сражениях во время второй морской операции Ли Сунсина.

Итак, в 6-м месяце японцы были остановлены под Пхеньяном, к 9-му месяцу понесли значительные потери в сражениях на море. По всей стране нарастало народное сопротивление. А к концу 1592 г. в Имчжинскую войну вступил Китай.

Идея обратиться за помощью к Китаю «династии» Мин возникла после падения Сеула. В 6-м месяце небольшое количество **китайских войск** оказалось свидетелем быстрого падения Пхеньяна. Однако лишь к 10-му месяцу в Китае был назначен главнокомандующий — Ли Жусун, который возглавил 43-тысячную китайскую армию. Серединная Империя была вынуждена откликнуться на просьбу Кореи, поскольку Тоётоми Хидэёси планировал завоевать и Китай. Поэтому целесообразнее было расправиться с потенциальным врагом заранее, не допуская его к границам государства.

Китайские войска подошли к стенам Пхеньяна в начале 1-го месяца 1593 г. Совместную атаку на город корейские войска во главе с Ли Илем и Ким Ынсо и китайская армия под командованием Ли Жусуна начали в 6-й день 1-го месяца. В 8-й день город уже был взят. Японские войска, потеряв в боях около 10 тыс. человек, обратились в бегство. С этого времени началось стремительное отступление японцев на юг по всем направлениям. Однако китайская армия больше не принимала активного участия в боевых операциях. Японцы бежали на юг под мощным ударом корейских войск, часть из которых составляли стихийно организованные **отряды сопротивления**, называвшие себя «**Армия справедливости**» (*Ыйбён*).

Несмотря на то что в «Армии справедливости» воевали не профессиональные воины, а простой народ, ее подразделения могли создаваться сановниками, находившимися на государственной службе.

Так, губернатор города Кванчжу Квон Юль⁷⁰ (1537–1599) собрал ополчение в 1000 человек и не раз одерживал победы над японскими войсками, пытавшимися занять провинцию Чолла. Впоследствии он занимал должность губернатора провинции Чолла и, собрав войско в несколько десятков тысяч человек, участвовал в боях у Суфона, пригорода Сеула, отрезав врагу путь отступления на западном направлении.

Выходцы из сословия *янбан*, не имевшие должности, также становились лидерами *Ыйбён*. Так, например, Квак Чэу (1552–1617), сын губернатора провинции Хванхэ, провалившийся в свое время на государственных экзаменах потому, что его сочинение не понравилось лично государю Сончжо, уже в 4-м месяце 1592 г. собрал войско, численность которого выросла впоследствии до двух тысяч человек, и успешно действовал в районе правой полупровинции Кёнсан. Так как он всегда одевался в красные одежды, то получил прозвище «красный полководец», и уже после окончания Имчжинской войны удостоился всевозможных почестей, хотя никогда не стремился к тому, чтобы воспользоваться своими заслугами для занятия высокой государственной должности.

Иногда во главе отрядов «Армии справедливости» становились буддийские монахи, как, например, Ёнгю (?–1592). То, что действия отрядов *Ыйбён* были действительно массовыми и распространялись на всю Корею, иллюстрируют сведения из общеисторической справочной литературы, согласно которым можно насчитать более чем тридцать имен лидеров «Армии справедливости».

Итак, после взятия Пхеньяна в 8-й день 1-го месяца 1593 г. объединенной группировкой корейских и китайских войск началось стремительное отступление японцев на юг страны. Буквально сразу, в 11-й день, было принято решение об отводе японских войск из провинции Хамгён и сосредоточении их в районе Сеула для отражения ожидаемой атаки корейцев.

Однако уже в начале 2-го месяца 10-тысячное корейское войско *Ыйбён* под командованием Квон Юля заняло крепость Хэнчжу недалеко от Сеула, что представляло большую опасность для японцев. Поэтому они решили первыми нанести удар, отправив на штурм крепости 30-тысячное войско во главе с Укида Хидэи. Несмотря на численное преимущество, 12-го числа 2-го месяца 1593 г. японцы потер-

⁷⁰ В русскоязычной литературе в ряде случаев его имя записывают как Квон Нюль или Квон Рюр, что связано с особенностями корейского правописания и способами его прочтения.

пели поражение и обратились в бегство. Уже в 3-й день 3-го месяца японцы приняли решение оставить Сеул. К 20-му числу 4-го месяца они окончательно вывели войска из города.

В последующие несколько месяцев, вплоть до начала лета 1593 г., японские войска продолжали отступать на юг, но не покинули Корею, несмотря на активные боевые действия корейских войск на суше и на море, а попытались закрепиться на юго-восточном побережье. В 6-м месяце японские войска предприняли последнее наступление на крепость Чинчжу в юго-западной части провинции Кёнсан, которую удалось взять с большим трудом после девяти дней ожесточенных сражений. После этого широкомасштабные военные действия прекратились. Хорошее тыловое обеспечение, обусловленное относительной близостью Японии, и знание местности наиболее обжитого японцами на протяжении десятилетий побережья провинции Кёнсан позволили держать там крупные военные формирования, число которых, по крайней мере вплоть до 1595 г., составляло около 38 тыс. человек.

В 10-м месяце 1593 г. государь Сончжо вернулся в Сеул. Ситуация в стране была непростой. Корея понесла огромные материальные потери от военных действий, но еще больше — от грабежей, совершавшихся японцами. В стране находились чужеземные китайские войска. Юг полуострова по-прежнему был занят японцами. Началась попытка мирного урегулирования сложившейся ситуации между тремя сторонами — Кореей, Китаем и Японией.

§ 2. Второй (1593–1597) и третий (1597–1598) периоды войны. Последствия Имчжинской войны

Попытки вести мирные переговоры с Японией начались по инициативе Китая в 9-м месяце 1592 г. в Пхеньяне. Корейское правительство не питало иллюзий относительно их эффективности, понимая, что словам японских посланников доверять трудно. После отступления японских войск на юг полуострова и прекращения военных действий имели место неофициальные встречи корейских и японских военачальников, например начальника штаба левой провинции Кёнсан Ким Ынсо и Кониси Юкинага. Однако все эти встречи корейцы использовали лишь как повод для того, чтобы еще раз предъявить свои требования о полном выводе японских войск из Кореи.

Скорейшего достижения мира с Японией желал Китай. Уже в 5-й месяц 1593 г. в Японию к Тоётоми Хидэёси был направлен по-

сол. Требования Японии выражались в восстановлении торговых отношений с Китаем и передачи Японии четырех южных корейских провинций. Последнее требование было невыполнимым. Тогда Китай, чтобы как-то способствовать полному выводу японских войск из Кореи, попытался смягчить позицию Тоётоми Хидэёси. В 1594 г. китайские войска, находившиеся в Корее, были отведены на полуостров Ляодун. В 1596 г. в Японию был отправлен специальный посол с грамотой, в которой сообщалось, что китайский император жалует Хидэёси титул *вана*, т. е. единственного легитимного правителя Японии, признающей сюзеренитет Китая. Таким образом Китай хотел повысить статус Хидэёси.

Вместе с китайским посольством в Японию для выяснения ситуации отправились корейский посол Хван Син и его помощник Пак Хончжан. Однако Тоётоми Хидэёси не принял послов, сославшись на то, что в качестве посла в Японию должен был явиться корейский принц. От желания присоединить к Японии хотя бы три корейские провинции — Кёнсан, Чолла и Чхунчхон, — несмотря на все усилия Китая, Хидэёси так и не отказался. Переговоры были сорваны, а Япония стала готовиться ко второму военному походу.

Корейское правительство также попыталось воспользоваться прекращением боевых действий для реорганизации и укрепления армии и флота. В 1593 г. с помощью китайского военачальника Ло Шанчжи в столице было учреждено специальное ведомство *Хуллён тогам*, занимавшееся обучением и формированием войск по трем основным родам: *пхосу* — артиллерия, *сальсу* — пехота и *сасу* — лучники. (Ведомство это просуществовало в Корее без изменений вплоть до 1881 г.) В корейской армии было введено деление войск по типу вооружений. Флотоводец Ли Сунсин создал на острове Хансандо базу, объединив под своим командованием все морские силы, приступив к постройке новых кораблей и обучению моряков.

Однако новое широкомасштабное вторжение японцев, начатое в 14-й день 1-го месяца 1597 г., также не удалось остановить сразу. Несмотря на реформу в сухопутных войсках, в армии ощущался острый недостаток личного состава. Корейский флот был обезглавлен, так как вскоре после начала переброски японских войск Ли Сунсина сняли с поста главнокомандующего морскими силами. Дело было в следующем.

Еще до начала высадки японских войск, в Корее стали появляться японские шпионы, которые сообщали о подготовке Японией крупномасштабных военных действий на полуострове. Так, некто по име-

ни Ёсира, прекрасно владевший корейским языком и втершийся в доверие при дворе, обещал указать на корабль главнокомандующего (Като Киёмаса), который якобы был личным врагом его патрона, с тем, чтобы корейцы могли заранее его уничтожить и тем самым не допустить высадку японских войск. Для этого Ёсира предлагал корейскому флоту выйти в море наперерез японской эскадре. Королевский двор поверил сообщениям японского шпиона, доложенным через командующего войсками левой полупровинции Ким Ынсо. Квон Юль, герой сопротивления во время первой агрессии японцев, пользовавшийся большим авторитетом и к тому времени ставший главнокомандующим войсками Кореи, лично прибыл на остров Хансандо и передал Ли Сунсину приказ выйти в море. Однако флотоводец, справедливо не доверяя японцам, отказался выполнить приказ, объясняя свой поступок тем, что такое действие лишь обнаружит силы корейского флота и поставит его под удар.

Ли Сунсин оказался прав, потому что Като Киёмаса высадился на *юго-восточном берегу*⁷¹ в 14-й день 1-го месяца в районе порта Сосэпхо, недалеко от Ульсана. Однако Ли Сунсина обвинили в бездействии и государственной измене, взяли под стражу и отправили в Сеул. В результате судебного разбирательства, длившегося в течение 28 дней, Ли Сунсина сначала приговорили к смертной казни, а потом смягчили наказание, разжаловав в рядовые. Ли Сунсин находился под стражей до 1-го дня 4-го месяца. Подобное решение суда в какой-то степени объяснимо. Южное побережье Кореи все еще находилось под контролем японцев, и существовал только один способ защитить Корею от повторной агрессии — не допустить высадки японских войск, разгромив их еще на море. Вместо Ли Сунсина главнокомандующим морскими войсками был назначен его бывший соратник — Вон Гюн (1540–1597), который не обладал талантами знаменитого флотоводца.

В 21-й день 2-го месяца Тоётоми Хидэёси принял решение перебросить в Корею еще шесть подразделений в дополнение к двум,

⁷¹ Можно предположить, что у Ли Сунсина была еще одна причина для отказа от выхода в море. Судя по морским сражениям первого периода Имчжинской войны, Ли Сунсин очень хорошо знал южное побережье Кореи и использовал тактику внезапного нападения из-за многочисленных островов Корейского пролива («Южного моря»). В 1597 г. японцы, скорее всего, опасаясь превентивного удара корейского флота, не решились высаживать первые подразделения на южном берегу, а выбрали порт в южной части восточного побережья, вдоль которого практически нет островов и где Ли Сунсин не смог бы использовать излюбленную тактику.

прибывшим в Корею в начале 1597 г. Таким образом, вместе с войсками, которые были расквартированы в южной части Корейского полуострова в период ведения мирных переговоров, общее количество японских сухопутных сил в Корее должно было превысить 141 400 человек. Переброска японских войск закончилась в 7-м месяце. Тогда в Пусан должна была прибыть огромная эскадра, в состав которой входило более 600 кораблей, о чем сообщал все тот же шпион Ёсира. Подобно тому, как это было в случае с Ли Сунсином, главнокомандующий Квон Юль снова отдал приказ выйти в море в сторону Пусана, не допустить высадки японских войск и занять господствующее положение на море.

В 7-й день 7-го месяца Вон Гюн во главе эскадры численностью около 100 кораблей вышел с острова Хансандо в направлении Пусана. Однако уже первые столкновения с врагом принесли корейской стороне многочисленные потери. Последнее сражение эскадры под командованием Вон Гюна развернулось в заливе Чхильчжоннян у острова Кочжедо. Корейские корабли, атакованные превосходящими силами противника с моря (подобно корейцам, японцы также стали строить корабли, облицованные металлическими пластинами) и обстрелянные японскими пушками с суши, тонули один за другим. В бою погиб сам Вон Гюн, и от корейской эскадры не осталось практически ничего, кроме 12 судов.

Поражение корейского флота имело два важных последствия. С одной стороны, в 28-й день 7-го месяца окрыленные победой японцы начали наступление на южном и западном направлениях. С другой — уже в 3-й день 8-го месяца Ли Сунсин был в срочном порядке восстановлен в должности главнокомандующего корейскими морскими силами, которые к тому времени были практически полностью разгромлены.

К 18-му дню 8-го месяца Ли Сунсин набрал 120 человек моряков и к концу месяца обосновался на острове Чиндо, имея в своем распоряжении всего 12 кораблей. В то время в связи с реализацией японских замыслов продвижения на запад планировалось морем перебросить большое количество войск. Их путь на 133 кораблях⁷² лежал мимо острова Кочжедо, где Ли Сунсин поджидал врага в узком заливе Мённяян. Понимая, что 12 кораблей вряд ли остановят врага, он замаскировал более чем 100 рыбацких судов под военные.

---

⁷² В «Полном собрании сочинений преданного военного князя Ли» («*Ли чхунмугон чонсо*») говорится о 333 японских кораблях.

Бой начался в 16-й день 9-го месяца. Мужество корейских моряков, вдохновляемых легендарным Ли Сунсином, и продуманная тактика боя принесли корейскому флоту победу: было потоплено более 30 вражеских судов и уничтожено несколько тысяч человек.

Первые месяцы активных военных действий на суше принесли японцам временные победы, позволив к началу 9-го месяца 1597 г. продвинуться вглубь провинций Чолла и Кёнсан и выйти к северным рубежам провинции Чхунчхон. Однако теперь корейские войска, уже имевшие опыт боевых действий на юге, не так быстро сдавали свои позиции. На помощь Корее поспешил Китай. Решающее сражение произошло в 7-й день 9-го месяца в местечке Чиксан (недалеко от современного Чхонана), когда под ударами корейских и китайских войск японцы потерпели сокрушительное поражение. Поэтому японцы приняли решение отойти на юг, оставив провинцию Чхунчхон и большую часть провинции Чолла, чтобы более тщательно подготовиться к новому наступлению.

Однако в конце 1597 г. Китай решил направить в Корею дополнительную 140-тысячную армию. В 23-й день 12-го месяца корейские и китайские войска начали атаку на крепость Тосан, что располагалась неподалеку от порта Сосэнпхо, одного из базовых портов второй волны японской агрессии в Корею. К началу 1-го месяца следующего года вражеские войска были наголову разбиты, потеряв более 10 тыс. человек убитыми.

Все это время продолжал укрепляться корейский флот, возвращенный под командование Ли Сунсина, на помощь которому из Китая во 2-м месяце 1598 г. пришло около 500 кораблей. К середине 1598 г. основной задачей объединенных корейско-китайских войск стало вытеснение японцев с восточной части южного побережья Кореи, на котором японские войска располагались уже в течение шести лет. Для выполнения этой задачи объединенные войска были разделены на Морскую (во главе с Ли Сунсином), Западную, Среднюю и Восточную армии общей численностью 89 900 человек. Военные действия на южном направлении активно развернулись в 9-м месяце. В это время японцы уже не оказывали столь мощного сопротивления. В 18-й день 8-го месяца умер организатор и вдохновитель японских военных походов в Корею Тоётоми Хидэёси, давший перед смертью наказ вывести войска из Кореи и завершить военную кампанию. С этого времени начался активный вывод японских войск из Кореи.

Последняя крупная группировка противника под командованием Кониси Юкинага, окруженная у города Сунчхон, планировала про-

рваться и покинуть пределы Кореи с помощью 12 тыс. человек, отправившихся на помощь к бухте Норянчжин на более чем 500 кораблях. Туда же выдвинулся объединенный корейско-китайский флот во главе с флотоводцем Ли Сунсином. Морское сражение началось в 2 часа ночи 19-го дня 11-го месяца. Бой выдался очень тяжелым. Бухта была озарена светом десятков горящих кораблей. Ли Сунсин лично вышел на палубу флагманского корабля, бил в барабаны и старался всеми силами воодушевить воинов. И вот тут-то, в последнем сражении Имчжинской войны, его настигла вражеская пуля⁷³. Умирая, флотоводец просил никому не говорить о своей смерти, пока не закончится бой. Сражение длилось до 12 часов следующего дня. Объединенный корейско-китайский флот одержал сокрушительную победу, потопив или повредив более 200 японских судов, уничтожив более 500 человек противника. В течение двух последующих дней японские войска полностью ушли из Кореи. Так завершилась семилетняя война с Японией.

Победа в Имчжинской войне имела и имеет огромное значение для Кореи, в особенности в контексте последующей истории и прежде всего истории XX в., когда Корея на 35 лет потеряла свою независимость, став колонией Японии. Тогда факт победы над Японией в «далеком прошлом» укреплял чувство национального достоинства, давал надежду на восстановление независимости. Процессу колонизации Кореи сопротивлялись антияпонские отряды народного ополчения, так же, как и в годы Имчжинской войны, называвшие себя «Армией справедливости». И поныне «корабль-черепаха» *кобуксон* является одним из гордых символов Кореи.

Между тем победа в войне с Японией далась Корее большими жертвами. Многие сельскохозяйственные угодья были заброшены, количество пахотных площадей сократилось более чем в три раза. Обострилась борьба придворных группировок за власть. Ремесло переживало упадок, лучшие ремесленники были насильно увезены в Японию. Страна лишилась огромного количества произведений искусства, литературы. Значительно сократилось население страны. Только в столице оно уменьшилось более чем в три раза.

В таком состоянии Корея вряд ли могла оказать серьезное сопротивление любой значительной агрессии извне.

---

⁷³ В отличие от корейской, японская армия была вооружена легким огнестрельным оружием, изготовленным по голландской технологии. Однако в литературе, в том числе и в корейской, «для красного словца» иногда пишут о том, что Ли Сунсин был ранен «вражеской стрелой».

Глава 10. МАНЬЧЖУРСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ В КОРЕЮ 1627–1636 ГОДОВ. ПОДЧИНЕНИЕ КОРЕИ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ ЦИН

В то время, когда корейские и китайские войска совместными усилиями отражали японскую агрессию в Корее, в районе современной Маньчжурии формировалась новая сила, угрожавшая как Китаю, так и Корее.

Маньчжурская народность, образовавшаяся из чжурчжэньских племен *маньчжусу*, *суксухэ*, *хуньхэ*, все более консолидировалась под властью Нурхацы (годы жизни: 1559–1626). В 1580-е годы у маньчжуров начал формироваться государственный аппарат, в 1590-е годы было завершено объединение маньчжурских племен. В 1599 г. в новом маньчжурском государстве, построенном на доминировании военной организации, была введена собственная письменность. В первые десятилетия XVII в. власть Нурхацы укрепились настолько, что в 1616 г. он провозгласил себя *ханом*, высшим верховным правителем, а государству дал новое название — Позднее Цзинь. Это было поистине знаковое событие, показавшее, насколько далеко простираются планы новых маньчжурских правителей. Новое название должно было продемонстрировать, что маньчжурское государство является преемником чжурчжэньского государства Цзинь (1115–1234), завоевавшего в 1140 г. северную часть Китая эпохи Сун. Притязания Позднего Цзинь на китайские территории были очевидными.

В 1636 г. второй маньчжурский правитель Абахай (1591–1643), провозгласив себя императором — правителем «Серединного государства», изменил название страны на Цин. Это было еще более смелым выражением желания маньчжуров покорить Китай, поскольку название «Цин», т. е. «Чистый», было однопорядковым с названием правившей тогда китайской «династии» «Мин», что значит «Светлый»⁷⁴.

В процессе укрепления маньчжурского государства и расширения его притязаний маньчжуры пытались заручиться поддержкой со стороны своего южного соседа — Кореи, с тем чтобы обеспечить себе надежный тыл в противостоянии с Китаем. Корея же была вы-

⁷⁴ То, что названия «Цин» и «Мин» были действительно *одного порядка*, легко иллюстрируется тем, что в китайском языке есть слово, состоящее из двух слогов (иероглифов) *цин* и *мин* (*цинмин*), означающее «спокойный, чистый». Кроме того, так же называется один из 24 традиционных «сельскохозяйственных сезонов», на которые делится год.

нуждена прислушиваться к северному соседу, поскольку в начале XVII в. в стране все еще ощущались последствия Имчжинской войны.

§ 1. Корея в начале XVII века

Выше уже говорилось о тех огромных материальных и людских потерях, которые Корея понесла в годы Имчжинской войны. Поэтому король Сончжо, на время правления которого пришлись все тяготы войны с Японией, попытался начать некоторые реформы, направленные на восстановление страны. Например, многие представители категории лично-зависимых *ноби*, героически проявившие себя в годы Имчжинской войны, получили свободу, обретя статус «доброго люда» *янимин*.

Для пополнения государственной казны представителям низшего сословия дали возможность за деньги (зерно) поучать невысокие государственные посты. Однако такое нарушение конфуцианского принципа отбора на государственные должности по способностям отразилось на качественном составе чиновничества.

Имчжинская война не только не способствовала консолидации правящего класса, но, наоборот, обострила борьбу группировок за влияние при дворе. В 1599 г. лидирующая «Северная партия» раскололась на две — «Большую Северную партию» и «Малую Северную партию». В первые годы после раскола «Малой Северной партии» удалось захватить власть в свои руки, и она была лидирующей вплоть до 1608 г., до смерти короля Сончжо.

Одной из причин потери влияния «Малой Северной партии» стал вопрос о престолонаследии. Еще в годы Имчжинской войны, находясь в Пхеньяне, Сончжо, не имевший сыновей от жены, назначил наследником престола «принца»⁷⁵ Кванхэ-гуна (годы жизни: 1575–1641), сына от наложницы Кон. Кванхэ-гун часто сопровождал отца в поездках и помогал ему в делах управления страной. В 1600 г. умерла первая жена государя Сончжо, и по прошествии трехлетнего траура он женился вторично. От второй жены у Сончжо в 1606 г.⁷⁶ родился сын, «великий князь» Ёнчхан-тэгун. Втайне король, у которого к тому времени отношения с Кванхэ-гуном складывались не лучшим образом, решил попробовать изменить свое первоначальное

⁷⁵ «Принц» — условный перевод многозначного титула *кун* (*гун*) на русский язык.

⁷⁶ В исторической и справочной литературе встречаются также некомментированные указания на 1601 или 1607 г. как на год рождения Ёнчхан-тэгуна.

решение и назначить наследником престола Ёнчхан-тэгуна. Узнавшие о желании короля сторонники «Малой Северной партии» развернули при дворе дискуссию, пытаясь сделать тайные намерения Сончжо реальностью, но потерпели неудачу. Король не мог без видимых причин публично отказаться от своих слов. Многие члены «Малой Северной партии» были отправлены в ссылку. Не избежали репрессий и лидеры «Большой Северной партии», поддерживавшие Кванхэ-гуна. Некоторых из них, к примеру, Чон Инхона (1535–1623), под предлогом распространения ложных слухов Сончжо также отправил в ссылку.

Сложная ситуация при дворе разрешилась со смертью Сончжо весной 1608 г. Кванхэ-гун, оставаясь официальным наследником престола, занял трон, а Чон Инхон и другие представители «Большой Северной партии» вернулись ко двору, значительно укрепив свое положение. Тем не менее оппозиция при дворе, очевидно, еще имела значительное влияние. Поэтому по совету Чон Инхона Кванхэ-гун решил расправиться с теми представителями королевской семьи, вокруг которых оппозиционные силы могли объединиться.

В 1609 г. Кванхэ-гун казнил своего старшего брата Имхэ-гуна, обвинив его в государственной измене. Мать Ёнчхан-тэгуна, вдовствующую королеву Инмок, поселили в заточении в Западном дворце. Ее отец, Ким Чжечан, также был обвинен в государственной измене и казнен. Самого Ёнчхан-тэгуна, невинного младенца, Кванхэ-гун не решился убить, а низвел его статус до простолюдина и сослал на остров Канхвадо. Там Ёнчхан-тэгун прожил до 1614 г., где в восьмилетнем возрасте был убит по приказу губернатора острова Чон Хана.

Несмотря на кровавый, хотя и законный, приход к власти, Кванхэ-гун уделял значительное внимание делам государства. В его правление в Корее началась земельная реформа. В частности, были произведены учет и перераспределение земель в столичной провинции Кёнги. В 1608 г. был издан указ об унификации податей (закон *тэдонпю*), и в пределах той же столичной провинции натуральную подать начали заменять на выплаты зерном.

В правление Кванхэ-гуна был отстроен королевский дворец Чхандоккун, воссозданы уничтоженные в годы Имчжинской войны государственные исторические архивы. Кванхэ-гун способствовал книгоиздательскому делу и старался улучшить систему государственных экзаменов так, чтобы лучше реализовывался принцип отбора людей на чиновничьи должности по их способностям.

Большое внимание Кванхэ-гун уделял вопросам обороны страны, особенно в связи с беспокойной обстановкой на северных границах: занимался вопросами ремонта крепостей, производства оружия. В плане отношений с соседним Китаем династии Мин и маньчжурами он старался проводить сбалансированную политику. Когда Китай обратился с просьбой оказать помощь в войне с маньчжурами, после долгих раздумий в 1618 г. Кванхэ-гун отправил туда 13-тысячный экспедиционный корпус. Когда после поражения Китая и пленения корейского корпуса у столицы Позднего Цзинь — города Хэтуала маньчжуры предложили Корее заключить союз, Кванхэ-гун принял это предложение.

Несмотря на многочисленные полезные для страны начинания, кровавые события 1608–1609 гг. не давали возможности всему конфуцианскому придворному окружению признать Кванхэ-гуна легитимным государем. К тому же в начале 1620-х годов сторонники «Западной партии» обретали все большую силу в правительственных учреждениях. В результате весной 1623 г. сторонники «Западной партии», лидерами которой были такие сановники, как Ли Гви (1557–1633), Ли Гваль (?–1624), договорившись заранее с дворцовой стражей, попытались захватить главный королевский дворец. Несмотря на то, что Кванхэ-гуну удалось скрыться, внук государя Сончжо — «князь» Нынъян-гун был возведен на престол, получив впоследствии храмовое имя Инчжо (1623–1649), и было объявлено о низложении Кванхэ-гуна. Кванхэ-гун сам вернулся во дворец. Позже он и его семья были отправлены в ссылку на остров Канхвадо, а затем — на остров Чечжудо, где он прожил до самой смерти в 1641 г. Многие его сторонники были либо казнены, либо отправлены в ссылку. Однако на этом борьба за власть между отдельными группировками не закончилась. В 1624 г. Ли Гваль, недовольный своим назначением на пост губернатора северной провинции Пхёнан, поднял мятеж.

Придя к власти, Инчжо решил коренным образом изменить политику, проводившуюся Кванхэ-гуном по отношению к Китаю и Позднему Цзинь, полностью переориентировавшись на «легитимный, истинно конфуцианский» Китай. Таким образом, с началом правления короля Инчжо Корея перестала поддерживать отношения с маньчжурами.

А в это время, в 1626 г., в возрасте 68 лет умер основатель Позднего Цзинь Нурхаци. Его сын Абахай, получивший впоследствии храмовое имя Тай-цзун (на китайский манер), не стал дожидаться, пока

Корея вернется к прежней политике поддержания дружественных отношений с Поздним Цзинь. Воспользовавшись нестабильностью в корейских правящих кругах, он решил добиться своих целей военным путем.

§ 2. Маньчжурские военные походы в Корею

В 1-м месяце 1627 г. под предлогом того, что смещение Кванхэгуна с трона было незаконным, маньчжурский император Абахай направил в Корею 30-тысячное войско под предводительством своего сына Амина. В 13-й день 1-го месяца маньчжурское войско перешло по льду реку Амноккан и окружило пограничную крепость Ыйчжу. Крепость была взята уже на следующий день. Далее маньчжуры стремительно двинулись к югу, практически не встречая на своем пути никакого сопротивления. И это понятно: в то время в регулярной корейской армии, которая со времени Имчжинской войны постепенно становилась наемной, насчитывалось не более 6 тыс. человек. Уже в 24-й день 1-го месяца был взят Пхеньян, а к 25-му числу маньчжуры подошли к крепости Пхёнсан, которая располагалась неподалеку от Кэсона. До столицы Кореи оставалось совсем немного. Тогда королевский двор принял решение эвакуироваться на остров Канхвадо, прибыв туда в 27-й день 1-го месяца. Наследника престола отправили на юг в город Чончжу. Немногочисленные войска, оставленные в Сеуле, под предлогом защиты королевского двора также в спешном порядке переместились на остров Канхвадо.

Однако маньчжуры не пошли дальше, что объясняется целым рядом причин. С одной стороны, в литературе указывается на стихийное народное сопротивление, развернувшееся на севере Кореи, в тылу маньчжурских войск. В северокорейской исторической литературе название событий 1627 г. (и последующее вторжение 1636 г.) как раз определяется исключительно как «борьба народной “Армии справедливости” против маньчжурской агрессии». С другой стороны, для маньчжуров, по-видимому, главным было не завоевание Кореи, а необходимость заставить Корею отказаться от ее проминской (т. е. прокитайской) ориентации, а также приобрести в лице Кореи союзника. К концу 1-го месяца 1627 г. правительство оставило Сеул без защиты, королевский двор бежал. Корея была готова к ведению мирных переговоров.

Поэтому Амин отправил на остров Канхвадо свое посольство для переговоров, которые начались в 9-й день 2-го месяца. Изначальные

требования маньчжуров были неприемлемы для Кореи: передача Позднему Цзинь корейских земель к северу от реки Тэдонган; выдача китайского полководца Мао Вэньлуна (1576–1629), построившего опорный пункт на острове у западных берегов провинции Пхёнан; отправка 10 тыс. человек корейских войск для помощи маньчжурам в их войнах с китайским государством эпохи Мин.

Договор с маньчжурами был подписан на более мягких условиях. Во-первых, маньчжуры обещали не продвигаться вглубь Кореи южнее Пхёнсана. Во-вторых, между Кореей и Поздним Цзинь устанавливались «братские» отношения, в которых маньчжурское государство играло роль «старшего брата». В-третьих, корейцам удалось добиться согласия на то, что, имея дружеские отношения с Поздним Цзинь, Корея также не будет врагом по отношению к Мин. Причиной тому, скорее всего, стали стихийное корейское сопротивление, сложные зимние условия, не позволявшие маньчжурам долго задерживаться на чужой земле, а также то, что и в таком «мягком» варианте основные цели военного похода оставались выполненными.

После заключения договора, в 3-й день 3-го месяца, маньчжуры приступили к выводу войск. Правда, в пограничном городе Ёйчжу у реки Амноккан они оставили свое военное поселение. Весной и летом 1627 г. корейский военачальник Чон Бонсу (1572–1645), проявивший себя еще в годы Имчжинской войны, пытался оказывать сопротивление оставшимся на северо-востоке маньчжурским войскам, в частности в битве у крепости Ёнгольсан.

В дальнейшем в течение девяти лет между Кореей и Поздним Цзинь не было военных столкновений, несмотря на то что Корея не разрывала традиционных отношений с Китаем. Надеясь на мирный договор, подписанный с маньчжурами в 1627 г., Корея по-прежнему не уделяла достаточного внимания армии. Нестабильность при дворе, заметно снизившаяся, по сравнению с началом 1620-х годов, также давала о себе знать.

В 4-й месяц 1636 г. маньчжурский «император» Тай-цзун (Абахай) принял решение об изменении названия государства с Позднего Цзинь на Цин, претендуя на то, чтобы его власть распространялась на всю «Поднебесную», а его династия стала частью истории Среднего государства (Китая). Для участия в церемонии провозглашения новой империи, которая должна была произойти в 4-м месяце 1636 г., были приглашены посланники из «дружественной» Кореи. Однако Корея не отправила никакого посольства, потому что конфуцианской Корее было невозможно признать государство «варваров»,

т. е. маньчжуров, за легитимное «Серединное государство». Корейский посол в Позднем Цзинь На Докхон (1573–1640), хотя и присутствовал на церемонии восшествия на престол нового «императора» Поднебесной, отказался совершать ритуал посланника страны-васала.

После этого цинский император Тай-цзун стал требовать, чтобы столицу Цин посетил корейский принц и принес официальные извинения, признав государство Цин за сюзерена. Корея не приняла требование маньчжуров. Тогда Тай-цзун обещал направить в Корею огромное войско, если та не признает нового статуса маньчжурского государства. При дворе Инчжо и слышать не хотели о подобном развитии событий. Когда в 1636 г. в Корею возвратился посол На Докхон и передал требования Тай-цзуна, а также официальную Государственную грамоту Цин, бывшего корейского посла просто отправили в ссылку.

К началу 12-го лунного месяца (январь 1637 г.)⁷⁷ 120-тысячные маньчжурские войска⁷⁸ были сосредоточены у северного берега пограничной с Кореей реки Амноккан. Во главе цинской армии стоял лично император Тай-цзун. Одновременно маньчжуры под видом торговцев отправили в Сеул особое подразделение из 300 человек, чтобы помешать корейскому государю бежать на остров Канхвадо.

В 9-й день 12-го месяца цинские войска перешли по льду Амноккан. Несмотря на сопротивление корейской армии во главе с полководцем Лим Гёнопом у крепости Пэнма, маньчжурская конница, не задерживаясь у крепости, начала стремительное продвижение на юг к Сеулу. Уже к 14-му дню вражеские войска достигли Кэсона, а передовые отряды дошли до предместий Сеула. В тот же день государь Инчжо начал эвакуацию членов своей семьи, а также поминальных табличек предков из королевской усыпальницы на остров Канхвадо. В тот же день вечером сам он также попытался покинуть город через южные ворота. Но они уже были заблокированы вражеской конницей. Тогда приближенные Инчжо отправились за западные ворота и стали отвлекать вражеский караул. Это дало возможность королю ускользнуть из города, воспользовавшись отверстием для выпуска воды. Лишь к 10 часам вечера ему удалось добраться до ближайшей

⁷⁷ Начало традиционного лунного года приходится на дни между 27 января и 20 февраля по григорианскому календарю.

⁷⁸ В исторической литературе также встречается утверждение о том, что маньчжурские войска насчитывали около 100 тыс. человек.

крепости — Намхан, которую охраняло около 12 000⁷⁹ корейских воинов и в которой имелся запас продовольствия на два месяца.

Защитники крепости Намхан больше месяца мужественно защищали крепость. Тогда маньчжуры решили сосредоточить основное внимание на взятии острова Канхвадо, к которому они подошли к 21-му числу 1-го месяца. Атака началась на следующий день. Несмотря на то что на острове была расквартирована корейская армия, а вдоль его берегов находилось около 80 кораблей, маньчжуры быстро взяли Канхвадо. Захватив около 200 заложников, среди которых были члены королевской семьи, они направились к крепости Намхан, где уже стало заканчиваться продовольствие и все больше голосов раздавалось в пользу подписания мирного договора. На 45-й день после начала осады, в 30-й день 1-го месяца, несмотря на многочисленные протесты защитников крепости, король Инчжо признал свое поражение. Вместе с наследником престола он вышел к маньчжурскому императору Тай-цзуну и совершил перед ним унижительный поклон, являвшийся выражением признания вассалитета Кореи перед маньчжурами.

Таким образом, государь Инчжо заключил с маньчжурами мир, согласно которому Корея признавала сюзеренитет Цин, наследник престола и другие принцы должны были отправиться в качестве послов в Цин, а Корея обязывалась выплачивать Цин ежегодную дань золотом и более чем 20 видами других ценных товаров.

Несмотря на поражение в войне с Цин, корейцы не могли смириться с тем, что их стране пришлось подчиниться «варварскому» маньчжурскому государству и прервать отношения с легитимной китайской династией Мин. Однако в 1644 г. маньчжуры захватили Пекин, после чего их власть постепенно распространилась на весь Китай. Таким образом, с 1644 г. Корея опять, как и много столетий ранее, формально стала подчиняться Китаю. Только не тому Китаю, который был действительно в своем роде центром дальневосточного культурного ареала, а Китаю, которым правили «варвары».

Такое положение оказало огромное влияние на самосознание корейцев, на развитие корейской общественной мысли и стало одним из важнейших последствий маньчжурско-корейских войн.

---

⁷⁹ Упоминают также о 13 000 или 13 800 защитниках крепости.

§ 3. Начало формирования представления о Корее как о «маленьком Китае»

Как отмечается в современной южнокорейской историографии, по крайней мере с XII столетия, т.е. со времени составления Ким Бусиком «Исторических записей Трех государств», Корея в той или иной мере осознает себя «маленьким Китаем», «маленьким Серединым государством», т.е. государством пусть и небольшим по площади, но имеющим собственные культурные корни и культуру, которая по значимости не уступает культуре «Большого Китая» и также оказывает влияние на окружающие «варварские государства». Подобное самовосприятие Кореи было особенно заметным во времена масштабных агрессий извне. Воцарение маньчжурской «династии» Цин в Китае окончательно закрепило в сознании корейцев идею о том, что отныне только Корея является единственной носительницей истинной конфуцианской культуры. В Китае правили «варвары», а Япония всегда воспринималась в Корее как страна, стоящая рангом ниже.

Однако идеи о «перемещении истинного Серединного государства в Корею» четко оформились не сразу после падения правящего дома Мин. В XVII столетии переосмысление новой роли Кореи в дальневосточном мире, с точки зрения корейцев, происходило на уровне поиска, подтверждения и переподтверждения собственных исторических корней, которые должны быть такими же древними, как и китайские.

В 1667 г. представитель «Южной партии» ученый Хо Мок (1595–1682), свидетель двух военных походов маньчжуров в Корею, издал сочинение под названием «События Кореи» («Тонса»), в котором описывал историю Кореи начиная со времен Древнего Чосона и высказывал собственную новую точку зрения на древнюю историю Кореи. Хо Мок считал, что записи о древней истории Кореи — это не сборник мифов и легенд, а описание реальных событий, которые происходили в идеальном обществе древности. Таким образом, реальная история Кореи была столь же длительной, сколь и история Китая. Во-вторых, по мнению Хо Мока, в древности разделение вселенной на «Серединное государство» и «варваров» было неактуально. Тогда среди героев и великих государей встречались не только китайцы, но и представители других народов и культур. К тому же сам Конфуций изучал ритуалы «диких народов». Таким образом, получалось, что древняя культура Кореи имеет не только историю, сопостави-

мую с историей Китая, но и ценностную значимость одного порядка с Китаем.

Следует, однако, заметить, что не все корейские ученые «постманьчжурского периода» были едины во мнении о длительности корейской истории. Например, Лим Сандок (1683–1719), завершивший к 1711 г. сочинение «Собрание основного из истории Кореи» (*Тонса хвеган*), считал сведения об истории Кореи достоверными лишь со времени Объединенного Силла. Однако же, несмотря на сомнительное отношение к сведениям о древней истории, он считал Корею *легитимным* государством и по уровню культуры равным Китаю.

Окончательно концепция «маленького Китая» оформилась лишь через столетие после воцарения Цин в Китае и получила наиболее четкое выражение в идеях знаменитого корейского мыслителя Ли Ика (1681–1764). Во-первых, он считал, что культура Китая и культура так называемых «варваров», особенно в древности, не так сильно отличаются друг от друга, как принято думать. Во-вторых, собственно корейская культура начала зарождаться в то время, когда в Китае правили легендарные императоры Яо и Шунь, когда Китай находился под властью правящего дома Чжоу (XI–III вв. до н. э.). Таким образом, культура Кореи столь же древняя, как и культура Китая. В-третьих, в древности между различными государствами происходил интенсивный культурный обмен, и Корея получила необходимые основы «истинной моральности». Поэтому, в-четвертых, Корею вполне можно считать «маленьким Китаем».

Концепция «маленького Китая» послужила хорошей почвой для развития в дальнейшем идей кореецентризма, подпитывавших всевозможные национальные религии и идейные учения как нового, так и новейшего времени.

Для Кореи XVII в. оказался переломным не только в плане общественной мысли и идеологии, но и для всех сфер общественного и экономического развития. Это был век, ставший для Кореи рубежом между средневековьем и новым временем.

Часть III. ИСТОРИЯ КОРЕИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОРЕЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

В современной историографии в большинстве случаев XVII в. определяется как начало новой истории Кореи.

В отечественной исторической литературе отсчет нового времени в Корее ведется с XVII столетия. Каких-либо особых дискуссий по этому поводу нет, несмотря на то что в начале 1970-х годов отдельные авторы относили время вплоть до середины XIX в. к «позднему феодализму».

В корейской исторической науке подход к периодизации новой истории Кореи более сложен. В Южной Корее время от начала XVII столетия до 1860-х годов называют периодом «перехода к обществу нового времени». Между тем популярные справочные издания середины 1990-х годов относят это время все еще к периоду средневековья. Аналогичен и северокорейский подход к периодизации новой истории Кореи: с одной стороны, время до середины XIX столетия историки КНДР относят к средневековью, а с другой — они отмечают в Корее XVII–XVIII вв. развитие товарно-денежных отношений и зарождение капитализма.

Относительно верхнего рубежа новой истории Кореи в мировой историографии единого мнения нет. В отечественной исторической науке до сих пор новейшую историю Кореи начинают с 1917 г.¹ В Северной Корее рубежом нового и новейшего времени определяют начало антияпонской революционной деятельности Ким Ирсена², т. е.

---

¹ По состоянию на конец 1990-х годов в отечественном историческом корееведении отсутствовали работы, в которых ставилась бы проблема периодизации новой и новейшей истории Кореи.

² Исторически сложилось, что в отечественной литературе имя основателя и первого руководителя КНДР записывают как Ким Ир Сен. В настоящей монографии в целях унификации передачи на русском языке корейских имен и фамилий все корейские двусложные *имена* записываются в одно слово.

1910–1920-е годы. В Южной Корее за точку отсчета новейшей истории принимают 1945 г. — год одновременно счастливым и трагическим. Счастливым — потому что Корея обрела независимость от японского колониального господства, а трагический — потому что в этот год она оказалась разделенной на северную и южную части, где впоследствии образовались два самостоятельных государства.

В настоящей монографии автор придерживается южнокорейского подхода к определению границы нового и новейшего времени. Для этого есть несколько причин. Во-первых, можно сказать, что японская колонизация на некоторое время затормозила развитие корейской культуры, искусственно «законсервировав» ее отдельные элементы на уровне нового времени. Во-вторых, начало *самостоятельной* государственности нового типа, сменившей старые порядки династии Ли и японской колониальной администрации, связано именно с 1945 г.

Рассматривая историю Кореи нового времени, следует учитывать несколько важных моментов. Прежде всего это неоднородность качественного содержания различных исторических отрезков в рамках нового времени. Так, для XIX столетия определяющими были два процесса: 1) становление Кореи на путь модернизации; 2) ее постепенное подчинение внешним силам, среди которых за влияние в Корее боролись Япония, Китай, Россия, страны Запада, но победителем вышла Япония. В этой связи весьма продуктивным становится поиск в истории Кореи XVII–XVIII вв. ответа на вопросы, почему страна встала на путь модернизации и почему оказалась подчиненной Японии.

В отечественной историографии новая история Кореи изучалась достаточно активно начиная с 1950–1960-х годов, что, в частности, проявилось в выходе в свет ряда монографических исследований. Назовем лишь самых известных авторов. Ю. В. Ванин занимался изучением социально-экономических изменений в Корее XVII–XVIII вв., Г. Д. Тягай — историей общественной мысли Кореи нового времени, Б. Д. Пак — историей российско-корейских отношений, Ф. И. Шабшина — национально-освободительным движением корейцев в годы японской колонизации³.

³ Ванин Ю. В. Экономическое развитие Кореи в XVII–XVIII веках. М., 1968; Тягай Г. Д.: 1) Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971; 2) Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983; Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979; Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952; 2-е изд., перераб. М., 1958.

Итак, XVII–XVIII вв. оказались для Кореи мирным временем, когда страну не сотрясали войны и какие-либо масштабные внутренние перипетии. Одновременно это было время больших изменений в корейской экономике, политике, общественной мысли. Рассмотрим эти процессы подробнее.

§ 1. Переход к новой агротехнике, его социально-экономические последствия

Важнейшим изменением в сфере хозяйственной жизни Кореи XVII–XVIII вв., оказавшим огромное воздействие на многие сферы общественной и экономической жизни страны, стал переход к новой агротехнике. С XVII в. рис уже не высевали семенами, а стали высаживать рассадой, которую, в свою очередь, заранее выращивали на особо отведенных участках. Это, с одной стороны, давало возможность раньше приступить к ведению сельскохозяйственных работ, а с другой — обеспечивало более высокий уровень всхожести посадок. В результате произошло значительное повышение урожайности этой культуры.

Об этом агротехническом новшестве корейцам стало известно еще в XV в. Однако повсеместный переход на высадку рисовой рассады произошел именно в XVII столетии. Возможно, одной из причин этого была тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в Корее после двух разрушительных войн с японцами и маньчжурами, которая требовала более эффективных методов для ее скорейшего восстановления.

Начиная с XVII столетия корейцы стали активно выращивать новые виды сельскохозяйственных культур, попавших в Корею из Европы и Америки через Японию или Китай. В 1763 г. в Корею был ввезен батат, в 1824 г. — картофель. Батат выращивали в основном в южных провинциях, а картофель — в северных. Среди ввезенных в Корею культур можно назвать и такие распространенные в современном рационе корейца овощи, как перец и тыква. Выращивание новых сельскохозяйственных культур позволило увеличить площадь реальных сельскохозяйственных угодий за счет вовлечения в оборот склонов холмов и гор, не пригодных для выращивания риса и занимающих значительную часть площади Корейского полуострова.

Переход к новой технологии высадки риса и выращиванию новых сельскохозяйственных культур обусловил значительный рост урожая, т. е. рост количества производимых продуктов питания. След-

ствием этого стало стремительное увеличение населения Кореи (см. табл. 1).

*Таблица 1. Рост населения Кореи в XVII–XVIII вв.
(кол-во человек)**

Год	Население Сеула	Население провинции
1648	95 569	1 435 796
1717	238 119	6 601 652
1768	188 884	6 817 364
1799	193 783	7 218 903

* Составлено по: Пён Тхэсон Хангукса тхоннон
(Очерки по истории Кореи). Сеул, 1996.

Таким образом, только за XVII столетие численность населения Кореи возросла в 6 раз! Рост населения имел важнейшие последствия для всего корейского общества, определив прежде всего процессы социального расслоения, описанию которых будет посвящен отдельный параграф настоящей главы.

Стремительному росту производительности труда в сельском хозяйстве (и, как следствие, росту населения) способствовал еще один важный момент — новая аграрная политика государства.

§ 2. Новая аграрная политика государства

Когда после завершения Имчжинской войны был произведен переучет пахотных земель Кореи, выяснилось, что их общая площадь не превышает 540 тыс. *кёль*, что в три с лишним раза меньше площади полей, обрабатывавшихся в начале правления династии Ли (около 1700 тыс. *кёль*). Ко времени завершения второго маньчжурского военного похода в Корею (1637 г.) ситуация в этой сфере была не намного лучше. Дело в том, что к концу XVI столетия полностью развалилась прежняя земельная система, система учета населения. К тому же из-за войн с Японией и маньчжурами крестьяне нередко бросали свои поля. Кроме того, в ходе двух войн значительно сократилось население.

В начале XVII столетия стране требовалось как можно скорее вернуть заброшенные земли в «рабочее состояние». Для поощрения распашки заброшенных земель еще в правление государя Инчжо (1623–1649) было объявлено, что пустошь или заброшенное поле будет отдано в собственность любому, кто их разработает. При этом

право собственности формально предоставлялось всем, независимо от происхождения — и *янбанам*, и свободным крестьянам, и лично зависимым *ноби*. Владельцы вновь распаханых земель на три года освобождались от уплаты налогов.

Однако на практике получалось так, что реально силами и средствами для подъема заброшенных земель обладали все те же *янбане* (представители правящего сословия), а также управление королевского двора, государственные учреждения или немногие зажиточные собственники земли из низших слоев населения.

И все же с помощью политики поощрения распашки заброшенных земель отдельным представителям низших сословий удалось стать богаче, а впоследствии даже изменить свой социальный статус. Но главное — была решена основная задача: количество пахотных полей увеличилось. В правление государя Инчжо их площадь достигла цифры в 1200 тыс. *кёль*; в правление короля Сукчона (1674–1720) площадь обрабатываемых полей выросла еще на 200 тыс. *кёль*, составив 1400 тыс. *кёль*, а к концу XVIII столетия увеличилась еще на 50 тыс. *кёль*. Это было **первым направлением аграрной политики** государства, нацеленной на восстановление сельского хозяйства страны.

Однако такое значительное расширение площади обрабатываемых полей не сделало казну богаче: государственные учреждения, армия, королевский двор освобождались от уплаты налогов на все время пользования вновь разработанными полями (хотя тем самым в известной степени покрывали собственные расходы, меньше обращаясь за средствами в казну). Поэтому государство не могло не реформировать систему налогообложения, что стало **вторым направлением аграрной политики** корейского государства XVII–XVIII вв.

Раньше с крестьян взимались поземельный налог зерном и подать натуральными продуктами. После Имчжинской войны и первого военного похода маньчжуров в Корею старая, довольно сложная система взимания налогов и податей не функционировала. Поэтому в 1636 г.⁴, как раз накануне второго военного похода маньчжуров в Корею, государь Инчжо издал указ о новом «навечно установленном законе» (*ёнчжонпон*)⁵, регулировавшим налогообложение с крестьян. Согласно новому закону, налог собирался с единицы площади

⁴ Иногда в литературе указывают на 1635 г. как на год издания данного указа.

⁵ Полное название закона — «Навечно установленный закон о нормах налогообложения» (*Ёнчжон квалоль пон*).

кёль, и его размер должен был составлять лишь 4 *ту*⁶, независимо от того, был ли год урожайным, или нет. В южных более плодородных провинциях норма налогообложения могла устанавливаться в размере 6 *ту*. Это было значительным шагом вперед, потому что раньше в урожайные годы налог могли повышать до 20 *ту* с 1 кёль полей. Таким образом, жизнь крестьян должна была стать легче, что способствовало бы лучшему поступлению налогов, от которых крестьянам теперь не нужно было уклоняться.

На самом деле закон *ёнчжонп* оказывался не всегда эффективным, поскольку местные власти часто выискивали поводы для дополнительного взимания поземельного налога, называя его «налогом за услуги местной администрации» или «налогом за транспортировку риса в государственные склады» и т. п. Иногда по всей стране объявляли о каких-нибудь чрезвычайных налогах на нужды государства.

Третьим направлением в новой аграрной политике государства, логически связанным со вторым направлением, было изменение системы взимания натуральной подати. К началу XVI столетия старая система взимания натуральных податей также не работала. Ни к чему не привела попытка возродить ее в прежнем виде. Тогда было принято решение заменить взимание продукции домашнего ремесла на определенное количество риса, который фактически играл роль денег. Закон, провозглашавший принцип «вместо подати получать зерно», был назван законом «великого единства» (*тэдонп*) и впервые был введен в действие еще в правление государя Кванхэ-гуна в 1608 г. Однако поначалу его сфера действия ограничивалась исключительно столичной провинцией Кёнги. В 1624 г. (второй год правления государя Инчжо) действие закона распространилось на восточную провинцию Канвон, в середине XVII в. — на основные земледельческие провинции Чхунчхон, Чолла и Кёнсан, а в 1708 г. — на провинцию Хванхэ. В северных провинциях Пхёнан и Хамгён, где рисовых полей было значительно меньше, а климатические условия — суровее, закон *тэдонп* не применяли, а взимали традиционную подать.

Новизна закона *тэдонп* не ограничивалась только заменой натуральной подати на определенное законом количество риса. Изменился принцип обложения. Во-первых, если раньше подать взимали

---

⁶ Мера объема сыпучих тел. В XX столетии 1 *ту* был равен 18,039 л. Таким образом, 4 *ту* составляют 72,156 л.

с семьи, то теперь — с единицы площади полей: по 12 *ту* с 1 *кё-ля*. В результате выходило так, что в стоимостном выражении крестьянину следовало платить меньше. Во-вторых, «рисовую подать» брали только с *владельцев* земли, в то время как безземельные крестьяне освобождались от ее уплаты. В-третьих, замена подати на рис не была строго обязательной. Если где-то кому-то было проще внести подать холстом или деньгами, то это разрешалось делать. В-четвертых, делалось различие между континентальными и прибрежными районами, т.е. жителям приморских районов, занимавшихся рыболовством, вовсе не обязательно было вносить подать зерном. Зерно, собранное по закону о *тэдонпон*, шло главным образом на общегосударственные нужды и лишь частично — на содержание местной администрации.

«Третья» мера государства в сфере экономики оценивается в исторической литературе весьма положительно. С одной стороны, с введением закона *тэдонпон* значительно облегчилось положение крестьянства, а значит, повысились его уровень жизни и рождаемость, что, в свою очередь, положительно сказалось на росте населения. С другой стороны, универсализация системы податей, которая фактически свела ее к еще одной разновидности налогообложения, способствовала развитию товарно-денежной экономики.

Однако была у новой системы взимания податей одна негативная сторона объективного характера. Слишком низкий уровень податей, по сравнению с тем, что *можно было* получить с крестьянина, привел впоследствии к злоупотреблению со стороны местных властей, самовольно повышавших нормы взимания податей и присваивавших «излишки» себе.

Четвертым направлением в сфере экономических преобразований, инициированных государством, было изменение системы трудовых и воинских повинностей. Здесь также основным содержанием реформы была универсализация отношений между государством и военнообязанным населением.

В XVI в. система прямого набора солдат по воинской повинности была заменена на сбор холста с военнообязанных. Холст, который в то время подобно зерну также играл роль денежного эквивалента, направлялся в столицу, в Палату войск *Пёнчжон*. Оттуда холст рассылался снова в те провинции, где необходимо было сформировать войска, для того чтобы за него можно было *нанять* солдат. В XVII в. такая система функционировала не слишком эффективно. Обычно с военнообязанного крестьянина вносили по 2 *пхиль* (рулона) материи

в год. Крестьяне старались всеми возможными способами уклониться от этих поборов.

Поэтому в 1750 г. государь Ёнчжо (1724–1776) издал указ о введении «закона об уравнивании [воинских] повинностей» (*кюнбёкпоп*). Согласно закону, количество взимаемой с крестьян материи сокращалось до 1 *пхиль*. Однако взамен со всех владельцев земли дополнительно собирали по 2 *ту* зерна с каждого *кёль* полей. Помимо землевладельцев, новым военным налогом облагались хозяева солеварен, кораблей, рыбаки. Таким образом, закон о *кюнбёкпоп* также был направлен на облегчение жизни крестьян и сбор средств на военные расходы.

Однако, как и в случае с законом об унификации податей *тэдонпоп*, официальный невысокий уровень обложения провоцировал злоупотребления на местах. Уже к концу XVIII в. с крестьян стали собирать гораздо больше налогов и прочих сборов, чем они должны были вносить в казну.

И все же в XVII–XVIII вв. политика государства в сфере землепользования, податей и повинностей, наряду с введением новой агротехнологии, объективно способствовала повышению производительности труда, увеличению количества производимого продукта и, как следствие, значительному росту населения Кореи, усилению процесса социального расслоения, появлению новых видов деятельности, складыванию нового рынка и развитию торговли. Теперь в Корее было чем торговать.

§ 3. Ремесло и торговля

Отечественная и южнокорейская историография, обнаруживая национальные корни корейского капитализма, отмечает **рост ремесленного производства** в Корее XVII–XVIII вв. Северокорейская историография также указывает на развитие корейского ремесла в указанное время, но возникновение капиталистических отношений относит ко второй половине XVIII в.⁷

В традиционном средневековом корейском государстве, в том числе в начале правления династии Ли, ремесло было организовано следующим образом. Свободных профессиональных ремесленников, производивших продукцию для рынка, не было. Крестьяне-кустари, занимавшиеся домашним ремеслом, к категории ремесленников не

⁷ См., напр.: Сон Ен Чжон и др. Очерк корейской истории. Т. 1. Пхеньян, 1992. С. 293–296.

относились. Ремесленники были приписаны к королевскому двору или государственным учреждениям — столичным или провинциальным. Таким образом, они работали, выполняя определенный государственный заказ. Что касается социального статуса ремесленников, то считается, что они находились «в полукрепостной зависимости», т. е. относились к категории казенных *ноби*, но могли при этом иметь землю.

В XV в. в Корее появились объединения ремесленников одной специальности — *ке* («артель взаимопомощи»). Однако вряд ли они играли роль «цехов». Подобные *ке* встречались и в деревне как одна из форм организации крестьян, направленной на совместное выполнение каких-либо работ, например *ке* для совместного использования волов. Сведения о деревенских *ке* встречаются еще в эпоху Корё.

С точки зрения конфуцианства, ставшего господствующей идеологией в Корее династии Ли, ремесло не относилось к основной деятельности народа, которому полагалось заниматься земледелием. Могло ли ремесло в таких условиях играть значительную роль в развитии корейского производства, внутреннего рынка?

Статистика XVII–XVIII вв. однозначно указывает на рост ремесленного производства, не только количественный, но и качественный. Каковы основные направления развития корейского ремесла?

Важнейшим оставалось производство тканей. Хлопок, известный в Корее со времен эпохи Корё, производился в провинциях Хванхэ, Кёнги, Чолла и Кёнсан; шелк — в провинции Пхёнан; ткани из конопли — в провинции Хамгён; особая корейская ткань *моси*, изготовлявшаяся из технической культуры *рами*, — ткань, которой Корея славилась на весь Дальний Восток, — в провинции Чхунчхон.

Второй важной отраслью корейского ремесла была выплавка и обработка металла. Металл — железо, латунь, бронза — выплавлялся в небольших мастерских, как государственных, так и частных. Государственные мастерские располагались преимущественно в провинциях Пхёнан, Чхунчхон и Чолла, а частные — в провинции Хамгён. В них изготавливали оружие, посуду, зеркала и многое другое. В XVII–XVIII столетиях в Корее впервые появились мастерские, специализировавшиеся на отдельных видах продукции, например на изготовлении швейных игл.

Традиционной сферой деятельности было производство изделий из керамики и дерева.

Северокорейская историография, описывая изменения в корейском ремесле XVII–XVIII вв., указывая, в частности, на наличие как

государственных, так и частных мастерских, не рассматривает какие-либо определенные тенденции в преобладании государственного или частного производства.

Южнокорейская историография, напротив, обращает внимание на следующую важную тенденцию: рост количества частных ремесленных мастерских начиная с XVII в. и сосредоточение ремесла в частных руках к концу XVIII в. Так, в правление государя Чончжо (1776–1800) был окончательно отменен «список ремесленных мастерских», регламентировавший открытие и эксплуатацию частных ремесленных производств.

Наиболее высоким был рост частного сектора в сфере добычи и разработки полезных ископаемых, которые в Корее сосредоточены главным образом на северо-востоке страны (провинции Канвон и Хамгён). Так, к концу XVIII столетия количество государственных горных разработок сократилось в 3–4 раза. В 1775 г. была отменена система отправки в провинцию на места частных разработок полезных ископаемых особых уполномоченных из столицы, в задачу которых входили контроль и наблюдение за их деятельностью. Частные горнорудные артели были достаточно крупными. В среднем на них работали около 100 человек, однако численность работников в отдельных из них достигала тысячи.

Причины все большего преобладания частного сектора в ремесленном производстве южнокорейские историки видят в следующем: 1) частное производство было более эффективным, выпуская изделия лучшего качества; 2) его возникновение явилось частью сложного процесса развития товарно-денежной экономики.

Действительно, рост ремесленного и сельскохозяйственного производства объективно способствовал стремительному развитию **внутренней торговли**.

Несмотря на то что в Корее делами торговли ведали государственные учреждения во главе с Торговой палатой *Пхёнсисо*, общегосударственный рынок нового типа был сформирован благодаря деятельности частных торговцев. Невзирая на многочисленные запреты и ограничения торговли как занятия «недостойного», в отличие от земледелия, уже с XV в. стали проявляться отдельные тенденции ее стихийного роста, получившие новый толчок в XVII–XVIII вв. Тогда в Корее сформировалось несколько центров, специализировавшихся на торговле различными товарами. Так, в окрестностях Сеула и вдоль реки Ханган велась торговля злаковыми культурами, морепродуктами, солью. Там товары нередко закупались оптом, а потом

их развозили в ближайшие провинции — Кёнги и Чхунчхон. В Кэсоне образовался рынок древесины, обслуживавший нужды провинций Хванхэ, Пхёнан, Чхунчхон и Кёнсан. Кроме того, во всех крупных административных центрах были собственные местные рынки, которых к середине XVIII в. насчитывалось около тысячи. Такие рынки работали один раз в пять дней, давая возможность торговцам из ближайших окрестностей продать свои товары⁸.

Самые большие трудности частные торговцы испытывали в Сеуле, где для ведения постоянной торговли в лавочках требовалось получать особое правительственное разрешение, что было непросто. По этому поводу торговцы не раз выражали свое недовольство, обращаясь с петициями к правительству. В результате в 1791 г. ограничения на частную торговлю в столице были отменены.

Рост внутреннего рынка явился естественным стимулом **развития денежного обращения**. Деньги в Корее стали широко распространяться как раз с начала XVII в. Разговоры о необходимости введения денежного обращения начались еще в 1603 г., в правление государя Сончжо. Первые 1100 связок монет были отлиты в 1625 г., в правление короля-реформатора Инчжо. Войны с маньчжурами на время приостановили процесс чеканки и распространения денег. Однако широкие социально-экономические преобразования в Корее, развитие торговли объективно требовали введения денежного обращения. В 1678 г. государь Сукчон (1674–1720) издал указ о начале повсеместной чеканки монет. Поэтому этот год принято считать началом широкого денежного обращения в Корее. Сначала монополией на чеканку монет обладали центральные ведомства, но к концу XVII столетия право на изготовление денег было передано также провинциальным властям, что привело впоследствии к некоторому хаосу в денежном обращении. В 1785 г. была предпринята безуспешная попытка централизованного выпуска монет.

Корейские монеты изготавливались из меди, имели круглую форму и отверстие посередине, так, чтобы из них можно было делать связку. На поверхности монет была надпись: «Обычным [образом] одинаково [для всех] обращаема драгоценность» (*Санпхён тхонбо*). Корейские монеты *Санпхён тхонбо* находились в употреблении вплоть до начала XX в.

---

⁸ Традиция организации так называемых «базарных дней» (*чанналь*) в крупных административных центрах сохранилась в Корее и поныне. В Северной Корее базарные дни устраивают по 1, 11 и 21-м дням каждого месяца, а в Южной Корее (в некоторых провинциальных населенных пунктах) — раз в пять дней.

Таким образом, рост производства в сельском хозяйстве и ремесле, развитие рынка, введение денежного обращения являются факторами, объективно указывающими на то, что Корея XVII–XVIII вв. встала на путь перехода к товарно-денежной экономике. Важнейшей составной частью этого процесса было социальное расслоение *нового типа*, вызванное стремительным ростом населения и развитием экономики, которая открывала все новые сферы деятельности.

§ 4. Социальное расслоение. *Новый путь экономического развития Кореи*

Социальное расслоение в Корее XVII–XVIII вв. происходило путем формирования трех *основных новых* групп населения: крупных землевладельцев (*чичжусу*)⁹, крестьян, имеющих землю (*чонхо*), и безземельных крестьян-арендаторов (*мучжонхо*).

Важнейшим корейским сословием XVII–XVIII вв. становились крупные частные землевладельцы. Откуда они появлялись? Во-первых, многие *янбан* сохраняли прежние экономические позиции. Во-вторых, этому способствовала государственная политика предоставления права собственности на разрабатываемые пустоши и заброшенные поля. В-третьих, рост производительности труда в сельском хозяйстве и развитие внутреннего рынка позволяли части крестьян становиться богаче и приобретать в собственность все больше полей.

Служилое сословие *янбан*, несмотря на то, что формально как *категория населения* оно не исчезло, начало утрачивать характер доминирующего социального слоя в рамках господствующего класса и постепенно стало подвергаться процессу социального расслоения. Прежде всего это было связано с процессом обнищания *янбан*. К XVII–XVIII вв. появилось много *янбан* по происхождению, которые настолько обеднели, что либо стали заниматься сельским хозяйством на своих полях, либо превратились в безземельных арендаторов. Иными словами, часть *янбан*, формально оставаясь *янбанами*, фактически превратилась в крестьян с землей или без нее. Это объясняется целым рядом причин. Во-первых, отмирание в XVI в. системы полей *чиччон* означало, что у казны уже не оставалось свободных полей, которые можно было бы продолжать раздавать чиновникам за службу. Увеличение площади полей в результате поднятия пусто-

---

⁹ Иногда понятие *чичжусу* на русский язык переводят словом «помещик», что не совсем точно отражает его значение.

шей и заброшенных земель в XVII столетии происходило главным образом за счет частных владельцев, поэтому такие поля не стали собственностью казны и, следовательно, не уменьшился дефицит казенных земель. Во-вторых, резкое увеличение народонаселения, в том числе и среди *янбан*, отразилось на процессе наследования земли. Большое количество детей означало меньшие площади владений, достававшихся в наследство от отца. Тем более, что, согласно конфуцианской традиции, окончательно оформившейся при династии Ли, преимуществами в наследовании обладал старший сын — продолжатель рода и ответственный как за заботу о родителях, так и за все ритуалы, связанные с культом предков, для нормального обеспечения которых требовалась соответствующая материальная база. Поэтому малоземельные или безземельные наследники отца-*янбана* были *янбанами* только по родословной и по воспитанию, но не по экономическому и социальному положению, поскольку часто не находились на государственной службе.

Трансформация социального слоя *янбан*, связанная с утратой качеств «полноценного» служилого сословия, связана также с тем, что благодаря процессу социального расслоения, в частности обогащению отдельных крестьян, последние различными путями стали получать *янбанское*, т. е. «аристократическое», звание. Легальный путь состоял в том, что после накопления достаточного количества богатств и приобретения значительного влияния на местах крестьяне официально обращались в местную администрацию с просьбой о повышении социального статуса. Нелегальный путь заключался в подделке родословных, что становилось возможным также благодаря влиянию на местную администрацию, которое оказывалось при помощи вновь приобретенных богатств. Свои родословные могли подделывать не только крестьяне, но и лично-зависимые *ноби*.

Таким образом, к XVII–XVIII вв. *янбане* фактически перестали быть полноценным сословием, расслоившись на крупных землевладельцев и крестьян. Причем «новые *янбане*» не были таковыми ни по знаниям, ни по унаследованной культуре, ни по роду занятий.

При династии Ли появилось еще одно новое сословие, сыгравшее немаловажную роль в социально-экономических процессах XVII–XVIII вв. Это так называемые средние люди — *чунгин* — сословие, занимавшее промежуточное положение между *янбанами* и простонародом. К сословию *чунгин* относились представители мелкого столичного и провинциального чиновничества, исполнявшие «технические» обязанности, например писцы, переводчики, гадатели, счетчи-

ки, а также низший командный состав в армии. В эпоху Корё мелкое чиновничество формально относилось к категории *янбан*. Но с конца Корё — начала династии Ли привилегии мелкого чиновничества значительно сократились, а социальный статус понизился. Необходимость обладания практическими знаниями способствовала тому, что должности *чунгин* стали передаваться по наследству. Одновременно появились ограничения для занятия должностей выходцами из сословия *чунгин*. К категории *чунгин* также стали относиться и дети *янбан* от наложниц.

В XVII–XVIII вв., с началом активизации контактов с цинским Китаем и ростом потребностей в переводчиках, многие представители сословия *чунгин* стали заниматься легальной и нелегальной торговлей, в результате чего они значительно разбогатели. Считается, что *чунгин* — это одно из основных сословий, которое восприняло идеи модернизации и способствовало развитию Кореи. Поскольку представители *чунгин*, как правило, не имели земельных владений и не были связаны с земледелием, то они находились несколько в стороне от процесса формирования новых сословий крупных землевладельцев и крестьян-арендаторов.

Старое сословие лично-зависимых *ноби*, подобно сословию *янбан*, также подвергалось процессу социального расслоения в направлении землевладельцы — крестьяне. Формально сословие *ноби* просуществовало до конца XIX столетия, пока не было окончательно упразднено по указу 1894 г. Фактически в XVII–XVIII вв. все большее число *ноби* становились крестьянами (с землей или без нее), приобретая одновременно статус «доброго люда» *янмин*. В отдельных случаях бывшие *ноби* могли становиться крупными землевладельцами. И это приносило выгоды государству, потому что крестьяне, в особенности собственники земли, должны были платить налоги, тем самым пополняя казну, в то время как безземельные *ноби* были освобождены от налогообложения.

Процесс сокращения числа *ноби* и переход их в статус «доброго люда» сопровождался принятием ряда законодательных актов. До середины XVII в. считалось, что если один из родителей принадлежит к категории *ноби*, то и ребенок также должен был наследовать этот статус. В 1669 г. был издан закон, согласно которому статус *ноби* определялся по социальному статусу матери. Таким образом, если мать была свободной, то ребенок также был лично свободным.

На рубеже XVII–XVIII вв. в среде правящего класса все чаще звучало мнение о необходимости отмены категории *ноби*. И хотя

такие идеи еще не получили реализации на общегосударственном уровне, время от времени издавались указы о переводе большого количества *ноби* в разряд «доброго люда». Так, в 1801 г. 66 067 *ноби*, приписанных к королевскому двору, а также придворному ведомству, занимавшемуся материальным обеспечением многочисленных королевских дворцов, были освобождены, и им был присвоен статус «доброго люда».

Окончательно процесс социального расслоения и формирования новых классов и сословий завершился лишь в конце XIX в., когда в 1886 г. были упразднены старые сословия *янбан*, *янмин* и *ноби*. При этом личная зависимость, которую в литературе иногда именуют «рабством», окончательно была отменена только в 1894 г.

Одновременно с формированием сословий крупных землевладельцев, крестьян — владельцев земли и крестьян — арендаторов нового типа постепенно повышалась социальная роль торговцев и ремесленников, главным образом частных.

Принимая во внимание все изложенное, можно говорить о том, что Корея XVII–XVIII вв. шла по пути развития товарно-денежных отношений. Поэтому будущие корейские реформы конца XIX в., направленные на модернизацию капиталистического типа, независимо от того, кем конкретно они инициировались — корейцами или какими-либо внешними силами, были подготовлены предшествующим ходом истории Кореи, т. е. в XVII–XVIII вв. Вместе с тем к началу XIX в. при всех указанных позитивных изменениях Корея оказалась ослабленной настолько, что не смогла в должной мере противостоять воздействию внешних сил. Возможно, ответ на вопрос, почему так сложилось, удастся найти, если обратиться к рассмотрению особенностей королевской власти того времени.

На протяжении XVII–XVIII столетий не прекращалась борьба «партий». После прихода к власти государя Инчжо (1623–1649) и разгрома «Северной партии» основными соперниками при дворе стали сторонники «Западной партии» и «Южной партии». В 1683 г. «Западная партия» раскололась на «Партию старых» (*Норон*) и «Партию молодых» (*Сорон*). Одной из причин раскола стало расхождение по вопросу наказаний ряда последователей «Южной партии», обвиненных в подготовке заговора с целью низложения в 1680 г. государя Сукчона (1674–1720). В 1689 г. «южане» снова приобрели влияние при дворе, воспользовавшись спорами об определении престолонаследника. Тогда же по королевскому «приказанию умереть» покончил жизнь самоубийством лидер «Партии старых», из-

вестнейший корейский конфуцианский ученый XVII столетия Сон Сирёль (1607–1689). В 1694 г. «западные» снова вернули свои позиции при дворе. Только с 1728 г., после подавления мятежа «Партии молодых», государь Ёнчжо (1724–1776) стал проводить осознанную политику «умиротворения», т. е. прекращения борьбы «партий» и уменьшения их влияния при дворе.

Однако же фактическое прекращение борьбы «партий» к концу XVIII столетия совсем не означало исчезновения придворных группировок, которые сохранились, но формировались уже по несколько иным принципам, нередко с доминированием связей по линии семьи и общности родных мест.

Королевская власть, хотя и реализовывала ряд мероприятий, направленных на улучшение политического и экономического положения страны, не поспевала за динамичными социально-экономическими изменениями в Корее XVII–XVIII вв. В таких условиях отдельные представители правящего класса Кореи понимали необходимость более радикальных перемен в обществе и структуре власти. Их идеи постепенно оформились в идейное течение под названием «[за] реальные науки» — *сирхак*.

Глава 2. ИДЕЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ *СИРХАК*

В XVII — начале XIX в. в Корее появился ряд мыслителей, выступавших за изучение и пропаганду «реальных», т. е. используемых на практике, наук — *сирхак*; в противоположность традиционным конфуцианским знаниям, основанным на выучивании канонических сочинений. Эти ученые предлагали осуществить реформы, направленные на улучшение жизни народа, укрепление государства, усиление его оборонной мощи. Их идеи во многом послужили основой процесса модернизации Кореи конца XIX столетия.

§ 1. Возникновение и развитие идейного течения *сирхак*

Термин *сирхак* в корейской историографии, как Северной, так и Южной, трактуется в целом одинаково: «науки, имеющие практическое применение». Считается, что понятие *сирхак* стало употребляться в Корее еще в эпоху Корё для противопоставления наук о конкретном управлении государством, ведении хозяйства и воен-

ном деле «абстрактным» рассуждениям о морали и нравственности. Иногда под *сирхак* имели в виду «практическое» конфуцианство в противоположность «абстрактному» буддизму.

Корейский мыслитель Ли И (1536–1584), который еще не принадлежал к идейному течению *сирхак*, вложил в это понятие новое значение: «реальны» те науки, которые имеют практическое применение.

Представители *сирхак* периода позднего Чосона (1600–1897)¹⁰ понимали под «реальными науками» разработку проектов реформ в сфере землепользования, управления государством, изучение агротехники, естественных наук, в частности географии, поиски путей развития ремесел и торговли, производства новых предметов «заморского», т. е. европейского, типа, переосмысление истории Кореи в условиях появления новых сведений о мире и новой ситуации в окружающих Корею странах. *Сирхак* как «реальные науки» противопоставлялись этими учеными «абстрактному» неоконфуцианству Чжу Си.

Истоки идейного течения *сирхак* определяются в отечественной и корейской историографии несколько различно. Корейские ученые считают, что идейное течение *сирхак* возникло главным образом в связи с рядом социально-экономических изменений в Корее XVII–XVIII вв. Что касается влияния Запада, то говорится лишь о том, что уже сформировавшееся идейное течение *сирхак* критически воспринимало и оценивало западную общественную мысль. В отечественной историографии указывается на известную роль в возникновении и формировании *сирхак* западной общественной мысли, а также христианской религии, с которыми ранние *сирхакисты* знакомились через Китай или Японию.

Относительно периодизации, т. е. определения времени начала и завершения *сирхак*, единое мнение также отсутствует. Ранняя северокорейская и отечественная историография ведут начало *сирхак* от начала деятельности ряда ученых XVI в., таких, как Хан Бэккём (1552–1615) и Ли Сугван (1563–1628). Считается, что Хан Бэккём в своем труде «Описание географии Кореи» («*Тонгук чиричжиси*»)

¹⁰ Следует различать понятия «период Чосон», которое иногда употребляется в форме «династия Чосон», а также «династия Ли». История *государства* Чосон началась с восшествия на престол его основателя — Ли Сонге (государя Тхэчжо), а завершилась в 1897 г., когда Корея была провозглашена империей и получила новое название — Тэхан, т. е. «Великая Хан». При этом *династия* Ли, пришедшая к власти в 1392 г., оставалась правящей династией вплоть до 1910 г.

критиковал «иностранную», главным образом китайскую, трактовку фактов истории Кореи и взгляд на ее географию. К тому же он занимался реформированием системы землепользования, в частности принимал участие в разработке закона о взимании податей *тэ-донпоп*, который явился шагом на пути формирования в Корее товарно-денежных отношений. Ли Сугван также обращал внимание на необходимость изменений в политике, управлении хозяйством страны, организации армии. Кроме того, Ли Сугван стал знаменит своими естественнонаучными воззрениями, утверждая, в частности, что небо — это всего лишь пустота над землей, и поэтому оно не обладает никакой особенной силой, что шло вразрез с традиционными представлениями о Небесах и воле Неба.

Однако некоторые южнокорейские ученые склонны принимать за точку отсчета идейного течения *сирхак* лишь XVII в., полагая, например, что особые естественнонаучные взгляды Ли Сугвана и то, что он знакомил корейцев с католицизмом, недостаточны для того, чтобы относить этого мыслителя к идейному течению *сирхак*.

В таблице 2 приводятся имена, литературные псевдонимы, даты жизни *основных* представителей школы *сирхак* и особенности периодизации этого идейного течения.

Таблица 2. Школа *сирхак*:
персоналии, периодизация идейного течения

Имя	Литературный псевдоним	Годы жизни
Хан Бэккём	Куам	1552–1615
Ли Сугван	Чибон	1563–1628
Ким Юк	Чамгок	1580–1658
Лю (Ю) Хёнвон	Панге	1622–1673
Ли Ик	<i>Сонхо</i>	1681–1763
Хон Дэён	<i>Тамхон</i>	1731–1783
Пак Чивон	<i>Ёнам</i>	1737–1805
Пак Чегв	<i>Чхочжон</i>	1750–1815
Чон Ягён	<i>Дасан</i>	1762–1836
Ли Гюён	Очжу	1788–1860
Чхве Ханги	Хеган	1803–1879

Примечание: Выделены имена и годы жизни тех мыслителей, которые безоговорочно признаются как представители школы *сирхак*.

Таким образом, время расцвета *сирхак* приходится на период с конца XVII до начала XIX столетия.

Действительно, XVII век, который характеризуется значительными изменениями в сфере сельскохозяйственного производства, имев-

шими колоссальные социально-экономические последствия; приходом к власти «варварской», с точки зрения корейцев, маньчжурской династии Цин; началом знакомства с культурой и достижениями Запада, христианской религией с ее идеями равенства перед Богом, не мог не стать временем появления и расцвета в Корее новых идей.

Обычно взгляды *сирхакистов*, живших в разное время, принято представлять в рамках следующих категорий: естественнонаучные воззрения, взгляды на религию и конфуцианство, проекты социально-экономических реформ, социально-политические идеи.

В настоящей главе основное внимание будет уделено воззрениям ученых школы *сирхак*, связанным с вопросами реформирования корейского общества.

§ 2. *Сирхак о реформах в сфере земледелия и землепользования*

Лю Хёнвон был одним из первых *сирхакистов*, попытавшихся разработать проект **реформ в сфере землепользования**. Наряду с его взглядами на то, каким должно быть идеальное государство, этот проект описан в его сочинении «Свободные записи Панге» («*Панге сурок*»). Стержнем проекта была идея равных прав всех членов общества на пользование землей. Лю Хёнвон предлагал сначала вернуть всю землю государству, а затем перераспределить ее так, чтобы на одного человека приходилось по 1 *кёну*¹¹ земли. При этом поземельный налог не должен превышать $\frac{1}{10}$ урожая и не должно взиматься никаких других дополнительных поборов. Землю следовало выдавать на время жизни человека, а после его смерти — возвращать в казну. Военскую повинность Лю Хёнвон предлагал исполнять из расчета один человек на четырех военнообязанных.

Однако в проектах реформ Лю Хёнвона не было ничего экстраординарного. Идеи о равном наделении крестьян землей были известны на Дальнем Востоке еще со времен китайской династии Тан (618–907), когда речь шла о так называемых «колодезных полях».

Сирхакисты XVIII — начала XIX в. в своих проектах социально-экономических реформ пошли несколько дальше. Так, Ли Ик предлагал запретить одновременное владение несколькими участками земли.

¹¹ *Кён* — традиционная мера площади, использовалась также и в Китае (китайское прочтение — *цин*). 1 *кён* заливных полей в Корее составлял около 2–4 га, в Китае династии Цин 1 *кён* был равен 6,144 га.

Наиболее интересными и «радикальными» представляются проекты реформ, предложенные Чон Ягъёном. В отечественной историографии суть его проектов сводится к следующему: землей должен владеть тот, кто ее обрабатывает, а люди других профессий должны получать за свой труд вознаграждение продуктами.

В северокорейской историографии проекты реформ Чон Ягъёна представляются так. После того как земля будет возвращена государству, ее нужно будет снова раздать крестьянам, но не отдельным лицам, а низовой административной единице *рё* (деревне), в которую должно будет входить около 30 крестьянских дворов. Люди, составляющие *рё*, совместно обрабатывают землю без разделения на «твое» и «мое», а начальник *рё* каждый день письменно фиксирует труд каждого. Урожай собирается в общественные склады и после уплаты налога государству раздается каждому в зависимости от результатов его труда. Ремесленники и торговцы получают зерно в обмен на свои товары и услуги. *Янбане*, не занятые управлением или в сфере образования, должны заниматься общественно-полезным трудом, например обработкой земли, ремеслом или торговлей. В то же время творческую работу *янбан* следует оценивать в 10 раз выше обычной.

В южнокорейской историографии проект реформ Чон Ягъёна представляется в несколько иной трактовке. Всю землю следует передать в государственное владение, изъяв ее у прежних собственников. Затем землю нужно снова раздать, но не всем, а только «сильным» крестьянам или *янбанам*, которые могут самостоятельно вести хозяйство. Безземельные крестьяне должны работать по найму у новых владельцев земли.

В представленных вариантах изложения проектов земельной реформы Чон Ягъёна, которые справедливо называют высшим достижением школы *сирхак*, можно проследить желание историков КНДР и Республики Корея найти в них отражение существующих сегодня реалий той или иной части Корейского полуострова. Однако такие трактовки идей Чон Ягъёна отнюдь не являются фальсификацией. Северокорейский вариант изложения идей ученого отражает его ранние взгляды, а южнокорейский — более поздние. Очевидно, к концу жизни Чон Ягъён пришел к идее большей эффективности сильного частного хозяйства. Понять причины этого поможет более близкое знакомство с биографией мыслителя, тем более, что она во многом отражает истоки идейного течения *сирхак*.

Чон Ягъён родился в 16-й день 6-го месяца 1762 г. в местечке Маяжэ столичной провинции Кёнги. Впоследствии он использовал множество литературных псевдонимов — Саам, Танхо, Ёюдан, самый известный из которых — Дасан. Поэтому иногда в отечественной литературе ученого называют не Чон Ягъён, а Чон Дасан. У ученого было и крестное католическое имя Иоанн, а биографические сведения о нем можно даже найти в работах католических миссионеров¹². В 1768 г. в шестилетнем возрасте он написал свои первые стихи, свидетельствующие о его незаурядном таланте. С 10 лет Чон Ягъён под руководством своего отца Чон Чжэвона, временно отстраненного от государственной службы, занимался изучением конфуцианской классики и исторических книг. В 1776 г. Чон Ягъён женился, что не помешало ему путешествовать и следовать за отцом, который в том же году возвратился на службу. В 1777 г. Чон Ягъён впервые познакомился с сочинениями *сирхакиста* Ли Ика, смелые идеи которого произвели на него глубокое впечатление. В 1783 г. он поступил учиться в конфуцианскую академию Сонгюнгван в Сеуле; в 1789 г. в возрасте 27 лет удачно сдал экзамены на получение гражданской чиновничьей должности. В 1784 г. вместе со своими братьями Чон Ягъён впервые познакомился с христианской литературой, о существовании которой узнал еще из сочинений Ли Ика.

Служебная карьера Чон Ягъёна была весьма разнообразной. Он занимал различные должности в Палате наказаний — *Хёнчжос*, Палате войск — *Пёнчжос* и многих других. В 1794 г. в возрасте 32 лет совершил поездку по столичной провинции Кёнги в качестве тайного инспектора — *амхэноса*, что дало ему большой опыт и познания в области местного администрирования. Однако не все в его карьере было гладко. Не прошло даром увлечение католицизмом. В то время Корея проводила политику недопущения контактов с западными державами¹³. Королевский двор считал корейских католиков проводниками инородной ереси, поэтому время от времени в стране происходили расправы как над корейскими тайными последователя-

¹² См., напр.: *Dallet Ch. Histoire de l'Eglise de Coree*. Vol. 1–2. Paris, 1874.

¹³ Указанную политику, которая реализовывалась в Корее в разной степени начиная с XVII в. и до последней четверти XIX в., также называют в литературе «политикой самоизоляции», что не совсем корректно. На протяжении всего указанного периода Корея поддерживала официальные дипломатические отношения с Китаем, а также с токугавской Японией. С Японией, правда, отношения были не всегда активными, что объяснялось скорее не политическими, а экономическими причинами (см.: Хангук минчжок мунхва тэбэкхва сачжон (Энциклопедия корейской национальной культуры). Т. 18. Сеул, 1993. С. 605).

ми религии, так и над иностранными миссионерами. Одно из первых гонений на христиан произошло в 1791 г. В то время Чон Ягъён напрямую не пострадал, но после был отправлен на службу в провинцию Чхунчхон, а затем — в Хванхэ, в своего рода ссылку. Второе гонение на христиан, в 1801 г., когда были казнены 300 корейцев-католиков из сословия *янбан*, отличалось особой жестокостью. Тогда пропаганда христианства была строго запрещена, а сам Чон Ягъён поначалу был приговорен к смертной казни, но затем наказание смягчили, сняв его со всех должностей и отправив в ссылку в провинцию Кёнсан, в которой он провел 18 лет. В 1818 г. Чон Ягъёна освободили, разрешив вернуться в столицу, и предоставили должность 3-го ранга (всего было 9 рангов) в администрации королевской приемной. В 1836 г. Чон Ягъён ушел с государственной службы и отправился к себе на родину, где провел последние месяцы жизни в написании трудов и «религиозной жизни», скончавшись в 22-й день 2-го месяца.

Таким образом, Чон Ягъён, во-первых, был по образованию конфуцианцем; во-вторых, был хорошо знаком с западной культурой, в том числе через христианство; в-третьих, прекрасно знал жизнь в провинции и имел большой опыт административной деятельности и, в-четвертых, нередко находился в оппозиции к королевскому двору, в том числе по религиозным убеждениям. Все более тесное знакомство с культурой Запада, возможно, послужило одной из причин того, что к концу жизненного пути Чон Ягъён стал склоняться к идее реформирования сельского хозяйства по пути создания фермерских хозяйств *чаённон*.

Сирхакисты, занимаясь проектами развития сельского хозяйства страны, не ограничивались вопросами исключительно организации деятельности крестьян и их отношений с государством. Большое место в идеях *сирхак* занимала проблема **новых агротехнических приемов**. Так, Ли Ик в числе первых *сирхакистов* стал последовательно отстаивать преимущества высадки рисовой рассады перед обычной посадкой семян. Пак Чивон специально посвятил земледелию труд «Записки о земледелии» («*Кванон сочхо*», 1799), получивший высокую оценку короля Чончжо и приобретший впоследствии большую известность. Чон Ягъён также написал труд «Комментарии к земледельческой политике» («*Нончжонсо*»).

Однако ученые школы *сирхак* прекрасно понимали, что одного улучшения земледелия и землепользования недостаточно для того, чтобы сделать Корею процветающей. Для этого требуются изме-

нения во всех сферах общества и прежде всего в государственном устройстве.

§ 3. *Сирхак о государственном устройстве Кореи, ее месте в мире*

В связи с процессом социального расслоения, активно начавшимся в Корее в XVII столетии, *сирхакисты* не раз ставили вопрос о пересмотре старой сословной системы. Так, Пак Чега и Хон Дэён предлагали раздавать чиновничьи должности не только *янбанам* и их потомкам, но и простым людям, имеющим соответствующие способности. Наиболее законченное выражение **проекты реформ государственного устройства** получили в трудах Чон Ягьёна. Правда, и в этом случае трактовка сущности его предложений в современной историографии также неоднозначна.

Отечественные историки говорят о том, что, ратуя за большее общественное равноправие, Чон Ягьён предлагал систему поэтапного выбора короля: крестьяне должны были выбирать старосту деревни, староста — начальника уезда и т. д., вплоть до выбора короля. Тем самым ученый приближался к идее демократического эгалитарного государства, отрицая идею «небесного» происхождения королевской власти.

Южнокорейская историография представляет проект реформы государственной власти несколько иначе, приближая его к корейским традиционным воззрениям. По мнению южнокорейских ученых¹⁴, Чон Ягьён совсем не отрицал идею королевского правления, как раз настаивая на том, чтобы вся власть была сосредоточена в руках государя. Однако король должен заботиться о народе и изменить систему управления так, чтобы на пути между ним и народом стояло как можно меньше чиновников бюрократического аппарата. Государь должен быть верховным собственником всего имеющегося в государстве богатства, справедливо распределяя блага между народом. Назначение на государственные должности также должен контролировать король, исполняя роль «представителя Небес» на земле. Другое дело, что наследование престола нельзя было оставить бесконтрольным, так как с течением времени личные амбиции королей становятся все большими, и нередко они те-

¹⁴ См., напр.: *Ким Ёнтхэ*. Дасан-ый кукка кэхённон сосоль (Введение в теорию государственных реформ Дасана) // Дасан-ый чончхи кёнчже сасан (Политические и экономические идеи Дасана). Сеул, 1990.

ряют понимание «воли Неба». Поэтому требуется особый «закон короля» (*ванбон*), некое общественное мнение, которое исходило бы из пожеланий простого народа, передавалось уездному и провинциальному руководству, а через них столичному чиновничеству и в конечном счете государю, который должен следовать этим пожеланиям.

Таким образом, в представлении южнокорейской историографии, хотя в проекте реформ государственной власти Чон Ягъёна и имели место некоторые элементы «демократии», тем не менее ученый не отказывался от конфуцианских представлений об особой роли короля и его связи с «волей Небес».

Сирхакисты в своих проектах преобразования корейского общества не ограничивались только вопросами агротехнологии, землевладения и землепользования или государственного устройства. Их предложения охватывали буквально все сферы общественной жизни, важнейшей их которых была **система образования**. Считается, что *сирхакисты* призывали к отказу от *исключительного* изучения конфуцианской классики, настаивая на введении в школьную программу таких предметов, как родная история, география, арифметика. В то же время они четко понимали, что никакая новая система образования, никакие кардинальные реформы невозможны без заимствования передовых знаний, научных и технических достижений соседних стран. Хон Дэён, Ли Донму (1741–1793), Пак Чивон, Пак Чегэ призывали перенимать у соседей новую технику производства, тем самым они развивали идеи, высказанные еще Ли Иком. Кого *сирхакисты* называли «соседями»? Прежде всего цинский Китай, который был проводником культуры Запада. Поскольку Китай находился к северу от сухопутных границ Кореи, то указанная группировка ученых, лидером которой был Пак Чивон, получила название «Северная школа» (*Пукхаг пха*).

Желание всесторонних изменений к лучшему в стране не могло возникнуть на пустом месте, независимо от процесса переосмысления истории Кореи и ее места в мире. Вместе с тем попытка заново посмотреть на собственную историю была связана с частичным отрицанием конфуцианства, согласно которому поучительной могла быть только история Китая. Возникновение в Корее теории «маленького Китая», или «маленького Серединного государства», наиболее четко обоснованной Ли Иком, также послужило для представителей школы *сирха*к одним из стимулов по-новому взглянуть на историю своей страны и ее роль в окружающем мире.

Ученик Ли Ика — историк Ан Чжонбок (1712–1791) в своем ставшем классическим сочинении «Основные моменты и пояснения к истории Кореи» («*Тонса ганмок*») впервые окончательно установил линию преемственности истории Кореи от Древнего Чосона до династии Ли и описал историю Кореи как самостоятельного, полноправного и независимого от Китая государства. То, что свое сочинение Ан Чжонбок назвал «Основные моменты и пояснения», было смелым вызовом конфуцианскому Китаю, где подобный труд в том же жанре *ганмок* (по-китайски — *ганму*) написал основоположник неоконфуцианства Чжу Си.

Переосмысление географического положения Кореи было начато предшественником — зачинателем *сирхак* Хан Бэккёмом в его труде «Описание географии Кореи» («*Тонгук чиричжси*») и получило наивысшее выражение в сочинении Чон Ягъёна «Описание границ нашего государства» («*Абан канъёк ко*»).

В заключение отметим, что, несмотря на все перечисленные элементы новизны, *сирхак* не освободилось полностью от рамок традиционного конфуцианства. Так, в отдельных северокорейских работах самый «радикальный» из представителей *сирхак* ученый Чон Ягъён определяется всего лишь как «прогрессивный конфуцианец». Добавим, что свои идеи *сирхакисты* излагали на *ханмуне* — письменном китайском языке, который использовался в Корее, но был недоступен для понимания большинству населения страны.

И тем не менее идейное течение *сирхак* стало важнейшим явлением истории Кореи XVII — начала XIX в., в котором нашли отражение внутренние перемены в самой Корее, изменения, происходящие во внешнем мире, перемены в отношениях Кореи с этим внешним миром. Указанные обстоятельства оказали огромное воздействие на развитие не только общественной мысли, но и всей культуры Кореи XVII — начала XIX в.

Глава 3. КУЛЬТУРА КОРЕИ XVII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Экономические, а вслед за ними и социальные изменения в Корее XVII–XVIII вв. отразились во всех сферах жизни корейского общества, в том числе и в культуре — литературе, живописи, ремесле, а также науке.

Новые процессы социального расслоения нанесли удар по социальной и экономической роли сословия *янбан*, их авторитету. С другой стороны, повышение статуса простого народа, например, переход сословия лично зависимых *ноби* в разряд «доброго люда» или наделение большими правами ремесленников и торговцев, приводили к тому, что корейская культура становилась все более *массовой*.

§ 1. Литература, живопись, ремесло, наука

В XVI–XVII вв. в центральных и южных провинциях Кореи появился и стал приобретать широкую популярность новый жанр устного народного творчества *плансори* — сказание повестей нараспев в сопровождении корейского барабана *пук*. И в настоящее время этот вид народного творчества не потерял своей значимости для корейской культуры.

В среде образованного сословия возник большой интерес к корейским народным сказаниям, которые стали записывать на *ханмуне* — официальном письменном древнекитайском языке. Таким образом, устное народное творчество получило статус **литературы**. Наиболее известным считается сборник рассказов «Неофициальные рассказы [страны] Зеленых Холмов»¹⁵ («*Чхонгу ядам*»), составлявший-ся на протяжении XVIII столетия.

Однако самым замечательным явлением в литературной жизни периода Позднего Чосона стало стремительное развитие народной популярной художественной литературы на *корейском* языке, записанной с помощью корейского алфавита. Первым известным произведением такого рода, дошедшим до наших дней, является «Сказание о Хон Гильдоне» («*Хон Гильдон чжон*»; повесть о предводителе народного восстания), написанное еще на рубеже XVI–XVII вв. прозаиком, поэтом и высокопоставленным сановником с очень непростой судьбой Хо Гюном (1569–1618). Однако авторство большинства произведений популярной прозы того времени, написанных на корейском языке, неизвестно. Причем некоторые литературные произведения классифицируются как запись устных народных сказаний — *плансори*. Самые известные из них: «Сказание о Чхунхян» («*Чхунхян чжон*», повесть о любви Чхунхян, девушки из низшего сословия, и юноши *янбана*), «Сказание о Симчхон» («*Симчхон чжон*», повесть о заботливой дочери, имеющая элементы буддийских мотивов), «Сказание о Хынбу» («*Хынбу чжон*», повесть о двух братьях,

¹⁵ «[Страна] Зеленых Холмов» — одно из китайских названий Кореи.

Чон Сон (1676–1759). Красные утесы на реке Имчжинган

бедном и богатом), «Повесть о зайце» («*Тхожжи чэсон*», новая вариация когурёского мифа, зафиксированного в «Исторических записях Трёх государств»), «Записи [годов] *имчэсин*» («*Имчэсин нок*», повесть о событиях Имчжинской войны) и многие другие¹⁶.

В **корейской живописи XVII–XVIII вв.** наблюдались те же тенденции, что и в литературе. Это появление в картинах корейских мотивов и корейских методов передачи образов, а также обращение к простому народу посредством содержания картин: картины теперь писались для более широкого круга зрителей.

Таким образом, в пейзажной живописи корейские художники начали постепенно отходить от старой традиции абстрактных пейзажей китайского типа и стали изображать конкретную корейскую местность. Новый тип пейзажной живописи получил особое название — «изображение непосредственно увиденных гор и вод» (*чиккён сусанхва*). В этом жанре особенно прославился художник Чон Сон (1676–1759), написавший такие картины, как «Изображение гор Инвансан», «Изображение гор Кымгансан», «Рыбацкая лодка».

В XVII столетии корейские художники стали пробовать себя в изображении сцен из жизни простого народа, например, Ли Мёнук (жил во времена правления государя Сукчона (1674–1720)). Однако тогда в способах передачи образов еще сохранялось традиционное китайское влияние, что видно в его известной картине «Рыбак и дровосек».

В XVIII в. художники Ким Хондо (1745 — после 1816), Ким Дык-син (1754–1822), Син Юнбок (1758–?) и многие другие активно обра-

Чо Сок (1595–1668). Сороки

¹⁶ Большую часть перечисленных произведений можно прочесть в переводе на русский язык (см., напр.: Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII–XIX веков. М., 1990; История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М., 1960 и др.).

тились к сюжетам из повседневной жизни как *янбан*, так и представителей простонародья, став зачинателями массового живописного жанра *пхунсокхва* («зарисовки нравов и обычаев»). Альбом жанровых зарисовок Син Юнбока признан национальным достоянием Республики Корея. На протяжении XIX столетия интерес художников к жанру *пхунсокхва* оставался таким же высоким¹⁷.

Тенденция к большей реалистичности изображения сказалась и на жанре портретной живописи. Одним из ее шедевров признан автопортрет Юн Дусо (1668–1715), выполненный нетрадиционно, с четким прописыванием деталей и ярко выраженными личностными чертами.

Юн Дусо (1668–1715).
Автопортрет

Искусство каллиграфии также не избежало изменений в направлении усиления национальных элементов. До XVIII столетия корейцы писали каллиграфически, следуя исключительно правилам и нормам, принятым в Китае. Корейский каллиграф, исследователь корейской эпиграфики, представитель идейного течения *сирхак* Ким Чжонхи (1786–1856) изобрел собственный каллиграфический стиль, получивший название по литературному псевдониmu ученого — *чхуса-чхе*.

Период XVII–XVIII вв. ознаменовался широким распространением **керамики нового типа**, отдельные немногочисленные образцы которой появились еще в конце XV столетия. Ее отличительными особенностями были белый цвет и синие или голубые рисунки, наносившиеся поверх белого фона. Поэтому керамика получила название *чхонхва пэкча*, что значит «белая керамика с си-

¹⁷ В конце XIX столетия в Европе получил известность художник Ким Чжунгын, работавший в жанре *пхунсокхва*. Его зарисовки выставлялись в 1895 г. в Гамбурге, а 55 рисунков хранятся в Санкт-Петербургском Институте восточных рукописей РАН.

ними цветами». Роспись, однако, не ограничивалась изображением цветов. Это могли быть горы, деревья, птицы. Согласно точке зрения корейской историографии, бело-синяя керамика отличается особым корейским колоритом и не похожа на керамику соседних Китая или Японии.

Архитектура Кореи указанного периода какими-либо значительными *новыми* достижениями не отличалась, поскольку на протяжении нескольких столетий все силы корейских строителей были направлены на то, чтобы *восстановить* многочисленные дворцы, присутственные места, монастыри, большинство из которых погибло в годы Имчжинской войны.

В корейской науке XVII–XVIII вв., наряду со стойкой ориентацией на национальные ценности, одной из ведущих стала тенденция знакомства с научными и техническими достижениями Запада.

В корейской историографии утверждается, что **астроном** Ким Сонмун, живший во времена правления государя Сукчона (1674–1720), самостоятельно пришел к идее о круглой форме Земли и ее вращении вокруг своей оси, а *сирхакисты* Хон Дэён и Пак Чивон восприняли его идеи. Другие корейские достижения этого времени в астрономии связываются с западной наукой, проникавшей на Корейский полуостров через Китай. Это и новые астрономические приборы, такие, как телескоп, и новый солнечный календарь, который, естественно, не вошел в массовое употребление, но использовался отдельными астрономами, например Ким Санбомом.

География в указанный период также стала отходить от традиционного историко-географического описания местностей. Знакомство с западной географией побудило корейцев заняться тем, что принято называть *физической* географией, что выразилось прежде всего в составлении карт нового типа. Так, *сирхакист* Чон Санги (1678–1752) составил «Карту Кореи» («*Тонгук чидо*»), где впервые использовал масштаб. Географ Ким Чжонхо (?–1864) более 30 лет своей жизни потратил на полевые исследования территории страны. При составлении «Карты Кореи» («*Чхонгу до*») и «Карты земель Великой Кореи» («*Тэдон ёчжидо*», 1861 г.) он использовал новый метод начертания квадратов. Через Китай корейцы познакомились с картой мира итальянского миссионера Маттео Риччи (1552–1610), долгое время жившего и работавшего в Китае. Так в Корею стало складываться новое видение самих себя и мира.

Медицина продолжала развитие в традиционном направлении, новый толчок которому дало самое известное и популярное вплоть

Ким Дурян (1696–1763). Воллопас

до наших дней сочинение Хо Чжуна «Сокровищница корейской медицины» («*Тоный погам*», 1613 г.). В конце XVII столетия известный медик Ли Гёнхва (1629–1706) написал труд «Секреты широкой [медицинской] помощи» («*Кванчжэ пигын*»). В XVIII в. заметный вклад в развитие медицины внес Кан Мёнгиль (1737–?). Вместе с тем в XVII–XVIII вв. Корея начала знакомиться с достижениями западной медицины.

Чон Ягъён, изучив особенности западной **механики**, впервые в истории Кореи построил подъемный кран, использовавшийся при строительстве моста в Сеуле, а также части сооружений Сувонской крепости (недалеко от Сеула), которая подверглась коренной реконструкции в 1794–1796 гг.

Одним из главных источников сведений о культуре Запада было христианство, которое стало активно проникать на Корейский полуостров на рубеже XVI–XVII вв.

§ 2. Распространение христианства

Впервые корейцы столкнулись с христианством еще в годы Имчжинской войны, когда вместе с японскими войсками дважды, в 1593 и 1597 гг., на Корейский полуостров прибывал португальский католический миссионер Грегорио Сеспедес, проживавший в

Японии с 1577 г. Тогда его попытки распространить христианство закончились неудачно, поскольку он прибывал в Корею с вражескими агрессивными войсками и вся его деятельность рассматривалась как подрывная.

Несмотря на то что среди миссионеров, находившихся в Японии и Китае, разрабатывались планы христианизации Корейского полуострова, корейцы самостоятельно заинтересовались «западным учением» *сохак* — так в Корее называли христианство. *Сирхакист* Ли Сугван (1563–1628) в своем сочинении «Беседы о разном Чибона» («*Чибон юсоль*»; напоминаем, Чибон — это литературный псевдоним ученого) рассказал о западных странах и об итальянском миссионере Маттео Риччи (1552–1610), который жил и работал в Китае. Книга Ли Сугвана знакомила с содержанием трактата Маттео Риччи «Истинный смысл Бога» («*Тяньчжэшу ши*»). Ли Сугван, будучи внуком основателя династии Ли (Ли Сонге) в восьмом колене, занимал высокие государственные посты и имел возможность в 1590, 1597 и 1611 гг. побывать в Пекине с корейскими посольствами. Однако знакомство с христианством не сделало Ли Сугвана верующим.

Первым корейцем, принявшим христианство, считают высокопоставленного сановника Хо Гюна (1569–1618), автора знаменитой повести «Сказание о Хон Гильдоне». В 1610 и 1614 гг.¹⁸ он посещал Пекин в составе корейского посольства и привез оттуда католическую литературу, в частности тексты молитв. Сравнение христианства с буддизмом привело Хо Гюна к выбору в пользу христианства. В 1618 г. по обвинению в заговоре Хо Гюн был казнен.

Следующим высокопоставленным лицом, заинтересовавшимся христианством, стал наследный принц Сохён (1612–1645), старший сын государя Инчжо (1623–1649). В 1636 г., после второго военного похода маньчжуров в Корею, он вместе со своим младшим братом был увезен в качестве заложника в столицу Цин. В 9-й месяц 1644 г. принц Сохён вместе с маньчжурскими войсками вошел в завоеванный ими Пекин, куда затем была перенесена столица империи Цин. В Пекине принц Сохён сблизился с немецким миссионером Йоганом Шаллом. Очевидно, принц увлекся христианством, поскольку, возвратившись в Корею во 2-м месяце 1645 г., привез с собой католическую литературу. Однако уже через 70 дней после возвращения он умер от «внезапной болезни», сразившей его в течение трех дней.

¹⁸ В корейской исторической литературе встречается указание на то, что Хо Гюн посещал Китай лишь в 1609 г. или же в 1614 и 1616 гг.

Вся привезенная из Китая христианская литература была сожжена. Надежды Шалла обратить в христианство корейскую королевскую семью оказались несбыточными.

В то время в Корее еще не начались массовые гонения на христианство, поскольку сущность этого учения была не до конца понята, и представители высшего сословия, владевшие китайским языком, могли относительно свободно продолжать знакомиться с новой западной религией.

Новый всплеск интереса к христианству имел место в середине — второй половине XVIII в. Внимание к новой религии проявили главным образом представители сословия *янбан*, принадлежавшие к «Южной партии» и придерживавшиеся идейного течения *сирхак*. Наверное, это было не случайно. В связи с социально-экономическими и культурными переменами в Корее того времени, а также борьбой «партий» часть правящей элиты пыталась найти новое учение, новую религию, которая могла бы помочь обоснованию происходивших в обществе изменений и необходимости кардинальных реформ.

Сирхакист Ли Ик (1681–1763), «южанин», познакомился с большим количеством католической литературы на китайском языке и в своих комментариях с уважением относился к новой религии, указывая на «схожесть» представлений о европейском Боге и конфуцианском Верховном Императоре [Небес] *Санчжэ* (китайское *Шан-ди*). С католицизмом был знаком и ученик Ли Ика историк-*сирхакист* Ан Чжонбок (1712–1791), составивший знаменитые «Основные моменты и пояснения к истории Кореи» («*Тонса ганмок*»). Однако Ан Чжонбок относился к христианству с осторожностью, не принимая требования обязательного отказа от культа предков.

В 1779 г. группа «южан»: Квон Чхольсин (?–1801), Квон Ильсин (годы жизни неизвестны; зять Ан Чжонбока), Ли Бёк (1754–1786), знаменитый *сирхакист* Чон Ягён (литературный псевдоним — Дасан; 1762–1836), два его старших брата — Чон Якчён (годы жизни неизвестны) и Чон Якчон (1760–1801), и еще несколько человек, недалеко от Сеула в буддийском монастыре Чуоса организовала общество по изучению христианства, где занимались чтением католических текстов и обсуждением ряда теоретических проблем, которые нередко вызывали большие споры. Каждый 7-й, 14-й, 21-й и 28-й день они проводили, подобно воскресным дням, за чтением католических текстов, не занимаясь тяжелой работой. Надо отметить, что в Корее в то время еще не было семидневных недель. Примерно в то же время на юге Кореи, в провинции Кёнсан, жил некто Хон Юхан,

ученик Ли Ика, который, увлекшись христианством, вел жизнь монаха-отшельника и переписывался с Квон Ильсином. Вскоре в группе по изучению христианства появился еще один человек, муж сестры братьев Чон (Якчёна, Якчона, Ягъёна) Ли Сынхун (1756–1801). Несмотря на то что Ли Сынхун успешно сдал предварительный государственный экзамен, он решил оставить карьеру государственного чиновника и полностью посвятил себя изучению христианства.

В начале 1780-х годов в обществе по изучению христианства возник ряд неразрешимых вопросов, для уточнения которых нужно было поехать в Китай и встретиться там с католическими миссионерами. К счастью, Ли Донук, отец Ли Сынхуна, отправлялся в Китай с очередным корейским посольством и смог устроить сына в качестве одного из его членов. Ли Сынхун прибыл в Пекин в 21-й день 12-го месяца 1783 г. И уже во 2-й месяц 1784 г. он первым из корейцев был крещен французским миссионером Луи де Граммонтом, получив крестное имя Петр. Ли Сынхун возвратился в Сеул в 24-й день 3-го месяца 1784 г., привезя с собой большое количество христианской литературы.

Успешная поездка в Китай придала деятельности корейских христиан новый импульс. В тот же год Ли Сынхун сам крестил трех человек — членов общества по изучению христианства. Зимой 1784 г. в Сеуле в районе Мённедон (современный Мёндон) в доме Ким Бому была организована первая корейская католическая церковь, которую возглавил последователь «Южной партии» Ли Бёк. Более года верующие втайне собирались там по «воскресным» дням, молились, получали крещение. В 3-м месяце 1785 г. о тайной церкви стало известно, и ее последователей схватили. Ким Бому признали виновным и отправили в ссылку, где он скончался от пыток. Однако остальных отпустили, поскольку они оказались отпрысками знатных *янбанских* семей, объяснив их поведение «заблуждением». Так начались гонения на корейских христиан-католиков, которые формально закончились с подписанием в 1887 г. корейско-французского договора, в котором был обозначен пункт о свободе миссионерской деятельности.

Однако уже с 1786 г. корейская католическая церковь возобновила свою деятельность по образцу Пекинской католической церкви. Ли Сынхун, возглавивший корейскую церковь, принял сан епископа, а его ближайшие сподвижники братья Квон — Чхольсин и Ильсин, братья Чон — Якчён и Якчон, а также еще несколько человек стали «священниками». Это произошло потому, что государь Чончжо

(1776–1800), с одной стороны, проводил при дворе политику умиротворения, а с другой — во время первого гонения на корейскую католическую церковь симпатизировал «Южной партии», последователями которой были новые корейские христиане.

Однако уже в 1789 г., после более тщательного изучения католической литературы, деятельность корейской католической церкви снова была ненадолго приостановлена. Одной из причин этого, так же, как и последующего гонения на христиан, было отношение церкви к традиционному культу предков и связанной с ним церемонии кормления духов (или «жертвоприношения духам») предков *чеса*, которую в Корее традиционно совершали несколько раз в год.

Католическая церковь призвала отказаться от культа предков, уничтожить «таблички духов» с именами предков, которые хранились в особых алтарях, не совершать церемоний *чеса*. Действительно, согласно традиционным представлениям, вошедшим в качестве составной части в корейское конфуцианство, после смерти дух умершего так или иначе может проявлять себя в мире живущих и, для того чтобы дух предка не становился злым, на протяжении нескольких поколений его требуется «кормить»¹⁹. По христианским представлениям, душа после смерти должна попадать в рай или в ад (или чистилище). Таким образом, совершение церемонии *чеса* — это отрицание христианского представления о посмертной жизни души.

Корейцы не могли легко отказаться от традиционных представлений о загробной жизни, увязанных с многочисленными ежегодно совершаемыми ритуалами, вплетенными в сельскохозяйственный цикл²⁰. Тем не менее в 1791 г. выходец из *янбан* Юн Чжичхун (1759–1791), дальний родственник Чон Ягъёна по женской линии, который был одним из «прихожан» первой корейской католической церкви в доме Ким Бому, после смерти своей матери не изготовил поминальную табличку и не совершил церемоний *чеса*. Более того, младший брат его жены — Квон Санъён поддержал Юн Чжичхуна в том, что тот соблюдал траур по матери по католическому ритуалу. Это стало известно при дворе. Юн Чжичхуна обвинили в непочтении к родителям и, взяв под стражу, казнили вместе с шурином. Почтительное от-

¹⁹ Подробнее см.: Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.

²⁰ Корейцы совершают церемонии *чеса* и в настоящее время, на рубеже XX–XXI вв., в том числе в некоторых семьях, отдельные члены которых являются католиками, и по отношению к тем, кто при жизни был католиком.

ношение к родителям (*хё*) было и во многом остается одним из столпов корейского общества²¹, а «непочтительность» означала страшное преступление, которое в итоге могло разрушить общественный порядок.

В этом контексте корейцы никак не могли признать и поддержать христианство. По этому поводу при дворе государя Чончжо развернулась жаркая дискуссия, не утихавшая в течение многих лет. Сторонники «Западной партии новых» (*Синсонха*) настаивали на молчаливом признании христианства, а приверженцы «Западной партии заслуженных» призывали запретить непонятное учение.

Антихристианские настроения восторжествовали тогда, когда после смерти короля Чончжо, не оказывавшего значительного давления на христиан-последователей «Южной партии», на престол был возведен несовершеннолетний государь Сунчжо (1800–1834), а реальная власть перешла в руки консервативной группировки вдовствующей королевы Чонсун. Уже в первый год правления Сунчжо, в 1801 г., начались активные поиски католических верующих в среде *янбан*, их аресты, казни, ссылки. В ходе репрессий погибли Ли Синхун (первый корейский крещеный), Квон Чхольсин (один из основателей общества по изучению христианства), Чон Якчон (старший брат *сирхакиста* Чон Ягъёна), а также китайский священник Чжоу Вэньмо, нелегально проводивший миссионерскую работу в Корее с конца 1794 г.

Ситуация в 1801 г. значительно обострилась по причине того, что было перехвачено письмо *янбана*-христианина Хван Саёна (1775–1801), зятя старшего брата Чон Ягъёна, отправленное в Пекин французским миссионером. В письме рассказывалось о тех гонениях, которым подвергались корейские христиане. Обнаруженное письмо еще больше усилило волну репрессий. Христиан стали обвинять в том, что они не только разрушают нормы морали, но и пытаются «продавать страну». Число пострадавших за 1801 г. христиан превысило 300 человек.

События 1801 г. привлекли пристальное внимание католических миссионеров в Пекине, тем более что к концу XVIII столетия в Корее насчитывалось уже более 10 тыс. верующих. Постепенно возник вопрос об отделении корейской католической церкви от Пекинского епископата. В 1816 г. сын Чон Якчона — Чон Хасан отправился в оче-

²¹ Подробнее см.: Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996.

редной раз в Пекин и передал письмо с просьбой прислать священников-миссионеров, что должно было помочь в создании Корейского епископата. В результате постоянных просьб корейских верующих в 1831 г. Ватикан принял решение о создании Корейского епископата, а в 1836 г. три французских священника — отцы Мобан, Шастан и Эмбэр тайно прибыли в Корею.

В 1834 г. на престол был возведен восьмилетний государь Хончжон. Реальную власть в стране захватила группировка королевы Сунвон, начавшая в 1839 г. очередное, еще более кровавое гонение на христиан, в результате которого были казнены три французских священника и более 100 человек верующих.

С начала XVII столетия Корея воспринимала христианство самостоятельно, без какой-либо деятельности иностранных миссионеров на ее территории. Христианством интересовались главным образом представители правящего класса. Это явилось следствием социально-экономических и культурных изменений в XVII–XVIII вв., контактов с западной культурой и желанием части правящей элиты найти новую идейную и духовную основу для происходивших и назревающих необходимых для корейского общества изменений.

Во второй половине XVIII столетия стремительно развивавшаяся корейская католическая церковь не подвергалась значительным гонениям. В XVIII в. королевская власть пыталась подстроиться к происходящим в стране изменениям. В 1746 г. была проведена ревизия кодекса законов «*Кёнгук тэчжон*» («Великое уложение по управлению государством»), принятого еще в XV столетии. Его новый вариант получил название «Продолжение Великого уложения» («*Соктэчжон*»). В 1785 г., в правление государя Чончжо (1776–1800), кодекс законов вновь пересмотрели, издав его под названием «Общий свод Великого уложения» («*Тэчжон тхонпхён*»). В это время, несмотря на то что некоторые из *сирхакистов* находились в оппозиции к королевскому двору, другие имели возможность активно воздействовать на королевскую власть. Например, *сирхакист* Ан Чжонбок (1712–1791), автор «*Тонса ганмок*», был учителем наследного принца, будущего государя Чончжо.

Однако в начале XIX столетия гонения на христианство, которое расшатывало традиционные конфуцианские устои общества, вылились в неприятие правящей верхушкой всего западного, в нежелание вообще каких-либо кардинальных изменений. Королевская власть в первой половине XIX в. стала тормозом для процессов, начавшихся в XVII столетии, сделав Корею гораздо слабее окружавших ее Япо-

нии и Китая, не способной противостоять усиливавшемуся натиску западных держав, имевших обширные колониальные интересы в Восточной Азии.

Глава 4. КОРЕЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. ПРАВЛЕНИЕ ТЭВОНГУНА

В XVII и первой половине XVIII в. борьба придворных группировок происходила главным образом в рамках так называемых «партий». С середины XVIII в. в результате «политики умиротворения» государя Ёнчжо (1724–1776) противостояние «партий» при дворе потеряло прежний накал. В начале XIX столетия с приходом к власти короля Сунчжо (1800–1834) главенствующую роль при дворе стали играть семейные группировки, не связанные с «партиями». В первой половине XIX в. королевская власть не только не смогла перестроиться в соответствии с происходившими в стране изменениями, объективно способствовавшими развитию товарно-денежных отношений в Корее, но и сделала шаг назад по сравнению с предшествовавшим столетием.

Противоречие между слабеющей королевской властью и новыми тенденциями общественного развития стало главным содержанием истории Кореи первой половины XIX в.

§ 1. Положение в Корее в начале XIX века

В 1800 г. в 6-й месяц на престол был возведен 11-летний государь Сунчжо, сын от наложницы предшествующего короля Чончжо, определенный в качестве наследника престола только в начале 1800 г. Поскольку Сунчжо был несовершеннолетним, регентство перешло в руки вдовствующей королевы Чонсун. Вскоре была избрана будущая жена Сунчжо — дочь высокопоставленного сановника Ким Чжосуна (1756–1831), который был дальним родственником королевы Чонсун и благодаря своим способностям пользовался особым доверием государя Чончжо. Вслед за этим Ким Чжосун получил высокий придворный титул *Ёнан пувонгун*, практически захватив власть в свои руки. Так начались десятилетия правления семьи Ким из района Андон юго-восточной провинции Кёнсан.

Первый полный год фактического правления королевы Чонсун и семьи Кимов (1801 г.) ознаменовался жестокими гонениями на ко-

рейских христиан. Государь Сунчжо не уделял большого внимания делам управления ни после восшествия на престол, ни по достижении совершеннолетия в 1804 г. Это давало большую свободу действий семье андонских Кимов, которые интересовались лишь собственными благами, а не судьбой государства в целом. В их правление началась политика благоприятствования по отношению к провинции Кёнсан и усилились притеснения северных провинций.

Практически не осуществлялся контроль за местной администрацией, которая по своей воле увеличивала количество поборов с крестьян, забирая излишки себе. Особенно тяжелым был военный налог холстом, который в начале XIX столетия именовался *кунпхо*, т. е. «ткань на военные [расходы]». При незначительном росте населения Кореи, по сравнению с 1750 г., когда вводился «закон об уравнивании [воинских] повинностей» — *кюнвёкпюп*, число облагаемого этим налогом населения по спискам увеличилось в четыре раза, что говорило о фиктивности таких списков. Действительно, изначально полагалось собирать налог *кунпхо* только исходя из числа совершеннолетних мужчин в семье. Однако налоги взимались и с несовершеннолетних, т. е. не достигших 16 лет, и с умерших, но числившихся в списках. Если крестьянин уходил из деревни, не выдержав гнета эксплуатации, за него платить налог обязывали родственников или даже соседей. В это время бегство крестьян становилось массовым явлением.

При этом королевская власть, обязанная, согласно конфуцианским представлениям, заботиться о народе, бездействовала, что не могло не вызывать справедливый гнев народа. В 1-м месяце 1808 г. в уездах Танчхон и Пукчхон провинции Хамгён имели место столкновения крестьян с местной администрацией.

В 1811 г. в провинции Пхёнан разгорелось самое крупное в первой половине XIX столетия **народное восстание**, во главе которого встал **Хон Гённэ (1780–1812)**. Северокорейская литература называет Хон Гённэ выходцем из крестьян, а само восстание — крестьянским. В отечественной литературе указывается на существование различных взглядов на социальную принадлежность Хон Гённэ и делается выбор в пользу того, что он был выходцем из мелких *янбанов* или зажиточных крестьян *тхого* («богатых земель»). Действительно, в молодости Хон Гённэ пытался сдавать «малый» государственный экзамен на получение ученой степени *чинса* («продвинутый муж»), прохождение которого давало право на участие в «больших» экзаменах на получение чиновничьей должности, но провалился. Таким образом, он не мог быть простым крестьянином.

Между тем в справочной литературе встречаются сведения о том, что Хон Гённэ — потомок знаменитого рода Хон из Намъяна (Южная Корея), уходящего корнями в период эпохи Корё. Знатное происхождение предоставляло Хон Гённэ принципиальное право претендовать на роль основателя новой династии.

Свой провал на экзаменах Хон Гённэ был склонен объяснять несправедливой политикой по отношению к выходцам из северо-западных провинций Кореи. В довершение ко всему в 1811 г. страну постигла необычайная засуха. Помимо того, что следствием засухи был неурожайный год, делавший жизнь народа еще тяжелее, одновременно это было как бы «знаком Небес», возвещавшим о том, что время правления старой династии исчерпано и Небеса «дают разрешение» на установление новой династии. Среди ближайших друзей Хон Гённэ, намеревавшихся возглавить будущее восстание, были профессиональные геоманты, как, например, У Гунчхик (1776–1812), которые выдвинули теорию о новой роли северо-запада Кореи. Одним из обоснований теории явилось то, что как раз на северо-западе Кореи располагался центр государства Древний Чосон. Теперь центр государства должен был «возвратиться» обратно.

В 1811 г. встретившись с У Гунчхиком в буддийском монастыре Чхоннёнса («Монастырь синего дракона») в уезде Касан провинции Пхёнан, Хон Гённэ стал готовить восстание, имевшее конечной целью свержение династии Ли. В местечке Табоктон уезда Касан (устье реки Тэрёмган) из бывших крестьян — рабочих горнорудных разработок провинции Пхёнан — Хон Гённэ стал формировать вооруженные отряды. В числе ближайших помощников Хон Гённэ были Ким Чханси²², имевший степень *чинса* после сдачи «малого» государственного экзамена и занимавшийся торговлей, Ли Хичжо — торговец, выходец из сословия мелких чиновников.

В 10-м месяце 1811 г. на совещании повстанцев в Табоктоне Хон Гённэ был назначен Главнокомандующим умиротворенного запада (*Пхёнсо тэвонсу*), т. е. повстанческих войск северо-запада Кореи, а Ким Саён, выходец из богатых крестьян, — Заместителем главнокомандующего. Повстанческие войска были разделены на Южное и Северное. Готовясь к выступлению, торговцы и богатые крестьяне из окрестных местностей поставляли в Табоктон оружие, снаряжение, продовольствие.

²² Даты рождения многих ближайших помощников Хон Гённэ неизвестны, а даты смерти совпадают — 1812 г.

В 18-й день 12-го месяца 1811 г. повстанцы выступили из Табоктона и захватили уездный центр Касан. В 20-й день было взято селение Пакчхон, расположенное выше по течению реки Тэрёмган. Северное войско во главе с Ким Саёном, которое должно было двинуться на север, в сторону реки Амноккан, захватило уездные центры Чончжу и Кваксан. При этом повстанцы открыли государственные амбары и склады, раздали зерно и деньги крестьянам. Поэтому многие из них присоединились к восставшим. Хон Гённэ планировал во главе Южного войска двинуться на Пхеньян, Кэсон, а затем и на Сеул. Однако уже 21-го числа он был ранен в столкновениях у Пакчхона, поэтому войско пришлось отвести к Касану.

В течение нескольких дней, благодаря поддержке местного населения, вся приморская территория провинции Пхёнан на участке от реки Чхончхонган до реки Амноккан перешла в руки восставших. Это была стратегически и экономически важнейшая часть страны — приграничный участок сухопутного торгового пути, связывавшего Корею с Китаем.

К концу 12-го месяца повстанцы сосредоточили войска у селения Соннимдон на северном берегу реки Чхончхонган, как раз напротив города Анчжу, взяв который восставшие могли бы начать продвижение вглубь Корейского полуострова. Однако в это время в Анчжу уже находились правительственные войска, которые, переправившись через реку Чхончхонган, 29-го числа 12-го месяца вступили в бой с восставшими. Превосходящие силы правительственных войск одолели повстанцев. В течение 1-го месяца 1812 г. почти все уездные центры, находившиеся в руках восставших, были отвоеваны правительственными войсками. Только в городе Чончжу сопротивление продолжалось почти четыре месяца. В 19-й день 4-го месяца правительственные войска, в восемь раз превосходившие силы повстанцев, ворвались в город, перебив всех мужчин. В боях погибли сам Хон Гённэ и многие его ближайшие помощники. Женщин — защитниц города обратили в лично зависимых *ноби*. Восстание было жестоко подавлено. Головы казненных руководителей, например У Гунчхика, возили напоказ по всем восьми провинциям Кореи, с тем чтобы отбить у населения охоту восставать против королевской власти. В то же время при дворе понимали справедливость недовольства жителей провинции Пхёнан. Поэтому срочно были выделены деньги и рис для раздачи особо нуждавшимся, а также издан особый указ о предоставлении выходцам из провинции Пхёнан высоких чиновничьих постов.

Народное восстание под предводительством Хон Гённэ занимает особое место в истории Кореи. Весьма примечательно то, что в подготовке восстания и непосредственно в боевых операциях участвовали *новые* корейские сословия, возникшие в процессе социально-экономических перемен XVII–XVIII вв.: богатые крестьяне-землевладельцы, наемные рабочие рудников, частные торговцы, разбогатевшие на торговле с Китаем. Несмотря на то что восставшие выдвинули традиционное требование установления новой, «правильной» династии, одной из *объективных* причин недовольства повстанцев было несоответствие *старой* политики королевского двора и *новых* экономических реалий развивавшейся товарно-денежной экономики. Крестьяне лишь присоединились и поддержали восстание, организованное и материально обеспеченное новыми сословиями. Поэтому для отражения особого характера событий 1811–1812 гг. было бы правильнее называть их не «крестьянским восстанием» или «крестьянской войной», а «народным восстанием». Действительно, в современной южнокорейской историографии восстание под предводительством Хон Гённэ иногда называют «народным сопротивлением» (*минчжун ханчжэн*).

Временные меры королевского двора для умиротворения мятежной провинции Пхёнан не имели продолжения в каких-либо кардинальных реформах местного администрирования или центральной власти. Беспредел на местах продолжался, и все большее число крестьян бросали родные места. Так, к 1814 г. в той же провинции Пхёнан население сократилось на одну треть по сравнению с его численностью до начала восстания. В 1833 г. в Сеуле среди населения вспыхнул бунт в ответ на резкое повышение торговцами цен на зерновые.

В таких условиях в 1834 г. на престол был возведен восьмилетний государь Хончжон (1834–1849), внук короля Сунчжо. (Сын Сунчжо, наследник престола, скончался еще в царствование Сунчжо.) Первые пять лет правления Хончжона регентшей была его бабка, вдовствующая королева Сунвон. Однако в 1839 г., после очередной расправы над христианами, высший государственный пост перешел в руки Чо Инъёна (1782–1850), родственника матери короля. Тогда вся реальная власть в стране сосредоточилась у семьи Чо из Пхунъяна. С тех пор началась борьба за власть и влияние между двумя семейными группировками королевских родственников, что усугубило развал системы сбора налогов и местного администрирования.

В 1846 г. смерть высокопоставленного придворного сановника Чо Манъёна (1776–1846) ослабила влияние семьи Чо и вернула прежнюю власть семье андонских Кимов. Однако ситуация в стране не улучшилась.

В 1849 г. умер государь Хончжон, не оставив наследника престола. Для того чтобы сохранить власть в своих руках, вдовствующая королева Сунвон предложила возвести на трон дальнего родственника Вонбома, потомка короля Ёнчжо, который до того времени жил в деревне на острове Канхвадо и занимался земледелием. В 1850 г. он был возведен на трон, получив храмовое имя Чхольчжон (1849–1863). Несмотря на то что молодому государю уже исполнилось 19 лет, не имея соответствующего образования и подготовки, он не смог полноценно заниматься государственными делами, отдав власть в руки семьи Ким из Андона. Позиция этой семьи особенно укрепилась после того, как дочь андонского Ким Мунгына (1801–1863) стала новой королевой. Как отмечается в исторической литературе, именно в правление Чхольчжона управление государством пришло в состояние полного хаоса, «обратились в прах» многие достижения предшествующих королей династии Ли.

К середине XIX столетия государственная власть в Корее не могла не только подстроиться под новые реалии товарно-денежной экономики, но и хотя бы урегулировать традиционные земельные отношения. Обычно говорят о «развале трех [основ] управления» — поземельного налога, сборов вместо военной повинности и системы ссудного зерна.

В частности, особой проблемой для Кореи того времени стал развал системы выдачи крестьянам «ссудного зерна» (*вонгок*) весной или в неурожайный год с последующим возвратом в казну «возвратного зерна» (*хвангок*) осенью или в урожайный год. К середине столетия количество ежегодно выдаваемого крестьянам «ссудного зерна» сократилось почти в 5 раз! Если в 1807 г. было выдано 9 995 500 *сок*²³ зерна, то в 1862 г. — только 2 311 690 *сок*. При этом количество взимаемого с крестьян «возвратного зерна» из-за накапливавшихся процентов не только не сократилось, но даже увеличилось. Недовольство крестьян росло, так как в начале правления династии Ли никаких процентов вообще не взималось.

Произвол местных чиновников никак не ограничивался. Например, начальник сухопутных войск правой полупровинции Кёнсан

²³ *Сок* — традиционная мера объема. В XX в. 1 *сок* равнялся 180,39 л.

Пэк Наксин собирал с крестьян налоги по 2–3 раза в год. Крестьяне неоднократно писали по этому поводу жалобы в столицу, но ответа не получали. Тогда в 6-й день 2-го месяца 1862 г. разорившиеся *янбане* Лю (Ю) Гечхун, Ли Геёль, Ли Мёнъюн, воспользовавшись тем, что был рыночный день, созвали крестьян и всех недовольных действиями местных властей и решили написать письмо с требованием прекратить незаконные поборы. Чуть позже, в 14-й день 2-го месяца крестьяне и дровосеки окрестных деревень во главе с крестьянами Пэк Конни и Ким Мани, вышли из находящегося неподалеку от Чинчжу населенного пункта Токсан, и, набрав в свои ряды около 3000 человек из 30 окрестных деревень, отправились на Чинчжу. Так началось **чинчжуское крестьянское восстание 1862 г.** По дороге они сжигали дома жестоких чиновников и богатых землевладельцев. В панике чиновничество Чинчжу бежало из города. В 18-й день 2-го месяца восставшие заняли город. Восстание длилось несколько дней и охватило 23 близлежащие волости. Разгневанные крестьяне убили трех ненавистных чиновников, сожгли более 120 домов богатых землевладельцев. К 23-му числу им удалось разыскать военачальника правой полупровинции Кёнсан Пэк Наксина, а также губернатора, вручить им письмо и добиться обещания прекратить злоупотребления. Получив положительный ответ, повстанцы разошлись по домам. Пэк Наксин и губернатор впоследствии были сняты со своих постов. Для выяснения обстоятельств в Чинчжу был послан тайный инспектор Пак Кюсу (1807–1876). Он признал вину местного начальства, но... повелел схватить более 110 самых активных участников выступления, 13 из которых были казнены.

Чинчжуское восстание 1862 г. было не единственным. В тот же 2-й месяц 1862 г. в 4-й день в городе Тансон провинции Кёнсан вспыхнули крестьянские волнения. С 3-го по 5-й месяц 1862 г. в десятках городов трех южных провинций — житниц Кореи — Чхунчхон, Чолла и Кёнсан вспыхивали крестьянские восстания. В исторической литературе встречается утверждение, что в этот год по всей Корее было зафиксировано более 70 крестьянских выступлений.

Активное проявление недовольства крестьян в южных земледельческих провинциях, которым на протяжении всего правления династии Ли уделялось куда большее внимания, чем северным, показывало, насколько расстроен механизм государственного управления и в каком бедственном положении оказались страна и ее население. В то же время Корею все чаще беспокоили представители западных держав, пытаясь установить неравноправные для Кореи торговые

отношения. Христианство получало все большее распространение, теперь уже не только среди *янбан*, но и среди простого народа.

В такое сложное и тяжелое время к власти пришел человек, пытавшийся спасти страну и уберечь ее от посягательств других держав.

§ 2. Реформы *тэвонгуна*

В 1863 г. в возрасте 32 лет государь Чхольчжон умер, не оставив наследника. Вдовствующая королева Чо предложила возвести на престол потомка короля Ёнчжо в шестом колене — Ли Мёнбока (1852–1919), второго сына Ли Хаына (1820–1898). В том же году 11-летний Ли Мёнбок был возведен на престол, получив впоследствии храмовое имя Кочжон (1863–1907). По причине несовершеннолетия короля регентом стал его отец Ли Хаын, пожалованный придворным титулом *Хынсон тэвонгун* («Великий правитель двора Хынсон»; имя *Хынсон* означает «Распространяющий процветание»). Однако в историю Ли Хаын вошел просто как *тэвонгун*.

В годы правления предшественника короля Чхольчжона *тэвонгун* занимал довольно высокие посты при дворе, но испытывал немало трудностей из-за господства представителей семьи андонских Кимов. Тайные связи с королевой Чо, также недовольной ситуацией при дворе, помогли *тэвонгуну* прийти к власти. Понимая бедственное положение, в котором находилась страна, и ощущая угрозу извне, которую демонстрировали многочисленные военные экспедиции западных держав к берегам Кореи, *тэвонгун* решил изменить ситуацию в государстве, проведя ряд реформ и подготовив для своего сына условия для достойного управления страной.

Первым шагом *тэвонгуна* в сфере внутренней политики стал ряд мероприятий, направленных на прекращение всевластия андонских Кимов. В начале 1864 г. он объявил о начале новой политики привлечения на службу людей не по их происхождению, а по способностям, что, в принципе, всегда являлось конфуцианским идеалом. Таким образом, при сдаче государственных экзаменов и назначении на должность нельзя было смотреть на то, к какой «партийной группировке» (формально они еще существовали), к какому сословию принадлежит человек или откуда он родом. В рамках новой политики уже с 4-го месяца 1864 г. с постов начали смещать представителей семьи андонских Кимов. Одновременно с началом реализации новой политики *тэвонгун* изменил роль некоторых придворных ведомств,

попытавшись разделить политическую и военную власть, и свел до минимума роль центрального придворного совещательного органа *Ыйчжонбу*, намереваясь тем самым сделать королевскую власть более независимой от влияния придворных группировок.

В процессе борьбы с придворными группировками *тэвонгун* не ограничился лишением власти одной высокопоставленной семьи. Он решил принципиально избавиться от тех структур, которые способствовали выходцам из провинции захватывать власть в столице. Это были конфуцианские частные учебные заведения — *совон*, которых в начале XIX столетия насчитывалось по 80–90 в одной провинции, а общее число превышало 600. *Тэвонгун* решил закрыть большинство *совонов*. Была проведена тщательная инспекция их деятельности, и к началу 1870-х годов их количество сократилось до 47. Действительно, помимо того, что *совоны* были учебными и политическими центрами в провинциях, они также обладали большой экономической мощью, имея в своем распоряжении земли, освобожденные от уплаты налогов, лично зависимых *ноби*, а также право привлечения местных крестьян для выполнения разного рода работ.

Подобная политика *тэвонгуна* по отношению к *совонам* вызвала определенное недовольство в среде конфуцианских ученых. Однако *тэвонгун*, ставя благо государства и трона превыше всего, был тверд в своих намерениях и говорил, что если даже сам Конфуций восстанет из мертвых, он все равно не изменит своего решения.

Одновременно с наведением порядка в центральном государственном аппарате *тэвонгун* приступил к проверке положения на местах и реформированию системы налогообложения, чтобы, с одной стороны, облегчить жизнь крестьян, а с другой — пополнить государственную казну. В провинцию были посланы особые инспекторы для выявления случаев незаконных взиманий с крестьян и утайки зерновых при перевозке их из провинции на центральные государственные склады. *Тэвонгун* отдал строгое распоряжение: тех, кто незаконно присвоил более 1000 *сок* зерновых, казнить, к присвоившим меньше применять суровые наказания. Таким образом было покончено со злоупотреблениями в системе «ссудного зерна» *вонгюк*.

В 1870 г., проведя инспекцию владений столичной знати и крупных провинциальных *янбан*, *тэвонгун* отменил всевозможные привилегии, освобождавшие *янбан* от уплаты налогов с части их полей.

В 1871 г. *тэвонгун* упразднил взимание «тканей на военные [расходы]» (*кунпхо*) и ввел налог «подворной ткани» (*хонхо*). Основ-

ным принципом новой системы налогообложения²⁴ выступало равное взимание с каждого двора, независимо от того, была ли семья бедной, или богатой. Норма налога устанавливалась в 2 *лян*²⁵ серебром — деньгами или натуральным продуктом. Поскольку *янбаны* не несли воинской повинности, то для того, чтобы брать налоги с дворов *янбан*, *тэвонгун* повелел облагать этим налогом их слуг — лично зависимых *ноби*.

Подобная политика *тэвонгуна*, «отрицавшего» принцип наград и привилегий за заслуги перед государством, вызвала многочисленные протесты со стороны *янбан*. Объективно она отражала процесс социального расслоения, большей степени уравнивания различных категорий населения, когда отдельные *ноби* становились богачами, а отдельные *янбаны* лишались прежних богатств. В средние века подобное уравнивание в налогообложении вряд ли было бы возможным.

Новая политика в налогообложении оказалась успешной. За десятилетие правления *тэвонгуна* казенные запасы золота выросли на 51 %, медных денег — на 255, холста — на 673, риса — на 165, бобовых — на 299 %.

В целях дальнейшего укрепления королевской власти *тэвонгун* решил отреставрировать королевский дворец *Кёнбоккун*, разрушенный в годы Имчжинской войны. Кёнбоккун был первым дворцом, построенным по указу основателя династии Ли Сонге после переноса столицы государства в Сеул (тогда — город Ханъян), т. е. главной королевской резиденцией. Восстановление этого дворца должно было символизировать восстановление сильной королевской власти, такой, как в эпоху начала династии. Решение о воссоздании дворца было принято в 1865 г. Реформы в сфере налогообложения, помимо улучшения финансовой ситуации в целом, стали источником средств для проведения работ. Кроме того, вводились особые сборы на реконструкцию дворца и других столичных правительственных построек. Так, у четырех городских ворот в Сеул были поставлены особые сборщики налога на вход в столицу. Через 7 лет строительные работы были завершены.

Одновременно с борьбой против влияния семьи андонских Кимов и началом реформы системы налогообложения *тэвонгун* занялся вопросами укрепления армии. В 1865 г., наряду с перестановками

²⁴ В корейской исторической литературе взимание «подворной ткани» определяется как *налог*.

²⁵ Мера веса; 1 *лян* равен 37,5 г. В Корею в то время серебро было дорогим металлом.

в центральных органах власти, он возродил военное ведомство *Самгунбу* («Управление трех армий»), функционировавшее в первые годы после основания династии Ли. На протяжении всего десятилетия своего правления тэвонгун заботился об увеличении производства оружия и укреплении оборонительных сооружений у западного и южного побережья Кореи, а также у северных границ.

Действительно, Корею было чего опасаться. Соседний Китай дважды терпел поражение в военных столкновениях с западными державами, в первой опиумной (1840–1842) и второй опиумной (1856–1860) войнах. И на протяжении первой половины XIX в., и в правление тэвонгуна берега Кореи неоднократно посещали корабли под флагами стран Запада, и далеко не всегда эти визиты были мирными.

В 1816 г. английские корабли зашли в прибрежные воды западного побережья Кореи с разведывательными целями. В 1832 г. английский военный корабль «Лорд Амхерст» подошел к порту Монгымпхо провинции Хванхэ (западное побережье Кореи). Командовавший экспедицией капитан Х. Линдсей отправил на имя короля письмо с предложением установления торговых отношений, однако местные власти отказались передавать его послание. В 1840 и 1845 гг. команды английских военных кораблей самовольно высаживались на острове Чечжудо, в результате чего происходили военные столкновения с местным населением. В 1846 г. три французских военных корабля подходили к западным берегам Кореи в районе провинции Чхунчхон и требовали объяснений в связи с казнью трех французских миссионеров в 1839 г. Таким образом, большинство визитов иностранных кораблей, за редким исключением (таким, как посещение восточных берегов Кореи в 1854 г. российским фрегатом «Паллада» во время кругосветного путешествия во главе с адмиралом Е. В. Путятиным²⁶), носило явно не мирный характер.

Ситуация обострилась в правление тэвонгуна, который решил проводить более активную политику недопущения западных иностранцев в Корею, определяемую в отечественной литературе как «политика самоизоляции», а в Корею — **«политика закрытия страны»**. Особое внимание тэвонгун обращал на недопущение тайной деятельности католических миссионеров, в отношении которых у него не сразу выработалась четкая позиция.

²⁶ См.: Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: В 2 т. М., 1984, а также издания других лет.

В первые годы после прихода к власти *тэвонгун* надеялся использовать силу и влияние католических миссионеров для того, чтобы с помощью франко-англо-корейского союза воспрепятствовать возможному «продвижению» России на юг. Дело в том, что в начале 1864 г. в селение Кёнхын, находившееся на южном берегу реки Туманган, пограничной с Россией, пришла группа русских с предложением вести официальную приграничную торговлю. Такие визиты русских были довольно частыми и весьма настойчивыми, что вызывало у местных властей тревогу. Поэтому в 1865 г. *тэвонгун* через посредников обратился за помощью к французскому епископу Бернё, тайно находившемуся в то время в Корее. В ответ на просьбу *тэвонгуна* епископ попросил объявления свободы религиозной деятельности, чем весьма удивил королевский двор. Все больше людей, начиная с вдовствующей королевы Чо, стали выступать с предложениями запретить христианство для того, чтобы спасти страну. Тогда же в 1865 г. из соседнего Китая пришли сведения о массовых гонениях на христиан. *Тэвонгун*, увидев, что вслед за приходом в Китай французских миссионеров туда в годы второй опиумной войны вошли и французские войска, решил, что для безопасности страны нужно покончить как с иностранными миссионерами, так и с их корейскими последователями.

В начале 1866 г. по приказу *тэвонгуна* начались массовые убийства корейских католиков. Среди казненных оказались 9 из 12 французских миссионеров, в том числе двое в сане епископа. Троице из них удалось бежать через провинцию Хванхэ и добраться до китайского порта Тяньцзинь, где в то время находилась французская военная эскадра. Священник Феликс Ридэль рассказал главнокомандующему адмиралу Розу о событиях в Корее и попросил отправить туда корабли, чтобы «отомстить» за гибель своих соотечественников.

А летом 1866 г. из Тяньцзиня в Корею отправилось американское торговое судно «Генерал Шерман», якобы для заключения торгового договора с Кореей. Воспользовавшись сезоном дождей и временной полноводностью реки Тэдонган, корабль поднялся вверх по реке и в 11-й день 7-го месяца бросил якорь у Пхеньяна, потребовав начать торговлю. В то время в Корее всякая торговля с представителями западных стран была запрещена. Поэтому губернатор провинции Пхёнан Пак Кюсу (1807–1876), направив на корабль воду и продовольствие, попросил американцев покинуть страну. В ответ американцы взяли в заложники корейцев, доставивших провиант, и стали стрелять из пушек, оставаясь на якоре. Однако с прекращением дождей

вода в реке спала, и судно село на мель у острова Янгакто. Попад в безвыходное положение, американцы решили взять реванш и устроили грабительские рейды по окружающим деревням, убив 7 и ранив 5 человек. Губернатор Пак Кюсу принял решение сжечь судно. Все 23 члена экипажа погибли в огне.

Такой оборот событий не мог не сказаться на усилении гонений на корейских католиков, исповедовавших религию заморских агрессоров. Гонения продолжались еще три года, за время которых погибло более 8 тыс. верующих.

В это время к выходу из Тяньцзиня готовилась французская военная эскадра в составе трех кораблей, на одном из которых находился священник Феликс Ридель. В 18-й день 9-го месяца эскадра подошла к берегам Кореи, обследовала их и удалилась для того, чтобы уже во всеоружии, на семи кораблях с 600 солдатами, прибыть к устью реки Ханган в 10-м месяце. В 14-й день французы начали высадку на острове Канхвадо. Благодаря силе оружия французам удалось взять основные укрепленные пункты острова, в частности главный город — крепость Канхва. Однако попытка высадиться на самом полуострове и продвинуться вдоль реки по направлению к столице Кореи закончилась неудачно. Французы были наголову разбиты. Уходя с Канхвадо — острова, где находились летняя королевская резиденция и государственные исторические архивы, они прихватили с собой золота, серебра, произведений искусства и старинных книг на огромную по тем временам сумму — 38 тыс. американских долларов. С тех пор французы в течение долгого времени не пытались возобновлять контактов с Кореей.

Однако слух о богатствах «Закрытого королевства» быстро разлетелся среди европейских «искателей приключений». Особенно будоражили их умы рассказы о богатствах королевских гробниц. В 1868 г. к заливу Асан западной корейской провинции Чхунчхон прибыли два корабля, зафрахтованные европейцами в Шанхае на американские деньги. Экспедицией командовали немец Э. Опперт и французский миссионер Ферон. Формально целью визита было «открытие Кореи» с заключением договора «между всем миром и Кореей». Текст договора был подготовлен заранее. При этом европейцы желали прибегнуть к шантажу, «на время» «позаимствовав» драгоценности из гробницы отца *тэвонгуна*, т. е. гробницы деда правящего Кореей короля! При помощи корейских проводников Э. Опперт нашел гробницу у селения Токсан и даже стал раскапывать вход в святыню, но не смог достичь своей цели. Через некоторое время,

отступив, и после безуспешной попытки передать *тэвонгуну* текст «договора», европейцы покинули страну²⁷.

Для Кореи с ее традиционным культом предков, верой в то, что благополучие каждого человека и страны в целом зависит от того, как служат умершим, подобное отношение к гробнице со стороны иностранцев стало шоком. Что мог еще сделать *тэвонгун* для защиты страны, кроме как еще больше усилить политику «закрытия границы» и гонения на христиан, отрицавших культ предков?

Поражения иностранцев в попытках силой заставить Корею подписать неравноправные торговые договоры не остановили государственный департамент США в планах подготовить в 1871 г. новую экспедицию в составе пяти военных кораблей с 1230 солдатами на борту во главе с адмиралом Д. Роджерсом, командующим американской эскадрой в Азии. Корабли вошли в залив Намъян у границы провинций Чхунчхон и Кёнги в 3-й день 4-го месяца 1871 г. и сразу выдвинули требование заключения торгового договора. Корейские власти ответили отказом. Тогда четыре американских корабля двинулись к северу по узкому проливу между островом Канхвадо и полуостровной частью и попытались высадить десант на остров у крепости Квансончжин, но под ударами корейских войск были вынуждены отступить. Тогда они решили взять канхваскую крепость Чхочжичжин, что южнее, а затем снова попытаться захватить Квансончжин. Более 40 дней длились бои у острова Канхвадо. Потери составили 53 человека убитыми у корейцев, трое убитых и более 10 раненых у американцев. В 16-й день 5-го месяца (3 июля по григорианскому календарю) американская эскадра покинула корейские воды.

Таким образом, в середине XIX в. на суверенитет Кореи посягали такие страны, как Англия, которая имела колониальные владения в Индии и получила значительные торговые преимущества в соседнем Китае, Франция, подчинившая Юго-Восточную Азию, а также США, закончившие войну между северными и южными штатами.

Политика *тэвонгуна*, направленная на укрепление как армии, так и страны в целом, оценивается в корейской литературе в целом положительно. Корею удалось отразить посягательства извне. По указу *тэвонгуна* во всех важнейших частях Кореи, в особенно-

---

²⁷ Подробнее см.: Курбанов С. О. К вопросу об установлении фактов истории Кореи (На примере описания корейских экспедиций Эрнста Оперта 1866 и 1868 гг.) // Вопросы истории Кореи 2004. СПб., 2004. С. 48–67; [Oppert E.] Forbidden Land. Voyages to the Corea. London, 1880.

сти у побережий, были установлены каменные стелы с надписью: «[Если на] вторжение заморских варваров (т. е. европейцев. — С. К.) не отвечаешь сражением, значит [встречаешь с] миром, а настаивая на мире, продаешь страну».

Однако был у Кореи еще один сосед, который, несмотря на все сложности в отношениях и прошлые войны, не был врагом, и к активным действиям которого страна оказалась не готовой. Еще в 1854 г. Япония завершила политику закрытия страны, подписав торговый договор с США. С 1868 г. после так называемой «революции» или «реставрации» *Мэйдзи* Япония пошла по пути модернизации и реформ буржуазной направленности.

Несмотря на все положительные аспекты реформ *тэвонгуна*, они имели свою «оборотную сторону»: борьба с католицизмом и иностранной интервенцией вылилась в отрицание достижений западной культуры, которое объективно делало Корею гораздо слабее как стран Запада, так и Японии, вставшей на путь вестернизации.

В 1873 г. государю Кочжону исполнился 21 год, и он уже давно был готов принять бразды правления в свои руки. В то же время, несмотря на все достижения политики *тэвонгуна*, введение дополнительных поборов в связи с интенсивным дворцовым строительством в Сеуле вызывало все большее недовольство. Ко всему прочему, испортились отношения *тэвонгуна* с вдовствующей королевой Чо, которая в свое время способствовала его приходу к власти. В 11-й месяц 1873 г. вся полнота власти была формально передана в руки государя Кочжона. Однако фактически власть в очередной раз оказалась сконцентрированной не в руках короля, а в руках его жены, королевы Мин (1851–1895), и ее родственников. Так начался следующий этап истории Кореи, связанный с открытием ее внешнему миру и становлением на путь модернизации.

Глава 5. «ОТКРЫТИЕ КОРЕИ» И НАЧАЛО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ *КЭХВА УНДОН*

Памятуя о том, что в правление предшествующих государей — Сунчжо, Хончжона и Чхольчжона — именно родственники королев становились той силой, которая ослабляла центральную королевскую власть, *тэвонгун* лично выбрал супругу для своего сына.

Его выбор пал на умную девушку из бедной аристократической семьи Мин, прославившуюся своими незаурядными способностями. В 1866 г. она стала женой Кочжона. Однако с тех пор отношения между королевой Мин и *тэвонгуном* стали постепенно ухудшаться. Поводом стало желание *тэвонгуна* назначить наследником престола сына Кочжона от придворной дамы госпожи Ли, принца Ванхвагуна (1868–1880), тем более что сама королева Мин долго не могла родить сына.

Объективно противостояние *тэвонгуна* и королевы Мин отражало противоречие между двумя направлениями в видении внешней политики, которых придерживался правящий класс Кореи. Первое, нацеленное на недопущение иностранцев в страну, разворачивалось под девизом «Сохранять правильное, изгонять чужое» («*Вичжон чхокса*»); его представляла конфуцианская придворная интеллигенция, поддерживавшая *тэвонгуна*. Второе, настаивавшее на скорейшем открытии Кореи для внешнего мира, наследовало традиции идейного течения «за реальные науки» (*сирхак*) и группировалось вокруг королевы Мин. В частности, как раз в год отстранения *тэвонгуна* от власти (1873) *сирхакист* Чхве Ханги (1803–1879) подал на имя государя Кочжона официальное письмо, в котором критиковал проводившуюся *тэвонгуном* политику «закрытия страны».

§ 1. Завершение политики «закрытия страны»

Приход на ключевые посты в государственном аппарате родственников и сторонников королевы Мин означал, что взят курс на постепенное прекращение политики «закрытия страны».

Одновременно в Японии, которая в 1868 г. встала на путь активного буржуазного развития после передачи власти от сёгунов дома Токугава молодому Императору Муцухито (1867–1912), правившему под девизом правления *Мэйдзи* («Просвещенное правление»), стали обращать пристальное внимание на Корею как страну возможной колониальной экспансии. Отстранение *тэвонгуна* от власти, возможно, стимулировало действия Японии.

В конце лета 1875 г. из Японии к берегам острова Канхвадо, открывавшего путь вдоль реки Ханган к сердцу Кореи — Сеулу, была снаряжена японская военная экспедиция в составе одного военного корабля «Унъё»²⁸. В 21-й день 8-го месяца 1875 г. судно подошло

²⁸ В отечественной литературе пишется о трех военных кораблях.

к южной части острова Канхвадо. Высадившийся военный гарнизон на шлюпках направился к форту Чхочжичжин. Когда лодки приблизились к форту, корейская артиллерия открыла огонь. Однако удары ее были неэффективны, что подвигло японцев к высадке на берег. Наемная японская армия, реформированная в 1872 г. по европейскому образцу, оказалась сильнее корейской: в боях погибло 35 человек корейцев и 16 было взято в плен. У японцев только двое получили легкие ранения. Через некоторое время японцы ушли с Канхвадо, обвинив впоследствии Корею в том, что именно корейская сторона спровоцировала инцидент. В результате этого военного похода японцы убедились в слабости корейской армии, а японское императорское правительство получило хороший повод для снаряжения еще одного военного похода к берегам Кореи с целью «выяснения обстоятельств» инцидента и имея твердое намерение подписать с Кореей неравноправный торговый договор по образцу тех, которые в 1850-е годы были заключены западными державами с Японией.

Уже через несколько месяцев, в конце 1875 г., все было готово к отплытию. Новую японскую экспедицию в Корею в составе двух военных и четырех транспортных кораблей возглавил генерал Курода Киётака (1840–1900), назначенный Особым посланником в Корею. В 19-й день 12-го месяца (15 января по григорианскому календарю) японская эскадра показалась у берегов южного порта Пусан с целью продемонстрировать военную мощь. При дворе государя Кочжона развернулась жаркая дискуссия по поводу того, как встречать японцев: попытаться дать военный отпор или сесть за стол переговоров. В результате победила позиция тех, кто был настроен на переговоры, т. е. занимавшая ключевые посты придворная группировка королевых Мин. Готовое к переговорам королевское правительство без боя позволило Курода Киётаке высадиться на острове Канхвадо, и с 12-го числа 1-го месяца 1876 г. начались переговоры о заключении нового японо-корейского договора.

Договор, получивший впоследствии название Канхваского, был подписан уже в 17-й день 1-го месяца (26 февраля) 1876 г. и состоял из 12 статей. Первая статья формально провозглашала «равенство Японии и Кореи». Однако фактически договор был неравноправным, так как признавал неподсудность японских граждан корейским властям, разрешал японским судам свободно заходить в территориальные воды Кореи для «исследования» побережья страны. Договор признавал больше прав для японских торговцев в городе Пусане — месте традиционной корейско-японской торговли. Однако, согласно

договору, через несколько лет после его подписания должны были быть открыты для свободной торговли с Японией еще два порта в новых для Японии местах, в центральной и северной частях Корейского полуострова. Ими стали порты Вонсан на восточном побережье (1879 г.) и Инчхон — на западном (1882 г.). В подписанных 24 августа дополнительных статьях к Канхваскому договору говорилось о свободном хождении японских денег в открытых портах, а также о праве японских граждан свободно продвигаться вглубь территории Кореи на расстояние до 10 *ли* от портовой пристани.

Почему Корея подписала такой неравноправный договор? Возможно, ключевую роль сыграла демонстрация военной силы Японии, возможно, сторонники «открытия» Кореи полагали, что подписание договора с Японией — восточной державой, с которой Корея издревле поддерживала отношения, не будет иметь отрицательных последствий.

Однако вскоре подобные договоры Корею пришлось подписать и с западными державами. Произошло это отчасти из-за постоянно усиливавшегося влияния Японии. Правители цинского Китая опасались, что из-за этого Китай может потерять свой традиционный сюзеренитет над Кореей. Для сдерживания Японии, а также так называемой «угрозы с севера», т.е. «предполагаемой агрессии» России²⁹, китайское правительство предлагало Корею как можно скорее заключить договоры с западными державами.

Вместе с тем и западные державы, поддерживавшие активные торговые отношения с соседними Японией и Китаем, были заинтересованы в «открытии» Кореи.

Первой западной страной, с которой Корея подписала договор об установлении отношений, стали США. Еще в 1878 г. американское правительство определило командора Р. В. Шуффельда в качестве полномочного представителя, назначенного заниматься вопросом установления отношений между двумя странами. В 1880 г. он, прибыв в Пусан, попытался с помощью японцев передать государю Кочжону предложение о заключении соглашения, но тогда его попытка оказалась безуспешной. Лишь настойчивая позиция Китая

---

²⁹ В отечественной историографии, как правило, отрицается факт того, что Россия когда-либо имела агрессивные намерения в отношении Кореи. Теории мирной и дружественной политики России к Корею придерживаются московские историки-корееведы Б. Д. Пак, Б. Б. Пак, Т. М. Симбирцева. Северокорейские и южнокорейские исследователи, напротив, всячески подчеркивают наличие «агрессивных планов» России в Корею.

в лице командующего китайским Северным флотом Ли Хунчжана вынудила корейское правительство сесть за стол переговоров в Инчхоне³⁰ и подписать 22 мая 1882 г. корейско-американский договор о дружбе и торговле из 14 статей. Корейское правительство представлял чрезвычайный и полномочный посланник Син Хон (1810–1888), который ставил свою подпись еще под Канхваским договором. Подобно договору с Японией, корейско-американский договор также был неравноправным по отношению к Корее и предоставлял американским подданным право неподсудности корейским властям на территории Кореи. Его статьи предусматривали запрещение торговли опиумом (ст. VII), условия продажи в Корее американского оружия (ст. IX), студенческий обмен (ст. XI).

Вскоре корейские власти подписали аналогичные договоры с ведущими европейскими державами: в 1882 г. — с Англией (исправлен 26 ноября 1883 г. в связи с вопросами торговых пошлин) и Германией, в 1884 г. — с Италией и Россией, в 1886 г. — с Францией³¹.

Для России добиться подписания договора с Кореей было не так просто, как представителям стран Запада, из-за противодействия цинского Китая. Тем не менее уже в июле 1882 г., вскоре после подписания Кореей договора с США, российский консул в Тяньцзине Карл Иванович Вебер был командирован во Владивосток для выяснения условий русско-корейского торгового договора. Действительно, после присоединения к России Южно-Уссурийского края по Айгуньскому 1858 г. и Пекинскому 1860 г. договорам с Китаем у России и Кореи появилась общая сухопутная граница в нижнем течении реки Туманган. Новые территории способствовали активизации процесса русской колонизации российского Дальнего Востока и возникновению стихийной приграничной торговли между русскими и корейцами. Торговые отношения, так же, как и процесс перехода корейцев на русскую территорию на временное или постоянное проживание, требовали специального урегулирования. Осенью 1882 г. К. И. Вебер должен был отправиться в Сеул, однако из-за «беспорядков», возникших в корейской столице (об этом событии будет сказано ниже), его поездка не состоялась. В 1884 г. Китай стал проявлять крайне негативное отношение к перспективе заключения соглашения между Россией и Кореей. Возможно, именно для того, чтобы

³⁰ В отечественной литературе иногда встречается утверждение о том, что корейско-американский договор был подписан в китайском городе Тяньцзинь.

³¹ С текстами договоров Кореи с Японией, США, Англией, Россией можно ознакомиться в кн.: Описание Кореи: В 3 т. СПб., 1900; сокр. переизд. М., 1960.

избавиться от традиционного китайского влияния, в начале 1884 г. государь Кочжон сам обратился с тайным посланием к властям в Южно-Уссурийском крае с просьбой подписать договор с Россией, что и было сделано 7 июля того же года³².

Процесс открытия Кореи, начавшийся в 1876 г. подписанием Канхваского договора, завершился к середине 1880-х годов. В то же время Корея вступила на путь модернизации, связанный с активным заимствованием достижений мировой цивилизации.

§ 2. Начало социально-экономических преобразований

По мере углубления контактов Кореи с Японией корейцы увидели, что заимствование западной техники сделало Японию сильной державой. Поэтому в 1870-е годы среди не только радикально настроенной корейской интеллигенции, но и у конфуцианских ученых стало популярно мнение о том, что в области техники и производства следует перенимать опыт западных стран, при этом оставляя традиционной идейную основу общественной жизни. Такая позиция выражалась в девизе: «Восточный путь, Западная техника» (*Тондо Соги*). Неприятие западной общественной мысли и прежде всего христианства, активно распространявшегося в то время католическими, а с 1885 г. и протестантскими миссионерами, было связано с его отказом от традиционного культа предков и сопутствующих ему ритуалов. Кстати, именно по этой причине многие корейцы, поначалу принимавшие христианство, быстро отказывались от новой веры.

В 1876 г., после подписания Канхваского договора, во главе делегации из 75 человек в Японию был отправлен королевский посланник Ким Гису. В Японии он пробыл до 6-го месяца и вернулся на родину, написав два сочинения: «Записки о путешествии по Японии» (*«Ильдон гию»*) и «Дневник посланника» (*«Сусинса ильги»*), в которых рассказал о всех новшествах, увиденных им там.

Подобные сочинения, так же как и многочисленные доклады и отчеты государственных чиновников, посещавших Японию и Китай, приводили корейский двор к идее о необходимости реформ. Так, в 1880 г. по образцу Китая было реформировано центральное правительство, в котором появились министерства европейского образца: иностранных дел, военное и многие другие.

³² Подробнее об отношениях России и Кореи см.: Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979. 2-е изд., доп. М., 2004.

В том же 1880 г. второй после Ким Гису корейский посланник Ким Хончжип (1842–1896) отправился в Японию и, увидев поразительные перемены в жизни страны, предложил послать туда правительственную делегацию для изучения японского опыта. В 1881 г. 12 высокопоставленных членов правительства во главе небольших групп, в среднем по 5 человек в каждой, были отправлены на четыре месяца в Японию. Находясь главным образом в районе Токио и Осака, члены корейского правительства изучали новое устройство японских государственных учреждений, промышленность, систему налогообложения, образования, военную и многое другое.

В 1881 г. корейский посланник в Китае Ким Юнсик (1841–1920) взял с собой группу из 69 человек, которых определили учиться в Тяньцзине промышленному производству, химии, электротехнике, иностранным языкам. Однако вскоре студенты были вынуждены вернуться в Корею.

В рамках предпринимавшихся реформ в 1881 г. в Корее была основана офицерская школа для создания армии нового образца.

Однако не все в Корее были довольны ориентацией на Японию и попыткой коренных перемен. Многие конфуцианские ученые все еще придерживались лозунга «Сохранять правильное, изгонять чужое». Известный высокопоставленный сановник Чхве Икхён (1833–1906) говорил, что японцы ничуть не лучше, чем «заморские варвары», и усиление их влияния вредно для страны.

В 1882 г. оппозиционным силам, которых в исторической литературе принято называть «консервативными», представился шанс взять всю полноту власти в стране в свои руки. В тот год в Корее случилась сильная засуха, которую стали связывать с гневом Небес из-за «неправильной» политики королевского двора. 9-й день 6-го месяца был выбран для того, чтобы государь Кочжон лично совершил моление о дожде.

Незадолго до этого, в первую декаду 6-го месяца, солдатам столичных правительственных войск старого образца, которым задолжали жалованье рисом за 13 месяцев, наконец-то стали его раздавать. Однако выдали его лишь за один месяц. К тому же оказалось, что рис был смешан с песком, и его количество было ниже нормы. Тогда разгневанные солдаты избили интенданта. Начальник податного ведомства, отвечавший за выплату жалованья, Мин Гёмхо (1832–1882; родственник королевы Мин) приказал арестовать зачинщиков беспорядков и впоследствии приговорил их к смертной казни. В 9-й день 6-го месяца начальник столичного гарнизона Ли Гёнха отпра-

вился к дому Мин Гёмхо, чтобы разобраться в случившемся. Однако Мин Гёмхо дома не оказалось, но там находился ряд чиновников, ответственных за выдачу риса в качестве жалованья. При виде разгневанных солдат чиновники попытались скрыться. Тогда солдаты подожгли дом Мин Гёмхо. Солдатское восстание охватило весь Сеул. К нему присоединились и горожане.

В первые часы после начала восстания у солдат появилась идея обратиться за помощью к *тэвонгуну*, отстраненному от дел. Как-никак, «старая» армия была во многом его детищем, и он прилагал немало усилий для поддержания ее боеспособности. Поэтому восставшие сразу направились к дворцу Унхёнгун. *Тэвонгун* принял повстанцев, но формально отказался иметь с ними дело как с зачинщиками беспорядков. Реально он стал тайным руководителем восстания. Солдаты, захватив оружие в арсенале Особого восточного подразделения, разделились на два отряда. Первый занялся нападением на дома высокопоставленных сановников из семьи королевы Мин, настаивавших на сближении с Японией. Второй отправился к месту расположения офицерской школы нового образца. Иногда ее еще называли «особым подразделением нового типа». Там никогда не возникало проблем ни с жалованьем, ни с оружием. Его обучением занимался японский офицер Хоримото Рёдзо. Повстанцы схватили и казнили его. Ближе к вечеру восставшие солдаты вместе с простым населением напали на японское дипломатическое представительство, сожгли его и убили 13 человек. Японскому посланнику Ханабуса Ёситада удалось скрыться и бежать в Японию через Инчхон.

Гнев восставших не остановился на японцах. Они возжелали умертвить королеву Мин — главный источник всех бед Кореи, связанных с ее «открытием» внешнему миру. Повстанцы направились к королевскому дворцу Чхандоккун, однако к тому времени королева Мин уже скрылась, найдя прибежище у своего родственника, губернатора города Чхунчжу. Видя, что восстание принимает все более широкие масштабы, государь Кочжон издал указ о передаче всей полноты власти *тэвонгуну*. Вслед за этим беспорядки в городе прекратились. *Тэвонгун* поспешил отменить многие нововведения последних лет и занялся восстановлением боевой мощи корейских войск старого образца. Однако в события вмешались внешние силы.

С одной стороны, японцы, желая получить компенсацию за причиненный ущерб, начали снаряжать военную экспедицию в Корею. С другой — и это сыграло решающую роль — на арену событий вышел

Китай. Как уже отмечалось, Китай всячески подталкивал Корею к скорейшему заключению договоров с западными державами. Пока что был подписан договор только с США. Учитывая отношение *тэвонгуна* к внешнему миру, можно было предположить, что никакие другие договоры со странами Запада подписаны не будут. Мало того, оказывалась под вопросом судьба прежних договоров Кореи. Поэтому для Китая нахождение *тэвонгуна* у власти было невыгодно. Вместе с тем королева Мин отправила в императорский Китай послание, где излагала сеульские события со своей точки зрения и просила Китай оказать военную помощь для прекращения «беспорядков».

Обращение королевы Мин стало удачным формальным предложением для отправки в Корею морем трехтысячного войска для «наблюдения» за тем, как разворачиваются события. Действительно, китайцы не начинали в Корее боевых операций. Они пригласили *тэвонгуна* посетить китайские корабли. *Тэвонгун* принял приглашение, зная о противоречиях в отношениях Японии и Китая: ведь *тэвонгун* способствовал изгнанию из страны японцев, а значит, был другом Китая. Поднявшись на борт одного из кораблей, *тэвонгун* был вскоре арестован и увезен в Китай.

Королева Мин, изменившая свою политическую ориентацию с Японии на Китай, восстановила власть при дворе. Китай же, воспользовавшись тем, что часть китайских войск так и осталась расквартированной в Корее, а также имея в виду новую прокитайскую ориентацию королевского двора, вынудил Корею в сентябре 1882 г. подписать неравноправный торговый договор, во многом напоминавший корейско-японский и корейско-американский договоры. Согласно этому договору китайские подданные, совершившие преступление на территории Кореи, должны были судиться китайскими коммерческими агентами, в то время как корейцы, совершившие преступление в Китае, — в соответствии с китайскими законами (ст. 2). Договор предоставлял многочисленные привилегии китайским торговцам на территории Кореи.

Кроме того, Китай стал активнее контролировать внутреннюю ситуацию в Корее: для создания в Корее армии нового образца были присланы китайские военные инструкторы, а советником королевского правительства по иностранным делам с декабря 1882 г. стал немец П. Г. Мёллендорф, находившийся некоторое время на службе у китайского правительства. Мёллендорф, правда, не проводил прокитайскую политику, а считал, что для Кореи лучшим союзником,

способным обеспечить интересы страны, является Россия. В 1885 г. корейские власти, полностью не разделявшие позиции Мёллендорфа, предложили ему оставить пост советника «до лучших времен».

Таким образом, начиная с 1882 г. не только Япония, но и Китай стал выступать в роли державы, имеющей новые интересы в Корее, связанные с развитием товарно-денежных отношений. Подобно западным державам и Японии, проводившим в Корее колониальную политику, Китай также получил экономические привилегии.

В свою очередь Япония поспешила воспользоваться удалением *тэвонгуна* с политической арены. В конце августа 1882 г. к Инчхону подошла японская эскадра в составе четырех военных и трех транспортных кораблей. Японский посланник Ханабуса Ёситада получил приказ добиться от корейского правительства компенсации за ущерб, понесенный японской стороной во время мятежа военных, а также потребовать передачи Японии восточного (значительно удаленного от корейских берегов) острова Уллындо и южного острова Кочжедо. Такая позиция Японии, естественно, не устраивала ни Корею, ни Китай, усиливший свое влияние в Корее благодаря событиям 1882 г. В процессе переговоров в качестве посредника выступил китайский представитель Ма Цзяньчжун. В итоге 30 августа 1882 г. в селении Чемульпхо, определенном как место компактного проживания иностранцев, ведущих свои дела в порту Инчхон, был подписан Чемульпхоский корейско-японский договор. Согласно договору, Корея обязалась выплатить Японии в качестве компенсации 500 тыс. иен, разрешить Японии держать войска в своей корейской дипломатической миссии для ее охраны, расширить границы свободного передвижения японских подданных по территории Кореи.

Таким образом, после восстания военных летом 1882 г., направленного на отстранение от власти группировки королевы Мин, которая стремилась к большей открытости страны, а объективно делала ее более зависимой от иностранных держав, Корея подпала под еще большее влияние извне, в особенности от Китая и Японии.

Однако многие молодые придворные сановники, получившие образование в новой Японии, не считали, что сближение с иностранными державами приведет к потере самостоятельности страны. Наоборот, по их мнению, такое сближение могло способствовать укреплению страны, а значит, стать основой ее будущей независимости. Опыт Японии показывал, что политика «открытых дверей» не обязательно заканчивается подчинением тому, для кого «эти двери были открыты». Молодые сановники возглавили так называемое «движе-

ние за бóльшую открытость», *кэхва ундон*. В отечественной литературе это движение принято называть «движением за реформы».

§ 3. Движение *кэхва ундон*. Переворот 1884 года

Значение термина *кэхва* достаточно широко — «открытость, развитие, начало нового». Поэтому в нем заключены идеи как большей открытости Кореи внешнему миру, так и всесторонних реформ.

В исторической литературе справедливо отмечается, что реформаторские идеи *кэхва* возникли не на голом месте. Идейное течение *сирхак* послужило базой для становления реформаторского движения. Основоположником *кэхва ундон* называют высокопоставленного сановника Пак Кюсу (1807–1876), который, с одной стороны, будучи губернатором провинции Пхёнан, противодействовал агрессивным действиям американцев, прибывших в Корею на судне «Генерал Шерман», а с другой — настаивал на заключении Канхваского договора с Японией, считая это благом для своей страны. Переводчики с китайского языка, выходцы из сословия мелкого чиновничества О Ёнсок (1831–1879) и Ю (Лю) Дэчхи (1831–?), часто бывая в Китае, привозили оттуда книги о том новом, что происходило в мире, и пытались доказать необходимость скорейшей модернизации Кореи. К их словам прислушивались молодые люди, которые и стали практиками движения за реформы — Ким Оккюн (1851–1894), Пак Ёнхё (1861–1939), Со Гванбом (1859–?), Хон Ёнсик (1855–1884).

Лидером движения за реформы стал Ким Оккюн. В 1872 г. в возрасте 21 года, проявив недюжинные способности, он сдал государственные экзамены и получил гражданскую должность. В 1881 г. в составе высокопоставленной правительственной делегации он посетил Японию и, потрясенный увиденным, загорелся идеей всесторонних реформ. В 1882 г. Ким Оккюну представилась еще одна возможность побывать в Японии в составе делегации, которую возглавлял его 21-летний друг Пак Ёнхё, зять предшествовавшего государя Чхольчжона. Молодой родственник королевской семьи был назначен посланником в Японию.

Еще одно знакомство с достижениями Японии, а также попытка консервативных (с точки зрения сторонников *кэхва ундон*) сил захватить в стране власть привели их к мысли о необходимости более активных действий. Молодые сторонники реформ решили создать свою партию, которую называли «Партией реформ» (*Кэхвадан*), или

«Партией независимости» (*Тонниптан*). Временем формирования партии считается 1882 г.

Объединенные в политическую организацию нового типа, отличную от прежних придворных группировок прежде всего тем, что целью членов партии были не личные выгоды или борьба за влияние при дворе, а благо страны, реформаторы пытались на практике реализовать свои идеи. Ким Оккюн неоднократно обращался с посланиями к королю Кочжону. Высокое положение Пак Ёнхё при дворе, благодаря его родственным связям с королевской семьей, помогало молодым людям в известной степени преодолевать сопротивление старой конфуцианской верхушки.

Так, в 1883–1884 гг. была организована почтовая служба нового образца, созданы управления финансов, печати и оружейное. В ведении управления печати находилось издание (с 10-го месяца 1883 г.) первой корейской газеты «Хансон сунбо», т. е. «Хансонский (столичный. — С. К.)³³ еженедельник». Однако попытки использовать в тексте газеты корейский алфавит потерпели неудачу, натолкнувшись на сопротивление придворной группировки традиционных конфуцианских ученых. Поэтому газета выходила на кореезированном древнекитайском языке *ханмуне*. Не только издание газеты, но и всякая попытка нововведений, исходившая от молодых сторонников реформ, встречали мощное сопротивление «консерваторов», в частности группировки королевы Мин.

Имея хорошие связи с представителями политической элиты Японии, приверженцы партии реформ пытались получить там финансовую поддержку. Несмотря на то что в Японии с сочувствием относились к корейской партии реформ, прокитайская ориентация большинства королевского двора не давала возможности предоставить заем с надеждой на его возвращение. В то же время следует отметить, что тесные связи реформаторов с Японией отнюдь не означали, что они были «проводниками» японской политики в Корее. Наоборот, в 1883–1884 гг. реформаторы вели деятельность, направленную на пересмотр неравноправного Канхваского договора.

Мощное сопротивление старой конфуцианской элиты при дворе и невозможность Японии оказывать партии реформ активную помощь привели молодых людей к идее совершения государственного переворота, чтобы окончательно отстранить от дел «консерваторов». При

³³ Слово «Сеул» — корейское разговорное название столицы — невозможно записать в иероглифике. Поэтому официальное письменное название корейской столицы звучало как Хансон, т. е. «Крепость на [реке] Хан[ган]».

этом совсем не имелось в виду свержение монархии. Наоборот, за несколько дней до начала акции, 29 ноября³⁴, партия реформ получила принципиальную поддержку короля. (Скорее всего, о плане каких-либо насильственных действий государю не сообщили.) Очевидно, Кочжон понимал необходимость радикальных изменений. Вместе с тем реформаторы учли в своих требованиях чувства короля как *почтительного сына*: в первой строке первого пункта подготовленной заранее программы действий значилось требование возвращения из Китая плененного *тэвонгуна*, отца государя Кочжона.

Датой переворота было определено 4 декабря — день торжественного открытия нового здания почтового ведомства, на которое были приглашены все высокопоставленные сановники. Во время торжеств по указанию реформаторов было подожжено соседнее здание, раздались удары гонга. Первым из «консервативных» высокопоставленных участников церемонии выбежал Мин Ёнзык (1860–1914), в 1883 г. ставший первым чрезвычайным и полномочным послом Кореи в США, а в 1884 г. исполнявший обязанности губернатора Сеула, ровесник членов партии реформаторов. Получив тяжелую рану от удара мечом, он смог вернуться в здание. Попытка быстро расправиться с «консервативной» группировкой королевы Мин провалилась. Тогда реформаторы во главе с Ким Оккюном направились в королевский дворец Чхандоккун и под предлогом мятежа и беспорядков в Сеуле уговорили Кочжона вместе с супругой переехать в небольшой дворец Кёнугун, который было легче охранять. С согласия короля к дворцу подошли солдаты-охранники японской дипломатической миссии, разрешение на привлечение которых Ким Оккюн получил заранее у японского посланника Такэдзоэ (1842–1917). Далее Ким Оккюн уговорил государя Кочжона послать предписание представителям «консервативной» группировки явиться ко двору, имея намерение убить их, подкараулив у дворцовых ворот. Таким образом погибли «консерваторы» Мин Ёнмок (1826–1884), Мин Тхэхо (1834–1884), Чо Ёнха (1845–1884).

На другой день, 5 декабря, партия реформ заявила о создании нового правительства. Ким Оккюн стал министром финансов. Военным министром был назначен 18-летний Со Чжэпхиль (1866–1951), только что закончивший военную школу сухопутных войск в Япо-

³⁴ Ряд событий истории Кореи конца XIX столетия хорошо описан в отечественной и зарубежной историографии XX в. Поэтому для датировки событий этого времени может использоваться одновременно как традиционный лунный, так и европейский календари.

нии. В тот же день была опубликована программа реформаторов, состоящая из 14 пунктов, общая (объективная) направленность которых была ориентирована на модернизацию страны буржуазно-демократического толка. Первый пункт, помимо требования возвращения *тэвонгуна*, провозглашал ликвидацию старых вассально-сюзеренных отношений с Китаем. Пункт второй включал положение о введении равноправия всех жителей страны, пункт третий — о реорганизации системы налогообложения и укреплении финансов страны, четвертый — о ликвидации старого совещательного органа при короле *Нэсибу* и введении системы привлечения на службу по способностям, и т. д. Тогда же во все иностранные дипломатические представительства было разослано официальное уведомление о событиях в Сеуле с разъяснением позиции партии реформ.

Однако для Китая подобное ускоренное продвижение реформ в Корею с ориентацией на Японию, так же как и низвержение лояльной группировки королевы Мин, было крайне невыгодно, так как означало потерю китайского влияния в Корею. Поэтому китайские войска, расквартированные в Корею со времени событий 1882 г., стали готовиться к штурму королевского дворца. Королева Мин, прослышав об этом, бросилась под разными предлогами уговаривать Кочжона вернуться в больший по площади дворец Чхандоккун, который было сложнее оборонять. Приход к власти реформаторов означал для группировки королевы Мин полную потерю своего влияния, а также делал реальной перспективу возвращения ненавистного для королевы Мин *тэвонгуна*. Она желала поражения партии реформ. В свою очередь японский посланник Такэдзоз, опасаясь прямых столкновений с Китаем, решил снять охрану дворца.

Таким образом, к 6 декабря в распоряжении реформаторов остались только военнотружущие из так называемой «офицерской школы»³⁵, где готовились кадры для армии нового образца, перед которыми была поставлена невыполнимая задача: охранять дворец Чхандоккун от полутора тысяч лучше вооруженных китайских солдат.

В результате дворец был быстро взят совместно действовавшими китайскими и корейскими правительственными войсками. В это время по Сеулу распространился слух, будто бы сторонники партии

³⁵ В российской дореволюционной литературе утверждалось, что королевский дворец защищали и японские солдаты. Согласно корейской историографии, по крайней мере основная часть японских солдат была выведена из дворца до начала его штурма.

реформ вместе с японцами пленили короля. Разъяренное население города бросилось к зданию японской дипломатической миссии и к домам реформаторов. Здание миссии было сожжено, погибло 74 человека (японских солдат и гражданских лиц). Японский посланник был вынужден спастись бегством. Вместе с японцами лидеры партии реформаторов — Ким Оккюн, Пак Ёнхё, Со Гванбом, Со Чжэпхиль бежали в Инчхон, а оттуда в Японию. (Из Японии Со Чжэпхиль вскоре отправился в США и стал впоследствии одним из лидеров движения за независимость Кореи.)

Таким образом, переворот реформаторов 1884 г. потерпел поражение. Те значительные социально-экономические изменения, которые произошли в Корее начала 1880-х годов, очевидно, были недостаточны для того, чтобы реформаторов поддержало как большинство правящего класса, так и рядовое население страны. Вместе с тем немалую роль сыграло вмешательство внешних сил, прежде всего Китая, противившегося низвержению всевластия, прокитайски ориентированной семьи королевы Мин. Это неизбежно привело бы к потере традиционных сюзеренно-вассальных отношений с Китаем, переходивших в стадию эпохи колониализма.

В то же время события 1884 г. имели для Кореи и некоторые объективно позитивные последствия. После разгрома партии реформ в Корее осталось 3-тысячное китайское войско под командованием генерала Юань Шикая (1859–1916). В начале 1885 г. в Корее также были расквартированы два батальона японских войск для «обеспечения безопасности» японских граждан в Корее. Для того чтобы избежать военного столкновения между вооруженными силами двух стран, в китайском городе Тяньцзине в 4-м месяце 1885 г. по инициативе японской стороны был подписан так называемый Тяньцзиньский договор, согласно которому обе стороны обязывались вывести свои войска с территории Кореи в течение четырех последующих месяцев. Для посылки войск в Корею в случае экстренной ситуации требовалось предварительное письменное уведомление противоположной стороны, а после разрешения ситуации войска должны были немедленно выводиться.

Таким образом, примерно на девять лет Корея получила мир и возможность не быть вынужденной ориентироваться в своих делах на какую-либо одну из соседних стран. Именно поэтому между иностранными державами, имевшими экономические и политические интересы в Корее, развернулась борьба за влияние, отрицательно сказавшаяся на внутреннем и внешнем положении страны.

Все сильнее звучало народное возмущение королевской властью и сложившейся ситуацией в стране. В Корее назревала крупнейшая крестьянская война.

Глава 6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ И ИДЕЙНОЕ УЧЕНИЕ *ТОНХАК*

На протяжении XIX столетия христианство, несмотря на многочисленные гонения, приобретало все большую популярность не только в среде образованного сословия, но и у простолюдинов. Действительно, все предшествовавшие идеологические учения были рассчитаны на восприятие людьми образованными и не были доступны для простого народа. Буддизм, в принципе удовлетворяющий религиозным потребностям рядовых людей, в результате постоянных гонений, начатых первыми королями династии Ли, не был распространен в Корее начала и середины XIX в. Религиозная составляющая конфуцианства — изначально учения элиты общества, на уровне простых людей ограничивалась церемониалом культа предков. Шаманизм, который обеспечивал общение людей с «миром духов», практически не затрагивал духовных потребностей народа. Христианство впервые за многие столетия корейской истории вновь обратилось к людям низших сословий, попытавшись объяснить им смысл жизни и перспективы существования в загробном мире. Однако христианство было принесено европейцами — людьми, имевшими непривычный и отталкивающий, с точки зрения корейца, облик. Христианство обращалось к неизвестной и непонятной корейцам мировой истории, но главное — заставляло отказываться от многотысячелетней веры в духов предков.

Так в Корее возникла объективная потребность создания собственного учения, которое, подобно христианству, обращалось бы к простому народу, но построено было бы на привычных и понятных категориях с учетом реалий новой Кореи. Это учение создавалось на протяжении второй половины XIX в. и получило название *тонхак*, т. е. «восточное учение», в противоположность христианству — «западному учению» (*сохак*). Называя новое учение, новую религию словом «восточное», его основатели имели в виду не только оппозиционность понятий «Запад — Восток», но и вполне конкретную традицию названия Кореи — «Восточное государство» (*Тонгук*).

Усиление влияния вестернизированной Японии, нового Китая и западных держав в Корее второй половины 1880–1890-х годов объективно способствовало все большему распространению учения *тонзак*.

§ 1. Корея второй половины 1880-х — начала 1890-х годов

После подавления попытки государственного переворота партии реформаторов в конце 1884 г. и подписания Тяньцзиньского японо-китайского договора 1885 г., обеспечивавшего паритет военных интересов двух стран в Корее, между Японией, Китаем и западными державами развернулась борьба за усиление своего влияния в Корее.

Особенно заметным стало усиление китайского влияния. В 1884 г. генеральным резидентом, управляющим внешними сношениями и торговыми делами Кореи был назначен Юань Шикай³⁶. Государь Кочжон после событий 1884 г. был временно отправлен в военный лагерь цинских войск, расквартированных в Корее. В 1885 г. из Китая был возвращен «мятежный» *тэвонгун* как «резервная фигура» правящего дома на случай непредвиденных событий. В 1885 г. из Кореи в Китай был отозван немецкий советник П. Г. Мёллендорф, проводивший, с точки зрения Китая, чрезмерно «прорусскую» политику. Таким образом, правительство Кореи оказалось подконтрольным Китаю.

В экономической сфере новый Китай (под прикрытием старых «вассально-сюзеренных отношений») начал проводить политику экспорта капитала. В сентябре 1885 г. была открыта первая телеграфная линия, соединившая Сеул с портовым городом Инчхоном. Линия была построена с помощью оборудования, привезенного из Китая, и долгое время эксплуатировалась китайскими специалистами. Мало того, телеграммы могли передаваться только на китайском, английском или французском языках. В феврале 1886 г. была открыта телеграфная линия между Сеулом и южным портом Пусан, строи-

---

³⁶ В отечественной исторической литературе утверждается, что Юань Шикай был назначен на эту должность после попытки государственного переворота, а корейские историки утверждают, что это произошло до указанных событий. Любопытно отметить, что когда уже в 1905 г. Япония стала назначать своего генерального резидента для контроля над внешней политикой Кореи, согласно соответствующему договору между двумя странами, это стало важнейшей составной частью системы протектората Японии над Кореей.

тельство и эксплуатация которой также находились под контролем Юань Шикая.

После 1885 г. в несколько раз выросла доля импорта товаров из Китая. Если в 1885 г. объем импорта в Корею из Китая составлял лишь 23 % от японского, то в 1892 г. — уже 82 %. С 1890 г. Китай взял под свой контроль предоставление займов Корее и сам ссудил ей значительную сумму из расчета 7 % годовых.

Япония, не имея рычагов политического контроля над Кореей, старалась всеми силами не упускать любую возможность для приобретения экономического влияния. Расширялась японо-корейская торговля, приносившая основные доходы японской стороне. Японцы, дешево покупая заморские товары, главным образом английские, дорого продавали их в Корее. Вывозили из Кореи рис, бобовые культуры и золото. В итоге из-за нехватки риса на внутреннем рынке в стране резко подскочили цены на него.

Японские рыболовные суда, формально еще на основании положения корейско-японского договора 1876 г. об «исследовании опасного побережья Кореи», беспрепятственно бороздили прибрежные воды провинций Кёнги, Чолла, Канвон, Хамгён. Все это вызывало резкие протесты местного населения и требование ограничить права японцев. Но у Кореи не было сильного военного флота, способного защитить морские границы страны.

Воспользовавшись отсутствием в Корее развитой банковской системы и в то же время объективной необходимостью банковской деятельности в открытых портах, в 1888 г. в Сеуле было основано главное отделение крупнейшего японского банка *Дайити гинко* («Первого банка») с одновременным открытием филиалов во всех крупнейших корейских портах. В 1889 г. корейское правительство уже получило первый заем у этого банка. В 1891 г. японцы, добившись формального согласия государя Кочжона, даже пытались открыть в Инчхоне монетный двор. Однако этой идее не суждено было реализоваться из-за противодействия Китая.

Помимо двух восточных претендентов на доминирующее положение в Корее — Китая и Японии, некоторые западные державы также прилагали значительные усилия для укрепления своих позиций в Корее.

В 15-й день 4-го месяца 1885 г. шесть военных и два торговых английских корабля под предлогом «защиты» от возможной «агрессии» России внезапно захватили остров Комундо у юго-западной оконечности Корейского полуострова. Действительно, после подав-

ления государственного переворота партии реформ 1884 г. и последующего усиления влияния Китая, претендовавшего на полный контроль над Кореей, при корейском дворе возникла идея о том что, в условиях борьбы за господство в Корее Японии и Китая Россия может сыграть роль сдерживающего фактора, который поможет обеспечить независимость страны. Государь Кочжон в 1885 г. посылал в Россию секретную миссию. В том же году Россия (возможно, по согласованию с Кореей) направила в корейские воды несколько военных кораблей. Этот акт и новая прорусская ориентация королевского двора вызывали беспокойство западных держав. Поэтому Корее пришлось отказаться от идеи приглашения русских военных инструкторов в Сеул.

Однако сама Корея не считала, что захват островов Комундо хоть как-то способствует обеспечению безопасности страны, и неоднократно обращалась к английским дипломатическим представителям как в Корее, так и в Китае с просьбами разобраться с инцидентом и способствовать выводу английских войск. Только активное вмешательство российской и китайской дипломатии в этот вопрос заставило англичан оставить остров 27-го числа 2-го месяца 1887 г.

Со второй половины 1880-х годов частные предприниматели из США вели разведку и разработку полезных ископаемых в провинциях Хамгён, Канвон, Пхёнан, Хванхэ. Американцы также пытались получить концессии на строительство основных железных дорог Кореи, соединяющих Сеул с такими крупнейшими городами, как Инчхон, Пусан, Вонсан, Ыйчжу. В 1887 г. США подписали договор с Кореей о приглашении американских военных инструкторов.

В 1884–1885 гг. в Корею прибыли первые протестантские миссионеры — Х. Б. Халберт, Х. Г. Андервуд и Х. Г. Апензеллер, которые начали вести активную религиозную деятельность. В отличие от католицизма, протестантизм получал большую поддержку корейцев. Во-первых, протестантские миссионеры основывали не только церкви, но и школы, больницы, высшие учебные заведения. Во-вторых, протестантизм был лишен внешних атрибутов, напоминавших верующим о том, что христианство — пришлая религия. Он позволял иметь автономные от «метрополии» самоуправляющиеся религиозные организации, лучше приживался на национальной почве, более гибко подстраиваясь под местные обычаи. После заключения в 1886 г. корейско-французского договора свободу в своей деятельности получили и французские католические миссионеры.

В подобной ситуации корейское королевское правительство так и не сумело выработать четкого курса на выход из кризиса, освобождение от засилья внешних сил, надеясь на то, что одни иностранцы помогут избавиться от влияния других. То, что было не в состоянии решить правящее сословие, пытался исправить простой народ, создавая свое собственное учение, свою религию, ставшую идейным знаменем для сплочения во имя спасения родины.

§ 2. Возникновение идейного учения тонхак

Религиозное учение *тонхак*, т.е. «восточное учение», поначалу имело достаточно мирный характер, и о каких-либо вооруженных действиях речи не было. Основателем *тонхак* стал первый патриарх религии — Чхве Чжеу (1824–1864), выходец из сословия *янбан*. Существует даже точка зрения, что Чхве Чжеу был потомком великого силлаского поэта Чхве Чхивона (857–?).

Чхве Чжеу родился в 28-й день 10-го месяца 1824 г. в деревне Ёндам, неподалеку от города Кёнчжу провинции Кёнсан. В возрасте шести лет он лишился матери, а в 16 — отца. Очевидно, отец не оставил сыну большого наследства, так как, несмотря на интерес к конфуцианскому классическому знанию, Чхве Чжеу за неимением средств был вынужден прекратить образование и заняться торговлей. Считается, что будущий основатель *тонхак* торговал тканью и деревом. Таким образом, с 1844 г. Чхве Чжеу начинает путешествовать по всей стране. В 1856 г. он принял решение удалиться от мирских дел и вплоть до 1859 г. провел время в горах Янсан. В 1859 г. Чхве Чжеу возвратился в родные места, в селение Ёндам, а в 1860 г. ему наконец-то открылась *истина*.

В историографии существуют различные версии рассказов о том, как Чхве Чжеу познал истину *тонхак*. Ниже вкратце приведем тот вариант, который отражен в классических сочинениях *тонхак*³⁷.

В 5-й день 4-го месяца 1860 г., когда будущий патриарх болел, то ли во сне, то ли наяву к нему спустилось верховное божество — «Верховный Император» *Санчжэ*. Верховный Император поведал Чхве Чжеу, что избрал его для того, чтобы он распространял добродетель по всему свету и открыл сущность *тонхак*. Кроме того, Верховный Император передал Чхве Чжеу волшебные заклинания и рассказал

³⁷ См.: Хан Угын. Тонхак нонмин понги (Крестьянское восстание тонхак). Сеул, 1985. С. 112.

о других магических способах, которые должны были помочь Чхве Чжеу спасти людей.

Верховное божество, которое снизошло к Чхве Чжеу, нередко называют традиционным для Дальнего Востока понятием «Верховный Император». Иногда же бога *тонхак* именуют другим, исконно корейским термином *хануллим*, получившим широкое распространение несколько позже. Его значение трактуют одновременно как «небесный бог» и «великие мы», вкладывая в него новое *тонхаковское* представление о Боге и человеке.

Итак, в 1860 г. Чхве Чжеу, получив, как он считал, озарение свыше, начал пропаганду нового учения. В своей родной провинции Кёнсан он стал создавать небольшие группы последователей, имевшие целью постижение истины *тонхак*.

Чем же так привлекала корейцев новая религия³⁸?

О содержании идейного учения Чхве Чжеу нам известно из его двух ставших каноническими книг — «Великий свод Восточного канона» («*Тонгён тэчэжон*») и «Оставленные речения [из селения] Ёндам» («*Ёндам юса*»). Оба сочинения были подготовлены к печати ближайшим учеником Чхве Чжеу — Чхве Сихёном (1827–1898), ставшим впоследствии вторым патриархом *тонхак*, и отражают основные взгляды основателя учения. Однако полное и четкое представление об идейной основе *тонхак* составить не так просто, поскольку в 1905 г. религия *тонхак* была переименована в «учение Небесного пути» — *чхондогё*. Это учение, переняв самое главное из *тонхак*, продолжило развитие по несколько иному пути, окончательно сформировавшись уже в XX столетии как религия *чхондогё*. Поэтому некоторые моменты идейного содержания *тонхак* могли быть утерянными или изъятными. Тем не менее попробуем обрисовать отдельные черты учения *тонхак*, поскольку это крайне необходимо для понимания крестьянского восстания, организованного последователями *тонхак*.

Отправная точка учения — идея о прямой взаимосвязи человека как земного существа с верховным божеством, чья сущность сконцентрирована в представлении о божественных Небесах. Согласно *тонхак*, человек и Небеса (т. е. божество) равны, они суть одно и то

³⁸ В отечественной литературе *тонхак* именуют «сектой», в то время как в южнокорейской историографии его относят к категории «новых [национальных] религий». Учитывая последующие полуторавековое развитие и трансформацию *тонхак*, автор настоящей монографии придерживается мнения, что *тонхак* можно считать религией.

же, что выражается в центральном постулате учения «человек есть Небеса» (*ин-си-Чхон*). Поскольку каждый человек суть божество, то это значит, что люди равны перед верховным божеством, а также равны между собой. Для традиционного конфуцианства, разделяющего все общество на вышестоящих и нижестоящих, а значит, не признающего равенства, подобная идея была неприемлемой, «революционной». Развивая идею о равенстве людей, Чхве Чжеу учил: поскольку люди подобны Небесам, то людей нельзя убивать, ибо нельзя убивать Бога.

Однако люди подобны Небесам не только по своей сущности, но и по своим действиям: «Замыслы Небес как раз и есть замыслы людей» («*Чхонсим чык инсим*»).

Так же как человек подобен Небесам, Небеса подобны человеку. Поэтому со временем в *тонхак* появляется новое корейское понятие Небес — *хануллим*, совмещающее в себе слово «Небо» — *ханыл* и понятие «великие мы[, люди]» — *хан ури*. Однако иногда мирские дела отвлекают человека от истины, и он может потерять свою небесную сущность. Поэтому для правильной жизни необходимо следовать Небесному Пути (*Чхон До*) и Небесной Добродетели (*Чхон Док*).

Очевидно, на ранних этапах становления *тонхак* при еще не развитой идейной составляющей по-прежнему важное значение имели традиционные конфуцианские догматы, такие, как «Пять норм морали» («*О рюн*»), а также различного рода мистические тексты, как, например, древнекитайский трактат «Чжоуская книга перемен» («*Чуёк*»; корейское прочтение иероглифического названия), или тексты различных «волшебных» заклинаний.

Таким образом, имея в основе постулат о божественности человека и любви ко всем людям, учение *тонхак* было достаточно мирным по своей сути. Однако идеи равенства всех людей нарушали установленный в стране порядок, построенный на проповедуемых конфуцианством отношениях служения младшего (нижестоящего) старшему и заботы старшего о младшем (нижестоящем). К тому же сведения о создававшихся тайных организациях не могли не беспокоить королевский двор, особенно в условиях распространявшегося самими корейцами христианства с его идеями равенства.

Поэтому, по сообщению одного из приближенных ко двору чиновников, имя которого не встречается в исторической литературе, в 1863 г. Чхве Чжеу вместе с 20 своими последователями был схвачен и заключен в тюрьму города Тэгу, где был казнен в 3-м месяце 1864 г.

§ 3. «Революция» *тонхак*

После гибели Чхве Чжеу вторым патриархом *тонхак* стал его ближайший ученик с 1861 г. — Чхве Сихён (1827³⁹–1898). В исторической литературе встречаются две даты начала его деятельности как руководителя нового религиозного учения — начало 1863 и начало 1864 г. Став во главе *тонхак*, Чхве Сихён прежде всего обратился к работе по изданию двух канонических сочинений, упомянутых выше, а также развернул работу, направленную на расширение и укрепление низовых организаций *тонхак* по всей стране. Одной из важнейших задач Чхве Сихён считал реабилитацию безвинно казнённого учителя — основателя религии, а также получение свободы религиозной деятельности *тонхак*.

Возможно, на протяжении 1870-х — начала 1890-х годов продолжала развиваться идейная составляющая *тонхак*. В связи с этим необходимо упомянуть о так называемом «открытии Небес и Земли» — *кэбёк*, представление о котором, исходя из упоминаний в литературе, существовало в *тонхак*, но впоследствии исчезло из сменившего его «учения Небесного пути». Когда и в связи с чем в *тонхак* появилось представление о *кэбёк*, сказать сложно.

Суть *кэбёк* заключается в следующем. Время циклично. Один большой цикл длится около 50 тыс. лет. По его завершении возвращается «Небесная судьба» (*Чхонун*), или «Временная судьба» (*Сиун*), которая позволяет при активном участии людей совершить переустройство Неба и Земли, т. е. «вновь открыть» Небо и Землю, когда вместе со всей природой, т. е. через изменение в природе, можно изменить человеческое общество, сделав жизнь более счастливой.

В начале 1890-х годов, очевидно, речь ещё не шла о том, что пришло время совершить переустройство Неба и Земли. Постоянно возраставшая организация *тонхак* продолжала настаивать на реабилитации Чхве Чжеу и разрешении религиозной деятельности. В 12-м месяце 1892 г. в местечке Самне неподалеку от города Чончжу, центра провинции Чолла, Чхве Сихён собрал несколько тысяч последователей *тонхак*. Собравшиеся подготовили петицию на имя губернатора провинции Чолла с призывом реабилитации безвинно казнённого Чхве Чжеу, а также свободы религиозной деятельности *тонхак*.

---

³⁹ В южнокорейской литературе встречаются указания на то, что Чхве Сихён родился в 1829 г. (в 29-й год правления государя Сунчжо). См., напр.: *Ли Хончжоник*. Чынбо Сэ кукса сачжон (Расширенная Новая энциклопедия корейской истории). Сеул, 1992. С. 1366.

Напуганный масштабом и организованностью собрания *тонхаковцев* губернатор поспешил издать указ, запрещающий гонения на последователей новой религии.

Воодушевленный успехом Чхве Сихён попробовал добиться реализации своих требований на общегосударственном уровне. В 1-м месяце 1893 г. в столицу была послана новая петиция аналогичного содержания, однако она осталась без ответа. И тогда в 3-й месяц Чхве Сихён направил в Сеул делегацию из 40 человек во главе с Пак Квансе, чтобы лично передать послание государю. Послание напугало короля и представителей иностранных держав, поскольку, помимо указанных требований, в нем содержались призывы к закрытию всех иностранных представительств, церквей и высылке иностранцев из Сеула. Королевский двор в срочном порядке решил направить правительственные войска на юг, в сторону города Чхончжу (провинция Чхунчхон), туда, где, по сведениям провинциальной администрации, концентрировались основные силы *тонхак*. Последователям *тонхак* было предписано покинуть Сеул. Одновременно в цинский Китай было отправлено тайное послание с просьбой оказать военную помощь в случае широкомасштабных «внутренних смут».

Таким образом, поездка представителей *тонхак* в Сеул оказалась неудачной. Поэтому 26-го числа 4-го месяца 1893 г. в местечке Поын, недалеко от города Чхончжу, собрались более 20 тыс. последователей *тонхак* со знаменами, на которых была начертана надпись «Сбор ополчения для изгнания японских и западных варваров». Собравшихся более всего волновал не вопрос реабилитации первого патриарха, а тяжелое положение страны, зависимость Кореи от цинского Китая, Японии, западных держав. Многие призывали взяться за оружие и изгнать иностранцев.

О проведении съезда *тонхак* в Поыне стало известно провинциальным властям, поскольку там находился правительственный чиновник О Юнчжун, специально направленный из Сеула для разбирательства с ситуацией в провинции Чхунчхон. Он попытался уговорить собравшихся разойтись. Через некоторое время последователи *тонхак* действительно разошлись по домам, и случилось это отчасти из-за позиции второго патриарха религии — Чхве Сихёна.

Между тем на протяжении 1893 г. в провинциях Пхёнан, Хванхэ, Канвон, Кёнсан – буквально по всей территории Кореи – происходили небольшие крестьянские выступления. Одной из самых беспокойных была провинция Чолла. Потерявший контроль над центральной властью, подчиненный иностранным державам королевский двор

был не в состоянии навести порядок в провинции, где злоупотребления местной администрации превысили все возможные пределы. В частности, в уезд Кобу провинции Чолла в 1892 г. был назначен новый начальник Чо Ёнгап, особо отличившийся в изобретении способов дополнительных поборов с крестьянства. В конце 1893 и начале 1894 г. местные крестьяне дважды подавали ему петиции с просьбами прекратить несправедливые поборы. В составлении этих петиций помогал местный выходец из сословия мелкого чиновничества Чон Бончжун (1854–1895), который примкнул к *тонхак* еще в середине 1880-х годов. Однако голос крестьян не был услышан, многие из зачинщиков были заключены под стражу.

Рано утром 15 февраля⁴⁰ 1894 г. около тысячи крестьян из уезда Кобу собрались вместе и, избрав *тонхаковца* Чон Бончжуна своим руководителем, решили напасть на уездную управу и изгнать ненавистного начальника. Так началось крестьянское восстание *тонхак*. Разгоревшееся в феврале месяце, оно еще не было в полной мере выступлением *тонхак*, потому что основная масса крестьян не принадлежала к последователям «восточного учения» и не ставилось особых целей общегосударственного масштаба. Восставшие открыли государственные амбары, разделили рис и разрушили ненужное водохранилище Мансокпо, построенное прежним начальником уезда и служившее одним из главных предлогов для взимания дополнительных поборов. Достигнув своих целей, восставшие разошлись по домам.

На место происшествия был послан государственный инспектор Ли Ёнтхэ. Всю вину за беспорядки он приписал последователям *тонхак* и стал жестоко расправляться со многими выявленными приверженцами учения. Это было первое крупное гонение на *тонхак* со стороны государства.

Ответ *тонхаковцев* не заставил себя долго ждать. Очевидно, считая, что кризис в стране достиг крайней точки, Чон Бончжун решил, что настало время совершить *кэбёк* — переустройство Неба и Земли для того, чтобы наконец-то построить государство всеобщей справедливости. **В конце апреля 1894 г.** последователи *тонхак* впервые выступили организованно под лозунгами: «Защитить государство, дать народу мир», «Изгнать японцев, изгнать европейцев». Это, уже не стихийное, **крестьянское восстание** началось в местечке Пэк-

---

⁴⁰ В литературе также встречается указание на 16 февраля как на день начала восстания. Здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю.

сан, чуть севернее уездного центра Кобу. Повстанцев возглавил Чон Бончжун, избранный в качестве руководителя. В армии *тонхак* был свой устав с элементами программы действий, требовавший от своих членов не убивать людей без крайней необходимости и не забирать чужого имущества; быть преданным стране и своим руководителям, почтительным к родителям и старшим по возрасту; изгонять японские войска, но не забывать о самосовершенствовании, обязательно дойти до Сеула и разобраться с теми, кто совершал преступления.

Второй патриарх Чхве Сихён выступил против восстания. (Ведь, согласно учению *тонхак*, все люди божественны, и никому нельзя причинять зла.) Однако восстание охватывало все большие территории западной части провинции Чолла: существовавшие в течение длительного времени организационные ячейки позволяли быстро мобилизовать крестьян. Идеи *тонхак*, во многом основанные на традиционном мировоззрении корейцев, были понятны простому народу, а активное выступление обещало счастливую жизнь на многие поколения вперед.

К маю месяцу 8-тысячная армия *тонхак* подчинила девять уездных центров. 11 мая 1894 г. произошло первое крупное столкновение между повстанцами и правительственными войсками, присланными из центра провинции — города Чончжу. Восставшие одержали победу над правительственными войсками и захватили большое количество трофейного оружия. Тогда из столицы было срочно отправлено более чем полторатысячное подкрепление на защиту Чончжу. Но оно не смогло противостоять армии *тонхак*, и 31 мая 1894 г. Чончжу перешел в руки восставших.

Однако правительственные войска во главе с Хон Гехуном окружили город, пытаясь выбить оттуда отряды *тонхак*, которые, в свою очередь, также совершали постоянные рейды. Одновременно Чон Бончжун вступил в контакт с полномочным инспектором по юго-западу Кореи — Ли Вонхве, который прибыл из Сеула, приведя с собой дополнительное подкрепление. *Тонхаковцы* предложили правительству принять предложение преобразований из 14 пунктов, дополненное позже еще 24 пунктами. Корейское правительство, ожидая прибытия военной помощи из цинского Китая, пошло на подписание мирного соглашения с *тонхак* из 12 пунктов, в котором, в частности, говорилось, что отныне все противоречия между последователями *тонхак* и правительством Кореи считаются разрешенными. В соглашении также отмечалось, что все виновные в злоупотреблениях чиновники будут наказаны, документы о личной зависимости *ноби* —

уничтожены, а земля будет поровну распределена между теми, кто ее обрабатывает, и будут наказаны те, кто поддерживает контакты с японцами, и т. д.

Последователи *тонхак*, находившиеся в северных провинциях Кореи и подчинявшиеся второму патриарху Чхве Сихёну, так и не поддерживали восстание в провинции Чолла.

Несмотря на мирное соглашение с *тонхак*, королевская власть в принципе не могла допустить существование неподконтрольных структур провинциального самоуправления (*чипкансо*), опиравшихся на вооруженную силу простого народа, неподчиненного правительству и исповедовавшего непонятное идеологическое учение.

Уже 8 июня 1894 г. 1,5 тыс. человек китайских войск прибыли на кораблях к западным берегам Кореи, расположившись в заливе Асан, южнее Инчхона. Подобный шаг Китая, учитывая его возрасставшее экономическое и политическое влияние в Корее, мог привести к полному подчинению Кореи. Поэтому Япония, сославшись на то, что Китай не известил заранее Японию о посылке войск, как требовалось по Тяньцзиньскому договору 1885 г., отправила в Корею 4,5 тыс.⁴¹ человек для «защиты японских граждан». Войска с первых трех японских кораблей начали высаживаться в Инчхоне уже 9 июня. Так началось японо-китайское военное противостояние в Корее, на время отвлекшее внимание внешних сил от крестьянского восстания *тонхак*.

Чуть более чем через полтора месяца, в конце июля 1894 г., началась японо-китайская война⁴², закончившаяся поражением Китая, а значит — доминированием Японии на Корейском полуострове. Неспособность корейского правительства организовать защиту от внешней агрессии, отстоять независимость своей страны **во второй раз подняла армию *тонхак***, но теперь уже — на борьбу с японцами.

В местечке Самне, к северо-западу от Чончжу, 12 октября 1894 г. собралось все руководство движения *тонхак* во главе с Чхве Сихёном. Чон Бончжун предлагал как можно скорее организовать военный поход на Сеул и выступить против японских войск, оккупировавших страну. В распоряжении Чон Бончжуна было 10 тыс. человек повстанческой армии. Чхве Сихён поначалу по-прежнему настаивал на мирных путях достижения поставленных целей. Однако

⁴¹ По другим сведениям, число высадившихся в Корею японских солдат составило 10 тыс.

⁴² Подробнее см. § 1 главы 7.

его ближайший ученик Сон Бёнхи (1861–1922; впоследствии третий патриарх *тонхак*), относившийся к «северной группировке» *тонхак*, которая до сих пор не принимала участия в военных действиях, решил присоединиться к Чон Бончжуну, возглавив еще 10 тыс. повстанцев.

Первым городом на пути армии *тонхак* к Сеулу, где японские и правительственные войска готовились к обороне, стал город Кончжу в провинции Чхунчхон. Повстанцы вступили в сражение с хорошо обученной и вооруженной армией японцев 21 октября 1894 г. (Уровень оснащения японских войск в Корее можно проиллюстрировать фактом прокладки временной линии военной телеграфной связи между Пусаном и Сеулом.) Несмотря на то что взять Кончжу не удавалось, армия *тонхак* не отступала под натиском врага и даже одерживала отдельные победы в окрестностях города. После последнего крупного сражения между повстанцами и японскими войсками в ноябре 1894 г. у селения Нонсан, южнее Кончжу, перевес сил стал складываться не в пользу *тонхак*, и они были вынуждены оставить провинцию Чхунчхон, отступив еще южнее, в провинцию Чолла. Сам Чон Бончжун скрывался в городе Сунчхан, пока его не выдали в деревне Пхиро за обещанное вознаграждение. Чон Бончжун увезли в Сеул, судили и казнили в марте 1895 г.

Однако второй этап восстания *тонхак*, в отличие от первого этапа весны-лета 1894 г., не ограничился южными провинциями страны, а распространился и на север, охватив провинции Хванхэ и Канвон.

Итак, к концу 1894 г. восстание *тонхак* в основном было подавлено. Число пострадавших определяют цифрой в 300–400 тыс. человек. Это было первое в истории Кореи восстание крестьян, вооруженных своей особой религиозной идеологией и имевших четкие и конкретные цели построения нового государства всеобщего благоденствия. Возможно, именно поэтому восстание *тонхак* иногда называют революцией. Масштабность и размах крестьянских выступлений позволяют говорить об этом восстании как о *крестьянской войне*. Именно так оно определяется в отечественной литературе.

При этом нельзя однозначно утверждать, что восстание *тонхак* потерпело поражение. Во-первых, религия *тонхак* не только не исчезла, но получила дальнейшее развитие и распространение, трансформировавшись впоследствии в *чхондогё* — «учение Небесного пути», ставшее одним из знамен, одной из ведущих сил в борьбе за независимость Кореи в первой половине XX в. Во-вторых, вооруженное выступление крестьян, во главе которого стояли привержен-

цы *тонхак*, показало глубину охватившего страну кризиса и необходимость преобразований. Реформы, отразившие новые социально-экономические реалии Кореи, были проведены в 1894–1895 гг. при помощи японцев, и в 1897 г. — Императором Кочжоном без вмешательства извне.

Крестьянское восстание *тонхак* послужило формальным поводом для введения в Корею войск Японии и Китая, противостояние которых за влияние в Корее достигло максимума в 1894 г. В результате японо-китайской войны это противостояние разрешилось в пользу Японии.

Глава 7. РЕФОРМЫ 1894–1895 ГОДОВ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА НЕЗАВИСИМОСТИ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вторая половина 1890-х годов была, пожалуй, наиболее трагическим периодом XIX столетия, когда решалась судьба Кореи как независимого государства, когда борьба за доминирование между двумя соседними с Кореей державами, влияние которых стремительно возрастало, вылилась в военное противостояние между ними. И все же именно конец 1890-х годов стал тем временем, когда Корея достигла самого высокого за всю предшествующую историю статуса независимого и равного со всеми державами мира государства.

§ 1. Японо-китайская война и реформы годов кабо и ыльми

Японо-китайская война, как уже говорилось, была объективно вызвана достижением относительного паритета в экономическом присутствии двух стран на Корейском полуострове при политическом доминировании Китая. Крестьянская «революция» *тонхак* стала удобным поводом для почти одновременного выдвижения на Корейский полуостров в июне 1894 г. китайских войск, вызванных королевским правительством для подавления восстания *тонхак*, и японских войск, прибывших в Корею для «защиты» японских подданных.

Однако уже к концу первой декады июня между королевским двором и *тонхаковцами* было подписано мирное соглашение. Заклю-

чение мира с повстанческой армией *тонхак* означало завершение «смуты» и наступление спокойствия в стране. Поэтому королевский двор обратился к японскому посланнику Отори Кэйсукэ с просьбой вывести войска из страны, на что тот ответил отказом, ссылаясь на приказ японского императора. В подобной ситуации дальнейшее нахождение японских войск в Корее становилось все более затруднительным. Поэтому Япония решила перейти к активным действиям, чтобы избавиться от китайского влияния в Корее и сделать страну более приспособленной для дальнейшей японской экспансии.

Для начала японское правительство формально предложило Китаю провести в Корее ряд реформ, учитывая ту особую роль, которую играл при королевском дворе китайский генеральный резидент Юань Шикай. После отказа Китая Япония потребовала от корейского правительства расторжения корейско-китайского договора 1882 г. и других соглашений, предоставлявших Китаю особые преимущества в Корее. После того как корейское правительство ответило отказом, 23 июля 1894 г. японский отряд под предлогом «защиты короля» захватил королевский дворец, взяв под стражу королеву Мин. В тот же день во главе нового правительства, в которое вошли про-японски настроенные сторонники реформ, был поставлен *тэвонгун*, прежде всего по причине его оппозиции группировке королевы Мин и Китаю. (Власти Китая в свое время обманным путем вывезли его из Кореи.) В тот же день с представителями японских властей был подписан договор, согласно которому Корея поручала Японии изгнать из страны китайские войска⁴³.

Видя невозможность противостоять японским войскам, Юань Шикай, бежавший из Сеула, поспешил вызвать на помощь китайский военный транспорт «Гаошэн» с подкреплением. Судно подошло к берегам Кореи (залив Асан южнее острова Канхвадо) к 25 июля и тогда же было атаковано и потоплено японскими кораблями. Так началась **японо-китайская война 1894–1895 гг.**

Разгромив 29 июля китайский гарнизон под Сеулом и 1 августа официально объявив о начале войны, японские войска двинулись на север. Единственное крупное сражение между китайскими и японскими войсками на территории Кореи произошло под Пхеньяном 15 сентября⁴⁴ 1894 г. Несмотря на мужественные попытки сопротив-

⁴³ В отечественной литературе встречается указание на Договор о военном союзе с Японией, подписанный только 26 августа 1894 г., в котором также содержится пункт о поручении Японии миссии изгнания китайских войск.

⁴⁴ В ряде исследований начало Пхеньянского сражения датируется 16 сентября.

ления китайских войск, они потерпели поражение и к 21 сентября отступили к пограничной реке Амноккан (китайское прочтение названия — Ялуцзян). С октября месяца боевые операции переместились на территорию Китая. Потерпев сокрушительное поражение у Люйшуня — ключевого порта Ляодунского полуострова в октябре 1894 г. и в портах Шаньдун и Вэйхайвэй в начале 1895 г., 17 апреля 1895 г. в японском городе Симоносэки Китай был вынужден подписать соглашение, согласно которому отказывался от «традиционных» сюзеренно-вассальных отношений с Кореей (а на самом деле — от экономических и политических преимуществ в новой политике колониалистского типа), а также передавал в управление Японии полуостров Ляодун, остров Тайвань, архипелаг Пэнху. Правда, уже в 1895 г. под давлением России, Франции и Германии Японии пришлось вернуть Ляодун Китаю.

Таким образом, в результате японо-китайской войны Япония окончательно избавилась от своего главного соперника за преобладание в Корее. В первые дни после начала войны Япония смогла взять в свои руки контроль над положением в стране. С помощью корейских сановников-реформаторов прояпонской ориентации в Корее стали проводиться реформы, направленные на модернизацию страны и открывшие новые возможности для колониальной эксплуатации со стороны капиталистической Японии.

Через несколько дней после захвата японцами королевской семьи — 27 июля 1894 г. при королевском правительстве сановниками-реформаторами было создано новое Управление по военным и государственным делам (*Кунгук кимучхо*)⁴⁵, на которое возложили задачу проведения широкомасштабных реформ, получивших впоследствии **название реформ года кабо**. *Кабо* — это название 1894 г. согласно традиционному лунно-солнечному календарю. Управление по военным и государственным делам возглавлялось председателем Ким Хончжипом (1842–1896), которого называют сановником «центристской» ориентации, занимавшим промежуточное положение между «консерваторами» и «реформаторами». Кроме того, в состав Управления входили один заместитель, от 10 до 20 рядовых членов и 2–3 секретаря.

С первых дней существования *Кунгук кимучхо* стало издавать указы, направленные на реформирование страны. Всего за время

⁴⁵ В исторической литературе встречаются различные даты создания Управления по военным и государственным делам. Иногда говорят о 26 или 30 июля, о 25 или 26-м дне 6-го лунного месяца, что соответствует 27 (28) июля 1894 г.

существования Управления было издано 208 указов. Согласно этим постановлениям, королевское правительство должно было состоять из двух частей — Внутридворцовой палаты (*Куннэбу*) и Палаты обсуждения политики (*Ыйчжонбу*). Таким образом, дела королевского двора отделялись от остальных государственных дел. В подчинении палаты *Ыйчжонбу* теперь находились восемь вновь созданных министерств: внутренних дел, внешних сношений, военное, юстиции и др.; отменялась система государственных экзаменов на знание конфуцианской классики. Для реформирования экономики был издан ряд положений о преобразованиях сферы налогообложения, денежной системы, о функционировании банков, унификации мер и весов. Однако главными, по-видимому, были указы в социальной сфере, по которым *янбаны* уравнивались в правах с простым народом, отменялась категория лично-зависимого населения *ноби* и запрещалась купля-продажа людей. Вдовам было разрешено повторное вступление в брак. Запрещались ранние браки; нижняя граница брачного возраста определялась в 16 и 20 лет для женщин и мужчин соответственно.

Однако первый этап реформ, предпринятый в год *кабо*, оказался неэффективным. Во-первых, в современной историографии отмечается отсутствие широкой поддержки преобразований в корейском обществе, поскольку реформы, хотя и проводились корейцами, изначально были инициированы японцами⁴⁶. Во-вторых, действие новых указов нередко ограничивалось только столичной провинцией Кёнги. В-третьих, *тэвонгун*, вернувшийся с помощью японцев к делам управления, хотя и являлся гарантом освобождения от влияния группировки королевы Мин, но в то же время тормозил проведение реформ. Поэтому 17 декабря 1894 г. Управление по военным и государственным делам было ликвидировано, как отмечается в литературе, «по инициативе» вновь назначенного в Корею японского посланника Иноуэ Каору, а формально — по указу государя Кочжона.

Действительно, к концу 1894 г. японские войска уже находились в столице, во всех важнейших портах страны, на севере Кореи, где недавно были разбиты китайские войска, и в ее центральной части,

⁴⁶ В северокорейской историографии середины 1990-х годов встречается утверждение о том, что реформы года *кабо* не были связаны с колониальной политикой Японии в Корею и даже в некоторой степени реализовывали требования крестьянской армии *тонхак* (см., напр.: Очерк корейской истории. Кн. 2. Пхеньян, 1995. С. 30).

где в ноябре было подавлено крестьянское восстание *тонхак*. Таким образом, японцы обладали реальной силой воздействия на корейское правительство. К концу 1894 г. они увидели, что в стране, тысячами жившей в соответствии с указами *короля*, никто не воспринимает всерьез постановления непонятного Управления по военным и государственным делам, даже несмотря на то, что эти постановления получали королевское *подтверждение*. Поэтому было принято решение проводить реформы напрямую от имени корейского короля.

7 января 1895 г. по настоянию японского посланника государь Кочжон в Храме предков (*Чонмё*) королевской семьи публично принес клятву, состоящую из 14 основных пунктов и получившую название «Четырнадцать великих законов». Клятва, в принципе, повторяла основные направления уже начатых реформ, но, произнесенная устами монарха, она должна была способствовать их скорейшей реализации. В ней, в частности, говорилось об отказе от традиционного подчинения Китаю, отделении дел королевского двора от дел государства, упорядочении системы налогообложения, отмене сословного разграничения при отборе на государственную службу, разграничении гражданских и уголовных законов.

Вместо *Кунгук кимучхо* был создан Объединенный кабинет (*Ёллип нэгаж*), во главе которого встал все тот же Ким Хончжип. Число министерств, подчиненных кабинету, сократили до семи. Однако все это не дало ожидаемых результатов, помимо того, что была реорганизована система административного деления страны, а в Сеуле и провинциях — учреждены полицейские управления нового образца.

Вмешательство японцев во внутренние дела страны стало вызывать активное сопротивление как простого народа, так и королевского двора. В апреле 1895 г. в связи с судебными разбирательствами по поводу участия в «заговоре» внука *тэвонгуна* — Ли Чжунъёна⁴⁷ (1870–1917), *тэвонгун* окончательно отошел от дел, предоставив тем самым возможность активизироваться группировке королевы Мин, которая в условиях потери влияния Китая пыталась искать помощи у России для противостояния японскому влиянию. В конце весны — начале лета 1895 г. в Сеуле прошел слух, что одна из центральных фигур кабинета — Пак Ёнхё (участник государственного переворота 1884 г.) готовит заговор с целью свержения государя Кочжона. Опасаясь ареста, с помощью японцев Пак Ёнхё бежал в Японию.

⁴⁷ Ли Чжунъён был сыном старшего сына *тэвонгуна* — Ли Чжэмёна (1845–1912). Правящий государь Кочжон являлся вторым сыном *тэвонгуна*.

В кабинет были назначены сановники прорусской ориентации — Ли Ванъён (1858–1926) и Ли Бомчжин (1853–1911)⁴⁸.

Предположительно, фотография королевы Мин (1851–1895), супруги государя Кочжона

Такой поворот событий грозил потерей влияния Японии. Поэтому вместо Иноуэ Каору в Сеул в сентябре 1895 г. в качестве японского посланника прибыл генерал Миура Горо. Для восстановления прежней роли в правительстве Кореи прояпонски настроенных министров, а значит, и восстановления влияния Японии, требовалось нейтрализовать прорусски ориентированную группировку королевы Мин. Японцы решили расправиться с самой королевой. 8 октября 1895 г. японские солдаты, а также несколько корейцев ворвались в королевский дворец Кёнбоккун и зверски убили королеву Мин. Через два дня японцы вынудили правительство издать указ, лишивший королеву всех ее санов и причисливший к разряду простолюдинов. На следующий день, правда, учитывая то, что королева была матерью наследного принца, ее повысили в ранге до наложницы первого класса.

Сразу после убийства королевы расстановка сил в кабинете, во главе которого встал Ким Хончжип, снова изменилась в пользу японцев. Государь Кочжон фактически оказался пленником японцев. Поэтому 26 ноября, в день, когда королеве Мин все-таки возвратили королевский сан, группа оппозиционно настроенных сановников во главе с Ли Бомчжином попыталась освободить короля Кочжона из японского плена, однако эта попытка потерпела неудачу.

Японцы стали хозяевами в корейском правительстве и через своих сторонников начали проводить реформы, вошедшие в историю под названием «реформы года *вьёми*», т. е. 1895 г. Реформы повергли все корейское общество в состояние шока. Было решено, что с 1 января 1896 г. в Корее вводится новое европейское летоисчисление.

⁴⁸ В литературе также встречается указание на 1852 г.

Но самое главное — 30 декабря 1895 г. был провозглашен указ об обязательной стрижке волос мужчинам и запрете носить традиционные прически. Сам государь Кочжон был вынужден первым исполнить свой указ. На протяжении столетий прическа была неотъемлемой частью обряда жизненного цикла корейца, позволяя внешне отделять совершеннолетнего от несовершеннолетнего, была важнейшим элементом внешнего облика, который предписывалось соблюдать в соответствии с многочисленными ритуалами. Указ о стрижке волос разрушал традиционную систему церемоний и ритуалов.

Убийство королевы и насильственная модернизация Кореи вызвали крайнее негодование народных масс. В провинции стали появляться антияпонские партизанские отряды «Армии справедливости» (*Ыйбён*).

Король Кочжон, находясь фактически под домашним арестом, чувствовал, что и стране, и ему лично угрожает серьезная опасность. В таких условиях он начал налаживать активные тайные контакты с Россией, надеясь на ее помощь. Через российского поверенного в делах К. И. Вебера он передавал российскому правительству просьбы объявить протекторат России над Кореей. Россия не могла пойти на подобные кардинальные шаги, однако помощь королю была оказана.

Король, а с 1897 г. — Император Кочжон (годы правления: 1863–1907)

§ 2. Образование и деятельность Общества независимости

После того как вооруженная попытка «прорусской группировки» осуществить контроль над центральным королевским дворцом Кёнбоккун и освободить короля окончилась неудачей, Ли Бомчжин и Ли Ванъён стали вести переговоры с российским поверенным в делах К. И. Вебером о возможности **переезда государя Кочжона в российскую дипломатическую миссию в Сеуле**. Согласие было получено, и 11 февраля 1896 г. они организовали тайный переезд

в российскую миссию короля и наследника престола, переодетых в женское платье и находившихся в женских паланкинах. Так началось более чем годичное пребывание короля Кочжона в российской дипломатической миссии, в которой проводились заседания корейского правительства и которая на время стала сердцем Кореи.

Находясь под защитой России, практически сразу Кочжон издал постановление об отмене предыдущего указа об обязательной стрижке волос у мужчин. Кроме того, король осудил действия прояпонского кабинета, приговорив его лидеров к смертной казни. Тех, кого удалось задержать — Ким Хончжипа, Чон Бёнха, О Юнчжуна, — отдали на «суд» простолюдинам, которые растерзали ненавистных сановников. Некоторым из бывших членов правительства удалось бежать в Японию.

Присутствие государя Кочжона в российской дипломатической миссии, естественно, привело к усилению влияния России в Корее. Коронация Императора Николая II 14–16 мая⁴⁹ 1896 г. в Москве стала хорошим поводом для отправки в Россию первой корейской дипломатической миссии во главе с Мин Ёнхваном (1861–1905), родственником королевы Мин. Завершив участие в торжествах, корейская делегация отправилась в Санкт-Петербург на переговоры, которые продлились несколько месяцев и на которых обсуждались пять основных вопросов: 1) об отправке в Корею русских военных инструкторов; 2) о назначении в корейское правительство русских советников; 3) об организации охранной гвардии короля; 4) о соединении сибирской телеграфной линии с северной корейской и оказании помощи в строительстве телеграфных линий; 5) о выделении Корее займа в размере 3 млн иен для погашения долга Японии.

Для Кореи переговоры были удачными, поскольку Россия дала однозначно отрицательный ответ только по вопросу охранной гвардии короля, посылка которой могла бы привести к обострению отношений с Японией. Часть военных советников во главе с полковником Главного штаба Д. В. Путятой отправилась в Корею сразу по завершении переговоров вместе с посольством Мин Ёнхвана. Вскоре был подготовлен план реформирования корейской армии. В 1897 г. в Корею прибыл чиновник российского таможенного ведомства К. А. Алексеев, ставший с ноября того же года главным советником министерства финансов Кореи. В декабре 1897 г. был учрежден Русско-Корейский банк, призванный

⁴⁹ Даты коронации указаны по старому стилю.

стать стержнем финансовой политики нового корейского правительства.

Однако Россия совсем не претендовала на завоевание доминирующих позиций в Корее. 14 мая 1896 г. в Сеуле и 9 июня того же года в Москве между Россией и Японией был подписан ряд документов, согласно которым в Корее устанавливалось равенство в степени присутствия России и Японии в Корее. По этим договоренностям из Кореи выводилась значительная часть японских войск.

Кроме того, далеко не все в корейском обществе разделяли симпатии Кочжона к России. Уже через несколько месяцев после переезда короля в российскую дипломатическую миссию среди представителей высшего сословия стали раздаваться голоса, призывавшие Кочжона покинуть миссию и переселиться в какой-либо из многочисленных столичных королевских дворцов. Потенциальная возможность значительного усиления влияния России не устраивала также и западные державы.

Движение за независимость Кореи от иностранного влияния (в то время прежде всего российского) возглавил возвратившийся из эмиграции в США Со Чжэпхиль (1866–1951)⁵⁰, участвовавший в перевороте реформаторов 1884 г. Находясь в США, Со Чжэпхиль окончил Вашингтонский университет, во второй раз женился (на американке по фамилии Армстронг) и принял американское гражданство и новое имя — Филип Джейсон. Возможно, указанные обстоятельства давали Со Чжэпхилью большую политическую и финансовую свободу, позволившую ему основать 7 апреля 1896 г. первую в истории Кореи газету, выходившую на корейском языке, — «Газету независимости» («*Тоннип синмун*»), «последняя» страница⁵¹ которой печаталась на английском языке под названием «Индепендент». В корейской историографии указывается, что газета выходила три раза в неделю при финансовой поддержке корейского правительства.

Следующим шагом после основания газеты стало **создание 2 июля 1896 г. Общества независимости** (*Тоннип хёнхве*), центральной фигурой которого также стал Со Чжэпхиль. Вокруг

⁵⁰ В корейской исторической литературе указывается на несколько дат возвращения Со Чжэпхилья из США: 1894 г. — начало реформ, 26 декабря 1895 г., а также 1896 г. — время удаления с политической арены группировки королевы Мин.

⁵¹ Поскольку в то время корейский текст писался в направлении сверху — вниз, справа — налево, то «последняя» страница оказывалась «первой» для европейцев, привыкших к пагинации слева направо.

Арка независимости, воздвигнутая в 1896 г. у Западных городских ворот Сеула по инициативе Общества независимости

него собралось несколько десятков молодых людей, выходцев из высокопоставленных семей, ратовавших за реформы и освобождение Кореи от всякого иностранного влияния. В их числе был Юн Чхихо (1865–1946), который в 1881 г. посещал Японию в составе правительственной делегации, затем учился в США, работал переводчиком у Х. Фута, первого посланника США в Корею, участвовал в перевороте 1884 г., после которого был вынужден эмигрировать в США. Ли Санчжэ (1850–1929), ставший вскоре заместителем председателя Общества независимости, имел опыт работы секретарем в корейской дипломатической миссии в США, а в конце 1890-х занимал важные государственные посты. Среди активных членов Общества, принимавших участие в издании «Газеты независимости», находился молодой еще тогда Ли Сынман (1875–1965), которому предстояло сыграть важнейшую роль в истории Кореи XX в.

Поначалу Общество независимости организовывалось как некий «клуб». Его первоначальными формальными целями были такие вполне «невинные» задачи, как сооружение «Арки независимости» (*Тонниммун*) на месте «Ворот приветствия и благословления» (*Ённиммун*), разрушенных в 1895 г., возле которых все предшествующие корейские короли с покорностью встречали послов из императорского Китая. Было предложено разбить «Парк независимости» и устроить «Павильон независимости» в бывшем «Павильоне преклонения перед Китаем». Кроме того, Общество незави-

симости должно было заниматься распространением в Корее новых знаний.

Это был **первый период в деятельности Общества**, длившийся с июля 1896 г. по август 1897 г., когда направляющей и руководящей силой в его деятельности выступали высокопоставленные правительственные чиновники. В первый год существования в состав Общества, по различным сведениям, входило от 1 до 2 тыс. человек. **Второй период**, определяемый временем с августа 1897 г. по февраль 1898 г., называют периодом выдвижения народных масс. Действительно, к 1898 г. среди членов Общества независимости находились представители самых разных социальных слоев. **Третий период**, продолжавшийся с февраля по август 1898 г., определяют как период руководства Общества народными массами. Во многом это было связано с процессом распространения деятельности Общества на всю Корею. В 1898 г. по всей стране стали открываться его филиалы: в феврале — в Кончжу, летом — в Пхеньяне, в сентябре — в Тэгу, Ыйчжу, в октябре — в Канге и Мокпхо. **Четвертый период деятельности Общества независимости**, охвативший время с августа по декабрь 1898 г., называют периодом народного сопротивления как влиянию иностранных держав, так и абсолютной монархии.

Тоннип хёнхве стало тем обществом, которое, наверное, впервые за всю историю Кореи имело характер политической партии в современном значении этого слова. Еще при основании Общества независимости был утвержден его Устав. Тогда же была распространена Прокламация Общества независимости, которую в целом можно соотнести с программой. Члены Общества должны были вносить членские взносы, а его филиалы имелись по всей стране. Общество имело свой печатный орган — «Газету независимости».

В чем выражалась деятельность Общества независимости? Как и было заявлено, сразу после основания Общества его члены приступили к сооружению Арки независимости. Ее архитектурный облик разрабатывал лично Со Чжэпхиль, а также русский архитектор-самоучка Сабатин (А. И. Середин-Сабатин, 1860–1921)⁵², проживавший в то время в Сеуле. Однако самыми важными были те идеи и требования Общества, которые раскрывались на страницах «Газеты независимости», а впоследствии — на митингах и со-

⁵² Южнокорейские исследователи утверждают, что автором проекта Арки является «один швейцарский проектировщик», работавший в то время в немецкой дипломатической миссии.

браниях его членов. Эти идеи принято подразделять на три категории.

Во-первых, требование *самостоятельности и независимости*. Среди призывов к ослаблению иностранного влияния особенно сильным было обращение к государю Кочжону покинуть русскую дипломатическую миссию. Однако король не мог возвратиться в главный королевский дворец Кёнбоккун, где была убита королева Мин и где он не мог чувствовать себя в полной безопасности, во многом по причине близости к японской дипломатической миссии. Поэтому было принято решение перестроить (фактически построить заново) небольшой дворцовый комплекс *Кёунгун*, который в то время использовался как частный склад, принадлежавший королевской семье. Территория Кёунгуна находилась неподалеку от российской и английской дипломатических миссий. Таким образом, 20 февраля⁵³ Кочжон переехал в новый дворец, часть павильонов которого была построена в новом для Кореи европейском стиле.

Однако переезд короля в новый дворец не ослабил требований Общества независимости, и 10 марта 1898 г. на центральной улице Сеула, Чонно, Общество собрало многотысячный митинг, в котором участвовали представители всех слоев населения. На митинге, получившем название «Всеобщее собрание 10 тысяч человек», особым нападкам подверглось российское участие в делах управления страной. Поэтому, чувствуя все больший накал страстей вокруг «русского вопроса», новый российский поверенный в делах А. Н. Шпейер в марте 1898 г. направил корейскому монарху письмо с вопросом о целесообразности дальнейшего присутствия русских военных инструкторов и финансового советника К. А. Алексева. Полученный ответ был отрицательным, и уже к концу марта 1898 г. деятельность русских советников была свернута. 25 апреля 1898 г. между Россией и Японией было подписано соглашение, признававшее независимость Кореи и обязывавшее обе державы воздерживаться от вмешательства в дела этой страны.

Таким образом, призывы Общества независимости в известной степени реализовывались. Хотя после отъезда К. А. Алексева корейские финансы перешли в руки английского советника М.-Л. Брауна.

Во-вторых, в идеях приверженцев Общества независимости было требование реформ, направленных на самоусиление страны. Для

⁵³ В исторической литературе встречается указание на 25 февраля как день переезда Кочжона в новый дворец. Впоследствии дворец получил название *Токсугун*.

этого предлагалось прежде всего реформировать военную систему и далее — административную систему и систему образования так, чтобы стало возможно избавиться от влияния иностранных держав.

В-третьих, требованиями членов Общества независимости были всеобщая свобода и народовластие, создание нового совещательного органа, который обладал бы законодательными полномочиями.

К концу 1898 г. *Тоннип хёнхве* набрало такую силу и получило такое влияние в корейском обществе, что организовало огромный общенародный митинг, посвященный вопросам реформирования государственного управления. Сначала его попытались провести 28 октября 1898 г. Однако из-за того, что не пришли представители правительства, Юн Чхихо, председатель Общества независимости, перенес собрание на следующий день, на 2 часа дня. 29 октября к 4 часам пополудни на площади у центральной улицы Чонно собралось около 20 реформаторски настроенных членов правительства, представители различных общественных организаций, таких, например, как «Ассоциация граждан [страны]» (*Кунмин хёнхве*), «Общество прогресса и просвещения» (*Чинмёнхве*), которые уже появились в Корее конца XIX столетия, а также рядовые граждане. Поэтому митинг получил название «Всеобщее собрание чиновников и народа» (*Кванмин кондон хвемй*).

На собрании было зачитано обращение из шести пунктов с требованиями: 1) не опираться в делах правления на иностранцев, а на основе власти «чиновников и народа» осуществлять правление в форме «сменяемой» (т. е. конституционной) монархии; 2) отменить все иностранные концессии на рудники, строительство железных дорог, телеграфных линий и т. п. и отдать все это в руки корейского правительства; 3) управление финансами страны передать особому органу и не допускать вмешательства в его деятельность частных организаций, при этом достоянием гласности должны стать финансовые планы и отчеты; 4) сделать суды публичными и открытыми и предоставить право защиты обвиняемому; 5) назначать людей на ответственные посты по предложению монарха, но при обязательном голосовании в правительстве и прохождении кандидата по числу голосов; 6) реализовывать все установленные законоположения.

Собрание 29 октября можно назвать пиком деятельности Общества независимости, призывавшего теперь не просто к избавлению от иностранного влияния, но и к ограничению власти монарха, большей демократичности общества. В отличие от всех предыдущих попыток реформирования, предложения Общества независимости были под-

держаны народом. Казалось, Общество добилось успеха, поскольку 4 ноября Кочжон издал указ о реформировании нового (с 1894–1895 гг.) рабочего органа центрального правительства *Бйчжонбу* — *Чунчхувона* (Центральной палаты), имея в виду преобразование его в выборный правительственный орган.

5 ноября в Павильоне независимости даже прошло голосование по выбору 25 членов *Чунчхувона* (такова была квота, выделенная Обществу). Но не успели члены Общества независимости покинуть место голосования, как в тот же день начались аресты его руководителей. Всего было задержано более 17 человек. Указ об их аресте был подписан еще накануне, 4 ноября. Так закончилась деятельность Общества независимости. «Газета независимости» завершила свое существование 4 декабря 1899 г.

Причину закрытия Общества независимости можно понять, если обратиться к весьма важным событиям, произошедшим в Корее примерно за год до этого.

§ 3. Провозглашение Корейской империи

Через несколько месяцев после того как государь Кочжон покинул российскую дипломатическую миссию, а политическое влияние России и Японии стало ограниченным, что было зафиксировано в упоминавшихся договорах между двумя странами, король принял решение, занимающее особое место в истории Кореи. Впервые за всю историю страны он намеревался провозгласить ее империей, а себя Императором и дать Корее новое название, отличное от того, которое в свое время было утверждено в минском Китае (*Чосон* — «Утренняя Свежесть»). Кочжон выбрал для страны название «Великая Хан» (*Тэхан*). Словом «Хан» назывались три корейских протогосударственных образования, сформировавшиеся к югу от реки Ханган ориентировочно в III–II вв. до н. э. Это были самые древние корейские «государства», напрямую не связанные с китайской культурой, в отличие от Древнего Чосона. Таким образом, обращение к истории Трех Хан должно было указать на древность и самостоятельность Кореи. Слово «Великая», скорее всего, было добавлено в связи с тем, что соседняя Япония именовалась «Империя Великая Япония», поэтому в названии Корейской империи для «уравнивания» ее с Японией также должно было стоять слово «Великая».

По примеру соседних Китая и Японии, Кочжон с 17 августа 1897 г. принял новый девиз правления — *кванму*, что значит «свет-

лый и воинственный». Новый девиз должен был как бы предвосхищать будущее Кореи как сильного в военном отношении и просвещенного государства. Действительно, в тот же год Император Кочжон предпринял ряд реформ, направленных, с одной стороны, на укрепление монархической власти, а с другой — на реформирование армии и почти всестороннюю модернизацию страны. Официальная церемония принятия титула Императора была организована 12 октября 1897 г. Отец первого Императора Кореи — *тэвонгун* скончался 12 февраля 1898 г. Его заветная мечта, цель его жизни — укрепление монаршей власти, стала реальностью. Именно это стало причиной разгона Общества независимости, деятельность которого, направленная на ограничение власти Императора, несла в себе опасность с точки зрения монархии.

Реформы *кванму*, за исключением их политического аспекта, оцениваются в исторической литературе в общем положительно. Была заново перестроена военная система: во главе сухопутных войск и флота встал лично Император. В 1898 г. была открыта офицерская школа. Императорское правительство стало уделять большое внимание развитию образования в сферах техники, медицины, торговли, иностранных языков, способствовать созданию предприятий текстильной промышленности, строительству железных дорог, развитию электросвязи. При участии правительства были созданы банк Хансон *ынхэн* («Столичный банк») и банк *Тэхан чхониль ынхэн* («Первый в Поднебесной банк Великой Кореи»). В области медицины правительство предпринимало меры для ширококомасштабной профилактики эпидемий. В сфере земледелия и землепользования было изменено законодательство, регулировавшее право на землю в соответствии с международными стандартами той эпохи. Большое внимание уделялось мелиорации земель с применением прогрессивных зарубежных агротехнологий.

Несмотря на продолжавшиеся попытки ряда иностранных держав подчинить себе Корею, Император Кочжон стремился проводить независимую внешнюю политику. В частности, в 1899 г. был заключен новый торговый договор с Китаем, отражавший изменение международного положения Кореи, ставшей *Империей*.

В 1899 г. был принят документ, озаглавленный «Строй государства Великая Корея», который называют первой корейской конституцией.

Таким образом, можно сказать, что к концу XIX столетия Корея стала открытым для внешнего мира, относительно независимым

государством, в котором был проведен ряд реформ в области политической, экономической и социальной жизни, объективно ведущих страну, несмотря на некоторую их непоследовательность, по пути капиталистической модернизации.

Однако у юго-восточных морских границ Кореи находилась стремительно развивавшаяся Япония, которая к началу XX в. оказалась единственным дальневосточным государством, обладавшим реальной силой для того, чтобы стать колониальной державой.

Глава 8. КОРЕЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА: СОПРОТИВЛЕНИЕ ЯПОНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Настоящий раздел открывает историю Кореи XX столетия — историю, насыщенную важнейшими событиями, изложение лишь небольшой части которых может занять множество томов. Поэтому в данной книге мы ограничимся лишь кратким описанием тех моментов корейской истории, которые, на наш взгляд, явились определяющими или показательными для понимания *хода* исторического процесса.

События истории Кореи первого десятилетия XX в. достаточно полно описаны в исторической литературе, в том числе на русском языке⁵⁴. Что касается корейской историографии, как Южной, так и Северной, то здесь хотелось бы отметить следующую особенность. В общих работах по истории Кореи указанное время чаще всего рассматривается в контексте пробуждения национального самосознания и начала борьбы с попытками подчинения Кореи различными странами. Однако сам процесс подчинения Кореи раскрывается довольно бегло, в самых общих чертах, без описания подробностей. И это вполне понятно, поскольку подобные подробности не составляют предмет национальной гордости ни для страны-колонизатора, ни для страны, ставшей колонией. Вместе с тем этот аспект явля-

⁵⁴ Подробнее о Корее начала XX столетия, а также предшествующих десятилетий см.: *Тягай Г. Д., Пак В. П.* Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М., 1996; *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М., 1979; *Пак Чон Хё.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997; *История российской духовной миссии в Корее.* М., 1999; *Василевская И. И.* Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904–1910 гг.). М., 1975; *Заборовская Л. В.* Политика Цинской империи в Корее в 1876–1910 гг. М., 1987.

ется достаточно важным при выяснении ответа на вопрос, почему корейская нация, имеющая длительную историю собственной государственности, оказалась в полном подчинении у другой нации. Не претендуя на исчерпывающий ответ, попытаемся все же обозначить его важнейшие составные части.

§ 1. Корея в 1900–1905 годах

Поворотным моментом на пути закабаления Кореи явилась русско-японская война 1904–1905 гг., разрешившая противостояние России и Японии на Дальнем Востоке в пользу последней. Ей предшествовали следующие события.

С середины 1898 г. **российское влияние в Корее** стало несколько ослабевать. Однако это совсем не означало потери российского интереса к этому региону. В 1900 г. в Сеуле была открыта российская духовная миссия⁵⁵, решение об учреждении которой Святейший Синод принял в июле 1897 г. (Духовная миссия не закрылась и после Октября 1917 г., посеяв семена православия, исповедуемого в Южной Корее и по сей день.) В июне 1900 г. в Санкт-Петербург прибыла первая постоянная корейская дипломатическая миссия⁵⁶ во главе с членом «прорусской группировки» корейского Императорского двора — Ли Бомджином (1853–1911)⁵⁷.

Несмотря на то что попытки России построить телеграфную линию на северо-востоке Кореи закончились в 1901 г. неудачно из-за противодействия Японии, России удалось приобрести весьма выгодные концессии на вырубку лесов в бассейне реки Амноккан. В частности, в 1901 г. была основана Восточно-Азиатская промышленная компания во главе с А. М. Безобразовым, промышленником, приближенным к правительственным кругам России.

Однако в первые годы XX столетия Корея представляла для России особый интерес и в военно-стратегическом плане. Еще в марте

⁵⁵ Иногда в отечественной исторической литературе все три слова названия «Российская Духовная Миссия» записываются с прописной буквы, так, как передавали ее название сами русские миссионеры.

⁵⁶ Между тем еще в мае 1897 г. в Петербург приезжал глава первой *временной* дипломатической миссии Кореи 1896 г. — Мин Ёнхван. Известно, что вместе с ним прибыли несколько сопровождающих лиц. Однако сам Мин Ёнхван покинул столицу Российской Империи уже через несколько дней, в С.-Петербурге остался только переводчик Ким Пёнок, который с 1897 г. стал преподавать корейский язык в Санкт-Петербургском императорском университете.

⁵⁷ Подробнее см.: Ли Бомджин [Сборник статей, документов, материалов]. М., 2002.

1898 г. между Россией и Китаем был подписан договор об аренде на 25 лет двух портов на юго-западной оконечности полуострова Ляодун — Порт-Артура и Даляня (Дальнего) с целью создания там военно-морской базы. На полпути между Владивостоком и Порт-Артуром находился корейский порт Масан, который корейское правительство решило открыть для иностранной торговли в 1899 г. Тогда же российский поверенный в делах А. И. Павлов (1899–1902; с 1902 г. — посланник и полномочный министр при корейском дворе) начал переговоры с корейским министром иностранных дел Пак Чесуном (1858–1916) об аренде части порта Масан для создания там угольного склада и промежуточной заправочной станции для российских военных судов. (В российском военно-морском руководстве существовало мнение, что со временем Масан должен стать главной зарубежной базой русской Тихоокеанской эскадры.) Договор был подписан 30 марта 1900 г. Однако под давлением Японии и Великобритании, заключивших 30 января 1902 г. англо-японский союзный договор, с начала 1902 г. российское присутствие в Масане начинает постепенно сворачиваться, а к 1903 г. Россия фактически отказывается от использования порта.

В сложившейся ситуации России не оставалось ничего другого, кроме как попытаться создать некое подобие тайной военной базы на основе амнокканской лесной концессии А. М. Безобразова, куда под видом рабочих намеревались направить солдат русской армии. Хотя не все в российском правительстве поддерживали подобную идею, опасаясь осложнения отношений с Японией.

В это время **Япония**, заручившись поддержкой ряда западных стран во главе с Великобританией, приобретала все большее влияние в Корее. Постоянно рос уровень Японии во внешнеторговом обороте Кореи, достигнув к 1903 г. суммы в 11,5 млн иен экспорта в Японию и 7,6 млн иен импорта из Японии. Все большее хождение в стране приобретала японская валюта. Строительство железных дорог и телеграфных линий в основном также перешло в руки японцев. Для обучения солдат новой корейской армии были приглашены японские военные инструкторы.

К середине 1903 г. противоборство между Россией и Японией за влияние в Корее достигло такого состояния, когда для его решения требовалось вести прямые переговоры. Они начались в июле 1903 г. Одним из вопросов была возможность превращения района Кореи к северу от 39 параллели в нейтральный. Однако переговоры оказались непродуктивными. Поэтому уже в январе 1904 г. в Корею нача-

ли тайно перебрасываться японские войска — в южный порт Масан и западный порт Инчхон, являвшийся морскими воротами Сеула. На железной дороге, соединяющей Пусан и Инчхон, через каждые 50 миль организовывались военные опорные пункты. Словно предвидя события последующих недель, корейское Императорское правительство 21 января 1904 г. распространило Декларацию о нейтралитете. Однако японская военная машина уже была запущена. Несмотря на то что в начале февраля 1904 г. Россия уже была готова принять японские условия, выдвигавшиеся на переговорах, 6 февраля 1904 г. Курино, японский посланник в России, объявил о разрыве дипломатических отношений между двумя странами.

Днем 8 февраля 1904 г. была обстреляна канонерская лодка «Кореец», пытавшаяся выйти в открытое море из Инчхона. В ночь на 9 февраля японские корабли внезапно атаковали русский флот у Порт-Артура. Днем 9 февраля при выходе из порта Инчхон канонерская лодка «Кореец» и крейсер «Варяг» вступили в неравный бой с японской эскадрой из 6 крейсеров и 8 миноносцев. Так началась русско-японская война. Ход боевых операций хорошо описан в отечественной и зарубежной историографии, поэтому мы не будем останавливаться на этой теме специально. Единственное, хотелось бы обратить особое внимание на первое крупное сражение на суше между русскими и японскими войсками. Оно произошло на границе между Кореей и Китаем, в устье реки Амноккан, как раз там, где вела лесоразработки Восточно-Азиатская промышленная компания. После начала войны из восточного авангарда Маньчжурской армии был выделен Восточный отряд в 9 тыс. человек под командованием генерала М. И. Засулича и отправлен к устью реки Амноккан. Туда же выдвинулось 45-тысячное японское войско. Японцы начали переправу 26 апреля 1904 г., к 29 апреля заняли основные речные острова, а к 1 мая окончательно сломили сопротивление русских.

Россия оказалась не в состоянии одолеть новую азиатскую империалистическую державу. В декабре 1904 г. была прекращена защита Порт-Артура, 28 мая 1905 г. русская эскадра потерпела поражение в Цусимском сражении. Мирный договор России с Японией был подписан 5 сентября 1905 г. в США, в Портсмуте. По этому договору Россия признала за Японией преобладание в Корее, обязалась вывести войска из Маньчжурии и передать южную часть острова Сахалин.

Таким образом, после разгрома России никакие внешние силы не сдерживали Японию в ее колонизаторских планах относительно Ко-

реи. Уже в первые дни после начала русско-японской войны, почувствовав, что Россия больше не в состоянии участвовать в корейских делах, Япония навязала Корее Корейско-японский протокол, подписанный 23 февраля 1904 г., который предоставлял Японии право использовать территорию Кореи как базу для ведения военных действий в Маньчжурии против России.

С лета 1904 г. Япония, разместившая на Корейском полуострове свои войска, стала предпринимать более активные шаги для подчинения Кореи. 22 августа 1904 г. был заключен так называемый «Корейско-японский договор о сотрудничестве» (*Хан-иль хёбъяк*), согласно которому Япония получила право финансового и внешнеполитического контроля в Корее. Так, вопросами корейской внешней политики стал заниматься американец Д. В. Стивенс, находившийся на службе у японского правительства. Однако фактически Япония приступила к захвату контроля над всеми сферами государственной жизни Кореи, настояв через некоторое время на присутствии японских советников и в других министерствах корейского правительства.

Таким образом, Япония приступила к проведению в Корее ряда «реформ», объективная цель которых состояла в подстраивании социально-экономических реалий Кореи к потребностям японской колониальной экспансии.

Для того чтобы ограничить контакты с внешним миром пока еще формально независимой Кореи, было принято решение об отзыве корейских дипломатических представителей из-за границы и закрытии иностранных посольств в Корее с сохранением лишь консульских отделов. Отныне все договоры с иностранными державами Корея могла заключать лишь с согласия Японии. При участии японского полномочного советника в военном министерстве Нодзу Сигэтакэ была значительно сокращена корейская армия. С декабря 1904 г. по осень 1905 г. под руководством японского финансового советника Мэгата Танэтаро была проведена денежная реформа. Корейские финансы стал контролировать японский «Первый банк» (*Дайити гинко*).

Однако нельзя сказать, что японское влияние в Корее реализовывалось исключительно благодаря силовому давлению. Многие корейцы по различным соображениям поддерживали японское проникновение в Корею. Одни, заблуждаясь, могли искренне считать, что японская помощь в модернизации страны рано или поздно приведет к возрождению Кореи. Другие поддерживали японцев сугубо из соображений личной выгоды. Последних в корейской исторической

литературе называют «продавшими страну рабами». Из таких людей 18 августа 1904 г. было образовано «Общество реформ» (*Юсинхве*), переименованное вскоре в «Общество единого прогресса» (*Ильчинхве*). Его возглавили Юн Сибён и Ю Хакчу, принадлежавшие к сторонникам старого Общества независимости, а также Сон Бёнчжун (1858–1925), бежавший в свое время в Японию от преследований группировки королевы Мин.

Формально это общество выступало за сохранение императорской власти, защиту жизни и благосостояния народа, всестороннее реформирование общества, но реально служило проводником и пропагандистом японской политики в Корее, в частности через «Гражданскую газету» («*Кунмин синбо*»). Деятельность *Ильчинхве* была выгодна японцам, поскольку создавала видимость законности и «добрых намерений» Японии. Поэтому *Ильчинхве* получало значительную финансовую поддержку со стороны Японии.

Для того чтобы закрепить свое присутствие в Корее, Японии требовалось заручиться поддержкой США — единственной державы севера Азиатско-Тихоокеанского региона, имевшей в то время потенциальную силу воздействия на ситуацию в Восточной Азии. Поэтому 29 июля 1905 г. между японским премьером Кацура и Вильямом Тафтом, секретарем по военным делам при администрации президента США, было заключено устное тайное соглашение, согласно которому США признавали японские интересы в Корее, а Япония — американский контроль над Филиппинами.

В результате поспешное проведение «реформ», готовивших почву для более глубокого проникновения Японии в Корею, создание прослойки корейцев, приветствовавших усиление японского влияния, окончательная победа Японии в войне с Россией, признание США японской политики в Корее и реальный контроль Японии над ситуацией в Корее, — все это привело к тому, что был подписан новый договор, ужесточивший японское господство в Корее.

§ 2. Корея под протекторатом Японии (1905–1910)

Новый договор в исторической литературе имеет несколько названий: «Второй корейско-японский договор о сотрудничестве», «Договор из 5 статей [года] *вьльса*» (т.е. 1905 г.), или «Договор о протекторате». Он был подписан в Сеуле 17 ноября 1905 г. Император Кочжон, глава кабинета министров Хан Гюсолъ (?–1930) и еще два министра наотрез отказывались подписать договор, предложенный

японским особым посланником Ито Хиробуми (1841–1909). Несколько раз Ито Хиробуми пытался обратиться к Кочжону, но тот отказывался вести диалог, ссылаясь на «дурное самочувствие». Тогда вечером 17 ноября 1905 г. во дворце, окруженном японскими войсками, Ито Хиробуми собрал пять других членов корейского кабинета, склонявшихся к принятию японских требований, и вынудил их подписать Договор о протекторате Японии над Кореей. Среди «пяти изменников [года] *ылъса*» были министр иностранных дел Пак Чесун (1858–1916), министр образования Ли Ванъён (1858–1926), принадлежавший некогда к сторонникам «прорусской группировки».

Итак, корейско-японский договор 1905 г. установил над Кореей японский протекторат, **первый этап которого длился до 1907 г.** Согласно договору, в Корее должен был быть учрежден особый японский контрольный орган — «Управление генерального резидента» (*Тхонгамбу*), который был призван заниматься вопросами внешних сношений Кореи. Однако, по указу японского Императора от 20 декабря 1905 г., функции генерального резидента были расширены, и ему предоставлялось право использования японских вооруженных сил для поддержания порядка в Корее, право «рекомендаций» корейскому правительству, а также право издания приказов, обязательных для исполнения.

Во главе нового прояпонского кабинета был поставлен Пак Чесун. 31 января 1906 г. официально закрылась японская дипломатическая миссия, вместо которой с 1 февраля стало работать Управление генерального резидента сначала во главе с бывшим посланником Японии в Корее Хасегава Ёсимити (1850–1926), а затем — Ито Хиробуми. В провинции вместо японских консульств учреждались Управления провинциальных резидентов, которые имели фактически те же права, что и генеральный резидент. Сохранившиеся должности корейских губернаторов провинций стали во многом номинальными.

В стране была реорганизована судебная система. Во всех столичных и местных судах присутствовали японские советники. В 1906 г. в Сеуле был создан новый верховный суд, подконтрольный японцам. Несмотря на наличие корейской полиции, был введен институт японской жандармерии, созданный формально для «защиты японских граждан», а реально для «поддержания порядка» в стране. В самой корейской полиции также появились японские советники.

Таким образом, в первые годы после объявления протектората японцы сосредоточили основное внимание на реорганизации силовых структур, для того чтобы обеспечить в стране должный поряд-

док и дисциплину, необходимые для дальнейшего «перекраивания» Кореи по удобному для японцев образцу, а также создать силу, которая могла бы противодействовать как оппозиционным корейским движениям, так и прямым вооруженным антияпонским выступлениям, имевшим место еще до установления японского протектората.

Второй этап японского протектората, характеризовавшийся большим ужесточением японской политики, начался в 1907 г., после летних событий, когда Император Кочжон, несогласный с подчинением Кореи Японии, но не имевший возможности оказать Японии прямого сопротивления, попытался воспользоваться помощью внешних сил.

В июне 1907 г. в Гааге должна была открыться конференция по вопросам мира и сокращения вооружений, в которой планировалось участие представителей более чем 40 стран мира. Император Кочжон решил тайно отправить туда корейскую делегацию во главе с Ли Сансолом (1870–1917) с обращением к мировому сообществу помочь Корее вернуть свою независимость. Делегация, сопровождавшаяся американским миссионером Х. Б. Халбертом⁵⁸, отправилась в Нидерланды через Петербург, надеясь получить поддержку Императора Николая II, бывшего инициатором конференции. В Петербурге к делегации присоединился Ли Вичжон (?), сын бывшего корейского посланника в России Ли Бомчжина, не подчинившегося приказу о возвращении в Корею. Несмотря на то что на конференции председательствовала Россия, под давлением Японии и Англии корейскую делегацию не допустили к участию, и ей удалось выступить только перед журналистами.

Вскоре об этом событии стало известно в Сеуле. Хотя Император Кочжон не признал своего участия в отправке делегации в Гаагу, под давлением японцев 19 июля 1907 г. он был вынужден отказаться от престола в пользу сына, получившего впоследствии храмовое имя Сунчжон (годы жизни: 1874–1926), которого возвели на престол уже на следующий день. Девиз правления был изменен на «процветание и слава» (*юнхи*), что должно было символизировать «прекрасное будущее» Кореи, управляемой Императором, подчиненным японскому генеральному резиденту.

Через несколько дней после вступления нового Императора на престол, 24 июля 1907 г., с его санкции новый глава кабинета

⁵⁸ Х. Б. Халберт — автор одного из первых западных сочинений по истории Кореи (см.: *Hulbert H. B. The History of Korea: In 2 Vol. Seoul, 1905*).

Ли Ванъён в доме генерального резидента Ито Хиробуми подписал еще один «Корейско-японский новый договор о сотрудничестве» (*Хан-иль син хёбъяк*). Согласно этому договору, во имя скорейшего «счастья и процветания корейского народа» значительно расширились права японского генерального резидента. Так, требовалось согласие генерального резидента при принятии корейским правительством законов и важных административных решений; необходима была его санкция при назначении на высокопоставленные государственные должности. После подписания договора 1907 г. во все министерства страны были назначены японские вице-министры. Для окончательного искоренения любой возможности организованного вооруженного сопротивления 31 июля 1907 г. под давлением японцев Император Сунчжон издал указ о полном роспуске корейской армии, который начал реализовываться уже на следующий день. Попытка не подчиниться этому указу, о чем более подробно будет сказано ниже, закончилась поражением корейской стороны. Теперь Корея оказалась совершенно беззащитной перед Японией с ее агрессивными колониальными планами.

В апреле 1908 г. и феврале 1909 г. были изданы указы о печати, передавшие контроль над издательским делом в руки японской администрации и таким образом лишившие корейский народ возможности сопротивляться колониальному закабалению посредством печатного слова. В 1908 г. было создано «японско-корейское» «Восточное колонизационное общество», приступившее к активной эксплуатации и захвату корейских земель и других природных ресурсов страны. Две трети его капитала принадлежали японцам, и крупнейшим держателем акций было японское правительство. В 1909 г. корейский суд практически полностью перешел в ведение японцев: японцы составляли 69 % его персонала.

В то же время Япония начала проводить пропаганду идей «единых корней» японского и корейского народов и, более того, объявила корейский язык и культуру лишь «ветвью» японского языка и культуры.

В мае 1910 г. на пост генерального резидента в Корею был назначен Тэраути Масатакэ (1852–1919). В июне того же года в Японии было создано Колониальное бюро, название которого свидетельствовало о характере будущей деятельности Японии в Корею. Для окончательной колонизации страны оставалось сделать всего один шаг.

**§ 3. Японская колонизация Кореи (1910 год)
и начальный этап антияпонского движения
за независимость**

В течение всего 1910 г. прояпонски настроенные корейские министры во главе с премьером Ли Ванъёном, а также члены прояпонского общества *Ильчинхве* активно вели пропаганду «полезности» для Кореи «воссоединения» с Японией и не раз направляли японскому Императору письма с соответствующими «прошениями».

В августе 1910 г. японский генеральный резидент Тэраути предъявил Ли Ванъёну требование заключить договор о «слиянии». После специального совещания членов правительства при участии и «с согласия» Императора Сунчжона 22 августа 1910 г. премьер Ли Ванъён подписал «Корейско-японский договор о соединении» (*Хан-иль ханпан чояк*), который в отечественной литературе принято называть «договором об аннексии», что верно отражает его сущность. Договор был опубликован только 29 августа 1910 г.

На этом де-юре временно закончилась многотысячелетняя история Кореи как независимого государства. Все международные договоры, заключенные Кореей ранее, были аннулированы. Прекратилось издание книг и газет на корейском языке. Вся власть над корейскими территориями была передана японскому генерал-губернатору. При генерал-губернаторе, правда, оставался Центральный совет, в состав которого входили корейцы. Однако это был, скорее, некий «декоративный» орган при аппарате генерал-губернатора, который к тому же возглавлялся японцами.

Вскоре гордое имперское название Кореи — «Великая Хан» было снова заменено на старое «Чосон» — «[Страна] Утренней Свежести», с которым связывалось ее подчиненное по отношению к внешнему миру положение.

Но что же корейцы? Неужели они не оказали никакого сопротивления беспрецедентному акту грубого закабаления, не только экономического, но и культурного? Конечно же, сопротивление было. Можно выделить несколько форм борьбы корейцев за национальную независимость, проявлявшихся в начале XX столетия. Во-первых, это культурно-просветительское движение⁵⁹. Во-вторых — вооруженное сопротивление в форме отдельных террористических ак-

⁵⁹ Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в.

тов или организованного партизанского движения Армии справедливости (*Ыйбён*).

Среди террористических актов самым известным является убийство бывшего японского генерального резидента Ито Хиробуми на вокзале в Харбине 26 октября 1909 г. одним из лидеров партизанского сопротивления Ан Чжунгыном (1879–1910)⁶⁰.

Однако еще в марте 1908 г. двое корейцев, проживавших в США, независимо друг от друга решили убить Д. В. Стивенса, советника корейского Императорского двора по внешним сношениям, назначенного японцами. Стивенс пропагандировал идею «полезности» японского контроля в Корее и во время своего отпуска в США выступил на пресс-конференции в Сан-Франциско с подобными заявлениями. Тогда на Оклендском вокзале, когда Стивенс выходил из поезда, Чон Мёнун (1884–?) попытался напасть на американского советника, вооружившись куском железа, а Чан Инхван (1877–1930), подбежав чуть позже, выстрелил в Стивенса из пистолета и смертельно ранил его.

После убийства Ито Хиробуми молодой патриот Ли Чжэмён (1890–1910) 22 декабря 1909 г. подкараулил продажного главу кабинета Ли Ванъёна (1858–1926) у выхода из католического собора в районе Мёндон и попытался убить его, нанеся ножевые удары в живот.

Но наиболее значимым было **партизанское движение Армии справедливости**.

В исторической литературе выделяют три этапа деятельности антияпонской армии *Ыйбён*. **Первый этап соотносится с 1894–1895 гг.** Причины его начала очевидны. Непосредственным поводом для стихийного формирования партизанских отрядов стало убийство королевы Мин и оглашение указа об обязательной стрижке волос у мужчин. В соответствии с названием года по традиционному циклическому календарю эти выступления Армии справедливости именуют «*Ыйбён* [года] *ыльми*» (1895 г.). Тогда во главе отдельных вооруженных группировок встали *янбане* классической конфуцианской направленности, провозгласившие своим девизом старый лозунг: «Уважать короля, вытеснять варваров» (*Чонван янзый*; японцы с точки зрения корейцев также относились к категории «варваров»). Основной боевой силой партизанских отрядов в то время бы-

⁶⁰ Подробнее см.: Пак Б. Д. Возмездие на харбинском вокзале. М.; Иркутск, 1999. — По следам харбинских событий в современной Корее были написаны картины, созданы фильмы.

ли крестьяне, многие из которых ранее участвовали в крестьянской войне *тонхак*.

Неизвестно, чем закончилось бы первое народное антияпонское выступление, тогда еще не слишком значительное по масштабам, если бы государь Кочжон не укрылся в российской дипломатической миссии и не издал ряд указов. Они отменяли прежние, принятые под давлением японцев, и призывали к прекращению вооруженных действий, тем более что факт разгона прежнего прояпонского правительства во многом отвечал требованиям *Ыйбён*.

Второй этап деятельности Армии справедливости относится к 1905–1906 гг. В корейской исторической литературе он получил название «*Ыйбён* [года] *нёно*», т. е. 1906 г. Еще в процессе дислокации японских войск на территории Кореи в 1904–1905 гг. и позже, во время подготовки подписания договора о протекторате, в провинциях Кёнги, Канвон, Северная и Южная Чхунчхон, Северная Кёнсан стали действовать небольшие вооруженные отряды *Ыйбён*. Однако усиление антияпонских выступлений было вызвано известием о заключении договора о протекторате.

В провинции Южная Чхунчхон выходец из сословия *янбан* Мин Чжонсик (1861–?) собрал около пятисот ополченцев и в 1906 г. вступил в бой с японскими войсками в районе города Хончжу. Его выступление потерпело поражение. Сам Мин Чжонсик был вынужден скрыться в окрестностях города Кончжу.

Проживавший в то время в провинции Северная Чолла бывший высокопоставленный сановник Чхве Икхён (1833–1906), который ушел со службы и преподавал в местном учебном заведении, составил обращение ко всему корейскому народу с призывом подняться на борьбу против японцев. Таким образом, одной из особенностей второго этапа вооруженной антияпонской борьбы была попытка распространения ее на всю страну.

С помощью своего ближайшего ученика Лим Бёнчхана (1851–1916) в июне 1906 г. в районе Тхэина Чхве Икхён собрал группу повстанческих войск из 80 человек и направился к югу. Когда бойцы его Армии справедливости атаковали японские и правительственные войска в районе города Сунчхан, число повстанцев доходило уже до 400 человек. Однако и здесь партизаны потерпели поражение в боях с превосходящими силами противника. Сам Чхве Икхён и Лим Бёнчхан были схвачены и отправлены в ссылку на японский остров Цусима. Чхве Икхён в знак протеста против японской политики в Корее отказался принимать «пищу врагов» и умер.

Однако не всегда выступления Армии справедливости заканчивались поражением. Так, Син Дольсок, выходец из простонародья, сумевший собрать около 3 тыс. человек, успешно вел партизанскую деятельность в горных районах провинций Канвон и Кёнсан.

Несмотря на общую тенденцию поражения в выступлениях армии *Ыйбён* в 1905–1906 гг., деятельность повстанцев становилась примером неподчинения японской колониальной политике, создавала «традицию» вооруженного сопротивления.

Поэтому когда в 1907 г. был силой смещен с трона Император Кочжон, а затем новый Император издал указ о роспуске всех корейских войск, корейцы моментально ответили новым подъемом антияпонской вооруженной борьбы. Это стало началом **третьего этапа выступлений Армии справедливости 1907–1911 гг.**, который называют «*Ыйбён* [года] *чонми*», т. е. 1907 г.

Новая волна вооруженных антияпонских выступлений началась в столице, когда правительственные войска, узнав об указе о роспуске армии, решили ему не подчиняться и завязали уличные бои с японскими войсками. Выступление столичных гарнизонов было поддержано в провинции. В рядах бойцов армии *Ыйбён* находились как бывшие солдаты, так и крестьяне, торговцы, шахтеры, т. е. самые различные слои населения. Поэтому главной особенностью третьего этапа выступлений Армии справедливости было то, что в них участвовали не просто стихийно поднявшиеся на борьбу, плохо вооруженные *непрофессионалы*, но и представители бывшей кадровой армии, имевшие более или менее современное оружие — ружья и пушки. Кроме того, впервые за всю историю выступлений армии *Ыйбён* отряды повстанцев, действовавшие в центральной и южной частях Кореи, подчинялись единому центру, их действия были скоординированы и имели общую цель — взятие Сеула и изгнание японцев из страны.

Во главе Армии справедливости встал Ли Инъён (1867–1909). Он не был профессиональным военным, но принимал активное участие в выступлениях отрядов *Ыйбён* с 1895 г. Второе лицо в объединенной Армии справедливости — Хо Ви (1855–1907)⁶¹ был представителем *янбан*. Он также участвовал в движении *Ыйбён* с конца XIX столетия, однако, в отличие от Ли Инъёна, занимал довольно высокое положение при дворе Императора Кочжона. Ставка Ли Инъ-

⁶¹ Ряд южнокорейских справочных изданий, например, известная «Новая энциклопедия корейской истории» Ли Хончжика, указывают на 1885 г. как на год рождения Хо Ви (С. 1504).

ёна, собравшего под своим командованием около 10 тыс. человек, находилась к юго-востоку от Сеула, в городе Вончжу провинции Канвон, а ставка Хо Ви, имевшего под своим командованием около 300 человек, — в Пхочхоне, к северу от Сеула. В декабре 1907 г. две группировки *Ыйбён* соединились под городом Янчжу, в северных предместьях Сеула. Вся повстанческая армия была разделена на 24 «войска». Из них 3 тыс. человек были бывшими кадровыми военными.

Перед началом похода на Сеул в иностранные консульства было отправлено обращение от имени командующего Армией справедливости, в котором объяснялись цели и задачи *Ыйбён*, а также содержалась просьба к представителям иностранных держав оказать поддержку, в том числе материальную, справедливой борьбе корейского народа. В январе 1908 г. войска Армии справедливости двинулись на Сеул. Первое столкновение с японцами произошло примерно в 12 километрах от городских Восточных ворот (*Тондэмун*) и закончилось поражением *Ыйбён*. К тому же у верховного главнокомандующего Ли Инъёна в это время скончался отец. Следуя корейской традиции соблюдения траура по родителям, он должен был отказаться от всякой деятельности. Поэтому Ли Инъён передал управление войсками Армии справедливости Хо Ви, а сам вернулся на родину. Поход на Сеул сорвался, и единого руководства всеми силами *Ыйбён* с тех пор уже не было. Отдельные подразделения Армии справедливости начали самостоятельную деятельность по всей стране. Так, на севере страны, независимо от *Ыйбён* Ли Инъёна, в провинции Хамгён действовали партизанские отряды выходцев из простонародья Хон Бомдо (1868–1943) и Чха Досона (?).

По приблизительным оценкам, число корейцев, сражавшихся в Армии справедливости в 1908 г., доходило до 70 тыс. Однако уже в 1909 г. численность *Ыйбён* уменьшилась до 25 тыс. человек, в 1910 г. — менее 2 тыс., а в 1911 — чуть более двух сотен. Такое резкое сокращение вооруженного антияпонского движения *на территории Кореи* объясняется особой жестокостью японцев, проявленной при подавлении партизанского движения. В частности, в тех районах, которые считались местом базирования отрядов Армии справедливости и где крестьяне помогали своим вооруженным соотечественникам, японцы совершали массовые казни, изымали продовольствие, сжигали целые деревни. В результате, с одной стороны, отряды *Ыйбён* лишались мест материальной и моральной поддержки, а с другой — сами крестьяне боялись поддерживать воору-

женную антияпонскую борьбу. Считается, что в результате подобных карательных мероприятий погибли или получили ранение около 50 тыс. человек.

Таким образом, к 1911 г. Армия справедливости прекратила свою деятельность на территории Кореи, однако она не исчезла бесследно. Остатки повстанческих войск переправлялись на территорию сопредельных России или Китая, в которых к тому времени уже действовали отдельные отряды корейских партизан, совершавших эпизодические рейды в пограничные районы Кореи. В России бывшие повстанцы *Ыйбён* создали Армию независимости (*Тоннип кун*) под предводительством Хон Бомдо. На первых порах Россия не препятствовала ее существованию в надежде на то, что Армия независимости поможет сдерживать возможную японскую экспансию на Дальний Восток.

И все же корейский народ не смирился с фактом японской колониальной экспансии, ожидая удобного момента для того, чтобы снова подняться во имя обретения самостоятельности. Такой случай представился в 1919 г.

Глава 9. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ЯПОНСКОЙ АННЕКСИИ КОРЕИ. ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1919 ГОДА

Первое десятилетие после японской аннексии Кореи стало временем окончательного становления японского колониального режима. Однако именно в этот период в Корее назрело самое мощное за всю историю колонизации движение за независимость, охватившее все слои населения, всю территорию страны. Одновременно с требованием независимости в общественном сознании стало зарождаться представление о будущем государственном устройстве Кореи как *республики*. В этом смысле Первомартовское движение уже заключало в себе *отдельные элементы* буржуазно-демократической революции. И в то же время оно стало последним крупным организованным актом сопротивления японской колонизации на территории самой Кореи. С 1920-х годов движение за независимость страны во многом переместилось за границу: в Россию, Китай, США.

Колониальная политика Японии в Корее и движение за независимость 1919 г. достаточно подробно описаны в работах отечествен-

ных историков — Н. В. Кюнера, Ф. И. Шабшиной, В. И. Шипаева и др.⁶²

В корейской историографии Первоапрельскому движению посвящено огромное количество работ, что объясняется тем особым значением, которое оно занимает в истории Кореи⁶³. В Республике Корея (Южная Корея) 1 марта является общенациональным праздником и объявлено нерабочим днем.

§ 1. Корея в 1910–1919 годах

Для того чтобы понять, что подвигло корейцев к такому масштабному выступлению за независимость в 1919 г., необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с корейской историей предшествующих девяти лет, т. е. со времени аннексии Кореи до начала народного движения.

Указом № 319 японского Императора от 29 августа 1910 г. в Корею было учреждено генерал-губернаторство во главе с генерал-губернатором — японцем, имевшим соответствующий военный чин. Первым генерал-губернатором Кореи стал Тэраути Масатакэ, бывший ранее генеральным резидентом Кореи. Одновременно название новой «японской территории», как уже упоминалось, было заменено с *Тэхан* («Великая Хан») на *Чосон* («Утренняя Свежесть»). Таким образом, название должно было понизить статус Кореи.

Буквально с первых дней после юридического оформления аннексии Кореи Япония приступила к осуществлению политики, которую в отечественной литературе именуют «военное управление», или «военная диктатура». Дословный перевод термина, обозначающего эту политику, звучит так: «политика ограничения военными [мерами]» (*мудан тхончхи*).

30 сентября 1910 г. был обнародован указ о новой системе управления, согласно которой вся полнота власти в Корею отныне принадлежала генерал-губернатору. Ему подчинялись все органы государ-

⁶² Подробнее см.: Кюнер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосон. Владивосток, 1912; Шабшина Ф. И. Народное восстание в Корею 1919 г. М., 1952 (2-е изд., перераб. М., 1958); Шипаев В. И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966; Первоапрельское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение: Сб. ст. М., 1999.

⁶³ В частности, с одним из изданий можно ознакомиться в переводе на русский язык (см.: Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997).

ственного управления. Формально генерал-губернатор был подотчетен японскому Императору, но в своих решениях он был независим от японского правительства. Генерал-губернатору принадлежала вся полнота административной власти, в его ведении находились полиция и армия, он имел право назначения на должности и снятия с них, право издания законов.

Местное управление было сосредоточено в руках японских губернаторов 13 провинций Кореи и японских начальников округов, уездов, областей. В очередной раз подверглись реформированию суды и полиция. При этом интересно отметить, что примерно половину полицейских составляли корейцы. Полиция пользовалась неограниченным правом входить в любые помещения, выступать в суде в качестве обвинителя и даже совершать «ускоренные приговоры» безоговорочно суда и следствия.

Была изменена система образования. Новая программа ориентировалась на искоренение или по меньшей мере игнорирование корейской культуры. Из корейских учебных заведений были оставлены лишь старинная конфуцианская академия *Сонгюнган*, а также Хансонская (т. е. Сеульская) педагогическая школа и Хансонская школа иностранных языков. Закрылось большинство корейских газет, в том числе и те, что издавались на японском языке. Из почти двух десятков газет были оставлены лишь две: «*Кёнсон ильбо*» («Столичная газета») и «*Мэиль синпо*» («Ежедневная газета»), и то в основном для того, чтобы доводить распоряжения японской администрации до населения.

Для реализации планомерного экономического подчинения Кореи при японском генерал-губернаторстве были учреждены особые органы, такие, как Управление железных дорог, Управление связи, Временное управление по инспектированию земель. В сентябре 1910 г. был опубликован указ об обследовании земель, чтобы «неучтенные» земли, т. е. те, владельцы которых не могли подтвердить прав владения документально, перевести в собственность генерал-губернаторства. В результате подобной политики за первое десятилетие японской колонизации Кореи в японскую собственность перешло различными путями около 40 % всех пахотных земель Кореи и 50 % ее лесов.

В декабре 1910 г. был издан закон об акционерных компаниях (действовавший до 1920 г.), который делал практически невозможным для корейцев открытие новых предприятий. Этот закон наглядно демонстрировал, что «соединение» Кореи и Японии произошло

отноудь не в интересах «двух стран». Японское управление в Корее нисколько не улучшало, а, наоборот, делало жизнь корейского народа все хуже и хуже. Так, например, в 1916 г. уровень средней заработной платы корейского наемного работника в Сеуле понизился на 24 %, по сравнению с 1910 г., а уровень цен вырос на 29 %. Особенно обострилось положение в Корее в период с 1917 по 1919 г. За это время более чем в четыре раза возрос уровень экспорта и импорта. Учитывая то, что корейская промышленность, торговля, сельское хозяйство находились в руках японцев, указанные цифры обозначают не рост собственно корейской экономики, а развитие японской экономики на территории Кореи путем ужесточения эксплуатации местного населения. Действительно, в тот же промежуток времени только в Сеуле цены на товары выросли в 2,3 раза.

И тем не менее среди западных исследователей встречаются такие, кто наблюдает некоторые положительные последствия японской колонизации для Кореи, в частности в связи с развитием промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры⁶⁴. Действительно, колонизация Кореи индустриально развитой Японией требовала определенной модернизации всех корейских институтов. Для этого нужно было хотя бы в ограниченной степени повысить общеобразовательный уровень корейцев. Объективным следствием этого явилось дальнейшее пробуждение национального самосознания корейцев, которое приобрело новые формы цивилизации начала XX в.

После юридического оформления колонизации Кореи Японией активизировала свою деятельность подпольная патриотическая организация «Общество нового народа» (*Синминхве*), созданная еще в 1906 г. Ан Чханхо (1878–1938). В свое время Ан Чханхо участвовал в деятельности Общества независимости, в 1900–1906 гг. находился в США. «Новое народное собрание» имело свой печатный орган — «Ежедневную газету Великой Кореи» («*Тэхан мэиль синпо*»). В 1911 г. японские колониальные власти обвинили руководителей *Синминхве* в том, что они якобы были причастны к подготовке покушения на генерал-губернатора Тэраути Масатакэ, которое планировал совершить в декабре 1910 г. Ан Мёнгын, дальний родственник Ан Чжунгына (в 1909 г. застрелившего Ито Хиробуми). В 1911–1912 гг. было арестовано около 600 патриотов, частью состо-

⁶⁴ См., напр.: Jones L. P., Sakong Il. Government, Business and Entrepreneurship in Economic Development: The Korea Case. Cambridge, 1980. P. 28.

явших в *Синминхве*, частью входивших в корейские протестантские организации, из них 105 — предъявили официальное обвинение. Суд начался в июне 1912 г. Несмотря на то что 99 человек были признаны невиновными, с этого времени *Синминхве* практически прекратило свое существование.

Однако в 1913 г. в провинции Кёнсан была создана новая подпольная организация, «Отряд возрождения» (*Кванбокман*). В 1916 г. она была переименована в «Общество возрождения Великой Кореи» (*Тэхан кванбокхве*). Общество имело более 200 человек постоянных членов и отделения в корейских провинциях. Однако по доносу в японскую полицию 37 человек руководителей были схвачены. Многие члены общества бежали в Маньчжурию. Японцам удалось уничтожить *Тэхан кванбокхве*.

В то же время по всей стране возникало множество более мелких патриотических организаций, таких, как «Организация самостоятельности» (*Чариптан*; основана в 1916 г.), «Организация корейской революции» (*Чомёндан*; 1915 г.), «Общество самостоятельного прогресса» (*Чачжсинхве*; 1918 г.), а также ряд других. Японской полиции было труднее их обнаружить.

Но, по-видимому, наибольшее значение в организации патриотического антияпонского движения имели легальные массовые общественные организации — корейские протестантские церкви и новая корейская религия *чхондогё* («учение Небесного пути»), переименованная в 1905 г. из *тонхак* третьим патриархом религии Сон Бёнхи (1861–1922), а также несколько измененная им в идейном плане. Религия *чхондогё*, призывавшая любить одинаково *всех людей*, приравнивая их к божествам, была официально разрешена японской администрацией.

Заметную роль в активизации корейского движения за независимость сыграли также события мирового масштаба. Здесь можно говорить об особой роли Октября 1917 г.⁶⁵ В южнокорейской исторической литературе, по понятным причинам, о влиянии революционного движения в России предпочитают часто не упоминать. А ведь именно после Октябрьской революции многие малые нации получили независимость и создали самостоятельные государства (Финляндия, страны Балтии).

⁶⁵ См. издания советских лет, а также статью: *Ванин Ю. В.* Октябрьская революция 1917 года в России и ее взаимосвязь с Первомартовским восстанием 1919 г. в Корее // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение.

В конце января 1919 г. президент США Вудро Вильсон в пункте 5 своего послания Конгрессу провозглашал право народов на самоопределение и обретение независимости. В том же 1919 г. в Париже созывалась мирная конференция, на которой Корея могла бы заявить о своем желании восстановить независимость. Многие корейские патриоты, боровшиеся за независимость страны, с конца XIX в. получали поддержку США и надеялись на американскую помощь и в будущем.

Воодушевленные событиями 1917 — начала 1919 г.⁶⁶ корейские борцы за независимость начали создавать новые патриотические организации. В частности, в январе 1919 г. в Китае в Шанхае будущие лидеры движения за независимость Ким Гюсик (1877–1950) и Ё Унхён (1886–1947)⁶⁷ основали «Молодежную партию новой Кореи» (*Син Хан чхоннёндан*).

И вот, во время постепенного нарастания корейского национального сопротивления, 21 января⁶⁸ 1919 г. умер первый Император Кореи Кочжон. Сразу же по стране поползли слухи, что умер он не своей смертью, а его отравили японцы. Похороны экс-Императора были назначены только на 3 марта, что связано с представлениями о «счастливых» или «несчастливых» днях. Ко дню похорон многие корейцы решили приехать в столицу. Массовое стечение народа со всей страны предоставляло хорошую возможность во всеуслышание заявить о чаяниях корейского народа восстановить независимость страны.

§ 2. Первоапрельское движение 1919 года

Через несколько дней после смерти экс-Императора Кочжона корейские студенты, обучавшиеся в Японии и имевшие отношение к «Токийскому [отделению] корейской молодежной организации независимости», подготовили Декларацию независимости. Автором текста был будущий известный корейский писатель Ли Гвансу (1892–?). Около 600 студентов собрались 8 февраля 1919 г. в Зале собраний

⁶⁶ В литературе также встречается указание на август 1918 г.

⁶⁷ Иногда это имя передается по-русски как Рё Унхён, что связано с особенностями корейской графики и произношения. Также следует отметить, что в исторической литературе встречается указание на 1885 г. как на год рождения Ё Унхёна. Однако в данном случае мы склонны доверять данным, приведенным в сочинении его дочери (см.: Ё Ингу. Ким Ильсон чусок-ква Ё Унхён (Президент Ким Ирсен и Ё Унхён). Пхеньян, 2000. С. 6).

⁶⁸ В исторической литературе встречается также указание на 22 января 1919 г.

корейской протестантской молодежи, зачитали текст Декларации и приняли решение передать ее японскому Императору. Декларация завершалась четырьмя основными пунктами: о предоставлении корейскому народу независимости; созыве корейского Национального собрания; принятии Парижской мирной конференцией решения о предоставлении Кореи права на самоопределение; о том, что корейская нация поднимется на борьбу в случае невыполнения указанных требований. (Между прочим, в тексте Декларации имеется прямая ссылка на положительный опыт Октябрьской революции 1917 г.) Однако в Зал собраний ворвалась японская полиция, более 60 человек было схвачено. Весть об этих событиях стремительно облетела всю Корею.

Корея стала готовиться к массовому акту выражения своей воли во имя восстановления независимости государства. Подготовку возглавила группа людей, одними из лидеров которой выступили патриарх религии *чхондогё* Сон Бёнхи (1861–1922) и представитель корейских христиан-протестантов Ли Синхун (1864–1931). Было решено в день 1 марта 1919 г. в центральном сеульском Парке пагоды собрать митинг и публично зачитать текст новой Декларации независимости. Его подготовку поручили Чхве Намсону (1890–1957), будущему известному корейскому историку и писателю. К 27 февраля была отпечатана 21 тыс. экземпляров Декларации независимости. Через религиозные организации и школы жители и гости (паломники на похороны экс-Императора) Сеула оповещались о готовящемся мероприятии.

Утром 1 марта в Парке пагоды собралось около 4 тыс. человек. В 2 часа дня перед Восьмигранным павильоном (*Пхальгакчон*) было развернуто корейское национальное знамя *тхэггыкки*⁶⁹. И вот выпускник одной из сеульских школ по имени Чон Чжён торжественно зачитал текст Декларации независимости, которая была подписана

⁶⁹ *Тхэггыкки* — «Флаг Великих начал» — корейский национальный флаг, созданный при дворе государя Кочжона в период до 1882 г. Его еще называют «Флагом Великого предела». Представляет собой изображение сине-красного круга на белом полотнище, по краям которого расположены четыре основные «гадательные» триграммы. Круг символизирует единство и борьбу светлого (мужского) и темного (женского) начал. Триграммы указывают на четыре основные стороны света и одновременно на четыре сезона года, а также на небо, землю, солнце, луну и еще на четыре основных качества идеального человека. *Тхэггыкки* был принят в качестве государственного флага Корейской Империи (Великая Хан) и является национальным флагом Республики Корея (Южная Корея).

33 «представителями корейской нации» (из них 29 человек находились в Сеуле, но не смогли прийти к месту проведения митинга).

Текст Декларации независимости был достаточно миролюбивым по духу. Корейский народ обращался к Японии, пытаясь разъяснить, что ей самой будет гораздо лучше, если Корея вернет свою независимость. Ее текст можно разделить на четыре содержательных блока⁷⁰: 1) провозглашение независимости Кореи; 2) призыв к Японии отказаться от насилия в отношении Кореи, признать право Кореи на самостоятельное существование и призыв играть по отношению к ней роль дружественной и миролюбивой державы; 3) указание на основные тенденции мирового развития, способствующие восстановлению независимости Кореи; 4) определение методов восстановления независимости (разъяснение воли нации, соблюдение порядка, массовый характер народного движения).

После того как чтение Декларации было закончено, по Парку разнеслись возгласы: «Да здравствует независимость!». Собравшиеся студенты бросали вверх форменные кепки, танцевали. Возбуждение выплеснулось на улицы Сеула. Известие о событиях 1 марта молниеносно распространилось по стране, и демонстрация была поддержана всем корейским народом. Из 218 уездов, на которые в то время была разделена Корея, в 211 имели место заметные выступления.

Как правило, Первоапрельское движение проходило достаточно мирно, в соответствии с призывами Декларации независимости. Люди собирались перед зданиями школ, местной администрации, предприятий, читали Декларацию и скандировали «Да здравствует независимость!». Кстати, именно поэтому в корейской литературе Первоапрельское движение называется «Движение “да здравствует [независимость]”» (*Мансе ундон*). Для того чтобы выразить свои патриотические чувства, многие корейцы вывешивали на улицах национальные флаги. Активисты движения расклеивали на стенах улиц и трамваях патриотические листовки.

Однако не всегда корейцы проявляли свое стремление к восстановлению независимости исключительно мирным путем. Уже 4 марта начались забастовки рабочих в Пхеньяне; 9 марта в Сеуле в знак протеста против японского колониального режима были закрыты все корейские магазины. С 9 по 29 марта в Сеуле бастовали водители общественного транспорта. Также имели место вооруженные столкно-

⁷⁰ Полный перевод текста Декларации независимости см. в кн.: Первоапрельское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. С. 146–149, а также в Приложении к настоящей монографии.

вения с полицией, в особенности в деревне, где крестьяне нападали на полицейские участки, управления местной администрации и на усадьбы землевладельцев.

Число выступлений по всей стране составило 1542, а количество участников — более 2 млн. В таблице 3 приводится статистика времени начала и завершения Первомастовского движения по провинциям.

Таблица 3. Хронология народных выступлений в рамках Первомастовского движения 1919 г.⁷¹

Провинция	Начало движения	Последние выступления
Кёнгги (Столичная)	1 марта	23 апреля
Канвон	2 марта	21 апреля
Северная Чхунчхон	19 марта	19 апреля
Южная Чхунчхон	3 марта	12 апреля
Северная Чолла	3 марта	13 апреля
Южная Чолла	3 марта	18 апреля
Северная Кёсан	8 марта	28 апреля
Южная Кёсан	3 марта	29 апреля
Хванхэ	1 марта	16 апреля
Южная Пхёнан	1 марта	11 апреля
Южная Хамгён	1 марта	8 апреля
Северная Хамгён	1 марта	19 апреля

Из приведенных статистических данных видно, что в северных и центральных провинциях Кореи Первомастовское движение началось и было подавлено раньше, в то время как в южных провинциях проявилась в некотором роде «запоздавшая реакция». Однако Первомастовское движение в южных провинциях было и подавлено позже. В северокорейской исторической литературе 1990-х годов особое внимание направлено как раз на то, что Первомастовское движение началось не в одном Сеуле, а одновременно и даже в первую очередь в Пхеньяне, где также зачитывалась Декларация независимости, и уже из этих *двух* городов оно распространилось по всей стране⁷². Отечественные исследователи также обращают внимание на пхеньянские первомастовские демонстрации независимости.

После того как прекратились массовые манифестации корейского народа, на протяжении 1919 г. в Корею происходили многочисленные выступления рабочих, главным образом в форме забастовок на японских и других иностранных предприятиях. 2 сентября 1919 г.

⁷¹ Составлено по: Ким Чжунбон. 3–1 ундон (Первомастовское движение). Сеул, 1989. С. 79–125.

⁷² См., напр.: Очерк корейской истории. Кн. 2. Пхеньян, 1995. С. 62.

корейский патриот Кан Угу (1855–1920) попытался убить генерал-губернатора Сайто Макото (1858–1936; в должности в 1919–1927 и 1929–1931 гг.), бросив бомбу у Сеульского вокзала.

Первомартовское движение проявило себя не только на территории Кореи, но и за ее пределами — в соседних государствах, т. е. в России и Китае (Маньчжурии), в местах компактного проживания корейцев. Там даже создавались свои декларации независимости. Так, лидеры вооруженного антияпонского сопротивления в Северо-Восточном Китае — Ким Чвачжин (1889–1930), Ё Чжун, Пак Напха и др. еще в феврале 1919 г. составили «Декларацию независимости Великой Кореи». Корейцы, проживавшие в российском Приморье, выступили 17 марта 1919 г. в городе Никольске также со своей особой Декларацией независимости.

Первомартовское движение было поистине уникальным не только по своим масштабам. Впервые за всю историю страны в обществе, где существовало строгое разделение на классы и сословия, все население страны выступило единым фронтом во имя единой цели. Несмотря на то что формально участники движения не ставили перед собой других задач, кроме восстановления независимости своей страны, Первомартовское движение было больше, чем просто движение за независимость. Можно сказать, что в этом движении были заключены некоторые элементы буржуазно-демократической революции⁷³.

Во-первых, Договор об аннексии 1910 г. не только поставил точку в истории корейской монархии, но и лишил Корею собственной государственности. Таким образом, Первомартовское движение, провозглашая своей целью «восстановление независимости», объективно стремилось к восстановлению государственности, но не старой, монархической, которая по многим причинам была невозможна, а новой. И это могла быть только буржуазная республика.

Во-вторых, в сеульской Декларации независимости есть отдельные фрагменты, демонстрирующие то, что участники движения видели новое корейское государство как республику. Прежде всего, это указание на необходимость внутреннего развития корейского общества, в котором будет возможно «гармоничное развитие *каждой* личности», «духовное развитие» и «свободное развитие нации». Все это невозможно в традиционном монархическом обществе, разделенном

⁷³ Подробнее см.: Курбанов С. О. Первомартовское движение и буржуазно-демократическая революция в Корее // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. С. 91–104.

на высшие и низшие сословия, различающиеся в своих правах. И далее это указания в Декларации на «общий ход развития всего мира», «волны прилива мировых перемен», «новый мир», «время великого преобразования мира». В соседних с Кореей Китае и России в начале XX столетия произошли крушение монархий и установление республик. В Европе многие народы Балтийского региона наконец-то обрели государственную независимость, став парламентскими республиками.

В-третьих, в Первомартовском движении участвовали не просто все социальные слои населения. Ведущую роль в выступлениях играли новые классы — буржуазия, рабочий класс, буржуазная интеллигенция. Среди крестьянства было немало арендаторов и сельскохозяйственных рабочих. Встречались также представители религиозных организаций различных конфессий, в частности протестантизма, появившегося в Европе и США как отражение новых социальных отношений эпохи капитализма. Из 33 представителей корейской нации, подписавших сеульскую Декларацию независимости, 4 % относилось к категории промышленной буржуазии.

В-четвертых, как уже говорилось, Первомартовское движение было далеко не всегда мирным, выливаясь в вооруженные столкновения с японской полицией, армией, а также представителями класса землевладельцев. Кроме того, подавлялось движение за независимость 1919 г. также силой оружия. Согласно сведениям корейского историка тех лет Пак Ынсика (1859–1926), представленным в его знаменитом труде «Кровавая история движения за независимость», с 1 марта до конца мая 1919 г. в ходе подавления Первомартовского движения японцами было убито 7509 человек, ранено — 15 961, брошено в тюрьмы — 46 948 человек, уничтожено 48 церквей, 2 школы, сожжено 715 домов.

Таким образом, Первомартовское движение стало активным, осознанным выступлением большинства социальных слоев Кореи против колониальных властей за *новую самостоятельную государственность*, т. е. приобрело *элементы* буржуазно-демократической революции.

Говоря об **итогах Первомартовского движения**, следует отметить, что в современной историографии господствует точка зрения, согласно которой, несмотря на то что движение было подавлено, оно оказало огромное воздействие на ход национально-освободительной борьбы корейцев, стало началом нового этапа борьбы за независимость. В ходе Первомартовского движения всему миру было

продемонстрировано желание корейского народа восстановить свою независимость; показана жестокая, антигуманная сущность японского колониального режима, для воздействия на который мировая общественность в то время еще не обладала соответствующими рычагами; был дан толчок для дальнейшего организованного сопротивления японской колонизации Кореи как внутри страны, так и за ее пределами.

Еще в ходе Первомартовского движения, 11 апреля 1919 г. в Шанхае было создано Временное правительство **Республики Корея**. С этого момента начинается история современной Республики Корея (Южная Корея), что также отражено и в ее Конституции.

Вскоре после подавления всенародного антияпонского выступления, 20 августа 1919 г. японцы были вынуждены объявить о прекращении «военного правления» в Корее и переходе к «культурному правлению». Это стало важнейшим, хотя и «половинчатым», завоеванием Первомартовского движения, позволившим корейцам вернуть деятельность за сохранение национальной культуры, активизировать борьбу за восстановление национальной независимости.

Глава 10. ДВИЖЕНИЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ В 1920–1930-е ГОДЫ ВНУТРИ СТРАНЫ

В отечественной, северокаорейской и южнокорейской историографии можно выделить три основных подхода к рассмотрению национально-освободительной борьбы корейского народа в 1920–1930-е годы. В Советском Союзе по вполне понятным причинам особое внимание уделялось рабочему и крестьянскому движению, деятельности корейских коммунистов, борьбе партизан⁷⁴. Для Северной Кореи главным в указанный период было рассмотрение антияпонской революционной деятельности корейских патриотов во главе с Ким Ирсеном (1912–1994), поскольку именно в это время начинает закладываться исторический фундамент для создания Корейской Народно-Демократической Республики. Южнокорейская историография представляет более сбалансированный подход, описывая в той или иной степени все указанные выше аспекты движения за неза-

---

⁷⁴ Подробнее см. работы Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной, в частности соответствующие разделы 2-го тома коллективной монографии «История Кореи» (М., 1974).

висимость и в то же время уделяя не меньше внимания другим его формам.

Движение за независимость в 1920–1930-е годы разворачивалось как на территории Кореи, так и за ее пределами. Сначала обратимся к тому, что происходило внутри страны, и начнем с вопроса, почему корейцы имели возможность более или менее открыто выражать свое стремление восстановить независимость родины и как это происходило.

§ 1. Положение в Корее в 1920–1930-е годы

Размах Первомартовского движения 1919 г. продемонстрировал японской администрации в Корее, что если и дальше продолжать «военную политику», то колониальному господству Японии вскоре может прийти конец. Для того чтобы снять нараставшее недовольство корейцев и по возможности привлечь на свою сторону отдельных представителей корейского правящего класса, 20 августа 1919 г. от имени японского Императора был издан рескрипт о начале «культурного правления».

Согласно рескрипту, должна была измениться вся должностная система генерал-губернаторства. В частности отныне корейцам разрешалось занимать некоторые административные посты и выражать свои национальные идеи через средства массовой информации. Японцы обещали улучшить систему народного образования, условия труда и инфраструктуру, учредить органы корейского (ограниченного) самоуправления в провинции. Для того чтобы продемонстрировать «мягкость» японского «администрирования» в Корее, отныне должность генерал-губернатора разрешалось занимать также и гражданским лицам.

Однако «культурное» правление вовсе не означало того, что корейцам было предоставлено больше свобод и они стали на один шаг ближе к самостоятельности. Одновременно с появлением больших возможностей для выражения волеизъявления японцы расширили репрессивный аппарат. Формально в Корее была упразднена жандармерия (*хонбён*), однако почти в 3,5 раза увеличилось количество отделений полиции и работавших в них полицейских (*кёнчхаль*).

Эра «культурного правления» продолжалась в Корее около десяти лет. Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г. и продолжавшийся до 1933 г., захватил Японию, которая в то время играла значительную роль в мировой экономике, а вместе с ней и Ко-

рею. В годы кризиса в Корее значительно сократилось промышленное производство. Заработная плата рабочих понизилась на 30–50 %, число безработных достигло уровня в 200 тыс. Сократились доходы представителей высшего сословия Кореи. Таким образом, втягивание Кореи в мировой экономический кризис являлось, помимо всего прочего, еще одним поводом для недовольства японской колонизацией.

В это время Япония предприняла решительные шаги для того, чтобы выйти из экономического кризиса. Спровоцировав взрыв на железной дороге недалеко от Мукдена (Шэньяня), 18 сентября 1931 г. Япония ввела свои войска в Маньчжурию, где 1 марта 1932 г. было провозглашено подконтрольное Японии «Государство Маньчжурия» (*Маньчжоу-го*). Маньчжурия была для Японии по многим показателям хорошим источником сырья и рынком сбыта. Оккупация Маньчжурии полуторамиллионной Квантунской армией стимулировала развитие оборонной промышленности. Действительно, уже в 1932 г. в Японии начался промышленный подъем.

Вслед за этим и в Корее новый генерал-губернатор Угаки Кадзусигэ (1868–1956; исполнял обязанности в 1927 и 1931–1936 гг.) ввел военное положение. Был принят закон о контроле над корейской промышленностью, которая теперь должна была работать на нужды японской обороны. Между тем объявленное «новое правление» пока еще не означало повсеместного подавления и уничтожения всего корейского. Говорилось о предоставлении корейцам в будущем некоей автономии. С 1933 г. в провинциях были созданы выборные органы местного самоуправления, имевшие ограниченные полномочия. Подобно Японии, в Корее тоже начался промышленный рост. В правление генерал-губернатора Угаки было создано более 1 300 новых оборонных предприятий; росло число корейских предпринимателей и рабочего класса. Наиболее интенсивно японцы развивали промышленность северной части Кореи, более богатой полезными ископаемыми. Именно там впоследствии рабочее движение получило наибольшее развитие.

Но в конце 1930-х годов японская политика в Корее изменилась. Новая провокация японцев 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцзя у южных границ Маньчжоу-го стала поводом для начала тяжелой и затяжной японо-китайской войны. С началом войны Япония повела жесткую политику, направленную на искоренение любых проявлений национально-патриотического движения, уничтожение корейской культуры и корейской нации как таковой.

Однако в 1920–1930-е годы корейцы еще имели возможность легальными и нелегальными путями бороться за независимость своей родины, не покидая ее пределов. Каковы же были основные направления деятельности корейских патриотов внутри страны?

§ 2. Основные направления движения за независимость внутри страны

Как уже отмечалось, рескрипт 1919 г. о начале «культурного правления» позволял корейцам иметь доступ к средствам массовой информации. Поэтому уже в начале 1920 г. было основано **несколько ежедневных корейских газет**. Ориентированная прояпонски «*Сиса синмун*» («Газета о текущих событиях») закрылась менее чем через год после гибели ее основателя Мин Вонсика, убитого 16 февраля 1921 г. в Токио. Другие две газеты, старавшиеся отражать на своих страницах корейские национальные интересы, смогли преодолеть трудности издания в условиях японского колониального режима и являются популярнейшими газетами Южной Кореи и в наши дни.

Первый номер «*Чосон ильбо*» («Корейский ежедневный вестник») вышел 5 марта 1920 г. Поначалу газета занимала нейтральную позицию по отношению к японскому колониальному режиму в Корее, но уже с августа 1920 г. появились первые статьи умеренно критического содержания. На протяжении двадцатилетней деятельности газеты среди ее директоров были такие известные борцы за независимость, как Чо Мансик (1882–?; в должности с 1932 г.), сыгравший важную роль в развитии уже освобожденной Кореи.

Газета «*Тона ильбо*» («Восточноазиатский ежедневный вестник») стала выходить с 1 апреля 1920 г., т. е. на месяц позже «*Чосон ильбо*», но оказалась радикальнее своей предшественницы. Почетным директором газеты стал знаменитый реформатор прояпонской ориентации конца династии Ли — Пак Ёнхё (1861–1939), не отказавшийся от сотрудничества с японцами. Однако это не помешало «*Тона ильбо*» выражать интересы корейского народа и пропагандировать демократические принципы. С 1931 г. на страницах газеты была развернута кампания по повышению образовательного и культурного уровня простого народа, получившая название «*ны на-ро-ды*»: по *корейской* транскрипции *русского* словосочетания — «в народ». В 1933 г. газета опубликовала новые унифицированные правила *корейского пра-*

вописания, в 1936 г. освещала выступления корейских спортсменов на Берлинской олимпиаде. Начиная с 1936 г. газета несколько раз находилась под угрозой закрытия. По распоряжению японских властей 10 августа 1940 г. издание «Тона ильбо», так же, как и «Чосон ильбо», было прекращено. (Обе газеты возродились уже после освобождения Кореи.)

Вторым аспектом борьбы за независимость стала попытка **возрождения национального высшего образования**. В феврале 1922 г. в рамках политики «культурного правления» японская администрация издала приказ об образовании в Корее, согласно которому корейцы теперь могли основывать частные высшие учебные заведения. В ноябре 1922 г. было создано «Общество за учреждение корейских народных высших учебных заведений» во главе с Ли Санчжэ (1850–1929), в свое время одного из лидеров «Общества независимости», представителя протестантских религиозных кругов, и даже началась кампания по сбору средств. Однако по разным причинам, в том числе и объективного характера, деньги собрать не удалось. В то же время японцы сами решили продемонстрировать свои «добрые намерения» и в 1924 г. основали Столичный Имперский университет (*Кёнсон чегук тэхак*) с двумя основными факультетами — юридическим и медицинским, на которых большую часть студентов составляли японцы. (После освобождения Кореи Университет стал основой для создания главного государственного высшего учебного заведения Южной Кореи — Сеульского государственного университета.)

Несмотря на то что корейцам так и не удалось сразу основать собственные высшие учебные заведения, в стране существовали частные специальные школы, необходимые в первую очередь японской администрации для подготовки профессиональных кадров. Некоторые из них временно получили статус высших учебных заведений. Например, в середине — второй половине 1930-х годов такой статус имела Посонская специальная школа в Сеуле, основанная в 1905 г., которой с 1910 г. управлял патриарх религии *чхондогё* Сон Бёнхи (1861–1922). (После освобождения на базе Посонской специальной школы был создан крупнейший частный вуз Южной Кореи — Университет Корё.)

Приказ об образовании 1922 г. также разрешал корейцам открывать частные вечерние школы. Именно в рамках движения за повышение образовательного уровня масс через вечерние школы в начале 1930-х годов развернулось движение «в народ».

Многочисленные школы, основанные протестантскими миссионерами, также внесли свой вклад в сохранение и развитие национального самосознания корейцев.

В качестве **третьего направления движения за независимость** в Корее как раз выделяют **деятельность религиозных организаций**. И здесь прежде всего следует сказать о многочисленных национальных религиях, появившихся в годы колониального закабаления Кореи и проповедовавших идею исключительности Кореи, ее отличия от окружающих стран, а значит — и права на самоопределение.

Самой большой популярностью среди «новых» корейских религий пользовалось *чхондогё* — «учение Небесного пути». Религия *чхондогё* вела свое происхождение от революционного по сути, антияпонского учения *тонхак*, и ее лидеры были одними из организаторов Первомартовского движения. На день третьей годовщины Первомартовского движения, 1 марта 1922 г., руководство *чхондогё* запланировало проведение очередной демонстрации, с тем чтобы поднять вторую волну движения за независимость. Заранее был подготовлен текст новой Декларации самостоятельности и независимости. Однако последователям *чхондогё* не удалось реализовать своих намерений. В 1922 г. умер патриарх религии Сон Бёнхи (1861–1922). Несмотря на то что он еще задолго до своей смерти передал руководство новому главе религии Пак Инхо (1855–1940), с начала 1920-х годов *чхондогё* стала дробиться на отдельные «секты» и группировки, число которых доходило до 21. Это отразилось на степени эффективности религиозно-патриотической деятельности *чхондогё*. Тем не менее к концу 1930-х годов в Корее насчитывалось около 80 тыс. последователей этой религии.

В начале XX столетия в Корее образовалась религия *чынсангё* («учение Чынсана»)⁷⁵. Чынсан — литературный псевдоним ее основателя Кан Ильсуна (1871–1909), «верховного божества, сошедшего на землю в человеческом теле» в лучшее место на земле — Корею. Религия *чынсангё* стала активно распространяться только с 1910–1920-х годов, также не избежав процесса сектообразования.

В 1916 г. выходец из крестьян Со Тхэсан (мирское имя — Пак Чунбин; 1891–1943) основал особый корейский «буддизм круга» (*вонпультгё*), проповедовавший «активный жизненный буддизм».

⁷⁵ Одна из религиозных организаций в рамках указанной религии именуется «*чынсандо*», т. е. «путь Чынсана».

Появление особой «корейской» версии буддизма стало реакцией на действия японской колониальной администрации, направленные на распространение японского буддизма в Корее.

Однако, несмотря на интенсивный процесс образования «новых» корейских религий, отражавший рост национального самосознания корейцев, наиболее популярным оставалось христианство⁷⁶, поддерживаемое посредством активной деятельности и финансовых средств протестантских (главным образом американских) и католических миссионеров. К концу 1930-х годов в Корее насчитывалось около 500 тыс. корейцев-христиан. Посещение христианских церквей, помимо удовлетворения религиозных потребностей, давало корейцам доступ к образованию, медицинскому обслуживанию. Многие получили возможность отправиться в США. Христианские религиозные собрания нередко служили легальным местом проведения национально-патриотической работы⁷⁷.

Четвертым направлением движения за независимость были выступления студентов и школьников. Еще в 1919 г. корейские студенты, обучавшиеся в Токио, выступили с Декларацией независимости и продемонстрировали, что являются значимой силой в борьбе за восстановление независимости Кореи.

Как уже говорилось, в колонизированной Корее практически не существовало высших учебных заведений, кроме Столичного Имперского университета. В специальных школах (колледжах и техникумах) обучалось не так много корейцев: в 1930-е годы число студентов исчислялось 10–20 тыс. человек. Только в сфере начального образования японцы допускали более или менее массовый характер обучения корейцев: от полумиллиона до миллиона человек, согласно статистике 1930-х годов⁷⁸. И тем не менее на протяжении всего периода колонизации Кореи выступления студентов и школьников продолжали играть важную роль в движении за независимость. Студенты создавали подпольные кружки, открыто заявляли о необходимости

---

⁷⁶ Все указанные религии являются довольно популярными и в современной Южной Корее, а *чхондогё* также представлена и в Северной Корее (в большей степени как один из путей для развития межкорейского диалога, нежели как реально существующая религия). Однако христианство и поныне, наряду с буддизмом, остается наиболее распространенной религией Южной Кореи.

⁷⁷ См., напр.: *Yim Louise*. My Forty Year Fight for Korea. Seoul, 1951 (2-е изд. 1959).

⁷⁸ Эту, а также другую статистическую информацию о Корее 1930-х годов можно почерпнуть из русского издания книги американского автора А. Гражданцева «Корея» (М., 1948).

пересмотра программ обучения, коллективно не посещали занятия, которые вели японские преподаватели.

Иногда студенческие выступления принимали характер акций общегосударственного масштаба. Первый раз студенты приняли активное участие в подготовке так называемого «Движения за независимость 10 июня». 25 апреля 1926 г. скончался последний корейский экс-Император Сунчжон, и его похороны были назначены на 10 июня. Так же как и в 1919 г., ко дню похорон экс-Императора подпольные патриотические организации запланировали провести массовые акции протеста. В состав штаба по подготовке демонстраций входили представители самых различных организаций — *чхондогё*, молодежной социалистической организации (о ней речь пойдет в следующем параграфе настоящей главы), а также студентов, в том числе Столичного университета. К 10 июня было отпечатано 100 тыс. листовок, и демонстрации, начавшиеся в 8:30 утра у центральной улицы Чонно, по которой проходила погребальная процессия, распространились на весь Сеул и далее были поддержаны в различных городах страны. Однако «Движение за независимость 10 июня» не получило такого распространения, как Первоапрельское.

В 1929 г. на юго-западе страны студенты развернули движение, ставшее вторым по масштабу после Первоапрельского. В то время студенты и школьники объединялись во внешне безобидные «читательские общества», которые поддерживали связь между собой и позволяли быстро организовывать корейских учащихся на масштабные акции. Поводом для выступлений послужили столкновения между корейскими и японскими школьниками города Кванчжу в конце октября — начале ноября 1929 г. Массовые выступления начались 3 ноября⁷⁹. В частности, корейские учащиеся ворвались в издательство местной газеты, печатавшей на японском языке и неверно осветившей суть конфликта, и засыпали песком ротационную машину. К 12 ноября корейские учащиеся практически всех учебных заведений города Кванчжу присоединились к акциям протеста. Они требовали освободить всех арестованных ранее учащихся, запретить свободный вход полицейских в учебные заведения, предоставить свободу слова и печати, передать систему образования в руки корейцев. И, конечно же, из уст демонстрантов звучали призывы к восстановлению независимости страны.

---

⁷⁹ В память о событиях 1929 г. в Кванчжу день 3 ноября (с 1953 г.) считается в Южной Корее Днем студента.

Выступления учащихся в Кванчжу были подхвачены студентами и школьниками всей Кореи и не утихали вплоть до начала 1930 г. В акциях протеста были задействованы 194 учебных заведения и более 54 тыс. учащихся. В ходе подавления выступлений японская полиция арестовала 1462 человек, 582 учащихся были исключены из школ.

Быстрое распространение Кванчжуского движения студентов и школьников на всю страну произошло не без **участия ряда подпольных патриотических организаций**. Их деятельность относится **к пятому направлению движения за независимость**. В частности, большую помощь движению студентов и школьников оказало «Общество обновления» (*Синганхве*), образованное в феврале 1927 г. Считается, что *Синганхве* было организацией социалистического толка. Поскольку вопрос распространения идей коммунизма и социализма в Корее 1920–1930-х годов имеет особое значение, и прежде всего в контексте последующих событий корейской истории, его рассмотрению будет специально посвящен следующий параграф настоящего раздела монографии.

Однако существовали в Корее и легальные организации патриотического толка, как, например, «Общество поощрения [потребления] товаров», созданное в 1920 г. патриотами Чо Мансином (1882–1950) и Ким Донвоном, которое призывало к употреблению товаров исключительно корейского производства и отказу от курения и алкогольных напитков. В 1923 г. организация была переименована в «Общество поощрения [потребления] корейских товаров» и открыла филиалы в провинции. Однако ее деятельность не получила большой поддержки по причине обнищания корейского населения, а также противодействия японцев, приведшего к закрытию общества в конце 1920-х годов.

§ 3. Коммунистическое движение и выступления народных масс

Колонизация Кореи промышленно развитой Японией объективно приводила к расширению промышленного производства в самой Корее и, как следствие, к все большему увеличению численности новой категории населения — рабочего класса. В деревне все большее количество крестьян переходили в категорию сельскохозяйственных рабочих. Традиционная общественная мысль Кореи, имеющая многотысячелетнюю историю, регламентировала практически все аспекты

личной, семейной и общественной жизни. Однако в ней, естественно, не было места для представителей нового класса рабочих.

В то же время в соседней России, куда в 1910–1920 гг. переселилось большое число корейцев, в том числе и бойцов партизанской Армии справедливости, коммунисты — носители идеологии рабочего класса — взяли власть и строили новое общество. 24 сентября 1925 г. в Сеуле открылось Генеральное консульство СССР. В Китае, где также проживало много корейцев, в конце июля — начале августа 1921 г. была создана и начала активно действовать Коммунистическая партия Китая. В Японии такая партия образовалась 15 июля 1922 г.

В подобных обстоятельствах в самой Корее, но больше всего среди корейцев, проживавших в сопредельных России, Японии и Китае, наблюдался всевозрастающий интерес к идеям социализма и коммунизма⁸⁰. **Образование Корейской коммунистической партии** как раз связывают с влиянием корейских коммунистических и социалистических организаций, созданных за пределами страны.

В апреле 1918 г. во Владивостоке была образована Социалистическая партия корейцев (*Ханин сахведан*)⁸¹, среди основателей которой были такие известные деятели корейского движения за независимость, как Ли Донхви (1873–1935). Одновременно по всей советской России стали создаваться корейские коммунистические кружки и организации. Наиболее сильной стала иркутская организация, созвавшая 12 июля 1920 г. съезд корейских коммунистических организаций России. Таким образом 4 мая 1921 г. в Иркутске была создана Корейская коммунистическая партия (*Корё консандан*)⁸². Вместе с тем в мае 1921 г. Ли Донхви, вошедший в состав Временного правительства Республики Корея в Шанхае (деятельности которого будет

⁸⁰ Подробнее см.: Усова Л. А. Корейское коммунистическое движение 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997, а также соответствующие разделы коллективной монографии «СССР и Корея» (М., 1988).

⁸¹ Иногда партию называют «Союзом корейских социалистов». В южнокорейской историографии утверждается, что партия была создана 26 июня 1918 г. в Хабаровске и уже затем ее штаб-квартира переместилась во Владивосток.

⁸² В южнокорейской литературе встречается иная дата создания партии — сентябрь 1919 г. В связи с основанием коммунистической партии следует обратить внимание на название Кореи. Это не *Чосон* («Утренняя Свежесть») и не *Хангук* («Государство Хан»), а *Корё* — самоназвание страны X–XIV вв., т. е. как бы «нейтральное» по отношению к первым двум, имеющим политическую подоплеку. Вместе с тем переселенцы с северных территорий Кореи, обосновавшиеся в России, также называли себя «людьми Корё» (*корё сарам*).

посвящен отдельный параграф следующей главы), создал там свою Корейскую коммунистическую партию с тем же корейским названием. Между двумя партиями, которые стали именоваться «иркутская и шанхайская фракция», развернулось противостояние в борьбе за лидерство. По решению Коминтерна, с которым обе партии поддерживали тесную связь, в декабре 1922 г. они были упразднены, а вместо них учреждено Корейское бюро Коминтерна (просуществовало до февраля 1924 г.), поставившее своей целью создание коммунистической партии на территории самой Кореи. Для связи с корейскими коммунистами, действовавшими в Корее, был отправлен представитель Коминтерна Чон Чжадаль.

А в это время в Корее начали создаваться организации социалистической и коммунистической ориентаций, во многом при участии патриотов, обучавшихся в Японии. В частности, 19 ноября 1924 г. было организовано «Общество изучения новых идей», т. е. коммунистических, переименованное впоследствии в «Общество вторника» (*Хваёхве*; во вторник родился К. Маркс). 25 ноября того же года студенты, обучавшиеся в Японии, создали в Сеуле «Общество северного ветра» (*Пукпхунхве*) как филиал корейского токийского «Общества северной звезды» (*Пуксонхве*), образованного 15 января 1923 г. Понятие «север» указывало на советскую Россию — источник новых коммунистических идей, изучением которых занималось общество.

В 1925 г. представители «Общества вторника», «Общества северного ветра», а также ряда других организаций, таких как, например, «Сеульско-шанхайская группа» (коммунисты, ориентировавшиеся на приверженцев бывшей шанхайской фракции Корейской компартии), решили попробовать объединиться. Посчитав наиболее безопасным местом встречи сеульский ресторан «Асовон», они собрались 17 апреля 1925 г. и приняли решение о создании Корейской коммунистической партии (*Чосон консандан*), выбрав для передачи названия страны слово *Чосон* («Утренняя Свежесть»). Партию возглавил Ким Чжэбон. Среди основных задач партии были объявлены борьба за достижение независимости, установление восьмичасового рабочего дня, равноправие мужчин и женщин, введение обязательного среднего и специального образования, а также поддержка СССР и революции в Китае. На другой день, 18 апреля, было объявлено о создании Корейского коммунистического союза молодежи, куда вошел будущий известный деятель корейского коммунистического движения Пак Хонъён (1900–1955).

Однако Корейская коммунистическая партия просуществовала недолго. Союз трех основных группировок партии так и не состоялся, вылившись в непрекращавшуюся фракционную борьбу. Кроме того, японские власти, жестоко расправившиеся с коммунистическим движением у себя в стране, прилагали все усилия для того, чтобы не допустить деятельности коммунистических организаций в Корее. После того как 22 ноября 1925 г. в пограничном с Китаем городе Синьчжу японская полиция выявила местную коммунистическую организацию, возникшую еще в марте 1924 г., были быстро обнаружены и арестованы более 60 руководителей Корейской коммунистической партии и Корейского комсомола. «Первая» Корейская коммунистическая организация практически прекратила свое существование. Но и после этих событий, в декабре 1925 г., под руководством Кан Дальёна корейские коммунисты пытались возродить партию. Она была признана Коминтерном в мае 1926 г., но снова оказалась раскрытой и разгромленной в ходе подготовки демонстраций 10 июня 1926 г., приуроченных к похоронам экс-Императора Сунчжона. В третий раз коммунистическую партию попытался возродить в сентябре 1926 г. коммунист Ким Чхольсу. Но уже в 1928 г. «третья» партийная организация снова оказалась раскрытой японцами. В «Декабрьских тезисах» 1928 г., принятых Исполкомом Коминтерна и посвященных корейскому коммунистическому движению, указывалось, что в числе причин недолгого существования Корейской коммунистической партии важнейшей является отдаленность создателей партии — представителей корейской интеллигенции — от рабочего класса и крестьянства.

С одной стороны, образование коммунистической партии свидетельствовало о том, насколько велик был интерес корейской интеллигенции к новым революционным идеям коммунизма и социализма. С другой стороны, в условиях японской колонизации никакая широкомасштабная деятельность организации под прямыми коммунистическими или социалистическими лозунгами была в принципе невозможной. Поэтому представители корейской интеллигенции социалистической ориентации, а также религиозных кругов (*чхондогё* и христианских), различных объединений рабочих и крестьян 15 февраля 1927 г. объявили о создании организации «единого фронта» — **«Общества обновления»** (*Синганхве*).

Во главе Общества встал Ли Санчжэ (1850–1928), еще в конце XIX столетия являвшийся заместителем руководителя знаменитого «Общества независимости», а в 1920-е — директором корейской га-

зеты «*Чосон ильбо*». Несмотря на то что программа общества была достаточно радикальной (отмена законов, подавляющих волю и права корейского народа; передача всей системы образования в руки корейцев), японцы не преследовали его. Мало того, *Синганхве* стало массовой общегосударственной организацией, построенной по типу общенациональной политической партии. Возможно, в ее создании положительную роль сыграло использование опыта деятельности «Общества независимости». Так, в 1928 г. общество имело 141 отделение по всей стране и 20 тыс. членов. К 1931 г. их насчитывалось уже 39 тыс. человек. При этом большую часть составляли крестьяне (54 %) и рабочие (22 %).

Таким образом, к началу 1930-х годов «Общество обновления» стало значимой политической силой, объединявшей корейский народ в борьбе за возвращение национальной независимости. Тем не менее в мае 1931 г. *Синганхве* объявило о своем самороспуске. Как утверждается в отечественной литературе, это было сделано по причине того, что руководство в нем захватили национал-реформисты. Южнокорейская историография обвиняет левое крыло *Синганхве*, утверждая, что причиной роспуска стала попытка выполнения рекомендаций VI Конгресса Коминтерна (июль – август 1928 г.) и уже упоминавшихся «Декабрьских тезисов», которые призывали изменить направление деятельности, отказавшись от идеи создания партии и переключившись на работу с профсоюзными и иными организациями рабочих и крестьян.

Стихийные и организованные выступления рабочих⁸³ и крестьян в 1920–1930-е годы были еще одним важным направлением анти-японской борьбы за независимость внутри страны. **В рабочем движении указанного периода** можно выделить *три* этапа. **Первый**, продолжавшийся на протяжении 1920-х годов, характеризовался созданием различных легальных рабочих организаций и значительным увеличением количества и масштабов выступлений рабочих. В Сеуле 11 апреля 1920 г. появилась первая общенациональная организация трудового народа — «Корейское общество рабочей взаимопомощи» (*Чосон нодон кончжесхве*). Среди руководителей общества, через два года насчитывавшего около 15 тыс. членов и 20 филиалов в провинциях, были не только выходцы из рабочих, но и врачи, торговцы, юристы. Фракционная борьба между правым и ле-

⁸³ О роли рабочего класса в истории Кореи XX столетия см.: Ким Г. Ф. Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве. М., 1965.

вым крылом привела к тому, что 15 октября 1922 г. общество прекратило свое существование. Однако уже 18 октября того же года в Сеуле был основан «Рабочий союз Кореи» (*Чосон нодон ёнмэнхве*), объединивший в своих рядах представителей печатников, железнодорожников, трамвайщиков. В апреле 1924 г. была создана «Рабоче-крестьянская федерация Кореи» (*Чосон нонон чхондонмэн*), в состав которой входило 167 различных рабочих и крестьянских организаций. Она просуществовала до сентября 1929 г., пока не разделилась на рабочую и крестьянскую федерации. Среди ее лозунгов был выдвинут лозунг борьбы с капиталистами за освобождение трудящихся.

Создание различных союзов трудящихся помогало вести просветительскую работу и поднимать рабочих на борьбу за свои права. В 1921 г. в Корее произошло 36 забастовок, в которых приняли участие 3405 человек. В 1930 г. (второй год мирового экономического кризиса) число выступлений рабочих выросло на 60 %, по сравнению с 1929 г., а количество участников составило почти 19 тыс., превысив показатель предшествующего года более чем в два раза. Иногда забастовки рабочих принимали характер всеобщих, как, например, забастовка пусанских докеров в сентябре 1921 г. или Вонсанская всеобщая забастовка рабочих 1929 г., продолжавшаяся с января по апрель. Однако в 1920-е годы рабочие продолжали предъявлять «стандартные» требования повышения заработной платы, сокращения рабочего дня. В их лозунгах пока не звучали антияпонские мотивы.

Второй этап рабочего движения датируется 1930-е годами. По мере вовлечения Кореи в военизированную японскую экономику, по мере строительства на северо-востоке страны, в провинциях Пхёнан и Хамгён, многочисленных предприятий тяжелой и химической промышленности, корейские рабочие стали переходить к подпольным формам работы, а среди задач их борьбы важнейшее место стала занимать борьба с японским империализмом. Так, с 1930-х годов по всей Корее развернулось движение за создание подпольных «красных профсоюзов» (*чоксэж нодон чохан*). Японской полиции удалось выявить и разгромить такие профсоюзы в Пхеньяне, Хэчжу, Ёсу, Масане. «Красному профсоюзу» Вонсана даже удалось подпольно выпустить 16 номеров периодического издания «Знамя рабочего».

Третий этап корейского рабочего движения начался с конца 1930-х годов. Вступление Японии в войну с Китаем, а затем и во Вторую мировую войну повлекло за собой реализацию жестких репрес-

сивных мер в отношении любого проявления недовольства рабочих. С этого времени рабочее движение в Корее пошло на спад.

Крестьянское движение 1920–1930-х годов имело те же три этапа в своем развитии, что и рабочее. На первом этапе, в период 1920-х годов, наблюдались активизация выступления крестьян и процесс создания различных крестьянских организаций «профсоюзного» типа, главным образом на уровне уездов. Надо сказать, что на протяжении столетий в корейской деревне существовали традиционные формы кооперации и взаимопомощи, такие, как, например, универсальная артель взаимопомощи *же*, организация для совместной обработки полей *тюре* и многие другие. Поэтому создание крестьянских организаций даже несколько большего масштаба не стало чем-то необычным. В 1922 г. в Корее насчитывалось более 30 организаций местных «крестьянских профсоюзов», а в 1933 г. — 1301 организация. Сначала координация их деятельности происходила в союзе со всекорейскими рабочими организациями — «Рабочим союзом Кореи», с 1924 г. — в рамках совместной «Рабоче-крестьянской федерации Кореи», а с сентября 1927 г. — самостоятельно под эгидой «Всеобщей федерации корейских крестьян» (*Чосон понмин чхондонмэн*). Несмотря на то что в легальной деятельности крестьянских организаций в 1920-е годы не было прямых антияпонских лозунгов, крестьянское движение с самого начала *объективно* имело антияпонскую направленность. Во-первых, многие корейские крестьяне лишились своих земель и стали арендаторами по причине известной политики генерал-губернаторства. Во-вторых, поскольку все больше земель переходило в руки японцев, постольку классовые конфликты (требование снижения арендной платы, подтверждения «вечных» прав на аренду) переходили в русло антияпонской борьбы.

На втором этапе крестьянского движения, в 1930-е годы, подобно рабочему, также стали создаваться подпольные «красные крестьянские союзы», выдвигавшие прямые лозунги борьбы с японским господством в Корее. На протяжении первого и второго периодов наблюдался постоянный количественный рост крестьянских выступлений. Если в 1920 г. было зафиксировано лишь 81 выступление крестьян с 4 599 участниками, то в 1935 г. — 170 выступлений с числом участников — 12 189 человек.

С конца 1930-х годов в связи с развязыванием Японией войны в Китае и усилением репрессий в Корее, как и в рабочем движении, наблюдалась тенденция к некоторому спаду крестьянского движения.

И в выступлениях рабочих и крестьян, и в коммунистическом, и в студенческом движениях — практически везде на передовой линии движения за независимость страны находилась корейская интеллигенция. Ей принадлежит особая заслуга в усилиях, направленных на сохранение национальной культуры в сложных условиях политики японской администрации, имевшей целью искоренение всего корейского и, по возможности, ассимиляцию корейцев с японцами.

§ 4. Движение за сохранение национальной культуры

Для того чтобы продемонстрировать то, насколько значительными оказались достижения корейской культуры в годы японского колониального господства, достаточно сказать, что корейская культура 1920–1930-х годов стала в известном смысле *классической*. Это в особенности касается корейской литературы того времени, изучение которой является обязательным в школах Южной Кореи и признается за значительное достижение в Северной Корее. Действительно, вся предшествующая корейская литература, написанная на *ханмуне* (кореезированной письменном древнекитайском языке) или на старом корейском языке, нуждается в переводе на современный корейский. Литература 1920–1930-х годов была написана практически на современном разговорном языке.

Именно в эти годы в Корее развернулось движение за развитие национального письменного языка, который стал активно употребляться лишь с конца XIX — начала XX в. 3 декабря 1921 г. в Сеуле было образовано «Общество изучения корейского языка» (*Чосоно ёнгухве*). Для пропаганды результатов своих изысканий с 1927 г. оно стало издавать журнал с весьма революционным по тем временам названием «*Хангыль*», т. е. «Корейский язык», где название страны «Корея» передавалось словом *Хан*, соотносившимся со временами независимой Корейской Империи. Естественно, японская администрация не могла допустить существование подобного издания. Из-за давления японцев пришлось приостановить работу по составлению «Словаря корейского языка», начатую в 1929 г. Само общество с 1931 г. вынуждено было изменить название на «Научное общество корейского языка» (*Чосоно хакхве*), чтобы как-то отмежеваться от своей «слишком радикальной» деятельности 1920-х годов. Обществу удалось возобновить издание научного журнала с 1932 г., а 19 октября 1933 г. с помощью газеты «*Чосон иль*»

бо» опубликовать «Универсальные правила правописания корейского языка», до сих пор принятые к употреблению в Южной Корее. В октябре 1942 г. общество было закрыто японской колониальной администрацией, но возобновило свою деятельность в Южной Корее уже после освобождения страны под названием *Хангыль хакхве*.

Корейские ученые-историки, желавшие отразить в своих трудах всю правду о закабалении Кореи Японией, правду о древних исторических корнях корейского народа, часто не имели возможности легальной деятельности в Корее. Так, корейский историк Пак Ын-сик (1859–1926) написал два исторических сочинения, которые стали известны и очень популярны среди корейцев: «Многострадальная история Кореи» («*Хангук тхонса*»; 1915 г.) и «Кровавая история движения за независимость в Корее» («*Хангук тоннип ундон-чжси хёльса*», 1920 г.). В первом описывалась история подчинения Кореи Японией начиная с 1864 и по 1911 г.; во втором — история движения за независимость Кореи с 1884 по 1920 г. Оба сочинения были изданы в Китае.

Утверждению японцев об «общих корнях» японского и корейского народов, являвшегося теоретической основой политики ассимиляции корейцев, противостояли труды историка и писателя Син Чхэхо (1880–1936). В газете «*Чосон ильбо*» в виде серии статей ему удалось опубликовать книгу о древней истории Кореи. Возможно, этому помогло название книги — «История Кореи» («*Чосонса*»). Дело в том, что как раз в 1922 г. японская администрация учредила «Общество по изданию [материалов] корейской истории», подготовившее к печати 37-томное издание с аналогичным названием — «История Кореи» («*Чосонса*»). Однако это Общество, наоборот, стремилось показать превосходство японской культуры и «традиционную» подчиненность Кореи Японии. Син Чхэхо как раз доказывал обратное — самостоятельность и самобытность древней корейской культуры. Кроме этого сочинения, получившего впоследствии название «Древняя история Кореи», Син Чхэхо писал многочисленные рассказы на исторические темы — о когурёском полководце Ыльчжи Мундоке (VII в.), отразившем нападения войск Китая эпохи Суй (581–618), или о корейских женщинах, не покорявшихся монгольским завоевателям Кореи, или о знаменитом флотоводце Ли Сунсине (1545–1598), который всегда одерживал победы на море в сражениях с японскими агрессорами. Иными словами, героями рассказов Син Чхэхо были исторические персонажи, чья воля и героизм помогали отстаивать независимость

страны в прошлом⁸⁴. Син Чхэхо скончался в 1936 г. в тюрьме китайского города Люйшунь, где отбывал срок, будучи приговоренным к 10 годам лишения свободы за патриотическую деятельность.

Не менее трагична судьба многих корейских писателей 1920–1930-х годов, чьи произведения стали классикой корейской литературы. Не претендуя на полный перечень, укажем лишь отдельные имена и названия самых известных произведений. Среди прозаиков это: Ким Донин (1900–1951; «Картошка», 1925), Хён Чжингон (1900–1941; «Счастливым день», 1924), На Дохян (1902–1926; «Немой Самнён», 1925), Чу Ёсоп (1902–1972; «Гость в комнате отца и мать», 1931), Ли Гвансу (1892–?; «Бесчувственность», 1917), Ли Гиён (1895–1984; «Родина», 1933)⁸⁵. Герои большинства произведений корейских авторов 1920–1930-х годов — простые люди, крестьяне и рабочие, с их повседневными заботами и борьбой за выживание в условиях японского колониального господства. Среди поэтов одним из самых известных был Ким Соволь (1902–1934), прославившийся своими стихотворениями о родине («Цветы рододендрона» (символ Кореи), 1922). Ли Сан (1910–1937), чье творчество приходится на 1930-е годы, внес огромный вклад в развитие новых форм корейской поэзии.

Корейские писатели и поэты нового поколения печатались в специальных литературных журналах, которые начали выходить на рубеже 1910–1920-х годов. Первым появился журнал «Творчество» («*Чханчэсо*»), издававшийся сначала в Токио, а затем, после начала политики «культурного правления», — в Сеуле. В 1922 г. был основан литературный журнал романтического направления «Белый прилив» («*Пэкчо*»). Однако журналам, вносившим значительный вклад в развитие корейской культуры и корейского национального самосознания, не удалось просуществовать долго: первый был закрыт в 1921 г., а второй — в год создания.

Обращение к жизни простого народа, популярность идей социализма и коммунизма, желание представителей различных творческих направлений объединить свои усилия привели к созданию в

⁸⁴ Подробнее см., напр.: Син Чхэхо. Ккум ханыль. Син Чхэхо чакпхум-чжип (Небо мечты. Собрание сочинений Син Чхэхо). Сеул, 1990.

⁸⁵ После освобождения Кореи Ли Гиён жил в КНДР. В отечественной литературе имя писателя обычно транскрибируют как Ли Ги Ен, а указанный роман переводят как «Земля», хотя словарное значение корейского слова *кожян*, которым названо произведение, — «родина». В 1953 г. роман был издан на русском языке.

1925 г. «Корейской федерации пролетарского искусства» (сокращенно КАРП — Korea Artista Proleta Federatio), в которую вошли писатели, поэты, музыканты, кинематографисты, театральные деятели. Федерация имела несколько отделений, больше всего в городах северной части Кореи — Кэсоне, Пхеньяне, Вонсане, и состояла из 200 человек. В 1931 г. в федерации были образованы самостоятельные подразделения по видам искусства, каждое из которых имело свое периодическое издание. В 1935 г. под давлением японской колониальной администрации федерация прекратила свое существование.

Однако за пределами страны корейским патриотам ничто не мешало вести активную борьбу за восстановление независимости своей родины.

Глава 11. ДВИЖЕНИЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ В 1920–1930-е ГОДЫ ЗА РУБЕЖОМ

Присоединение Кореи к Японии после подписания договора об аннексии 1910 г. сделало окончательно невозможным открытое вооруженное сопротивление партизанских отрядов Армии справедливости на территории Кореи. Те из них, которые не были разгромлены японцами, перешли на территорию соседних России и Китая, чтобы оттуда совершать вооруженные нападения на японскую администрацию, полицию и армию приграничных территорий.

Первомартовское движение 1919 г. всколыхнуло корейских патриотов, находившихся за рубежом, и пополнило их ряды теми, кто был вынужден бежать из Кореи, спасаясь от репрессий.

Обычно движение за независимость Кореи за ее пределами рассматривают в двух аспектах — деятельность Временного правительства Республики Корея и действия партизанских отрядов в Маньчжурии. В настоящей книге будет кратко представлен еще один, третий, аспект — революционная деятельность Ким Ирсена, будущего руководителя Корейской Народно-Демократической Республики, поскольку она является важнейшей составной частью истории Кореи того времени с точки зрения северокорейской историографии, о которой всякому интересующемуся историей Кореи следует иметь хотя бы самое общее представление.

§ 1. Временное правительство Республики Корея

Как правило, деятельность Временного правительства Республики Корея описывалась в отечественной литературе не слишком подробно и оценивалась достаточно негативно. Во многом это было связано с тем, что история создания Республики Корея (Южная Корея), бывшей в течение длительного времени страной вражеской по отношению к СССР и КНДР, нелегитимной, «марионеточной», как раз ведет свой отсчет от момента создания Временного правительства.

Прообразом Временного правительства Республики Корея стал основанный во Владивостоке в феврале 1919 г. Парламент народа Великой Кореи (*Тэхан кунмин ыйхве*). Тогда смерть экс-Императора Кочжона и выступление корейских студентов в Токио с первой Декларацией независимости вызвали подъем патриотических сил и указали на потенциальную возможность восстановления независимости. Было решено, что новая независимая Корея станет республикой, президентом которой будет признанный лидер движения за независимость и экс-патриарх религии *чхондогё* Сон Бёнхи (1861–1922), вице-президентом — заслуженный реформатор Пак Ёнхё (1861–1939), премьер-министром — лидер корейских патриотов, проживавших в США, Ли Сынман (1875–1965), а главнокомандующим национальными вооруженными силами — создатель Социалистической партии корейцев Ли Донхви (1873–1928). Следует отметить, что никого из указанных лиц, за исключением Ли Донхви, во Владивостоке в то время не было. Ли Сынман постоянно проживал в США.

Первомартовское движение 1919 г. привело ряд находившихся в авангарде движения за независимость представителей интеллигенции к идее скорейшего «официального» объявления о создании Временного правительства где-нибудь за рубежом, чтобы затем попытаться при помощи внешних сил вынудить Японию признать его и таким образом вернуть Корею независимость. Знаменитое послание Конгрессу США президента Вудро Вильсона, в котором говорилось о праве наций на самоопределение, заметная активность в Корею протестантских миссионеров США, тесные экономические связи США и Японии (а значит, и возможность экономического давления) вселяли надежду на то, что США помогут Корею восстановить независимость.

Местом создания Временного правительства был избран Шанхай, территория французского сэттьлмента, где еще до этого суще-

ствовал подпольный штаб корейского движения за независимость. На волне Первоапрельского движения 27 человек⁸⁶, представлявших все провинции Кореи, 11 апреля 1919 г. в Шанхае объявили об образовании Временного парламента. Тогда же была оглашена Временная Конституция из 10 статей, в которой название новой независимой Кореи определялось как Республика Корея (*Тэхан мингук*; дословно — «Республика Великая Хан»), а форма государственной власти — как демократическая республика. Через несколько дней, 13 апреля 1919 г., было объявлено о создании Временного правительства Республики Корея и о распределении руководящих должностей. Главой Временного парламента стал Ли Доннён (1869–1940), премьер-министром Временного правительства — Ли Сынман, министром внутренних дел — Ан Чханхо (1878–1938), министром внешних сношений — Син Гюсик (1880–1922), министром обороны — срочно приехавший в Шанхай из Владивостока Ли Донхви.

Действительно, на первых порах члены Временного правительства питали надежду на то, что «временным» ему придется оставаться не так долго. Сразу после завершения широкомасштабных демонстраций Первоапрельского движения, 23 апреля 1919 г., 24 человека, называвших себя представителями всех 13 провинций Кореи, собрались в Инчхоне и заявили о создании Сеульского правительства (дословно — «Хансонского правительства», по тогдашнему официальному названию Сеула) Республики Корея во главе с Ли Сынманом. Премьер-министром был назначен Ли Донхви. Вслед за этим Ли Сынман, находившийся в США, заявил, что только Сеульское правительство является легитимным, а не владивостокское или шанхайское. В Вашингтоне он открыл офис представительства Сеульского правительства.

С этого времени началось противостояние между Ли Сынманом и шанхайским Временным правительством, которое продолжало заниматься активной деятельностью. 6 сентября 1919 г. в Шанхае была принята Временная Конституция Республики Корея⁸⁷, состоявшая из Преамбулы, 8 глав, 56 статей и вводившая в Корею президентское правление. Члены Временного правительства, еще питавшие иллюзии относительно американской помощи, назначили на должность президента Ли Сынмана. Премьер-министром стал Син Гю-

⁸⁶ В исторической литературе встречаются также указания на то, что в первом собрании Временного парламента участвовали 29 или 30 человек.

⁸⁷ *Чху Хонсу*. Тэхан мингук имси чонбу са (История Временного правительства Республики Корея). Сеул, 1989. С. 42.

сик. С июля 1919 г., во исполнение указа Временного правительства, в Сеуле и во всех провинциях были открыты подпольные представительства Временного правительства, которые должны были обеспечить связь с ним и организовать сбор средств на борьбу за независимость. Подпольная организация представительств просуществовала до 1921 г. С 21 августа 1919 г. в Шанхае стала выходить «Газета Независимости» («*Тоннип синмун*»). Ее возглавляли такие авторитетные деятели движения за независимость, как писатель Ли Гвансу (1892–?), историк Пак Ынсик (1859–1926).

Между тем Ли Сынман вел политику, направленную на использование внешних сил для достижения независимости Кореи. В июне 1919 г. он направил письмо японскому Императору с просьбой признать независимость Кореи. Такой шаг был в известной степени в духе сеульской Декларации независимости, также обращавшейся к Японии с просьбой признать право корейского народа на самоопределение. Затем он обратился к американскому президенту Вудро Вильсону с просьбой ввести в Корею мандатное управление США⁸⁸. Такой поворот в действиях Ли Сынмана, не предвещавший Корею возвращения независимости, а лишь менявший «страну-покровителя», так же, как и возникновение трений между членами Временного правительства и Ли Сынманом по вопросу использования финансов, привели к тому, что в 1925 г. Ли Сынман был снят с должности президента, а в сентябре 1926 г. президентская система правления была упразднена. Вместо нее вводилась Система Государственного совета (*Кунмурён чжэ*), который с декабря 1926 г. возглавил Ким Гу (1876–1949). Власть была поровну разделена между парламентом и правительством. В 1927 г. в названии верховного органа слово «совет» (*рён*) заменили на «комитет» (*вивон*). В 1930 г. Ким Гу создал Партию независимости Кореи (*Хангук тоннинтан*)⁸⁹.

Со второй половины 1920-х годов, по мере того как перспектива восстановления независимости Кореи становилась все более отдаленной, а между отдельными членами Временного правительства усиливались политические и финансовые разногласия, роль правитель-

⁸⁸ Такова трактовка событий в отечественной историографии. Корейские историки утверждают, что речь шла о мандатном управлении Кореей Лигой Наций.

⁸⁹ В большинстве корейских исследований датой основания партии называют 25 января 1930 г. (см.: *Ким Гу. Пэкпом ильчжи* (Дневник Пэкпома) / пер. и коммент. Ли Мангёля. Сеул, 1997. С. 395. — Пэкпом — литературный псевдоним Ким Гу). Однако встречаются указания и на 1928 г.

ства становилась все меньше. В 1922 г., чувствуя бесперспективность дальнейшего существования Временного правительства, покончил жизнь самоубийством, отказавшись от приема пищи, премьер-министр Син Гюсик. С 1925 г. перестала выходить «Газета Независимости».

После того как в 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, Временное правительство Республики Корея переехало в город Ханчжоу провинции Чжэцзян. Затем оно переезжало еще несколько раз, скрываясь от преследований японской тайной полиции и опасаясь возможной оккупации городов японскими войсками. Так, в 1937 г., с началом японо-китайской войны, правительство переехало в город Чжэньцзян провинции Цзянсу, в тот же год — в город Чанша провинции Хунань, а затем, в 1940 г., — в город Чунцин провинции Сычуань. В 1930-е годы единственной значительной акцией, связанной с существованием Временного правительства, была организация попыток покушения на жизнь двух высокопоставленных лиц Японии. Первая оказалась неудачной. Корейский патриот Ли Бончхан (1900–1932), находившийся в Токио, 8 января 1932 г. бросил в сторону Императора Японии гранату, когда тот проходил мимо Ворота поля сакуры. А 29 апреля 1932 г. в Шанхае на праздновании японскими военачальниками и другими высокопоставленными лицами дня рождения японского Императора корейский патриот Юн Бонгиль бросил в собравшихся бомбу. От взрыва погибли или были тяжело ранены многие из собравшихся, в частности главнокомандующий японскими вооруженными силами в Шанхае генерал Сиракава. Однако эти действия не прибавили популярности Временному правительству Республики Корея.

Забегая вперед, отметим, что в 1940-е годы Временное правительство несколько активизировало свою деятельность. В сентябре 1940 г. в Чунцине была образована корейская Армия возрождения (*Кванбоккун*), которая после объявления 10 декабря 1941 г. Временным правительством войны Японии принимала участие в отдельных боевых операциях вместе с китайскими, английскими и американскими войсками. В 1944 г. после принятия очередной исправленной редакции корейской Конституции, связанной с «Программой строительства государства из трех пунктов», новую Корею теперь возглавлял «председатель» государства (*чусок*). На эту должность был назначен Ким Гу.

Однако в 1940-е годы Армия возрождения не обладала значительными силами, а Временное правительство не имело ни популярности,

ни должного влияния. Поэтому оно не было признано оккупационными властями после освобождения Кореи.

И тем не менее мы посвятили отдельный параграф изложению его краткой истории. Причина такого пристального внимания заключается в историческом значении Временного правительства в Шанхае, деятельность которого отличалась четкой ориентацией на построение демократической республики в будущей независимой Корее. Оно определило название южнокорейского государства и сформулировало принципы его будущей конституции. Именно в работе Временного правительства Республики Корея впервые проявил себя Ли Сынман как возможный руководитель государства. Впоследствии он станет первым президентом Республики Корея.

§ 2. Действия корейских вооруженных отрядов в Маньчжурии

После Первомартовского движения 1919 г., жестоко подавленно-го японскими колониальными властями, многие корейские патриоты перешли в Маньчжурию, где продолжили вооруженное сопротивление японской колонизации Кореи. Почему оказалась возможной партизанская деятельность на территории, казалось бы, чужой суверенной страны? Во-первых, в связи с предшествовавшим процессом миграции корейского населения в приграничные с Кореей районы Китая в бассейнах рек Амноккан и Туманган появились корейские деревни и целые районы компактного проживания корейцев, где антияпонские партизаны могли получать помощь местного корейского населения. Во-вторых, труднодоступная местность многочисленных горных хребтов к северу от этих рек позволяла партизанским отрядам укрываться от местных властей, а также от японской полиции и армии. В-третьих, восточная часть Маньчжурии фактически обладала в это время известной автономией. Формально в 1920-е годы здесь правили так называемые «милитаристы» — представители китайской элиты, обладавшие частными вооруженными формированиями, между которыми происходила постоянная борьба за власть. После оккупации Маньчжурии японскими войсками и образования в 1932 г. марионеточного государства *Маньчжоу-го*, которое формально возглавлял Пу И (1906–1967), последний император «династии» Цин, к середине 1930-х годов японцы установили достаточно жесткий административно-полицейский контроль над всей территорией Маньчжурии. Тогда корейское партизанское движение в пригранич-

ных областях пошло на спад. Часть партизан переместилась вглубь Китая, впоследствии частично оккупированного японцами, и присоединилась к антияпонскому вооруженному сопротивлению китайцев, часть — перешла на территорию Советского Союза.

Среди многочисленных партизанских отрядов самыми известными были: Армия независимости Великой Кореи (*Тэхан тонникун*), Отдел управления Армией северных дорог (*Пунногун чонсо*), Армия народного собрания (*Кунминхвегун*), Корейская революционная армия (*Чосон хёнмёнгун*).

Армия независимости Великой Кореи была образована Хон Бомдо (1868–1943), который еще в 1907 г. возглавлял выступления Армии справедливости. После аннексии Кореи в 1910 г. Хон Бомдо переправился в Маньчжурию, где развернул деятельность по созданию антияпонских боевых подразделений. Первомартовское движение 1919 г. придало новый импульс всему движению за независимость Кореи. В течение нескольких месяцев он сформировал Армию независимости Великой Кореи, в состав которой вошло около 400 человек. Уже в августе 1919 г. Армия начала предпринимать первые вылазки на территорию Кореи в бассейне реки Туманган. Сначала партизаны совершили нападение на города Хесан и Капсан у реки Хочхонган (южного притока Тумангана в среднем течении), значительно продвинувшись вглубь территории страны. Затем выше по течению Тумангана были организованы успешные рейды в район городов Канге и Чансон.

Возвратившись в Маньчжурию, партизаны Армии независимости Великой Кореи решили объединить свои усилия с другими вооруженными формированиями. Они постоянно меняли местоположение, передвигаясь вдоль северного (китайского) берега реки Туманган. Очевидно, японцы пытались отслеживать передвижение партизан. Так, в начале лета 1920 г. в ответ на очередную вылазку партизан японские войска пересекли Туманган и совершили нападение на селение Самдунчжон, где, по их предположению, могла находиться опорная база партизан. Хон Бомдо, узнав о нападении и бесчинствах японцев, срочно перебросил своих партизан в селение и разгромил врага. Тогда японцы задумали ответный карательный поход на селение Понодон. Хон Бомдо, проинформированный о планах японцев, заблаговременно эвакуировал из села мирных жителей и достойно встретил атаку. В то время под его командованием находилось уже около 700 человек, в том числе и партизаны Гражданской армии (*Кунмингун*) под командованием Ан Му. По официальным сооб-

щениям Временного правительства Республики Корея в Шанхае, в этом сражении японцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв 157 человек убитыми и около 300 ранеными, сами корейцы потеряли лишь 4 человека.

Победа Армии независимости Великой Кореи у села Понодон вселила надежду на еще более значительные победы в будущем. Уже через несколько месяцев, 21 октября 1920 г., у села Чхонсанни, расположенного к северу от реки Туманган, в ее нижнем течении, произошло более масштабное сражение с японцами.

Японские войска продолжали организовывать рейды на территорию Китая с целью ликвидации баз корейских партизан. Партизаны в свою очередь также продолжали объединять свои силы. К октябрю 1920 г. неподалеку друг от друга сосредоточились «Отдел управления Армией северных дорог» и партизанские отряды под командованием Хон Бомдо и Ан Му. «Отдел управления», создание которого было провозглашено в декабре 1919 г., не случайно имел такое «странное» название. Целью его образования было не только ведение боевых операций с японцами, но и «гражданская» деятельность среди корейского населения приграничных территорий, в частности организация начального и специального военного образования. Таким образом, он должен был играть роль местного военного корейского правительства. Отряды «Отдела управления», имевшие в своем составе около 1600 человек, возглавил Ким Чвачжин (1889–1930), выходец из знатной семьи провинции Южная Чхунчхон, бывший одно время директором сеульской газеты «*Хансон синмун*» и переправившийся в Маньчжурию с началом Первомартовского движения⁹⁰.

21 октября 1920 г. сражение с японскими войсками начала армия «Отдела управления». Затем подключились партизаны под командованием Хон Бомдо и Ан Му. За шесть последующих дней произошло более 10 сражений с японскими войсками в районе приграничного китайского уезда Хэлун, которые условно принято называть «сражением у Чхонсанни». Около 2 тыс. корейцев столкнулись с более чем в два раза превосходящими силами японцев. Последние потеряли убитыми и ранеными от 2 до 3 тыс. человек.

Битва у Чхонсанни завершилась самой значительной победой корейских партизан над японскими войсками за всю историю анти-

---

⁹⁰ Отдельные южнокорейские справочные издания сообщают, что Ким Чвачжин бежал в Маньчжурию еще в 1917 г. и был одно время последователем новой корейской религии *тэчжонгё*, принимающей за верховное божество Тангуна — мифического «праотца» корейской нации.

японского партизанского движения. Такая победа стала возможной только благодаря активной помощи местного корейского населения приграничных китайских территорий. Это прекрасно понимали и японцы. Поэтому победа партизан обернулась мощным ответным карательным походом японцев, в ходе которого главный удар был нанесен по мирному населению. Число погибших корейцев оценивается десятком тысяч. Теснимые японцами с юго-запада партизанские отряды (сначала ими руководили Хон Бомдо и Ан Му, а затем — Ким Чвачжин) были вынуждены в 1921 г. перейти на территорию российского Дальнего Востока. В конце июня 1921 г. в районе расквартирования партизанских отрядов, городе Свободном, возникло вооруженное противостояние между различными группировками корейских партизан с участием советской Красной Армии.

После событий в Свободном Хон Бомдо остался в советской России, а Ким Чвачжину удалось возвратиться в Маньчжурию и там продолжить антияпонскую вооруженную борьбу. В 1925 г. он присоединился к созданному в марте месяце в китайском уезде Нинань, на стыке границ Китая, Кореи и России, так называемому Новому народному правительству (*Синминбу*), которое должно было управлять указанной территорией компактного проживания корейцев. Как и полагается во всяком правительстве, в *Синминбу*, возглавлявшемся Ким Хёком, были министры внешних и внутренних дел, финансов, транспорта и т. д. Ким Чвачжин стал главой вооруженных сил, численность которых оценивается примерно в 350 человек. 24 января 1930 г. Ким Чвачжин был убит на станции Шаньси представителями корейской коммунистической молодежной организации.

После того как в 1921 г. основные партизанские силы были вытеснены в Россию, корейские патриоты, проживавшие в приграничных с Кореей районах Маньчжурии, решили продолжить борьбу за независимость, пойдя по пути создания так называемых «правительств».

Первым в 1922 г. было образовано «Объединенное справедливое правительство»⁹¹ (*Тхоныйбу*), распространявшее свою юрисдикцию на китайскую территорию вдоль нижнего течения реки Амур. В нем так же, как и во всех других корейских «правительствах» в Маньчжурии, были организованы свои министерства

---

⁹¹ Здесь и ниже переводы на русский язык названий «правительств» даются условно.

и небольшие вооруженные подразделения. В 1924 г. в результате противостояния внутри этого «правительства» и борьбы за влияние из него выделилось «Народно-политическое правительство» (*Чамыйбу*), наладившее впоследствии связь с Временным правительством Республики Корея в Шанхае. В 1925 г. в районе китайского города Цилинь, достаточно отдаленного от корейско-китайской границы, было создано «Главное справедливое правительство» (*Чоныйбу*). О создании «Нового народного правительства» уже упоминалось. В марте 1929 г. представители трех «правительств» собрались вместе в Синьаньдуне и решили образовать единое «Народное (или «гражданское») правительство» (*Кунминбу*). Однако и здесь борьба за власть снова привела к появлению уже в 1929 г. «Партии независимости Кореи» (*Хангук тонниптан*) и «Армии независимости Кореи» (*Хангук тоннипжун*), а также «Корейской революционной партии» (*Чосон хёнмёндан*) и «Корейской революционной армии» (*Чосон хёнмёнгун*). Первые «партия» и «армия» определили своей сферой влияния северо-восток Маньчжурии, а вторые — юго-восток.

Однако уже с 1936 г. активные вооруженные выступления корейских партизан в Маньчжурии, полностью оккупированной готовившимися к нападению на Китай японскими войсками, закончились. Часть корейских партизан перешла вглубь территории Китая и продолжила борьбу с японцами в союзе с китайскими патриотами.

Тем не менее и во второй половине 1930-х годов в Маньчжурии продолжались вылазки корейских партизан, которые северокорейская историография связывает с именем Ким Ирсена (1912–1994).

§ 3. Революционная деятельность

Ким Ирсена

В современной историографии существует два диаметрально противоположных подхода к описанию деятельности Ким Ирсена в 1920–1930-е годы. Согласно **первому подходу, северокорейскому**, Ким Ирсен уже с ранних лет четко понимал цели и задачи революционной антияпонской борьбы, был центральной фигурой в деятельности корейских патриотов в Маньчжурии, оказывавшей влияние и на движение за независимость внутри самой Кореи. Советская официальная историография во многом следовала северокорейской версии изложения событий.

Южнокорейская⁹², западная и современная (с начала 1990-х годов) российская историография придерживаются другого подхода. С одной стороны, он не отрицает факт участия Ким Ирсена в антияпонском партизанском движении, но иначе рассматривает его роль. Многие «факты» из жизни Ким Ирсена 1920–1940-х годов, представленные в северокорейской историографии, расцениваются как часть северокорейской «мифологии» о нем.

В настоящей монографии мы познакомимся с основным содержанием обеих версий изложения истории революционной деятельности Ким Ирсена.

Северокорейский подход⁹³. Ким Ирсен родился 15 апреля 1912 г. в бедной крестьянской семье в селе Нам уезда Тэдон провинции Южная Пхёнан, недалеко от Пхеньяна. Теперь это место называется Мангёндэ. С рождения мальчика нарекли именем Сончжу, что означает «Становящийся опорой». Имя Ирсен он взял себе гораздо позже. Отцом Ким Ирсена был Ким Хёнчжик (1894–1926), одно время учивший детей в местной деревенской школе. Участвуя в антияпонском национальном движении, 23 марта 1917 г. Ким Хёнчжик создал Корейское национальное общество. За антияпонскую деятельность он был арестован японской полицией и посажен в тюрьму. Выйдя оттуда, он вместе с семьей переправился в северо-восточную Маньчжурию. Мать Ким Ирсена — Кан Бансок (1892–1932) также была одним из лидеров антияпонского движения. Родившись в революционной семье, Ким Ирсен с ранних лет включился в антияпонскую революционную борьбу. С 1923 по 1925 г. он по настоянию отца пытался учиться в родных местах в Корее, но, узнав об очередном аресте отца японской полицией, в январе 1925 г. снова вернулся в Маньчжурию. После смерти отца 5 июня 1926 г. Ким Ирсен приступил к активной революционной деятельности.

Слово «революционная» означает, что своей целью Ким Ирсен видел не только освобождение родины от японского колониального господства, но и построение нового справедливого общества рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. 7 октября 1926 г., находясь в

⁹² Надо отметить, что официальная южнокорейская историография 1990-х годов, по крайней мере на уровне справочных изданий, предпочитает не вступать в полемику и излагает события биографии Ким Ирсена так, как они представлены в северокорейской историографии.

⁹³ Подробнее см.: Краткая история революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян, 1982; *Ким Ир Сен*. Мемуары. В водовороте века. Т. 1–4. Пхеньян, 1992–1994; Очерк корейской истории. Кн. 2. Пхеньян, 1995, и др.

уезде Хуадянь провинции Гирич (на литературном пекинском диалекте — Цзилинь), Ким Ирсен создал молодежный Союз свержения империализма. Через год, 27 августа 1927 г., в городе Гирич он реорганизовал Союз свержения империализма в Антиимпериалистический союз молодежи, а 28 августа создал Коммунистический союз молодежи Кореи. С 15 января 1928 г. под руководством Ким Ирсена стала выходить революционная газета «Новый день» («Сэналль»), названная по имени революционной детской организации, созданной им еще в 1926 г. Осенью 1929 г. ряд молодых корейцев-патриотов, обвиненные в антияпонской деятельности были заключены в гиричскую тюрьму, где находились по май 1930 г.

С 30 июня по 2 июля 1930 г. в городе Калунь Ким Ирсен провел совещание руководящих работников Коммунистического союза молодежи Кореи и Антиимпериалистического союза молодежи Кореи, на котором определил характер корейской революции и изложил принципы идей *чучхе*, т. е. «самостоятельности» и уникальности корейского революционного пути. Уже 3 июля 1930 г. Ким Ирсен создал первую корейскую партийную организацию типа *чучхе*, в которую вошли молодые коммунисты. А 6 июля в местечке Гуяюшчу на собрании партийных и комсомольских кадров провозгласил создание Корейской революционной армии (КРА). С июля 1930 г. первые группы КРА стали совершать нападения на японские полицейские участки и вооруженные формирования японцев как в Маньчжурии, так и на территории Кореи — в провинции Южная Хамгён.

С осени 1930 г. по предложению товарищей⁹⁴ — соратников по борьбе Ким Ирсен перестал называть себя Сончжу, взяв имя «Ирсен», т. е. «Становление солнца». Таким образом, новое имя должно было отражать роль Ким Ирсена как лидера освободительного революционного движения.

В начале 1931 г. Ким Ирсен распространил свою деятельность на северо-восточные границы Кореи, в бассейн реки Туманган. После того как 18 сентября японцы начали вооруженное вторжение в Маньчжурию, Ким Ирсен решил изменить форму вооруженной борьбы корейских революционеров, развернув партизанскую войну. Поэтому 25 апреля 1932 г. в уезде Аньту им была создана Анти-японская народная партизанская армия (АНПА). С лета 1932 г. до начала 1933 г. в бассейне реки Туманган, на китайской стороне,

⁹⁴ В 1920–1930-е годы многие деятели корейского подпольного антияпонского движения, не обязательно левого направления, называли друг друга товарищами (*тончиси*).

начали создаваться так называемые «партизанские освобожденные районы»⁹⁵. На их территориях партизаны образовывали «народно-революционные правительства». С марта 1934 г. Ким Ирсен принял план перестройки Антияпонской народной партизанской армии в Корейскую Народно-революционную армию (КНРА), которая завершилась в 1934 г. В 1935 г. в связи с японскими карательными походами против корейских освобожденных партизанских районов Ким Ирсен принял решение об их расформировании. На это потребовалось время с мая по ноябрь 1935 г. Одновременно в конце 1935 — начале 1936 г. был предпринят очередной военный поход КНРА в Северную Маньчжурию.

С начала 1936 г. Ким Ирсен развернул подготовительную работу по созданию единого антияпонского национального фронта, и 5 мая 1936 г. в Дунгане уезда Фусун было объявлено о создании «Лиги возрождения Родины» (*Чогук кванбокхве*). Тогда же были приняты ее программа, устав, учредительная декларация. Во главе Лиги встал Ким Ирсен, взяв себе еще одно имя — Тонмён, что значит «Свет Востока» (т. е. «Свет Кореи»).

Одновременно была развернута работа по созданию партизанской опорной базы в районе пограничных с Кореей гор Пэктусан (с китайской стороны). В ответ японские власти организовали ряд карательных операций, с тем чтобы не допустить закрепления в этих местах корейских партизан. Отряды КНРА сумели достойно отразить нападение врага, вступив с бой с японскими отрядами 14, 20 и 26 февраля 1937 г. в районе уезда Чанбай. Весной 1937 г. было решено совершить рейд КНРА вглубь территории самой Кореи. Ким Ирсен лично возглавил поход в селение Почхонбо, расположенное на южном берегу реки Амноккан, в ее верхнем течении. Атака началась в 10 часов вечера 4 июня 1937 г. Главными целями отряда КНРА стали японский полицейский участок, местная управа, здание пожарной команды и другие японские учреждения. Одержав победу, корейский партизанский отряд вернулся на свою базу на китайской территории.

Летом 1937 г. КНРА подверглась значительным ударам со стороны японских карательных войск вследствие непродуманного вы-

---

⁹⁵ Следует отметить, что несколькими годами ранее, в 1928 г., Коммунистическая партия Китая создала собственную Красную армию. Одновременно в местах базирования армии стали образовываться «революционные базы», или «советские районы». Возможно, здесь следует говорить о влиянии китайской практики создания «советских районов» (по крайней мере, на официальную северо-корейскую историографию).

ступления ряда антияпонских партизанских формирований (в том числе и китайских) в районе реки Жэхэ, с целью захвата столицы Маньчжоу-го — города Чаньчунь, что в свою очередь являлось исполнением указаний Коминтерна.

В последующие годы отряды КНРА, руководимые Ким Ирсеном, продолжали активную деятельность главным образом в районе гор Пэктусан, создавая там временные тайные опорные базы. Они послужили основой для подготовки и укрепления отрядов КНРА, принимавших активнейшее участие в последующем освобождении страны от японского колониального господства.

Таким образом, северокорейская историография демонстрирует легитимность становления Ким Ирсена как будущего лидера КНДР.

Второй подход в изложении истории революционной деятельности Ким Ирсена сводится главным образом к отрицанию целого ряда фактов, отраженных в северокорейской историографии, или же к их уточнениям, в целом несколько принижающим роль Ким Ирсена в антияпонской борьбе⁹⁶.

Представители данного подхода утверждают, что родители Ким Ирсена не были революционерами. Мало того, они являлись протестантскими верующими. Хотя факт участия Ким Хёнчжика в антияпонской деятельности все же не отрицается. Действительно, с начала 1930-х годов Ким Ирсен участвует в партизанском движении, но не в отрядах, организованных им самим, а в отрядах, созданных Коммунистической партией Китая, — во Второй партизанской армии при Объединенной северо-восточной партизанской армии.

Что касается создания в июне 1936 г. Лиги возрождения Родины, то южнокорейская историография описывает это так. Ким Ирсен вообще не имел никакого отношения к ее деятельности. Действительно, первоначальное название лиги звучало как «Лига возрождения Родины корейцев [проживающих] в Маньчжурии» (*Чэман ханин чогук кванбокхве*), где слово «кореец» передавалось через название Кореи — *Хан*, которое чаще всего избирали корейские патриоты «демократической» или «буржуазно-националистической» ориентации. Корейские коммунисты и социалисты, как правило, предпочитали пользоваться другим названием Кореи — *Чосон*. Во главе Лиги стояли местные корейские деятели движения за независимость: О Сон-нун, Ом Сумён, Ли Санчжун. Лига приняла программу из 10 пунк-

⁹⁶ Подробнее см.: Ланьков А. Н. Ким Ир Сен: попытка биографического очерка // Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995.

тов, старалась объединить в своих рядах корейских представителей всех классов, сословий и вероисповеданий. Лига открыла подпольные филиалы в корейских городах Вонсан, Хамхын, Хыннам, Мёнчхон, Сончжин, Кильчжу, т. е. вдоль северо-восточного побережья Кореи, издавала журнал «Первое марта». Она принимала участие в вооруженной партизанской деятельности в Маньчжурии в составе корейского подразделения — шестой дивизии Второй партизанской армии. И, с точки зрения южнокорейских исследователей, самым значительным вооруженным выступлением, связанным с деятельностью Лиги, был как раз упоминавшийся бой в Почхонбо.

Однако даже самые скептически настроенные по отношению к личности Ким Ирсена отечественные авторы не отрицают того, что во время рейда 4 июня 1937 г. в Почхонбо двумя сотнями корейских партизан командовал именно он. Общеизвестен и признан в южнокорейской историографии также тот факт, что после боя партизаны раздавали местному населению листовки с программой из 10 пунктов Лиги возрождения Родины. Если бы Ким Ирсен не был связан с Лигой, то он бы не стал распространять текст документа, отражающего ее деятельность.

После успешного нападения на Почхонбо японцы, как уже отмечалось, неоднократно организовывали карательные экспедиции, для того чтобы расправиться с партизанскими отрядами под командованием Ким Ирсена. В особенности трудными для партизан стали 1939–1940 гг. В конце декабря 1940 г. Ким Ирсен вместе с группой партизан был вынужден перейти на территорию Советского Союза, где он прожил почти пять лет. В СССР он продолжил свою деятельность в качестве офицера особой 88-й отдельной стрелковой бригады Красной армии (с 1942 г.), сформированной из маньчжурских партизан, надеясь когда-нибудь вернуться в Маньчжурию или Корею и продолжить борьбу за независимость своей родины.

Таков взгляд западных, южнокорейских и современных российских историков на биографию Ким Ирсена в 1920-х — начале 1940-х годов. Конечно же, этот вариант биографии не показывает его фигуру столь грандиозной и героической, как северокорейская версия жизни «великого вождя». Однако и в таком, более скромном виде, история антияпонской деятельности Ким Ирсена свидетельствует о том, что он был далеко не последним лицом в маньчжурском движении за независимость Кореи в 1930-е — начале 1940-х годов.

Спад движения за независимость Кореи внутри страны в конце 1930-х — начале 1940-х годов, переход в то время на советскую тер-

риторию корейских партизан из Маньчжурии были связаны с новым положением Японии в мире и вытекавшей из этого новой политикой Японии в Корее и Маньчжурии. Действительно, в первой половине 1940-х годов Корея прошла, пожалуй, через самые тяжелые за весь период японской колонизации испытания.

Глава 12. КОРЕЯ В ГОДЫ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Используя марионеточное маньчжурское государство в качестве военного плацдарма, 7 июля 1937 г. Япония начала войну против Китая. С этого времени у Японии стали ухудшаться экономические отношения со странами Запада. Жизнь страны была поставлена на службу войне. В 1938 г. в Японии был принят закон о всеобщей мобилизации, позволявший привлекать для военных целей любые материальные и трудовые ресурсы. С лета 1940 г. прекратили свою деятельность все политические партии страны. 27 сентября 1940 г. в Берлине оформился тройственный союз между Германией, Италией и Японией. После этого были полностью прерваны торговые отношения с главным внешнеэкономическим партнером — США.

В ночь с 7 на 8 декабря 1941 г. Япония вступила во Вторую мировую войну, напав на Пёрл-Харбор — военно-морскую базу США на Гавайских островах. Экономическая ситуация в стране становилась все хуже. Не хватало солдат для армии и рабочих для заводов. С 1943 г. в японскую регулярную армию стали набираться те, кому было за 40 лет, а также студенты. С 1944 г. на заводах начали работать учащиеся средних школ. С 1941 г. в Японии были введены карточки на рис.

Экономические трудности и ограничение политических свобод конца 1930-х — первой половины 1940-х годов в некогда процветавшей Японии не могли не отразиться на ее колонии — Корее, всегда находившейся в более тяжелом положении, чем метрополия.

Тема настоящей главы будет изложена в двух аспектах: 1) рассмотрение главных моментов, характеризующих положение Кореи в конце 1930-х — начале 1940-х годов; 2) знакомство с новыми направлениями движения за независимость и тем местом, которое в них занимали идеи коммунизма, социализма, равноправия, особой роли государства. Все это поможет понять причины того, почему

возникло разделение страны на Север и Юг. (Эти причины совсем не так просты, как это может показаться с первого взгляда, и не сводятся лишь к дислоцированию на территории Кореи союзных войск СССР и США.) Почему именно в Северной Корее было создано государство, строившее социализм? Почему столь велико было желание США оккупировать южную часть Корейского полуострова, и почему первые годы независимого существования для Северной Кореи оказались более благополучными, чем для Южной?

В отечественном корееведении время конца 1930-х — начала 1940-х годов еще не привлекло достаточного внимания историков. Наиболее полное освещение этого периода представлено в соответствующих главах второго тома коллективного труда «История Кореи» (М., 1974), принадлежащих перу Г. Ф. Кима и Ф. И. Шабшиной.

§ 1. Положение Кореи в годы японо-китайской и Второй мировой войны

В конце 1930-х — начале 1940-х годов в развитии Кореи наблюдались две основные тенденции: 1) стремительная индустриализация и общий экономический рост, положительно не отражавшийся на уровне жизни простого народа, и 2) ужесточение колониального режима и курс на подавление национальной корейской культуры.

Объективной причиной **общего экономического роста в Корее** было вступление Японии в войну с Китаем, а затем — во Вторую мировую войну и последовавший рост потребностей в развитии японской оборонной промышленности. Для этого требовалось сырье, которого в Японии, как известно, было крайне недостаточно. В то же время северная часть Корейского полуострова была богата месторождениями каменного угля и железной руды. Поэтому главным объектом промышленного развития Кореи стали горнодобывающая и горнообрабатывающая промышленность.

В Корее добывали вольфрам, молибден, свинец, графит. Важнейшими видами продукции горнорудной промышленности были уголь и железная руда. С 1941 по 1944 г. объем добычи угля в Корее вырос с 6 до 8 млн т, железной руды — с 2 до 3 млн т. Основная часть железной руды добывалась на мусанских рудниках провинции Северная Хамгён. За период с 1937 по 1944 г. валовая продукция горнорудной промышленности выросла в 3 раза, а железной руды — в 16 раз. Сырье частью вывозилось в Японию, частью перерабатывалось в Корее. Поэтому вместе с горнорудной промышленностью

развивалась металлургическая. В 1940 г. было пущено в эксплуатацию крупнейшее в Корее металлургическое предприятие в городе Чхончжин, принадлежавшее японской корпорации *Ниппон сэйтэцу* («Японские металлургические предприятия»).

Важное место в развитии оборонной промышленности занимала химическая отрасль. Еще до начала японо-китайской войны более четверти продукции химической промышленности Кореи (в стоимостном выражении) имело военное назначение, а еще одну четверть составляли химические удобрения. Крупнейшим центром химической промышленности являлся город Хыннам провинции Южная Хамгён, где располагался завод азотных удобрений, на котором также производился порох. После вступления Японии в войну с Китаем в Корее было построено множество новых предприятий химической промышленности, таких, как, например, химический комбинат в Пхеньяне и заводы жидкого топлива в Вонсане.

В машиностроительной промышленности Кореи также произошли изменения. Если до войны в Корее производили главным образом оборудование для горной промышленности, железнодорожные подвижные составы и небольшие суда, то в военное время появились автосборочные и авиасборочные предприятия.

Интенсивный рост промышленности Кореи, втянутой в войну, требовал развития электроэнергетики. В 1941 г. была построена крупнейшая Сунхунская гидроэлектростанция в нижнем течении реки Амноккан. Всего к концу войны в Корее существовало около 150 крупных электростанций, которые полностью контролировались японским капиталом.

Захват Японией Маньчжурии в 1931 г., а затем вступление в войну с Китаем в 1937 г. стали объективными причинами развития в Корее железнодорожного транспорта, который играл роль связующего звена между Японией и Китаем. В условиях войны он был более безопасным, чем морской. Большая часть железных дорог принадлежала государству (Японии).

Крупнейшими портами, в развитие которых Япония вкладывала немалые средства, были Пусан на южной оконечности Корейского полуострова — морские ворота Кореи, Чемульпхо (Инчхон), открывавший дорогу на Сеул по реке Ханган, и Нампхо, связанный с Пхеньяном по реке Тэдонган.

Говоря об индустриализации Кореи в конце 1930-х — начале 1940-х годов, следует отметить, что главным объектом промышленного развития была северная часть Корейского полуострова, наибо-

лее богатая полезными ископаемыми. Действительно, в 1940-е годы 85 % угля, 85 % металлургической продукции, 88 % продукции химической промышленности давал север Кореи. В 1945 г. электростанции северной части Кореи, наиболее богатые гидроресурсами и углем, вырабатывали 92 % всей электроэнергии Кореи. Поэтому вполне понятно, почему после разделения Кореи на Север и Юг (в результате освобождения Кореи от японского колониального господства) экономическое положение двух частей оказалось настолько различным.

В заключение краткого обзора экономических изменений в Корее рубежа 1930–1940-х годов следует отметить еще один важный момент. Рост промышленного производства на севере Кореи естественным образом приводил к росту численности рабочего класса. Всего в Корею к концу войны насчитывалось до 2 млн рабочих при общей численности населения в 25 млн человек. Работа на новых, оснащенных по последнему слову техники предприятиях требовала повышения образовательного уровня рабочих. В 1930–1940-е годы в среде рабочих были достаточно популярны или, по крайней мере, могли быть восприняты идеи социализма. Таким образом, география экономического развития Кореи того времени создавала почву для более безболезненной адаптации социалистической модели государственного развития именно в северной части полуострова.

Однако, как уже отмечалось, планомерное экономическое развитие Кореи осуществлялось Японией отнюдь не в интересах корейского народа. Свидетельство тому — политика, которую проводила в это время японская колониальная администрация в отношении корейской культуры, корейской нации как таковой. В современной историографии эта политика определяется как **«политика уничтожения нации»**.

В 1937 г. после начала японо-китайской войны был издан указ о запрещении употребления корейского языка в государственных учреждениях. «Неграмотные» корейцы должны были пользоваться услугами переводчика. С 1938 г. было прекращено преподавание корейского языка в школах⁹⁷. Теперь японский язык стал называться «родным языком».

Для борьбы с употреблением корейского языка в школах японские учителя ввели систему наказаний и премий. Так, в отдельных

---

⁹⁷ В отечественной литературе указывается, что запрет на употребление корейского языка в школах был введен только в 1942 г.

школах всем учащимся выдавались особые талоны, по десять на неделю. Если кто-то из соучеников говорил в школе по-корейски, то каждый имел право отнять у нарушителя талон. В конце недели проходила проверка. Если у ученика было меньше десяти талонов, ему полагалось наказание, например, удары палкой по рукам. Если больше — ученик получал подарки в виде карандашей, тетрадей и т. п. Имевшему десять талонов обеспечивалась «спокойная жизнь». Иногда за употребление корейского языка могли брать денежные штрафы⁹⁸.

С конца 1930-х годов в Корее все интенсивнее стала разворачиваться пропаганда теории об общих корнях корейского и японского народов, в которой японский народ занимал доминирующее место. Для того чтобы окончательно воплотить эту теорию в жизнь, в конце 1939 г. в Корее был распространен указ, согласно которому с 11 февраля 1940 г. начиналась кампания по замене корейских фамилий на японские. Иными словами, исходя из своей корейской фамилии, которая состояла из одного слога, нужно было выбрать соответствующую японскую. Вместе с фамилией нередко приходилось менять и имя. Таким образом, по замыслу инициаторов кампании, на территории Корейского полуострова все корейцы должны были «стать японцами».

Акт замены фамилий стал огромной трагедией для населения Кореи, практически каждый знал свою генеалогию на многие столетия вглубь веков и гордился этим. Замена фамилий, помимо того, что лишала корейца его национального лица, не давала возможности совершать многочисленные ритуалы и церемонии годового и жизненного циклов, такие, как, например, ежегодные церемонии кормления духов предков. Поэтому многие корейцы, в особенности люди среднего и пожилого возраста, не соглашались менять фамилии даже под страхом смерти. Формально кампания была «успешно» завершена уже к 10 августа 1940 г. По отчетам к этому времени около 80 % корейцев сменили фамилии. Реально же новые японские имена и фамилии употреблялись исключительно в официальном делопроизводстве, присутственных местах и т. п., в то время как в повседневной жизни люди, естественно, пользовались своими национальными именами.

Однако некоторые представители корейской интеллигенции и национальной буржуазии поддерживали кампанию по замене имен. Сре-

⁹⁸ Из бесед с корейским переводчиком в г. Сунчхоне (КНДР) тов. Ли в 1988 г.

ди них был корейский писатель Ли Гвансу (1892–?, после 1950 г.), в свое время воспринимавшийся корейским населением как патриот. Он взял себе имя Каяма Мицуо.

В августе 1940 г. были закрыты две крупнейшие корейские газеты, издававшиеся на корейском языке, — «*Чосон ильбо*» и «*Тона ильбо*». В октябре 1942 г. было разогнано «Научное общество корейского языка» (*Чосон хакхве*). Его руководители — Ли Юнчжэ, Ли Гынно, Хан Чжин, Ли Хисын и многие другие, продолжавшие, несмотря на все запреты, бороться за сохранение национального языка, были арестованы и осуждены на тюремное заключение.

Со второй половины 1930-х годов японская администрация стала активно внедрять в Корею японскую национальную религию *синто*, во главе которой стоял японский Император. Во всех корейских учебных заведениях школьников и студентов насильно заставляли поклоняться божествам *синто*, в корейских жилых домах хозяев обязывали вывешивать табличку духа легендарной основательницы японской нации, богини солнца Аматэрасу. Даже в католических и протестантских церквях корейцев заставляли поклоняться духам *синто*. Редкие случаи неповиновения, как, например, пастора Чу Гичхоля (1897–1941), жестоко карались.

По замыслу японских колонизаторов, корейцы должны были все как один подняться на борьбу во имя побед японского народа, имевшего «общие корни с корейским». Корейцы должны были стать «народом-слугой» Империи. В феврале 1938 г. был опубликован закон о «добровольном» наборе корейцев в имперские сухопутные войска. В эти войска шли главным образом неимущие выходцы из деревни, доведенные до состояния крайней нищеты японской колониальной политикой. С 1942 г. в корейских школах было введено обязательное военное обучение, а с 1943 г. (как и в Японии) в армию стали призываться учащиеся школ. Корейцами комплектовались не только сухопутные войска, но и флот. Всего за годы двух войн в японской армии вынуждены были служить 360 тыс. корейцев.

Однако японцам требовались не только корейские солдаты, но и все материальные и трудовые ресурсы страны. В апреле 1938 г. был опубликован Закон «О всеобщей мобилизации во имя государства», согласно которому японская колониальная администрация могла использовать любые материальные и трудовые ресурсы Кореи для нужд войны. Действительно, в годы японо-китайской и Тихоокеанской войны (12.1941–08.1945) действовал Закон «О регулировании распределения зерновых Кореи», согласно которому око-

ло 40–60 % сельскохозяйственной продукции изымалось на военные нужды; 667 648 корейцев были привлечены к самым разнообразным работам, главным образом на рудниках, оборонных заводах, строительстве оборонительных сооружений. Нередко в целях соблюдения «секретности» после завершения работ корейских рабочих убивали.

Среди всех видов «использования корейских людских ресурсов» особой жестокостью отличалось создание так называемых подразделений несгибаемых (*чонсиндэ*) по указу от 23 августа 1944 г., которые комплектовались из корейских девушек и женщин в возрасте от 12 до 40 лет. Формально труд женщин, набранных по этому указу, мог использоваться и на оборонных заводах. Однако большинство из них отправляли в японскую армию. Днем девушки и женщины работали поварами, прачками, медсестрами или даже подносчицами боеприпасов, а по ночам должны были исполнять обязанности «женщин-успокоительниц» (*вианбу*). В среднем на каждую «женщину-успокоительницу» приходилось по 29 солдат, а в конце Тихоокеанской войны число солдат могло доходить до сотни. Считается, что в японскую армию было привлечено от 140 до 180 тыс. корейских женщин.

Пожалуй, самым трагичным в истории Кореи конца 1930-х — начала 1940-х годов было то, что в корейском обществе появлялось все больше людей, которые поддерживали идею единения Кореи с Японией, японскую политику как в самой Корее, так и в окружающем мировом пространстве. В годы войны возникали всевозможные «патриотические» общества, имевшие своей целью «воспитание» корейского народа, «совершенствование» его духа, мобилизацию его сил во имя интересов «великой» японской Империи. В такие общества входили главным образом представители корейской буржуазии, разбогатевшей на оборонных заказах, а также часть интеллигенции, нашедшей свое место в условиях безжалостной машины японского колониального режима.

К сожалению, среди них были и довольно известные представители тех, кто в свое время боролся с Японией за независимость страны. Так, Юн Чхихо (1865–1946), участвовавший в перевороте реформаторов 1884 г., являвшийся одним из руководителей Общества независимости (1896–1898), пострадавший в 1911 г. по «делу 105» в связи с обвинениями в подготовке убийства генерал-губернатора Тэраути Масатакэ, известный лидер движения за независимость, в 1938 г. стал членом прояпонской «Корейской лиги за гражданский дух всеобщей мобилизации» (*Кунмин чонсин чхондонвон Чосон ёнмэн*), а

1941 г. — одним из руководителей прояпонской «Корейской временной военной организации служения родине» (*Чосон имчжон погуктан*). После освобождения Кореи Юн Чхихо покончил жизнь самоубийством. Знаменитый корейский литератор и историк, автор севильской Первомартовской Декларации независимости Чхве Намсон также вошел в руководство «Корейской временной военной организации служения родине».

К 1940 г. в Корее уже выросло молодое поколение, для которого независимость Кореи была чем-то абстрактным, неосознанным, а японское колониальное господство «естественной» реальностью. Среди элиты корейского общества в самой Корее уже не осталось людей, способных возглавить движение за независимость. Карательные мероприятия японской колониальной администрации ужесточились как никогда. Рабочий класс севера страны еще не мог стать лидирующей силой в борьбе за возрождение родины. И только корейское патриотическое движение за рубежом по-прежнему отличалось достаточной активностью.

§ 2. Новая стадия движения за независимость

В конце 1930-х-начале 1940-х годов зарубежное корейское движение за независимость, так же как и в предыдущее десятилетие, имело свои центры в Китае, США и СССР.

В южнокорейской историографии основное внимание акцентируется на тех тенденциях, которые складывались в корейском движении за независимость в Китае как наименее подверженном влиянию «внешних сил». Здесь на рубеже 1930–1940-х годов сформировались два блока — «левый» и «правый». К 1944 г. им удалось объединиться.

Обратимся к истории создания «левого» блока национально-освободительного движения, которое возглавил Ким Вонбон (1898–?, после 1958 г.). Ким Вонбон стал участником движения за независимость Кореи в 1921 г., находясь в Китае, куда приехал впервые еще в 1915 г. Здесь же он получил военное образование в гоминьдановской военной школе на острове Хуанпу (Вампу), возглавлявшейся Чан Кайши. Ким Вонбон интересовался марксизмом и в 1929 г. основал в Пекине «Институт ленинской политики». Имея военное образование, он прилагал немалые усилия для создания офицерских кадров будущей корейской армии освобождения. Так, в 1932 г. Ким Вонбон открыл в Нанкине Корейскую офицерскую школу.

В том же году из двух Партий независимости Кореи (*Хангук тонниптан* и *Чосон тонниптан*), Новой корейской партии независимости (*Синхан тонниптан*), Корейской революционной партии (*Чосон хёнмёндан*), Великой корейской партии независимости (*Тэхан тонниптан*) при активном участии Ким Вонбона был создан «Корейский объединенный союз антияпонского фронта» (*Хангук тэиль чонсон тхониль тонмэн*). Действительно, после ликвидации в Корее в 1932 г. «Общества обновления» (*Синганхве*) многие представители патриотических сил переправились в Китай и активно включились в национально-освободительную борьбу. В начале 1930-х годов Союз антияпонского фронта стал фактически второй значимой силой, объединявшей корейские патриотические силы в Китае, после Временного правительства Республики Корея в Шанхае.

В июне — июле 1935 г. в Нанкине из Корейского объединенного союза антияпонского фронта Ким Вонбон образовал Корейскую национальную революционную партию (*Хангук минчжок хёнмёндан*). Во главе новой партии встал сам Ким Вонбон; коммунист по убеждениям Ким Дубон (1889–1961?) стал заведующим организационным отделом. Однако часть руководящих постов занимали представители «правого» крыла движения за независимость, например, Ким Гюсик (1877–1950), бывший министр иностранных дел Временного правительства. Окончательное «полевение» партии произошло в 1937 г., когда в ее ряды вошли представители корейского коммунистического движения, переправившиеся в Китай из Кореи. Тогда в названии партии «правое» имя Кореи «Великая Хан» поменяли на «левое» «Утренняя Свежесть».

Среди важнейших программных требований строительства будущего независимого государства были указаны следующие: 1) государственная собственность на землю и равное распределение земли между крестьянами; 2) государственное управление крупными или «монопольными» предприятиями; 3) государственное планирование. Требования эти основывались на так называемом принципе «равенства трех», т. е. принципе сбалансированности отношений между личностью, нацией и государством или между политикой, экономической и народным образованием.

Таким образом, в программе Корейской национальной революционной партии были намечены элементы будущего строительства государства социалистического типа или по крайней мере с элементами социализма. Возможно, именно по этой причине часть корейских патриотов правого крыла со временем вышли из рядов партии.

Однако события японо-китайской войны трагически повлияли на судьбу партии. Штаб-квартира ее со дня основания находилась в Нанкине. Когда в октябре японские войска подошли к Нанкину, штаб-квартира переехала в Ухань. После падения Уханя партия прекратила свое существование. Сам Ким Вонбон отправился в Чунцин, где расположилось Временное правительство Республики Корея, и впоследствии вошел в его состав. При этом в 1938 г. он создал «Лигу фронта корейской нации» (*Чосон минчжэок чонсон ёнмэн*), которая стала новым центром левых сил корейского движения за освобождение в Китае.

Почему в «буржуазное» правительство, возглавлявшееся лидером правого крыла Ким Гу (1876–1949), вошел Ким Вонбон, человек левых убеждений?

Это случилось потому, что сам Ким Гу постепенно пришел к идее объективной необходимости преобразований с элементами левой ориентации в будущей свободной Корее. В 1937 г., пытаясь расширить и укрепить антияпонский патриотический фронт правых сил, Ким Гу образовал «Объединенный союз организаций движения за возрождение Кореи» (*Хангук кванбок ундон танчхэ ёнхапхвэ*). Однако уже в 1939 г. Ким Гу и Ким Вонбон пришли к мысли о необходимости объединения левых и правых сил в единый антияпонский фронт, по поводу чего распространили совместное «Открытое послание товарищам и соотечественникам» (*Тончжэси, тонпхо-еге понэынн конгэчжан*). В открытом послании была представлена относительно умеренная программа строительства нового корейского государства после освобождения. Речь шла о необходимости строительства *независимого* корейского государства; экспроприации, т. е. «возврате» японской собственности в Корее, а также собственности прояпонски ориентированных корейцев; государственном управлении промышленностью, транспортом, банками в «переходный период»; распределении земли между крестьянами и запрете купли-продажи земли.

Тогда из-за противодействия ряда членов правого Объединенного союза реализовать идею единого фронта не удалось. Однако объективное положение Кореи привело к тому, что в опубликованной в ноябре 1941 г. программе Партии независимости Кореи (*Хангук тонниптан*), воссозданной Ким Гу 9 мая 1940 г., был провозглашен принцип «равенства трех», на котором ранее настаивал Ким Вонбон. 28 ноября 1941 г. Временное правительство Республики Корея опубликовало «Программу государственного строительства Республики Корея». В ней были обозначены следующие: 1) проведение всеоб-

щих равноправных выборов; 2) создание системы обязательного оброзования; 3) государственная собственность на землю и распределение земли между крестьянами; 4) государственная собственность на крупные предприятия.

Таким образом, в начале 1940-х годов в представлениях правого лидера движения за независимость Ким Гу о будущем корейского государства появились отдельные элементы социализма. Однако это вовсе не означало, что Ким Гу вдруг стал разделять левые взгляды. Наоборот, он всегда довольно негативно относился к марксизму, классовой борьбе, классовой диктатуре (хотя не принимал и западные представления о свободе). Подобное внешнее «полевение» взглядов Ким Гу было отражением социально-экономических реалий Кореи: все крупные предприятия, большая часть земли находились в руках японцев или их приспешников.

Как можно было распорядиться крупными предприятиями и землей после будущего освобождения Кореи? Продавать их было некому, потому что достаточным количеством финансов обладали только иностранцы или коллаборационисты. Для последних освобождение Кореи означало неминуемый суд и наказание. Только землю можно было безвозмездно раздать крестьянам, что и предполагалось сделать.

Таким образом, в результате относительного сближения программ двух блоков, ужесточения японской колониальной политики подавления корейского народа, перелома в ходе Второй мировой войны, когда освобождение Кореи становилось реальным, создавалась база для объединения двух блоков — под руководством Ким Вонбона и Ким Гу — в рамках Временного правительства.

В мае 1942 г. было принято решение о том, что Ким Вонбон становится заместителем главнокомандующего Армией возрождения Кореи (*Хангук кванбожжун*), которая была создана в сентябре 1940 г. и подчинялась Временному правительству. Окончательное соединение двух блоков произошло в апреле 1944 г. и было закреплено принятием пятого, исправленного варианта текста Конституции Республики Корея. По оценкам историков Сеульского университета, новое коалиционное правительство можно определить как «социал-демократическое»⁹⁹.

Учитывая объективную предрасположенность колонизированной Кореи к установлению государственности с элементами социализма,

⁹⁹ Хангукса тхыккан (Спецкурс по истории Кореи). Сеул, 1990. С. 270.

а также «полевение» Временного правительства Республики Корея к середине 1940-х годов, становится понятным, почему ряд западных держав не противился идее оккупации Кореи после освобождения от японского господства.

С начала 1940-х годов Временное правительство стало предпринимать активные шаги с целью признания его как единственного законного правительства после освобождения Кореи. 1 марта 1942 г., в 23-ю годовщину Первомартовского движения, Временное правительство приняло обращение к Китаю, США, Англии и СССР с призывом признать его законность.

Каирское совещание в ноябре 1943 г. с участием президента США Т. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и главы гоминьдановского Китая Чан Кайши, на котором было заявлено о предоставлении Кореи независимости, воодушевило Ким Гу, и он решил попробовать добиться признания Временного правительства если не одновременно у всех ведущих мировых держав, то хотя бы постепенно. Запросы о признании Временного правительства отправлялись на имя Чан Кайши 3 июля и 5 октября 1944 г., но оставались без ответа, несмотря на искреннее сочувствие Временному правительству со стороны главы Китайской Республики. Ким Гу надеялся хотя бы через военное сотрудничество с армией *гоминьдана* и войсками США, находившимися в Китае, добиться участия Армии возрождения Кореи в операциях по освобождению Кореи и тем самым обеспечить будущую легитимность передачи власти Временному правительству.

Однако все его попытки оказались практически безуспешными. У союзных государств — СССР и США были свои планы насчет путей разгрома милитаристской Японии и последующего освобождения Кореи, и в них не было места почти неизвестному в обеих странах Временному правительству, которое, с точки зрения США, было чересчур «левым», а с точки зрения СССР — слишком «правым».

У будущих стран-освободительниц были «свои» представители корейского национально-освободительного движения, причем не какие-нибудь безымянные «ставленники», а люди, хорошо известные в Кореи и являвшиеся в некотором роде символами движения за независимость. Так, в США с 1904 г. в течение многих десятилетий проживал Ли Сынман, объединивший вокруг себя патриотические круги корейских соотечественников в США.

У СССР также к 1945 г. появился «свой» лидер движения за независимость — Ким Ирсен, прославившийся с конца 1930-х годов

антияпонскими партизанскими рейдами в Маньчжурии и у северных границ Кореи. Как уже упоминалось, по версии отечественной историографии 1990-х годов, Ким Ирсен с 1942 г. занимал заметные посты в отдельной 88-й стрелковой бригаде, сформированной на Дальнем Востоке из маньчжурских партизан. Согласно северокорейской историографии, Ким Ирсен все это время находился в Маньчжурии, но в июле 1945 г. прибыл в Хабаровск, где обсуждал с командованием Красной армии вопрос о совместных действиях с Корейской Народно-революционной армией. В любом случае «легендарный» Ким Ирсен был хорошо знаком советскому военному руководству, что не отрицается историками.

Именно этим лидерам движения за независимость, тесно связанным с будущими странами-освободительницами Кореи, и предстояло сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии ее истории.

Часть IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КОРЕИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА

Глава 1. ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ ОТ ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА. ПРОБЛЕМА ВОССОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 1945–1948 годах

Как уже отмечалось во введении, в представляемой читателю книге за водораздел между новой и новейшей историей Кореи условно принимается 1945 г. — год освобождения страны от японского колониального господства. Такая периодизация отличается от принятой в отечественной историографии, в которой новейшую историю Кореи начинают с Октября 1917 г. Среди причин, по которым автор настоящей работы придерживается подобной периодизации новейшей истории, выделим два основных момента: 1) известная степень замедления поступательного развития Кореи японским колониальным господством, начавшимся в новое время; 2) удобство изложения материала по истории *двух различных* корейских государств, которые фактически стали формироваться с 1945 г.

Начало XXI столетия ознаменовалось рядом важнейших событий и новых тенденций, коренным образом изменивших ситуацию на Корейском полуострове. Поэтому изложение истории Кореи этого периода выделено в особый раздел.

В отличие от предшествующих глав в частях IV и V монографии практически не затрагиваются вопросы культуры Кореи. Культура Северной Кореи, имеющая несомненную ценность, требует нового переосмысления и даже «открытия» вне связи с господствующей в КНДР идеологией. Современная культура Южной Кореи, с точки зрения автора монографии, еще не «устоялась» в такой степени, чтобы окончательно определиться с теми ее достижениями, которые не потеряют своего значения и в последующие столетия.

В то же время желающие познакомиться с культурой современной Кореи могут получить необходимую информацию из опубликованных монографий отечественных корееведов¹.

Освобождение Кореи от японского колониального господства стало важнейшим событием в истории Кореи XX в. Поэтому его рассмотрение является весьма непростым и деликатным вопросом для историографии различных стран. Так, южнокорейские историки особое внимание уделяют деятельности корейских политических лидеров, направленной на освобождение страны и построение новой государственности. И у читателя создается впечатление, что Корея была освобождена главным образом благодаря усилиям корейских патриотов, а не помощи других держав. Северокорейская историография приписывает основные заслуги в освобождении страны Корейской Народно-революционной армии под руководством Ким Ир-сена, которая, по утверждению историков КНДР, даже высаживала в Корею морской и воздушный десант. В советской историографии говорится, что Корею освобождала Красная армия, а в американской — войска США.

§ 1. Освобождение Кореи от японского колониального господства

Для того чтобы освободить Корею от японского колониального господства, требовалось решить две большие задачи: 1) выдворить японские войска и колониальную администрацию с территории самой Кореи, а также с прилегающей к ней территории Китая; 2) разгромить империалистическую Японию.

США, вступившие в войну с Японией еще в 1941 г., очевидно, считали своей основной миссией выполнение второй задачи. Перелом в пользу США в Тихоокеанской войне произошел в мае 1943 г. с началом военной операции на Алеутских островах. Однако боевые действия войск США на суше были не такими успешными, как на море или в воздухе. Американским войскам понадобилось целых 10 месяцев для того, чтобы в июле 1945 г. освободить Филиппины. Разгром Японии без участия соседнего СССР, имевшего колоссальный опыт ведения боевых операций на суше, представлялся невозможным.

---

¹ См.: Толстогулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002; Марков В. М. Искусство Республики Корея второй половины XX века. Владивосток, 2002; Солдатова М. В., Пак К. А. Современная литература Кореи. Владивосток, 2003, и др.

После совещания в Ялте руководителей СССР, Великобритании и США в феврале 1945 г. было решено, что через два-три месяца² после разгрома фашистской Германии СССР вступит в войну с милитаристской Японией.

5 апреля 1945 г. советское правительство денонсировало договор о нейтралитете с Японией, а в мае — июле началась переброска войск и военной техники с запада на Дальний Восток. Берлинская (Потсдамская) конференция антигитлеровской коалиции, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г., подтвердила ялтинские соглашения, касавшиеся участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке.

6 августа 1945 г. американский бомбардировщик «Б-29» сбросил на японский город Хиросиму первую атомную бомбу. 8 августа 1945 г. в рамках обязательств перед союзниками по антигитлеровской коалиции Советский Союз объявил о вступлении в войну с Японией. Основными направлениями удара Красной армии были определены Северо-Восточный Китай, Северная Корея, Южный Сахалин и Курильские острова.

СССР начал военные действия против Японии 9 августа 1945 г. В тот же день (вместо запланированного 12 августа) в 11 часов утра по местному времени американский бомбардировщик сбросил вторую атомную бомбу на японский город Нагасаки.

Советское военное руководство направило в Северную Корею подразделения 25-й армии под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова, входившей в состав 1-го Дальневосточного фронта, а также корабли и части Тихоокеанского флота и авиацию. 12 августа были взяты важнейшие портовые города вблизи границ с СССР — Унги и Начжин. С 13 по 16 августа³ происходили ожесточенные бои за ключевой порт северо-востока Кореи — Чхончжин. 15 августа 1945 г. пришла весть о том, что японский император издал указ о прекращении военных действий. Однако японские войска в Корее не сразу подчинились ему и окончательно прекратили сопротивление только 18 августа. Японский гарнизон в Вонсане, крупнейшем порту восточного побережья, сдался советским войскам

---

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М., 1984. С. 415, 476.

³ В исторической литературе встречается указание на то, что бои за Чхончжин происходили 14–16 августа (см., напр.: За мир на земле Кореи. Статьи и воспоминания. М., 1985; Петухов В. И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987).

только 22 августа. По согласованию с местным японским командованием 24 августа для принятия капитуляции были высажены воздушные десанты в городах Пхеньян и Хамхын. К 25 августа 1945 г. было завершено разоружение японских войск в северной части Кореи, а к началу сентября части 25-й армии вышли к 38-й параллели.

«Общий военный и военно-морской приказ № 1», подготовленный американским командованием 15 августа 1945 г., согласованный с правительствами СССР и Великобритании и изданный 2 сентября, определял 38-ю параллель на Корейском полуострове как линию разграничения принятия капитуляции японских войск войсками СССР и США⁴.

Корея была освобождена. В кровопролитных боях 25-я армия понесла большие потери: ее общие потери на Дальнем Востоке составили 4717 человек, из них около 1500 — убитыми. День 15 августа считается в Корее Днем освобождения. В Северной Корее, несмотря на желание особо отметить заслуги Ким Ирсена в освобождении страны, знают и ценят роль советского народа в избавлении от японского колониального режима. В центральном парке Пхеньяна на горе Моранбон стоит памятник советским воинам, отдавшим свои жизни за освобождение Кореи, за которым жители города заботливо ухаживают и ныне, в начале XXI столетия. Он носит название «Монумент освобождения» (*Хэбантхан*).

Американские войска не только не принимали непосредственного участия в освобождении Кореи⁵, но, напротив, уже после начала боевых действий советской армии они ставили минные заграждения у корейских портов, что затрудняло ведение боевых операций. Американцы высадили свои войска в Японии только 28 августа, и через несколько дней, 2 сентября, на линкоре «Миссури», стоявшем в Токийском заливе, представители союзных держав подписали акт о безоговорочной капитуляции Японии. Войска США были введены в Корею уже после поражения Японии. Поэтому их высадка, начавшаяся в Инчхоне 8 сентября 1945 г., не преследовала целей «принятия капитуляции» или «освобождения». Главной задачей этой операции было помешать тому, чтобы советские войска заняли всю территорию Кореи.

⁴ Петухов В. И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. С. 11.

⁵ Опосредованная роль США в освобождении Кореи бесспорна: США принимали самое активное участие в разгроме милитаристской Японской империи, а значит, и в разрушении японской колониальной системы.

Так началась история более чем полувекового разделения Кореи. Место японской колониальной администрации на короткое время заняли представители союзных войск.

§ 2. Политика СССР в Корее в 1945–1948 годах. Первые шаги на пути создания КНДР

Упразднив японскую колониальную администрацию, освобожденная Корея лишилась институтов, исполнявших функции органов власти. Поэтому для поддержания порядка в северной части Кореи при командующем советскими войсками в сентябре 1945 г. было создано Управление советской гражданской администрации (УСГА)⁶ во главе с генерал-майором А. А. Романенко. (С 1947 г. УСГА возглавил генерал-майор Н. Г. Лебедев.) Начальнику Управления подчинялись советники провинций. Низшей административной единицей УСГА стали советские военные комендатуры, максимальное число которых достигало 113. Их главной задачей было содействие местным органам власти. В директиве ставки Верховного главнокомандующего Красной армией от 20 сентября 1945 г. говорилось, что Красная армия не намеревается вводить в Корею советские порядки или приобретать корейскую территорию, не препятствует образованию демократических партий и организаций и всячески призывает мирное население продолжать свою повседневную деятельность⁷. По свидетельствам очевидцев, проживавших в Корее в годы пребывания там советских войск, советское командование видело будущее Кореи как независимой нейтральной страны с рыночной экономикой.

В это время на севере Корейского полуострова постепенно стали образовываться новые корейские органы власти — «народные комитеты», первый из которых был создан 16 августа 1945 г. Таким образом, в стране появилось 145 комитетов, и они получили поддержку большей части корейского народа. После прихода в южную часть Корейского полуострова американских войск, в декабре 1945 г. народные комитеты там были запрещены. Учитывая, что в 1930-е годы в Корею образовывались «красные рабочие профсоюзы» и «красные крестьянские союзы», появление подобных структур представляется вполне естественным. Некоторые из них создавались под пря-

⁶ Иногда официальной датой образования УСГА считают 3 октября (подробнее см.: Ланьков А. Н. Северная Корея в 1945–1948 гг.: от освобождения до провозглашения КНДР // Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995).

⁷ СССР и Корея. М., 1988. С. 133.

мым руководством «Комитета по подготовке строительства государства»⁸.

В сентябре 1945 г. через Вонсан из Советского Союза в Корею прибыл Ким Ирсен⁹. Тогда из СССР в Корею приезжало немало этнических корейцев, как граждан СССР, так и бывших партизан, для того чтобы оказать помощь советской военной администрации, а также демократическим и коммунистическим организациям, самостоятельно создававшимся корейцами.

Так, 11 сентября 1945 г. в Сеуле была образована Корейская коммунистическая партия (*Чосон консандан*), а 10 октября того же года — ее отделение в Северной Корее, получившее название Северокорейского Оргбюро Коммунистической партии Кореи. Тогда Ким Ирсен не был коммунистическим лидером Северной Кореи, но советское командование предоставляло ему возможности для публичной деятельности. В частности, он выступил на торжественном митинге по случаю освобождения Кореи, проводившемся на Пхеньянском стадионе. Тогда же советские советники приступили к более активной работе. В октябре — ноябре 1945 г. были образованы 10 административных департаментов, оказывавших помощь в деятельности народных комитетов в сфере экономики и культуры.

Вся собственность, принадлежавшая до войны японцам, в качестве трофеев перешла в ведение УСГА (в 1946 и 1947 гг. эта собственность была полностью передана органам народной власти Северной Кореи). Поскольку при отступлении большинство промышленных предприятий Северной Кореи было разрушено японцами, советская администрация сразу же приступила к их плановому восстановлению, для чего из СССР прибывали инженерные кадры и техническая помощь. Уже в первой половине 1946 г. было полностью или частично пущено 228 предприятий.

Таким образом, в первые месяцы после расквартирования войск в северной части Корейского полуострова советское военное командование стремилось поддерживать порядок, присматривалось к местной политической обстановке и, обнаружив социалистические и коммунистические тенденции в политике ряда (хотя и не всех) лидеров

⁸ Подробнее о нем, а также о других корейских организациях, создававшихся в первые годы после освобождения Кореи, речь пойдет в § 4 настоящего раздела книги.

⁹ Современная северокорейская историография, также не отрицает того, что Ким Ирсен вернулся в Корею в сентябре 1945 г. (19-го числа). (См., напр.: *Ким Ир Сен*. Мемуары. Т. 8. Пхеньян, 1994. С. 553.)

северной части Кореи, стало оказывать активную помощь в построении социалистического государства. При этом, замечая в действиях корейских политических лидеров известную инициативу, не противоречившую советским представлениям о прогрессивном и поступательном развитии общества, советская военная администрация не ограничивала их самостоятельность. Так, в начале 1946 г., в феврале — апреле, Северо-корейское Оргбюро Компартии Кореи было переименовано в Коммунистическую партию Северной Кореи, которой руководил Ким Ирсен. Позднее, 28 августа 1946 г., вместо Коммунистической партии под руководством Ким Ирсена была создана Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК)¹⁰.

Одновременно Советский Союз решал вопросы создания единого легитимного корейского правительства и последующего вывода советских и американских войск. Для обсуждения этих вопросов 16–26 декабря 1945 г. в Москве было созвано совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. СССР предложил сразу приступить к образованию Временного корейского демократического правительства, которое планировалось создать при помощи Совместной комиссии из представителей командования советских и американских войск. Опека союзных держав не должна была продолжаться более 5 лет. Несмотря на то что итоговый документ Московского совещания был подписан всеми участниками, американцы не стали реализовывать предложения Советского Союза, учитывая специфическое понимание советской стороной термина «демократия». Одновременно США выдвинули свой проект урегулирования корейского вопроса, неприемлемый для СССР, так как он предусматривал слишком долгие и неопределенные сроки опеки, а также предлагал новую форму опеки с участием ООН.

Для продолжения переговоров по данному вопросу была сформирована Совместная советско-американская комиссия. Ее деятельность продолжалась с 20 марта 1946 г. по 18 октября 1947 г. Члены комиссии поочередно собирались на совместные заседания в Сеуле и Пхеньяне или же вели переписку по интересовавшим их вопросам. Во время ведения переговоров каждая из сторон обвиняла другую в нежелании видеть Корею единым государством, в намерениях разделить страну на две части. Советскую делегацию возглавлял генерал-полковник Т. Ф. Штыков, впоследствии первый советский диплома-

¹⁰ Согласно северо-корейской историографии, Трудовая партия Кореи (ТПК) была образована 10 октября 1945 г., т. е. в день создания Северо-корейского Оргбюро Компартии Кореи.

тический представитель в Северной Корее. Однако работа комиссии закончилась безрезультатно по причине начала холодной войны. 12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн объявил, что США будут оказывать помощь всем «свободным народам» в борьбе против угрозы коммунизма. США было невыгодно, чтобы левые политические лидеры севера Кореи распространили свое влияние на весь полуостров, а для СССР, соответственно, было неприемлемым распространение власти проамерикански настроенных правых лидеров юга Кореи на всю страну. Созданием Временной комиссии ООН по Корее 14 ноября 1947 г., в составе которой не было СССР, США провозгласили отказ от совместного с Советским Союзом решения корейского вопроса. В этих условиях раздел Кореи становился неизбежным.

Почувствовав уже во время первых переговоров Совместной советско-американской комиссии, что начинается процесс разделения мира на два противоположных лагеря, Советский Союз взял курс на оказание помощи в укреплении корейских левых «демократических» органов власти на местах — народных комитетов, а также политического авангарда Северной Кореи — Трудовой партии Кореи и помощь в создании экономической базы новой власти.

В феврале 1946 г. в Пхеньяне был образован Временный народный комитет Северной Кореи, появление которого в известной степени отражало решения Московского совещания 1945 г. Сразу после создания Временный народный комитет стал проводить ряд общедемократических реформ. В ноябре 1946 г. в Северной Корее состоялись выборы в провинциальные, городские, уездные народные комитеты, несколькими месяцами позже — в волостные и сельские. Таким образом, 17 марта 1947 г. на съезде новых народных комитетов было избрано Народное собрание как высший орган государственной власти в Северной Корее, а 20 марта 1947 г. был создан Народный комитет как высший орган исполнительной власти. В Южной Корее в это время развернулось движение за создание сепаратного южнокорейского государства. Предвидя нежелаемый большинством населения раскол Кореи, новое северокорейское руководство объявило об образовании Корейской народной армии (КНА, официальная дата создания 8 февраля 1948 г.)¹¹, которая должна была защищать еще не созданное, но формировавшееся молодое северокорейское государ-

¹¹ В настоящее время в КНДР официальной датой создания КНА считается 25 апреля 1932 г.

ство. КНА была сформирована на основе северокорейских подразделений обороны страны, которые начали создаваться еще в октябре 1945 г., и укомплектована офицерскими кадрами, подготовленными в только что открытых при помощи советских военных советников офицерских школах или обучавшимися непосредственно в СССР.

После провозглашения 15 августа 1948 г. Республики Корея на юге полуострова Народное собрание Северной Кореи приняло решение провести на всей территории Кореи 25 августа 1948 г. выборы в будущий высший орган власти — Верховное Народное Собрание (ВНС). На Первой сессии ВНС, в состав которого, согласно официальной статистике, вошло большое число представителей Южной Кореи, 9 сентября 1948 г. было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики. Имя «Корея» в названии государства передавалось словом *Чосон* («Утренняя Свежесть»), ассоциировавшимся с левым крылом национально-освободительного движения. Премьер-министром КНДР стал Ким Ирсен. А накануне была опубликована Конституция КНДР, проект которой был подготовлен к февралю 1948 г.

12 октября 1948 г. СССР установил дипломатические отношения с КНДР, а чуть позднее его примеру последовали и все страны социалистического лагеря. С первых же дней Советский Союз стал оказывать всестороннюю поддержку единственному тогда социалистическому государству на Дальнем Востоке. В соседнем Китае в то время еще продолжалась война между войсками Компартии Китая и войсками *гоминьдана*.

Вывод советских войск с территории КНДР, уже способной защитить себя от внешней агрессии, был завершен 26 декабря 1948 г.

§ 3. Политика США в Корее в 1945–1948 годах. Первые шаги на пути создания Республики Корея

Американские войска во главе с генералом Д. Р. Ходжем, начавшие высадку на корейскую землю 8 сентября 1945 г., не признали местных общественных и политических организаций. Поэтому для поддержания порядка на оккупированных территориях в первые дни была сохранена старая японская колониальная администрация во главе с генерал-губернатором Абэ Нобуюки, который оставался на своем посту вплоть до 14 сентября.

Некоторые из первых мероприятий американской военной администрации в южной части Корейского полуострова по форме выгля-

дели идентичными мероприятиям советской военной администрации. В сентябре 1945 г. для обеспечения порядка при отсутствии местных органов власти был создан аппарат Американской военной администрации (АВА) во главе с генералом А. Арнольдом. Корейские провинции возглавили американские военные губернаторы. Однако имелись и заметные отличия. Американцы сохранили все колониальные законы и объявили АВА единственным полномочным правительством. Подобные шаги объясняются тем, что на первых порах американские власти не представляли, какую политику следует проводить в Корее. Подобная точка зрения, в частности, нередко высказывается и в южнокорейской историографии. При этом американцы не позволили представителям *местной* политической элиты самостоятельно определить путь дальнейшего развития. Управление Кореей со стороны АВА фактически означало закрепление статус-кво для того, чтобы выиграть время и лучше разобраться в том, *какой* было бы выгодно иметь Корею.

Вскоре, 16 октября 1945 г., на американском военном самолете из США в Южную Корею прибыл «отец» корейского народа Ли Сынман, который действительно пользовался популярностью среди корейцев как борец за независимость страны. Ли Сынман, проживший почти две трети своей жизни в США и имевший жену-иностранку (родом из Австрии), был лучшим кандидатом на должность лояльного США правителя, который в то же время мог получить поддержку в народе. Американские военные власти устроили Ли Сынману торжественный прием.

С ноября АВА стала издавать приказы, согласно которым контроль над экономикой страны переходил в ее руки. Так, 5 ноября был издан приказ № 5, по которому в ведение АВА передавались запасы всех складов, принадлежавших японцам. Приказом № 33 от 6 декабря 1945 г. АВА объявлялась владельцем всех японских предприятий, земель и прочего имущества. Приказ № 39 от 3 января 1946 г. вводил американскую монополию на внешнюю торговлю. Одновременно американская администрация проводила ряд мер, препятствовавших развитию корейской тяжелой промышленности, за исключением горнодобывающей, продукцию которой планировалось импортировать в США. Приказ № 28 от 13 ноября 1945 г. положил начало созданию военного ведомства, в котором были учреждены департаменты сухопутных и военно-морских сил. Они занялись организацией корейской полиции и службы береговой охраны, что впоследствии послужило основой для создания южнокорейской армии. Тогда же

американская администрация приступила к обучению южнокорейского армейского состава, частью — в Корее, частью — в США.

Таким образом, США готовили почву для образования корейского правительства, лояльного США. То, что у США поначалу не было планов создания сепаратного государства на юге Кореи, доказывается фактом участия в работе Совместной советско-американской комиссии, а также тем, что для убеждения американского руководства в необходимости образования самостоятельного южнокорейского государства Ли Сынману пришлось специально отправиться в США в декабре 1946 г. и провести там достаточно длительное время, вплоть до апреля 1947 г.

Поэтому созыв Учредительного собрания Южной Кореи в феврале 1946 г. как «временного парламента» стал подготовительным шагом для образования единого правительства Кореи и был по сути аналогичен созданию Временного народного комитета Северной Кореи. Действительно, многие политические лидеры Южной Кореи, в частности члены Временного правительства Республики Корея в Шанхае, желали заключить союз с коммунистами Северной Кореи.

И только Ли Сынман практически сразу стал выступать с инициативой создания сепаратного южнокорейского государства. Впервые он громко заявил о своих намерениях в речи на митинге 3 июня 1946 г. в местечке Чанып провинции Чолла. С принятием в США в начале 1947 г. курса на борьбу с мировым коммунизмом, Ли Сынман смог добиться поддержки своих идей в США.

Вмешательство Временного комитета ООН по Корее в корейские дела вызвало негодование народа Южной Кореи. 7 февраля 1948 г. в знак протеста против посещения членами этого комитета Кореи по всей стране начались многочисленные демонстрации и забастовки. Народ Южной Кореи не желал разделения страны. 3 апреля 1948 г. на острове Чечжудо вспыхнуло народное восстание, началась «партизанская война», направленная против политики создания сепаратного южнокорейского государства, продолжавшаяся вплоть до 1949 г.

Несмотря на протесты населения, проамериканская правящая верхушка решила форсировать события. 10 мая 1948 г. в Южной Корее были проведены выборы в Конституционное собрание (*Чехон кукхве*) во главе с Ли Сынманом, которое должно было заняться разработкой основного закона страны. Не все 198 членов Конституционного собрания поддерживали Ли Сынмана. По вопросу приня-

тия Конституции развернулись жаркие дебаты. Однако Ли Сынману удалось провести свой вариант, по которому Южная Корея становилась президентской республикой. Верховным органом власти должен был стать однопалатный парламент, который избирал президента. Конституция была обнародована 17 июля 1948 г. Согласно ей было сформировано новое правительство. 20 июля Ли Сынман был избран на пост Президента, а 15 августа 1948 г., в третью годовщину освобождения страны, было официально объявлено о создании к югу от 38-й параллели нового государства — Республика Корея. Название «Корея» передавалось словом «Великая Хан» (*Тэхан*), которое часто ассоциировалось с правым крылом движения за независимость страны.

Создание в южной части Корейского полуострова лояльного США капиталистического государства не успокоило американские власти. Слишком велико было недовольство всего корейского народа. Поэтому американцы вывели свои войска из Южной Кореи лишь к 29 июня 1949 г., через полгода после вывода советских войск из Северной Кореи, оставив 500 человек военных советников.

Большинство корейских политических лидеров, как находившихся в Корее в последние годы японской колонизации, так и вернувшихся из эмиграции, видели будущее Кореи совсем иначе. Раздел Кореи на две части и создание двух враждующих государств произошли вопреки воле большинства. Не случайно в первой Конституции КНДР 1948 г. столицей государства значился Сеул.

§ 4. Деятельность корейских политических лидеров, направленная на построение государственности в Корее в 1945–1948 годах

В Южной Корее после капитуляции Японии при аппарате японского генерал-губернатора, еще *до высадки американских войск*, был создан особый комитет для организации возвращения на родину японских граждан, проживавших в Корее. В число лидеров этого комитета входили Ё Унхён (1886–1947), в 1944 г. создавший подпольную Лигу построения государства, и Сон Чжину (1889–1945), более 30 лет возглавлявший влиятельнейшую корейскую газету «*Тонаильбо*». Занимаясь своими непосредственными обязанностями в комитете, они сразу же приступили к обсуждению проекта образования будущего независимого корейского государства. Однако уже с первых шагов их пути разошлись.

Ё Унхён, еще в 1920 г. имевший опыт членства в Корейской коммунистической партии (*Корё консандан*), видел будущее страны как Корейской Народной Республики (*Чосон инмин конхвагук*). Для реализации своих замыслов он образовал Подготовительный комитет построения государства Кореи. 6 сентября 1945 г. Комитет провозгласил создание Корейской Народной Республики. На пост Председателя республики был выдвинут Ли Сынман. Ё Унхён отводил себе лишь роль заместителя.

Отшедший от Ё Унхёна **Сон Чжину** решил переключиться на поддержку более умеренного Временного правительства Республики Корея. Однако занявшие южную часть Корейского полуострова американские войска не признали ни Корейской Народной Республики Ё Унхёна, ни Республики Корея Ким Гу. Тем не менее, находясь под властью Американской военной администрации, Сон Чжину продолжил свою деятельность и образовал 16 сентября 1945 г. Демократическую партию Кореи (*Хангук минчжудан*), в руководство которой были выдвинуты Ли Сынман и Ким Гу.

Сон Чжину, несмотря на свою правую ориентацию, был противником идеи создания сепаратного южнокорейского государства, за что поплатился жизнью. Он был убит у себя дома в Сеуле 30 декабря 1945 г. После его гибели созданная им Демократическая партия стала поддерживать предложения Ли Сынмана, но впоследствии разошлась с ним в процессе борьбы за лидерство.

Вместе с 14 членами Временного правительства Республики Корея 23 ноября 1945 г. в Корею возвратился **Ким Гу** (1876–1949), но не в качестве председателя непризнанного правительства, а как частное лицо. Тем не менее Ким Гу обладал известным влиянием в корейском обществе. В феврале 1946 г. он стал заместителем председателя высшего консультационного органа из 25 человек при АВА — Демократической палаты Южной Кореи (*Нам Чосон минчжун уй-вон*) во главе с Ли Сынманом. В то время он еще оставался руководителем созданной им Партии независимости Кореи.

После того как по итогам Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. было принято решение о пятилетней «опеке» над Кореей, по всей стране развернулось движение протеста (по крайней мере, в Южной Корее). Ким Гу явился одним из его лидеров, образовав 8 февраля 1947 г. Комитет борьбы за независимость против опеки.

Второй оппозиционной официальному курсу тенденцией политической жизни Южной Кореи стало движение за избрание единого

правительства Севера и Юга, сближение левых и правых блоков. Ким Гу также присоединился к этому движению.

Движение это возглавили Ё Унхён и **Ким Гюсик** (1877¹²–1950), заместитель председателя Временного правительства Республики Корея. Еще 14 июня 1946 г. представители левых Ё Унхён и Хо Хон (1885–1951), и правых — Ким Гюсик и Вон Сехун встретились для обсуждения возможности союза левых и правых сил. В результате 25 июля 1946 г. было объявлено о создании Совместного комитета левых и правых (*Чвау ханчак вивонхве*), главной задачей которого объявлялось решение проблемы образования единого корейского правительства.

После того как с начала 1947 г. Ли Сынман и США взяли курс на создание сепаратного правительства Южной Кореи, существование подобного авторитетного Комитета служило помехой для реализации их планов. Поэтому 19 июля 1947 г. было организовано убийство Ё Унхёна. Комитет вскоре перестал существовать. Однако Ким Гу и Ким Гюсик продолжали борьбу за создание единого правительства, не раз обращаясь к руководителям Северной Кореи. В апреле 1948 г. они прибыли в Пхеньян, где с 19 по 23 апреля проходило Совместное совещание [представителей партий и общественных организаций] Юга и Севера (*Намбук хёпсан*), целью работы которого было создание единого самостоятельного нейтрального общекорейского правительства. Кроме того, Ким Гу и Ким Гюсик провели отдельную встречу с Ким Ирсеном и Ким Дубоном.

Однако активные усилия Ли Сынмана и АВА, направленные на создание сепаратного государства, свели усилия Совместного совещания на нет. Через две с половиной недели, 10 мая 1948 г., на Юге прошли сепаратные выборы в Национальное собрание.

В то же время и в **Северной Корее** политические движения, возникшие после освобождения страны, не были однородными. Несмотря на доминирование там представителей левых, некоторое время в северной части Корейского полуострова активно проявляли себя так называемые «демократические силы» во главе с Чо Мансиком (1882–? (после 1950)). **Чо Мансик** — известный борец за независимость Кореи, выходец из провинции Южная Пхёнан, был активистом протестантской церкви в Пхеньяне. С 1932 г. он стал директором корейской газеты «*Чосон ильбо*».

¹² В научной литературе можно обнаружить иное указание на год рождения Ким Гюсика — 1881 (Большая энциклопедия корейской национальной культуры).

К моменту освобождения Кореи Чо Мансик находился в северной части страны. В первые дни после освобождения он создал Комитет подготовки воссоздания государства и Народный политический комитет провинции Южная Пхёнан. Поначалу советское военное командование сотрудничало с Чо Мансиком, который встал во главе корейской администрации провинции Южная Пхёнан. Позже он возглавил Народный комитет пяти провинций Северной Кореи и вместе с коммунистами способствовал активизации деятельности народных комитетов в Северной Корее. В ноябре 1945 г. Чо Мансик создал Демократическую партию Кореи (*Чосон минчжудан*). Однако с конца 1945 г. он был вынужден уйти с политической арены, поскольку попытался развернуть движение, направленное против опеки союзных держав над Кореей. Несмотря на ухудшение отношений с советской военной администрацией, Чо Мансик не перешел на Юг, а остался в Северной Корее, что в дальнейшем трагически сказалось на его судьбе.

И все же большинство политических лидеров Северной Кореи в первые три года после освобождения принадлежали к левому крылу. К примеру, **Пак Хонъён** (1900–1955) с первых лет своей деятельности по восстановлению независимости Кореи начал активно интересоваться идеями коммунизма. После подавления Первомартовского движения он бежал в Россию, в начале 1920-х годов примкнул к иркутской Корейской коммунистической партии (*Корё консандан*), а в 1922 г. принимал участие в работе Съезда представителей народов Дальнего Востока. Пак Хонъён был одним из создателей Корейской коммунистической партии (*Чосон консандан*), образованной в апреле 1925 г. в Сеуле. После разгрома партии он снова отправился в Советский Союз, где в течение двух лет обучался в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Временное пребывание в СССР совсем не означало, что Пак Хонъён забыл о своей родине. Наоборот, он всем силами стремился нелегально (чтобы не арестовали при пересечении границы) вернуться в Корею. В итоге это ему удалось, хотя все же пришлось отсидеть некоторое время в японской тюрьме. Освобождение страны он встретил в южной части Корейского полуострова и вместе с Ё Унхёном сразу включился в борьбу за создание нового государства левой ориентации — Корейской Народной Республики. Тогда же, 11 сентября 1945 г., он воссоздал Корейскую коммунистическую партию.

Однако, будучи коммунистом, Пак Хонъён имел неосторожность благосклонно отнестись к вводу американских войск и даже встре-

чался с командующим американскими войсками в Корее генерал-лейтенантом Д. Р. Ходжем, который обещал «всячески содействовать» демократическому движению. Но вскоре все коммунистические организации в южной части полуострова были запрещены, и в сентябре 1946 г. Пак Хонъён был вынужден переправиться на Север. Там он стал представлять Трудовую партию Южной Кореи, созданную 23 декабря 1946 г. вслед за Трудовой партией Северной Кореи. (Исключение из названия слова «коммунистическая» позволило левым силам Южной Кореи некоторое время продолжать свою деятельность и в условиях запрета коммунистических организаций.) Впоследствии Пак Хонъён занимал руководящие посты в КНДР и Трудовой партии Кореи (ТПК).

Имея немалые заслуги в борьбе за освобождение Кореи и известную популярность среди народа, Пак Хонъён, подобно Ким Ирсену, также мог стать лидером Северной Кореи. Поэтому в 1955 г. он был обвинен сторонниками Ким Ирсена в шпионаже в пользу США и казнен.

Пример политической деятельности Пак Хонъёна очень важен для понимания того, что социализм в Северную Корею не был «ввезен» Красной армией. Часть Кореи была готова для принятия социализма в связи с рядом объективных обстоятельств, указывавшихся выше, а также в связи с наличием политических лидеров, которые возглавили этот процесс.

Еще одним коммунистическим лидером Северной Кореи того времени был **Ким Дубон** (1889–1961?), который вел антияпонскую освободительную борьбу главным образом в Китае, куда переехал сразу после подавления Первомартовского движения. С начала 1920-х годов Ким Дубон увлекся идеями коммунизма, что не помешало ему в 1929 г. стать членом парламента при Временном правительстве Республики Корея. В 1942 г. Ким Дубон переехал в Яньань в Северо-Восточном Китае, где продолжил свою патриотическую деятельность, создав Лигу независимости Кореи (*Чосон тоннип тонмэн*). После освобождения страны он вернулся в Пхеньян, где в 1945 г. организовал Новую народную партию (*Синминдан*), а в 1946 г. соединил свою партию с Северокорейским бюро Корейской коммунистической партии, в результате чего была создана Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК). На I съезде ТПСК, проходившем 28–30 августа 1946 г., Ким Дубон был избран председателем Центрального комитета. В образованной в 1949 г. Трудовой партии Кореи Ким Дубон представлял так называемую «яньаньскую груп-

пировку» коммунистов. В конце 1950-х годов, являясь одним из соперников Ким Ирсена в верхних эшелонах власти, он был осужден за «фракционизм».

Несмотря на то что большинство коммунистических лидеров Северной Кореи были «настоящими корейцами», лишь некоторое время находившимися за рубежом, были среди них и иностранцы — этнические корейцы, предки которых еще в конце XIX — начале XX в. эмигрировали в Россию. Среди них самой известной фигурой был **Хо Гаи** (1908–1953; Хегай Алексей Иванович)¹³, занимавший в 1940-е годы высокие партийные посты в Узбекистане. С первых месяцев пребывания в Северной Корее он смог занять руководящие посты сначала в коммунистической, а затем в Трудовой партии (Северной) Кореи, возглавив «советскую группировку» ТПК. Однако подобное высокое положение иностранца в северокорейской политической элите было скорее исключением, чем правилом. В 1951 г. в связи с борьбой за лидерство Хо Гаи был отстранен от партийного руководства, а в 1953 г. «покончил жизнь самоубийством».

Однако из всех политических лидеров наибольшее влияние и власть приобретал Ким Ирсен. В современной отечественной и зарубежной историографии (за исключением северокорейской) причины становления Ким Ирсена как лидера Северной Кореи нередко видят в его честолюбии, лавировании и прочих качествах «сильного отрицательного политика». Однако, возможно, Ким Ирсена действительно поддерживало все большее число людей в связи с его желанием как можно скорее избавиться от советского или какого-либо иного влияния, что как раз отвечало заветному чаянию корейского народа обрести *полную независимость*. Другое дело, что в первые годы после образования КНДР подобные *чуждейские* замыслы Ким Ирсена еще не были заметны.

Глава 2. КОРЕЯ В 1948–1950 ГОДАХ

Недолгий период с 1948 по 1950 г. имеет важнейшее значение для всей последующей истории Кореи. 1948 год оказался очень тяжелым для многих корейцев. Трудно было поверить в то, что нация, со-

---

¹³ Подробнее см.: Ланьков А. Н. Хо Га И: очерк жизни и деятельности // Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995. — В южнокорейской литературе указывают на 1900 г. как год рождения Хо Ган.

ставлявшая одно целое на протяжении более чем тысячи лет, оказалась разделенной на два враждебных государства. Многие считали, что такое разделение произошло исключительно из-за вмешательства внешних сил и что оно временное. В 1948 г. из Кореи были выведены советские войска, а в 1949 г. — американские. На какое-то время два корейских государства оказались свободными от прямого давления извне и, казалось, могли разрешить проблему разделения страны, пока еще совсем непродолжительного.

Однако три года самостоятельного развития КНДР и Республики Корея лишь углубили раскол страны и привели к Корейской войне.

§ 1. КНДР в 1948–1950 годах

Несмотря на то что формально КНДР была провозглашена в 1948 г., в северокорейской и советской историографии за отправную точку отсчета истории Корейской Народно-Демократической Республики берется 1945 г. — время освобождения Кореи.

В северокорейской историографии 1990-х годов¹⁴ образование КНДР описывается как исключительно самостоятельный процесс, которым руководил Ким Ирсен. Помощь Советского Союза в государственном строительстве Северной Кореи сводится к минимуму.

С освобождением Кореи и проведением ряда реформ в Северной Кореи завершилась «антиимпериалистическая, антифеодалная демократическая революция» и начался «переходный период» к социализму, во время которого была установлена «народно-демократическая диктатура», однако еще сохранялись элементы капитализма.

Органом, координировавшим все преобразования в северной части страны, «центральным органом власти» стал Временный народный комитет Северной Кореи, созданный 8 февраля 1946 г. Его возглавил Ким Ирсен. 5 марта 1946 г. Временный народный комитет опубликовал указ о земельной реформе. Это был верный шаг в стране с преобладанием сельского населения, — шаг, который в южной части Корейского полуострова был сделан несколькими годами позднее. Согласно реформе, вся земля бывших японских владельцев, а также «излишки» земель корейских собственников («помещиков»), у кого площадь земельных владений превышала 5 *чон*-

¹⁴ Наиболее типичным из доступных северокорейских изданий середины 1990-х годов является «Очерк корейской истории» (В 3 т. Т. 3. Пхеньян, 1996).

бо¹⁵, полностью изымались в пользу государства, а затем распределялись между крестьянами. Купля-продажа земли и сдача земли в аренду запрещались. Для проведения реформы, по сведениям северокорейской историографии, были созданы крестьянские комитеты (более 11 500), а сама реформа завершена чуть более чем за 20 дней. Действительно, ликвидация системы аренды сельскохозяйственных земель и передача их в собственность тех, кто их обрабатывал, была заветной мечтой всех крестьян. Поэтому реформа получила широкую поддержку в народных массах северокорейской деревни. Было изъято 1 млн 325 тыс. *чонбо* земли и передано в собственность 724 522 крестьянских хозяйств. Крестьяне платили государству лишь 25-процентный налог¹⁶.

После того, как была начата земельная реформа и стало видно, что большинство народа поддерживает новый политический курс, 23 марта 1946 г. Временный народный комитет принял «Политическую программу из 20 пунктов» (*Исип-кэ чонган*), в которой перспективы государственного строительства были обрисованы более четко. Программа провозглашала необходимость реализации таких естественных для сложившейся ситуации задач, как ликвидация последствий японской колонизации, установление 8-часового рабочего дня, равенство мужчин и женщин, свобода слова и собраний и т. п. Однако в Программе также говорилось о необходимости подавления «антидемократических» и «фашистских элементов», что означало провозглашение курса на борьбу с оппозицией (которая, очевидно, не составляла большинства). Кроме того, в Программе отмечалась необходимость нового избрания местных народных комитетов, а также передачи в государственную собственность банков, крупных предприятий, рудников.

Вскоре после публикации Политической программы Временный народный комитет перешел к ее практической реализации. 10 августа 1946 г. был принят Закон о национализации промышленности, средств связи и банков. 3 ноября 1946 г. Временный народный комитет принял решение о проведении выборов в местные народные комитеты, по итогам которых в феврале 1947 г. было избрано Народное собрание Северной Кореи. Тогда же был принят первый план

¹⁵ *Чонбо* — мера площади, равная 0,992 га.

¹⁶ В советской литературе указано, что поначалу брали 27-процентный налог на урожай риса и 23-процентный — на бобовые культуры или картофель. В 1947 г. ставку налога сделали гибкой, приведя ее в зависимость от урожая и установив нижние и верхние границы в 10 и 27 % соответственно.

восстановления и развития народного хозяйства. Таким образом, Северная Корея вступила на путь развития плановой экономики. Согласно официальным данным, план 1947 г. был выполнен успешно: валовой объем промышленного производства составил 102,5 % от запланированного, что было на 70 % больше показателей предыдущего года.

К сентябрю 1948 г., к моменту провозглашения КНДР, Северная Корея пришла, четко определив путь социалистического строительства, в котором самую большую поддержку оказывал Советский Союз. Об этой поддержке, что вполне естественно, наиболее полную информацию можно получить в **советской исторической литературе**¹⁷. Важнейшим аспектом обеспечения стабильности в северной части Корейского полуострова являлось пребывание там Советской армии.

Однако уже на следующий день после провозглашения КНДР, 10 сентября 1948 г., Верховное народное собрание приняло обращение к правительствам США и СССР о выводе войск из Кореи. Через месяц, 8 октября 1948 г., Правительство КНДР обратилось к Советскому Союзу с предложением об установлении дипломатических и экономических отношений, на что получило положительный ответ уже 12 октября. Этот день считается днем установления дипломатических отношений между двумя странами. Первым послом СССР в КНДР стал Т. Ф. Штыков (годы работы 1948–1950), назначенный на этот пост 16 октября 1948 г. и возглавлявший ранее советскую делегацию в работе Совместной советско-американской комиссии по Корее. Вслед за СССР в течение октября — ноября 1948 г. КНДР признали государства будущего социалистического лагеря: Польская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Чехословацкая Республика, Народная Республика Болгария и др.

В феврале 1949 г. КНДР обратилась в ООН с просьбой о принятии ее в члены организации, однако, естественно, получила отказ. США и их союзники, с помощью которых на юге была образована Республика Корея, не могли признать КНДР в качестве *единственного легитимного* государства на Корейском полуострове. Именно на такое положение и претендовала КНДР, что, в частности, было отражено в ее Конституции. В свою очередь и Советский Союз не мог допустить признания в ООН Республики Корея, также пре-

¹⁷ См., напр.: СССР и Корея. М., 1988.

тендовавшей на роль *единственного легитимного* государства на полуострове.

Взаимное непризнание друг другом двух корейских государств, неполное признание их на мировой арене делали ситуацию на Корейском полуострове крайне нестабильной.

Для укрепления молодого северокорейского государства требовалось развивать экономику и оборону. Положительный в то время опыт Советского Союза, одолевшего гитлеровскую Германию, давал надежды на то, что путь социалистического строительства навсегда избавит Корею от вмешательства внешних сил. К тому же развитие экономики готовило базу для повышения жизненного уровня, всестороннего развития общества Северной Кореи, реализуя тем самым надежды простого народа на лучшую жизнь после освобождения страны. Японская колониальная политика середины 1940-х годов, направленная на интенсивное промышленное развитие северной части Кореи, подготовила для этого хорошую базу.

В феврале 1949 г. Верховное народное собрание приняло двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства страны на 1949–1950 гг. По показателям 1949 г. план был выполнен успешно. В 1949 г. валовая продукция национальной промышленности выросла в 3,4 раза по сравнению с 1946 г., производство средств потребления — в 2,6 раза. При этом текстильная промышленность за указанный период увеличила выпуск продукции в 6 раз. Валовой сбор зерновых культур в 1949 г. в сравнении с 1944 г. вырос на 20 %. Уже в первый год двухлетки развернулось соревнование за ее досрочное выполнение.

В чем секрет таких удивительных показателей? С одной стороны, можно говорить об особенностях корейской культуры с ее традиционно развитым коллективизмом, обилием всевозможных организаций взаимопомощи в деревне, а также между родственниками или земляками. В таких условиях на традиционное сознание могли достаточно безболезненно накладываться стереотипы социалистических форм ведения хозяйства или управления страной. Представления о приоритете интересов государства над личными также не являются чуждыми корейской культуре.

С другой стороны, немалую роль в интенсивном развитии КНДР сыграла помощь стран социалистического лагеря, и прежде всего СССР — страны-освободительницы, на долю которой приходилось 90 % внешнеторговых связей КНДР. Помощь и сотрудничество носили весьма разносторонний характер. Рос объем торговли между

двумя странами. Так, в 1948 г. товарооборот между СССР и КНДР составил 48,4 млн руб., что было в 1,6 раза больше всего объема торговли за два предшествующих года. В 1949 г. товарооборот вырос еще в 3 раза и составил 139,6 млн руб. Следует отметить, что более $\frac{2}{3}$ советского экспорта в Корею составляло промышленное оборудование и сырье для восстановления старых, разрушенных японцами или строительства новых предприятий.

Для закрепления двусторонних отношений и подписания соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР 3 марта 1949 г. в Москву поездом прибыла **делегация КНДР во главе с Ким Ирсеном**. Во время своего визита Ким Ирсен встречался с И. В. Сталиным¹⁸. Договор был подписан 17 марта 1949 г. После его заключения советско-северокорейские отношения стали еще более активными. В 1950 г. товарооборот достиг уровня в 700 млн руб. Речь идет действительно о *товарообороте*, а не об односторонней помощи, так как из КНДР в СССР экспортировалась продукция горнодобывающей, металлургической и химической промышленности (интенсивно развивавшейся еще при японском колониальном режиме).

Помощь Северной Корее оказывалась также и в виде различных односторонних поставок из СССР, для оплаты которых Советский Союз предоставлял Северной Корее кредиты. Материальная помощь, предоставлявшаяся Советским Союзом КНДР, имела в конце 1940-х годов тенденцию постоянного роста. В 1949 г. она возросла в 4,6 раза по сравнению с 1946 г.

После подписания советско-северокорейского Договора о сотрудничестве (1949 г.) стали образовываться совместные советско-корейские акционерные общества по эксплуатации водного и воздушного транспорта, переработке нефти.

В 1948–1950 гг. в КНДР побывало большое число советских специалистов, работавших на различных объектах народного хозяйства, таких, как, например, Сунхунская гидроэлектростанция, металлургический завод в Чхонджине и т. д. Была оказана помощь в реформировании системы народного образования КНДР. Для этого СССР предоставлял возможность северокорейским гражданам получать образование у себя или же направлял советских специали-

---

¹⁸ В исторической литературе 1990-х годов нередко встречается утверждение или предположение о том, что во время данного визита Ким Ирсен будто бы обсуждал с И. В. Сталиным «возможность нападения на Юг», хотя никаких документов, подтверждающих данное предположение, не приводится.

стов в Северную Корею. Примером может служить поездка корейских учителей летом 1946 г. в СССР для изучения советской системы образования и школьного дела, а также поездка летом 1948 г. в КНДР делегации советских преподавателей и специалистов во главе с биохимиком академиком А. И. Опариным для оказания помощи в реорганизации системы высшего образования и науки. К 1950 г. в Северной Корее было уже 15 высших учебных заведений, 69 техникумов и педагогических училищ.

Однако только экономическое, научно-техническое и культурное развитие страны вовсе не гарантировало его процветающего и самостоятельного будущего. На протяжении предшествующих столетий Корея нередко испытывала многочисленные притеснения со стороны иностранных держав и стала колонией одной из них — Японии. Одной из важнейших причин такого плачевного положения было отсутствие сильной национальной армии. Корее, как Северной, так и Южной, требовалась сильная армия, для того чтобы впредь не быть зависимой от какой-либо иностранной державы. СССР поддерживал стремление КНДР развивать оборону страны, особенно в связи с тем, что США не торопились выводить войска из южной части Корейского полуострова. К тому же на территории соседней Японии были расположены многочисленные американские военные базы¹⁹.

К 1950 г. КНДР удалось создать достаточно мощные вооруженные силы. Тогда в Корейской Народной Армии (КНА) насчитывалось 10 пехотных дивизий с общим числом военнослужащих в 182 680 человек, что было в 1,92 больше, чем в Южной Корее. В составе КНА было 242 советских танка Т-34, а также 176 самоходных орудий СУ-76, 210 боевых самолетов — Як-9, Ил-10 и Ил-2. В то же время в армии Южной Кореи было только 27 бронемашин. Несмотря на то что по числу военнослужащих морского флота КНДР почти в 2 раза уступала Южной Корее, количество военных судов было практически одинаковым.

Таким образом, северокорейская армия имела явное преимущество в боевой силе и технике и могла надеяться на победу в случае возникновения военного конфликта с Республикой Корея (при

---

¹⁹ Нередко в исторической литературе факт усиления вооруженных сил КНДР связывают с событиями будущей Корейской войны 1950–1953 гг., трактуя его исключительно с точки зрения «подготовки к будущей войне». При этом упускается из виду, что на протяжении предшествующих полутора сотен лет вопрос реорганизации и усиления корейской армии как оплота независимости и суверенитета страны оставался одним из самых важных для всех корейских правителей.

Вид на сеульскую центральную улицу Кванхвамун второй половины 1940-х годов. На заднем плане — здание центральной администрации бывшего японского генерал-губернаторства. Демонтировано во второй половине 1990-х годов

условии невмешательства третьих сил). Кроме того, Северная Корея, благодаря проведенной в стране земельной реформе и быстрому экономическому и культурному развитию, положительно отражавшемуся на росте общего уровня жизни ее населения, могла надеяться на поддержку рядовых граждан Южной Кореи. 30 июня 1949 г. Трудовая партия Северной Кореи формально объединилась в Пхеньяне с Трудовой партией Южной Кореи. Северная Корея надеялась на скорое объединение временно разделенной родины, тем более что в Республике Корея экономическое положение и отношения с союзниками складывались не так благоприятно, как в КНДР.

§ 2. Республика Корея в 1948–1950 годах

С провозглашением 15 августа 1948 г. Республики Корея в истории Южной Кореи начался период правления президента Ли Сынмана (1875–1965), период, который получил название «Первая Республика» (1948–1960). Не только в отечественной или зарубежной, что вполне естественно, но и в южнокорейской историографии политика

Ли Сынмана оценивается критически. И это понятно: впоследствии он лишился своей власти в результате акции протеста всего южно-корейского народа, которая переросла в «Апрельскую революцию» 1960 г.

Придя к власти, Ли Сынман прежде всего попытался предпринять ряд шагов с целью укрепить ее, чтобы никакие политические коллизии не смогли бы лишить его места президента. При этом у него почти сразу возник конфликт с правящей Корейской демократической партией (*Хангук минчжудан*, сокращенно — *Ханминдан*), созданной в сентябре 1945 г. Сон Чжину (1889–1945). Партия настаивала на том, чтобы власть в стране концентрировалась в руках кабинета министров, а не президента. Желая дистанцироваться от образа «прояпонской лисынмановской партии», 10 февраля 1949 г. она была переименована в Демократическую гражданскую партию (*Минчжу кунминдан*).

Поэтому Ли Сынман решил, несмотря на свою предшествующую патриотическую антияпонскую деятельность, искать союзников среди тех, кто в свое время сотрудничал с японскими колониальными властями. С одной стороны, сами американцы иногда прибегали к услугам «власть имущих» корейцев-коллаборационистов. С другой — большинство патриотических сил Южной Кореи, в частности популярный в народе председатель бывшего Временного правительства Республики Корея в эмиграции Ким Гу, были настроены на союз с коммунистами Северной Кореи, на создание единого государства. А это противоречило планам Ли Сынмана управлять сепаратно одной Южной Кореей. Поэтому его союз с местными патриотическими силами был в принципе невозможен.

Новую ориентацию на бывшие прояпонские силы Ли Сынман продемонстрировал в ходе реализации «Закона о наказании совершивших преступление против нации», опубликованного 22 сентября 1948 г. Тогда, 29 сентября 1948 г., был создан Специальный комитет, который должен был заниматься его исполнением. Только с 8 января 1949 г. начались первые аресты преступников, среди которых были такие известные деятели, как Чхве Ин²⁰ (1878–?, после 1950 г.), а также упоминавшиеся Чхве Намсон, Ли Гвансу. Чхве Ин, подобно Чхве Намсону и Ли Гвансу, тоже начинал свою деятельность как борец за независимость Кореи, был одним из тех, кто подписал Се-

²⁰ Иногда его имя записывают как Чхве Рин, что связано с особенностями корейской графики первой половины XX столетия.

ульскую декларацию независимости 1919 г., однако в 1930-е годы стал поддерживать японскую колониальную администрацию.

После ареста прояпонских коллаборационистов их передали суду. Но органы правосудия, в которых оставались выходцы из полиции времен японской колонизации, не торопились осуждать арестованных, из которых к различным срокам наказания были приговорены только 7 человек, да и то вскоре все они были освобождены. Более того, уже во время Корейской войны, 14 февраля 1951 г., было издано специальное постановление об отмене «Закона о наказании совершивших преступление против нации». Причину такой позиции Ли Сынмана историки, как правило, видят в его желании найти новую опору своей власти среди бывших сторонников японской колониальной администрации²¹.

Сепаратистскую политику Ли Сынмана, несмотря на его прошлое как борца за независимость, не поддерживали не только южнокорейские политики, но и простой народ. В октябре 1948 г. вспыхнуло народное антилисынмановское восстание в городе Ёсу провинции Южная Чолла. Расквартированный в Ёсу 14-й полк национальной корейской армии должен был отправиться на остров Чечжудо для подавления вспыхнувшего в апреле того же года партизанского движения, направленного против создания сепаратного южнокорейского правительства. Полк отказался выполнить приказ и поднял восстание, возглавленное военнослужащими левых взглядов — Чи Чхансу и Ким Чжичхве. Одним из основных лозунгов восставших было объединение Северной и Южной Кореи. К солдатам присоединились рядовые граждане, и вскоре восстание распространилось на соседний город Сунчхон. Оно было подавлено при помощи американских войск 27 октября. Восстание показало, что сепаратное правительство Ли Сынмана не имеет поддержки в народе, а также то, что в стране велико влияние левых сил.

Для борьбы с последними (а значит, и для укрепления сепаратного южнокорейского государства) 20 ноября 1948 г. был издан «Закон об охране государства» (*Кукка поанбон*). В течение 1949 г. в рамках

²¹ Автор настоящей монографии не ставит своей задачей оправдывать политику Ли Сынмана. Однако, наверное, в суде над «национальными преступниками» все было не так просто. Некоторые из осужденных были в свое время соратниками Ли Сынмана в борьбе за независимость страны. Сам Ли Сынман все это время находился в эмиграции в США. Осужденные же не покинули Корею. В последние годы японской колонизации известным борцам за независимость трудно было сохранить свою жизнь, кроме как смирившись или даже сотрудничая с японцами.

реализации этого закона были арестованы 118 621 человек, из них 16 — члены Национального собрания Республики Корея.

Однако подобные репрессивные меры Ли Сынмана, поддерживаемого находившимися в то время в Южной Корее американскими войсками, не подавили стремление южнокорейского народа жить в единой свободной стране, в которой реализовывались бы принципы социальной справедливости. После провозглашения сепаратной Республики Корея по всей стране развернулось партизанское движение. Наибольшую активность партизаны проявляли в горных районах южной части Корейского полуострова — в провинциях Кёнсан, Чолла, а также на острове Чечжудо. Партизанское движение приобрело поистине массовый размах. Только за апрель 1950 г. в Южной Корее произошло 2948 партизанских выступлений с участием около 65 тыс. человек.

Недовольные лисынмановским режимом партизаны, выступления которых отличались все большей организованностью и слаженностью действий, легко могли стать силой, способной свергнуть существующую власть. Такой поворот событий был тем более возможен, что после провозглашения Республики Корея здесь жил и вел активную деятельность глава Партии независимости Кореи, бывший председатель Временного правительства, популярный в народе Ким Гу. Он мог стать фигурой, консолидирующей оппозиционные силы. В январе 1949 г. Ким Гу в очередной раз потребовал вывода из Кореи «всех иностранных войск» (т. е. американских, поскольку из северной части Корейского полуострова советские войска уже ушли). Поэтому неудивительно, что 26 июня 1949 г. молодой офицер корейской армии Ан Дуки, придя на официальную встречу с Ким Гу, предательски убил его несколькими выстрелами из пистолета. Следовал ли Ан Дуки чьему-либо указанию сверху, или нет — неизвестно. Однако примечательно, что осужденный впоследствии Ан Дуки в годы Корейской войны был освобожден и продолжил службу в Вооруженных силах Республики Корея.

Таким образом, на рубеже 1940–1950-х годов Ли Сынман начал проводить политику укрепления своей власти путем постепенного подавления оппозиции. Недаром время правления Ли Сынмана получило в Южной Корее определение «диктатуры».

В экономической сфере Ли Сынман не торопился с проведением экономических реформ, что также являлось одной из причин массового недовольства его политикой. В силу географического положения и природных особенностей южная часть Кореи издавна являлась

житницей страны. Здесь проживала большая часть населения страны, занимавшаяся главным образом земледелием. Поэтому самым насущным для Южной Кореи был вопрос проведения земельной реформы. В то время как в Северной Корее земельная реформа была осуществлена еще в марте 1946 г., в Южной Корее и после провозглашения Республики Корея аграрный вопрос продолжал находиться в стадии «обсуждения».

В принципе, земельная (как и любая экономическая) реформа не могла начаться в Южной Корее до 1948 г. по той простой причине, что бывшая японская собственность — земля и предприятия — продолжали оставаться в руках Американской военной администрации. «Соглашение об урегулировании финансовых и имущественных расчетов» между Американской военной администрацией и новым правительством Южной Кореи было подписано только 11 сентября 1948 г. При этом 513 предприятий и 839 объектов недвижимости должны были быть распроданы частным лицам (всего 2268 объектов продажи), а остальное переходило под управление лисынмановского правительства. Сами США бесплатно получили ряд земельных участков и несколько крупных зданий, которые должны были обеспечивать нужды американского военного присутствия в Корее.

Обсуждение земельной реформы в Национальном собрании происходило вплоть до 21 июня 1949 г., когда закон, наконец, был принят. Однако опубликован он был только 25 марта 1950 г. Тогда же и началась земельная реформа. Если в Северной Корее государство не предоставляло компенсации за изымаемые у крупных и средних землевладельцев излишки земли сверх установленных норм, то в Южной Корее за земли, возвращаемые в казну, выдавались облигации Корейского банка. Норма не возвращаемой земли устанавливалась в 3 *чонбо* (около 3 га). В Северной Корее земли раздавались также бесплатно, а в Южной — распределялись с обязательством выплачивать установленную сумму около 150 % среднего урожая с полученной земли в течение пяти лет. Иными словами, крестьяне были обязаны оплатить стоимость получаемых земель.

В исторической литературе, как в отечественной, так и в корейской, в том числе и в современной южнокорейской, итоги земельной реформы, завершившейся почти через год после ее начала, оцениваются весьма отрицательно. Реформа оказалась выгодной только крупным землевладельцам. Слишком долгое обсуждение проекта земельной реформы позволило крупным землевладельцам заранее разделить свои владения на мелкие участки и «подарить» или «про-

дать» своим родственникам или даже заключить фиктивные сделки купли-продажи земли со своими арендаторами. В результате из 1 млн 440 тыс. *чонбо* земли, обрабатываемой в конце 1945 г. арендаторами, только около 550 тыс. *чонбо* оказались задействованными в процессе перераспределения. К тому же многие «новые владельцы» из бедных крестьян, будучи не в состоянии оплатить «полученные» наделы, перепродавали их, снова становясь арендаторами.

По поводу остальных аспектов экономической ситуации первых лет существования Республики Корея даже специальная корейская экономическая литература часто не содержит конкретных данных. Говорится лишь о том, что правительством была поставлена цель восстановления экономики страны, но эта цель практически никак не реализовывалась. Наверное, она и не могла быть осуществлена. Если Советский Союз с его *плановой* экономикой всегда мог выделить средства и специалистов для помощи союзному государству, то США в принципе не могли заставить *предпринимателя* вкладывать средства в бедную страну, сотрясаемую народными волнениями и имеющую слабо защищенные северные границы, за которыми находились враждебные КНДР и СССР. А с 1 октября 1949 г. к этому лагерю присоединился коммунистический Китай.

В то же время нельзя сказать, что Южная Корея была «брошена» США «на произвол судьбы». После того как 15 августа 1948 г. было объявлено о создании национальных вооруженных сил²², 5 мая 1949 г. — флота и 1 октября 1949 г. — военно-воздушных подразделений, США по мере возможности и необходимости старались помочь своим южнокорейским союзникам в организации и вооружении национальной армии. 24 августа 1948 г. было заключено корейско-американское Административное соглашение, согласно которому забота о безопасности и обороне Республики Корея ложилась на плечи расквартированных там американских вооруженных сил. В сентябре 1948 г. было открыто военное училище сухопутных войск. После окончательного вывода Вооруженных сил США из Южной Кореи в июне 1949 г., там осталось 500 человек военных советников, продолжавших оказывать помощь в укреплении национальных вооруженных сил. 26 января 1950 г. между США и Республикой Корея было подписано «Корейско-Американское соглашение о помощи во взаимной обороне», согласно которому США обязывались оказывать

²² В связи с этим в литературе еще встречается указание на «Закон о создании национальных вооруженных сил» (*Куккун чочжисикпон*) от 30 ноября 1948 г.

определенную военную помощь, характер которой был конкретизирован позже на дополнительных совещаниях, проводившихся в марте 1953 г. Действительно, к 1950 г. США поставили в Южную Корею военной техники на сумму в 205,2 млн долларов. Это были автоматические винтовки, пистолеты, гаубицы, самолеты, военные корабли и т. п.

И тем не менее к середине 1950 г. южнокорейская армия была намного слабее, чем армия КНДР. В ее состав входило лишь 8 дивизий пехоты общей численностью 94 974 человека, что было в 2 раза меньше, чем в Северной Корее. У Южной Кореи не было ни одного танка, только 27 бронемашин, в то время как у Северной — 242. В авиации Южной Кореи насчитывалось только 22 самолета, из них половина учебных, в то время как у Северной — 210. В артиллерии в количественном отношении в армиях Юга и Севера был относительный паритет. Однако, в отличие от Северной, у Южной Кореи не было крупнокалиберных орудий.

Таким образом, несмотря на помощь США, южнокорейские вооруженные силы значительно проигрывали Корейской народной армии по боевой силе и технике.

Ко всему прочему, выборы в Национальное собрание, проводившиеся 30 мая 1950 г., закончились поражением сторонников Ли Сынмана, которые смогли получить в парламенте лишь 53 места из 186. При этом новая лисынмановская «правящая» Корейская гражданская партия (*Тэхан кунминдан*), спешно созданная 21 ноября 1949 г., получила всего 24 места.

В дополнение к этому постоянные не прекращавшиеся выступления партизан в южных провинциях, выражавшие общенародное недовольство политикой Ли Сынмана, делали дальнейшее существование Республики Корея в рамках правящего режима практически невозможным. На Корейском полуострове назревала новая война.

Глава 3. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА 1950–1953 ГОДОВ

Корейская война 1950–1953 гг. стала самым трагическим событием истории Кореи второй половины XX столетия. Эта война окончательно закрепила разделение Кореи на два враждебных государства, которое так и не удалось преодолеть на протяжении последующих пяти десятилетий. В историографии различных стран мира эта война именуется по-разному. В советской литературе она называется

Отечественной освободительной войной корейского народа; в северокорейской историографии — просто Отечественной освободительной войной. Оба названия отражают позицию советских и северокорейских историков, заключающуюся в том, что война была вызвана агрессией с Юга и направлена на ее отражение, а значит, была справедливой. В Южной Корее ее определяют как «Война 6–25», т. е. война, начавшаяся 25 июня 1950 г. В таком варианте названия нет особой смысловой нагрузки. В западной историографии войну также именуют достаточно нейтрально, просто «Корейская война». Иногда подобному варианту названия следует и южнокорейская историография.

В настоящей монографии мы будем придерживаться последнего названия как наиболее «нейтрального» и в то же время отражающего новую тенденцию в восприятии этой войны в Российской Федерации.

Действительно, существует необходимость называть и рассматривать войну 1950–1953 гг. в Корее довольно осторожно и по возможности беспристрастно. По версии северокорейской и советской историографии, война была развязана лисынмановским режимом и «американским империализмом». Согласно взгляду южнокорейской, западной и новейшей российской историографии, войну начала Северная Корея.

С точки зрения автора настоящей монографии, не все было так просто, чтобы можно было с легкостью списывать ответственность за начало войны на какую-либо одну из сторон: Северную или Южную Корею, США или СССР и Китайскую Народную Республику. Несомненно одно: Корейская война была неизбежной. Отдельные предпосылки этой войны были изложены выше. Основной объективной причиной войны было разделение Корейского полуострова на два враждебных государства, не признававших легитимность друг друга и поддерживаемых двумя противоборствующими блоками — советским и американским.

Причин, определивших конкретное время начала войны, было значительно больше.

§ 1. Международная ситуация и начало Корейской войны

В середине 1949 г. из Южной Кореи были окончательно выведены американские войска. На короткое время КНДР и Республика Корея стали относительно независимыми от прямого воздействия внешних сил и получили возможность самостоятельно решать насущный во-

прос объединения страны. Вместе с тем к концу 1949 — началу 1950 г. ситуация во внешнем мире, окружавшем Корею, также значительно изменилась, нарушив относительный баланс сил Севера и Юга.

В соседнем Китае к середине 1949 г. перевес в военном противостоянии между Народно-освободительной армией (НОА) китайских коммунистов и *гоминьдановской* армией во главе с Чан Кайши окончательно сложился в пользу коммунистов. К этому времени войска НОА заняли большую часть страны. В июне 1949 г. сам Чан Кайши во главе с 500 000 человек преданных ему войск переправился на остров Тайвань. 1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики (КНР), поддерживавшей тесные дружеские отношения с Советским Союзом. Таким образом, к северу от КНДР образовался прочный тыл из союза СССР и КНР, который теоретически можно было преодолеть только в случае развязывания мировой ядерной войны. К тому времени СССР уже обладал ядерным оружием, проведя его успешные испытания в августе 1949 г. 14 февраля 1950 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе и сотрудничестве. В южнокорейской и западной историографии утверждается, что в ходе подготовки этого договора на встрече с Мао Цзэдуном в Москве 22 января 1950 г. И. В. Сталин якобы объявил об отказе от ялтинских договоренностей 1945 г. и попросил у Мао Цзэдуна поддержки в борьбе с США. В любом случае, независимо от того, имел место такой факт или нет, в условиях начавшейся холодной войны союз с СССР автоматически означал противоборство с США, которые с 1948 г. стали строить планы возрождения Японии как будущего союзника и планировали оставить там свои военные базы.

При этом 12 января 1950 г., выступая на пресс-конференции перед американскими журналистами, государственный секретарь США Д. Ачесон обозначил так называемую «линию обороны США» в Тихом Океане, которая оставляла Корею, а также Тайвань за ее пределами. Таким образом, сотрясаемая антилисыньмановскими народными волнениями Южная Корея, от тесного союза с которой США фактически отказывались, подставлялась под возможный удар с Севера, имевшего в то время значительное военно-экономическое превосходство над Югом.

Вполне вероятно, что с конца 1949 — начала 1950 г. в высшем руководстве Северной Кореи могли начать создавать планы военного объединения Корейского полуострова. Подобные методы разрешения вопросов территорий и власти были в известной степени «обыч-

ными и нормальными» для Дальневосточного региона того времени. Буквально «только что» китайские коммунисты (поддерживаемые СССР) военным путем свергли легитимную власть правительства Республики Китай во главе с Чан Кайши (имевшим в то время тесные отношения с США).

В связи с указанными планами в южнокорейской и западной историографии сообщается о секретном визите Ким Ирсена в СССР 30 марта — 25 апреля 1950 г., в ходе которого он будто бы обсуждал с И. В. Сталиным вопрос о возможности военного объединения Кореи. По сообщениям тех же источников, И. В. Сталин рекомендовал обсудить данный вопрос с «китайскими товарищами»²³. 13–15 мая 1950 г. Ким Ирсен и Пак Хонъён посетили Пекин, встретились с Мао Цзэдуном и провели переговоры по вопросу возможной взаимной помощи при осуществлении военных операций в южной части Кореи, а также на острове Тайвань. При этом в послании И. В. Сталина Мао Цзэду от 14 мая указывалось, что «предложенный корейцами план объединения» возможен только в случае согласия китайской стороны на его поддержку.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу достоверности изложенных выше фактов, хотелось бы отметить следующее. Если предположить, что у северокорейского руководства имелись планы военного объединения Корейского полуострова, то последующие консультации КНДР с СССР и КНР были естественной необходимостью. Во-первых, на расположенных к югу от Кореи Японских островах находились американские войска, введенные туда еще в 1945 г. Во-вторых, южнокорейский президент Ли Сынман пользовался поддержкой США. Отсутствие поддержки КНР и СССР в случае ввода в Корею американских войск означало неминуемое поражение молодой северокорейской армии, не имевшей достаточного опыта широкомасштабных боевых операций.

Таким образом, к маю 1950 г. окончательно оформился военный союз КНДР, СССР и КНР. В западной историографии утверждает-

²³ Подробнее см.: *Weathersby K. New Russian Documents on the Korean War // Cold War International History Project Bulletin 6–7 (Winter 1995–1996)*. — Указанное издание представляет собой перевод на английский язык и комментарии к 216 документам, переданным Б. Н. Ельциным президенту Республики Корея Ким Ёнсаму во время его визита в Москву в июле 1994 г. Кроме того, о предварительных консультациях Северной Кореи с китайской Народно-освободительной армией как до провозглашения КНР, так и после свидетельствуют документы, представленные в книге А. В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг.» (М., 2000. С. 62–70).

ся, что в КНДР были отправлены советские военные специалисты с целью оказать помощь в разработке операций в случае возможных боевых действий в южной части Корейского полуострова.

Однако все сказанное отнюдь не означает, что в начале 1950 г. КНДР только «готовилась к войне» и ее руководство не видело никаких других путей для решения корейского вопроса.

Еще в июне 1949 г. в Пхеньяне был создан Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), в том числе с участием представителей Юга, одной из целей которого было достижение полной независимости Кореи и мирного объединения страны. Фронт, правда, имел левую направленность, поскольку призывал к укреплению дружбы с СССР и странами «народной демократии». Тем не менее 7 июня 1950 г. ЕДОФ предложил заняться организацией общекорейских выборов, а 19 июня — соединить в один законодательный орган Верховное Народное Собрание КНДР и Национальное собрание Республики Корея. Несмотря на очевидную утопичность предлагавшихся проектов, развитое левое движение Южной Кореи могло оставлять известную надежду на определенные мирные шаги в межкорейском диалоге.

В то же время не только Северная, но и Южная Корея готовилась к возможному военному решению корейского вопроса. Ли Сынман, поначалу настаивавший на создании сепаратного государства в южной части Корейского полуострова, теперь также был не прочь распространить свою власть и на его северную часть, тем более, что, по Конституции Республики Корея, вся территория Корейского полуострова входила в состав южнокорейского государства²⁴. Еще в сентябре 1949 г., обращаясь к американскому советнику в южнокорейском правительстве Р. Оливеру, Ли Сынман говорил о том, что «корейский народ страстно желает военного похода на Север». Американские власти, с одной стороны, располагали Южную Корею за пределами линии своей национальной обороны, с другой же — обещали оказать всестороннюю помощь и поддержку в случае агрессии коммунистов. Таким образом, для привлечения американской воен-

---

²⁴ Точно так же и в Конституции Северной Кореи косвенным образом обозначалось, что вся территория Корейского полуострова входит в состав КНДР (указание на то, что столицей КНДР является Сеул (ст. 103), или на те «места Кореи, где земельная реформа еще не проводилась» (ст. 7), т. е. на Южную Корею). Таким образом, с точки зрения конституций двух корейских государств любые военные действия на «противоположной территории» были законными, т. е. не являлись «агрессией».

ной и экономической помощи южнокорейским властям было по-своему выгодно продемонстрировать американским союзникам нестабильность вдоль демаркационной линии, опасность «агрессии с Севера», с тем чтобы заставить США приложить больше усилий для укрепления южнокорейской армии и оказания разнообразной помощи. Несмотря на то что 26 января 1950 г. между США и Южной Кореей было подписано корейско-американское Соглашение о помощи во взаимной обороне, согласно точке зрения южнокорейской историографии 1990-х годов, и после подписания договора Корея по-прежнему оставалась для США страной, не имевшей особой значимости²⁵.

Наверное, поэтому южнокорейская сторона совершала неоднократные военные провокации у демаркационной линии. Так, по различным данным (без указания на сторону-инициатора), за 1949 — начало 1950 г. вдоль 38-й параллели имело место от 1274 до 1836 вооруженных столкновений. Крупнейшее из них произошло в конце июля 1949 г. Местом, где происходило наибольшее число вооруженных конфликтов, был полуостров Ончжин в западной части демаркационной линии. Один из американских ученых, Б. Камингс, чья точка зрения критикуется в современной южнокорейской историографии, считает, что Корейская война явилась в известной степени развитием вооруженных столкновений у демаркационной линии²⁶.

Таким образом, и КНДР, и Республика Корея в течение первых лет после провозглашения образования государства активно занимались вопросами укрепления своих вооруженных сил и тайно или открыто заявляли о готовности военным путем преодолеть временное, абсолютно ненормальное разделение страны на две части.

Война началась в 4 часа утра 25 июня 1950 г. Северокорейская и советская историография утверждают, что нападение совершила южнокорейская сторона. Однако ее войска не смогли продвинуться вглубь территории КНДР дальше, чем на 1–2 километра, после чего Корейская Народная Армия (КНА) перешла в контрнаступление и в течение считанных дней отбросила противника на многие десятки километров. Согласно южнокорейской, западной и современной российской историографии, война была начата северокорейской сто-

²⁵ См. напр.: Хангук хёндэса-ый чэ чомён. 1945–1980 ёндэ-ый чончхи, вегё пунсок (Новое освещение новейшей истории Кореи. Анализ внутренней и внешней политики 1945–1980-х годов). Сеул, 1993. С. 117.

²⁶ Подробнее см.: *Cumings B. The Origins of the Korean War. Vol. I–II. Princeton, 1990.*

роной. Уже с 12 июня 1950 г. подразделения КНА стали выдвигаться к югу и дислоцироваться на расстоянии 10–15 километров от демаркационной линии.

Как было отмечено, реальная ситуация на Корейском полуострове в начале 1950 г. была настолько сложна и неоднозначна, что в условиях неполноты доступной информации по этому вопросу вряд ли будет корректно приписывать *всю полноту* ответственности за начало войны только одной из сторон²⁷.

§ 2. *Ход боевых действий и переговоров*

Первый период Корейской войны (25 июня 1950 — 15 сентября 1950) начался со стремительного продвижения Корейской народной армии вглубь территории Республики Корея²⁸. Военное руководство КНДР планировало завершить военную операцию в южной части Корейского полуострова достаточно быстро, за 50 дней, ежедневно продвигаясь на юг примерно на 10 километров. Таким образом, к середине августа 1950 г. должен был быть взят крупнейший южный портовый город Пусан, а к 15 августа, ко дню 5-летия освобождения страны, Корея должна была стать единой.

Действительно, в первый период войны планы командования КНА были большей частью выполнены.

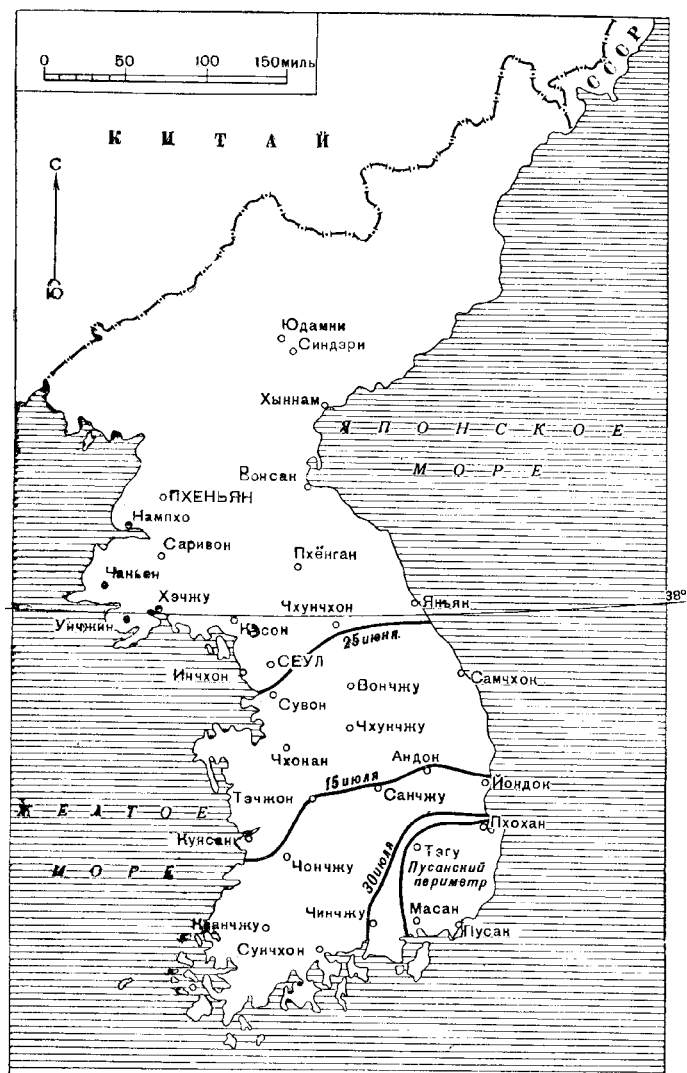
На следующий день после начала боевых действий, 26 июня 1950 г., Ким Ирсен как руководитель государства и глава Военного комитета выступил по радио с обращением к народу, в котором обозначил характер войны как «навязанной предательской кликой Ли Сынмана», а ее целями назвал «объединение, свободу, независимость и демократизацию» Кореи. 27 июня в КНДР было введено чрезвычайное военное положение, а 1 июля была объявлена всеоб-

---

²⁷ Документы из советских архивов, представленные в работе А. В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг.», однозначно свидетельствуют об активной подготовке КНДР к войне с Югом, а также помогают понять роль СССР и КНР в Корейской войне.

²⁸ Более подробно о ходе боевых операций см.: Война в Корее 1950–1953. СПб., 2000; Плотников Г. К. Отечественная освободительная война корейского народа (обзор боевых действий) // За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи. М., 1985; и др. — Первая из указанных работ особо примечательна, поскольку представляет собой современное издание коллективного труда, составленного в 1950-е годы под руководством С. С. Лотоцкого и предназначенного для внутреннего пользования советским генералам и офицерам, в котором предлагается самое подробное из опубликованных на русском языке описание Корейской войны.

Карта № 7. Продвижение Корейской Народной Армии
на Юг летом 1950 г.

* Карта заимствована из издания: Кэгл М., Мэнсон Ф. Морская война в Корее / сокр. пер. с англ. М., 1962.

пая мобилизация. 4 июля 1950 г. Ким Ирсен был назначен Верховным главнокомандующим КНА.

С первого дня войны США стали оказывать активную помощь своему южнокорейскому союзнику. На экстренно созванном 25 июня заседании Совета Безопасности ООН в отсутствие делегации СССР была принята резолюция, в которой выражалась «серьезная озабоченность» нападением войск Северной Кореи на Республику Корея²⁹. На следующий день, 26 июня, США фактически вступили в войну, направив в Корею свою авиацию, которая стала наносить воздушные удары по наступающим северокорейским войскам. 27 июня президент США Г. Трумэн отдал приказ о поддержке американскими ВВС и ВМС армии Южной Кореи. В тот же день в ООН по инициативе американской делегации была принята новая резолюция, осуждавшая «вторжение» КНДР и призывавшая членов ООН оказать Республике Корея всестороннюю военную помощь для отражения наступательных операций северокорейских войск. Таким образом, с самых первых дней американская армия вступила в Корейскую войну.

Плакат южнокорейского Красного Креста периода Корейской войны

Действительно, уже первые два дня войны показали неспособность армии Южной Кореи самостоятельно противостоять северокорейскому натиску. 26 июня передовые отряды КНА подошли к району Ыйчжонбу, северному пригороду Сеула. Республике Корея была крайне необходима срочная военная помощь. Понимая, что ширококомасштабное вступление в войну США может произойти в самое ближайшее время, северокорейские войска предприняли максимальные усилия для того, чтобы в кратчайший срок «занять» или «освободить» как можно большую часть территории Южной Кореи.

²⁹ Ватин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М., 2006. С. 87.

Взятие г. Тэчжон подразделениями Корейской Народной Армии КНДР в июле 1950 г.

Сначала все силы были брошены на *Сеульскую (первую) операцию*, которая началась 25 июня 1950 г. и имела целью окружить и занять Сеул — столицу КНДР, согласно Конституции 1948 г. 26 июня был взят северный пригород Сеула — Ёйчжонбу, а 28 июня — сам Сеул. Тогда же КНА удалось «освободить» город Чхунчхон в центральной части страны и Каннин у восточного побережья Кореи. Таким образом, Сеульская операция успешно завершилась к 29 июня 1950 г.

Однако к этому времени под контролем войск Республики Корея еще оставались южные предместья Сеула (Сувон), а также важнейший порт западного побережья Инчхон. Поэтому 30 июня 1950 г. войска КНА начали *Сувонскую (вторую) наступательную операцию*, сосредоточив главный удар в направлении города Пёнхэк, находившегося южнее Сувона. Части 24-й американской пехотной дивизии оказывали помощь в обороне Сувона. Тем не менее уже к 6 июля Сувон был взят. Одновременно войска КНА продвинулись к югу на всем протяжении фронта.

Для защиты Южной Кореи требовалась более активная помощь США. Однако прямое вмешательство США в Корейскую войну, учитывая активную военно-техническую помощь КНДР со стороны СССР и ряд других обстоятельств, могло привести к разрастанию местного военного конфликта в новую мировую войну. Поэтому 7 июля 1950 г. при участии Совета Безопасности ООН была

принята резолюция, согласно которой помощь Южной Корее должны оказывать «вооруженные силы ООН», в состав которых войдут военные подразделения армий 16 государств. Главнокомандующим силами ООН в Корее был назначен американский генерал Д. Макартур (1880–1964). Несмотря на то что формально в Корейской войне должны были принять участие «объединенные вооруженные силы», на самом деле они по большей части были американскими. По данным отечественной историографии, подразделения США составляли: более 50 % общей численности войск, действовавших на стороне Южной Кореи; 85,9 % объединенных ВМС и 93,4 % ВВС. В современной южнокорейской историографии представлены другие цифры: 88 % сухопутных войск ООН, 83,3 % ВМС и 98 % ВВС.

Для того чтобы не упустить военную инициативу в условиях все нарастающего участия в войне иностранных держав, 7 июля 1950 г. войска КНА начали *Тэчжонскую (третью) операцию*, целью которой был захват («освобождение») новой, временной столицы Республики Корея — города Тэчжона. Перед началом операции войска КНА, воевавшие в Южной Корее, были разделены на две армии — 1-ю (западную) и 2-ю (восточную). Командующим фронтом был назначен Ким Чхэк (1903–1951), заместитель председателя правительства, имевший длительный опыт работы в сфере государственной обороны.

Тэчжонская операция была построена так, что войска КНА должны были сначала продвинуться к югу, охватив Тэчжон с флангов, а затем взять город в кольцо. Угрожающее положение временной южнокорейской столицы вынудило лисынмановское правительство подписать в Тэчжоне 12 июля 1950 г. договор с американским военным командованием, предоставлявшим американским войскам, расквартированным в Корее, право экстерриториальности. 14 июля Ли Сынман передал главнокомандующему «войсками ООН» Д. Макарту все права на управление южнокорейскими войсками. Это право стало реализовываться уже с 17 июля 1950 г. С этого времени можно говорить о фактическом начале «северокорейско-американской» войны на территории Корейского полуострова.

Тэчжонская операция, завершившаяся 20 июля 1950 г., также оказалась достаточно успешной для подразделений КНА. К этому времени под контролем КНДР находилась практически половина территории Южной Кореи. Для развития и закрепления успеха 21 июля была начата *Нактонганская (четвертая) наступательная*

операция, ставившая своей целью выход к бассейну реки Нактонган, открывавшей дорогу к самому крупному южнокорейскому порту Пусан, и взятие городов Тэгу и Кимчхон. Операция завершилась 20 августа 1950 г., но уже не была такой успешной. КНА, встретив упорное сопротивление объединенных войск Южной Кореи и США, пришлось оставить некоторые из взятых рубежей у реки Нактонган. Причиной тому стала постоянно проводившаяся переброска американских вооруженных сил и техники в Пусан и его окрестности из соседней Японии и США. В результате к концу августа 1950 г. объединенные войска Республики Корея (т. е. американские войска) насчитывали 180 тыс. человек и в 2,5 раза превосходили войска КНА в живой силе, в 6 раз — в артиллерии и имели подавляющее преимущество в воздухе и на море.

У КНА оказались значительно растянутыми тылы, имелись проблемы в снабжении боеприпасами и продовольствием. В подобных обстоятельствах новая *Пусанская (пятая) операция* КНА, начавшаяся 31 августа 1950 г., была фактически обречена на провал. В первые несколько дней северокорейским войскам удалось продвинуться на 15–20 километров, но с 8 сентября они вынуждены были перейти к обороне.

Тем не менее сам факт стремительного продвижения северокорейских войск на юг страны, несмотря на участие в боях подразделений США, является весьма примечательным и объясняется не только военным превосходством КНА летом 1950 г. Во-первых, в самой Южной Корее настолько активизировалось левое движение, что для его подавления с июля 1950 г. отступавшие южнокорейские власти были вынуждены прибегать к массовым расстрелам его сторонников, например членов так называемой «Гражданской руководящей лиги» (*Кунмин подо ёнмэн*). Во-вторых, на территориях, перешедших под контроль КНДР, северокорейские власти заново проводили земельную реформу, основанную на принципах *безвозмездной* передачи земли крестьянам, а также создавали народные комитеты как органы местного самоуправления, знакомые южным корейцам по первым дням и неделям после освобождения страны. Поэтому северокорейская политика на вновь «освобожденных» территориях могла получить поддержку простого народа. В-третьих, по свидетельствам очевидцев Корейской войны, проживавших в 1950 г. в провинции Южная Чхунчхон и лично знакомых автору настоящей монографии, солдаты КНА были достаточно дисциплинированы и деликатно вели себя с мирным населением Южной Кореи. Един-

ственным объектом репрессий становились южнокорейские мужчины призывного возраста³⁰.

Итак, 8 сентября 1950 г. продвижение северокорейских войск на юг было остановлено. Большая часть территории Корейского полуострова вошла в состав КНДР. Под контролем властей Республики Корея осталось всего 10 % южнокорейской территории.

Активное участие в ходе боевых действий «войск ООН» положило начало **второму периоду войны (16 сентября 1950 — 24 октября 1950)**. 13 сентября 1950 г. в тылу КНА у портового города Инчхон, открывавшего путь на Сеул по реке Ханган, начал высаживаться морской десант войск ООН (главным образом американских) в составе 45 тыс. человек, доставленных на 230 кораблях и 400 самолетах. У КНА было всего 3 тыс. человек, пытавшихся защищать Инчхон. В обороне Инчхона особенно отличился гарнизон острова Вольмидо, состоявший из одного стрелкового батальона, который в течение трех дней сдерживал натиск десанта войск ООН. Поэтому только 16 сентября десант смог начать продвижение на Сеул. Тогда же, 16 сентября, 8-я армия США перешла в контрнаступление на пусанском плацдарме.

Второй период войны характеризовался таким же стремительным наступлением войск ООН и Республики Корея на север Корейского полуострова, каким было наступление северокорейских войск в первый период войны. Упорством отличалось лишь сопротивление войск КНА у Сеула 16–28 сентября и у Пхеньяна 20–23 октября. Однако продвижение союзных войск на север вряд ли можно назвать в полном смысле слова «наступлением», поскольку оно происходило путем высадки десанта по воздуху или по морю и взятием отдельных населенных пунктов, в то время как значительные подразделения КНА еще оставались в тылу противника, будучи отрезанными от основных частей. Некоторые из них не возвратились на Север, а продолжили сопротивление на Юге в составе партизанских отрядов³¹.

---

³⁰ В то же время не все корейцы поддерживали коммунистическое движение как на Юге, так и на Севере Кореи. Свидетельством тому является миграция населения с Севера на Юг, имевшая место в последующие этапы Корейской войны.

³¹ В северокорейской исторической литературе отступление войск КНА именуется «стратегическим отступлением», вызванным не натиском объединенных войск ООН, а исключительно стратегическим замыслом Ким Ирсена, направленным на то, чтобы спасти основные силы КНА от разгрома и подготовиться к контрнаступлению.

К 1 октября 1950 г. союзные войска вышли к 38-й параллели, а 24 октября — к западной части корейско-китайской границы у города Чхосан, откуда открывался путь на Китай по долине реки Хуныцзян, северного притока реки Амноккан (китайское название — Ялуцзян).

На следующий день, 25 октября, в Корейскую войну вступили *китайские народные добровольцы*. Так начался **третий этап войны (25 октября 1950 — 29 июня 1951)**. Несмотря на определение «китайские народные добровольцы» (КНД), избранное для того, чтобы с формальной точки зрения скрыть факт официального участия армии КНР в Корейской войне, в действительности на Корейском полуострове воевали кадровые китайские военные. Возглавлял их маршал Пэн Дэхуай (1898–1974), с 1928 г. командовавший различными подразделениями китайской Красной армии. К концу октября к китайско-корейской границе были переброшены пять китайских стрелковых корпусов и три артиллерийские дивизии. Они начали переправляться на территорию Кореи еще 19 октября 1950 г.

КНР уже в начале осени 1950 г. была готова к оказанию помощи Корейской Народно-Демократической Республике, о чем было официально заявлено китайским МИДом. Американские военные самолеты в период с 27 августа по 24 октября 1950 г. свыше 200 раз вторгались в воздушное пространство КНР. Выход южнокорейских войск и войск ООН к корейско-китайской границе создавал известную угрозу Китаю, о чем было объявлено 4 ноября 1950 г. в Совместном заявлении КПК и общественных и демократических организаций Китая.

Советский Союз также старался оказать помощь корейским и китайским союзникам, воевавшим против главного врага СССР — США. В отличие от США, которые имели возможность прямого ввода своих войск в Корею под флагом ООН, Советский союз не мог предпринять аналогичных шагов. Поэтому его помощь выражалась главным образом в поставке военной техники, обучении корейских и отправке в Корею и Китай советских военных и гражданских специалистов. В случае ухудшения обстановки на театре военных действий СССР готовился к отправке в Корею пяти бронетанковых дивизий. Перед вступлением в Корейскую войну китайских народных добровольцев в район города Аньдун, расположенный на северном берегу реки Амноккан, напротив корейского города Синьчжу, было направлено советское авиационное соединение. Советские летчики принимали активное участие в защите неба Китая и северной части Кореи от атак американской авиации. По сообщениям западных ис-

точников, с 11 ноября 1950 г. по 6 декабря 1951 г. советская авиация уничтожила 510 американских самолетов, а артиллерия ПВО — 59. При этом Советский Союз потерял 63 самолета МиГ-15 и 30 летчиков.

Итак, при поддержке советской авиации 25 октября 1950 г. китайские народные добровольцы вступили в Корейскую войну. Для координации их действий с войсками КНА было создано Объединенное командование во главе с Ким Ирсеном. С первых дней объединенные северокорейские и китайские войска перешли в контрнаступление.

25 октября началась *Унсанская (первая) операция* в рамках третьего этапа Корейской войны. В операции объединенные северокорейско-китайские войска поставили целью освобождение северных территорий Кореи от китайской границы до реки Чхончхонган. Операция завершилась 5 ноября 1950 г. 13 ноября, правда, объединенные войска ООН снова попытались форсировать Чхончхонган, однако продвижение на север оказалось для них невозможным.

Развивая достигнутые успехи, 25 ноября 1950 г. КНА и КНД начали *Пхеньян-Хыннамскую (вторую) наступательную операцию*, имевшую целью освобождение всей территории КНДР вплоть до 38-й параллели. В первые несколько дней северокорейско-китайским войскам удалось разгромить левый фланг 8-й армии США, английскую и турецкую бригады. Во многом успех северокорейских войск объяснялся тем, что в тылу у войск ООН находились части так называемого 2-го фронта КНДР, в состав которого входили северокорейские подразделения, не отступившие на север после того, как американские (союзные) войска продвинулись вплоть до китайской границы. 6 декабря 1950 г. соединения 2-го фронта КНДР освободили восточный порт Вонсан. В тот же день объединенные войска КНА и КНД взяли Пхеньян. К 24 декабря северокорейские и китайские войска вышли к 38-й параллели.

Для закрепления успеха 31 декабря была начата *Сеульская (третья) наступательная операция* (31 декабря — 8 января 1951 г.). В ходе этой операции в течение достаточно короткого времени северокорейско-китайским объединенным войскам удалось взять Сеул (4 января), а также Инчхон, Сувон и ряд других важнейших населенных пунктов у 37-й параллели. Одновременно в районе Инчхона начались инженерные работы, для того чтобы не допустить повторной высадки десанта войск ООН.

Нахождение Сеула в руках северокорейских властей было фактом, недопустимым для войск ООН, которые тут же стали готовить-

ся к операции за возвращение Сеула под южнокорейский контроль. К середине января 1951 г. на западном участке фронта было сосредоточено 130 тыс. человек войск ООН и большое количество авиации, артиллерии, танков. Объединенные войска ООН и Республики Корея начали ответное наступление на Сеул 27 января 1951 г. Для отражения атаки северокорейско-китайские войска 25 января начали так называемую *Сеульско-Хвенсонскую (четвертую) операцию активной обороны* (25 января — 21 апреля 1951 г.). Однако им не удалось сдержать наступление американо-корейских войск, и 14 марта 1951 г. Сеул был оставлен. В развитие успешного наступления войска ООН попытались высадить десант в районе Мунсана, севернее Сеула, т. е. прибегнуть к тактике второго этапа войны и попытаться продвинуться на север. Однако попытка оказалась неудачной.

В это время Д. Макартур, главнокомандующий войсками ООН в Корее, настаивал на расширении масштабов войны. Поскольку в Корейскую войну были вовлечены подразделения КНР, он предлагал развернуть боевые операции в Маньчжурии, привлечь к участию в войне *гоминьдановскую* армию Чан Кайши (бежавшего на Тайвань) и открыть в Китае второй южный фронт. Таким образом, Корейская война вновь могла стать запалом для новой мировой войны. Однако американское командование благоразумно решило снять Д. Макарута со своего поста 11 апреля 1951 г. и назначить на его место генерала М. Риджуэя.

К середине апреля 1951 г. общая численность войск ООН составляла 230 тыс. человек. 8-я армия США, являвшаяся основной войска ООН в Корее, имела около 1000 танков и 1600 самолетов.

Несмотря на укрепление сил ООН в Корее, 21 апреля 1951 г. северокорейско-китайские войска предприняли *Кэсон-Сеульскую (пятую) операцию активной обороны* (21 апреля — 9 июня 1951 г.) с целью возвращения Сеула под контроль КНДР. И первые несколько дней операции оказались довольно успешными для подразделений КНА и китайских народных добровольцев. К 29 апреля им удалось отбросить войска ООН на 40–60 километров вглубь южнокорейской территории. Однако уже 5 мая северокорейско-китайские войска были отведены на 10–20 километров на север. 16–21 мая ими была предпринята вторая попытка прорыва на юг. Несмотря на то что в течение первых дней северокорейско-китайским войскам удалось одержать значительные победы на восточном участке фронта, 21–22 мая начался их очередной отвод. К 9 июня 1951 г. фронт окончательно стабилизировался в районе 38-й параллели. Однако в отличие

от довоенного времени линия разграничения между Югом и Севером не проходила точно по 38-й параллели: на западном участке фронта северокорейские войска продвинулись значительно южнее, а на центральном и восточном участках войска ООН заняли бывшие территории КНДР.

Какое-либо наступление одной из воюющих сторон к югу или к северу от 38-й параллели стало практически невозможным. С одной стороны, северокорейско-китайские войска имели явное преимущество в живой силе. За годы Корейской войны только число убитых или раненых китайских офицеров и солдат составило около 1 млн человек³². Легко представить, насколько велико было число китайских бойцов, сражавшихся в Корее (точные цифры автору настоящей монографии не встречались). Для сравнения заметим, что общее число потерь войск ООН и южнокорейской стороны убитыми, ранеными и без вести пропавшими составило 409 тыс. человек³³. К концу июня численность союзных войск южной стороны возросла до 555 тыс. человек. К тому же войска ООН в Корее превосходили северокорейского противника в авиации, артиллерии и другой военной технике. Дальнейшее продолжение войны становилось бессмысленным.

Между 10 и 12 июня 1951 г. Ким Ирсен и член ЦК Компартии Китая Гао Ган посетили Москву, где вели переговоры с И. В. Сталиным о целесообразности перемирия. На переговорах, а также в ходе последующей переписки И. В. Сталина с Мао Цзэдуном было достигнуто соглашение о необходимости перемирия³⁴. Вслед за этим 23 июня 1951 г. представитель СССР в ООН Я. А. Малик выступил с предложением о прекращении огня и отводе войск воюющих сторон от 38-й параллели, т. е. речь шла о мирном урегулировании корейского вопроса. 25 июня президент США Г. Трумэн заявил о своем согласии с мирным предложением, и 30 июня от имени генерала М. Риджуэя Объединенному командованию северокорейских и китайских войск было передано сообщение о готовности войск ООН вести переговоры. Так начался последний, **четвертый этап Корейской войны (30 июня 1951 — 27 июля 1953)**.

---

³² История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998. С. 634.

³³ Хангук чончжэн са (История войн Кореи). Сеул, 1992. С. 756. — Южнокорейские историки отрицают достоверность северокорейских данных о потерях войск ООН и южнокорейской стороны убитыми, ранеными и военнопленными в количестве 1 млн человек.

³⁴ Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. С. 162–167.

Предварительные переговоры состоялись 8 июля 1951 г., официально переговоры начались 10 июля в городе Кэсон, который до начала Корейской войны находился на территории Республики Корея, а к лету 1951 г. перешел под контроль КНДР и был ближайшим к линии фронта крупным населенным пунктом. На переговорах обсуждались такие вопросы, как установление демаркационной линии, создание демилитаризованной зоны к северу и югу от нее, образование особого органа, который должен был отвечать за соблюдение перемирия. Северокорейскую делегацию возглавил начальник Генерального штаба Нам Иль, а со стороны ООН — главнокомандующий ВМС США на Дальнем Востоке Т. Джой.

Однако мирные переговоры вскоре были приостановлены. Современная южнокорейская историография обвиняет Ли Сынмана в разрывании движения против перемирия. Действительно, с точки зрения Южной Кореи, трудно было согласиться с тем, что к Северной Корее отошла часть территорий на западе с центром в городе Кэсон, принять то, что межкорейская граница значительно приблизилась к Сеулу.

18 августа 1951 г. началось *первое летнее наступление* войск Южной Кореи и ООН. Однако целью его было вовсе не «возвращение» территорий у западной части фронта, а попытка прорваться в сентябре к Вонсану (на востоке) и даже к Пхеньяну. Поэтому основным направлением удара стало восточное в районе Хвачхони и Инчже и центральное в районе Кимхва (другой возможный вариант прочтения — Кымхва) направления. Наиболее ожесточенные бои развернулись в районе высот 1211 и 1052. Однако первое летнее наступление оказалось неудачным для войск Юга и было прекращено 18 сентября.

29 сентября 1951 г. началось *второе осеннее наступление* южнокорейско-американских войск. Главные бои развернулись в центральной части фронта у Чхорвона и в восточной части у высот 1211 и 1052. К концу октября 1951 г. стало очевидным, что Южной стороне не удастся прорвать линию обороны КНДР. Тогда обе стороны приняли решение возобновить мирные переговоры. Местом их проведения стал не Кэсон, находившийся на Севере, а Пханмунчжом — небольшой пункт в западной части линии фронта, где оборудовали специальные помещения для переговоров, которые начались 25 октября 1951 г.

Одновременно с началом переговоров обе стороны приступили к строительству оборонительных инженерных сооружений. Поскольку

большая часть линии фронта, центральная и восточная, проходила в гористой местности, войска КНА и китайских народных добровольцев приступили к сооружению тоннелей, служивших лучшей защитой от воздушных налетов американской авиации. Так, к середине 1952 г. на один батальонный район обороны войск приходилось по 450–500 метров тоннелей.

Переговоры в Пханмунчжоме продолжались в течение следующего, 1952 г., несмотря на многочисленные весенние и летние попытки Южной стороны прорвать фронт. Особые затруднения возникли осенью в связи с вопросом репатриации военнопленных. Некоторые из плененных солдат и офицеров не хотели возвращаться назад³⁵. Переговоры прервались 8 октября 1952 г. 14 октября началось *третье осеннее наступление* войск ООН и Республики Корея в центральной и восточной части фронта. Сотни американских самолетов обрушили бомбовые удары как вдоль линии фронта, так и на северо-корейские города в тылу. К восточному побережью было стянуто до 300 кораблей. Самые ожесточенные бои происходили в районе Кимхва, в центральной части фронта. Однако уже 25 ноября южнокорейско-американские войска были вынуждены прекратить наступление.

25 января 1953 г. по всему фронту началось *четвертое зимнее наступление* объединенных войск ООН и Республики Корея. В качестве основной задачи ставился выход на рубеж Нампхо-Пхеньян-Вонсан, т. е. продвижение вглубь северо-корейской территории на расстояние примерно 200 километров. Но это наступление также не принесло ожидаемых результатов. Наоборот, в мае 1953 г. Северная сторона предприняла ряд контрнаступательных операций, главным образом в восточной части фронта, у реки Пукханган, а также в его центральной части. Насчитывают до трех наступательных операций объединенных северо-корейских и китайских войск, которые разворачивались с 1 мая (датой начала отмечают также 13 или 27 мая) по 27 июля (указывают на 13 или 15 июля как время завершения северо-корейского наступления). Следует отметить, что впервые за долгое

³⁵ По состоянию на 18 декабря 1951 г. у Южан находилось 111 754 северо-корейских и 20 720 китайских военнопленных, а у Северян — 7142 южнокорейских, 3193 американских и 1216 «союзных» военнопленных. Согласно более поздним сведениям из южнокорейских источников, по состоянию на февраль 1954 г. из оставшихся 7900 северо-корейских и 14 700 китайских пленных большинство выразили желание не возвращаться к себе на родину и остались либо в Республике Корея, либо в Республике Китай (Тайвань). Точно так же большинство из 335 южнокорейских пленных пожелали остаться в КНДР (Хангук чончжэн са (История войн Кореи). С. 627, 759).

время предпринятые Северной стороной наступательные операции были довольно успешными и подтолкнули обе воюющие стороны к скорейшему заключению соглашения о перемирии.

К 19 июля 1953 г. было достигнуто единство мнений по всем пунктам будущего соглашения. С 20 июля началась работа по определению места прохождения демаркационной линии, а 27 июля 1953 г. в 10 часов утра в Пханмунчжоме было наконец-то подписано Соглашение о перемирии, состоявшее из преамбулы, 5 статей и приложения. Оно было подписано представителями трех основных воюющих сторон — КНДР, КНР и войск ООН и объявляло о прекращении огня с 22 часов того же дня. Отказавшийся еще 25 мая 1953 г. от ведения переговоров южнокорейский генерал Чхве Доксин присутствовал на церемонии подписания Соглашения, однако поставить свою подпись отказался. Южнокорейская сторона долгое время отказывалась от установления мира с Северной Кореей, но, в конечном счете, была вынуждена согласиться под давлением США, которые обещали подписать новый договор о сотрудничестве в сферах обороны и экономики.

§ 3. Основные итоги войны

Корейская война закончилась «победой» как для КНДР, так и для Республики Корея. Обоим государствам, в течение некоторого периода почти полностью оккупированным вражескими войсками, удалось практически полностью отстоять свои территории. В южнокорейской историографии, правда, факт победы передается чуть более скромным выражением «преодоление государственных трудностей». В любом случае и Корейская Народно-Демократическая Республика, и Республика Корея продолжили свое развитие в направлениях, определенных при основании каждого из государств. Подобный исход войны в условиях паритетного противостояния недавно сформировавшихся социалистического (во главе с СССР) и капиталистического (во главе с США) лагерей был объективно предопределен.

Однако Соглашение о перемирии от 27 июля 1953 г., будучи по своему характеру *временным*, не принесло долгожданного мира. Два корейских государства по-прежнему не признавали друг друга и объявляли своей территорией весь Корейский полуостров, который с этого времени стал постоянным источником нестабильности в Восточной Азии.

Корейская война окончательно закрепила разделение полуострова на два враждебных государства, являвшихся азиатскими форпостами двух военно-политических блоков. Из-за вынужденной или добровольной миграции населения с севера на юг и наоборот появилось большое количество разделенных семей, когда дети и родители, братья и сестры оказались по разные стороны от демаркационной линии. После войны проблема объединения Кореи стала важнейшей и практически неразрешимой задачей правительств обоих государств. Последующие 30–40 лет XX столетия принесли двум Кореям лишь первые робкие шаги на пути межкорейского сближения. Только начиная с 1990-х годов межкорейские отношения вступили в фазу активных контактов.

За хрупкий мир и право КНДР и Республики Корея продолжать строить общество *своего типа* была заплачена очень дорогая цена. За годы войны общее число погибших достигло 1,5 млн человек, а раненых — 360 тыс., многие из которых на всю жизнь остались калеками. Северная Корея была полностью разрушена американскими бомбардировками, так что в конце Корейской войны американское военное командование официально заявило, что в Северной Корее «больше нет объектов для бомбардировки». Там было уничтожено более 8 700 промышленных предприятий, более 600 тыс. жилых домов. Ущерб, нанесенный экономике КНДР, оценивался в сумму, превысившую 420 млрд *вон*.

Несмотря на то что Южная Корея не подвергалась таким разрушительным бомбардировкам, как Северная, ущерб, который страна понесла от боевых действий, также был достаточно велик. За годы войны в Республике Корея было разрушено 44 % зданий, уничтожено 42 % промышленного оборудования, 68 % промышленных предприятий. Экономический кризис был настолько велик, что к началу 1953 г. ценность национальной валюты (так же, как и в Северной Корее, именовавшейся *вона*) упала в 11 раз, поэтому в феврале 1953 г. правительство было вынуждено провести денежную реформу. Цены за годы войны выросли в 18 раз. Общий экономический ущерб, нанесенный Республике Корея, оценивается суммой в 3 млрд долларов США.

После войны в Южной Корее значительно усилилась антикоммунистическая идеология, что отрицательно отразилось на развитии демократического движения.

В годы войны также имела место масштабная миграция населения, связанная с изменением границ демаркационной линии, доб-

ровольным переходом в Северную или Южную Корею сторонников левых или правых сил (одновременно с поочередным отступлением войск Севера и Юга), а также в связи с насильственной депортацией населения на Север (до 83 тыс. человек; относительно Юга сведения отсутствуют).

Другим немаловажным итогом Корейской войны стало возвращение на Корейский полуостров американских вооруженных сил, что противоречило ст. 4 Соглашения о перемирии, в которой говорилось о необходимости вывода из Кореи всех иностранных войск. 1 октября 1953 г. был заключен корейско-американский Договор об обеспечении взаимной безопасности, согласно которому на территории Республики Корея должны были быть расквартированы американские войска. Присутствие вооруженных сил США на Корейском полуострове, с одной стороны, защищало Южную Корею от «агрессии с Севера», т.е. на первых порах в известной степени служило гарантом мира. С другой стороны, в Республике Корея начался процесс частичной американизации корейской культуры, который оценивается достаточно негативно самими южными корейцами. Однако со временем факт наличия в Южной Корее американских вооруженных сил стал важнейшим препятствием в межкорейском диалоге и из гаранта мира (в связи с изменением внутрикорейской и международной обстановки) превратился в фактор нестабильности.

С конца 1953 г. Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика стали развиваться как два независимых, совершенно не связанных и взаимно не признающих друг друга враждебных государства, населенных одной нацией, имевшей некогда единую историю.

Северная Корея оказалась в уникальном геополитическом положении, будучи окруженной тремя сильнейшими державами мира: с юга — враждебными США, контролировавшими всю систему обороны Южной Кореи, а с севера — Китаем и СССР, отношения с которыми со временем заметно охладели. Поэтому Северная Корея была вынуждена тратить много сил и выделять большие средства, чтобы развивать свои вооруженные силы.

Южная Корея стала фактически островным государством, отделенным от внешнего мира с запада, юга и востока морями, а с севера — наглухо закрытой демаркационной линией. Для поддержания порядка в разрушенной стране и восстановления экономики Ли Сынман пошел по пути усиления единоличной власти, которую сами южные корейцы стали воспринимать как диктатуру.

Глава 4. ЮЖНАЯ КОРЕЯ НА ПОРОГЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»: КОНЕЦ ПРЕЗИДЕНТСТВА ЛИ СЫНМАНА, «АПРЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА

Новый исторический период, начавшийся в 1953 г., после окончания Корейской войны, и завершившийся в 1961 г. с приходом к власти «диктатора» Пак Чонхи, был очень важным для Южной Кореи. Он во многом определил дальнейший путь ее развития. Во-первых, именно в это время назревало и затем реализовалось первое выступление народа Республики Корея против собственного правительства, которое обозначило новый этап его национальной и политической зрелости и показало объективную необходимость будущих демократических преобразований. Во-вторых, несмотря на тяжелое экономическое положение страны, именно в этот период стали укрепляться и набирать силу структуры, ставшие основой для последующего рывка в развитии ее экономики.

§ 1. Первая Республика после Корейской войны

В преддверии Корейской войны Ли Сынман стал стремительно терять свою популярность как среди корейских политиков, так и в народных массах. Поскольку корейское Национальное собрание³⁶, избиравшее президента страны и имевшее полномочия вносить поправки к Конституции, создавалось исходя из партийной принадлежности кандидатов, выставлявших свои кандидатуры на выборах, Ли Сынман решил создать свою политическую партию. Корейская война, в ходе которой президент страны был наделен особыми полномочиями, давала хорошие шансы Ли Сынману укрепить власть.

Еще в конце 1951 г., когда линия фронта стабилизировалась в районе 38-й параллели, ряд политических организаций, как входивших в парламент, так и не представленных в нем, создали Подготовительный комитет для образования новой партии. Однако сразу же две группировки в новом Комитете разделились на две враж-

---

³⁶ С 1950 до 1961 г. верховный орган власти Республики Корея назывался Верховной народной палатой (*Тэмин ыйвон*). Однако в настоящей книге для удобства изложения материала он именуется Национальным собранием — по названию, принятому с 1948 по 1950 г. и впоследствии, с 1961 г. Подобному «упрощению» названия корейского парламента следует и южнокорейская историография.

дующие части. Поэтому 23 декабря 1951 г., в день образования новой «пролисинмановской» партии, фактически было образовано две партии с одним и тем же названием — «Либеральная партия» (дословно: «Партия свободы» — *Чаяудан*). Только к лету 1952 г. удалось частично преодолеть противостояние, и руководство партией взял на себя Ли Бомсок (1900–1972) — известный борец за независимость Кореи. С 1941 г. он исполнял обязанности начальника штаба Армии возрождения (*Кванбоккун*), а после образования Республики Корея возглавил новое правительство (одновременно, чуть более полугода, занимая должность министра обороны), а в 1952 г. был министром внутренних дел.

5 августа 1952 г. должны были состояться вторые президентские выборы. Несмотря на создание лояльной Ли Сынману, но еще слабой Либеральной партии, парламентское большинство было далеко не на стороне Ли Сынмана. Поэтому старая система выборов президента через парламент означала практическую невозможность для Ли Сынмана быть переизбранным на второй срок. Поэтому при поддержке Либеральной партии с конца 1951 — начала 1952 г. в Национальное собрание стали вноситься предложения об изменении Конституции и введении прямых президентских выборов. Поначалу они не получили должной поддержки. Однако, воспользовавшись военным положением, 26 мая 1952 г. Ли Сынман смог отправить за решетку 47 оппозиционных членов парламента. В результате 4 июля 1952 г. поправку к Конституции удалось принять. На августовских выборах президента Ли Сынман был выдвинут кандидатом от Либеральной партии. На пост вице-президента претендовал Ли Бомсок.

Августовские выборы принесли Ли Сынману победу. Возможно, в его популярности среди народа свою роль сыграл факт удачного вовлечения в Корейскую войну войск ООН, которые помогли отстоять территорию Республики Корея. Программа Либеральной партии, адресованная прежде всего «рабочим, крестьянам и имеющим совесть предпринимателям» и обещавшая «покончить с эксплуатацией»³⁷, также способствовала определенной популярности партии в народе.

---

³⁷ Наиболее важные выдержки из документов, освещающих историю Республики Корея в 1945–1990 гг., удачно представлены в южнокорейском сборнике материалов «Хангук хёндэса каный (Лекции по новейшей истории Кореи)» (Сост. Ким Инголь и др. Сеул, 1998), а также в сборнике «Сарё-ро понын 20 сеги Хангукса (История Кореи XX века, представленная в исторических материалах)» (Сост. Ким Самун. Сеул, 1997).

После окончания Корейской войны Ли Бомсок попытался привлечь в Либеральную партию своих сторонников из некогда возглавляемого им Союза демократической молодежи (*Минчэсок чхоннён-дан*). Его попытка занять лидирующие позиции в южнокорейской политике привела к конфликту с Ли Сынманом, который был вынужден в сентябре 1953 г. исключить Ли Бомсока из партии. Либеральная партия оказалась на грани развала. Однако 5-й Съезд Либеральной партии, созданный в марте 1954 г., передал руководство непосредственно Ли Сынману. Его заместителем стал Ли Гибун (1896–1960), ближайший соратник Ли Сынмана, занимавший с 1951 г. пост министра обороны.

Укрепившая свои ряды Либеральная партия смогла одержать победу на очередных (третьих) парламентских выборах, которые проходили 20 мая 1954 г. Согласно южнокорейской историографии, Либеральная партия смогла получить $\frac{2}{3}$ (137) мест в парламенте во многом благодаря не совсем демократическим методам проведения выборов и привлечению полиции.

Таким образом, с середины 1954 г. Ли Сынман на время значительно укрепил свою власть и смог приступить к дальнейшему пересмотру Конституции, направленному на укрепление власти президента. Новая, вторая по счету группа поправок была принята 27 ноября 1954 г. большинством в $\frac{2}{3}$ голосов (135 из 203)³⁸ и опубликована 29 ноября того же года. Таким образом, на следующих президентских выборах 15 мая 1956 г. Ли Сынман должен был одержать победу.

Однако его политика, направленная на усиление собственной авторитарной власти, и неэффективные шаги в сфере экономики вызвали у населения Южной Кореи все большее недовольство. 18 сентября 1955 г. из бывшей Демократической гражданской партии (*Минчэсу кунминдан*) была образована оппозиционная Демократическая партия (*Минчэсудан*). В первом пункте ее Программы указывалось на необходимость борьбы с диктатурой (т. е. «диктатурой» Ли Сынмана) и развития демократии. Партию возглавил Син Икхи (1896–1956), известный деятель движения за независимость, бывший член Временного правительства Республики Корея в эмиграции, соратник Ким Гу.

³⁸ Современная южнокорейская историография оценивает принятие второй группы поправок к Конституции страны как незаконное, поскольку для достижения полных $\frac{2}{3}$ голосов было необходимо, чтобы за поправки проголосовали 136 человек.

Следует отметить, что в современной южнокорейской историографии деятельность Демократической партии как оппозиционной лисынмановскому режиму оценивается весьма положительно, в отличие от советской, в которой деятельность партии называют отражением интересов национальной буржуазии. Тем не менее в третьем пункте Программы партии говорилось о необходимости распределения благ в соответствии с принципами общественной справедливости и повышения уровня благосостояния крестьян, рабочих и других представителей трудовых масс. По-видимому, в 1950-е годы в Южной Корее, несмотря на провозглашенную политику антикоммунизма, левые идеи еще оставались достаточно популярными как в народе, так и среди политиков, которые пользовались ими для достижения поставленных целей.

Очевидно, Программа Демократической партии оказалась достаточно привлекательной для народа. В ходе предвыборной президентской кампании 1956 г. Син Икхи — кандидат на пост президента от Демократической партии, пользовался большой популярностью в народе. Однако всего за 10 дней до выборов, 5 мая 1956 г., по пути в провинцию Чолла Син Икхи скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг. Партия оказалась практически безоружной в борьбе против диктатуры Ли Сынмана. Большие надежды возлагались на Чан Мёна (1899–1966), который в 1951 г. непродолжительное время возглавлял кабинет министров Республики Корея и был выдвинут на пост вице-президента от Демократической партии.

Президентские выборы 15 мая 1956 г. принесли Ли Сынману победу. Он сумел набрать более 5,046 млн голосов. Вторым по количеству набранных голосов стал Чо Бонам (1898–1959), который представлял «Комитет по продвижению Партии прогресса», созданный 26 января 1956 г., за несколько месяцев до выборов. Сама Партия прогресса (*Чинбодан*) окончательно оформилась лишь в ноябре 1956 г. Чо Бонам набрал 2,163 млн голосов. Более 1,856 млн голосов было отдано за умершего Син Икхи, чье имя, очевидно, не успели изъять из бюллетеней. Эти голоса были признаны недействительными. Следовательно, Ли Сынман набрал всего 52 % голосов, если учитывать голоса, отданные за покойного Син Икхи (или 70 %, если не брать их в расчет). Иными словами, победа Ли Сынмана была очень непростой. В южнокорейской историографии отмечается, что перед выборами Ли Сынман прибегал к таким методам давления, как террор, шантаж, подкуп. На выборах вице-президента победил представитель Демократической партии Чан Мён, набравший 4,012 млн голосов и

значительно опередивший Ли Гибуна, кандидата от лисынмановской Либеральной партии.

Таким образом, третьи президентские выборы, несмотря на изменение Конституции страны, наглядно продемонстрировали все большее падение популярности Ли Сынмана. Не за горами было новое испытание на прочность его власти: парламентские выборы, намеченные на май 1958 г. Следующий после президентских выборов 1957 год показал, что кроме Демократической партии у Ли Сынмана появился новый серьезный противник — Партия прогресса, лидер которой Чо Бонам получил достаточно сильную поддержку на предшествующих президентских выборах. В Программе партии, ставившей своей целью как процветание национального капитала, так и улучшение жизни крестьян, рабочих и деятелей культуры, в качестве важнейшей задачи выделялась борьба против коммунистической диктатуры и «диктатуры капиталистов и гнилых элементов», т. е. Ли Сынмана.

В начале 1958 г. Ли Сынман предпринял ряд шагов для того, чтобы силой расправиться с возможными будущими конкурентами. В середине января 1958 г. были арестованы Чо Бонам и ряд руководящих работников Партии прогресса. Их обвинили в шпионаже в пользу КНДР, а также в поддержке антигосударственных северокорейских предложений по мирному объединению страны. Трудно сказать, насколько справедливыми были выдвинутые обвинения, однако биография Чо Бонама давала хороший повод для того, чтобы с легкостью расправиться с ним. В 1925 г. он входил в число руководителей Корейской коммунистической партии, а затем в течение двух лет обучался в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. 25 февраля 1958 г. Партии прогресса было отказано в продлении регистрации, и она прекратила дальнейшее существование.

Тем не менее парламентские выборы (четвертые по счету), проведенные 2 мая 1958 г., еще больше пошатнули власть Либеральной партии и Ли Сынмана. В принципе, Либеральная партия, получившая 126 мест в парламенте, составляла большинство. Кандидаты от Демократической партии смогли получить 79 мест, от Партии единства (*Тхонильдан*) — 1 место и беспартийные — 27. Однако итоги выборов показали, что в большей части городов правящая Либеральная партия больше не имела поддержки. Например, в Сеуле из 16 избирательных округов в 14 победу одержали кандидаты от оппозиционной Демократической партии.

Таким образом, новые президентские выборы, намеченные на 1960 г., несмотря на все предпринимаемые меры, могли закончиться поражением Ли Сынмана, не желавшего оставлять президентский пост. Правящие круги не имели другого выхода, кроме как продолжать репрессивную политику, направленную против оппозиции. Именно поэтому в апреле 1959 г. была закрыта наиболее оппозиционно настроенная газета «*Кёнхян синмун*» («Столичная и провинциальная газета»), обвиненная в публикации серии статей, «неверно» излагавших факты из политической жизни Южной Кореи того времени.

Однако к 1959 г. недовольство Ли Сынманом и его политикой стало приобретать все большие масштабы. Если в 1956–1958 гг. число крупных антиправительственных выступлений трудящихся находилось на уровне 32–45 в год, то в 1959 г. оно достигло 95 выступлений.

К этому времени у южнокорейского народа было достаточно причин для того, чтобы быть недовольным политикой властей. Не вызвала особого оптимизма идея повторного «похода на Север».

Однако наибольшее неприятие у народа вызывала **политика Ли Сынмана в сфере экономики**, которая получила название «экономики [основанной на] помощи» (*вончжэо кёнчжэ*), поскольку она строилась главным образом на помощи со стороны США. Многие из тех, кто в годы Корейской войны перешел на Юг, раскаивались в своем поступке и завидовали тем, кто остался на Севере, успешно и в короткие сроки восстановившем народное хозяйство.

Несмотря на то что правительство Ли Сынмана объявило своей целью восстановление разрушенной экономики, американская помощь Южной Корее мало способствовала поставленным задачам. Планомерную экономическую помощь Республике Корея от имени США или ООН оказывали шесть различных фондов и организаций, некоторые из них были созданы специально для работы в Южной Корее. Всего за период с 1945 по 1961 г. США оказали помощь на сумму в 3 млрд 137 млн долларов. В период после Корейской войны ежегодная сумма американских поставок колебалась в пределах 200–300 млн долларов в год с пиком в 1957 г. — 380 млн. Помощь оказывалась главным образом в виде поставок сырья или полуфабрикатов для корейских предприятий (42 %) или в форме прямых продовольственных поставок (25 %). Большая доля американской помощи шла на поддержание и развитие южнокорейской армии. Экспорт американского капитала не превысил 9 %, а техники — 5 % от всех сумм поставок. Действительно, слаборазвитая и политически нестабильная Корея не могла быть привлекательной для иностранного капитала.

Поставки американского продовольствия в Корею были необходимы самим США, поскольку позволяли избавиться от избыточного продукта и тем самым держать под контролем собственный рынок продовольствия. Для Южной Кореи поставки продовольствия — пшеницы, кукурузы, ячменя, риса — с одной стороны, облегчили бедственное положение населения, особенно в первые годы после окончания Корейской войны, а с другой — впоследствии стали тормозом в развитии собственного сельского хозяйства, привели к ухудшению положения южнокорейского крестьянства.

В то же время само правительство Ли Сынмана избрало неверный курс экономического развития страны, посчитав, что для восстановления экономики следует развивать прежде всего легкую промышленность, в которой приоритет отдавался так называемым «трем белым промышленным производствам» (*самбэж коноп*), т. е. мукомольной, сахарной промышленности и производству хлопчатобумажных тканей. Поставляемое из США дешевое сырье для «трех белых промышленных производств» позволило на первых порах получать владельцам предприятий огромные прибыли.

Следует отметить, что в 1950-е годы, несмотря на общее тяжелое экономическое положение, все же происходил процесс накопления национального капитала и создания крупных концернов, которые впоследствии стали основой стремительного экономического развития Южной Кореи.

Как известно, существуют два основных способа накопления капитала: приобретение нового капитала на основе предпринимательской деятельности и концентрация капитала на основе его перераспределения. Для Южной Кореи, пережившей японскую колонизацию и Корейскую войну, первый способ накопления капитала был неактуальным. Перераспределение капитала в условиях Южной Кореи происходило в рамках следующих основных направлений: 1) внеконкурентное размещение лицензий на импорт, 2) установление государством дешевых цен на приобретение прежней японской собственности, 3) выборочное (с известными привилегиями со стороны государства) размещение фондов и материалов, поступавших по линии экономической помощи, 4) привилегированный доступ к низким банковским займам, 5) внеконкурентное предоставление контрактов с государством и командованием размещенных в Корею войск США³⁹.

---

³⁹ Об экономическом развитии Южной Кореи см.: *Шипаев В. И.* 1) Япония и Южная Корея (помощь развитию и ее последствия). М., 1981; 2) Южная Корея

Поэтому экономические привилегии, или, иными словами, возможность развития своих производств в условиях диктатуры Ли Сынмана, могли получать только те предприниматели, которые поддерживали правительство Ли Сынмана или даже были членами правящей Либеральной партии. Таким образом, уже с первых лет существования Республики Корея стал складываться тесный союз между органами государственной власти и капиталом.

При этом южнокорейское капиталистическое производство пошло по пути создания крупных семейных финансово-промышленных корпораций, получивших название *чэболь*, что дословно означает «род [владеющий] богатствами». Во многом этот путь являлся повторением японского, с его аналогичными финансово-промышленными корпорациями *дзайбацу*⁴⁰. По состоянию на 1960 г. ведущей считалась корпорация «Самсунг»⁴¹, история которой началась еще в 1935 г. В нее входили 19 компаний, крупнейшие из которых занимались переработкой сахара, выпуском автомобильных шин, удобрений, цемента и т. п. Корпорация «Лакки» (впоследствии вошедшая в хорошо известную в России группу «Эл Джи») находилась на пятом месте в списке крупнейших *чэболь* и уже тогда занималась торговлей полупроводниками и химическим производством. В списке *чэболь*, в то время еще не занимая ведущих позиций, были представлены корпорации «Хёндэ» и «Голд Стар» (*Кымсон*).

И тем не менее к началу 1960 г. экономическая ситуация в стране продолжала оставаться очень тяжелой. Дефицит внешнеторгового баланса достиг уровня в 310 млн долларов, ежегодный уровень инфляции превышал 20 %, число безработных составляло около 40 % трудоспособного населения, росла преступность. Ли Сынман, будучи не в состоянии проводить политику, способную улучшить ситуацию в стране, готовился к очередным, четвертым по счету, президентским выборам.

в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986 и др. — Из западных работ одним из наиболее часто цитируемых является сочинение: Jones L. P., Sakong I. Government, Business and Entrepreneurship in Economic Development. The Korea Case. Cambridge, 1980. — Среди южнокорейских изданий в известном смысле классическим стало сочинение Ким Сонсу «Хангук кёнчже-ый ихэ (Понимание корейской экономики)» (Сеул, 1992).

⁴⁰ *Дзайбацу* — японское прочтение тех же самых иероглифов, которыми записывается корейское слово *чэболь*.

⁴¹ «Самсунг» — не совсем точная, но устоявшаяся в российских СМИ форма передачи названия концерна «Самсон».

§ 2. «Апрельская революция» и Вторая Республика

Изначально выборы планировалось провести в мае 1960 г. Однако, воспользовавшись тем, что главный противник Ли Сынмана на выборах кандидат от Демократической партии Чо Бёнок (1894–1960) был вынужден отправиться на лечение в США, выборы были перенесены на два месяца вперед и назначены на 15 марта 1960 г. Чо Бёнок, известный участник движения за независимость, один из лидеров «Общества обновления» (*Синганхве*) и студенческого анти-японского сопротивления в Кванчжу 1929 г., проживавший долгое время в США, стал противником политики Ли Сынмана с первого года Корейской войны. Однако 15 февраля 1960 г. Чо Бёнок скоропостижно скончался в американском военном госпитале им. Уолтера Рида в Вашингтоне, и Ли Сынман снова оказался единственным кандидатом на пост президента.

Однако и это случайное стечение обстоятельств не давало Ли Сынману уверенности в победе. В то время ему уже исполнилось 85 лет. Он поручил Чхве Ингю, тогдашнему министру внутренних дел, разработать детальный план «обеспечения победы» на выборах, в который входило использование таких методов, как предварительное голосование, подмена урн с избирательными бюллетенями, сообщение заведомо ложных итогов подсчета голосов, недопущение на избирательные участки наблюдателей от Демократической партии, отправка полиции в районы наибольшего влияния оппозиции, запугивание и угрозы в адрес представителей оппозиционных сил. Последнее можно было делать практически легально на основании дополнений и исправлений к «Закону об охране государства» (*Кукка поанбон*), принятых еще 24 декабря 1958 г.

День выборов, 15 марта 1960 г., выдался беспокойным. Население Республики Корея, недовольное политикой Ли Сынмана, знало, что выборы проходят с использованием незаконных методов и средств. В южном портовом городе Масан учащиеся и горожане вышли на демонстрацию в знак протеста против несправедливых выборов. На ее разгон была отправлена полиция. Демонстранты вступили в рукопашную схватку, начав забрасывать полицейских камнями. В ответ было применено оружие. В результате погибли 7 человек, более 80 были схвачены и подвергнуты пыткам как «сторонники коммунистической партии».

Через два дня, 17 марта 1960 г., были опубликованы официальные итоги выборов. Они были ошеломляющими. Ненавистный Ли

Сынман набрал 88,7 % голосов, а кандидат от Либеральной партии на пост вице-президента Ли Гибун — также более 80 % голосов, тем самым в несколько раз «опередив» Чан Мёна, кандидата от Демократической партии (что казалось невозможным, учитывая народные настроения).

Однако «положительные» результаты выборов совсем не означали победы Ли Сынмана. Они лишь еще больше подогрели негодование всего народа Республики Корея, готового в любую минуту выступить на борьбу за демократию и справедливость. В руки сторонников Демократической партии попала копия лисынмановского плана фальсификации президентских выборов.

Каплей, переполнившей терпение, стало событие, произошедшее в Масане 11 апреля 1960 г. В тот день в портовой бухте города был обнаружен обезображенный труп одного из участников мартовской демонстрации Ким Чжүля с осколком от слезоточивой гранаты в глазу. Уже к 6 часам вечера перед зданием городской администрации и полицейского управления Масана собралось более 30 тыс. человек. Антиправительственные демонстрации в Масане продолжались в течение трех дней и всколыхнули всю страну, став началом события огромной исторической значимости — события, которое в историографии именуют **«Апрельская революция»**, или **«Апрельское народное сопротивление»**, а иногда просто — «Апрельское восстание» (советская историография). Понятие «Апрельская революция» вошло в Преамбулу текста Конституции Республики Корея. Именно с событий апреля 1960 г. начинается особый этап истории борьбы за демократию и свободу в Южной Корее.

Через несколько дней после начала апрельских демонстраций в Масане волна народного движения перекинулась в центр страны, в Сеул. 18 апреля студенты одного из трех крупнейших столичных университетов — Университета Корё, решили отправиться к зданию Национального собрания, с тем чтобы провести перед ним демонстрацию с требованиями расследования инцидентов в Масане, запрета полиции входить на территорию учебных заведений и др. Следует отметить, что площадь перед зданием Национального собрания вплоть до наших дней является в известном смысле «традиционной» для проведения различных демонстраций. Поэтому 3 тыс. человек студентов без особых происшествий смогли провести запланированную акцию. На обратном пути в университетский кампус на колонны демонстрантов в центре города напало около 50–60 молодчиков, вооруженных металлическими цепями, молотками, заступами, кото-

рые принялись избивать студентов. Один человек погиб, более 50 получили ранения.

Это событие всколыхнуло всех студентов и патриотически настроенных горожан Сеула. Многочисленные антиправительственные демонстрации, проведение которых планировалось на более поздние сроки, были назначены на следующий день, 19 апреля 1960 г. К часу дня 19 апреля на улицы Сеула вышло около 100 тыс. человек. Часть студентов, все еще веря в порядочность Ли Сынмана, заслуженного борца за независимость страны, попытались добиться встречи с ним в президентском дворце «Кёнмудэ». Однако полиция не стала слушать требования студентов и вступила в уличные бои с демонстрантами. Появились первые убитые и раненые. Тогда разгневанные демонстранты под лозунгами, призывавшими отменить результаты мартовских президентских выборов и свергнуть диктатуру Ли Сынмана, напали на редакцию пролисынмановской газеты «*Соуль синмун*» («Сеульская газета»), штаб-квартиру Либеральной партии, дом вице-президента Ли Гибуна. В 3 часа дня в Сеуле было введено чрезвычайное положение. В тот же день чрезвычайное положение было объявлено и в других крупнейших городах Южной Кореи — Пусане, Тэгу, Кванчжу, Тэчжоне. В день 19 апреля, получивший впоследствии название кровавого вторника, во время разгона антиправительственных демонстраций в стране погибли 186 человек и 6026 человек получили ранения. Только в Сеуле число погибших превысило 100 человек.

После событий 19 апреля США стали оказывать давление на Ли Сынмана с требованием провести соответствующее расследование инцидентов, разрешить издание оппозиционной газеты «Кёнхян синмун», смягчить пресловутый «Закон об охране государства».

25 апреля 1960 г. на улицы Сеула вышли преподаватели 27 высших учебных заведений столицы, предварительно собравшихся в кампусе Сеульского государственного университета, находившегося в то время недалеко от центра города. Они требовали расследования кровавых событий 19 апреля, отмены результатов мартовских президентских выборов. К преподавателям присоединились студенты и горожане. На следующий день, 26 апреля, волна демонстраций вспыхнула с новой силой.

26 апреля 1960 г. стало поворотным днем в событиях Апрельской революции. На экстренном заседании Национального собрания Республики Корея была принята резолюция, требовавшая отставки Ли Сынмана и объявлявшая недействительными результаты мартов-

ских президентских выборов. В тот же день посол США в Республике Корея также выступил с официальным заявлением, осуждавшим лисынмановское правительство. Ли Сынман заявил о том, что готов отказаться от власти, «если народ того потребует».

27 апреля министр иностранных дел Хо Чжон (1896–1988) объявил о том, что возлагает на себя функции главы временного переходного правительства. Ли Сынман фактически потерял свою власть. Южнокорейская армия и полиция не спешили подчиняться его приказам, направленным на подавление народного движения.

В подобной безвыходной для правящей группировки обстановке 28 апреля трагически погиб вместе со всей своей семьей вице-президент Ли Гибун. Узнав об этом, Ли Сынман принял решение тайно покинуть страну, что незамедлительно и сделал 29 апреля⁴² 1960 г. при помощи американского военного командования. Остаток своих дней, вплоть до 1965 г., он провел на Гавайских островах, хорошо знакомых по годам антияпонского сопротивления. Так закончилась власть первого президента Республики Корея, история южнокорейской Первой Республики.

До августа 1960 г. исполнительная власть находилась в руках переходного кабинета министров во главе с Хо Чжоном.

15 июня 1960 г. корейский парламент, пока в прежнем «лисынмановском» составе, принял очередные поправки к Конституции страны, согласно которым учреждался двухпалатный парламент, власть в стране сосредоточивалась в руках кабинета министров и его главы, учреждался конституционный суд, вводилась выборность местных органов власти и многое другое, направленное на то, чтобы никакая диктатура не могла возникнуть снова.

Согласно новой Конституции 29 июля 1960 г. были проведены выборы в новый двухпалатный парламент, на которых победила Демократическая партия, получившая 175 из 233 мест в нижней палате и 31 из 58 мест в верхней палате. Правда, и на этих выборах не обошлось без подтасовок. В 13 избирательных округах выборы были признаны недействительными (в советской литературе писалось о манипуляциях победившей Демократической партии). И тем не менее выборы были самыми свободными из всех тех, какие знала Республика Корея. Вновь избранный парламент выдвинул 12 августа 1960 г. на пост президента страны (теперь уже во многом номи-

---

⁴² В исторической литературе встречается также указание на то, что Ли Сынман покинул Корею в мае 1960 г.

нальный) Юн Босона (1897–1990), являвшегося в годы колонизации Кореи членом Временного правительства Республики Корея, а после освобождения страны не раз избиравшегося в южнокорейский парламент. В качестве премьер-министра, в руках которого сосредоточилась реальная власть, парламент утвердил 18 августа лидера Демократической партии Чан Мёна.

1 октября 1960 г. была провозглашена так называемая **Вторая Республика**. Однако новые конституционные реформы и приход к власти некогда оппозиционной Демократической партии не привели Южную Корею к периоду расцвета. Во-первых, практически сразу после успешного завершения Апрельской революции Демократическая партия разделилась на две фракции — «новую», во главе с Чан Мёном, и «старую», под руководством Ким Доёна, который возглавил фракцию, после того как прежний лидер группировки Юн Босон был выдвинут на пост президента страны. Для того чтобы полностью отмежеваться от «старой» Демократической партии, сторонники «старой группировки» объявили 18 октября 1960 г. о создании собственной «Новой демократической партии» (*Синминдан*). Таким образом, Демократическая партия пришла к власти ослабленной, а в южнокорейском обществе начался период разброда и хаоса.

Ликвидация старой «капиталистической диктатуры» Ли Сыномана подтолкнула общественность к поиску новых путей развития Южной Кореи. В период Второй Республики стали появляться идеи о том, что, возможно, самым лучшим для Республики Корея мог бы стать некий «средний» путь между капитализмом и социализмом. Тем более что летом 1960 г. КНДР выдвинула новые инициативы мирного объединения страны, поэтому известная «подстройка» под социалистические реалии могла бы помочь процессу скорейшего объединения Корейского полуострова.

Действительно, после Апрельской революции в Республике Корея появилось множество новых политических партий, ратовавших за плановую экономику и даже за социализм. Так, 21 мая 1960 г. была образована Корейская социальная⁴³ партия (*Хангук сахведан*), а 17 июня 1960 г. — Социальная народная партия (*Сахве минчжундан*). В программе последней говорилось об объединении Кореи через всеобщие выборы, которые должны были пройти под наблюдением ООН, а также о необходимости перехода к плановой экономике.

---

⁴³ Слово «социальная» (*сахве*) в названиях партий имеет двусмысленное значение, нередко связанное с понятием «социализм» (*сахвечжунуй*).

В программе Социальной партии объединения, созданной 21 января 1961 г., даже звучала идея о «демократическом социализме».

Со второй половины 1960 г. также начало нарастать движение за мирное самостоятельное (без вмешательства США и других внешних сил) объединение страны. В сентябре 1960 г. был образован «Центральный комитет по самостоятельному объединению нации» (*Минчжонг чачжусу тхониль чунан вивонхве*), в октябре 1960 г. при Сеульском государственном университете — «Лига объединения нации» (*Минчжонг тхониль ёнмэн*), в феврале 1961 г. — «Всеобщая лига движения за объединение родины через [ее] становление нейтральным [государством]» (*Чуннипхва чогуок тхониль ундон чхонвёнмэн*). Все они ратовали за развитие контактов с Севером, за вывод из Кореи американских войск.

Несмотря на то что правительство Чан Мёна было более демократическим, чем лисынмановское, в Южной Корее по-прежнему находились американские войска, и страна зависела от американской помощи. Для подтверждения южнокорейско-американских отношений в новых условиях 8 февраля 1961 г. было подписано корейско-американское экономическое соглашение, позволявшее американской администрации вмешиваться в дела Республики Корея. Это соглашение, не отвечавшее желаниям корейского народа освободиться от влияния извне и добиться самостоятельного объединения родины, вызвало широкий народный протест. Для его подавления, а также для того, чтобы умерить желание граждан Республики Корея расширять контакты с Севером, в марте 1961 г. правительство Чан Мёна приняло «Временный чрезвычайный антикоммунистический закон» и «Закон о контроле над демонстрациями». Принятие этих актов вызвало широкое движение протеста и народные волнения, которые начались 22 марта 1961 г. с выступления «Комитета совместной борьбы против двух жестоких законов».

Таким образом, новое правительство Демократической партии Чан Мёна не смогло удовлетворить ни политических, ни экономических чаяний южнокорейского народа (несмотря на обсуждение возможности введения элементов планирования экономики, начатое в марте 1961 г.). Невысокий уровень экономического развития и низкий уровень жизни большинства населения Республики Корея объективно не давали возможности использовать все преимущества демократии, а лишь усугубляли и без того тяжелое положение. Стране требовалась жесткая, сильная патриотическая власть, способная отстоять национальные интересы.

Глава 5. ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, ИЛИ «РЕВОЛЮЦИЯ» ПАК ЧОНХИ. ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

В начале 1960-х годов на политической арене Южной Кореи появилась новая сила. Она вывела страну из бедности и обеспечила ее экономическое процветание, которое в свою очередь стало основой для расширения демократических прав и свобод в конце 1980-х годов. Конечно же, так называемой *демократии западного образца* в Южной Корее с ее традиционной культурой, базирующейся на строго регламентированных отношениях между младшими и старшими⁴⁴, не было и, наверное, не будет никогда, во всяком случае до тех пор, пока эти традиции будут сохраняться.

События весны 1961 г., положившие конец короткой истории Второй Республики, в современной историографии определяются по-разному, порой весьма противоположным образом. Так, в 1960–1970-е годы в официальной южнокорейской историографии эти события именовались «военная революция» или даже «бескровная военная революция». Оппозиция, а также официальная южнокорейская историография 1980-х годов называли события весны 1961 г. «военным переворотом», а некоторые левые издания оценивали новую власть как «военный фашизм». В 1990-е годы, в особенности после финансово-экономического кризиса 1997 г., в Южной Корее произошла переоценка событий прошлого. Тогда снова стали положительно оценивать центральную фигуру событий — генерала Пак Чонхи, сумевшего вывести страну в ряд сильнейших экономических держав мира. Современные южные корейцы, вспоминая 1960–1970-е годы, говорят о том, что простому трудовому народу жилось тогда не так уж и плохо.

В советской историографии власть Пак Чонхи называли «военной хунтой», которая пришла к власти с помощью «государственного переворота». В новейшей российской историографии заметны тенденции более положительной оценки исторической роли Пак Чонхи. Между тем попытки акцентировать внимание только на позитивных

---

⁴⁴ О категориях «младший» и «старший» в традиционной корейской культуре см.: *Нижитина М. И.* Миф о женщине-солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. СПб., 2001; *Курбанов С. О.* Конфуцианский классический «Канон сыновей почтительности» в корейской трактовке. Корейской восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007.

(объективно) моментах власти военных в Южной Корее 1960–1970-х годов также не могут представить достаточно полной картины событий тех лет.

§ 1. Приход к власти Пак Чонхи

В феврале 1960 г., за месяц до последних скандальных президентских выборов Ли Сынмана, в командовании южнокорейской армии образовалась тайная группа высокопоставленных военачальников средних лет, замысливавших захватить власть, чтобы навести порядок в стране и обеспечить ее поступательное развитие, т. е. совершить «революцию». В группу входили генерал-майор сухопутных войск Пак Чонхи (1917–1979), генерал-майор морской пехоты Ким Донха, бригадный генерал Юн Тхэиль, генерал-майор Ли Чжуиль, подполковник Ким Чжонпхиль (род. 1926; впоследствии стал ближайшим соратником Пак Чонхи). Ее поддерживало южнокорейское офицерство, недовольное положением в армии, сложившимся после Корейской войны. В начале 1960 г. заместитель начальника штаба 2-й армии Пак Чонхи в связи с отсутствием начальника фактически возглавил штаб, что увеличивало шансы на успех. Захват власти был назначен на 8 мая 1960 г.

Однако события Апрельской революции опередили замыслы военных. Какое-то время им казалось, что наконец-то Южная Корея начнет выходить из кризиса. Но правление развалившейся от фракционной борьбы Демократической партии, которая пошла по пути установления диктатуры⁴⁵, для того чтобы подавить чересчур активные выступления народа Южной Кореи, желавшего скорейшего воссоединения с более развитым в то время Севером, оказалось неэффективным. Страна была ввергнута в еще больший хаос, чем до свержения Ли Сынмана.

В то же время Апрельская революция, продемонстрировавшая принципиальную возможность насильственной смены власти в Корее, придала заговорщикам большую уверенность в своих силах. На 19 апреля 1961 г., день годовщины Апрельских событий, была назначена новая дата захвата власти. Затем ее перенесли на 12 мая, а чуть позже — на 16 мая. Руководители военного переворота предварительно информировали командование войск ООН, расквартированных в Корее во главе с генералом Макгрудером, о готовящихся событиях.

⁴⁵ Власть Демократической партии в период Второй Республики определяется как «диктаторская» и в самой южнокорейской историографии.

Главнокомандующему сухопутными войсками генералу Чан Доёну, поначалу не поддержавшему заговорщиков, также стало известно о готовившемся перевороте. Но низшие офицеры, которым был передан приказ арестовать мятежников, не подчинились и сумели убедить генерала перейти на сторону военных-реформаторов.

В ночь с 15 на 16 мая руководители государственного переворота, командовавшие 1-й бригадой морской пехоты, 23-й пехотной дивизией, парашютистами и другими подразделениями, собрались вместе и отдали приказ о начале операции. В 3 часа ночи мятежные войска подошли к Сеулу и, встретив лишь небольшое сопротивление, к 4 часам утра захватили помещения центральных органов власти, главпочтамт, основные радиостанции, издательства. В 5 часов утра в эфир вышла первая радиопередача с заявлением из шести пунктов, оповещавшая граждан страны о свершившемся государственном перевороте и его целях. В заявлении говорилось о том, что военные, захватив всю полноту власти, образовали Военно-революционный комитет (ВРК; *Кунса хёнмён вивонхве*), для того чтобы взять власть у беспомощного правительства и преодолеть кризис, постигший страну. ВРК возглавил начальник штаба сухопутных войск Чан Доён, а его заместителем стал Пак Чонхи, вдохновитель и организатор переворота. Главной задачей новой власти объявлялась борьба с коммунизмом при одновременном соблюдении всех принципов ООН. ВРК информировал «патриотических граждан» страны о том, что в Республике Корея будет возрождена независимая экономика, которая позволит стране «говорить на равных с коммунизмом» (т.е. с Северной Кореей) и на этой паритетной основе искать пути объединения страны. В заявлении также подчеркивалось, что при первой же возможности военные готовы передать власть политикам.

16 мая в 9 часов утра от имени ВРК по всей стране было объявлено чрезвычайное положение, а в 7 часов вечера распространено сообщение о том, что в ближайшем будущем премьер-министр Чан Мён передаст всю полноту власти ВРК.

Через два дня после военного переворота, 18 мая, на заседании кабинета министров Чан Мён официально объявил о передаче власти военным и о своей отставке. В тот же день ВРК был переименован в Высший совет государственной реконструкции (ВСГР; *Кукка чэгон чхвего хвейй*). Обе палаты Национального собрания были распущены. В стране запрещалась всякая политическая деятельность.

Главкомандующий силами ООН в Корее генерал Макгрудер поначалу выступил с формальным «осуждением» переворота, однако вскоре, 20 мая⁴⁶, США признали новую военную власть. В первых, сам президент Республики Корея Юн Босон отдал приказ всем вооруженным силам страны не оказывать сопротивления ВРК, пояснив свои действия словами: «Случилось то, чего нельзя было избежать», тем самым поддержав военный переворот. Во-вторых, в заявлении ВРК первое место отводилось борьбе с коммунизмом, что было важнейшей внешнеполитической задачей США в то время. И тем не менее, поддерживая государственный переворот в принципе, США предъявили требование, чтобы военное правление как можно скорее было заменено на гражданское.

Однако Пак Чонхи, постепенно концентрировавший всю полноту власти в своих руках, не торопился передавать ее гражданским политикам. 6 июня 1961 г. Высший совет государственной реконструкции издал «Закон о временных чрезвычайных мерах по реконструкции государства», согласно которому в рамках Совета учреждались семь подкомиссий, исполнявших функции министерств. 10 июня 1961 г. при ВСГР было создано Центральное разведывательное управление (дословно — «Центральный отдел информации», или, по-английски, *Central Intelligence Service*), о функциях которого можно легко догадаться по аналогии с одноименной организацией США. 3 июля 1961 г., во исполнение пункта 1 Заявления от 16 мая, ВСГР издал «Антикоммунистический закон» (*Пангон поп*). 12 июля 1961 г. при ВСГР начали функционировать так называемые «революционные суды» и «революционная прокуратура». Таким образом, «военные революционеры» на основании «закона» имели возможность расправиться с оппозицией. Однако не следует думать, что военные, объявившие своей целью процветание государства, осуществляли подобные жесткие меры исключительно ради личной власти. На скамье подсудимых «революционных судов» оказались организаторы последних фальсифицированных выборов Ли Сынмана, а также ответственные за приказ стрелять в демонстрантов, вышедших на улицы 19 апреля 1960 г. Для восстановления порядка в стране была усилена борьба с преступностью, и многие правонарушители задерживались и наказывались.

Тем не менее, ощущая постоянное давление США, а также исполняя пункт 2 Заявления ВРК от 16 мая о соблюдении принципов

⁴⁶ В исторической литературе встречается также указание на 26 мая.

ООН, уже в августе 1961 г. Пак Чонхи распространил заявление о том, что к лету 1963 г. основные задачи ВСГР будут выполнены и военно-революционное правление завершится.

В это время, несмотря на довольно жесткие способы правления ВСГР, все еще действовала политическая оппозиция в лице Либеральной, Демократической, Новой демократической партий. Поэтому 16 марта 1962 г. ВСГР принял «Закон об упорядочении политической деятельности», на основании которого были ограничены в правах политической деятельности 4374 человека.

Таким образом, «расчистив» общество от нежелательных представителей оппозиции, Пак Чонхи мог приступить к более решительным шагам для перехода к обещанному «гражданскому» правлению. Для этого следовало провести новые президентские выборы, тем более что 22 марта 1962 г. Юн Босон снял с себя обязанности президента страны. Для создания «более демократической атмосферы» с 10 мая 1962 г. были закрыты «революционные суды», уже выполнившие свои основные задачи. В том же году ВСГР приступил к разработке новых поправок к Конституции страны. Их суть сводилась к следующему: концентрация власти в руках президента, который должен был избираться прямым голосованием; создание однопалатного парламента с одновременным сокращением некоторых его полномочий; введение всенародного референдума при принятии поправок к Конституции и т. п.

Новая редакция Конституции была одобрена на референдуме, проведенном 17 декабря 1962 г., и официально опубликована 26 декабря того же года. Для того чтобы права и свободы, провозглашаемые Конституцией, могли реализовываться, с 1 января 1963 г. в стране была разрешена политическая деятельность. Для создания своей политической партии, которая должна была принять участие в новых президентских выборах, Пак Чонхи потребовалось чуть меньше двух месяцев: 26 февраля 1963 г. было объявлено об образовании новой Демократической республиканской партии (*Минчжесу конхвадан*), которую сокращенно стали называть Республиканской партией (*Конхвадан*). В своем программном заявлении Республиканская партия, ставя события Апрельской революции 1960 г. и «Революции 16 мая» 1961 г. в один ряд, объявляла своей основной целью построение самостоятельной, свободной, демократической, республиканской Кореи.

Однако не все в Южной Корее приветствовали появление на политической арене Пак Чонхи, который на деле не стремился к ско-

рейшему завершению военного правления. Совершенно неожиданно, 16 марта 1963 г., он вдруг заявил о продлении срока нахождения у власти ВСГР и отмене выборов, что вызвало волну возмущений как со стороны студенчества и простого народа, так и среди некоторых известных политиков, в частности экс-президента Юн Босона, который в свое время не противился установлению власти военных. Под давлением корейской общественности и США Пак Чонхи пришлось вернуться к первоначальному плану. Поэтому 30 августа 1963 г. он ушел в отставку, став таким образом «обыкновенным гражданским лицом». На следующий день, 31 августа, Пак Чонхи вступил в Республиканскую партию и в качестве ее лидера был выдвинут кандидатом в президенты на будущих выборах.

После того как в Южной Корее была снова разрешена политическая деятельность, оппозиция власти военных также не замедлила создать свои собственные партийные организации. Самой мощной из них стала образованная 27 января 1963 г. Партия народного правления (*Минчжондан*), определившая своими целями свободу и демократию в Корее, а также мирную замену военной власти на гражданскую. Своим кандидатом на предстоящих президентских выборах партия выдвинула экс-президента Юн Босона. Костяк новой партии составили выходцы из бывшей «старой» фракции Демократической партии периода правления Ли Сынмана. «Новая» фракция бывшей Демократической партии (т. е. бывшая Новая демократическая партия) создала Партию нового правления (*Синчжондан*).

Новые президентские выборы были назначены на 15 октября 1963 г. Пак Чонхи набрал на них 4 702 640 голосов (42,61% от общего числа проголосовавших), а его противник Юн Босон — 4 546 614 голосов. Пак Чонхи победил с небольшим преимуществом всего в 156 026 голосов. Наибольшую поддержку Пак Чонхи получил в юго-восточной провинции Кёнсан, откуда он был родом. В крупных городах Пак Чонхи не поддерживали. Например, в Сеуле с более чем двойным перевесом победу одержал Юн Босон. Таким образом, президентские выборы показали, что «диктатура» в Южной Корее в это время еще не была абсолютной.

Выборы в новый однопалатный парламент, назначенные на 26 ноября, также принесли победу Республиканской партии Пак Чонхи: из 175 мест члены Республиканской партии получили 110. Однако и здесь победа досталась не так просто, поскольку кандидаты от партии Пак Чонхи набрали только 32,4 % голосов избирателей. Современная южнокорейская историография объясняет победу Рес-

публиканской партии в том числе и большим количеством средств, потраченных на избирательную кампанию.

В любом случае Пак Чонхи и его партия одержали в 1963 г. победу, и в исторической литературе нигде не говорится о том, что результаты выборов были подтасованы. Формально власть военных в стране завершилась. 17 декабря 1963 г. было провозглашено образование так называемой Третьей Республики.

§ 2. Первые достижения Третьей Республики: восстановление отношений между Южной Кореей и Японией

Итак, с 1963 г. третьим президентом Республики Корея стал Пак Чонхи (1917–1979), человек «нового поколения», не связанный с антияпонским движением за независимость. Напротив, в молодости он даже сотрудничал с японцами. Свою трудовую карьеру Пак Чонхи начал в качестве учителя начальной школы, закончив в 1932 г. Педагогический колледж в Тэгу. Однако, очевидно, склонность к военному делу, помноженная на острую необходимость армейских кадров для Японии, вступившей в войну с Китаем, а затем и с США, повлияли на то, что Пак Чонхи решил оставить поприще учителя и в 1940 г. поступил в Маньчжурскую офицерскую школу в Синьцзине. За два года обучения Пак Чонхи достиг таких успехов, что, говорят, получил в подарок золотые часы, которые ему вручил лично Император [марионеточного] государства Маньчжоу-го Пу И, а затем, в 1942 г., был послан в Японию, чтобы продолжить обучение в офицерской школе, располагавшейся неподалеку от Токио. После ее окончания Пак Чонхи, носивший тогда японское имя Такаги Масао⁴⁷, был снова отправлен в Маньчжурию, где воевал против китайской *гоминьдановской* армии⁴⁸.

Наверное, вряд ли можно осуждать молодого человека, родившегося тогда, когда Корея уже в течение длительного времени была частью Японии, и для которого подобное положение было в известной степени *нормальным*, за то, что он избрал жизненный путь офицера японской армии. С другой стороны, Пак Чонхи был выдающимся, незаурядным человеком, что доказывали его успехи в военной ка-

---

⁴⁷ В исторической литературе встречается также утверждение о том, что у Пак Чонхи было японское имя Минору Окамото.

⁴⁸ *Ли Сану*. Пак чонкквон 18 нён. Кы кволлэг-ый нэмак (18 лет власти Пак [Чонхи]. Ее внутренние мотивы). Сеул, 1986. С. 95–97.

рьере. По-видимому, именно по этой причине после освобождения страны Пак Чонхи стал одним из первых, кто вошел в состав новой южнокорейской армии и кому было позволено поступить в южнокорейскую офицерскую школу. Закончив ее в 1946 г. в звании старшего лейтенанта, Пак Чонхи сумел значительно продвинуться по служебной лестнице, а в 1954 г. даже ездил на стажировку в США. Однако посещение США не сделало Пак Чонхи сторонником идеалов западной демократии. В своей работе «Государство, революция и я», опубликованной в августе 1963 г., Пак Чонхи писал о том, что «американская демократия западного образца не подходит для реалий Кореи».

Вместе с тем еще до избрания президентом Республики Корея, Пак Чонхи начал прилагать усилия для установления отношений с Японией. Его «японское» прошлое не было основной причиной такой политики, хотя хорошее знание Японии помогало ему делать верные шаги.

Установление отношений между Южной Кореей и Японией, которые после окончания Второй мировой войны вообще никак не были оформлены, стало объективной необходимостью начала 1960-х годов. Во-первых, Южной Корее требовалось активное экономическое и научно-техническое сотрудничество с ближайшим соседом, Японией, которая развивалась в то время стремительными темпами и, что немаловажно, имела известную культурную схожесть. Во-вторых, сама Япония, оправившаяся от поражения во Второй мировой войне и вступившая на путь стремительного экономического развития, начала занимать лидирующее положение в мире по отдельным экономическим показателям и уже нуждалась в экспорте капитала. В-третьих, к этому времени назрела необходимость укрепления военной безопасности в Дальневосточном регионе по линии Южная Корея — Япония и США. И Южная Корея, и Япония, каждая в отдельности, являлись союзницами США, и в обеих странах были расквартированы американские вооруженные силы. Однако отсутствие отношений между этими двумя странами продолжало быть дестабилизирующим фактором. США официально признали власть Пак Чонхи и выразили пожелание, чтобы Южная Корея также пошла на известные уступки в отношениях с Японией.

Еще в годы президентства Ли Сынмана Соединенные Штаты Америки пытались подтолкнуть Южную Корею к диалогу с Японией. По настоянию США в 1949 и 1950 гг. имели место попытки

заклучения однолетних торговых договоров между двумя странами. Корейская война стала решающим фактором в переговорном процессе: 21 октября 1951 г. в Токио при содействии США начались предварительные японо-корейские переговоры, а с 15 февраля 1952 г. — регулярные. На переговорах обсуждались: «основы отношений» между двумя государствами; имущественные претензии; вопрос рыболовства (так называемой «линии мира»⁴⁹); юридический статус корейцев, постоянно проживающих в Японии со времен колонизации Кореи; вопрос о культурных ценностях, вывезенных из Кореи японцами в годы колонизации.

Однако почти сразу корейско-японские переговоры зашли в тупик. Тридцатипятилетняя (а фактически — намного более длительная) колонизация Кореи Японией вылилась во всекорейскую ненависть к Японии и всему японскому — ненависть, не исчезнувшую и к концу XX столетия. Сам Ли Сынман был одним из лидеров антияпонской борьбы. Для того чтобы хоть как-то задержать катастрофическое падение своей популярности, Ли Сынман в своей политической деятельности постоянно обращался к антияпонским мотивам. Корейско-японское сближение, осуществленное под его собственным руководством, грозило Ли Сынману окончательной потерей поддержки народа. К тому же в отношениях между Республикой Корея и Японией имелся ряд действительно трудноразрешимых вопросов, как, например, разграничение районов преимущественных прав на рыбный промысел.

Поэтому летом 1952 г., после того как 21 апреля застопорился первый тур переговоров, Южную Корею посетил посол США в Японии Роберт Кларк, с тем чтобы убедить Ли Сынмана в необходимости переговоров с Японией. Переговоры возобновились в 1953 г. Тогда Ли Сынман лично посещал Токио для ведения переговоров при участии США.

В конце 1950-х годов Япония начала идти на уступки. 15 апреля 1958 г. после многолетнего перерыва начался очередной, 4-й тур южнокорейско-японских переговоров. А 15 мая 1958 г. Республику Корея посетил Кадзуо Ясуги, ближайший помощник тогдашнего премьер-министра Нобусукэ Киси, и принес публичные извинения корейскому народу за все несправедливые действия, совершенные Японией в годы колонизации Кореи.

---

⁴⁹ «Линия мира» — установленная Ли Сынманом граница внутренних вод Кореи, расположенная на расстоянии 56 морских миль (103,7 км) от берегов Кореи.

В годы Апрельской революции переговорный процесс между Кореей и Японией поначалу зашел в тупик, но с августа 1960 г., после того как Чан Мён сформировал новый кабинет министров, снова вернулся в прежнее русло.

Приход к власти военных весной 1961 г. на время прервал переговоры, однако в связи с рядом обозначенных выше объективных причин, а также под давлением США с 20 октября 1961 г. переговоры с Японией были возобновлены. Но сразу же факт начала переговоров вызвал широкие протесты со стороны южнокорейского населения. Поэтому тогдашнему директору южнокорейского ЦРУ Ким Чжонпхилю было поручено тайно продолжить переговоры с Японией.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся двумя сторонами, стала проблема японских репараций за ущерб, причиненный за годы колонизации Кореи. Поначалу южнокорейская сторона выдвинула шесть основных позиций, по которым должны были бы выплачиваться репарации, и определила их сумму в размере 800 млн долларов⁵⁰. Японская сторона отказывалась выплатить Южной Корее больше, чем 700 млн долларов. Для решения спорного вопроса был найден следующий выход, закрепленный в «Меморандуме Кима [Чжонпхилия] — Охира [Масаёси]», который был подписан 12 ноября 1962 г. Согласно документу, Япония должна была предоставлять Южной Корее в течение 10 лет 300 млн долларов безвозмездно в качестве репараций; 200 млн долларов должны были составить японские государственные займы, выплачиваемые Южной Корее также в течение 10 лет в рамках экономической помощи с 3,5 % годовых и погашением займа в течение 20 лет, а более 100 млн долларов — частные коммерческие инвестиции в экономику Южной Кореи. (Впоследствии реальная сумма частных инвестиций составила 300 млн долларов, и, таким образом, Республика Корея получила требуемые с самого начала 800 млн долларов.)

Достигнув соглашения с японской стороной по всем основным пунктам, в начале 1964 г. «новое гражданское» правительство Республики Корея выступило с заявлением, в котором опубликовало план последующего оформления отношений с Японией: к марту 1964 г. — окончательно завершить обсуждение текста договора, в апреле того же года — подписать, а в мае — ратифицировать договор.

⁵⁰ Не следует забывать, что стоимость доллара США в начале 1960-х годов была значительно выше, чем на рубеже XX–XXI столетий.

Планы правительства Пак Чонхи вызвали массовые протесты студенчества, рядового населения и представителей оппозиционных партий. Во-первых, народ Южной Кореи, в принципе, не желал спешить с установлением отношений с Японией, поскольку ее экономическое возрождение вызывало опасения относительно японских планов в Восточной Азии, которые казались возрождением прежнего японского империализма. Во-вторых, слишком велики были уступки Кореи японской стороне, в частности в вопросе о репарациях. В-третьих, нигде не говорилось о том, что в будущем договоре японская сторона принесет официальные извинения Корее за злодеяния периода японской колонизации. В-четвертых, оппозиция считала, что заключение подобного договора только с Южной Кореей лишь усугубит раскол страны на две части и станет помехой процессу объединения.

24 марта 1964 г. студенты Сеульского университета выступили с требованием прекратить корейско-японские переговоры. В следующие два дня антияпонские демонстрации прошли по всей стране — в Пусане, Тэгу и других городах. Демонстрации продолжались в течение апреля и мая и стали постепенно приобретать антиправительственный характер. 3 июня 1964 г. на улицы Сеула вышли 10 тыс. демонстрантов, а в 8 часов вечера того же дня правительство было вынуждено ввести в столице чрезвычайное положение.

Однако в конце 1964 г. корейско-японские переговоры снова активизировались, вступив в завершающую стадию. Этому способствовало успешное испытание в КНР в октябре 1964 г. ядерной бомбы. Решение вопроса безопасности западного блока в Восточной Азии через создание «треугольника» США — Япония — Южная Корея⁵¹ больше нельзя было откладывать.

Завершающий тур переговоров начался в декабре 1964 г. Япония предложила Корее оказать экстренную помощь в объеме 20 млн долларов США. Из Кореи в Японию были отправлены делегации студентов и журналистов. Таким образом правительство Пак Чонхи пыталось снизить накал страстей. В феврале 1965 г. в Сеул прибыла японская делегация, и 20 февраля состоялось парафирование Корейско-японского договора.

Окончательный вариант «Договора об основных отношениях между Республикой Корея и Японией» был подписан 22 июня 1965 г.

⁵¹ Подробнее см.: *Воронцов А. В.* «Треугольник» США — Япония — Южная Корея. М., 1991.

в Токио министрами иностранных дел двух государств и ратифицирован 14 августа. Обмен ратификационными грамотами состоялся 18 декабря 1965 г.

«Корейско-японский основной договор» (*Хан-иль кибон чояк*; таково краткое название указанного документа) состоял из семи статей, в которых говорилось о том, что с момента его подписания между двумя странами устанавливаются полноправные дипломатические отношения (ст. 1) и отменяются «Договор о соединении Кореи и Японии» от 22 августа 1910 г., а также все другие договоры между двумя странами, заключенные до 1910 г. (ст. 2). Статья 3 Договора признавала Республику Корея единственным законным государством на Корейском полуострове, ссылаясь на резолюцию № 195 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1948 г. Далее в Договоре говорилось о том, что в своих отношениях обе стороны будут придерживаться принципов ООН и прилагать дальнейшие усилия для развития двусторонних отношений.

Одновременно с Корейско-японским основным договором были подписаны четыре специальных соглашения и ряд документов. Соглашения касались вопросов корейских соотечественников, постоянно проживающих в Японии, рыболовства, выплаты репараций и экономического сотрудничества, вопросов перемещенных предметов культурного достояния двух стран и сотрудничества в сфере культуры.

Несмотря на отрицательное отношение к заключению Корейско-японского договора 1965 г. как со стороны тогдашней оппозиции, так и в ряде нынешних южнокорейских работ, объективно восстановление южнокорейско-японских отношений послужило одним из базовых моментов для дальнейшего экономического развития Республики Корея. Корейско-японский договор, дополненный в 1966 г. южнокорейским «Законом о привлечении иностранного капитала», стал основой для активного поступления в Республику Корея японской экономической помощи, коренным образом отличавшейся от американской⁵².

Если Соединенные Штаты Америки передавали Южной Корее средства для закупки и потребления продукции американской промышленности и сельского хозяйства, то Япония вкладывала деньги в *развитие* южнокорейской промышленности, главным образом в об-

⁵² Подробнее см.: Шипаев В. И. Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия). М., 1981.

рабатывающие и «производящие» (химическая, металлургическая и т. п.) отрасли. Например, почти 120 млн долларов японской помощи было вложено в крупнейший сталелитейный комбинат Республики Корея — «Поско» (Pohang Steel Company — POSCO). Японская помощь оказывалась планомерно, в рамках соответствующих японских правительственных программ, проходивших под лозунгом «Азия для азиатов» и при участии научно-исследовательских учреждений, таких, например, как Институт экономики стран Азии (с 1958 г.) или Институт по исследованию промышленности и экономики Республики Корея (с 1966 г.).

Понятно, что японская помощь Южной Корее оказывалась далеко не из альтруистических побуждений. «Безвозмездная» помощь, размеры которой выражаются в долларовом эквиваленте, нередко предоставлялась в виде японских товаров, материалов или комплектующих для совместных корейско-японских производств. Коммерческие займы также давались для того, чтобы способствовать экспорту в Корею японских товаров, материалов и технологий.

И тем не менее установление отношений между Японией и Южной Кореей было значительным достижением правительства Пак Чонхи. В первые пять лет после подписания Договора (1965–1970) южнокорейско-японские отношения развивались по нарастающей и способствовали реализации планов Пак Чонхи по строительству новой экономики Южной Кореи.

Для того чтобы заставить народ Южной Кореи следовать по избранному для него пути, Пак Чонхи приходилось время от времени прибегать к силе. От этого его собственная власть нередко находилась под угрозой падения.

Глава 6. ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ РЕСПУБЛИКИ: ЮЖНАЯ КОРЕЯ ПОД ВЛАСТЬЮ «ДИКТАТОРСКОГО РЕЖИМА» ПАК ЧОНХИ. ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Период Третьей и Четвертой Республик в Южной Корее — это время президентства Пак Чонхи, время, в которое формировались основы экономического роста страны. Именно в 18-летнем правлении Пак Чонхи заложен «секрет» «корейского чуда». Одной из его составляющих была экономическая и научно-техническая помощь

Японии. Другим важнейшим моментом стали особенности корейской культуры (в широком смысле слова), в рамках которой было возможно мобилизовать народные массы для решения общегосударственных задач. Внутренняя и внешняя политика Пак Чонхи, сумевшая использовать эти особенности культуры, стала третьей составляющей интенсивного развития Республики Корея.

Экономической политике Пак Чонхи будет посвящена следующая глава, а пока обратимся к хронике основных событий, связанных с историей Третьей и Четвертой Республик.

§ 1. Диктатура и демократия в Третьей Республике

Одним из условий дальнейшей поддержки власти Пак Чонхи и оказания Южной Корее разносторонней помощи со стороны Соединенных Штатов Америки, которые имели военные базы на Корейском полуострове и контролировали военные операции южнокорейских вооруженных сил, было участие Республики Корея в будущей Вьетнамской войне (1965–1975). Впервые этот вопрос обсуждался во время вашингтонской встречи Пак Чонхи с президентом США Дж. Кеннеди. Для создания юридической основы будущего участия Южной Кореи во Вьетнамской войне в октябре 1964 г. был заключен договор об установлении дипломатических отношений с Южным Вьетнамом. В феврале 1965 г. во Вьетнам были отправлены первые 2 тыс. южнокорейских «добровольцев» для службы в тылу, которые не являлись военнослужащими регулярной армии. Одновременно США обещали оказать Южной Корее безвозмездную экономическую помощь в размере 150 млн долларов. С 1965 г. в Южную Корею стали поставляться американские сверхзвуковые истребители «Ф-5». В мае 1965 г. Пак Чонхи совершил очередной визит в США, для того чтобы обсудить с президентом Л. Джонсоном вопросы совместных действий корейских и американских войск во Вьетнаме.

Для отправки регулярной южнокорейской армии во Вьетнам требовалось принятие соответствующего решения на уровне парламента. Всю первую половину 1965 г. в Национальном собрании Республики Корея по этому поводу велись жаркие дебаты. В целях недопущения участия Южной Кореи во Вьетнамской войне и активизации борьбы против заключения корейско-японского договора оппозиция решила объединить свои силы, образовав 14 июня 1965 г. единую Народную партию (*Минчжундан*). Однако уже в июле

Пак Чонхи (1917–1979), президент Республики Корея периода Третьей и Четвертой Республик

1965 г., до принятия соответствующего решения, во Вьетнам было отправлено 20 тыс. пехотинцев (включая подразделение морской пехоты).

Борьба оппозиции в парламенте против участия Южной Кореи во Вьетнамской войне оказалась неэффективной. После ратификации корейско-японского договора 14 августа 1965 г. члены парламента от оппозиционной Народной партии покинули зал заседаний в знак протеста, и многие подали заявление о прекращении своей депутатской деятельности. В результате в августе 1965 г. при участии практически лишь депутатов от правящей Республиканской партии было принято решение об отправке регулярных войск во Вьетнам.

В марте 1966 г. из США пришел запрос об отправке во Вьетнам очередной группы южнокорейских солдат численностью 20 тыс. человек. Тогда же, 7 марта 1966 г., посол США в Республике Корея В. Г. Браун передал южнокорейскому правительству Меморандум, состоявший из 14 статей, в котором от имени правительства США сообщалось, что оно одобряет решение Южной Кореи об отправке войск в ответ на просьбу о помощи со стороны Республики Вьетнам и берет на себя все расходы, связанные с деятельностью южнокорейских войск во Вьетнаме, обязуется оказать обозначенную в Меморандуме военно-экономическую помощь.

Южнокорейские войска находились во Вьетнаме вплоть до 1973 г., и их общее число составило около 55 тыс. человек⁵³. В то же время за период с 1963 по 1970 г. в Южном Вьетнаме работало более 24 тыс. южнокорейских рабочих. За годы Вьетнамской войны США действительно оказали Республике Корея огромную военную и экономическую помощь. В исторической литературе встречаются различные цифры. Например, за период с 1966 по 1970 г. говорят о помощи в 625 млн долларов или даже в 1,7 млрд. Несмотря на различие в источниках информации и способах подсчета, все исследователи сходятся в одном: помощь, предоставленная Южной Корее со стороны США за участие во Вьетнамской войне, была значительной и оказала известное положительное воздействие на общий ход экономических реформ в стране.

Другим последствием участия южнокорейских войск во Вьетнамской войне стало нарастание внутренней политической нестабильности. После провала попыток оппозиции помешать заключению корейско-японского договора и принятию решения об участии во Вьетнамской войне, единая оппозиционная Народная партия раскололась, и 30 марта 1966 г. ряд ее членов во главе с экс-президентом Юн Босоном образовали Новую корейскую партию (*Синхандан*), решение о создании которой было принято еще в феврале.

Приближавшиеся майские президентские выборы 1967 г. вновь сплотили политическую оппозицию в ее попытках объединиться и сменить власть Пак Чонхи мирным путем. Объединение произошло 7 февраля 1967 г. под крылом Новой корейской партии путем ее слияния с остатками Народной партии и рядом других. Вновь образованная партия получила название Новой народной партии (*Синминдан*). В Декларации партии, опубликованной в день ее образования, говорилось, что ее основными задачами являются борьба против усиления влияния Японии, против коммунизма и против диктатуры.

Таким образом, уже с первых лет власть Пак Чонхи именовалась «диктатурой». Однако была ли Третья Республика диктатурой в полном смысле слова⁵⁴? Действительно, в это время в Республике

---

⁵³ Иногда в исторической литературе указывается иное число южнокорейских солдат, участвовавших во Вьетнамской войне в период с 1964 по 1973 г.: 47 872 человека (Хангук хёндэса каный (Лекции по новейшей истории Кореи) / Сост. Ким Инголь. Сеул, 1998. С. 279).

⁵⁴ Подробнее об одной из точек зрения на вопросы демократии и диктатуры в Южной Корее см.: Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996.

Корея продолжала существовать оппозиция, которая была довольно активной и с которой правящим кругам во главе с Пак Чонхи приходилось считаться. На протяжении всего периода истории Третьей Республики оппозиция проявляла себя особенно активно во время президентских и парламентских выборов.

Очередные президентские выборы были назначены на 3 мая 1967 г. Кандидатом от Республиканской партии, естественно, выступил Пак Чонхи, а от объединенной Новой народной партии — Юн Босон. Как и в 1963 г., основными соперниками на выборах оставались все те же лица. Однако на этот раз Пак Чонхи удалось добиться значительно большей поддержки населения. Он собрал 51,4 % голосов, в то время как Юн Босон получил лишь 41 %, т. е. почти на 1 млн голосов меньше. Несмотря на известное негативное отношение, в том числе и в Южной Корее, к фигуре Пак Чонхи, нигде (даже в северокорейской историографии) не говорится о том, что президентские выборы 1967 г. были сфальсифицированы. Народ действительно поддерживал Пак Чонхи. И одной из главных причин этого стали успехи Первого пятилетнего плана экономического развития (1962–1966). Наибольшую поддержку Пак Чонхи получил на востоке страны, куда шел основной поток инвестиций, в то время как Юн Босон пользовался популярностью в западной части⁵⁵. Таким образом, в первый период президентства Пак Чонхи в стране все же проявлялись отдельные элементы демократии, и власть Пак Чонхи опиралась на известную поддержку населения.

Однако результаты парламентских выборов 8 июня 1967 г. народ Республики Корея воспринял не столь воодушевленно. На этих выборах также победила правящая Республиканская партия, что казалось естественным после предшествовавшей победы Пак Чонхи. Она получила 129 мест, т. е. $\frac{2}{3}$ от их общего числа. Второй стала Новая народная партия, депутаты от которой заняли 45 мест. Из неболь-

⁵⁵ На популярность того или иного кандидата в Южной Корее немаловажное влияние оказывает фактор места его рождения, связанный с явлением так называемой «региональной неприязни» (*чибан камчжон*). Так, в Южной Корее издавна выходцы из провинции Чолла (Южной и Северной) взаимно недолюбливают выходцев из провинции Кёнсан (Южной и Северной) и более или менее лояльно относятся к выходцам из провинции Чхунчхон (Южной и Северной), хотя и здесь все не так гладко. Провинция Канвон, столичная провинция Кёнги и Сеул занимают особое положение. Любопытно также отметить, что провинция Кёнсан занимает территорию бывшего королевства Силла эпохи Трех государств, а Чолла и Южная Чхунчхон — бывшего королевства Пэкче. Северная Корея занимает часть территорий бывшего королевства Когурё.

ших политических партий, число которых доходило до десятка, одно-единственное место получила Партия народных масс (*Тэчжундан*), созданная 9 марта 1967 г. и ставившая своей целью построение «демократического социализма». Такое незначительное количество мест, доставшееся представителям «малых партий», а также выявившиеся факты подкупа, угроз и прочих незаконных методов, к которым прибегали депутаты от Республиканской партии, явились поводом для начала студенческих демонстраций протеста. Первые демонстрации начались 9 июня 1967 г. в крупнейшем сеульском Университете Ёнсе; 13 июня к студентам присоединились учащиеся других столичных учебных заведений, а с 15 июня волна демонстраций захлестнула всю Южную Корею и не прекращалась вплоть до начала июля. В дни наиболее массовых выступлений на улицы Сеула выходило до 16 тыс. человек, а по всей стране в демонстрациях протеста против несправедливых выборов приняло участие до 240 тыс. человек. С 4 июля во всех высших учебных заведениях были отменены занятия, и демонстрации прекратились.

Учитывая известную поддержку народа, трудно предположить, что в парламентских выборах 1967 г. отдельные случаи незаконных действий происходили с ведома Пак Чонхи. Наоборот, по итогам расследования этих случаев Пак Чонхи исключил из Республиканской партии шесть человек.

Так начался второй срок президентства Пак Чонхи, первые два года которого были относительно спокойными. Вместе с тем именно в это время стали проявлять себя различные подпольные коммунистические организации. Идеи коммунизма и социализма были в известной степени популярны в Южной Корее, особенно среди студенчества, внимательно следившего за успехами стран социализма, в том числе и КНДР. Власти Северной Кореи иногда пытались помочь своим южным единомышленникам конкретными действиями. Так, 21 января 1968 г. в Сеуле была задержана особая северокорейская вооруженная группа в составе 31 человека, в задачи которой входили нападение на президентский дворец и физическая ликвидация ряда известных южнокорейских политиков. В апреле 1968 г. в Сеульском университете было раскрыто так называемое «Читательское общество», занимавшееся изучением марксистской литературы, а в августе того же года ликвидирована подпольная «Революционная партия объединения» просеверокорейской ориентации.

Поэтому за два года до следующих президентских выборов, которые должны были пройти в 1971 г., Пак Чонхи стал более заметно

проявлять стремление к продлению собственной единоличной власти в Южной Корее, вероятно, считая, что только он сможет довести начатое им дело до конца. Согласно Конституции 1962 г., один человек мог занимать кресло президента Республики Корея только два срока. Таким образом, на следующих президентских выборах Пак Чонхи уже не мог выставлять свою кандидатуру. Для того чтобы «исправить» подобное положение, со второй половины 1968 г. Республиканская партия стала выступать с заявлениями о том, что изучает вопрос об изменении Конституции страны, рассматривая возможность избрания одного человека на пост президента страны в течение трех раз.

Подобное заявление вызвало в южнокорейском обществе протест, причем не только в рядах оппозиции. Ким Чжонпхиль, до 30 мая 1968 г. возглавлявший правящую Республиканскую партию, планировал выставить свою кандидатуру на пост президента страны.

Активнее всего против внесения поправок в Конституцию выступили южнокорейские студенты. Первыми в июне 1968 г. развернули движение за сохранение старой Конституции студенты Сеульского университета. В том же месяце к ним присоединились студенты Университета Кемён, расположенного в южном городе Тэгу. Потеря популярности Пак Чонхи в родных юго-восточных провинциях Кёнсан, где его власть даже называли «фашизмом», означала, что для сохранения президентского кресла Пак Чонхи придется идти по пути усиления собственной диктатуры.

Поэтому решение о внесении поправок в Конституцию принималось в тайне от оппозиции, 14 сентября 1969 г., в 2 часа ночи в Третьем корпусе Национального собрания, где присутствовали только 122 члена проправительственной фракции. Тем не менее 17 октября 1969 г. Пак Чонхи провел «всенародный референдум» по поправкам к Конституции, в котором приняли участие 77,1 % избирателей, и было собрано 65,1 % голосов в поддержку новой редакции. Теперь Пак Чонхи на законных основаниях мог выставлять свою кандидатуру на президентских выборах в очередной раз.

Выборы (7-е по счету) были назначены на 27 апреля 1971 г. Кандидатом от оппозиционной Новой народной партии был выдвинут более молодой, чем Пак Чонхи, профессиональный политик Ким Дэчжун (1925–2009), избиравшийся в Национальное собрание с 1960 г. Пак Чонхи одержал победу и в этот раз, но с небольшим перевесом в 950 тыс. голосов, набрав 53,2 % голосов, в то время как за Ким Дэчжуна проголосовало 45,3 % избирателей. Наибольшую

поддержку Пак Чонхи получил в родной провинции Кёнсан, в то время как у Ким Дэчжуна было преимущество в Сеуле, крупных городах, а также в родной провинции Чолла. В отличие от предшествующих президентских выборов, в этот раз в адрес правящих кругов раздавались упреки в нечестности.

Восьмые парламентские выборы, назначенные на 25 мая 1971 г., также оказались неутешительными для правящей Республиканской партии, получившей всего 113 мест. Оппозиции досталось 91 место, из которых 89 — принадлежали Новой народной партии. Учитывая, что для принятия ряда законов требовалось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов, новый парламент оказывался не таким послушным президенту, как это было раньше.

Президентские и парламентские выборы показали неустойчивость власти Пак Чонхи. В 1971 г. с новой силой начали разворачиваться антиправительственные демонстрации, например, августовская демонстрация жителей Кванчжу⁵⁶, города-спутника Сеула.

Для того чтобы сохранить свою власть в условиях постоянного повышения благосостояния народа (благодаря им же проведенным реформам), которое являлось объективной основой для развития демократии, Пак Чонхи был вынужден прибегнуть к еще большему ужесточению своего правления.

§ 2. Переворот юсин и ужесточение диктатуры в период Четвертой Республики

В 7 часов вечера 17 октября 1972 г. неожиданно для большинства населения Республики Корея Пак Чонхи выступил со специальным заявлением⁵⁷. В нем говорилось о том, что ситуация, связанная с

---

⁵⁶ В Южной Корее есть два города с одноименным названием Кванчжу. Один из них, крупнейший центр юго-запада, расположен в провинции Южная Чолла, а другой, о котором идет речь в указанном фрагменте текста, — в столичной провинции Кёнги.

⁵⁷ Интересно отметить следующую деталь, связанную с выбором дат для проведения важнейших мероприятий периода президентства Пак Чонхи. Так, предшествующие президентские выборы проводились 27 октября 1971 г., референдумы о поправках к Конституции — 17 декабря 1962 г. и 17 октября 1969 г., провозглашение Третьей Республики — 17 декабря 1963 г. Проект очередных поправок к Конституции был внесен на обсуждение 27 октября 1972 г. и опубликован 27 декабря 1972 г. Этот день будет считаться началом истории новой Четвертой Республики. Последний раз Пак Чонхи вступил на пост президента страны также 27 декабря 1978 г. Возможно, подобная видимая приверженность Пак Чонхи

балансом сил окружавших Корею «великих» держав, теперь изменилась, и это повлекло за собой угрозу безопасности Кореи. (Действительно, с 1970 г. начались первые контакты между США и Китайской Народной Республикой. С 21 по 28 февраля 1972 г. президент США Р. Никсон посетил Пекин. Вслед за США Япония также готовилась признать коммунистический Китай. В 1972 г. СССР и США заключили Договор об ограничении стратегических вооружений. Прежний накал противостояния между Востоком и Западом спал. В мире наступала эпоха разрядки напряженности.) В то же время отмечал Пак Чонхи, впервые за все время разделения Корейского полуострова между Югом и Севером начались контакты и наметилась реальная перспектива объединения Кореи. (С 20 сентября 1971 г. начались переговоры в Пханмунчжоме по линии Красного креста Республики Корея и КНДР, а 4 июля 1972 г. было принято «Совместное заявление Севера и Юга», в котором раскрывалось стремление двух сторон предпринять конкретные шаги для установления мира на Корейском полуострове, налаживания разностороннего обмена и в перспективе — объединения страны.) Поэтому Конституция страны и ряд других законов, принятых во времена противостояния Востока и Запада и конфронтации Севера и Юга, не соответствуют новым реалиям. Страна остро нуждается в реформах. Вот почему примерно на два месяца до принятия новой конституции в стране вводится чрезвычайное положение.

Таким образом, Пак Чонхи объявил, что с 7 часов вечера 17 октября 1972 г. распускается Национальное собрание, приостанавливается функционирование политических партий и иная политическая деятельность, объявляются не имеющими силы ряд статей действующей Конституции. Вместо этого власть в стране на время передается Чрезвычайному государственному собранию (*Писан кунму хвевый*), которое до 27 октября 1972 г. должно было представить проект поправок к тексту Конституции, утвердить его через всенародный референдум и опубликовать не позднее конца 1972 г.

Заявление Пак Чонхи от 17 октября 1972 г. вводило в Республике Корея новую диктаторскую форму правления. Впоследствии события октября 1972 г. и новая политическая система получили название «Октябрьские [реформы] *юсин*» и «Система *юсин*» соответственно. Что такое *юсин*? Это корейское прочтение двух иерогли-

---

к цифрам 17 и 27 является случайностью. Вместе с тем любопытно отметить, что год его рождения — 1917.

фов, составляющих довольно редкий лексический вариант понятия «реформы». Слово это на Дальнем Востоке связано прежде всего с событиями в Японии 1868 г., когда там свершилась так называемая «буржуазная революция» (или «реставрация») Мэйдзи, полное название которой звучит как *Мэйдзи исин*, где *исин* — это то же слово «реформы», только произнесенное по-японски. Обращаясь к такому редкому в корейском языке термину, Пак Чонхи, очевидно, хотел сравнить события, начавшиеся 17 октября 1972 г., с японской «революцией» Мэйдзи, ставшей отправной точкой стремительного многопланового развития Японии. Однако в Южной Корее понятие *юсин* ассоциируется лишь с самым темным в истории страны временем диктатуры.

Новые поправки к Конституции, предложенные Чрезвычайным государственным собранием, имели своей целью не объединение страны или укрепление ее безопасности, а прежде всего усиление единоличной безграничной власти президента. Отныне президент Республики Корея должен был избираться не всеобщим тайным голосованием, а новым центральным органом, созданным *параллельно* Национальному собранию и получившим название Объединительного самостоятельного гражданского собрания⁵⁸ (*Тхониль чучхе кунмин хвей*; ОСГС). Заметим, что слово «самостоятельное» передавалось понятием *чучхе*, т. е. тем же, что и знаменитые северокорейские «идеи *чучхе*», речь о которых пойдет в следующих главах настоящей книги.

Кроме того, по новой Конституции политическим партиям запрещалось участвовать в выборах в Гражданское собрание. Изменились правила выборов в Национальное собрание. Теперь президент имел право выдвижения $\frac{1}{3}$ кандидатур через Объединительное самостоятельное гражданское собрание. Срок президентских полномочий продлевался с 4 до 6 лет, снимались всякие ограничения на количество сроков пребывания на посту президента. Президент получал

⁵⁸ Название этого органа власти переводят также как «Национальное собрание по самостоятельному объединению», что не совсем корректно, поскольку Национальное собрание продолжало свою работу. Согласно Конституции 1972 г. Объединительное самостоятельное гражданское собрание (ОСГС) должно было состоять из граждан, достигших 30-летнего возраста и не являющихся депутатами Национального собрания РК. Количество членов определялось числом от 2 до 5 тыс. Кроме того, ОСГС избирало президента страны, а также выносило окончательное решение по предложениям поправок к Конституции, которые рассматривались Национальным собранием (Большая энциклопедия корейской национальной культуры).

право ограничивать права и свободы граждан согласно новому «Законоу о чрезвычайном положении».

Таким образом, новая Конституция Республики Корея делала власть президента практически абсолютной, неограниченной во времени и несменяемой (за исключением случая смерти). Несменяемость власти, во-первых, достигалась уже тем, что само Чрезвычайное государственное собрание, готовившее новую Конституцию, было фактически создано Пак Чонхи. Во-вторых, как минимум $\frac{1}{3}$ Национального собрания должна была состоять из ставленников президента. В-третьих, новая система выборов в Объединительное самостоятельное гражданское собрание, ограничивавшая число кандидатов от одного избирательного округа двумя, а также неучастие в этих выборах политических партий предоставляли огромные возможности для того, чтобы «избирать» лояльных президенту депутатов, которые, соответственно, при последующем «выборе» главы государства всегда голосовали «за нынешнего президента».

Вслед за введением чрезвычайного положения 17 октября 1972 г. события развивались достаточно стремительно и предсказуемо. 27 октября 1972 г. был вынесен на «обсуждение» проект Конституции с изменениями, указанными выше, основными задачами которых объявлялись «мирное объединение Родины» и «введение демократии корейского типа» (читай: «диктатуры»). Референдум был проведен 21 ноября 1972 г. В нем приняли участие 91,9 % избирателей, 91,5 % из которых проголосовали за принятие новой редакции Конституции. 15 декабря 1972 г. прошли выборы в новое Объединительное самостоятельное гражданское собрание, на которых были избраны 2359 депутатов. Ход указанных выборов в исторической литературе, как правило, не обсуждается. 23 декабря указанное Гражданское собрание на своем первом заседании выдвинуло единственного кандидата на пост президента страны — Пак Чонхи. За него проголосовали 2357 депутатов, и два бюллетеня оказались недействительными. Против не было никого. 27 декабря была официально опубликована новая Конституция, которую впоследствии стали именовать Конституцией *юсин*. В тот же день Пак Чонхи вступил в должность президента страны и объявил о начале истории новой, Четвертой Республики. 27 февраля 1973 г. были проведены выборы в новое Национальное собрание, в которых принимали участие и политические партии. На них правящая Республиканская партия получила половину мест — 73 из 146.

Таким образом, в конце 1972 г. в Южной Корее установилась так называемая «диктатура реформ» (*юсин токчэ*) и фактически «вечная власть» (*ёнгу чипквон*) президента Пак Чонхи.

Почему именно в конце 1972 г. власть в Южной Корее приобрела характер диктатуры, которую сами южные корейцы нередко называют «фашистской»? Зачем Пак Чонхи понадобилось вводить чрезвычайное положение буквально через год после относительно успешных президентских выборов и гарантированной власти, по крайней мере, до 1975 г., времени следующих президентских выборов?

Не претендуя на всестороннее объяснение причин, представим авторскую точку зрения на указанные события. Одной из *объективных* причин, обусловивших становление власти *неполной* диктатуры военных в начале 1960-х годов, явилось тяжелое экономическое положение страны, необходимость эффективного использования зарубежной помощи, повышения уровня жизни населения, известная политическая нестабильность. К началу 1970-х годов поставленные новой властью экономические задачи были во многом решены. Пусть не до конца, но результаты более эффективной экономической деятельности южнокорейского общества были налицо. Таким образом, «снямалась» одна из важнейших объективных причин появления и существования неполной диктатуры. Южнокорейское общество стало более готовым к принятию и реализации политики демократии. Именно поэтому в начале 1970-х годов активизировались оппозиционные силы. Именно поэтому *частично* диктаторская власть Пак Чонхи стала более неустойчивой. Не прекращались студенческие волнения, и еще 6 декабря 1971 г. Пак Чонхи объявил в стране чрезвычайное положение, но вскоре был вынужден его отменить, встретив мощное сопротивление оппозиции. Поэтому для дальнейшего сохранения своей власти Пак Чонхи требовалось как можно раньше принять жесткие меры, чтобы ограничить нараставшие демократические тенденции.

Однако объективные причины невозможно перебороть волей одного или нескольких человек. Несмотря на установление жесткой и страшной диктатуры, о которой южные корейцы до сих пор вспоминают с содроганием, сила сопротивления ей была настолько велика, что в итоге, в совокупности с указанными причинами объективного характера, сумела сокрушить ее. Приведем лишь некоторые примеры сопротивления единоличной диктаторской власти Пак Чонхи.

Несмотря на запрещение политических партий, активность оппозиции, в частности Ким Дэчжуна, кандидата на пост президента

страны от Новой народной партии в 1971 г., продолжала оставаться довольно высокой. Так, через западные средства массовой информации он критиковал Пак Чонхи за его нежелание активно содействовать объединению Кореи, формально объявленному в качестве важнейшей задачи реформ *юсин*. Поэтому Пак Чонхи попытался физически расправиться со своим оппонентом. 8 августа 1973 г. Ким Дэчжун был тайно похищен из отеля «Гранд Палас» в Токио агентами южнокорейских спецслужб и увезен в неизвестном направлении. Как указывается в северокорейской историографии, «Пак Чонхи был намерен утопить Ким Дэчжуна в море»⁵⁹. Через 129 часов после задержания, к 10 часам вечера 13 августа, похищенного доставили в Корею к себе домой, о чем было заявлено во всеуслышание. Это была реакция Пак Чонхи на осуждение токийских событий со стороны мировой общественности. Тем не менее Ким Дэчжун был посажен под домашний арест, и ему была запрещена всякая политическая деятельность. Властям Японии, союзного государства, было принесено официальное извинение за инцидент.

В конце 1973 г. в Южной Корее стало разворачиваться движение за изменение антидемократической Конституции *юсин*, которое достигло таких масштабов, что 8 января 1974 г. Пак Чонхи был вынужден издать «Указ № 1 о чрезвычайных мерах», направленных на подавление этого движения. Для подавления студенческого движения 3 апреля того же года был издан «Указ № 4 о чрезвычайных мерах».

15 августа 1974 г. имело место **покушение на жизнь** самого **Пак Чонхи**. В 10 часов утра Пак Чонхи выступал в здании Сеульского государственного театра с торжественной речью по случаю 29-й годовщины со дня освобождения страны. В это время из зала прозвучал первый выстрел, направленный в сторону президента. Пак Чонхи сумел спрятаться за трибуной. Второй выстрел поразил в голову его супругу, госпожу Юк Ёнсу, находившуюся в президиуме. Стрелявшего быстро схватили. Им оказался проживавший в Японии кореец северокорейской ориентации, входивший в так называемую «Всеобщую ассоциацию корейских [соотечественников] в Японии» (*Чо чхоннён*)⁶⁰ по имени Мун Сегван. Впоследствии стало известно, что он проходил специальную подготовку в КНДР и получил за-

⁵⁹ Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян, 1979. С. 591.

⁶⁰ Выходцы из Кореи, постоянно проживающие в Японии, делятся на две большие группы: имеющие ориентацию и связи либо с Северной, либо с Южной Кореей.

дание убить Пак Чонхи, прибыв в Южную Корею по поддельному паспорту. Однако вряд ли всю ответственность за инцидент стоит приписывать «агенту» Северной Кореи. До сих пор не получил объяснения тот факт, каким образом Мун Сегван смог попасть на закрытый митинг с участием президента страны, пронести пистолет и почему число пуль, выпущенных из его пистолета, оказалось меньше количества гильз, обнаруженных на месте преступления. Учитывая, что Пак Чонхи умер не своей смертью, можно предположить, что к покушению 15 августа 1974 г. могли быть причастны граждане Южной Кореи, недовольные диктатурой Пак Чонхи.

Вторая половина 1974 г. также выдалась беспокойной для президента Южной Кореи. Теперь против Пак Чонхи стали выступать крупные периодические издания. Например, 24 октября 1974 г. группа журналистов газеты «*Тона ильбо*» выдвинула требование о предоставлении свободы средствам массовой информации. В конце 1974 г. была создана «Ассоциация литераторов за реальность свободы».

Таким образом, к началу 1975 г. «диктатура *юсин*» начала давать заметные сбои. Пак Чонхи требовалось новое «законодательное подтверждение» легитимности своей власти. Поэтому 22 февраля 1975 г. был проведен референдум об отношении народа к реформированной Конституции *юсин*. В референдуме приняли участие 79,8 % избирателей. Из них 73,1 % проголосовали в поддержку Конституции. Судя по тому, что в критической южнокорейской исторической литературе говорится о снижении уровня поддержки Пак Чонхи, скорее всего референдум проводился без больших процедурных нарушений. И все же это была победа Пак Чонхи. На непродолжительное время, до 1978 г., его власть обрела некоторую стабильность.

Проведенные 6 июля 1978 г. очередные президентские выборы опять принесли Пак Чонхи 100-процентную поддержку Объединительного самостоятельного гражданского собрания в количестве 2577 голосов, поданных «за» при одном недействительном бюллетене.

Однако выборы в новое Национальное собрание 12 декабря 1978 г., несмотря на имевшиеся у Пак Чонхи рычаги воздействия на их ход, показали значительное падение влияния Республиканской партии, получившей лишь 31,7 % голосов избирателей, в то время как оппозиционной Новой народной партии удалось набрать 32,8 %. Ситуацию спасла пропрезидентская организация, так называемое «Общество друзей политики реформ *юсин*» (*Юсин чжонсон ухве*), образованное еще 10 марта 1973 г. из 73 членов парламента,

выдвинутых туда Объединительным самостоятельным гражданским собранием. Его сторонники получили 77 мест.

Таким образом, несмотря на постоянно ослабевающую поддержку народа, Пак Чонхи обеспечил как свою президентскую власть, так и большинство в Национальном собрании на ближайшие несколько лет.

Однако вторая половина 1979 г. оказалась для «диктатуры *юсин*» роковой. Лидер главной оппозиционной Новой народной партии Ким Ёнсам (1927–2015) на пресс-конференции перед журналистами газеты «Нью-Йорк Таймс» выступил с критикой власти Пак Чонхи. Через некоторое время, 3 октября 1979 г., в Национальном собрании был поднят вопрос о лишении Ким Ёнсама депутатского мандата за «антинациональные действия». На следующий день, 4 октября, 159 депутатов от Республиканской партии и Общества друзей политики реформ *юсин* приняли соответствующее решение. 13 октября все 66 депутатов от Новой демократической партии в знак протеста сложили с себя депутатские обязанности.

В стране нарастал кризис. Несогласные с изгнанием Ким Ёнсама из парламента студенты крупнейшего южного города Пусан 16 октября 1979 г. вышли на демонстрации протеста против диктатуры Пак Чонхи. Размах выступлений студентов и горожан был настолько велик, что с 18 октября в Пусане было введено чрезвычайное положение. Пусанские демонстрации перекинулись на соседний портовый город Масан. 19 октября на улицы вышли учащиеся Сеула, а 24 октября — студенты Университета Кемён южного города Тэгу. Так против Пак Чонхи выступило население юго-востока страны, которое ранее оказывало ему самую большую поддержку.

Через два дня после этого, на 26 октября, в штаб-квартире южнокорейского Центрального разведывательного управления был запланирован ужин, где Пак Чонхи и начальник ЦРУ Ким Чжэгу (1926–1980) должны были обсуждать вопрос о беспорядках в Пусане и Масане. Пак Чонхи был очень недоволен действиями Ким Чжэгу. Тогда возмущенный Ким Чжэгу в 7:35 вечера застрелил Пак Чонхи и начальника его охраны Чха Чжичхоля из пистолета.

Так завершился 18-летний период власти Пак Чонхи. «Диктатура *юсин*» рухнула, потому что была создана под одного человека, внезапно ушедшего из жизни.

Глава 7. ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ РЕСПУБЛИКИ: ЮЖНАЯ КОРЕЯ ПОД ВЛАСТЬЮ «ДИКТАТОРСКОГО РЕЖИМА» ПАК ЧОНХИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ограничиться только изложением хроники основных событий, связанных с президентством Пак Чонхи, и не сделать соответствующих комментариев по поводу той политики, которую он проводил в сфере образования, экономики, международных отношений, — значит дать неполное освещение истории Южной Кореи 1960–1970-х годов, не позволяющее адекватно оценить в ней роль Пак Чонхи.

Конечно же, время президентства Пак Чонхи было очень непростым, и южные корейцы часто вспоминают его не с самыми лучшими чувствами. Например, говорят о том, что в рамках так называемой политики экономии гражданам Южной Кореи не всегда разрешалось питаться так, как им этого хотелось в соответствии с их финансовыми возможностями. Например, в средних школах детям запрещалось есть в обеденный перерыв «дорогую» рисовую кашу⁶¹. Они должны были приносить с собой из дома на обед либо бобовую, либо ячменную кашу. При этом каждый день проводилась проверка того, кто какой обед с собой принес. Поэтому некоторые корейские дети из зажиточных семей шли на уловки, пряча рис под верхним слоем бобовой или ячменной каши.

Однако это лишь одна особенность времени президентства Пак Чонхи. Были в его политике и позитивные моменты, приведшие страну к экономическому, а в итоге — к культурному процветанию. Ведь «Революция 16 мая» 1961 г. как раз и совершалась для того, чтобы улучшить положение в стране, вывести ее из кризиса и дать народу в перспективе счастливую жизнь⁶². И начал Пак Чонхи с новых подходов в области образования, экономики, внешней экономической политики.

---

⁶¹ Особо приготовленная рисовая каша является в корейской кухне «аналогом» европейского хлеба. Как нет корейского стола без рисовой каши, так нет и стола, состоящего только из каши. К каше полагается, по меньшей мере, определенный набор овощей и по возможности различные морепродукты или мясо.

⁶² В Преамбуле к Конституции, принятой 26 декабря 1962 г. (как и в прежних редакциях конституций Республики Корея), говорилось о том, что основная цель государства — дать «счастье» (*хэбонк*) гражданам страны.

§ 1. Основные направления развития экономики

Экономические преобразования в стране Пак Чонхи начал с того, что, используя новые рычаги государственной власти, появившиеся благодаря диктаторской форме правления, ввел **систему планирования народного хозяйства**. Уже через два месяца после его прихода к власти, в июле 1961 г., был опубликован **Первый пятилетний план экономического развития на 1962–1966 гг.** Одновременно был создан Совет экономического планирования⁶³ с практически неограниченными полномочиями в сфере экономики и высокой степенью ответственности за принимаемые решения. Трудно сказать, почему Пак Чонхи пришел к идее эффективности плановой экономики. Возможно, с одной стороны, сыграл роль положительный опыт соседней Японии, использовавшей элементы планирования. С другой стороны, в странах социалистического лагеря практика развития экономики в соответствии с пятилетними планами в то время демонстрировала известные положительные результаты. Тотальный контроль новой «диктаторской» власти над всеми сферами общественной жизни давал известные надежды на то, что планы экономического развития будут выполняться.

В Первую пятилетку было определено шесть основных задач, главной целью которых было создание *базы* для будущей независимой национальной экономики⁶⁴: 1) повышение уровня производства сельского хозяйства и доходов крестьян; 2) обеспечение страны электроэнергией, углем и другими источниками энергии; 3) развитие ключевых отраслей промышленности; 4) максимальное использование незадействованных ресурсов; 5) расширение экспорта и улучшение платежного баланса страны; 6) увеличение капиталовложений в развитие техники, химической и электротехнической промышленности. Несмотря на наличие в программе пунктов об увеличении экспорта, в то время еще не ставились задачи превращения экономики Южной Кореи в экспортно ориентированную.

Итоги Первой пятилетки оказались достаточно успешными во многом благодаря тому, что в 1965 г. были восстановлены южнокорейско-японские отношения, следствием чего стало начало широ-

⁶³ В литературе встречается указание на Управление экономического планирования, или Бюро экономического планирования, временем создания которого называют 1961, 1962 или 1963 г.

⁶⁴ Подробнее см.: *Шунаев В. И.* Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.

комасштабного процесса экспорта японского капитала в Корею. Действительно, итоги Первой пятилетки показали, что экономика страны на 60 % зависит от иностранного капитала. Вместе с тем в этот период удалось добиться повышения уровня производства в сельском хозяйстве (более чем на 34 %). Средний ежегодный прирост валового национального продукта (ВНП) составил 7,8 %, при запланированных 7,1 %, и к концу пятилетки составил 123 доллара США на душу населения, по сравнению с 83 долларами в начале.

Однако поворотным стал **Второй пятилетний план экономического развития Республики Корея (1967–1971)**. Основными целями Второй пятилетки были модернизация производственной структуры и стремление к самостоятельности экономики. Для достижения указанных целей следовало решить следующие основные задачи: 1) самообеспечение продуктами питания, развитие лесной и рыбной промышленности; 2) создание базы высокотехнологичной промышленности через строительство предприятий химической, металлургической, машиностроительной отраслей; 3) достижение уровня экспорта в 700 млн долларов; 4) увеличение занятости населения с помощью политики планирования семьи; 5) повышение доходов населения; 6) повышение уровня научно-технического развития и уровня подготовки людских ресурсов.

Таким образом, несмотря на формальное ведущее место во Втором пятилетнем плане сельского хозяйства, особое внимание уже было обращено на развитие промышленности нового типа и производство товаров на экспорт. Благодаря дальнейшему увеличению притока иностранных инвестиций, а также ряду других факторов, о которых чуть ниже будет сказано особо, Южной Корее удалось добиться показателей среднего ежегодного прироста ВНП в 9,7 %, вместо запланированных 7 %. Заметно возросла доля тяжелой промышленности, составляя $\frac{1}{3}$ от общего объема промышленного производства. Планы по развитию сельского хозяйства во многом остались невыполненными. В годы Второй пятилетки возрос уровень импорта зерновых культур, сумма которого достигла отметки в 270 млн долларов, по сравнению с 40 млн в начале пятилетки.

Третий пятилетний план (1972–1976), во многом развивавший и дополнявший задачи Второй пятилетки, был направлен не только на повышение уровня экономического развития, но и на большую сбалансированность экономики, большую степень ее самостоятельности и равномерное развитие регионов. Особое внимание уделялось развитию тяжелой и химической промышленности. Уро-

вень экспорта планировалось довести до 3,5 млрд долларов. Средний ежегодный уровень прироста ВВП, достигнутый в годы Третьей пятилетки, был, пожалуй, самым высоким за всю историю реализации пятилетних планов экономического развития и составил 11,2 % против запланированных 8,6 %.

Четвертый пятилетний план (1977–1981), ставивший своими задачами дальнейшее увеличение самостоятельности и сбалансированности экономики, а также повышение уровня технической модернизации, оказался самым неудачным для Республики Корея, если не считать показателей 1977 г., когда объем южнокорейского экспорта достиг уровня в 10 млрд долларов. Экспортноориентированность экономики, построенная на использовании импортного сырья и материалов, резко ударила по Корее в годы второго нефтяного кризиса 1978–1979 гг.⁶⁵ Убийство Пак Чонхи привело страну к крайней политической нестабильности и спаду производства в 1980 г. И тем не менее заложенные Пак Чонхи основы новой южнокорейской экономики позволили добиться среднего ежегодного прироста ВВП в эти непростые для страны годы в объеме 5,8 % (вместо запланированных 9,2 %).

Что же лежало **в основе удивительного экономического роста Южной Кореи**, которая в течение полутора десятилетий предшествовавшей истории была одной из экономически (но не культурно!) отсталых стран мира?

Во-первых, это изменение *общей экономической модели развития* страны. Взяв рычаги управления в свои руки и сделав экономику страны *регулируемой государством* с помощью военно-закондательных мер, Пак Чонхи изменил ее характер. Если в 1950-е годы производство было в основном ориентировано на внутреннее потребление и имело целью только импортозамещение, то Пак Чонхи уже в первые годы после прихода к власти принял решение переориентировать экономику страны *на экспорт*. Причиной было то, что, по справедливому мнению экспертов — современников Пак Чонхи, в стране, где практически не было своих природных ресурсов, единственным способом добиться роста в экономике было ее переориентирование на экспорт. Правильность и эффективность подобного пути экономического развития доказывал положительный опыт соседней Японии. Если в 1960 г. объем южнокорейского экспорта со-

⁶⁵ Первый нефтяной кризис, оказавшийся не столь тяжелым для экономики Южной Кореи, разразился в октябре 1973 г.

ставлял всего 33 млн долларов, то в 1971 г. он вырос до 1 млрд, а в 1979 г. — до 15 млрд долларов. Уровень импорта также оставался достаточно высоким, что объяснялось во многом отсутствием в Корее собственного сырья. Однако благодаря экспортоориентированности экономики удалось добиться относительной сбалансированности экспорта и импорта. Так, если в 1960 г. Республика Корея импортировала сырья и товаров на сумму 344 млн долларов, то в 1971 г. — на 2 млрд, а в 1979 г. — на 20 млрд долларов. В 1976, 1977 и 1978 гг. объем экспорта и импорта был практически равным. Дисбаланс 1979 г. объясняется уже упоминавшимся резким ростом мировых цен на нефть, повлекшим за собой экономический кризис.

Во-вторых, несмотря на последующие меры по сбалансированному развитию экономики, определенные в рамках задач Третьего и Четвертого пятилетних планов, на первом этапе Пак Чонхи принял осознанное решение развивать экономику страны *неравномерно*. Тогда, несмотря на формальные заявления, приоритет был отдан развитию промышленности в ущерб сельскому хозяйству. Для решения задач создания высокоразвитой экспортоориентированной промышленности иначе и быть не могло. Кроме того, при всех негативных моментах положительным было то, что подобная несбалансированность приводила к оттоку населения из деревни в город, которому требовалась дешевая рабочая сила.

Второй момент неравномерности экономического развития состоял в том, что в первые две пятилетки приоритет отдавался легкой промышленности, где было проще добиться увеличения выпуска объема товаров на экспорт с наименьшими затратами. И лишь с Третьей и Четвертой пятилеток особые задачи были возложены на тяжелую и химическую промышленность.

Подобная неравномерность в экономике Республики Корея не могла не сказаться на структуре ее экспорта. Если в 1950-е годы, до начала экономических реформ, Южная Корея экспортировала главным образом продукцию горнорудной промышленности и в небольшом количестве морепродукты и продукты питания, то в 1960-е годы основой экспорта стали одежда, обувь и другие товары легкой промышленности. С конца 1960-х — начала 1970-х годов главный упор был сделан на экспорт электроники, машинного оборудования, химических волокон и т. п. Экспортная продукция южнокорейской промышленности направлялась как в страны, традиционно поддерживавшие с Кореей тесные экономические отношения (США и Япо-

Третьей важнейшей особенностью экономической политики Пак Чонхи стало усиление роли государства в экономике. Иными словами, Пак Чонхи, исходя из своих представлений о «демократии корейского типа» (*хангук-чок минчжучжусый*), стал строить особую корейскую экономику, которую впоследствии отдельные исследователи стали называть «государственным капитализмом». Действительно, на протяжении всей предшествующей многотысячелетней истории страны государство осуществляло верховный контроль над всей хозяйственной деятельностью. Следовавшее за сменой династий перераспределение собственности на землю воспринималось как нормальное явление. Представление о верности верховному правителю и государству (*чжун*) являлось одним из базовых в традиционной культуре и сохранилось вплоть до новейшего времени. В период «диктатуры» Ли Сынмана корейское правительство, возможно под воздействием американских представлений о свободе и рыночной экономике, не столь активно занималось вопросами регулирования экономики страны, ограничившись главным образом решением задачи перераспределения бывшей японской собственности и распределения экономической помощи, поступавшей из США.

Правительство Пак Чонхи с начала 1960-х годов взяло под свой жесткий контроль финансовую систему, конвертацию валюты, налогообложение. Создавались государственные корпорации в таких стратегических областях экономики, как финансы, энергетика, транспорт, а также в сельском хозяйстве. Например, 1 июля 1961 г. была создана крупнейшая Корейская электрокомпания (*Хангук чоллёк*), в 1969 г. — Корейская корпорация шоссежных дорог (*Хангук торо конса*), в 1970 г. — Корпорация по развитию сельского хозяйства (*Ноноп чинхын конса*). В руках государства находилось производство женьшеня и табака.

Вместе с тем государство взяло под жесткий контроль деятельность частного капитала, и прежде всего крупных финансово-промышленных корпораций *чэболь*. Во-первых, контроль проявился в распределении финансовой помощи и целенаправленных инвести-

ций, поступавших в Корею по каналам межгосударственных отношений. Так, льготные кредиты правительство предоставляло тем *чэболь*, деятельность которых способствовала выполнению задач, намеченных пятилетними планами экономического развития. Например, председатель известной южнокорейской корпорации «Ссанъён» Ким Сонгон, преуспевший к концу 1950-х годов в текстильном производстве, с начала 1960-х годов сумел быстро переориентироваться на производство цемента, нефтепереработку и морские перевозки, добившись в результате льготных государственных кредитов и выгодных заказов. Ко всему прочему, он даже вступил в правящую Республиканскую партию и впоследствии не раз избирался депутатом Национального собрания. По состоянию на 1979 г. у 10 ведущих *чэболь* Южной Кореи доля капитала в приоритетной на то время тяжелой и химической промышленности составляла 84,7 % всего производства⁶⁶.

Во-вторых, поскольку новая экономика Южной Кореи строилась во многом за счет иностранных инвестиций, государство осуществляло жесткий контроль в сфере долговых обязательств частных предприятий. Так, 2 августа 1972 г. Пак Чонхи издал «Экстренный приказ № 15», вступавший в силу со следующего дня, 3 августа 1972 г., согласно которому все частные предприятия в недельный срок должны были доложить правительству об имеющихся задолженностях. Тем же приказом определялся ряд обязательных мер для их погашения.

В-третьих, используя экономический потенциал *чэболь* для выполнения намеченных задач, государство одновременно внимательно следило за тем, чтобы экономическая мощь *чэболь* не перерастала в политическую, чтобы доходы, полученные *чэболь*, направлялись в производство, а не на излишнее потребление. Государство осуществляло жесткий контроль над сферами, в которых велась деятельность *чэболь*, не допуская чрезмерного распространения их влияния, например в банковском деле.

Особенно сильная волна ограничений, направленная против концентрации капитала в руках отдельных семей, владевших *чэболь*, имела место в начале 1970-х годов. Так, 29 мая 1974 г. были приняты Особые президентские директивы, согласно которым предусмат-

---

⁶⁶ Статистическая информация о южнокорейских *чэболь* для настоящей монографии взята из недоступной, к сожалению, для большинства российских читателей корейской книги *Ли Хангу* «Хангук чэболь хёнсон са (История формирования корейских [корпораций] чэболь)» (Сеул, 1999).

ривалось полное или частичное акционирование фирм, входящих в состав финансово-промышленных корпораций.

Контроль государства над *чэболь* выражался также в постоянной оценке их деятельности и определении тех из них, которые работали на благо государства, и тех, которые ему так или иначе вредили. Все частные фирмы, включая финансово-промышленные корпорации *чэболь*, были разделены на две группы: «сильные» и «слабые». Слабым фирмам, например, запрещалось получать гарантии под иностранные кредиты, открывать новые сферы деловой активности, вкладывать деньги в ценные бумаги, приобретать производственное имущество. Запрещалось финансировать корпорации, определенные правительством как неэффективные и убыточные. В результате такой политики в 1973 г. была ликвидирована корпорация «Самхо», занимавшая вторую позицию в рейтинге *чэболь* 1960 г.

Подобный государственный контроль над частным предпринимательством сохранялся в Республике Корея вплоть до конца 1990-х годов. По состоянию на 1979 г., первыми в ранге крупнейших *чэболь* были такие хорошо известные корпорации, как «Хёндэ», «Эл Джи», «Самсунг» и «Дэу», а доля в экспорте крупнейших торговых компаний, входивших в корпорации *чэболь*, превысила $\frac{1}{3}$.

Четвертым моментом экономической политики Пак Чонхи, о котором так или иначе уже упоминалось, но на который следует обратить особое внимание, стало изменение характера привлекаемой из-за рубежа экономической помощи. Если в 1950-е годы это была главным образом безвозмездная помощь (*мусан вончжо*) из США, то с 1960-х годов иностранная помощь начала носить характер *инвестиций*, т. е. таких денежных средств, которые «ищут дохода» и поэтому «начинают работать».

Еще 1 января 1960 г., в президентство Ли Сынмана, был принят «Закон о поощрении иностранных инвестиций», однако он не принес ожидаемого результата из-за нестабильной ситуации в стране. Придя к власти, Пак Чонхи прежде всего издал «Закон о государственной гарантии вкладов частных зарубежных инвесторов». Однако важнейшим стал «Закон о привлечении иностранного капитала» (*Вечэжа тоиппон*) от 3 августа 1966 г. Новый закон предоставлял большие льготы зарубежным инвесторам, освобождая их от уплаты всевозможных налогов в первые пять лет после начала деятельности и ограничивая налогообложение 50 % от нормы в последующие три года. Имущество предприятий с иностранным капиталом находилось под охраной государства. Государство выступало гарантом

по внешней задолженности предприятий со смешанным капиталом, особенно в стратегических отраслях промышленности, и строго наказывало всех корейских предпринимателей, пытавшихся незаконно использовать иностранные инвестиции. Любой же потенциальный иностранный инвестор должен был получить разрешение в Совете экономического планирования.

Эффект от новой политики, направленной на изменение характера иностранной помощи, стал ощущаться уже в первые годы. Не только японские предприниматели, изначально рассматривавшие Южную Корею как страну приложения капиталов, но и США, которые ранее оказывали в основном безвозмездную помощь, исходя из соображений необходимости минимальной поддержки союзника по оборонительному блоку, стали подходить к Республике Корея иначе. К примеру, именно в 1966 г. началось активное сотрудничество между автомобильным концерном «Форд» и корпорацией «Хёндэ», результатом которого стало создание автомобильной фирмы «Хёндэ моторс».

Пятой важнейшей составляющей новой экономической политики Пак Чонхи стала политика в сфере народного образования. Для того чтобы поднять экономику страны, Южной Корее требовались, с одной стороны, новые грамотные кадры, а с другой — воспитание патриотического национального духа (*минчжэсок чонсин*), который помог бы в известной степени компенсировать народу невозвращаемые затраты сил в виде адекватной заработной платы и поднять эффективность трудовой деятельности независимо от материального вознаграждения.

Реформа образования началась с ряда соответствующих указов Министерства культуры и образования. Главным содержанием реформы стало изменение программы образования, так что особенное внимание уделялось идеям гуманизма, особой роли государства и необходимости общественного развития.

В тот период школа в Республике Корея, как и в настоящее время, делилась на начальную, среднюю и высшую среднюю. Последняя, в свою очередь, была двух типов: ориентированная на практическое профессиональное образование и «гуманитарная», т. е. готовившая школьников к поступлению в высшие учебные заведения. Любопытно отметить, что среди школьных предметов того времени был так называемый «антикоммунизм и мораль». Роль образования в общей стратегии развития страны считалась настолько важной, что в 1968 г. был принят особый Устав народного образования, а

с 1972 г., с началом «реформ *юсин*», взят курс на «самостоятельное *чучхейское*⁶⁷ образование», т. е. такое, которое воспитывало бы особый национальный дух. Поэтому корейцы, и в прежние времена признававшие особую значимость государства, в годы президентства Пак Чонхи научились работать не только за деньги и ради личной выгоды, но и во имя интересов народа и страны в целом. (Недаром на антиправительственные демонстрации выходили главным образом студенты высших учебных заведений, уже не связанные строгими рамками семейных отношений по линии отцы — дети, но еще не вступившие в активную трудовую деятельность, также ограничивавшую свободу жесткой трудовой дисциплиной.)

В целом новая экономическая политика Пак Чонхи оказалась достаточно эффективной, однако имела ряд отрицательных последствий, среди которых в исторической и экономической литературе отмечаются следующие: 1) увеличение финансовой, технической и торговой зависимости от иностранных держав; 2) рост государственного долга; 3) неравномерность развития между промышленностью и сельским хозяйством, а также крупным, мелким и средним предпринимательством; 4) все больший разрыв между доходами различных социальных слоев.

Некоторые из отрицательных последствий, в частности неравномерность в развитии города и деревни, Пак Чонхи пытался преодолеть еще в годы своего президентства, организовав так называемое Движение за новую деревню.

§ 2. Движение за новую деревню

Движение за новую деревню (*Сэмабиль ундон*) является одной из немногих реалий времен Пак Чонхи, проявлявшей себя вплоть до конца XX столетия. Буквально перед любым административным учреждением Республики Корея и в конце 1990-х годов можно было заметить характерные флаги Движения за новую деревню — зеленые полотнища с желтым кругом посередине, на котором изображены

⁶⁷ В отечественной литературе с термином *чучхе* принято соотносить исключительно северокорейскую идеологию (см. главы 11–12 Части IV настоящей книги). Однако начиная с 1972 г. и в Южной Корее стали активно использовать указанный термин в значении «самостоятельность» в политике государства. Возможно, активное употребление термина *чучхе* было связано с желанием Пак Чонхи сблизить внешние атрибуты идеологии Южной и Северной Кореи, имея в виду цель объединения страны, заявленную в рамках реформ *юсин*.

зеленые листья. Пассажирские поезда самого высокого (до начала 2000-х годов) класса также назывались «Новая деревня».

Движение за новую деревню интересно еще и тем, что как раз в нем проявились те особенности традиционной корейской бытовой и трудовой культуры, которые стали важнейшей составной частью успеха экономической политики Пак Чонхи.

Все началось с того, что 22 апреля 1970 г. (в день 100-летия со дня рождения В. И. Ленина) на собрании провинциальных ответственных работников Пак Чонхи объявил о необходимости разворачивания Движения за создание новой деревни. Необходимость эта была вызвана катастрофической отсталостью деревни, которая стала особенно ощущаться после успешной индустриализации в соответствии с пятилетними планами экономического развития. В то время в южнокорейской деревне проживало примерно 60 % всего населения страны. В мае 1970 г. был принят ориентировочный план развертывания Движения.

Движение началось в 1971 г., когда правительство Республики Корея отправило во все 33 267 деревень страны по 335 мешков цемента на строительные работы. В том же году государство предоставило деревне всевозможную материальную помощь, в том числе и в форме капиталовложений, на сумму 4 млрд 100 млн *вон*. Идейными составляющими Движения стали представления о «благе для всех», «качественном и количественном улучшении жизни», «равных правах в пользовании общественными благами», «единстве нации» и «реализации *духа корейской нации* в условиях современности».

В 1972 г. выяснилось, что только в 16 600 деревень, т. е. только в половине от общего числа, новая политика реализовывалась успешно. Более глубокое изучение причин успехов и неудач показало, что основная причина кроется в местных деревенских руководителях.

Действительно, теоретической основой разворачивания Движения было представление о традиционной деревенской культуре коллективизма, которая должна была помочь решить задачи улучшения положения в деревне. Однако попытка опереться на обычных деревенских старост оказалась неудачной. Тогда их решили заменить назначаемыми сверху руководителями Движения за новую деревню. Для их обучения и воспитания была образована особая «Академия по изучению и совершенствованию [духа] укрепления сельской семьи», впоследствии переименованная в «Академию руководителей новой деревни».

Движение за новую деревню контролировалось на государственном уровне. В 1972 г. при президенте страны, в аппарате секретариата, была учреждена должность «ответственного за новую деревню». Вслед за этим на всех уровнях государственной власти — провинциальных, городских, областных, окружных, уездных — были образованы «Комитеты содействия Движению за новую деревню» (*Сэмамыль ундон хёбыйхве*). Вся страна, отдававшая до тех пор свои силы индустриализации, должна была теперь наверстывать упущенное в деревне. Одной из важнейших задач «реформ *юсин*» 1972 г. Пак Чонхи объявил Движение за новую деревню. В 1973 г. при Министерстве внутренних дел, Министерстве торговли и промышленности, Министерстве сельского хозяйства, лесоводства и рыбной промышленности, а также при Министерстве образования были созданы «Отделы новой деревни».

Нефтяной кризис 1973 г. вывел Движение на новый уровень. Основанное на механизмах традиционной социальной организации, Движение за новую деревню оказалось важнейшим средством мобилизации всего южнокорейского народа на преодоление экономических трудностей, вызванных кризисом. В 1974 г. на *частных* предприятиях, в том числе и входивших в состав финансово-промышленных корпораций *чэболь*, стали создаваться Комитеты содействия Движению за новую деревню.

Таким образом, в середине 1970-х годов Движение за новую деревню стало неким универсальным средством мобилизации народа для решения общегосударственных задач. С одной стороны, в 1974 г. произошло покушение на жизнь Пак Чонхи, и в последующие годы многие в Южной Корее выражали недовольство его диктаторской властью. А с другой — в 1975 г. при Торгово-промышленной палате Республики Корея была создана неправительственная организация под названием «Комитет Движения за новую деревню» (*Сэмамыль ундон хёбыйхве*). В следующем году этот Комитет перерос во всекорейскую «народную организацию» (*минган танчхе*) под названием «Центральный комитет Движения за новую деревню». В том же году при Торгово-промышленной палате был образован «Штаб содействия Движению за новую деревню *на заводах*». Все эти комитеты и штабы, помимо всего, связанного с деревней, занимались вопросами снижения себестоимости товаров, повышения качества производства и т. п. Иными словами, во второй половине 1970-х годов Движение за новую деревню стало общегосударственным движением, основанным на традициях коллективизма и ставшим одной из социаль-

ных составляющих экономического роста в условиях диктатуры Пак Чонхи.

Гибель Пак Чонхи и последующее изменение характера власти в Республике Корея привели к постепенному сворачиванию Движения. В феврале 1980 г. была упразднена должность ответственного за новую деревню в Министерстве образования и культуры, и все дела, связанные с этим Движением, были переданы в провинциальные Комитеты по образованию. В середине 1980-х годов Движение было отделено от государства, т. е. фактически лишено государственной поддержки, и объявлено сугубо «проявлением народной инициативы». С конца 1980-х годов стало наблюдаться постепенное сворачивание Движения и на заводах. В 1988 г. были закрыты Отделы планирования новой деревни и Отделы руководства новой деревни в центральных министерствах, в городах прямого подчинения и на уровнях провинций. В 1993 г. во всех органах местной власти были окончательно упразднены Отделы новой деревни.

Рост экономики Республики Корея, рост благосостояния ее граждан и дальнейшее развитие рынка делали все менее необходимыми какие-либо формы внеэкономического принуждения, одной из которых как раз было Движение за новую деревню. Эти же причины являлись силой, подтачивавшей диктаторские формы правления и открывавшей Республике Корея дорогу к демократии.

Глава 8. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В НАЧАЛЕ ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ПРИХОД К ВЛАСТИ ЧОН ДУХВАНА И ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА

История Четвертой Республики закончилась трагической гибелью президента Пак Чонхи 26 октября 1979 г., когда он был застрелен начальником южнокорейского ЦРУ Ким Чжэгу. Последний был арестован на месте преступления начальником Службы безопасности национальных вооруженных сил Чон Духваном (род. 1931 г.). Согласно Конституции, вся полнота власти временно перешла к тогдашнему премьер-министру Чхве Гюха (1919–2006), который с четырех часов утра следующего дня, 27 октября 1979 г., объявил в стране чрезвычайное положение. Командующим штабом чрезвычайного положения был назначен главнокомандующий сухопутными войсками Республики Корея Чон Сынхва.

Южная Корея освободилась от ненавистного «диктатора» и надеялась на новое, более светлое будущее. В начале 1980 г. развернулось движение за демократию, получившее впоследствии название «сеульской весны».

Однако исторические события пошли по иному, объективно предначертанному пути.

Пока еще трудно дать более или менее объективные оценки событиям, произошедшим всего 10–30 лет назад, поскольку еще не до конца проявили себя их последствия. Кроме того, еще не вся информация рассекречена и опубликована. Причины этого понятны: события недавнего прошлого всегда оказывают влияние на современность. Поэтому в собственно *исторической науке* период истории Кореи 1980-х и в особенности 1990-х годов описан недостаточно полно, что необходимо учитывать при попытке понять события, произошедшие после падения «диктатуры» Пак Чонхи.

§ 1. Приход к власти Чон Духвана

После объявления чрезвычайного положения 27 октября 1979 г. формально власть в стране продолжала оставаться в руках Республиканской партии, которую снова возглавил Ким Чжонпхиль. С конца октября по декабрь 1979 г. Чхве Гюха стал временным исполняющим обязанности президента страны. С декабря 1979 г., после ответствующего голосования в Объединительном самостоятельном гражданском собрании (по процедуре «реформ *юсин*»), Чхве Гюха официально вступил в должность десятого президента Республики Корея. В феврале 1980 г. Республиканская партия предложила внести очередные поправки в Конституцию страны. Одновременно, для того чтобы поднять свою популярность, правительство Чхве Гюха приняло решение о замораживании цен на основные потребительские товары, расширении сферы применения медицинских страховок и т. п.

Однако без Пак Чонхи, своего лидера, бывшего центром всей политической системы *юсин*, Республиканская партия уже не обладала всей полнотой власти. В конце 1979 г. в Южной Корее фактически наступило двоевластие, в котором перевес все больше склонялся в пользу новых сил. Эти силы возглавил начальник Службы безопасности национальных вооруженных сил генерал-майор Чон Духван, на которого было возложено расследование всех обстоятельств покушения на Пак Чонхи.

Примерно в 7 часов вечера 12 декабря 1979 г. по распоряжению Чон Духвана был арестован сам начальник Штаба чрезвычайного положения Чон Сынхва по обвинению в связях с убийцей Пак Чонхи — Ким Чжэгу и, соответственно, в сопричастности к заговору. В тот же вечер на улицах Сеула завязалась перестрелка между войсками, перешедшими под контроль Чон Духвана, и войсками, все еще подчинявшимися Чон Сынхва. Столкновения происходили главным образом в центре города, в районе Самгакчи, где расположено Министерство обороны Республики Корея, и у бывшего королевского дворца Кёнбоккун, позади которого находится «Голубой дом» — резиденция президентов Республики Корея. К утру следующего дня сторонникам Чон Духвана удалось взять под свой контроль Министерство обороны, основные теле- и радиостанции, редакции газет, информационные агентства. Так совершился «военный переворот 12 декабря». Начальником Штаба чрезвычайного положения был назначен лояльный Чон Духвану генерал-лейтенант Ли Хисон. На должность начальника Столичного штаба обороны был назначен Ро Дэу (род. 1932; будущий президент Республики Корея с 1988 г.). Армейская оппозиция молодым «военным-политикам» была подавлена.

Чон Духван не случайно оказался на «политическом олимпе» Республики Корея. Он начал свою карьеру военного еще в 1950-е годы, будучи в составе 11-го выпуска Школы офицеров сухопутных войск, которую в свое время закончил Пак Чонхи. Поэтому после прихода Пак Чонхи к власти Чон Духван также смог занять важные посты в южнокорейской армии⁶⁸. В 1960 г. Чон Духван ездил на стажировку в США, а в 1970 г. был отправлен на фронт в Южный Вьетнам. Опыт работы Чон Духвана в армейской службе безопасности и лидерство в группировке «военных-политиков» позволили ему 14 апреля 1980 г. занять должность исполнительного директора южнокорейского ЦРУ.

Последствием «государственного переворота 12 декабря» и политической нестабильности, вызванной бессилием непопулярного президента Чхве Гюха, с одной стороны, и надвигающейся новой диктатурой — с другой, стали массовые антиправительственные народные выступления за демократию, получившие название «сеульской весны».

⁶⁸ В Республике Корея очень большую роль в становлении карьеры играют так называемые связи по линии учебного заведения (*хагвён*).

«Сеульская весна» началась с мартовских выступлений студентов столичных высших учебных заведений, приступивших к занятиям после каникул⁶⁹. Поначалу их требования ограничивались демократизацией процесса обучения. Однако с апреля 1980 г., после перехода южнокорейского ЦРУ под руководство Чон Духвана, лозунги студентов стали носить более широкий политический характер и призывали к большей демократизации, отставке старого правительства времен «реформ *юсин*», отмена поправок к Конституции, предложенных этим правительством. С апреля также начались выступления рабочих, требовавших большей демократизации общества, повышения заработной платы и улучшения условий труда. За апрель — май 1980 г. произошло 897 выступлений рабочих, в которых приняли участие около 200 тыс. человек.

Особенно сильным стал накал студенческих выступлений в мае. 2 мая на улицы Сеула вышло 10 тыс. студентов. С 13 мая начались демонстрации, направленные на отмену чрезвычайного положения, введенного после гибели Пак Чонхи. Вечером 13 мая представители 27 сеульских университетов приняли план совместных действий, и на следующий день на улицы города вышли уже 50 тыс. студентов. К ним присоединились студенты еще 10 городов Южной Кореи. В тот день в столкновениях с полицией пострадали 288 человек. Были разрушены три отделения полиции, перевернут полицейский автобус и т. п.

15 мая 1980 г. к студентам столицы присоединились и горожане. К вечеру на демонстрацию перед Сеульским вокзалом собралось около 100 тыс. студентов и 50 тыс. горожан. Их требования были все те же: отмена чрезвычайного положения, отставка старого республиканского правительства. Однако, по мнению организаторов студенческих демонстраций, горожане не оказали им ожидавшейся поддержки (что можно объяснить особенностями традиционной корейской культуры, о которых уже упоминалось в предыдущей главе). К тому же, по их мнению, в достаточной степени уже было продемонстрировано отношение рядовых граждан к власти. Поэтому было принято решение о прекращении массовых выступлений. 16 мая для дальнейшей координации действий было создано Всекорейское собрание студенческих организаций.

Однако накал страстей 15 мая был настолько велик, что 17 мая по всей стране от имени Штаба чрезвычайного положения было объ-

⁶⁹ В Республике Корея новый учебный год начинается в марте.

явлено о «Мерах по расширению чрезвычайного положения». Эти меры с 00 часов 18 мая приостанавливали всякую политическую деятельность, запрещали собрания как на улице, так и в закрытых помещениях, объявляли о контроле над средствами массовой информации, прекращении занятий в высших учебных заведениях, запрещении забастовок и своеговольного ухода с рабочих мест. Тогда эти меры были восприняты как наступление военной диктатуры, хотя с точки зрения властей, наверное, были единственно возможными: страна, экономика которой находилась под жестким контролем государства, оказалась в состоянии «привнесенного извне» экономического кризиса, который нужно было преодолеть. Ответственность за это лежала на плечах государства, которому был необходим строгий порядок.

Одновременно с введением «расширенного чрезвычайного положения» было арестовано 110 человек организаторов студенческого движения. С другой стороны, как бы выполняя требования демонстрантов (реально — для усиления правящей власти) было задержано 8 лидеров правящей Республиканской партии во главе с Ким Чжонпхилем и несколько десятков высокопоставленных чиновников из правительства. Последних отпустили после того, как они ушли с занимаемых постов и передали государству свое имущество. Также были арестованы и лидеры оппозиции — Ким Дэчжун (поначалу был даже приговорен к смертной казни) и Ким Ёнсам.

Таким образом, во второй половине мая власть в стране фактически перешла в руки новых «военных-политиков» во главе с Чон Духваном. Против такого положения с оружием в руках **выступили студенты и горожане** крупнейшего центра юго-запада страны — **города Кванчжу**, выходившие на демонстрации на улицы города еще до объявления «расширения» чрезвычайного положения 17 мая.

Новые демонстрации с требованием отмены чрезвычайного положения начались в 8 часов утра 18 мая у главных ворот кампуса Университета [провинции] Южная Чолла (*Чоннамдэ*). Уже около 10 часов утра на улицах города начались первые столкновения между демонстрантами и спецподразделениями армии. На другой день, 19 мая, когда стало известно о том, что столкновения прошедшего дня привели к многочисленным жертвам среди мирного населения, на центральные улицы города вышли не только студенты, но и горожане. В тот же день в Кванчжу было переброшено четыре батальона спецподразделений правительственных войск. 20 мая к демонстрантам присоединились водители автобусов и такси, перекрывшие

движение по центральной улице Кымнамно. Перед зданием Управления провинциальной администрации (провинции Южная Чолла) собралось до 50 тыс. человек, требовавших прекращения диктатуры. Несмотря на жесткую цензуру, телерадиокорпорация «Эм Би Си» (MBC; Munhwa⁷⁰ Broadcasting Corporation) транслировала эти события на всю страну.

Переломным в событии, которое в Южной Корее носит название «народного сопротивления в Кванчжу», стал день 21 мая. Тогда студенты и горожане захватили склады с оружием. Власти, опасаясь массовых кровопролитий, приняли решение об отводе правительственных спецподразделений за пределы города. К 6 часам вечера⁷¹ восставшие захватили Управление провинциальной администрации. В тот же день правительственный Штаб чрезвычайного положения распространил официальное заявление, в котором называл восставших «нечистыми элементами», «хулиганами». Из заявления становилось ясным, что власти будут бороться с восставшими до конца.

Начиная с 22 мая, на протяжении нескольких дней восставшие Кванчжу собирались на митинги перед зданием Управления провинциальной администрации и требовали отмены чрезвычайного положения, отставки Чон Духвана, расследования событий в Кванчжу и наказания виновных. К 25 мая, когда в город для переговоров прибыл президент Чхве Гюха, насчитывалось уже 146 человек, погибших в столкновениях с правительственными силами правопорядка. Переговоры ни к чему не привели (всем было ясно, что реальной властью в стране президент не обладает). Тогда власти посоветовали всем иностранцам покинуть город, а восставшие решили бороться до конца.

Штурм Кванчжу правительственными войсками начался в 3:30 утра 27 мая и завершился уже к 5 часам утра взятием основных правительственных учреждений. Народное вооруженное восстание в Кванчжу было жестоко подавлено. На улицах города погибло 154 человека⁷².

⁷⁰ Слово *munhwa* (munhwa) по-корейски означает «культура».

⁷¹ В литературе встречается также указание на 11 часов вечера.

⁷² В исторической литературе имеются различные сведения о числе жертв народного восстания в Кванчжу. Так, в буклете, изданном в 1990-е годы и рассказывающем о Мемориале, построенном в память о майских событиях в Кванчжу, указано, что на территории Мемориала находятся 137 могил тех, кто погиб в дни самого восстания, и 30 могил тех, кто скончался позднее от полученных ран. В англоязычном издании «Комитета по истории событий 18 мая города Кванчжу» (2000 г.) говорится, что согласно официальной статистике во время этих

В южнокорейской и советской исторической литературе нередко пишется о том, что США поддержали приход к власти Чон Духвана и не особенно возражали против кровавого подавления восстания в Кванчжу. Иногда даже говорят о прямом «вмешательстве» США, имея в виду их «предполагаемый частичный контроль» над операциями, проводимыми южнокорейскими вооруженными силами.

В недавно опубликованной книге В. Х. Глейстина (младшего)⁷³, исполнявшего в то время обязанности посла США в Республике Корея, представлена иная точка зрения. По его мнению, подтвержденному рядом документов, в то время позиция США по отношению к Южной Корее состояла в том, чтобы, не допуская «использования» Северной Кореей политической нестабильности Республики Корея, избегать конфронтации вооруженных сил США с местным населением, не поддерживать самопровозглашенных лидеров, а поддерживать конституционный порядок и способствовать дальнейшей либерализации политической жизни в стране. После гибели президента Пак Чонхи американские власти старались налаживать отношения с новым президентом страны Чхве Гюха, а не с Чон Духваном. На события в Кванчжу США ответили заявлением о том, что они не знали о военных репрессиях против студентов, не поддерживают насилие в решении вопросов восстановления общественного порядка и не будут посылать войска, подчиненные главнокомандующему вооруженными силами США в Южной Корее генералу Викхэму, на подавление выступлений в Кванчжу. Но, опасаясь «использования Пхеньяном ситуации», в США положительно отнеслись к наведению порядка в мятежном городе, но призвали Чон Духвана как можно скорее восстановить в стране конституционный порядок и предоставить большую свободу политической деятельности.

Однако после подавления народного восстания в Кванчжу Чон Духван, опасаясь повторения подобных событий, предпринял еще ряд шагов, направленных на борьбу с оппозицией новой военной власти на самом высоком уровне. 31 мая 1980 г. в Сеуле был образован Комитет по чрезвычайным мерам охраны государства (*Кукка повипсан тэчхэк вивонхве*), в который вошли 14 военных и 10 граждан-

---

событий погибло 154 человека, 64 пропали без вести, 3139 были ранены и 503 арестованы. (The May 18th KwangJu Democratic Uprising. Kwangju, 2000. P. 57). В литературе также встречается указание на 191 погибших или 163 погибших и т. п. (Ibid. P. 57).

⁷³ *Gleysteen W. H. Jr. Massive Entanglement, Marginal Influence. Carter and Korea in Crisis. Washington, 1999.*

ских лиц. Во главе Комитета встал лично Чон Духван. Провозгласив своими задачами усиление мер по стабилизации общей обстановки, решению экономических проблем и т. п., Комитет фактически занялся чисткой в высшем руководстве страны. Из южнокорейского ЦРУ были уволены более 300 человек, из различных государственных правительственных учреждений — около 5,5 тыс., из находящихся в ведении государства предприятий и организаций — более 3 тыс. человек. Далее, в течение полугода, до октября 1980 г., пока Комитет не был распущен, от его имени проводились различные мероприятия, направленные на ужесточение порядков в сфере образования, средствах массовой информации, в борьбе с преступностью.

С созданием Комитета по чрезвычайным мерам охраны государства Чон Духван окончательно взял власть в свои руки. Теперь ему оставалось только оформить свой приход к власти законодательно, т. е. стать «законным президентом» страны.

§ 2. Установление Пятой Республики

Свой путь к высшему государственному посту Чон Духван начал с того, что в августе 1980 г. отстранил от должности президента Чхве Гюха. На период с 16 августа до конца месяца исполняющим обязанности президента стал тогдашний премьер-министр Пак Чхунхун. А 27 августа, согласно Конституции *юсин*, Объединительное самостоятельное гражданское собрание провело очередные «выборы» президента, на которых был «избран» Чон Духван, вступивший в должность 3 сентября 1980 г.

Однако и это было временным шагом Чон Духвана. Арест руководителей бывшей правящей Республиканской партии, чистка в высших эшелонах власти, сформированной в рамках старой «системы *юсин*», наглядно демонстрировали, что Чон Духван не желает наследовать политическую систему времен Пак Чонхи. Кроме того, в связи с новыми экономическими и политическими условиями (рост экономики и благосостояния народа, а также массовые выступления населения против диктатуры, давление со стороны США) Чон Духван был вынужден пойти по пути возрождения в стране политической деятельности, но такой, которая бы обеспечила ему надежную, стабильную власть.

Для этого следовало изменить Конституцию страны. Ее новый проект был предложен на всенародном референдуме 22 октября 1980 г. и получил одобрение большинства (91,6 % проголосовав-

ших)⁷⁴. Из Преамбулы Конституции были изъяты упоминания об Апрельской революции 1960 г. и Революции 16 мая, появившиеся во времена нахождения у власти Пак Чонхи. Тем самым Чон Духван как бы «заново начинал» историю страны, ведя ее непосредственно от Первоапрельского движения. Новая редакция Конституции вводила не прямые президентские выборы (через коллегию выборщиков), срок полномочий президента определялся в семь лет. Президент имел особые права на введение чрезвычайного положения, роспуск Национального собрания. Срок полномочий депутатов парламента ограничивался четырьмя годами. Старое Объединительное самостоятельное гражданское собрание распускалось. Государство получало право финансирования правящей партии.

Таким образом, с одной стороны, новая Конституция значительно усиливала власть *существующего* президента, а с другой — окончательно ликвидировала основные атрибуты прежнего «диктаторского режима». При этом согласно новой редакции Основного закона государства в Республике Корея в принципе должно было сформироваться некое общество справедливости, в котором будет развиваться национальная культура, будут совершенствоваться права потребителей, получают особую защиту мелкие и средние предприятия.

Согласно приложению к новой редакции Конституции до новых выборов в Национальное собрание власть в стране временно переходила к учрежденному *президентом* Собранию установления законов охраны государства (*Кукка повн иппон хвей*). Новая Конституция была опубликована 27 октября 1980 г.

Итак, с 1981 г. Республику Корея ожидало восстановление политической деятельности. Для того чтобы подготовиться к противостоянию с оппозицией, 22 декабря 1980 г. южнокорейское ЦРУ было реорганизовано в Управление планирования безопасности государства (*Кукка анчжон кихвек пу*), получившее сокращенное корейское название *ангибу*. Начальник Управления *ангибу* назначался президентом. Таким образом, этот орган, помогавший в свое время Чон Духвану прийти к власти, в реформированном виде также оставался под контролем президента.

Поскольку новые президентские выборы с соответствии с Конституцией 1980 г. были назначены на 25 февраля 1981 г., уже в январе стали образовываться новые политические партии. 15 января

⁷⁴ В доступной исторической литературе не встречается сведений о том, насколько свободным было волеизъявление граждан во время референдума по тексту исправлений Конституции Республики Корея.

была создана правительственная Партия демократии и справедливости (*Минчжусу чжоньдан*; сокращенно — *Минчжондан*)⁷⁵. В ее состав вошло и некоторое количество членов бывшей правящей Республиканской партии. Почетным председателем *Минчжондан* стал Чон Духван. Партия объявила своими основными принципами идеи нации, демократии, справедливости, общественного благосостояния и объединения страны. В программе партии, состоявшей из 10 пунктов, в частности, говорилось о том, что партия будет бороться против пребывания одного человека в течение длительного времени на высших руководящих постах, а также за «общественную справедливость». Дело в том, что в период президентства Пак Чонхи в южнокорейском обществе стала особенно острой проблема увеличивающегося разрыва в уровне жизни между отдельными социальными слоями. Партия демократии и справедливости решила бороться с этим явлением.

Таким образом, несмотря на то что приход к власти Чон Духвана был явно неконституционным, его партия, по крайней мере на словах, поставила своей целью создание условий для большей демократизации страны (например, недопущение длительного пребывания у власти одного человека).

В том же январе 1980 г. появились и другие политические партии. 17 января была образована Демократическая корейская партия (*Минчжусу хангуктан*; сокращенно — *Минхандан*), выдвинувшая своим кандидатом на пост президента Ю Чхисона. В партию вошло немало членов бывшей оппозиционной (периода президентства Пак Чонхи) Новой народной партии. 23 января была создана Корейская гражданская партия (*Хангук кунминдан*; сокращенно — *Кунминдан*), выдвинувшая своим кандидатом Ким Чжончхоля. Кроме указанных, был образован ряд политических партий меньшего масштаба.

На непрямых президентских выборах 25 февраля 1981 г. Чон Духван одержал победу. Трудно говорить, насколько демократичными были эти выборы. С одной стороны, тотальный контроль над обществом со стороны Управления планирования безопасности государства, общая атмосфера совсем недавно отмененного чрезвычай-

⁷⁵ В отечественной историографии до сих пор нет устоявшейся традиции перевода на русский язык названий многочисленных политических партий Республики Корея, образовавшихся в 1980–1990-е годы. Поэтому перевод названий политических партий, представленный в настоящей монографии, может не совпадать с имеющимся в других отечественных работах по новейшей истории Кореи.

ного положения, непрямая система выборов предоставляли много различных способов для воздействия на исход голосования. С другой стороны, программа Партии демократии и справедливости Чон Духвана, имевшая своей целью (как это ни парадоксально звучит) большую демократизацию, сокращение разрыва между бедными и богатыми, могла быть привлекательной для избирателей.

Чон Духван официально вступил в должность президента страны 3 марта 1981 г. Этот же день считается началом истории Пятой Республики.

Выборы в Национальное собрание 25 марта 1981 г. также принесли победу партии Чон Духвана, получившей большинство (151) мест в парламенте.

§ 3. Социально-экономическая и внешняя политика Чон Духвана

Время президентства Чон Духвана, так же как и Пак Чонхи, оценивается в исторической литературе неоднозначно. С одной стороны, говорят о том, что Чон Духван способствовал дальнейшему экономическому росту Южной Кореи, решению ряда социальных проблем, повышению престижа страны в мировом сообществе. С другой стороны, встречается точка зрения, называющая период Пятой Республики временем диктатуры, репрессий, подавления свободомыслия и активного развертывания народного движения за демократию. Очевидно, обе оценки по-своему справедливы. Современные южнокорейские политологи нередко указывают на 1985 г. как на водораздел между периодом ограничения политических свобод и поворотом к демократии.

О негативном в период нахождения у власти президента Чон Духвана уже упоминалось в начале главы. Это прежде всего приход к власти путем военного переворота, кровавый разгон народных демонстраций в Кванчжу, ограничение политических свобод и диктаторские формы правления в первые годы президентства.

К числу достижений Чон Духвана относят развитие отношений с зарубежными странами, прежде всего в плане признания Республики Корея в качестве «цивилизованной», т. е. соблюдающей права человека, и развитой страны. Здесь особую роль сыграло то, что Южная Корея смогла добиться права проведения у себя Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г. Последние фактически «открыли» Республику Корея внешнему миру. Поэтому иногда южные

корейцы в шутиливой форме называют Пятую Республику «Спортивной Республикой». Действительно, Чон Духван уделял немало сил и средств развитию спорта в стране.

Кроме того, говорят об активной политике объединения Кореи, проводившейся Чон Духваном. В частности, 20–23 сентября 1985 г. была организована первая встреча родственников разделенных семей, проживавших на Севере и на Юге Кореи. В 1985–1987 гг. происходили постоянные встречи правительственных делегаций КНДР и Республики Корея, направленные на сближение двух корейских государств. (Переговоры были прерваны в связи с инцидентом, произошедшим 29 ноября 1987 г., когда был взорван южнокорейский самолет, следовавший по маршруту Багдад — Сеул.)

Перечень положительных результатов президентства Чон Духвана можно продолжить: успехи политики стабилизации цен, либерализация импорта, либерализация капитала, ликвидация убыточных предприятий, предоставление большей самостоятельности средним учебным заведениям, упрощение порядка выезда за границу.

После прихода к власти Чон Духван определил две основные цели **в социально-экономической сфере**: 1) преобразование Республики Корея в «общество справедливости» и 2) построение «демократического и процветающего государства». Наверное, поэтому партия, возглавляемая Чон Духваном, получила название «Партия демократии и справедливости».

Понятие «общество справедливости» появилось на рубеже 1970–1980-х годов в связи с тем, что в результате прежних экономических преобразований, проведенных Пак Чонхи, в южнокорейском обществе стал слишком велик разрыв между бедными и богатыми. Для того чтобы добиться «справедливости», Чон Духван начал работать над решением двух больших задач: 1) выравниванием доходов, получаемых населением, и 2) исправлением той ситуации, когда богатство рождало все и открывало любые пути в обществе.

Естественно, постановка и реализация подобных задач была возможна в условиях государственного регулирования экономики. Это Чон Духван унаследовал от прежней власти. Однако изменилось представление об экономическом развитии. Оно перестало быть в известном смысле «абстрактным», «ради цифр». Целью экономического развития стало благосостояние народа. Поэтому было решено изменить название пятилетних планов. Следующая **пятилетка 1982–1986 гг.** именовалась теперь «Пятый пятилетний план экономического и *социального* развития». Одной из основных задач нового

пятилетнего плана стало улучшение качества жизни народа. До начала 1980-х годов основной упор в экономическом развитии делался на количество. В Пятой Республике был взят курс на экономию и, соответственно, повышение качества продукта производства. Поэтому в новом пятилетнем плане был особо выделен вопрос о технической модернизации.

Но главным в экономической политике стало направление на стабилизацию экономики, в отличие от прежних пятилеток с их ориентацией на рост. При этом рост экономических показателей в то время был сопоставим с экономическим ростом периода президентства Пак Чонхи. Так, ежегодный прирост ВВП в Пятую пятилетку составил 7,5 % при изначально запланированных 8,6 %. Меньшие «проценты» объясняются тем, что в процессе реализации плана он был пересмотрен в сторону уменьшения показателей роста, для того чтобы улучшить внешнеторговый баланс и максимально сократить инфляцию. Действительно, за годы Пятой пятилетки удалось добиться сокращения роста цен на потребительские товары до уровня 3,5 % в год, а внешнеторговый баланс страны впервые за всю ее историю стал практически бездефицитным. В 1982 г. объем экспорта и импорта составил 21,85 и 24,25 млрд долларов, а в 1986 г. — 34,72 и 31,58 млрд долларов соответственно. Южной Корее удалось добиться среднего ежегодного роста объемов экспорта в 10,2 %, причем половину его составила продукция тяжелой и химической промышленности. К 1986 г. государственный долг Республики Корея сократился на 2,3 млрд долларов по сравнению с предшествующим годом и составил 44,5 млрд долларов.

Каким образом правительству Чон Духвана удалось добиться подобного сбалансированного роста экономики, снижения уровня инфляции? С помощью жесткого государственного контроля над экспортоориентированной экономикой страны, унаследованного еще от Четвертой Республики, а также продолжавшегося роста крупных финансово-промышленных корпораций *чэболь*, тесно связанных с государством, и особой традиционной культуры труда, о которой уже упоминалось. Частные предприятия лишь тогда имели благоприятные условия для своего развития, когда их деятельность согласовывалась с задачами пятилетнего плана. Убыточные или работающие во вред планам экономического развития страны предприятия закрывались как «несостоятельные». Так, с января по сентябрь 1986 г. более 50 крупных «несостоятельных» предприятий были закрыты при прямом участии государства и переданы другим крупным фир-

мам. Государство заставляло народ работать. Согласно Конституции Республики Корея, все граждане страны *обязаны* работать.

В августе 1980 г. Комитет по чрезвычайным мерам охраны государства в рамках реализации мер чрезвычайного положения издал «Указ о чрезвычайных мерах по борьбе с общественным злом», в рамках которого были проведены проверки на предмет борьбы с «тремя видами зла» — насилием, мошенничеством и наркотиками, главным образом среди молодых людей. Задержанные по подозрению в занятиях одним из трех видов незаконной деятельности молодые люди иногда подвергались суду. Большинство задержанных, как правило, отправлялись на четырехнедельное или двухнедельное «перевоспитание» с последующим принудительным трудом сроком до полугода. Эти молодые люди составляли так называемые «Отряды переобучения трех [категорий] молодежи» (по трем обозначенным видам преступной деятельности). «Обучаемых» обязательно коротко стригли, так что их можно было легко узнать на улицах. (В то время у мужчин были в моде длинные прически.) За все время по «Указу о чрезвычайных мерах по борьбе с общественным злом» было задержано 60 755 человек. Из них 54 человека погибло в результате грубого обращения с ними властей. Впоследствии, в июне 1988 г., уже после падения власти Чон Духвана, по поводу этих отрядов даже устроили судебное разбирательство. Официальная современная южнокорейская историография относится к этим «мерам» весьма негативно. Однако рядовые южнокорейские граждане — свидетели событий тех лет — вспоминают об «Отрядах переобучения» не без чувства удовлетворения, так как, несмотря на всю жестокость предпринятых мер, в стране значительно снизился уровень преступности.

Приведенный пример показывает, насколько велика была сила государства в период президентства Чон Духвана, велика настолько, что вполне могла вести экономику страны по намеченному пути.

Во **внешнеполитической деятельности** Чон Духвану удалось укрепить позиции Южной Кореи на международной арене. Основой для этого стало успешное экономическое развитие Республики Корея, заметно повышавшее ее роль в мировой экономике. В 1981 и 1985 гг. Чон Духван дважды нанес официальный визит в США. В ходе первого визита 3 февраля 1981 г. было принято Совместное заявление, в котором еще раз подчеркивалось, что США не имеют планов полного вывода своих войск с Корейского полуострова. В 1982 г. Чон Духван совершил ряд официальных визитов в страны Африки, а в 1986 г. — в Европу. С середины 1980-х годов Южная Корея

стала делать первые шаги по налаживанию отношений со странами Восточной Европы. Однако самой главной заслугой во внешнеполитической деятельности Чон Духвана останется проведение в Южной Корее Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г.

Естественно, далеко не все в период президентства Чон Духвана было так хорошо. Иначе не было бы острой критики его «режима», не было бы активного народного движения, «поставившего точку» в истории диктаторского правления военных в Южной Корее. Основными лозунгами, которые выдвигали участники антиправительственных демонстраций, были призывы к изменению в Конституции положения о выборах президента, т. е. замены косвенных президентских выборов на прямые, а также требование расследования событий в Кванчжу, наказания виновных и призыв к реализации «идей Кванчжу».

Одновременно с середины 1980-х годов в Республике Корея начался постепенный процесс демократизации, объективно обусловленный общим экономическим ростом страны, ростом материального благосостояния ее граждан. В новых условиях, когда рыночный экономический механизм уже был запущен, когда Южная Корея стала неотъемлемой и важной составляющей мировой экономики, уже не требовалось *насильственной мобилизации* сил народа для экономического развития. Южнокорейское общество уже было готово принять демократию.

На февраль 1985 г. были назначены очередные выборы в Национальное собрание Республики Корея. За год до этого в стране появился ряд новых оппозиционных партий и организаций, которым впоследствии удалось возглавить борьбу против «диктатуры» Чон Духвана. 18 мая 1984 г. демократические силы во главе с Ким Дэчжуном и Ким Ёнсамом объявили об образовании Ассоциации за содействие демократизации (*Минчжухва чхучжин хёбыйхве*, сокращенное корейское название — *Минчхухён*). 18 января 1985 г. была создана Новая корейская демократическая партия (*Синхан минчжудан*, сокращенное корейское название — *Синминдан*, т. е. «Новая демократическая партия»⁷⁶) во главе с Ли Мину. Одной из своих важнейших задач партия ставила изменение политической системы Республики Корея таким образом, чтобы стала возможной мирная передача власти.

⁷⁶ Сокращенные корейские названия политических партий не всегда поддаются переводу, поэтому в отдельных случаях перевод на русский язык опущен.

Таким образом, в парламентских выборах 12 февраля 1985 г. принимали участие пять крупных политических партий. Правящая Партия демократии и справедливости, хотя и получила большинство мест в парламенте — 148 (32,2 % от общего количества голосов), не смогла собрать большинство голосов избирателей, как это было на первых выборах 1981 г.

Вновь образованная Новая корейская демократическая партия получила 67 мест (29,4 % голосов), Демократическая корейская партия (*Минхандан*) — 35 мест (19,9 %), Корейская гражданская партия (*Кунминдан*) — 20 мест (8,9 %), Новая общественная партия (*Синсандан*) — одно место (1,5 % голосов).

Успехи на парламентских выборах придали оппозиции новые силы. С марта 1986 г. в крупных городах Республики Корея развернулось движение за сбор подписей в поддержку изменения Конституции страны и введение прямых президентских выборов. Однако поворотным, предопределившим конец диктаторской власти в Республике Корея стал 1987 г. Тогда до Сеульской олимпиады, которая должна была помочь Южной Корее стать более открытой и более известной мировому сообществу, оставался всего один год.

Глава 9. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ НА ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ПРЕЗИДЕНТ РО ДЭУ И ШЕСТАЯ РЕСПУБЛИКА

Конец 1980-х годов стал для Республики Корея тем временем, когда из политической жизни страны начали исчезать элементы военной диктатуры. В стране стали возможными настоящие демократические выборы и смена военного правительства на гражданское.

Конечно же, будучи *восточным* государством, Республика Корея и к концу 1990-х годов не стала «демократическим» государством с точки зрения представлений о «западной демократии». Все так же была велика роль государства, строги традиционные отношения между старшими и младшими, высок уровень коллективизма, а значит, и вытекающей из него личной несвободы.

И все же время президента Ро Дэу⁷⁷ (род. в 1932 г.) явилось началом истории Республики Корея как демократического государства.

---

⁷⁷ Ро Дэу — не совсем правильное прочтение корейского имени Но Тхэу, пришедшее в русский язык через английскую транскрипцию.

§ 1. Приход к власти Ро Дэу. Провозглашение Шестой Республики

Несмотря на то что на протяжении всего 1986 г. в стране активно развертывалось народное движение за изменение Конституции, 13 апреля 1987 г. Чон Духван выступил с заявлением о том, что будут предприняты меры для сохранения старой Конституции. Для того чтобы обеспечить в стране стабильность и порядок в преддверии приближающейся Олимпиады, он предложил провести выборы коллегии выборщиков, а затем, в текущем 1987 г., — президента. Вопрос обсуждения нового проекта Конституции предлагалось перенести на время после Сеульской олимпиады.

Подобное заявление вызвало мощное сопротивление со стороны народа Южной Кореи, во главе которого встали оппозиционные политики. 1 мая 1987 г. была образована новая Партия объединения и демократии (*Тхониль минчжудан*, сокращенное корейское название — *Минчжудан*, «Демократическая партия»), председателем которой стал один из самых известных и популярных лидеров оппозиции Ким Ёнсам. На должность «постоянного советника» партии был избран Ким Дэчжун, которому тогда еще не было возвращено право занятия политической деятельностью. Демократическая партия стала ядром новой всекорейской антиправительственной организации, созданной 27 мая 1987 г. и получившей название Штаб гражданского движения за демократическую Конституцию (или просто — Гражданский штаб). Целями Штаба стали организация и руководство народным движением за новую Конституцию, а значит, и за смену всей политической системы.

Таким образом, в 1987 г. впервые за всю историю демократического движения Республики Корея народные выступления были организованными и руководимыми из единого центра.

10 июня 1987 г. при активном участии Штаба в 18 городах страны прошли народные митинги, на которых звучали призывы отмены «мер по защите Конституции от 13 апреля», ликвидации политического давления властей, расследования дела студента Сеульского университета Пак Чончхоля, погибшего в январе 1987 г. под пытками полицейских. На подавление демонстраций, продолжавшихся до 15 июня, по всей стране было задействовано до 60 тыс. полицейских. За это время демонстранты совершили нападения на мэрию, 15 полицейских участков и другие правительственные учреждения. По *официальным* (неполным) данным,

в столкновениях пострадали 708 полицейских и 30 демонстрантов.

Однако на этом серия народных выступлений, вдохновленных и организованных Гражданским штабом, не завершилась. 18 июня в 14 городах Республики Корея с новой силой вспыхнули антиправительственные демонстрации, объединенные лозунгом запрета использования полицией гранат со слезоточивым газом. В этот день центрами народных выступлений стали Сеул и Пусан, а в последующие дни самые массовые демонстрации происходили в южных городах Кванчжу и Сунчхон. Наряду с требованием запрета использования гранат со слезоточивым газом, участники антиправительственных выступлений выдвигали лозунги об отмене «мер по защите Конституции» и о свержении диктатуры.

20 июня 1987 г. Гражданский штаб выступил с заявлением, в котором еще раз подтверждались требования, выдвинутые демонстрантами, а также содержался призыв освободить участников-активистов демонстраций 10 июня, арестованных властями. В заявлении Гражданский штаб предупреждал о том, что в случае неудовлетворения предъявленных требований будет организована еще одна общегосударственная антиправительственная акция «Мирный марш протеста». Таким образом, было еще раз продемонстрировано, что антиправительственные народные силы находятся под контролем Гражданского штаба, а значит, представляют огромную, практически несокрушимую силу.

Времени диктатуры в Республике Корея пришел конец. Сам факт возможности публикации подобного заявления свидетельствовал о том, что средства массовой информации страны уже являются в известной степени свободными. 24 июня 1987 г. Чон Духван пошел на переговоры с Ким Ёнсамом, лидером Партии объединения и демократии, стоявшей во главе Гражданского штаба, для того чтобы попытаться стабилизировать положение в стране мирным путем и найти приемлемые пути выхода из сложившегося политического кризиса.

Несмотря на переговоры, 26 июня по всей стране начался так называемый «Мирный марш», охвативший 33 города. Однако марш оказался совсем не таким «мирным», как гласило его название: были разгромлены 31 полицейский участок, 4 провинциальных представительства правящей Партии демократии и справедливости.

Властям, которые, очевидно, к этому времени уже не располагали эффективными средствами подавления подобных ширококомасштаб-

ных народных выступлений, пришлось пойти на уступки. 29 июня 1987 г. Ро Дэу как представитель правящей Партии демократии и справедливости, а также кандидат на будущих президентских выборах (был выдвинут в качестве кандидата еще 10 июня 1987 г.) выступил с сенсационным обращением. В нем говорилось, что он принимает требования оппозиционных партий и народа и заверяет, что уже в текущем году произойдут президентские выборы и в феврале 1988 г. будет сформировано новое правительство. При этом Конституция Республики Корея будет пересмотрена так, что страна вернется к прямым президентским выборам, в полной мере будет разрешена свобода слова, расширятся основные права граждан, начнет реализовываться политика местного самоуправления, система образования станет более самостоятельной, всем политическим партиям будет гарантирована свобода деятельности.

Заявление лидера правящей партии от 29 июня означало победу демократических сил Республики Корея. Оно продемонстрировало, что бывшая «диктатура» уже не имела силы, так как ей не удалось справиться с народными волнениями. В отличие от предшествующих периодов истории, даже не была предпринята попытка объявления чрезвычайного положения. Возможно, Чон Духван сознательно шел навстречу неизбежной тенденции демократизации южнокорейского общества.

Летом и осенью 1987 г. Национальное собрание занималось разработкой и обсуждением очередной, девятой по счету, редакции Конституции. В то же время, в июле — сентябре 1987 г., несмотря на победу движения за демократию, народные выступления не прекратились, а перешли в иное русло. За этот период образовалось более 1000 новых профсоюзов, а по числу выступлений рабочих 1987 г. стал рекордным по сравнению со всем предшествующим периодом истории начиная с 1960 г.

Всенародный референдум по новой Конституции состоялся 27 октября 1987 г. За нее проголосовало более 93 % избирателей, принявших участие в голосовании (78,2 %). Конституция была официально обнародована 29 октября. Новый Основной закон Республики Корея вводил прямые президентские выборы и лимитировал срок президентских полномочий пятью годами. Значительно ограничивалась власть президента: из его ведения изымалось право объявления чрезвычайного положения и право роспуска Национального собрания. При этом были расширены полномочия самого Национального собрания. Новая Конституция также значительно расширяла права

граждан и впервые в истории Республики Корея вводила конституционный суд.

После принятия новой Конституции для окончательного достижения цели построения демократического государства в Республике Корея оставалось только провести новые президентские и парламентские выборы, т. е. сменить власть.

Выборы президента были назначены на 16 декабря 1987 г. Однако их результат оказался неожиданным (с точки зрения событий июня 1987 г.). Казалось, уже пришло время кому-либо из лидеров оппозиции, потративших огромное количество времени и сил на борьбу с диктатурой, часто рисковавших жизнью во имя демократии, таким, как Ким Ёнсам или Ким Дэчжун, прийти к власти, стать президентом Республики Корея.

Однако на выборах победу одержал совсем другой человек, представлявший прежнюю правящую Партию демократии и справедливости, — Ро Дэу. Это произошло по причине раскола в лагере оппозиции. Чуть больше чем за месяц до президентских выборов Ким Дэчжун вышел из Партии объединения и демократии Ким Ёнсама и 12 ноября 1987 г. образовал свою собственную Партию мира и демократии (*Пхёнхва минчжудан*). В программе партии была отражена особая теория мирного объединения Кореи в три этапа, разработанная Ким Дэчжуном. Основной задачей определялось создание демократического правительства в Корее. Однако одной из главных причин, побудивших Ким Дэчжуна создать свою собственную партию, стало его мнение о необходимости выдвижения собственной кандидатуры на пост президента страны.

Ро Дэу одержал победу на президентских выборах, имея не очень большой перевес. За него проголосовало 36,6 % (8 282 738) избирателей, принявших участие в выборах, за Ким Ёнсама — 28 % (6 337 558), а за Ким Дэчжуна — 27 % (6 113 375) избирателей. Ким Чжонпхиль, бывший лидер Демократической республиканской партии, занимавший в 1971–1975 гг. пост премьер-министра, набрал 8,1 % (1 823 067) голосов как кандидат от Новой демократической республиканской партии (*Син минчжу конхвадан*). Любопытно отметить, что и в этих президентских выборах на популярность того или иного кандидата оказала влияние не только политическая платформа представляемой им партии, но и так называемая «региональная неприязнь», о которой уже упоминалось. Так, Ким Дэчжун одержал победу в родной провинции Чолла (Северной и Южной), а также в Сеуле, где проживает большое количество выходцев из этой провинции. За

Ким Ёнсама проголосовали жители его родной провинции Южная Кёнсан. Ро Дэу отдало предпочтение население граничащих с Сеулом провинций, а также его родной провинции — Северная Кёнсан. Ким Чжонпхиль одержал убедительную победу в своей родной провинции Южная Чхунчхон⁷⁸.

Помимо раскола оппозиции и «региональной неприязни», к причинам победы Ро Дэу относят организационную и финансовую мощь правящей Партии демократии и справедливости, которая сумела обеспечить достаточную эффективность предвыборной кампании.

Когда говорят о приходе к власти 13-го президента Республики Корея Ро Дэу, то нередко употребляют выражение «приход к власти генерала». Однако такое восприятие Ро Дэу вряд ли будет корректным. Действительно, Ро Дэу (род. 1932 г.) начинал свою карьеру как военный. В 1955 г. вместе с Чон Духваном он окончил Школу офицеров сухопутных войск в составе 11-го выпуска. Позже принимал участие во Вьетнамской войне. На протяжении своей карьеры военного Ро Дэу часто работал в системе безопасности и внутренней охраны вооруженных сил. Так, в 1966 г. он стал заведующим отделом в военной контрразведке, в 1978 г. работал в службе охраны президента Пак Чонхи, а в 1980 г., во время событий в Кванчжу, занимал должность начальника отдела безопасности вооруженных сил Республики Корея.

После избрания Чон Духвана на пост президента, Ро Дэу стал постепенно отходить от карьеры военного и все больше приобщаться к политической деятельности. Так, в 1983 г. он стал председателем Подготовительного комитета Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г. С 1984 г. Ро Дэу возглавил Спорткомитет, а также Олимпийский комитет Республики Корея. Результатом постепенной смены военной деятельности на гражданскую (политическую) явилось то, что в 1985 г. Ро Дэу был избран депутатом Национального собрания от правящей Партии демократии и справедливости, а в 1987 г. стал кандидатом на пост президента страны.

Однако приход к власти *бывшего* военного, да еще и представителя правящей партии, ассоциировавшейся некогда с диктатурой, совсем не означал восстановления этой диктатуры. Во-первых, Конституция Южной Кореи стала другой: она ограничила власть президента и расширила права парламента. Во-вторых, с вводом новой

---

⁷⁸ Воздействие «региональной неприязни» на политическую жизнь Республики Корея достаточно велико и на рубеже XX–XXI столетий.

Конституции в стране стали осуществляться демократические свободы, обещанные Ро Дэу в его заявлении от 29 июня 1987 г. К тому же парламентские выборы не оказались для правящей партии столь же успешными, сколь президентские.

Ро Дэу вступил в должность 25 февраля 1988 г. Так началась история последней в XX столетии Шестой Республики. Выборы в Национальное собрание были назначены на 26 апреля 1988 г.

Число избирателей, принявших участие в голосовании, составило 75,8 %, что было заметно ниже уровня участия в президентских выборах. Из 299 мест в национальном парламенте правящая Партия демократии и справедливости получила только 125 мест. Главной оппозиционной партией стала Партия мира и демократии Ким Дэчжуна, которой досталось 70 мест. Второй оппозиционной партией стала Партия объединения и демократии Ким Ёнсама, получившая 59 мест. Партия Ким Чжонпхили смогла занять 35 мест. Остальные 10 мест были отданы беспартийным (9) и 1 депутату от Корейской национальной демократической партии (*Хангёре минчжудан*; образована 29 марта 1988 г.). Таким образом, впервые за всю историю Республики Корея правящая партия получила в Национальном собрании меньше мест, чем оппозиция (174 места).

Диктатура через лидерство одной правящей партии уже была невозможна. На какое-то время в Республике Корея сложилась четырехпартийная система. В 1990 г. правящая Партия демократии и справедливости, а также две оппозиционные партии — Партия объединения и демократии (Ким Ёнсама) и Новая демократическая республиканская партия (Ким Чжонпхили) — объединились в единую Демократическую либеральную партию (*Минчжудан*). Заявление о будущем слиянии трех партий было опубликовано 22 января 1990 г. Оно объясняло предстоящий шаг невозможностью эффективной работы в условиях четырехпартийной системы и отсутствия парламентского большинства. Образование новой партии 9 февраля 1990 г. вызвало многочисленные акции протеста граждан страны. С одной стороны, данное объединение значительно усиливало правящую партию, с другой — подобный шаг Ким Ёнсама воспринимался в некотором роде как «измена идеалам демократии». Действительно, в южнокорейской историографии конца 1990-х годов он расценивается как «усиление консерватизма в политике»⁷⁹. Однако сам факт

⁷⁹ См., напр.: Ким Ёнмён. Кочхё-ссын Хангук хёндэ чончхиса (Исправленная новейшая политическая история Кореи). Сеул, 1999. С. 288.

того, что бывшая «диктаторская» правящая партия смогла объединиться с демократическими партиями, свидетельствует о том, что и она сама по своему характеру во многом стала близка к демократическим.

Таким образом, до марта 1992 г. в стране была двухпартийная парламентская система до тех пор, пока к очередным парламентским выборам не образовалась Гражданская партия объединения (*Тхониль кунминдан*).

Каким же было время президентства Ро Дэу во внутривнутриполитическом плане? Подводя итоги, можно сказать, что в 1988–1993 гг. на практике реализовались планы демократизации Республики Корея, провозглашенные в заявлении от 29 июня 1987 г. В частности, в декабре 1990 г. в Национальном собрании был принят законопроект об изменении местного самоуправления, и в 1991 г. впервые за многие десятилетия были проведены выборы в местные законодательные органы.

Не менее заметными стали успехи Ро Дэу и на поприще внешнеполитической деятельности.

§ 2. Внешняя политика Ро Дэу

В области внешней политики Ро Дэу продолжил деятельность, начатую во времена президентства Чон Духвана и направленную на мировое признание Республики Корея, ее активное вхождение в мировое сообщество как полноценного и развитого государства.

Поворотным пунктом в этом процессе стали 24-е Олимпийские игры 1988 г., которые проходили главным образом в Сеуле, а также в Тэчжоне, Пусане, Тэгу, Кванчжу с 17 сентября по 2 октября. В них приняли участие более 13 600 спортсменов и членов спортивных делегаций из 161 страны мира, а также около 200 тыс. зарубежных зрителей. Обширная культурная программа, предусмотренная организаторами, должна была показать всему миру новый облик Республики Корея. Как уже отмечалось, заслуга в проведении этих игр во многом принадлежит предыдущему президенту Чон Духвану. Ро Дэу лишь успешно завершил дело, начатое своим предшественником.

Время прихода Ро Дэу к власти, конец 1980-х годов, стал временем окончания «холодной войны» (о чем было объявлено в декабре 1989 г. на советско-американской встрече в верхах). Как раз после Сеульской олимпиады Республика Корея начала устанавливать ди-

пломатические отношения со странами Восточной Европы. Первыми из них стали в 1989 г. Венгрия и Польша.

В том же году были установлены отношения с СССР на уровне консульств. Полномасштабные отношения с Советским Союзом были установлены в 1990 г., после того как 30 сентября министры иностранных дел двух государств подписали в Нью-Йорке соответствующий Протокол. Вслед за этим в декабре 1990 г. Ро Дэу посетил Советский Союз, а М. С. Горбачев совершил ответный визит в Республику Корея на остров Чечжудо в апреле 1991 г. После распада СССР, 19 ноября 1992 г. в Сеуле Ро Дэу и Б. Н. Ельцин подписали Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея⁸⁰.

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом, а затем Российской Федерацией было важнейшим достижением Южной Кореи не только в сфере внешней политики, но и в области обеспечения безопасности на Корейском полуострове. Один из главных союзников КНДР («потенциального агрессора») теперь стал дружественным для Южной Кореи государством.

Установление дипломатических отношений между Республикой Корея и Китайской Народной Республикой, произошедшее после подписания в Пекине 24 августа 1992 г. Договора об установлении дипломатических отношений между двумя странами, означало окончательную победу так называемой «Северной политики» (*Пукпан чончхэж*) Республики Корея. «Северная политика» — это внешняя политика правительства Ро Дэу, которая стала проводиться сразу после Олимпийских игр 1988 г. и была направлена на расширение контактов Южной Кореи со странами Восточной Европы и Китаем путем установления дипломатических отношений, расширения обмена по линии индивидуальных контактов, установления более тесных торговых и экономических связей на уровне государственных и частных предприятий.

Прекращение «холодной войны» и налаживание дружественных отношений с Советским Союзом (Российской Федерацией), странами Восточной Европы и Китайской Народной Республикой сделали реальной возможность вступления Республики Корея в ООН. Ранее это было невозможно осуществить как раз по причине противодей-

---

⁸⁰ Подробнее об отношениях России и Кореи (как Южной, так и Северной) в 1990-е годы см., напр.: Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М., 1997; *Ткаченко В. П.* Корейский полуостров и интересы России. М., 2000, а также ряд других работ.

ствия указанных стран, признававших КНДР единственным законным государством на Корейском полуострове.

В правительственном Меморандуме от 5 апреля 1991 г. было заявлено, что Республика Корея предпримет максимальные усилия для того, чтобы уже в текущем году стать членом ООН. С апреля по май 1991 г. правительство Республики Корея отправило 9 специальных делегаций, которые должны были посетить 37 стран и заранее обсудить вопрос о вступлении Южной Кореи в ООН. Вслед за этим Министерство иностранных дел Республики Корея в своем заявлении от 27 мая 1991 г. опубликовало сообщение о том, что собирается обратиться в ООН с соответствующим заявлением, которое было официально представлено несколькими месяцами позднее, 5 августа 1991 г.

В том же году и Корейская Народно-Демократическая Республика обратилась в ООН с аналогичным заявлением. Правда, КНДР внесла предложение, чтобы Северная и Южная Корея имели в ООН только одно место (один голос). Это объяснялось тем, что, с точки зрения Северной Кореи, официальное признание мировым сообществом двух самостоятельных государств только усугубляет проблему разделения страны. Однако предложение КНДР не было принято, и 17 сентября 1991 г. на 46-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН Республика Корея и КНДР одновременно вступили в ООН.

Вступление Республики Корея в ООН — одно из самых важных достижений внешней политики Ро Дэу. Оно стало результатом оперативного реагирования южнокорейского правительства на изменение ситуации в мире.

Несмотря на то что вступление в ООН Республики Корея и КНДР в известной степени закрепило разделение Корейского полуострова, именно во время президентства Ро Дэу снова возобновились межкорейские контакты на высшем уровне. Так, в декабре 1991 г. имела место встреча премьер-министров Северной и Южной Кореи в Сеуле, завершившаяся подписанием 13 декабря «Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом». Соглашение стало отправной точкой в возобновлении серии межкорейских контактов на высшем уровне, которые продолжались вплоть до смерти Ким Ирсена в 1994 г.

В социально-экономической сфере Ро Дэу также удалось добиться определенных успехов, хотя в начале 1990-х годов страна столкнулась с новыми экономическими трудностями.

§ 3. Социально-экономическая ситуация в годы президентства Ро Дэу

К моменту образования Шестой Республики экономика Южной Кореи уже развивалась в соответствии со сложившимися к тому времени объективными условиями. Определяющими в этих новых условиях были следующие моменты.

Благодаря предшествовавшему экономическому росту, а также профсоюзному движению (более развитому, чем в странах Запада в аналогичный период), в стране повысился уровень средней заработной платы. С ростом заработной платы с конца 1980-х — начала 1990-х годов увеличилась себестоимость южнокорейских товаров и как следствие, снизилась их конкурентоспособность на мировом рынке. К тому же на рынке традиционного южнокорейского экспорта (одежда, обувь, электроника) появился новый конкурент — Китайская Народная Республика.

Вместе с тем все большее вхождение Республики Корея в мировое экономическое пространство привело к либерализации импорта товаров и возрастанию его уровня. Так, если во времена президентства Чон Духвана торговый баланс Южной Кореи значительно стабилизировался, а в отдельные годы экспорт превышал импорт, то в начале 1990-х годов Республика Корея снова вернулась к такой ситуации, когда импорт стал превышать экспорт (см. табл. 4).

С ростом отрицательного сальдо торгового баланса снова стал увеличиваться государственный долг.

Таблица 4. Основные показатели внешней торговли
Республики Корея в 1989–1991 гг.*

Год	Экспорт (млрд долл.)	Импорт (млрд долл.)	Сальдо торгового баланса (млрд долл.)
1989	62,4	61,5	+0,9
1990	65	70	–5
1991	71,9	81,5	–9,6

* Составлено по: Пён Тхэсон. Хангукса тхоннон (Очерки по истории Кореи). Сеул, 1998. С. 508.

В связи с необходимостью снижения себестоимости товаров южнокорейские предприниматели стали прибегать к услугам рабочих из стран Юго-Восточной Азии, а также переносили производства в страны с дешевой рабочей силой, например в Китай.

Несмотря на указанные негативные тенденции во внешнеторговом балансе Республики Корея, страна продемонстрировала в годы президентства Ро Дэу довольно высокие темпы роста ВВП. В 1989 г. он составил 6,8 %, в 1990 г. — 9,3, в 1991 г. — 8,4 %, достигнув уровня в 6498 долларов США на душу населения.

В экономической политике, несмотря на известную либерализацию, Ро Дэу продолжил практику государственного регулирования экономики. В **1987–1991 гг.** в Республике Корея реализовывался **Шестой пятилетний план экономического и социального развития**, а в 1992 г. началась Седьмая пятилетка. Задания Шестого пятилетнего плана были в целом перевыполнены: при запланированном темпе роста ВВП в 8,2 % Южной Корее удалось достичь уровня в 9,8 %. Основными целями этого плана были определены задачи стабилизационного характера, т. е. закрепление и развитие результатов предшествующих экономических достижений. Кроме того, говорилось о необходимости укрепления экономической самостоятельности и стабильности страны, повышения общественного благосостояния и гармонии. В Плане ставились задачи предоставления большей свободы экономической деятельности и более активного выхода на внешний рынок, оказания помощи тем отраслям экономики, которые испытывали затруднения, прежде всего в сфере конкурентоспособности товаров.

Цели **Седьмого пятилетнего плана (1992–1996)**, реализация которого относится уже ко времени нахождения у власти следующего президента, но который разрабатывался при Ро Дэу, во многом были похожими на цели предшествующей пятилетки: улучшение и стабилизация достигнутых результатов и выравнивание непропорциональных элементов экономики. Конкретными задачами были определены: повышение уровня конкурентоспособности южнокорейских товаров на мировом рынке, роли Республики Корея в мировой экономической системе, роли общественных экономических институтов (при сохранении приоритета в развитии рыночной экономики) и повышение качественного уровня благосостояния южнокорейских граждан. Уровень прироста ВВП был определен в 7 %.

Как и в период Пятой Республики, в экономическом развитии страны Ро Дэу акцентировал внимание на повышении роли финансово-промышленных корпораций *чэболь*. Так, в 1989 г. на 50 крупнейших южнокорейских *чэболь* приходилось 73,4 % всего товарооборота, а доля 30 крупнейших *чэболь* в химической и тяжелой промышленности стала составлять около 49 %.

Высокие темпы экономического роста, достигнутые в годы президентства Ро Дэу, принесли Республике Корея еще большую зависимость ее экспортоориентированной экономики от зарубежного сырья, техники и технологий⁸¹.

Несмотря на провозглашенные в Шестом и Седьмом пятилетних планах задачи повышения благосостояния народа, спекуляции крупных финансово-промышленных корпораций *чэболь* недвижимостью и акциями привели к значительному повышению цен и хаосу на рынке недвижимости.

И тем не менее, подводя общие итоги периоду президентства Ро Дэу, можно сказать, что, хотя формально он являлся преемником «диктатора» Чон Духвана, был выходцем из тех же военных, которые в конце 1970-х — начале 1980-х годов захватили власть силой, характер его власти был совершенно другим. Во-первых, Ро Дэу был избран на пост президента демократическим путем посредством прямого тайного всенародного голосования. Во-вторых, он руководил страной в условиях функционирования новой, самой демократической Конституции Республики Корея (1987 г.).

Поэтому президентство Ро Дэу объективно способствовало дальнейшему развитию демократии в Южной Корее. В свою очередь это привело к тому, что следующим южнокорейским президентом стал не военный, а гражданский человек, имевший огромные заслуги как борец за демократию, лидер новой коалиционной Демократической либеральной партии Ким Ёнсам.

Глава 10. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ: ШЕСТАЯ РЕСПУБЛИКА ВТОРОЙ ТРЕТИ — КОНЦА 1990-х ГОДОВ

§ 1. Выборы президента Ким Ёнсама

Выборы очередного, четырнадцатого со времени провозглашения Республики Корея президента страны были назначены на 18 декабря 1993 г. На выборы было выдвинуто 7 кандидатов, из которых только

---

⁸¹ На рубеже 1980–1990-х годов Южная Корея вкладывала средств в разработку новых технологий в 33,5 раза меньше, чем США, в 17,6 раз меньше, чем Япония, и в 4,1 раза меньше, чем Великобритания.

трое имели реальные шансы на победу: Ким Ёнсам, Ким Дэчжун и Чон Чжуён.

Ким Ёнсам возглавлял ставшую к этому времени правящей Демократическую либеральную партию. Ким Дэчжун был выдвинут кандидатом от образованной 15 июня 1990 г. Демократической партии (*Минчжудан*; не имеет прямого отношения к одноименной партии, основанной в сентябре 1955 г.), а Чон Чжуён — от Гражданской партии объединения (*Тхониль кунминдан*), начавшей свою историю в 1992 г.

На президентских выборах 1992 г. подавляющим большинством голосов был избран Ким Ёнсам. Для того чтобы лучше понять причины его избрания, обратимся к его биографии.

Ким Ёнсам родился в 1927 г. и был на два года младше Ким Дэчжуна, своего главного соперника на выборах. Подобно всем прежним президентам Республики Корея, за исключением Ли Сынмана, Ким Ёнсам был выходцем из юго-восточной провинции Кёнсан. Не будет ошибкой сказать, что Ким Ёнсам был профессиональным политиком. В 1952 г. он закончил философское отделение Сеульского государственного университета, успев побывать на Корейской войне в качестве студента-добровольца, служившего в системе информационного обеспечения. Сразу после окончания университета он стал секретарем тогдашнего премьер-министра Чан Тхэксана. В 1954 г. в возрасте 26 лет был избран депутатом южнокорейского парламента от правящей Либеральной партии. Однако когда Ли Сынман решил переизбираться на третий президентский срок, внеся поправки в Конституцию страны, Ким Ёнсам вышел из правящей партии и с тех пор начал свою деятельность как представитель оппозиции, боровшейся за демократию в Республике Корея. Он занимал высокие посты в Демократической партии (*Минчжудан*), образованной в 1955 г., а с 1974 по 1979 г. возглавлял Новую демократическую партию (*Синминдан*). После падения «диктатуры» Ли Сынмана, с августа 1960 по октябрь 1980 г., Ким Ёнсам постоянно избирался депутатом Национального собрания. Однако с 1980 по 1981 г. находился под домашним арестом, поскольку выступил с резким протестом против военного захвата власти Чон Духваном. В третью годовщину начала народного восстания в Кванчжу, 18 мая 1983 г., Ким Ёнсам объявил голодовку, требуя демократических преобразований в стране. Она продолжалась до 9 июня 1983 г.

Так в 1980-е годы Ким Ёнсам приобрел в глазах корейского народа образ борца за демократию и справедливость, пострадавшего

го от диктатуры. Руководство Партией объединения и демократии (*Тхониль минчжудан*), образованной в 1987 г., и, главное, Штабом гражданского движения за демократическую Конституцию, возглавлявшим народное движение, которое положило конец власти Чон Духвана, временный союз с другим популярным лидером оппозиции Ким Дэчжуном в 1987 г. — все это также способствовало созданию образа Ким Ёнсама как преданного борца за идеалы демократии и свободы.

Однако 13-е президентские выборы в декабре 1987 г. принесли Ким Ёнсаму поражение в связи с выходом из его партии Ким Дэчжуна и последующим расколом оппозиции. После успешного руководства народным сопротивлением в июне 1987 г. он справедливо рассчитывал на поддержку большинства избирателей Республики Корея.

Политическая биография Ким Ёнсама конца 1980-х — начала 1990-х годов в новых условиях *уже достигнутой* демократии, когда больше не было сколько-нибудь значимого объекта, который следовало сокрушать, оказалась не столь яркой. В начале 1988 г., для того чтобы снова попытаться объединить оппозицию, Ким Ёнсам на несколько месяцев покинул пост руководителя Партии объединения и демократии. Однако после того как стала очевидной бесперспективность подобных усилий, в мае 1988 г. Ким Ёнсам вернулся к руководству партией.

В феврале 1990 г. после слияния правящей Партии демократии и справедливости (Ро Дэу), Новой демократической республиканской партии (Ким Чжонпхиль) и Партии объединения и демократии Ким Ёнсам из одного из лидеров оппозиции превратился в лидера новой *правящей* Демократической либеральной партии (*Минчжадан*), получившей лучшие финансовые условия для политической деятельности. А поскольку новая *правящая* партия в начале 1990-х годов способствовала демократизации и дальнейшему повышению качества жизни народа, Ким Ёнсам имел немало шансов на победу в будущих президентских выборах.

В октябре 1992 г., незадолго до очередных президентских выборов, Ким Ёнсам снял с себя полномочия депутата Национального собрания, для того чтобы иметь возможность выставить свою кандидатуру на пост президента страны. Тогда же Ро Дэу назначил на пост премьер-министра Хён Сынчжона, человека политически нейтрального. Кроме того, сам Ро Дэу вышел из правящей Демократической либеральной партии, дав, таким образом, Ким Ёнсаму возможность полного единоличного лидерства.

В итоге на президентских выборах 18 декабря 1992 г. Ким Ёнсам получил 9 970 000 голосов избирателей, что составило более 42 % проголосовавших. За Ким Дэчжуна свои голоса отдали только 1 930 000 избирателей. После победы Ким Ёнсама впервые в южнокорейской политической практике бывшие соперники на выборах публично поздравили его с победой. Как отмечалось в южнокорейской прессе тех дней, это стало особым шагом на пути формирования «культуры выборов» в Республике Корея.

Принятие присяги и торжественное вступление в должность происходили 25 февраля 1993 г. В своей инаугурационной речи Ким Ёнсам, обращаясь ко всему 70-миллионному народу Юга и Севера Кореи, а также к бывшему президенту Ро Дэу, отметил, что впервые в истории Республики Корея создается демократическое гражданское правительство. Своими основными задачами он определил борьбу со всевозможными негативными общественными явлениями, улучшение состояния южнокорейской экономики и установление в стране должного «порядка и дисциплины». В заключительной части своей речи он обратился лично к руководителю КНДР Ким Ирсену с призывами дальнейшего сближения и сотрудничества между двумя частями Корейского полуострова.

После поражения на президентских выборах Ким Дэчжун, которому в то время уже исполнилось 68 лет, оставил пост лидера Демократической партии, уступив его представителю более молодого поколения Ли Гитхэку. На несколько лет он отошел от активной политической деятельности, пока в 1995 г. не возглавил новую политическую организацию под названием «Гражданское собрание за новую политику» (*Сэ чжончхи кунмин хвейи*).

В правящей Демократической либеральной партии Ким Ёнсама также произошли некоторые изменения: старые кадры ветеранов движения за демократию были заменены на новые.

Итак, начиная с 1993 г. впервые за всю историю Республики Корея у власти оказался президент, избранный справедливым, демократическим путем и не имеющий отношения к диктатуре или военным. Это стало крупнейшим достижением страны — достижением, которое Ким Ёнсам постарался закрепить новым курсом провозглашенных им реформ.

§ 2. Курс реформ Ким Ёнсама и «эпоха Международного валютного фонда»

Придя к власти, Ким Ёнсам прежде всего попытался **закрыть путь в политику различным силовым структурам**. Так, был издан «Закон о запрещении вмешательства в политику Управления планирования безопасности государства» (которое было преемником южнокорейского ЦРУ). Также был принят «Закон о запрещении участия в политической деятельности военным».

При этом Ким Ёнсам сделал более открытой для народа деятельность органов власти в целом и личность президента в частности. Впервые за долгие годы был снят запрет на свободное передвижение граждан на улице перед президентским дворцом и запрет подниматься в гору⁸², на которой этот дворец расположен.

Вторым направлением реформ Ким Ёнсама отмечают борьбу с разного рода отрицательными общественными явлениями, и прежде всего с коррупцией как в самом правительстве, так и в различных слоях общества. Ким Ёнсам сделал более жестким контроль за использованием государственными служащими денег, поступающих в казну от сбора налогов.

С лета 1993 г. в Республике Корея стала осуществляться реформа банковских счетов, т.е. была введена так называемая «система реальных имен в финансах». До 1993 г. в Южной Корее при открытии банковских счетов не требовалось предъявления удостоверения личности, поэтому в стране было огромное количество счетов с вымышленными именами, которые принадлежали высокопоставленным чиновникам. В процессе проведения реформы владелец счета должен был прийти в банк с удостоверением личности и перерегистрироваться. В результате обнаружилось немало безымянных счетов с большими суммами вкладов. В ходе расследования причин появления таких счетов выявились факты получения взяток бывшими президентами страны Чон Духваном и Ро Дэу. С 1993 г. в несколько этапов начала проводиться постепенная проверка и перерегистрация недвижимого имущества.

Третьим направлением реформ Ким Ёнсама стали экономические преобразования. Для снижения себестоимости и повыше-

⁸² В Корее очень популярным видом отдыха, как среди молодежи, так и среди людей преклонного возраста, является подъем в сопки или в горы (*тынсан*). В нем сочетаются элементы спорта и духовной саморегуляции. С горы Инвансан, на которой расположен «Голубой дом», открывается один из лучших видов на центральную часть Сеула.

Площадь у городских Южных ворот в Сеуле в начале 1990-х годов

ния уровня конкурентоспособности южнокорейских товаров на мировом рынке правительство прилагало усилия для ограничения заработной платы и проводило политику замораживания цен. Действительно, в первые три года президентства Ким Ёнсама в южнокорейской экономике наблюдались положительные тенденции. Уровень прироста производства составил 5,8 % — в 1993 г. (1992 г. — 5,1 %), 8,6 % — в 1994 г. и 9 % — в 1995 г. Однако начиная с 1996 г. этот показатель стал сокращаться, составив в 1996 г. 6,8 %, а в 1997 г. — 5 %. Подробнее на причинах подобного явления мы остановимся чуть ниже.

В 1993 г. Республика Корея выступила в качестве организатора Всемирной технической выставки «ЭКСПО-93», а в 1995 г. стала членом Всемирной торговой организации (World Trade Organization). Все это свидетельствовало о дальнейшем повышении роли Республики Корея в мировой экономике.

Четвертым направлением реформ Ким Ёнсама стало дальнейшее усиление самостоятельности системы местного самоуправления. Как уже отмечалось, политику, направленную на возрождение местного самоуправления, начал Ро Дэу. Четвертые выборы в местные законодательные органы успешно прошли 27 июня 1995 г.

Еще одной категорией достижений Ким Ёнсама называют его внешнюю политику, направленную на укрепление связей Республики

Корея со странами Америки, Азии, Европы и Африки. За время нахождения у власти Ким Ёнсам провел пять встреч на высшем уровне с президентом США Биллом Клинтонем.

Для того чтобы больше иностранцев могли познакомиться с культурой страны, администрацией Ким Ёнсама предпринимались шаги для развития туризма, и 1994 г. был объявлен особым «годом посещения Кореи». В ноябре 1994 г. Ким Ёнсам провозгласил, что отныне одной из целей государственной политики страны является «глобализация».

Однако не все в политической и экономической жизни страны в годы президентства Ким Ёнсама было благополучно. Своеобразным рубежом, начавшим полосу кризиса власти 14-го президента Южной Кореи, стал 1995 г.

29 июня 1995 г. в 6 часов вечера в южной части Сеула неожиданно обрушилась половина здания крупнейшего, весьма престижного универмага «Сампхун». Катастрофа унесла жизни большого количества людей. Дальнейшее расследование показало, что причиной катастрофы стало нарушение норм производства строительных работ. Некачественные работы по строительству универмага «Сампхун» стали в известной степени символом «некачественности» предшествующей власти и стимулировали процесс расследования незаконных действий ее высших представителей.

16 ноября 1995 г. по обвинению в получении взяток в крупных размерах был арестован бывший президент Ресублики Корея Ро Дэу, а чуть позже, 3 декабря 1995 г. — экс-президент Чон Духван, которому предъявили обвинения в совершении государственного переворота 12 декабря 1979 г., в кровавой расправе над жителями Кванчжу в мае 1980 г. и в получении взяток в крупном размере. Вслед за этим Национальное собрание Республики Корея 18 декабря 1995 г. приняло специальный закон о расследовании событий декабря 1979 г. и мая 1980 г. Судебное разбирательство продолжалось около восьми месяцев. Было доказано, что Чон Духван получил взятки на сумму около 206 млрд вон (примерно 260 млн долларов), а Ро Дэу — около 284 млрд вон (примерно 355 млн долларов). Окончательное решение было вынесено 26 августа 1996 г.: Чон Духван был приговорен к смертной казни, а Ро Дэу — к 22,5 годам лишения свободы. К концу 1996 г. (16 декабря) приговор был пересмотрен. Чон Духван был приговорен к пожизненному заключению, а Ро Дэу — к 17 годам лишения свободы.

Судебное разбирательство над двумя экс-президентами поставило точку в борьбе за демократию и свободу в Республике Корея,

определив наказание виновным в установлении диктатуры и нарушении прав граждан. Правящая Демократическая либеральная партия, образовавшаяся в 1990 г. из союза с партией Чон Духвана и Ро Дэу, оказалась в очень непростом положении. Поэтому уже 6 декабря 1995 г., практически сразу после ареста Ро Дэу и Чон Духвана, правящая партия изменила свое название на Партию новой Кореи (*Син Хангуктан*), предложив одновременно новую программу выхода из кризиса.

Однако 15-е парламентские выборы, назначенные на 11 апреля 1996 г., продемонстрировали значительное падение популярности правящей Партии новой Кореи, получившей всего 121 место. Созданная в 1995 г. партия Ким Дэчжуна — Гражданское собрание за новую политику получила 79 мест, а Либеральный демократический союз (*Чаю минчжу ёнхван*; сокращенно — *Чаминён*) — 50 мест. Таким образом, «правящая» партия Ким Ёнсама уже не имела парламентского большинства.

И это сказалось на принятии ряда важнейших законов страны, в частности нового трудового законодательства, значительно пересмотренного впервые за 40 лет. Так, не добившись согласия с оппозиционными партиями, в декабре 1996 г. депутаты Национального собрания от правящей партии все же приняли новый трудовой закон, вызвавший массовые народные протесты. В целом новый закон давал больше прав трудящимся бороться за свои права. Однако, как и раньше, он ограничивал права на коллективные выступления для государственных служащих, а также запрещал профсоюзам любую политическую деятельность.

В любом случае различные катастрофы, суд над экс-президентами страны, непопулярные законы и многое другое — все это постепенно подрывало авторитет Ким Ёнсама, первого демократического президента страны. Постепенно ухудшавшаяся экономическая ситуация в конечном итоге привела к тому, что в 1997 г., в последний год нахождения у власти Ким Ёнсама, в стране разразился финансово-экономический кризис, получивший название «эпоха Международного валютного фонда» (*IMF сидэ*).

Одиннадцатая по рейтингу финансово-промышленная корпорация «Ханбо» оказалась замешанной в ряде финансовых махинаций, участником которых был Ким Хёнчхоль, сын Ким Ёнсама. Уже в конце 1996 — начале 1997 г. в финансово-экономической сфере стала наблюдаться нестабильность. За первые три месяца 1997 г. курс южнокорейской валюты снизился с 840 до 900 *вон* за 1 доллар США.

Летом 1997 г. обанкротилась корпорация «Ханбо». В конце 1997 г. вона окончательно обвалилась. Если в сентябре 1997 г. 1 доллар США стоил 930 вон, то в ноябре курс снизился до 980; 10 декабря курс упал до отметки в 1500 вон; 11 декабря — 1700; а 12 декабря — почти до 2000 вон. Казалось, наступил крах всей южнокорейской экономики.

Действительно, одновременно с обвалом национальной валюты стало разоряться большое количество мелких предприятий и некоторые крупнейшие корпорации, такие, как, например, автомобильный концерн «КИА-Моторс». Это объяснялось тем, что многие мелкие и средние предприятия Южной Кореи работают по заказам крупных фирм, и их банкротство автоматически влечет за собой разорение мелких компаний. Причинами разорения крупнейших концернов южнокорейские экономисты называют: 1) искусственное поддержание правительством Ким Ёнсама нерентабельных корпораций и банков; 2) чрезмерное привлечение корпорациями краткосрочных иностранных займов; 3) чрезмерные инвестиции крупных корпораций и их стремление расширить сферу экономической деятельности.

Падение национальных валют в странах Юго-Восточной Азии также оказало свое негативное воздействие. В результате из Южной Кореи начался стремительный отток иностранных инвестиций. Произошло падение курса акций. Небольшой государственный валютный фонд в 3 млрд 900 млн долларов не дал возможности удерживать курс национальной валюты. Последовавший рост цен на ввозимое сырье привел к закрытию ряда мелких и средних предприятий. Резко возрос уровень безработицы. В Республику Корея пришла так называемая эпоха Международного валютного фонда. Рядовые граждане винили МВФ во всех бедах и в то же время ждали от него спасительной поддержки.

Именно в такое тяжелое для страны время, в самый пик кризиса, 18 декабря 1997 г. в Республике Корея прошли очередные 15-е президентские выборы.

§ 3. Выборы президента Ким Дэчжуна

Предвыборная гонка началась 19 мая 1997 г. выдвижением Ким Дэчжуна кандидатом на пост президента от оппозиционной партии «Гражданское собрание за новую политику» (*Кунмин хвевый*). Кандидатом от правящей Новой корейской партии (*Син Хангуктан*) был избран представитель нового поколения политиков Ли

Хвечхан. Свою кандидатуру выдвинул и ветеран политики Ким Чжонпхиль, возглавлявший новую политическую партию «Либеральный демократический союз» (*Чаминнён*). Кроме того, впервые в истории президентских выборов Республики Корея появился «независимый» кандидат — Ли Инчже, бывший губернатор столичной провинции Кёнги, вышедший из рядов правящей Новой корейской партии 17 сентября и образовавший свою Новую гражданскую партию (*Кунмин синдан*)⁸³.

Финансово-экономический кризис, все более охватывавший Республику Корея, вынудил кандидатов быть более экономными в средствах при развертывании президентской кампании. И он же сделал ее более острой и напряженной. В частности, осенью 1997 г. возник конфликт между Ли Хвечханом, кандидатом от правящей партии, и президентом Ким Ёнсамом. 22 октября 1997 г. Ли Хвечхан официально обратился к президенту Ким Ёнсаму с просьбой покинуть ряды партии. Кроме того, в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что Ким Ёнсам оказывает тайную поддержку Ли Инчже.

Для того чтобы окончательно продемонстрировать свою независимость от Ким Ёнсама, политика которого привела страну к кризису, Ли Хвечхан принял решение переименовать правящую партию в «Партию великой страны» (*Ханнарадан*). В своей предвыборной агитации он призывал покончить с политическим лидерством «трёх Кимов» (Ким Дэчжун, Ким Ёнсам, Ким Чжонпхиль) и сделать выбор в пользу политиков нового поколения. Видя довольно высокий уровень популярности Ли Хвечхана, Ким Чжонпхиль снял свою кандидатуру и призвал своих избирателей отдать голоса за Ким Дэчжуна.

Победа в президентских выборах 18 декабря 1997 г. досталась Ким Дэчжуну непросто. За него проголосовало 40,3 % избирателей, пришедших на выборы, в то время как за Ли Хвечхана — 38,7 %. Разница в полученных голосах составила лишь 390 тыс. Ли Инчже получил 19,2 % голосов. Как и во всех предыдущих президентских и парламентских выборах, на популярность того или иного кандидата оказала влияние «региональная неприязнь». Ким Дэчжун одержал убедительную победу в родной провинции Чолла (Северной и Южной), а также в провинции Южная

⁸³ В начале 2001 г., в преддверии новых, 16-х по счету, выборов в Национальное собрание, Ли Инчже объединил свою партию с «Гражданским собранием за новую политику» Ким Дэчжуна.

Чхунчхон, откуда был родом Ким Чжонпхиль. Ли Хвечхан был поддержан жителями его родной провинции Кёнсан (Северной и Южной).

И тем не менее это был первый в истории Республики Корея случай, когда в результате президентских выборов власть перешла к оппозиции.

Подобно своему предшественнику, президенту Ким Ёнсаму, Ким Дэчжун был профессиональным политиком. Он родился в 1925 г. в семье бедного крестьянина на острове Хаяйдо, недалеко от крупного портового города юго-запада страны — Мокпхо провинции Южная Чолла. В 1948 г. он возглавил местную газету «*Мокпхо ильбо*»⁸⁴. В годы Корейской войны поступил учиться на отделение политики и международных отношений сеульского Университета Конгук, но в 1953 г. был вынужден уйти с 3-го курса, чтобы в 1954 г. заняться профессиональной политикой. Тогда он стал кандидатом на выборах в Национальное собрание. Однако первая попытка стать депутатом оказалась неудачной. Лишь после Апрельской революции ему удалось одержать победу. После этого, вплоть до 1971 г., Ким Дэчжун постоянно избирался депутатом южнокорейского парламента. В 1960-е годы он был активистом оппозиционных партий, а в 1971 г. впервые стал кандидатом на пост президента страны от Новой демократической партии. На выборах он незначительно уступил Пак Чонхи с разницей в 946 872 голоса. С тех пор его популярность в народе возросла настолько, что он стал главным объектом гонений со стороны диктаторской власти в лице Пак Чонхи и Чон Духвана. В 1973 г. он был похищен южнокорейскими спецслужбами в Японии, но, благодаря давлению мировой общественности, сумел избежать смерти. В июле 1980 г. он был схвачен по обвинению в антиправительственном заговоре и даже приговорен к смертной казни. За годы своей политической деятельности Ким Дэчжун шесть лет провел за тюремной решеткой и в течение 16 лет был отстранен от политической деятельности. Только в 1987 г. ему были возвращены все права.

Таким образом, среди всех кандидатов на пост президента в выборах 1997 г. Ким Дэчжун выделялся особыми заслугами в борьбе за демократию в Республике Корея.

---

⁸⁴ Иногда в исторической литературе указывают, что Ким Дэчжун возглавил газету «*Мокпхо ильбо*» в 1950 г. Подробнее с биографией Ким Дэчжуна на русском языке можно познакомиться в кн.: *Ким Бен Кук*. Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. Правозащитник, политик, ученый. М., 1998.

Церемония вступления президента Ким Дэчжуна в должность происходила 25 февраля 1998 г. Основным лейтмотивом его инаугурационной речи было утверждение о том, что новое правительство Республики Корея является «народным правительством», или «гражданским правительством» (возможны разные варианты перевода словосочетания *кунмин-ый чонбу*), поэтому оно будет прилагать все возможные усилия для достижения блага народа и государства, а также для дела объединения Кореи. Говоря о предстоящих трудностях в связи с финансовым кризисом, Ким Дэчжун предложил ряд мер для его преодоления, а также программу реформ, направленных на улучшение политической и экономической ситуации в стране. При этом он воззвал к чувству патриотизма граждан Республики Корея, которое должно было стать важнейшей составляющей на пути выхода из кризиса.

Реформы должны были начаться с политической сферы и затронуть экономику и образование. Говоря о проблеме объединения, Ким Дэчжун провозгласил три принципа, на основе которых должна будет строиться его политика в этой сфере: 1) Республика Корея выступает против любых военных провокаций; 2) она не намерена наносить какой-либо ущерб или поглощать Северную Корею; 3) будет предпринимать все усилия для развития обмена и сотрудничества между Южной и Северной Кореей.

Как показали последующие годы президентства Ким Дэчжуна, ему удалось достигнуть значительных успехов как в преодолении финансово-экономического кризиса, так и в налаживании отношений с Северной Кореей.

§ 4. Преодоление «эпохи Международного валютного фонда» и основные достижения политики Ким Дэчжуна

1998 г. стал для Республики Корея труднейшим за все предшествовавшие десять лет. Объем ВВП сократился до уровня 1992–1993 гг. В 1998 г. уровень безработицы вырос в 3 раза. Впервые за всю историю страны 1998 г. показал падение уровня экономики на 5,8 %⁸⁵.

---

⁸⁵ Статистическая информация о Республике Корея последних лет наиболее полно отражена в различных ежегодных справочных изданиях, таких как, например, «Korea Annual», «Korea Company. Yearbook» и др.

Для преодоления финансово-экономического кризиса правительство страны обратилось к населению. Была объявлена кампания по «сбору», т. е. продаже государству по низким фиксированным ценам, золота и серебра, а также кампания за экономное потребление предметов массового спроса.

На государственном уровне были предприняты следующие шаги. Во-первых, правительство обратилось к Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития с просьбой о предоставлении кредита для увеличения государственного валютного фонда до уровня в 68 млрд долларов. Во-вторых, правительство стало проводить политику расширения прав иностранных инвесторов с целью привлечения иностранных капиталовложений (это было одним из условий МВФ для оказания финансовой помощи). В-третьих, правительство поставило задачу реструктурирования экономики через ограничение капиталовложений крупных корпораций, запрет на расширение их сфер деятельности. В-четвертых, проводилась политика ликвидации неэффективных коммерческих банков. В-пятых, стали более активно приватизироваться государственные предприятия. Это также было одним из требований МВФ. Только к концу 1998 г. были приватизированы пять крупных государственных корпораций и 33 небольших предприятия. В-шестых, были понижены процентные ставки по ценным бумагам — с 29 % в 1997 г. до 9,45 % в ноябре 1999 г. В-седьмых, была снижена доля краткосрочных иностранных займов — с 54,2 % в 1997 г. до 24,8 % к концу 1999 г. В-восьмых, государство сумело стабилизировать курс национальной валюты — с 1573 *вои* за 1 доллар США в январе 1998 г. до 1171 *воны* в ноябре 1999 г. В-девятых, государство, имея традиционно высокий уровень контроля над экономикой, сумело стабилизировать потребительские цены. В худший по экономическим показателям 1998 г. рост цен не превысил 7,5 %, а в 1999 г. составил лишь 0,7 %. И, наконец, были значительно сокращены расходы на государственный аппарат. К 2001 г. планировалось сократить 26 тыс. служащих центрального государственного аппарата и 35 тыс. служащих местных правительственных учреждений.

В результате указанных мер, предпринятых президентом Ким Дэчжуном, а также ряда других с мая 1998 г. начался рост иностранных инвестиций, с ноября 1998 г. стал увеличиваться южнокорейский экспорт, а к первому полугодию 1999 г. был достигнут показатель экономического роста в 7,3 %. В международном рейтинге доверия

Республика Корея снова поднялась на 5 позиций с категории В+ (ноябрь 1997 г.) до категории ВВВ (ноябрь 1999 г.).

В 1997 г. в Корейской Народно-Демократической Республике завершился неофициальный трехлетний период траура по скончавшемуся руководителю страны Ким Ирсену. Как раз тогда новый лидер страны Ким Ченир⁸⁶ более активно приступил к политической деятельности, что позволило президенту Ким Дэчжуну (вступил в должность 25 февраля 1998 г.) предпринять более активные шаги для налаживания отношений с Севером. Ким Дэчжун строил межкорейские отношения на основе «Политики солнечного тепла» (*Хэппет чончхэк*), которую стал проводить с первых месяцев нахождения у власти. В реализации этой политики огромную помощь оказал Чон Чжуён (1915–2001)⁸⁷, почетный председатель корпорации «Хёндэ», часто посещавший Северную Корею и встречавшийся с Ким Чениром. Таким образом, рубеж тысячелетий ознаменовался значительным прорывом в межкорейских отношениях, который реализовался, в частности, в создании свободной туристической зоны в горах Кымгансан (КНДР).

В результате совместных усилий Юга и Севера с 13 по 15 июня 2000 г. в Пхеньяне состоялась историческая встреча между руководителем КНДР Ким Чениром и президентом Республики Корея Ким Дэчжуном, по итогам которой была подписана «Совместная декларация Юга и Севера»⁸⁸, открывшая новые перспективы на пути объединения Корейского полуострова. В августе 2000 г. состоялся одновременный визит членов так называемых разделенных семей в Сеул и Пхеньян. В сентябре месяце начались работы по воссоединению железных дорог Республики Корея и КНДР. Со второй половины 2000 г. стали регулярными встречи делегаций Севера и Юга для решения вопросов экономического сотрудничества и в связи с демаркационной линией и демилитаризованной зоной (о чем будет сказано более подробно в заключительной части книги).

⁸⁶ «Ким Ченир» — устоявшийся в русскоязычной литературе вариант транскрипции имени «Ким Чжониль».

⁸⁷ В КНДР заслуги Чон Чжуёна в налаживании межкорейских отношений были оценены настолько высоко, что 24 марта 2001 г. для выражения соболезнования по случаю его кончины впервые в истории межкорейских отношений в Сеул была направлена официальная правительственная делегация КНДР, передавшая руководству Южной Кореи личное послание Ким Ченира.

⁸⁸ КНДР данную декларацию называют «Совместной декларацией Севера и Юга».

Мировая общественность высоко оценила результаты межкорейской встречи на высшем уровне в июне 2000 г. 10 ноября 2000 г. в Осло президенту Ким Дэчжуну была вручена Нобелевская премия мира. Таким образом, он стал первым представителем корейской нации, удостоенным такой высокой награды. Однако в этом была заслуга не только лично Ким Дэчжуна, но и всего корейского народа, как Юга, так и Севера.

Глава 11. КНДР В 1953–1960 ГОДАХ: ОХЛАЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С СССР И НАЧАЛО КУРСА НА НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ

История Корейской Народно-Демократической Республики, в особенности в период после Корейской войны, — тема, изложение которой в настоящее время является наиболее сложной задачей историографии. Все существовавшие до сих пор подходы к изучению истории Северной Кореи вряд ли можно считать удовлетворительными и адекватно отражающими наиболее важные ее моменты.

Северокорейская историография представляет события послевоенной истории исключительно в плане демонстрации мудрости руководства «великого вождя товарища» Ким Ирсена и самоотверженности корейского народа, отдававшего все силы для реализации указаний вождя, которые в совокупности приводили к достижению многочисленных успехов на пути строительства экономически развитого самостоятельного социалистического государства. Второй характерной особенностью современной северокорейской историографии, излагающей события второй половины XX столетия, является относительно небольшое количество конкретных сведений при обилии различных рассуждений теоретического плана. Все это свидетельствует о вполне понятной и объяснимой попытке известной «мифологизации» истории КНДР 1950–1990-х годов.

Советская историография в определенной степени следовала северокорейской линии «исторической мифологии». Несмотря на неприятие отдельных черт политической системы КНДР, Советский Союз не мог позволить себе критиковать непростое, но стратегически важное союзное государство на восточных рубежах. Не отступая от северокорейской исторической концепции «постоянного поступательного развития КНДР», советская историография объясняла успехи социально-экономического развития не только «мудрым

руководством Трудовой партии Кореи и великого вождя», но и во многом тесным экономическим сотрудничеством с СССР и другими странами Восточной Европы. Поэтому в советских работах по истории КНДР очень много различных статистических данных, иллюстрирующих не только уровень развития КНДР, как он был отражен в официальной статистике, но и характер и объемы зарубежной помощи⁸⁹. Такой взгляд несколько расходился с представлением о *чуждешейском*, т. е. самостоятельном и независимом развитии Северной Кореи.

Западная и южнокорейская историография представляют историю КНДР 1950–1990-х годов, как правило, критически, как историю «тоталитарного коммунистического режима», потерпевшего в 1990-е годы окончательный крах, подобно остальным государствам социалистического лагеря. При этом не всегда в достаточной мере учитывается фактор корейской национальной самобытности, а также не допускается мысль о том, что на практике северокорейский «социализм» мог содержать в себе не так много элементов от «классического социализма» советского образца.

Российская историография 1990-х годов, в которой отразилась новая внешняя политика Российской Федерации, направленная на налаживание связей с Республикой Корея в ущерб отношениям с КНДР, также стала во многом следовать критическому подходу западной историографии⁹⁰.

С точки зрения автора, не отрицающего сложного положения, в котором оказалась Корейская Народно-Демократическая Республика в последней четверти XX в. и особенно в 1990-е годы (о чем сами северные корейцы говорят открыто), наиболее оптимальным был бы комплексный подход к изложению истории КНДР 1950–1990-х годов, когда учитывался бы ряд объективных причин, подтолкнувших КНДР к единственно возможному пути развития.

---

⁸⁹ См., напр.: История Кореи. Т. 2. М., 1974; Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1985; Корейская Народно-Демократическая Республика. Справочник. М., 1988; СССР и Корея. М., 1988 и др.

⁹⁰ См. напр.: *Бажанова Н. Е.* Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993; *Ланьков А. Н.* Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995; а также статьи о КНДР в сборнике «Актуальные проблемы Корейского полуострова» (М., 1996).

§ 1. Успехи послевоенного восстановления 1953–1956 годов

Итак, 1953 г. ознаменовался для Северной Кореи рядом важнейших событий, которые повернули ее историю в строго определенное русло. 27 июля 1953 г. в пограничном между Севером и Югом пункте Пханмунчжом было подписано соглашение о перемирии. Война, начатая как попытка военного объединения Корейского полуострова⁹¹, закончилась огромными экономическими, человеческими, культурными потерями.

В 1953 г., еще до окончания войны, 5 марта, в дружественном Советском Союзе умер И. В. Сталин, оказывавший поддержку как КНДР, так и лично Ким Ирсену. Июльский 1953 г. пленум ЦК КПСС стал первым шагом на пути критики сталинской политической системы, пока еще не напрямую, но через осуждение его ближайших соратников, таких, как Л. П. Берия.

Вскоре после окончания Корейской войны, с 5 по 9 августа 1953 г., в Пхеньяне прошел VI пленум ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК), на котором была обсуждена линия послевоенного восстановления и развития страны. На первом этапе, который должен был завершиться в 1953 г., планировалось провести необходимую подготовку для перехода к всестороннему восстановлению и развитию народного хозяйства. Второй этап должен был продолжаться с 1953 по 1956 г. Он регулировался «Трехлетним планом послевоенного восстановления и развития народной экономики». С 1957 г. КНДР должна была приступить к реализации третьего этапа экономического строительства в рамках нового, теперь уже пятилетнего плана, направленного на экономический рост.

На VI пленуме ЦК ТПК Ким Ирсен выступил с докладами «Борьба за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства и дальнейшие задачи партии в связи с заключением соглашения о перемирии» и «Все для послевоенного восстановления и развития народного хозяйства»⁹². Несмотря на ограниченное количество до-

---

⁹¹ Как отмечалось в предыдущих главах книги, и Северная, и Южная Корея одинаково строили планы объединения страны военным путем.

⁹² Подробнее см.: *Ким Ир Сен*. За строительство социалистической экономики в нашей стране. Пхеньян, 1958. — В 1950–1960-е годы в Северной Корее выходило довольно много изданий на русском языке, содержащих тексты основных речей и докладов Ким Ирсена, экземпляры которых в достаточном количестве хранятся в ведущих отечественных библиотеках.

кументов VI пленума, интерпретация их основного содержания в современной историографии неоднозначна.

Новейшие северокорейские издания следуют изложенной точке зрения о курсе на четко продуманное и сбалансированное развитие экономики.

Южнокорейская историография также утверждает, что VI пленум ЦК ТПК принял особую линию экономического развития страны, которая предусматривала восстановление и развитие таких отраслей промышленности, как металлургия, энергетика, машиностроение для того, чтобы обеспечить будущее *независимое* экономическое развитие, а также крепкую оборону. В то же время ТПК, руководимая Ким Ирсеном, пыталась сбалансировать крайности и развивать экономику равномерно (тяжелую и легкую промышленность, город и деревню).

Северокорейские публикации конца 1970-х — начала 1980-х годов выделяют то, что на VI пленуме ЦК ТПК Ким Ирсен особое внимание обратил на идеологическую работу как основу деятельности по восстановлению и развитию страны. Действительно, в тексте докладов присутствуют соответствующие разделы. Более ранние северокорейские издания говорят о том, что VI пленум взял курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности, дающей самостоятельность в экономике. При этом у Ким Ирсена возник конфликт с оппозицией в ТПК во главе с тогдашним заместителем премьер-министра Чхве Чхаником, который призывал, принимая во внимание тяжелые условия жизни народа КНДР, отдавать приоритет легкой промышленности и сельскому хозяйству.

В своих выступлениях на пленуме Ким Ирсен подчеркнул, что основой успешной реализации экономических планов станут: 1) трудовой опыт корейского народа; 2) богатые природные ресурсы страны; 3) помощь братских стран, и прежде всего СССР. С трибуны пленума было заявлено, что в ближайшее время СССР окажет КНДР безвозмездную помощь в размере 1 млрд рублей.

Уже через месяц после завершения пленума **Ким Ирсен нанес официальный визит в Москву**, продолжавшийся с 11 по 19 сентября 1953 г. Основной темой переговоров стал вопрос об экономической помощи СССР. Советский Союз стал оказывать содействие в восстановлении таких важнейших народнохозяйственных объектов, как Сухунская гидроэлектростанция на реке Амноккан, металлур-

гические заводы в Чхончжине (им. Ким Чхэка⁹³) и в Нампхо. Кроме того, была наполовину сокращена сумма северокорейской задолженности СССР и предусматривались поставки товаров широкого потребления и продуктов питания.

Приступив в 1954 г. к реализации трехлетнего плана, КНДР к 1956 г. достигла больших успехов. К этому времени промышленное производство возросло в 1,5 раза по сравнению с довоенным 1949 г.⁹⁴, а производство продуктов питания — в 1,2 раза. За трехлетку было восстановлено более 240 крупных предприятий и построено более 80 новых. По сравнению с 1953 г. зарплата выросла на 158 %, а совокупный доход населения увеличился в 2,1 раза. Трехлетний план был выполнен за 2 года и 8 месяцев.

В доступной литературе на русском языке представлено большое количество цифровых данных, иллюстрирующих экономические достижения КНДР в 1953–1956 гг. Каковы слагаемые этого успеха?

В северокорейской историографии главным образом указывается на мудрое руководство Ким Ирсена, энтузиазм и трудовой героизм корейского народа. В советской литературе справедливо отмечается роль Советского Союза, который оказывал всестороннюю помощь. Не только в экономике, но и в науке, системе образования, здравоохранении, в культуре — буквально во всех сферах жизни КНДР ощущалась помощь СССР, принимавшаяся с благодарностью. Кроме того, следует сказать и об особой культуре труда корейского народа. Очевидно, что любая помощь становится эффективной лишь там, где ее готовы принять и реализовать. (Кстати, благодаря традиционной корейской культуре труда Южная Корея смогла эффективно распорядиться технико-технологической и финансовой помощью из Японии.)

Экономические успехи КНДР не замедлили сказаться и на ее внешней политике. В апреле 1955 г. Ким Ирсен опубликовал статью под названием «Все силы на борьбу за объединение и независимость Родины, на строительство социализма в северной части Республики». Впоследствии ее стали называть «Апрельскими тезисами». В «тезисах» говорилось о необходимости объединения страны на основе экономической и политической системы КНДР в услови-

---

⁹³ Ким Чхэк (1903–1951) — соратник Ким Ирсена, участник антияпонского партизанского движения в Маньчжурии. После освобождения страны занимал руководящие должности в ТПК и правительстве КНДР.

⁹⁴ Северокорейские работы середины 1990-х годов указывают на рост валовой промышленной продукции в 1,8 раза за тот же период.

ях одновременной борьбы с «американскими империалистами», помещиками и компрадорской буржуазией Южной Кореи, а также о том, что эта борьба обязательно будет поддержана южнокорейским крестьянством и рабочим классом. «Апрельские тезисы» не были простым демагогическим заявлением. В условиях экономического и культурного роста в КНДР, на фоне экономического и политического хаоса и нестабильности в Южной Корее подобный путь объединения страны казался единственно разумным и возможным.

Не случайно именно в 1955 г. в Японии возникла ориентированная на сильный Север «Ассоциация корейцев, проживающих в Японии» (*Чэиль чосонин чхон ёнхэпхве*; сокращенное название — *Чо чхонрён*). Своими задачами Ассоциация ставила: 1) всяческую поддержку КНДР; 2) защиту прав корейских соотечественников в Японии; 3) поддержку демократического движения народа Южной Кореи; 4) поддержку демократических и революционных сил в Японии и других странах мира.

Именно в годы успешно реализовывавшейся трехлетки впервые заговорили о так называемой *чучхейской*, т. е. *самостоятельной* (независимой от СССР), линии развития корейской революции. Впервые о *чучхе* Ким Ирсен заявил в своей речи «Об изжитии догматизма и формализма и установлении *чучхе* в идеологической работе», произнесенной 28 декабря 1955 г. перед работниками партийной пропаганды и агитации⁹⁵.

Чучхе, или особая корейская «самостоятельность», стала возможной благодаря большим экономическим успехам КНДР, достигнутым с помощью Советского Союза. Между тем успешное завершение трехлетнего плана совпало по времени с разворачивавшимся в СССР отходом от «сталинских» методов управления государством, с критикой «культ личности» И. В. Сталина на XX съезде КПСС. Если бы КНДР последовала примеру КПСС, то тогда и ТПК также следовало бы отказаться от идеи особой роли Ким Ирсена в корейской революции и построении социализма на корейской земле.

Очевидно, Ким Ирсен и часть высшего руководства страны не желали менять политический строй, установившийся в первой половине 1950-х годов. В современной российской историографии подобная линия объясняется исключительно волей «вошедшего во вкус

⁹⁵ Ким Ир Сен. О чучхе в нашей революции. Т. 1. Пхеньян, 1974. С. 161–188. — Официальная северокорейская позиция состоит в том, Ким Ирсен начал создавать идеи *чучхе* в конце 1920-х — начале 1930-х годов во время антияпонской борьбы в Маньчжурии.

власти», «честолюбивого» «северокорейского диктатора» Ким Ирсена. Однако позиция автора настоящей монографии несколько иная. Не вдаваясь в рассуждения о личных качествах Ким Ирсена, хотелось бы заметить, что на протяжении всей предшествующей истории, в том числе и в колониальный период, Корея была монархией, т. е. управлялась абсолютной властью одной «идеальной», «близкой к Небесам» личности. Трудно представить, чтобы за одно десятилетие корейский народ смог полностью распрощаться с монархической культурой власти и переориентироваться на демократические ценности. Так называемые «народные комитеты», создававшиеся в 1945–1946 гг., соотносятся скорее с традиционными формами трудовой организации, нежели с новой коммунистической (советского образца) идеологией. Пример Южной Кореи, в которой с 1948 по 1979 г. у власти находились «идеализировавшиеся» современниками «диктаторы», доказывает справедливость авторской точки зрения. Скорее всего, фигура, подобная Ким Ирсену, была объективно необходима Северной Корее, где в условиях отсутствия рынка для мобилизации широких народных масс требовалась сильная власть.

Таким образом, для того чтобы сохранить статус-кво своей власти, Ким Ирсену необходимо было ликвидировать оппозицию и выработать новую линию экономического и политического развития, более независимую от «ревизионистского» Советского Союза, чересчур тесные контакты с которым могли расшатать существующий порядок.

Борьба с оппозицией, о которой пишется и в северокорейской историографии, началась еще в 1953 г. Тогда пострадали коммунисты — выходцы из Южной Кореи во главе с Пак Хонъёном (1900–1955), обвиненным в «шпионаже» в пользу США. Борьба с «советской» (состоявшей из выходцев из СССР) и «яньаньской» (выходцы из Китая) группировками была развернута позже.

Выработкой новой политики КНДР, направленной на «независимое» развитие, занялся III съезд ТПК.

§ 2. III съезд Трудовой партии Кореи и курс на независимое развитие. Движение Чхоллима

III съезд ТПК проходил с 23 по 29 апреля 1956 г. На нем с отчетным докладом ЦК ТПК выступил Ким Ирсен. В опубликованных в 1950-х годов на русском языке выдержках из этого отчетного доклада представлены лишь те фрагменты, в которых говорится об итогах

Вид на центральную часть Пхеньяна второй половины 1950-х годов.
На заднем плане — гора Моранбон с обелиском в честь советских воинов,
отдавших жизнь за освобождение Кореи (Хэбантхан)

и планах экономического развития страны. Однако известно, что на III съезде ТПК, возможно неофициально, также обсуждались решения XX съезда КПСС. Доступная информация о том, каким образом в КНДР отреагировали на критику культа личности И. В. Сталина, носит весьма противоречивый характер.

В современной северокорейской историографии основные вопросы, обсуждавшиеся на III съезде ТПК, представлены так, будто бы там решения XX съезда КПСС вообще не затрагивались.

В южнокорейской историографии утверждается, что на III съезде ТПК отрицательно восприняли осуждение культа личности И. В. Сталина. Многие из произнесенного на XX съезде КПСС было объявлено «ревизионизмом», нарушением принципов марксизма-ленинизма и пролетарской диктатуры.

В советской историографии этот вопрос описан без четких указаний на поддержку или неприятие решений XX съезда КПСС в Северной Корее. Однако «обтекаемость» стиля наводит читателя на мысль о том, что в КНДР решения XX съезда КПСС все же были восприняты положительно. В июле 1956 г. Ким Ирсен совершил **официальный визит в СССР**, во время которого обсуждались вопросы двусторонних отношений, положение на Корейском полуострове и в Азии в целом.

События, произошедшие в КНДР во второй половине 1956 г., представляются вполне логичными, если исходить из того, что Ким Ирсен и его сторонники не приняли критику культа личности И. В. Сталина. На Августовском пленуме ЦК ТПК 1956 г. Ким Ирсен зачитал доклад «О происках антипартийных, антиреволюционных фракций». В докладе критиковалась позиция «советской» фракции ТПК во главе с Чхве Чхаником и Пак Чханоким. Их поддержка решений XX съезда КПСС (и попытка выступить против культа личности Ким Ирсена) объявлялась «ревизионистской», а их действия в местных партийных организациях, направленные на поддержку новой политической линии СССР, расценивались как помеха движению корейского народа к социализму. Пленум принял решение об исключении из партии всех членов «советской» группировки во главе с Чхве Чхаником и Пак Чханоким. В конце 1956 г. некоторые из членов группировки были арестованы, а некоторые отправлены на пенсию.

Декабрьский пленум ЦК ТПК 1956 г. снова вернулся к вопросу о «ревизионизме в мировом коммунистическом движении» и «фракционизме внутри партии», что стало очередным ударом не только по «советской», но и по прокитайской «яньаньской» группировке.

Таким образом, к концу 1956 г. Ким Ирсену удалось окончательно сконцентрировать власть в своих руках, «очистить» партию от оппозиции и приступить к строительству особого «корейского социализма», ни на что не похожего и ни от кого не зависимого.

Идея о необходимости поиска особого пути для развития корейской революции, очевидно, была поддержана большинством населения страны, что вполне объяснимо. На протяжении многих столетий своей истории, а в особенности начиная с конца XIX в., Корея нередко оказывалась в зависимости от окружавших ее сильных держав: Китая, России, Японии. Японская колонизация Кореи до крайности обострила стремление корейского народа жить самостоятельно, не подвергаясь влиянию какой-либо державы. Опыт Южной Кореи, оборону которой контролировали США, еще больше усиливал стремление Севера к самостоятельности в экономике и политике, несмотря на тесные отношения с Советским Союзом. Поэтому, когда в 1956 г. успешное выполнение трехлетнего плана заложило фундамент экономического развития, а критика в СССР культа личности И. В. Сталина обозначила будущие расхождения в идеологии, руководство КНДР приступило к практическим шагам для реализации новой (выстраданной в годы ко-

лонизации Кореи) линии на самостоятельное и независимое развитие.

С трибуны Декабрьского пленума ЦК ТПК 1956 г. было заявлено о необходимости развертывания всенародного движения за максимальную мобилизацию внутренних ресурсов, которое обеспечило бы стремительное развитие КНДР. В условиях, когда в связи с отходом от «просоветской ориентации» ожидалось сокращение помощи со стороны СССР, более интенсивное использование внутренних ресурсов стало единственно возможным способом для обеспечения поступательного развития. Был выдвинут лозунг: «Устремимся вперед темпами *Чоллима*!» Слово *Чоллима* означает «лошадь [покрывающую за день расстояние в] 1000 *ли*⁹⁶». Так в Корее с давних времен называли очень хороших, «идеальных» лошадей, символически изображая их с крыльями. Новое народное движение *Чоллима* должно было стать одной из важнейших составляющих выполнения нового пятилетнего плана экономического развития КНДР (1957–1961), направленного на построение в Корее социалистического индустриально-аграрного государства. Основные наметки плана были определены также на III съезде ТПК. (Окончательно первый пятилетний план был утвержден в июне 1958 г. на III сессии Верховного народного собрания второго созыва.)

Движение *Чоллима* не было первым «народным движением»⁹⁷, направленным на реализацию тех или иных задач на пути построения социализма. Еще в 1947 г. началось движение «за социалистическое преобразование частной торговли и промышленности», завершившееся в 1955 г.

В 1953 г. началось движение «за кооперацию в деревне». Оно продолжалось до 1958 г. и проходило по трем основным направлениям: 1) кооперация на основе совместного производства; 2) кооперация на основе совместного производства и совместной эксплуатации земли; 3) кооперация на основе совместного производства и совместного пользования как землей, так и скотом и орудиями труда. Наиболее распространенным было третье направление. Традиционно, на протяжении многих столетий, в корейской деревне существовали различные организации по совместному использованию скота, орудий

⁹⁶ *Ли* — традиционная мера длины, в настоящее время равная 392,7 м.

⁹⁷ Феномен народных движений в Корее второй половины XX в. требует специального исследования. Как известно из предыдущих глав, и в «капиталистической» Южной Корее часто разворачивались различные народные движения, направленные на решение общегосударственных задач.

труда и взаимопомощи в обработке земли⁹⁸. Поэтому уже к 1956 г. было кооперировано 80 % всех крестьянских хозяйств, обрабатывавших 78 % сельскохозяйственных угодий.

Движение *Чхоллима* отличалось от всех предыдущих тем, что оперировало традиционным корейским понятием, как бы давая тем самым новое, особое, «исконно корейское» направление развитию страны. Движение *Чхоллима* было противопоставлено позиции уже разгромленной «просоветской» группировки в ТПК, утверждавшей, что успешные социалистические преобразования в Корее будут невозможны без помощи СССР. Руководство КНДР во главе с Ким Ирсеном пыталось доказать обратное, утверждая, что построить развитую социалистическую экономику *возможно*, опираясь на энтузиазм и творчество масс. Для изучения ситуации на местах в провинцию были отправлены партийные руководители.

Первые, весьма успешные шаги в рамках движения *Чхоллима* были сделаны уже в 1957 г. Согласно официальной северокорейской статистике, трудящиеся Кансонского сталелитейного завода, который Ким Ирсен посетил 28 декабря 1956 г., вместо запланированных 90 тыс. тонн проката выпустили 120 тыс. тонн при номинальной производственной мощности в 60 тыс. тонн. План производства промышленной продукции на 1957 г. был перевыполнен на 17 %, а общий рост промышленного производства составил 44 %. Таким образом, суть движения *Чхоллима* сводилась к тому, чтобы с помощью «мобилизации внутренних ресурсов» преодолеть ограниченность производства, обусловленную его формальными технико-технологическими параметрами, и добиться экономического роста.

В 1958 г. движение *Чхоллима* развернулось по всей стране и было подкреплено широкомасштабной идеологической работой, направленной на воспитание веры в то, что ограниченные материальные возможности не являются помехой для достижения новых высоких результатов.

В том же 1958 г., 8 сентября, выступая на митинге в честь 10-летия образования КНДР, Ким Ирсен обратился к вопросу культурной революции, говорил о значении научно-технической и идеологической работы⁹⁹. С точки зрения современной северокорейской исто-

⁹⁸ Курс лекций С. О. Курбанова «Проблемы социальной организации в Корее» (СПб., 1999; конспект курса хранится в личном архиве автора).

⁹⁹ *Ким Ир Сен*. Доклад на торжественном митинге в честь 10-й годовщины основания КНДР. 8 сентября 1958 года // Ким Ир Сен. За строительство социалистической экономики в нашей стране. Пхеньян, 1958. С. 540, 548, 550.

риографии именно эта речь дала толчок развитию теории «трех революций» — идеологической, технической и культурной¹⁰⁰. Ее суть состояла в утверждении о том, что с победой социализма революция не завершается. Революция продолжается вплоть до построения коммунизма, трансформируясь в «три революции», из которых важнейшей является идеологическая, позволяющая «взять материальную крепость коммунизма». Техническая революция, наоборот, позволяет «покорить идеологическую крепость коммунизма». Таким образом, теория «трех революций» обосновывала необходимость дальнейшей *борьбы* и оправдывала «временные трудности» и неустроенность жизни людей, являясь вместе с движением *Чхоллима* одним из идеологических механизмов мобилизации народа.

Несомненно, движение *Чхоллима* стало одной из основ достижения еще более высоких экономических показателей по сравнению с предшествовавшей трехлеткой. Согласно северокорейской статистике, основные показатели роста промышленного производства, запланированные на первую пятилетку (1957–1961), были достигнуты всего за 2 года и 6 месяцев, а полностью пятилетний план был выполнен в 1960 г. За это время промышленное производство КНДР выросло в 3,5 раза, а среднегодовые темпы прироста производства за указанный период составили 36,3 %. Северокорейская историография объясняет успехи движения *Чхоллима* мудрым руководством Ким Ирсена, а также особыми подходами в идейной работе, которые помогли настроить массы на новый трудовой ритм.

В настоящее время трудно полностью согласиться с этими утверждениями или опровергнуть их. Однако в любом случае важнейшей составляющей подобного экономического роста стала материально-техническая база, заложенная с помощью СССР в годы первой трехлетки, а также опора руководства КНДР на элементы традиционной культуры конфуцианского коллективизма, верности государству и служения старшим¹⁰¹.

¹⁰⁰ Ким Чхан Хо, Кан Гын Чжос. Очерк корейской истории. Пхеньян, 1996. Т. 3. С. 214.

¹⁰¹ Принцип коллективизма как одна из основ государственности был официально зафиксирован в Конституции КНДР 1972 г. Ссылка на его конфуцианские корни, естественно, в северокорейских изданиях не встречается. Однако традиционные конфуцианские понятия верности государству (*чжун*) и почтительности к родителям (*хё*) в конце XX столетия стали частью официальной северокорейской идеологии (подробнее см.: Курбанов С. О. О важности изучения категории *хё* («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996).

Кроме того, и в годы первой пятилетки 1957–1961 гг. помощь СССР, хотя и заметно сократившаяся, все же оставалась по-прежнему значительной. Так, в августе 1956 г. СССР снова предоставил КНДР второй безвозмездный кредит на восстановление народного хозяйства, сумма которого составила примерно $\frac{1}{3}$ от объемов кредита 1953 г., т.е. 67,5 млн рублей (по курсу 1961 г.; или около 300 млн дореформенных рублей). По-прежнему весьма значимой оставалась научно-техническая и культурная помощь СССР. 14 октября 1957 г. между Академией наук СССР и Академией наук КНДР было подписано Соглашение о научном сотрудничестве, а 17 марта 1959 г. — Соглашение об оказании СССР технической помощи КНДР. С 1953 по 1960 г. в Северной Корее работало около 1,5 тыс. советских инженеров, ученых, экономистов.

Несмотря на появление своего особого курса, КНДР все же оставалась страной социализма, страной, сдерживавшей потенциальную угрозу со стороны США, которые имели многочисленные военные базы на территории Южной Кореи. Поэтому при всех разногласиях и расхождениях с руководством КНДР СССР не мог оставить без помощи своего дальневосточного соседа.

В 1961 г. в связи с военным переворотом, совершенным в Южной Корее «революционерами» во главе с генералом Пак Чонхи, ситуация на Корейском полуострове снова обострилась. Установление на Юге военной диктатуры, программа действий которой еще не была ясна, делало реальной угрозу возникновения новой войны. Поэтому в конце июня 1961 г. **Ким Ирсен совершил официальный визит в СССР**, где провел переговоры с Н. С. Хрущевым. По итогам переговоров 6 июля 1961 г. был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой».

Несмотря на то что название Договора указывало на его всесторонний характер, его основным положением стала договоренность о военной или иной помощи в случае, если одна из сторон подвергнется вооруженному нападению и окажется в состоянии войны (ст. 1). Также стороны брали на себя обязанность не вступать в какие-либо коалиции, направленные против другой договаривающейся стороны (ст. 2). Договор предусматривал взаимные консультации по вопросам безопасности (ст. 3) и дальнейшее развитие культурных и экономических связей (ст. 4).

Заключение нового договора между СССР и КНДР, в котором главными были вопросы взаимной обороны, должно было предостеречь Южную Корею (или США) от попыток вооруженного объединения Корейского полуострова. Статья 5 Договора как раз указывала на то, что объединение Кореи должно произойти на «мирной демократической основе».

Таким образом, 1961 г. стал особым рубежом в истории КНДР в связи с изменением международной ситуации и новой расстановкой сил, в частности на Корейском полуострове, а также в связи с завершением первого пятилетнего плана 1957–1961 гг. IV съезд ТПК, назначенный на сентябрь 1961 г., отразил все указанные особенности и наметил путь дальнейшего развития КНДР на ближайшие семь лет.

Глава 12. КНДР В 1961–1972 ГОДАХ: УГЛУБЛЕНИЕ КУРСА НА НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ И ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Период 1960-х — начала 1970-х годов можно определить как второй большой этап послевоенного развития Северной Кореи. Во-первых, это время характеризовалось усилением «самостоятельности» КНДР в политике, т. е. ее большей отчужденностью от стран социалистического лагеря во главе с СССР. Во-вторых, можно говорить об известных успехах в экономике и социальной сфере, основанных на предшествовавшей и продолжавшейся технической, технологической, финансовой помощи СССР и стран Восточной Европы, а также на огромной мобилизации сил корейского народа. В-третьих, именно в 1960-е годы окончательно укрепились власть Ким Ирсена.

§ 1. IV съезд Трудовой партии Кореи, «метод Чхонсанри» и «Тэанская система работы»

IV съезд ТПК проходил с 11 по 18 сентября 1961 г. 11 сентября Ким Ирсен выступил с отчетным докладом, в котором были подведены итоги предшествующего развития страны со времени III съезда ТПК (1956 г.). В докладе было отмечено, что за отчетный период в

КНДР успешно завершено социалистическое преобразование народного хозяйства и установлен социалистический строй¹⁰². Отмечая достигнутые успехи в экономической и социальной сферах, Ким Ирсен особо выделил движение *Чхоллима* как одну из важнейших составляющих социалистического строительства КНДР. Одновременно в докладе были определены основные направления будущего семилетнего плана экономического развития (1961–1967). Так, к 1967 г. валовой объем национальной промышленности должен был вырасти в 3,2 раза, а совокупный национальный доход — в 2,7 раза. В ходе новой семилетки должен был значительно повыситься уровень жизни народа. Планировалось сократить налоги, улучшить качество бесплатного медицинского обслуживания, расширить систему домов отдыха и т. п.

Кроме того, на съезде обсуждалось положение на Корейском полуострове после военного переворота Пак Чонхи, а также поднимался вопрос о влиянии южнокорейской Апрельской революции 1960 г. на развитие рабочего и «революционного» движения на Юге. 1960-е годы были определены как период «развернутого социалистического строительства», по завершении которого КНДР должна была стать индустриально развитым государством с высоким уровнем жизни населения. Это, в свою очередь, должно было стать основой для того, чтобы, подняв народ Южной Кореи на борьбу с капиталистической эксплуатацией, объединить страну под эгидой социалистического строя КНДР.

Для достижения поставленных целей Ким Ирсен решил укрепить партийное руководство, выдвинув на ключевые посты верных ему «молодых» партийных руководителей — Чхве Ёнгона, Ким Ира, Пак Кымчхоля, Ли Хёсуна и др.

Однако, в отличие от ситуации перед началом трехлетки 1953–1956 гг. или пятилетки 1957–1961 гг., на этот раз Советский Союз не выделил Северной Корее каких-либо кредитов, а лишь освободил от платежей или предоставил отсрочку.

Для того чтобы выполнить поставленные семилеткой грандиозные задачи экономического роста, требовалось предпринять ряд дополнительных шагов для поиска внутренних резервов. В результате была предложена так называемая «Тэанская система» работы в промышленности, появлению которой предшествовало созда-

¹⁰² Установление социалистического строя совсем не означает построение социализма.

ние «метода Чхонсанри» (*Чхонсанни панбон*) в сельском хозяйстве.

5 февраля 1960 г. Ким Ирсен приехал в село Чхонсанри¹⁰³ уезда Кансо провинции Южная Пхёнан, для того чтобы глубже изучить положение дел в деревне и возможные пути улучшения работы в сельском хозяйстве. Он провел там около двух недель. Но уже 8 февраля Ким Ирсен выступил с речью перед партийными работниками села, в которой определил суть нового подхода, получившего название «метод Чхонсанри»: «Основа метода Чхонсанри состоит в том, чтобы вышестоящий орган помогал нижестоящему, руководитель помогал подчиненным, всегда сам посещал места работы, глубоко знакомился с действительным положением в низах, находил правильные решения проблем, во всей деятельности отдавал предпочтение политической работе...»¹⁰⁴. Иными словами, согласно методу Чхонсанри, необходимо, чтобы: 1) вышестоящий, будь то отдельный человек или партийный орган, помогал нижестоящему; 2) для этого он должен *лично* приехать туда, где работает подопечный нижестоящий, разобраться в ситуации на месте; 3) при этом основное внимание уделять политической работе, т. е. мобилизации энтузиазма и творческой инициативы народных масс.

Таким образом, метод Чхонсанри, в принципе, был продолжением движения *Чхоллима* с его ориентацией на идейную работу с массами для их мобилизации, т. е. обеспечения основы для дальнейшего развития общества в условиях политики «самостоятельности» (или, иными словами, в условиях вынужденной изоляции). *Отличие* метода Чхонсанри состояло в том, что теперь народ мобилизовывался не посредством своего «энтузиазма» в рамках движения, а при прямом участии начальника.

Именно метод Чхонсанри дал толчок распространению такого общественного института, как «руководство на месте» (*хёнчжиси чидо*), т. е. посещение вышестоящими нижестоящих и дача конкретных указаний. Больше всего «руководство на месте» осуществлял высший руководитель государства Ким Ирсен.

Согласно сведениям, представленным в северокорейской историографии, метод Чхонсанри вышел за пределы сельского хозяйства и

¹⁰³ В настоящей монографии название села дается по русскоязычной литературе, изданной в КНДР и отражающей корейское *правописание*. В отечественной историографии название села записывается как «Чхонсанни» или «Чхонсалли».

¹⁰⁴ Путь, пройденный селом Чхонсанри. Пхеньян, 1984. С. 50.

распространился как на промышленность, так и на партийную работу в целом.

Следующим этапом на пути создания различных методов мобилизации народных масс стало появление так называемой «**Тэанской системы работы**» (*Тэан-ый саоп чхеге*) вскоре после того, как завершил работу IV съезд ТПК, обозначивший будущие высокие экономические рубежи на пути развития КНДР.

В декабре 1961 г. Ким Ирсен прибыл в местечко Тэан в нижнем течении реки Тэдонган на Тэанский электромеханический завод и пробыл там около 10 дней¹⁰⁵, осуществляя «руководство на месте». Изучив ситуацию, Ким Ирсен пришел к следующему выводу. Руководство экономикой, отдельными ее подразделениями нельзя доверять профессионалам, трезво оценивающим реальность на основе объективного расчета. Нужно мобилизовывать народ так, чтобы он отдавал все силы и «делал невозможное» на простом оборудовании. Профессионалы такого требовать от народа не будут. Это может сделать только партия, руководимая вождем (Ким Ирсеном). Поэтому следует иначе организовать управление производством, управление экономикой в целом.

Для подобной реорганизации требуется: 1) покончить с единовластием директора завода и передать контроль над управлением партийному комитету, сделав одновременно руководство заводом «коллективным», т. е. с привлечением руководителей его отдельных подразделений — инженерно-технического, планового и т. п.; 2) при этом управление заводом должно быть комплексным, единым и ориентированным на политическую работу; 3) обеспечение материалами, а также по возможности и обеспечение потребностей рабочих желательно производить на основе собственных резервов.

Таким образом, Тэанская система работы стала логическим продолжением движения *Чхоллима* и метода Чхонсанри, исправив их известное «несовершенство». Иными словами, если, например, согласно методу Чхонсанри, мобилизацией народных масс занимался временно находящийся на рабочем месте высший руководитель, то по Тэанской системе работы этим занимался постоянно находящийся на месте партийный комитет, проводящий политику вождя.

Тэанская система работы стала значительным шагом вперед по пути реализации идеи Ким Ирсена о социально-экономическом, тех-

¹⁰⁵ В северокорейской историографии, в том числе изданной на корейском языке, точные даты пребывания Ким Ирсена на Тэанском электромеханическом заводе, как правило, не указываются.

ническом, культурном развитии посредством воздействия на «творческую инициативу масс». Поиск материалов и обеспечение потребностей рабочих на основе местных ресурсов стали второй важнейшей составной частью Тэанской системы работы, призванной реализовать *чуждейскую* (т. е. самостоятельную) политику опоры на собственные силы на низовом уровне.

В конце декабря 1961 г. в КНДР повсеместно были образованы «Уездные комитеты по управлению сельскохозяйственными кооперативами», которые должны были взять в свои руки не только земледелие, но и вопросы финансов, кадров, технического обеспечения сельхозкооперативов, приблизив тем самым методы управления сельскохозяйственным производством к методам управления промышленными предприятиями.

Итоги 1962 г. продемонстрировали эффективность новых методов управления производством и прочность экономической базы, заложенной в предшествующие годы. Народнохозяйственный план 1962 г. был перевыполнен на 20 %.

Между тем в это время значительно накалилась международная обстановка, поставив на повестку дня вопрос обороноспособности КНДР. В 1962 г. разразился «карибский кризис», поставивший мир на грань новой мировой войны. С 1961–1962 гг. США начали ограниченные военные действия во Вьетнаме. В то же время просчеты в экономической политике Н. С. Хрущева привели к ухудшению экономического положения в СССР, а значит, и к снижению степени надежности защиты КНДР со стороны Советского Союза.

С трибуны очередного пленума ЦК ТПК Северная Корея объявила о новом курсе в развитии обороны и экономики.

§ 2. Курс на параллельное строительство экономики и обороны

V пленум ЦК ТПК 4-го созыва проходил с 10 по 14 декабря 1962 г. На этом пленуме был принят новый курс на параллельное ведение экономического и оборонного строительства и установление общенародной системы обороны. С трибуны V пленума Ким Ирсен заявил, что отныне граждане КНДР должны держать «в одной руке ружье, а в другой — серп или молот».

В новой политике, имевшей целью укрепить и обеспечить оборону КНДР и ее самостоятельность, были определены четыре основных направления.

Во-первых, «превращение всей армии в кадровую» (*чонгун-ый канбухва*), т. е. путем политического и профессионального образования повышать уровень профессионализма в армии, начиная с рядового состава и заканчивая генералитетом, так, чтобы в экстренном случае каждый военнослужащий мог исполнять функции на уровень выше, чем ему полагается по его формальному служебному положению.

Во-вторых, «модернизация всей армии» (*чонгун-ый хёндэхва*). Иными словами, необходимо было модернизировать вооружение и амуницию Корейской Народной Армии в соответствии с современными требованиями, но сделать это следовало на основе *собственной* оборонной промышленности. Последнее являлось одной из важнейших составляющих новой политики параллельного ведения экономического и оборонного строительства и реализовывалось на протяжении всего периода 1960-х годов.

В-третьих, «вооружение всего народа» (*чонинмин-ый мучжанхва*). Согласно этому направлению новой северокорейской политики в сфере обороны, следовало сосредоточить особое внимание на военной подготовке и тренировке не только военнослужащих, но и всего населения страны. Особые требования предъявлялись к руководящим работникам и членам партии, которые должны были быть хорошо знакомы с военным делом. На заводах и в сельскохозяйственных кооперативах необходимо было создавать народное ополчение, которое в случае необходимости способно самостоятельно защитить свое предприятие или деревню. Стали регулярными общегосударственные учения по гражданской обороне, которые в КНДР проводились, как правило, два раза в год — в марте и октябре.

Четвертой составляющей новой военной политики КНДР стало так называемое «превращение всей страны в крепость» (*чонгуг-ый ёсэхва*). Суть ее заключалась в том, что всевозможные оборонительные сооружения предполагалось строить не только у границ, вблизи возможной линии фронта, но и в тылу. Таким образом, вся страна должна была стать одной большой крепостью, окруженной «неприступной железной стеной». Особое внимание уделялось укреплению тыла и возможности быстрой перестройки всей жизни страны на военный лад.

Несмотря на то что V пленум ЦК ТПК 4-го созыва провозгласил курс на *равное* развитие (*пёнчжин носон*) экономики и обороны, в начале 1960-х годов приоритет отдавался всему связанному с обороной. В 1965 г. в связи с полномасштабным вступлением США в войну

во Вьетнаме ситуация в Восточной Азии стала еще более напряженной: с одной стороны, началась отправка южнокорейских войск во Вьетнам, а с другой — значительно увеличилась американская военная помощь Республике Корея.

В 1965 г. Советский Союз решил поддержать северокорейский курс на укрепление обороны и выделил для этих целей кредит. Сумма кредита и условия его погашения в доступной литературе, изданной в 1980-е годы, не обозначаются.

Но, очевидно, КНДР не хватало сил и средств для того, чтобы, интенсивными темпами развивая оборону и оборонную промышленность, поддерживать высокие темпы развития всей экономики в целом. В рядах ТПК появилась оппозиция во главе с Пак Кымчхольем, предлагавшая пересмотреть государственную политику в сторону сокращения затрат на оборону и достижения большей пропорциональности в соотношении между тяжелой и легкой промышленностью. Пак Кымчхоль также утверждал, что в условиях относительно высокого уровня развития нельзя постоянно ставить задачи достижения более высоких темпов роста.

Для того чтобы решить вопросы, связанные с невыполнением по ряду показателей плана семилетнего экономического развития, а также для борьбы с оппозицией в рядах партии, была созвана внеочередная Конференция ТПК, проходившая с 5 по 12 октября 1966 г.

В первый день работы Конференции Ким Ирсен выступил с докладом «Современное положение и задачи нашей партии». В первой части доклада, рассматривая международное положение, он доказывал необходимость борьбы за мир, «против агрессии и войны империализма», тем самым иллюстрируя правильность взятого курса на параллельное развитие обороны и экономики. В той же части доклада объявлялось о непринятии критики ТПК со стороны ряда коммунистических и рабочих партий мира и о том, что ТПК продолжит курс на самостоятельность и независимость. В докладе подвергся осуждению внутрипартийный фракционизм.

Таким образом, Конференция ТПК в очередной раз подтвердила приверженность курсу равного развития экономики и обороны, о чем было прямо заявлено во второй части доклада Ким Ирсена. В ходе работы Конференции «фракционер» Пак Кымчхоль и его сторонники были объявлены «пассивным элементом» в партии. Вместе с тем в связи с экономическими трудностями, обусловленными концентрацией сил в оборонной сфере, Конференция приняла решение отложить выполнение плана первой семилетки (1961–1967) до 1970 г.

В западной и южнокорейской историографии северокорейский курс, направленный на усиление оборонного строительства, нередко оценивается весьма негативно в контексте так называемой «угрозы с севера», т. е. «военной угрозы» КНДР. И здесь хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь. На протяжении предшествующих полутора столетий корейской истории страна постоянно оказывалась в экономической и политической зависимости от окружавших ее держав, главным образом Японии и Китая. Одной из важнейших причин этого были слабые вооруженные силы Кореи. Понимавшие это корейские монархи, в особенности король (а впоследствии Император) Кочжон, прилагали немало усилий для создания собственной модернизированной корейской армии. Однако их усилия не увенчались успехом. Постепенная передислокация на территорию Кореи более сильных и многочисленных японских войск привела в итоге к колонизации Кореи Японией. Как показывал исторический опыт, для Кореи, окруженной такими могучими в военном отношении державами, как СССР, Китай, США (военные базы в Южной Корее и Японии), для сохранения независимости не было иного пути, кроме усиления армии. В то же время независимость страны была давним чаянием всего корейского народа, который, возможно, для реализации заветной мечты мог пойти на известные материальные лишения.

I сессия Верховного народного собрания КНДР 4-го созыва еще раз подтвердила курс на самостоятельное независимое развитие и укрепление национальной обороны. На сессии 16 декабря 1967 г. Ким Ирсен выступил с докладом «Еще последовательнее воплотим революционный дух независимости, самостоятельности и самообороны во всех областях государственной деятельности». В докладе была обозначена Политическая программа правительства КНДР из 10 пунктов¹⁰⁶, четко обозначившая *чучхейскую* (особую, самостоятельную) линию развития Северной Кореи.

Несмотря на трехлетнюю отсрочку семилетнего плана, к 1970 г. КНДР достигла достаточно высоких показателей экономического роста (согласно цифрам официальной статистики). Очевидно, немалую роль в этом сыграла помощь Советского Союза. За несколько месяцев до проведения Конференции ТПК, в июне 1966 г., СССР выделил Северной Корее кредит в 160 млн рублей на строительство народнохозяйственных объектов сроком на 10 лет из расчета

¹⁰⁶ Ким Ир Сен. О чучхе в нашей революции. Т. 2. Пхеньян, 1975. С. 34–110.

2 % годовых. Действительно, 1967 год показал самые высокие темпы прироста производства промышленной продукции — 17 %, вместо запланированных 12 %. Северокорейская историография, правда, связывает этот факт не с советской помощью, а с выступлением Ким Ирсена на XVI пленуме ЦК ТПК 4-го созыва в июле 1967 г., в котором он призвал «распространить пламя революционного подъема, зажженного [на машиностроительном заводе] в Рёнсоне», по всей стране. За период с 1960 по 1970 г. промышленное производство выросло в 3,3 раза при среднегодовом приросте продукции в 12,8 %. В 4 раза возросла степень электрифицированности железных дорог. Производство риса и кукурузы за указанное десятилетие выросло в 1,56 раз. Доля промышленной продукции в ВВП составляла уже 74 %. Для сравнения: в 1956 г. доля промышленной продукции не превышала 34 %.

Между тем именно в годы первой семилетки в экономике КНДР появились первые признаки стагнации. К 1970 г. по сравнению с 1960 г. доходы крестьян увеличились не в 2 раза, как было запланировано, а в 1,8 раза; программа жилищного строительства была выполнена только на 66,7 %. Для того чтобы итоги продленной на три года семилетки выглядели более внушительными, основные показатели экономического развития сопоставлялись с 1956 или 1957 г. как годом начала индустриализации страны.

В 1960-е годы в КНДР получила дальнейшее развитие «теория трех революций» — идеологической, технической и культурной, а также идеи *чучхе* (т. е. самостоятельного и независимого развития). Именно в 1960-е годы — начале 1970-х годов появились знаменитые северокорейские «революционные оперы» — «Цветочница» («*Ккот пха-нын чхонё*») и «Море крови» («*Пхи пада*»)¹⁰⁷, в которых раскрывалась история «революционной борьбы корейского народа» в годы японской колонизации Кореи и доказывалась легитимность образования и существования КНДР.

Очередной съезд ТПК, назначенный на 1970 г., должен был подвести итоги непростого для КНДР десятилетия, которое ознаменовалось и успехами, и трудностями в экономике, предоставило КНДР большую независимость в обороне, но в то же время отдалило Се-

¹⁰⁷ Согласно официальной северокорейской историографии, указанные пьесы были поставлены еще в годы антияпонской борьбы. «Море крови» как революционная опера впервые была исполнена 7 июля 1971 г. и состояла из 7 действий (цифра 7 на Дальнем Востоке ассоциируется с созвездием Большой Медведицы и является одним из знаков-благопожеланий счастья и удачи).

верную Корею от СССР и стран Восточной Европы. КНДР, руководимая Ким Ирсеном, неуклонно шла по своему особому, восточному, пути развития.

§ 3. V съезд Трудовой партии Кореи, Конституция КНДР 1972 года и построение социализма

V съезд ТПК проходил со 2 по 13 ноября 1970 г. К этому времени в ТПК уже были разгромлены основные оппозиционные группировки, и съезд единогласно принимал ту линию, которую выдвигал Ким Ирсен. В работе съезда приняли участие более 3000 делегатов. 2 ноября Ким Ирсен выступил с отчетным докладом, в котором констатировал, что КНДР осуществила задачу превращения страны в социалистическое индустриальное государство и успешно создана система всенародной государственной обороны. Тем не менее съезд подтвердил курс на дальнейшее укрепление оборонной мощи страны, которая должна была не только отстаивать собственную независимость, но и защищать «восточный форпост социализма» в целом.

На съезде были утверждены основные направления нового шестилетнего плана экономического развития (1971–1976). Несмотря на экономические трудности предшествовавшего десятилетия, обусловленные большими затратами сил и средств на оборону страны, в новой шестилетке также предусматривались высокие темпы роста валовой продукции национальной промышленности: 14 % в год при общем увеличении объемов в 2,2 раза.

В настоящее время трудно оценивать принятые на съезде решения в связи с комплексной неизученностью истории КНДР. Например, экономические отношения с СССР и странами Восточной Европы во второй половине 1960-х годов, несмотря на некоторый рост статистических показателей, отличались нестабильностью и носили характер главным образом односторонней помощи КНДР. Однако именно в это время КНДР установила торговые отношения с Францией, Австрией, Финляндией и другими странами Западной Европы. Важнейшим внешнеторговым партнером КНДР была Япония, прежде всего благодаря связям с ассоциацией корейских соотечественников в Японии (*Чхонпрён*). Таким образом, говоря о строительстве социализма и союзе с братскими рабочими партиями, руководство КНДР на деле не всегда заботилось о выполнении взятых на себя обязательств перед восточноевропейскими партнерами и одно-

временно стремилось завязать более тесные контакты с Западной Европой¹⁰⁸. Возможно, руководство КНДР планировало, расширив в 1970-е годы контакты с Западом (что в действительности и произошло), с помощью новейших технологий и оборудования, а также мобилизации сил корейского народа достигнуть новых высот в экономике.

V съезд ТПК выдвинул новый курс «трех технических революций» (*самдэ кисуль хёнмён*), которые должны были обеспечить: 1) ликвидацию различий между легким и тяжелым трудом; 2) стирание различий между трудом в промышленности и трудом в сельском хозяйстве; 3) движение технического творчества за освобождение женщины от домашнего труда. В условиях, когда плоды успешной индустриализации страны не столь заметно отражались на качестве повседневной жизни, требовалось создание новых лозунгов и теорий развития, которые могли бы побудить народ Северной Кореи к продолжению напряженного труда, за который не обещали больших материальных стимулов.

Поэтому на съезде особое внимание было уделено дальнейшему усилению идеологической работы с населением, «революционизированию» всего общества и преобразованию его «по образцу рабочего класса», одной из главных черт которого объявлялся коллективизм (который, в свою очередь, был важнейшим составным элементом общественной жизни традиционной Кореи).

Одной из задач ближайшего будущего определялось равномерное повышение благосостояния народа, планировалось также ввести обязательное бесплатное 11-летнее образование (с июля 1972 г.).

Съезд единодушно избрал Ким Ирсена генеральным секретарем ЦК ТПК.

Таким образом, к началу 1970-х годов в КНДР стабилизировалась власть, была окончательно ликвидирована основная оппозиция в ТПК, экономика страны достигла относительно высокого уровня, и ее развитие стало во многом предсказуемым. В идеологии и политике страна выработала особую *националистическую* независимую (*чуждейскую*) линию развития. Кроме того, 1971–1972 гг. ознаменовались значительными успехами в межкорейском диалоге. 20 сентября 1971 г. впервые за всю историю Кореи в Пханмунчжоме, пограничном пункте на демаркационной линии, начались переговоры

¹⁰⁸ Подробнее см.: Бажанова Н. Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993.

по линии Красного Креста. 4 июля 1972 г. было принято Совместное заявление Юга и Севера, открывавшее новые перспективы на пути объединения Кореи.

Этот новый рубеж в развитии Корейской Народно-Демократической Республики был зафиксирован в **новой Конституции 1972 г.** Она была принята 27 декабря 1972 г. на I сессии Верховного народного собрания 5-го созыва (одновременно с новой южнокорейской Конституцией реформ *юсин*). Это была вторая после принятой 8 сентября 1948 г. Конституция КНДР. Она заметно отличалась от предшествующей, прежде всего особой *чучхейской* направленностью.

Официально изданный текст Конституции начинался с портрета Ким Ирсена. Статья 1 первой главы «Политика» провозглашала КНДР социалистическим государством. Статья 3 объясняла образование КНДР как итог революционной борьбы корейского народа против империалистических агрессоров, т. е. против Японии в 1920–1940-е годы и США в 1950-е годы. Таким образом, на уровне Конституции отрицалась связь образования КНДР под влиянием или с помощью СССР.

Статья 4 объявляла идеи *чучхе* ТПК руководящими для КНДР. Несмотря на то что Конституция 1972 г. указывала на связь идей *чучхе* с марксизмом-ленинизмом, главным было закрепление на уровне Основного закона страны *особой корейской* сущности установленного социализма. Власть в стране принадлежала рабочим, крестьянам, солдатам и трудовой интеллигенции. Северокорейская политика, направленная на приоритетное развитие обороны страны, увеличение количества личного состава армии, делала военнослужащих особо значимой категорией населения. Указание на роль интеллигенции также должно было продемонстрировать особый, корейский, путь развития, в котором отразилось традиционное уважение к знаниям и учености. Кроме того, в тексте новой Конституции в качестве *закона* были зафиксированы такие реалии Северной Кореи, как движение *Чхольлима* (ст. 13), «дух и метод Чхонсанри» (ст. 13), Тэанский метод работы (ст. 30), «три технические революции» (ст. 25). Граждане КНДР также были обязаны проявлять во всем «дух коллективизма» (ст. 68).

Одной из важнейших задач государства оставалось «мирное объединение Родины» (ст. 5).

Из новой Конституции 1972 г. исчезли положения о частной собственности. Теперь вся собственность в КНДР могла быть либо го-

сударственной, либо кооперативной, либо личной. Не было теперь в Северной Корее и налогов (ст. 33).

Глава VI Конституции «Президент» окончательно оформила полновластие одной личности в КНДР: президент КНДР «являлся главой государства и представлял государственную власть» (ст. 89), избирался Верховным Народным Собранием сроком на четыре года (ст. 90), являлся Верховным Главнокомандующим всеми Вооруженными силами КНДР (ст. 93). Нигде в Конституции не оговаривалась процедура снятия с должности президента. Кроме того, в прямом подчинении у него находился Центральный Народный Комитет — новый «высший руководящий орган государственной власти» (ст. 91 и гл. VII), находившийся вне Верховного Народного Собрания¹⁰⁹) и контролировавший Административный совет (кабинет министров) КНДР.

Таким образом, если Конституция КНДР 1948 г. была выдержана в «нейтральном стиле» и следовала общемировой традиции составления подобных документов, воспринятой на примере Советского Союза, то Конституция КНДР 1972 г. не только законодательно закрепила социалистический характер государства (что совсем не означало утверждения о *построении* социализма), но и обозначила исконно национальный, восточный, характер государства и пути его развития.

Глава 13. КНДР В 1970–1980-х ГОДАХ: «БОРЬБА ЗА ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА». КНДР ПЕРЕД КОМПЛЕКСОМ ПРОБЛЕМ

История Северной Кореи последней четверти XX столетия описана в отечественной исторической литературе, пожалуй, наименее подробно. Выше уже упоминался ряд специальных работ, главным образом статей, раскрывающих отдельные аспекты истории КНДР. Однако комплексного исследования, в котором представлялась бы общая картина развития событий, пока нет. Отчасти это объясня-

---

¹⁰⁹ Формально члены Центрального Народного Комитета «избирались» Верховным Народным Собранием *по представлению* Президента КНДР (ст. 76.4 Конституции). Центральный Народный Комитет также был «ответствен» перед ВНС в своей деятельности (ст. 106).

ется трудностью в определении тех или иных исторических оценок, поскольку и в начале XXI столетия все еще неясно, какой путь дальнейшего развития изберет КНДР.

Северокорейская историография 1990-х годов в описании указанного исторического периода делает акцент главным образом на успехах и достижениях корейского народа и обходит молчанием некоторые важные моменты. Например, известно, что в КНДР принимались шестилетний план экономического развития на 1971–1976 гг. и два семилетних плана на 1978–1984 и 1987–1993 гг. Однако современная историография КНДР не объясняет причин перерывов между этими планами в 1977 и 1985–1986 гг. В южнокорейских работах они именуются «подготовительными периодами»¹¹⁰.

В Южной Корее выходит большое количество изданий, описывающих самые различные аспекты современной жизни КНДР. Возглавляет эту работу Институт Северной Кореи (*Пукхан ёнгу*со), издающий, в частности, ежемесячный журнал «Северная Корея» (*Пукхан*). Южнокорейское агентство новостей «Ёнхап ньюсы» публикует ежемесячные информационные бюллетени по Северной Корее, в которых приводятся выдержки из газет и других средств массовой информации КНДР.

§ 1. Новая политика мобилизации народа

Итак, после завершения V съезда ТПК Северная Корея начала готовиться к выполнению шестилетнего плана экономического развития 1971–1976 гг. Согласно северокорейским официальным данным, план был успешно выполнен. Среднегодовой прирост промышленной продукции составлял около 16,3 %, а валовой объем промышленной продукции вырос к 1976 г. в 2,5 раза по сравнению с 1970 г.

В условиях северокорейской критики «ревизионизма» в коммунистическом движении, т. е. идеологической критики СССР и стран Восточной Европы и, как следствие, вынужденного охлаждения отношений с этими странами, оказывавшими ранее большую материально-техническую помощь, для выполнения заданий шестилетнего плана руководству КНДР пришлось искать новые пути мобилизации трудовых ресурсов народа Северной Кореи.

В феврале 1973 г. на расширенном заседании Политического комитета ЦК ТПК Ким Ирсен предложил организовывать из молодых

¹¹⁰ Хангук кын-хёндэса сачжон (Энциклопедия новой и новейшей истории Кореи) 1860–1990. Сеул, 1990. С. 538.

партийных работников так называемые «группы трех революций» (*самдэ хёнмён сочжосэ*) и посылать их на важные промышленные предприятия и в сельскохозяйственные кооперативы, для того чтобы эти группы, выполняя роль руководителей, «вооружали» трудящиеся массы идеями *чучхе* и способствовали развитию «трех революций» (идеологической, технической и культурной).

«Группы трех революций» состояли обычно из 20–30 человек. В их задачи входили борьба с консерватизмом, бюрократизмом и чрезмерной опорой на опыт старых руководящих кадров, а также внедрение новой техники и методов работы на местах. Деятельность таких групп должна была перерасти в общегосударственное движение, руководство которым осуществлялось непосредственно из ЦК ТПК.

Таким образом, с развертыванием «движения групп трех революций» в КНДР началась постепенная замена старых руководящих кадров на молодые, которые, впоследствии став сторонниками Ким Ченира (сына Ким Ирсена) как лидера молодежи, смогли бы быть его надежной опорой в будущем, когда власть в стране перейдет к нему.

В 1974 г. было заявлено о том, что Ким Ченир является официальным преемником Ким Ирсена. Это было сделано с трибуны исторического VIII пленума ЦК ТПК 5-го созыва, открывшегося в Пхеньяне 11 февраля. Ким Чениру, родившемуся 16 февраля 1942 г.¹¹¹, в ту пору было всего 32 года. Формально основанием для избрания Ким Ченира в качестве продолжателя «*чучхейского* дела» Ким Ирсена были не его близкие родственные отношения, а то, что именно Ким Ченир оказался единственным из всех, кто смог правильно понять «великое дело» вождя.

Помимо определения будущего преемника Ким Ирсена, VIII пленум ЦК ТПК принял ряд важнейших решений. С трибуны пленума было объявлено о полной отмене налоговой системы в стране. Подобное решение должно было стать еще одной вехой на пути успешного построения социализма, улучшить жизнь народа. КНДР с гордостью объявила всему миру, что стала первой в мире страной без налогов.

¹¹¹ Официальная северокорейская историография утверждает, что Ким Ченир родился в тайном лагере антияпонских партизан в горах Пэктусан. Согласно современной российской, южнокорейской и западной историографии, Ким Ченир родился в Советском Союзе, в селении Вятск неподалеку от Хабаровска, в то время, когда Ким Ирсен служил в 88-й отдельной стрелковой бригаде, и после рождения кроме корейского ему также было дано русское имя Юрий.

Одновременно был принят курс на «грандиозное социалистическое строительство» (*сахвечжжуй тэ консоль*). Для его успешной реализации требовалось найти новые пути мобилизации народа, а также привлечения новых технологий и финансовой помощи из-за рубежа. Решением задач первой группы — мобилизации населения — занялся лично Ким Ченир. Ким Ирсен, прежде чем стать высшим руководителем страны, проявил себя в годы японской колонизации Кореи и в годы Корейской войны как мужественный борец за независимость страны. Для того чтобы молодой Ким Ченир смог в будущем стать полноправным лидером, ему также требовалось «заработать» это право в глазах народа. Поэтому с середины 1970-х годов Ким Ченир начал активно заниматься теоретической разработкой идей *чучхе* и мобилизацией народных масс на трудовые подвиги.

Сразу после VIII пленума ЦК ТПК, 19 февраля 1974 г., Ким Ченир в своей речи на Общереспубликанском семинаре партийных работников провозгласил «преобразование всего общества на основе идей *чучхе*» (*он сахве чучхе сасанхва*) как программу-максимум ТПК. Вслед за этим в рамках новой программы в КНДР началось массовое идеологическое обучение народа. Повсеместно были созданы вечерние, а также производственные курсы по изучению идей *чучхе*. По всей стране появились музеи Ким Ирсена, рассказывавшие как о его антияпонской борьбе и революционной деятельности в целом, так и о конкретных делах вождя в той местности, где был построен музей. Кроме того, постепенно стали появляться центры изучения «революционных идей» Ким Ченира.

Однако простого изучения идей *чучхе* оказалось явно недостаточно для того, чтобы максимально мобилизовать народ Северной Кореи. Требовалось создать такую атмосферу, в которой были бы оправданы непростые условия жизни, постоянные испытания. А что может лучше оправдать все лишения, как не война? С середины 1970-х годов руководство страны стало управлять экономической жизнью общества, сравнивая трудовую деятельность граждан с боевыми действиями.

В феврале 1974 г. Ким Ченир наметил курс на ведение «скоростного боя» (*сокточжжон*) в социалистическом строительстве. С этого времени экономическое строительство стало превращаться в подобие некоей большой боевой операции или даже «войны» в экономике страны. Говорилось о том, что трудящимся необходимо «брать высоты», скажем, в добыче 100 млн тонн угля, или в производстве 5 млн тонн цемента, или 1 млн тонн цветных металлов. Подобные «высо-

ты» вошли затем как составная часть в «десять крупнейших задач строительства социалистической экономики». Для решения указанных задач требовалось открыть «пять фронтов»: «фронт капитального строительства», «фронт промышленности», «фронт сельского хозяйства», «фронт транспорта» и «фронт рыбной промышленности». На этих «фронтах» как раз и следовало «сражаться» методом «скоростного боя». Для большей эффективности «скоростных боев» в Северной Корее время от времени объявлялись так называемые «70-дневные бои», «100-дневные бои», «200-дневные бои»¹¹² для выполнения какой-либо конкретно поставленной задачи. Благодаря этому в стране должна была создаваться постоянная атмосфера экстремального напряжения сил.

С декабря 1975 г. в КНДР было развернуто очередное новое «движение за обладание красным знаменем трех революций», которое было объявлено продолжением движения *Чхоллима*, только уже на новом этапе борьбы за полное и окончательное построение социализма. Целями движения были обозначены усиление идейного подъема, духа технического творчества и повышение культурного уровня.

Между тем руководство КНДР, очевидно, понимало, что в условиях непростых отношений с СССР и странами Восточной Европы, т. е. при вынужденной частичной самоизоляции, достигнуть каких-либо экономических успехов, опираясь только на энтузиазм народа, вряд ли было возможно. Поэтому в середине 1970-х годов оно прилагало немалые усилия для развития экономических и дипломатических отношений со странами Западной Европы.

Начиная с 1970 г. стал стремительно расти товарооборот КНДР с рядом развитых стран Западной Европы, а также с Японией, достигнув максимума с последней в 1974 г. (634 млн рублей по курсу 1974 г.). Одновременно продолжился процесс нормализации дипломатических отношений. В 1973 г. были установлены отношения со Швецией, Норвегией, Данией, Финляндией, в 1974 г. — с Австралией, Австрией и Швейцарией. С теми странами, с которыми не удавалось установить дипломатические отношения, нередко создавались совместные торговые организации. Например, в 1973 г. был образован Торговый совет Великобритании — КНДР. Почти половина товарооборота КНДР с капиталистическими странами приходилась на долю Японии. Как отмечается в отечественной литературе, причина

¹¹² В северокорейской русскоязычной литературе подобные «70-дневные (и т. п.) бои» именуются достаточно мягко как «70-дневная (и т. п.) трудовая вахта».

такого повышенного интереса Северной Кореи к сотрудничеству с развитыми западными странами заключалась, с одной стороны, в ее желании не отставать от Южной Кореи, для которой активные отношения с Западным миром стали одной из важнейших составляющих ее экономического успеха; с другой — в понимании того, что страны Восточной Европы были не в состоянии предоставлять современное, построенное по новейшему слову техники оборудование¹¹³.

Однако из-за невозможности соблюдения КНДР взятых на себя обязательств, по причине недостаточно высокого уровня развития экономики уже в 1975 г. произошло резкое сокращение ее торговых связей с Западной Европой, продолжавшееся вплоть до 1977 г.

В это непростое для КНДР время, в 1976 г., Советский Союз заключил с Северной Кореей ряд соглашений, по которым ей предполагалось выделить кредиты на реконструкцию металлургического завода им. Ким Чхэка, строительство Чхончжинской ТЭЦ и ряда других народнохозяйственных объектов, а также кредит на покрытие причитавшихся СССР платежей — всего на сумму более 500 млн рублей.

С 1978 г. КНДР снова смогла добиться увеличения товарооборота со странами Запада и к 1980 г. довела его до уровня показателей 1974 г. — лучшего в торговле с Западом.

К очередному VI съезду ТПК Северная Корея подошла в атмосфере разворачивания экономических «боев» и «фронтов» и попытками вырваться из обусловленной политикой «самостоятельности» изоляции через налаживание «нестандартных» контактов.

§ 2. VI съезд Трудовой партии Кореи.

Попытка «открытия» северокорейского общества в 1980-е годы

VI съезд ТПК проходил с 10 по 14 октября 1980 г. Как и на предшествующем съезде, в его работе участвовало около 3000 делегатов. Программа VI съезда ТПК также была достаточно ordinарной: отчетный доклад ЦК ТПК, отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии, избрание руководящих органов ТПК. Кроме того, на съезде рассматривался новый устав партии.

В отчетном докладе Ким Ирсен подтвердил, что «генеральной задачей корейской революции» является «преобразование всего об-

¹¹³ Бажанова Н. Е. Внешнеэкономические связи КНДР. С. 155.

щества на основе идей *чучхе*. Основными направлениями экономического развития были определены: большая самостоятельность (*чучхе*), модернизация экономики и более активное использование достижений науки. В социалистическом строительстве была поставлена задача создания материально-технической базы полностью победившего социализма и достижения значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа.

Таким образом, ничего коренным образом отличного по сравнению с той политикой, которую КНДР проводила в предшествующее десятилетие, на съезде обозначено не было. Однако особую важность решениям VI съезда ТПК придала четкая формулировка Ким Ирсеном северокорейской политики объединения страны. В принципе, план объединения, предложенный Ким Ирсеном, появился в КНДР еще в начале 1960-х годов: создать будущее единое демократическое государство на конфедеративной основе и дать ему «нейтральное» название Корё¹¹⁴ (Демократическая Конфедеративная Республика Корё — ДКРК). VI съезд ТПК выдвинул проект образования ДКРК как единственно правильный и единственно возможный путь объединения Корейского полуострова.

На пост Генерального секретаря ЦК ТПК съезд снова избрал Ким Ирсена и еще раз подтвердил, что Ким Ченир является его официальным преемником. По итогам выборов Ким Ченир вошел в руководящий состав ТПК, став пятым по значимости членом Исполнительного комитета. На съезде был также принят новый устав партии, особенности которого в исторической литературе, по крайней мере до самого последнего времени, специально не рассматривались.

Сразу после завершения съезда Ким Ирсен призвал «на всех фронтах социалистического строительства» развернуть «движение за создание темпов [развития] 1980-х годов». В октябре 1981 г. состоялся IV пленум ЦК ТПК 6-го созыва, на котором были поставлены конкретные задачи экономического строительства. Одной из них было строительство «Западноморского шлюза»¹¹⁵ в устье реки Тэдонган у порта Нампхо, который, перекрыв устье, должен был сделать

¹¹⁴ Как отмечалось в предшествующих главах монографии, Северная Корея именует себя по названию самого древнего корейского государства *Чосон*, т.е. «Утренняя Свежесть», а Южная Корея — *Тэхан* — «Великая Хан», по названию первой и единственной Корейской Империи, провозглашенной государем Кочжоном в 1897 г.

¹¹⁵ В Северной Корее Желтое море называют Западно-Корейским морем (*Чосон сохэ*).

реку более полноводной и обеспечить лучшие условия орошения в ее нижнем течении. Иногда этот шлюз называют «Нампхоской плотиной».

В 1981 г. впервые за пять лет Советский Союз подписал с КНДР соглашение о погашении части задолженностей Северной Кореи. Для выполнения задач, поставленных съездом, а также завершения второго семилетнего плана (1978–1984) были мобилизованы все возможные силы. Согласно официальным северокорейским данным, за годы семилетки валовая промышленная продукция выросла в 2,2 раза, а ежегодные темпы прироста промышленного производства составили 12,2 %.

В начале 1980-х годов в Северной Корее развернулось грандиозное строительство. К 70-летию юбилею Ким Ирсена, к 15 апреля 1982 г., в Пхеньяне были построены такие монументальные сооружения, как Народный дворец учебы (центральная государственная библиотека), Монумент идеям *чучхе*, Триумфальная арка (в честь антияпонских партизан, «освободивших Родину» под руководством Ким Ирсена), Стадион им. Ким Ирсена, Водно-спортивный комплекс *Чхангванвон*, Пхеньянский родильный дом. 24 июля 1986 г. была успешно сдана в эксплуатацию восьмikiлометровая Нампхоская плотина.

В 1985 г. руководство КНДР начало проводить активную работу по объединению предприятий в управляемые из единого центра структуры. (Возможно, подобной политикой руководство КНДР пыталось внедрить положительный опыт южнокорейских крупных финансово-промышленных корпораций *чэболь*.)

Вообще, середина 1980-х годов ознаменовалась в КНДР попыткой более внимательно присмотреться к зарубежному опыту и сделать страну более открытой внешнему миру.

С 16 мая по 1 июля 1984 г., впервые за 23 года **Ким Ирсен** нанес **официальный визит в СССР**, а также в страны Восточной Европы — Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию, Югославию, Болгарию, Румынию. В свое восточноевропейское турне Ким Ирсен отправился на спецпоезде, выехав из Пхеньяна 16 мая и посетив по дороге ряд городов (Красноярск, Свердловск и др.). Московская часть визита Ким Ирсена проходила с 23 по 25 мая 1984 г. 24 мая в Кремле прошли переговоры с Генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко. Как отмечается в отечественной исторической литературе, визит Ким Ирсена укрепил традиционные отношения дружбы и сотрудничества между СССР и КНДР. О каком-либо особом

Центральная часть Пхеньяна в конце 1980-х годов

значении указанного визита для развития Северной Кореи или советско-корейских отношений также не упоминается.

Очевидно, немалое влияние на Ким Ирсена оказала поездка в Восточную Европу, опережавшую СССР на пути реформ. По возвращении из поездки на очередной сессии Постоянного совета Верховного Народного Собрания был окончательно выработан и 8 сентября 1984 г. принят «Закон КНДР о совместном предпринимательстве». Закон был рассчитан прежде всего на привлечение западного капитала и технологий. Считается, что на принятие Закона определенное влияние оказал опыт Китайской Народной Республики по привлечению иностранного капитала. В октябре 1984 г. был опубликован проект «Совместного предприятия № 1», которое должно было создаваться вместе с французской фирмой «Бернар констрактинг» для строительства нового отеля на речном острове Янгакакто в Пхеньяне. Однако в связи с большой внешней задолженностью, а также пугавшей иностранных партнеров *чужейской* («самостоятельной») идеологией и отсутствием реальных гарантий большого притока капиталов из-за рубежа не было. Вместе с тем сам факт готовности более тесного сотрудничества с Западом в рамках правил рыночной экономики был весьма показателен.

Если раньше, вплоть до начала 1980-х годов, Ким Ирсен всегда носил френч, который должен был символизировать приверженность «истинным традициям» коммунистического и рабочего движения (1940–1950-х годов), то после поездки в Восточную Европу, с июля 1984 г., он стал носить классический костюм-двойку и уже никогда не возвращался к френчу. Казалось, в стране в скором будущем должны были наступить перемены.

В марте 1985 г. в СССР новым Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, начавший постепенно проводить курс на реформирование советского общества. Для встречи с новым руководителем КПСС **в 1986 г. Ким Ирсен совершил официальный визит, продолжавшийся с 22 по 26 октября**. На этот раз Ким Ирсен, уже хорошо знакомый с новыми советскими реалиями, отправился в Москву не на поезде, а на самолете¹¹⁶. На переговорах была констатирована необходимость «поднятия советско-корейского сотрудничества на новую ступень во всех сферах жизни».

Завершив в 1984 г. второй семилетний план, Северная Корея готовилась к принятию следующего, третьего, семилетнего плана 1987–1993 гг., для выполнения которого следовало изыскивать новые ресурсы.

В начале октября 1986 г., перед поездкой Ким Ирсена в Москву, Пхеньян с официальным визитом посетил Председатель Китайской Народной Республики Ли Сяньнянь. Тогда же официальный визит в Северную Корею нанес руководитель ГДР Эрих Хонеккер.

Очевидно, во второй половине 1980-х годов КНДР решила активизировать контакты с СССР, странами Восточной Европы и Китаем. Если в 1970-е годы в руководстве КНДР существовало мнение о том, что только западные страны могут снабдить КНДР передовыми технологиями, то реалии 1980-х продемонстрировали, что Северной Корее есть что приобрести и у восточноевропейских партнеров. Новая внешняя политика не замедлила сказаться на внешнеторговых связях: например, в 1985 г. импорт советских машин и оборудования вырос в 2 раза по сравнению с 1982 г.

---

¹¹⁶ В связи с официальным визитом руководителя КНДР Ким Ченира в Российскую Федерацию 26 июля — 18 августа 2001 г. некоторые российские средства массовой информации объясняли выбор Ким Чениром поезда как средства передвижения исключительно нелюбовью к самолетам, «подобно его отцу», Ким Ирсену. Визит Ким Ирсена в Москву в 1986 г. наглядно доказывает отсутствие «нелюбви» или «боязни» воздушных транспортных средств.

Помимо восстановления более тесных отношений со странами Восточной Европы, не менее активной была политика Ким Ирсена в межкорейском диалоге. 8 сентября 1984 г., впервые в истории отношений между двумя корейскими государствами, КНДР отправила в Республику Корея в качестве гуманитарной помощи партию риса в связи с неурожаем в южной части Корейского полуострова. Начались экономические межкорейские переговоры, и возобновились переговоры по линии Красного Креста. Они были временно прерваны 23 ноября 1984 г. вооруженным конфликтом на демаркационной линии в районе Пханмунчжона в связи с побегом в Южную Корею советского стажера.

Однако основные надежды на сближение с Югом Северная Корея, очевидно, возлагала на Сеульскую олимпиаду 1988 г. В 1986 г. в Швейцарии активизировались переговоры между представителями Севера и Юга о возможности совместного проведения 24-й Олимпиады. Не дожидаясь достижения соглашений по этому вопросу, в Пхеньяне развернулось грандиозное строительство микрорайона Кванбок («Возрождение»), который при необходимости мог выполнять функции Олимпийской деревни. Были построены новые жилые дома, и началось проектирование и частично строительство спортзалов для бадминтона, настольного тенниса, легкой атлетики. На острове Янгакто был выстроен новый футбольный стадион, а на острове Ныннадо в центре города — огромный стадион «1 Мая» на 150 тыс. мест. Кроме спортивных объектов было предусмотрено и осуществлено строительство ряда объектов культурного назначения. Предназначение проектировавшихся спортивных сооружений было однозначным: на рисунках, изображавших внешний вид спортивных объектов, присутствовала олимпийская символика. Одновременно были начаты работы по строительству скоростной автомагистрали Пхеньян — Кэсон, которая должна была соединить столицы Севера и Юга.

Несмотря на колоссальные усилия Северной Кореи, переговоры зашли в тупик. В самой Южной Корее было неспокойно в связи с народными выступлениями в июне 1987 г. против диктатуры Чон Духвана, за пересмотр Конституции Республики Корея. К тому же 29 ноября 1987 г. был взорван южнокорейский пассажирский самолет «Боинг-707», выполнявший рейс из Ирака в Сеул. Обе стороны обвинили друг друга в организации взрыва¹¹⁷, и межкорейский диа-

¹¹⁷ Южнокорейские власти утверждают, что взрыв якобы был организован девушкой — северокорейским «тайным агентом» по имени Ким Хёнхи по личному

лог снова прервался. Грандиозные сооружения спортивного и культурного назначения, казалось, остались невостребованными.

Однако с 1 по 8 июля 1989 г. в Пхеньяне планировалось провести 13-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В известной степени он должен был стать событием, подобным Сеульской олимпиаде, и показать всему миру новые достижения КНДР. В работе фестиваля приняли участие делегации из 179 стран мира. Помимо молодежных организаций, на фестивале присутствовали руководители ряда стран третьего мира, с которыми у КНДР традиционно существовали хорошие отношения. Среди почетных гостей были президент Республики Зимбабве, председатель Движения неприсоединения Р. Дж. Мугабе, а также ряд других высокопоставленных лиц. Проводились на фестивале и отдельные спортивные мероприятия, что в какой-то мере оправдало строительство грандиозных спортивных сооружений.

На 13-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов впервые за всю историю межкорейских отношений прибыла студентка из Южной Кореи Лим Сугён, представлявшая Национальную ассоциацию студентов Южной Кореи. Она находилась в КНДР до середины августа 1989 г., принимая участие в различных молодежных акциях, направленных на скорейшее объединение страны. 15 августа вместе с южнокорейским католическим священником Мун Гюхёном, который в то время также находился в КНДР, Лим Сугён вернулась на родину через пограничный пункт Пханмунчжом. Однако, поскольку она отправилась в КНДР, не получив на то предварительного согласия южнокорейских властей, то была арестована и по приговору суда осуждена на 5 лет принудительных работ за нарушение «Закона об охране безопасности государства».

Таким образом, к концу 1980-х годов КНДР пришла как страна более открытая и готовая к большей активизации отношений со странами Восточной Европы, Китаем и Южной Кореей. Несмотря на все коллизии в отношениях с Республикой Корея, в октябре 1989 г. возобновились межкорейские переговоры по линии Красного Креста, начались консультации по вопросу совместного участия Севера и Юга в 11-х Азиатских играх. **5–7 ноября 1989 г. Ким Ирсен посетил с неофициальным визитом Китайскую Народную**

приказу Ким Ченира. Ким Хёнхи была арестована и приговорена к смертной казни. Однако после указа о помиловании в апреле 1990 г. она была освобождена и... поступила на службу в южнокорейское Агентство планирования безопасности (бывшее южнокорейское ЦРУ).

Республику, где провел переговоры с «архитектором китайских реформ» Дэн Сяопином и Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем.

Налаживая все более тесные отношения с окружавшими КНДР странами, руководство Северной Кореи надеялось на успешное выполнение третьего семилетнего плана экономического развития, принятого на II сессии Верховного народного собрания 8-го созыва, которая проходила 21–23 апреля 1987 г. Новый план предусматривал увеличение объемов промышленного производства в 1,9 раза, а сельскохозяйственного — в 1,4 раза. Были запланированы достаточно высокие темпы экономического роста — 9,6 % в год. За годы третьей семилетки реальные доходы рабочих должны были увеличиться в 1,6, а крестьян — в 1,7 раза.

Однако в следующем десятилетии КНДР ожидали новые, еще более тяжелые испытания в связи с развалом Советского Союза и мировой системы социализма.

Глава 14. КНДР ПОСЛЕ РАСПАДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ И СМЕРТИ КИМ ИРСЕНА

Пхеньянский фестиваль молодежи и студентов был, пожалуй, последним крупным мероприятием, в котором «социалистический лагерь» выступил как единое целое. Вторая половина 1989 г. ознаменовалась началом распада мировой системы социализма. В октябре в Венгрии прекратила существование коммунистическая партия, и страна была объявлена демократической республикой. Тогда же вышел в отставку бессменный лидер ГДР Эрих Хонеккер. В ноябре была разрушена Берлинская стена. В том же месяце в Болгарии закончилось правление коммуниста «сталинского образца» Тодора Живкова, и власть в стране стала многопартийной. За Болгарией последовала Чехословакия. В декабре 1989 г. народ Румынии не просто сверг власть Николае Чаушеску, но и «приговорил» бывшего коммунистического президента страны к смертной казни. 12 июня 1990 г. был провозглашен государственный суверенитет России. 12 сентября 1990 г. в Москве министры иностранных дел стран-победительниц во Второй мировой войне, ФРГ и ГДР подписали договор, определявший порядок и сроки объединения Германии. 1 июля 1991 г. был

распущен Варшавский договор. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачев ушел в отставку.

В бывших странах социализма начался экономический кризис, вызванный перестройкой общественных политических и экономических институтов. СССР и страны Восточной Европы уже не могли оказывать КНДР безвозмездную помощь, как это было раньше. Они сами искали помощи. Кроме того, крушение коммунистических «режимов» в странах Восточной Европы и СССР вылилось в реакцию активного отторжения всего, что было связано с социализмом и коммунизмом. В результате в начале 1990-х годов КНДР не просто лишилась тесных связей со странами бывшего социалистического лагеря, но, казалось, обрела в их лице врагов. В северокорейской прессе новости о кризисе в бывших странах социализма теперь помещались в разделе новостей из недружественных стран капитализма.

В таких непростых условиях КНДР была вынуждена искать новых союзников и новые пути экономического и политического развития.

§ 1. Время испытаний и поиска новых путей

Одним из направлений поиска путей выхода из создавшегося положения стала активизация усилий для продолжения межкорейского диалога и налаживания сотрудничества с экономически развитым Югом. С лета 1990 г. начались встречи представителей общественных организаций Севера и Юга, а также межправительственные переговоры. В ходе пятого тура переговоров, 13 декабря 1991 г., в Сеуле было подписано «Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом». Шестой тур переговоров в Пхеньяне ознаменовался вступлением в силу «Совместной декларации о безъядерном статусе на Корейском полуострове».

Одновременно руководство КНДР попыталось расширить экономические связи со странами Запада и США. С 1993 г. в северо-восточной части провинции Северная Хамгён стала создаваться первая в КНДР Начжин-Сонбонская свободная экономическая зона. С США велись переговоры о возможности сотрудничества в области создания атомной энергетики КНДР. Соответствующий договор был подписан в 1994 г.

Однако большая часть промышленной базы КНДР была построена с помощью СССР и стран Восточной Европы. Оборудование постепенно устаревало и изнашивалось. Но самое главное — стало со-

кращаться поступление нефтепродуктов и других энергоносителей из России. Все большее число предприятий останавливалось. Итоги 1990 г. показали снижение уровня ВВП на 3,7 %, 1991 г. — на 5,1, 1992 г. — на 7,7, 1993 г. — на 4,2 %.

В 1992 г. в текст Конституции КНДР были внесены поправки, определившие место Северной Кореи в новом мире после распада социалистического лагеря и почти повсеместного крушения социализма, а также предоставлявшие гражданам страны несколько больше прав и свобод.

В условиях, когда КНДР еще не удалось установить новые эффективные экономические связи и перестроить свое собственное общество в соответствии с мировыми изменениями, 8 июля 1994 г. скончался основатель и бессменный руководитель страны, «солнце нации», «великий вождь» «товарищ» Ким Ирсен. Как утверждают современные северокорейские средства массовой информации, за день до своей кончины Ким Ирсен написал некий текст, в котором он призвал корейский народ прилагать все усилия для достижения мирного объединения Родины. Текст стал своеобразным завещанием вождя. Руководство страной должен был взять на себя Ким Ченир, который в то время курировал оборону страны. Однако Ким Ченир не стал сразу брать бразды правления в свои руки. В стране был объявлен траур. Подобно образцовому высокопоставленному сановнику старой Кореи, Ким Ченир отошел от государственных дел на три года в связи с трауром по кончине отца. В это время ослабла интенсивность межкорейского диалога.

Тем временем экономика страны испытывала все большие трудности. В 1994 г. уровень ВВП понизился на 1,8, а в 1995 г. — на 4,6 %. Продолжал падать объем внешней торговли с Россией. С 430 млн долларов в 1993 г. уровень товарооборота между двумя странами сократился до 130 млн в 1994 г. и ориентировочно до 100 млн в 1995 г. В 1995 г. уровень совокупного дохода на душу населения сократился до 239 долларов США, что было в три раза меньше показателей 1990 г. (910 долларов).

С середины 1990-х годов Восточная Европа и страны СНГ практически перестали получать какую-либо информацию из КНДР. В странах Запада и в Южной Корее ситуацию в КНДР определяли исходя из оценочных данных.

Положение в Северной Корее стало меняться с 1997 г., после завершения периода трехлетнего траура по Ким Ирсену. Очевидно, за эти три года Ким Ченир понял, что сразу ему не удастся стать полно-

масштабным легитимным преемником отца. Для этого требовалось иметь большие заслуги в деле государственного строительства, подобные тем, какие имел Ким Ирсен. Однако, согласно идеям *чучхе*, общество не может жить без вождя. Поэтому с 1997 г. в КНДР началась планомерная реализация политики «обессмерчивания» Ким Ирсена.

С 8 июля 1997 г. было объявлено о введении нового летоисчисления *чучхе*, которое начиналось с 1912 г. — года рождения Ким Ирсена. Таким образом, 1997 г. становился «86-м годом *чучхе*». Такое летоисчисление не было чем-то новым и необычным для традиционной корейской культуры. В соседней Южной Корее с 1948 по 1962 г. было официально принято и полностью никогда не исчезало национальное летоисчисление, начинавшееся от года основания государства Древний Чосон «отцом» корейской нации Тангуном (2333 г. до н. э.). Многочисленные корейские «новые религии», распространенные в Южной Корее, также имеют свои собственные летоисчисления, начинающиеся от года рождения или года «прозрения» того или иного основателя религии.

Впервые о возможности введения нового летоисчисления *чучхе* было объявлено еще 15 апреля 1994 г. во время общенародного празднования дня рождения Ким Ирсена. В июле 1997 г. было принято постановление о том, что дни рождения Ким Ирсена будут отмечаться и в будущем, но под названием «Праздник Солнца» (*Тхэянчжоль*).

Особую роль в распространении утверждения о том, что Ким Ирсен не умер, а «вечно жив», сыграло сооружение по всей стране так называемых «стел вечной жизни» (*ёнсэнтхан*), на которых были высечены слова: «Великий вождь товарищ Ким Ирсен вечно находится с нами»¹¹⁸. В Преамбуле к новой редакции Конституции КНДР 1998 г. записано, что жители КНДР относятся к Ким Ирсену как к «вечному президенту КНДР». С 1997 г. корейская нация стала называться «нацией Ким Ирсена», а корейский язык — «языком нации Ким Ирсена».

Таким образом, благодаря многочисленным кампаниям, которые начали активно разворачиваться с 1997 г., в северокорейском об-

¹¹⁸ Когда в КНДР на рубеже 1990–2000-х годов на торжественных обедах проносили тосты, один из них обязательно звучал так: «За вечную жизнь товарища Ким Ирсена». Однако чтобы не шокировать российского слушателя подобными высказываниями, корейские переводчики обычно передавали его как «за светлую память товарища Ким Ирсена». (Из личного опыта поездок в КНДР автора настоящей монографии.)

шестве стала проводиться идея о том, что телесная смерть вождя совсем не означает его духовной смерти. Он жив в своих трудах, результаты которых ощущаются в повседневной жизни КНДР.

Для большей «наглядности» постулата о возможности «вечной жизни» руководство КНДР стало обращаться к традиционным корейским верованиям и культам. К 1994 г. была «восстановлена» гробница легендарного основателя корейской нации Тангуна. Северо-корейские археологи пытались доказать, что Тангун был реальным человеком, основавшим самое первое корейское государство с центром в северной части Корейского полуострова и столицей в Пхеньяне. Таким образом утверждалось большее право Северной Кореи на то, чтобы стать центром в процессе объединения родины. Кроме того, ежегодно у гробницы Тангуна 3 октября, т.е. в день его рождения, стали проводиться регулярные церемонии жертвоприношения его духу, имевшие общегосударственное значение. Иными словами, в КНДР был официально признан традиционный культ предков, согласно представлениям которого дух умершего в течение определенного периода времени может воздействовать на жизнь живущих¹¹⁹. Таким образом, через возрожденный культ Тангуна руководство КНДР находило еще одно основание для иллюстрации тезиса о «вечной жизни» Ким Ирсена. Подобно сооружению гробницы Тангуна, «первопредка» корейского народа, бывшая пхеньянская резиденция Ким Ирсена была переоборудована в мавзолей Ким Ирсена, «отца» [северо]корейского народа, получивший название «Кым-сусанский мемориальный комплекс».

В том же поворотном для КНДР 1997 г. Ким Ченир официально возглавил ТПК, будучи избранным 8 октября 1997 г. на пост Генерального секретаря ее Центрального комитета. В следующем году к Ким Чениру перешла вся полнота руководства обороной страны: 9 сентября 1998 г. I сессия Верховного Народного Собрания 10-го созыва избрала Ким Ченира на пост председателя Государственного комитета обороны. С 1991 г. он стал исполнять обязанности Верховного главнокомандующего Корейской Народной Армией. Поэтому северо-корейские средства массовой информации именуют его «великим полководцем». Незадолго до избрания Ким Ченира на пост высшего военного руководителя страны, в августе 1998 г., КНДР произвела испытательный запуск ракеты «Тэпхон-1», которая, пролетев

¹¹⁹ Подробнее о культе предков в Корее см.: Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.

Президент Республики Корея Ким Дэчжун (1925–2009)
и руководитель КНДР Ким Ченир (1942–2011) на первой межкорейской
встрече глав государств 13–15 июня 2000 г.

воздушное пространство Японии, упала в Тихом океане. По заявлению властей КНДР, испытания ракеты носили мирный характер. Западные страны связывали этот запуск с разрабатываемой, по их утверждению, в КНДР ракетно-ядерной программой.

Таким образом, после завершения траура Ким Ченир приступил к активной государственной деятельности, главными направлениями которой стали дальнейшие шаги, нацеленные на укрепление Корейской Народной Армии, а также на установление или восстановление и укрепление экономических и культурных связей с окружающими КНДР странами.

После 1997 г. активизировался межкорейский диалог. Было налажено прямое морское сообщение между отдельными портами Севера и Юга. В Пхеньяне был открыт офис международной «Корейской организации энергетического развития», с помощью которой КНДР планировала продолжить работы по развитию атомной энергетики. Стал налаживаться экономический обмен между Северной и Южной Кореей. Его развитию немало способствовал почетный председатель

южнокорейской корпорации «Хёндэ» Чон Чжуён. С 1999 г. Север и Юг начали вести консультации по вопросу о возможной встрече руководителей двух стран на высшем уровне, окончательная договоренность о которой была достигнута 8 апреля 2000 г. Историческая встреча Ким Ченира и Ким Дэчжуна состоялась 13–15 июня 2000 г. в Пхеньяне и завершилась принятием Совместной декларации Севера и Юга. Эта встреча послужила важным толчком для активизации межкорейских отношений. В сентябре 2000 г. были начаты работы по воссоединению железной дороги Севера и Юга в направлении от Сеула к Пхеньяну и далее — к городу Синыйчжу на западном участке корейско-китайской границы.

В то же время КНДР благосклонно приняла инициативу Российской Федерации по налаживанию традиционных российско-северокорейских отношений. В 1998 г. были закончены консультации по тексту нового российско-северокорейского договора. 9 февраля 2000 г. состоялось подписание «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией», положившего начало активному восстановлению традиционных связей между двумя странами. Первым значительным шагом на этом пути стал визит в Пхеньян Президента Российской Федерации В. В. Путина 19–20 июля 2000 г. По итогам визита принята Совместная декларация от 19 июля 2000 г., в которой выражена взаимная поддержка политики, проводимой двумя странами.

Активизация российско-северокорейских отношений на рубеже XX–XXI столетий стала результатом комплекса процессов, происходивших как в Северной и Южной Корее, так и в самой России. К концу XX в. Россия стала постепенно выходить из экономического кризиса и накопила некоторые резервы для того, чтобы быть в состоянии оказывать КНДР экономическую помощь на основе взаимовыгодного сотрудничества. Перспектива воссоединения железных дорог Севера и Юга сделала для России выгодным участие в работах по восстановлению и реконструкции железных дорог КНДР. Первые шаги в этом направлении стали предприниматься с осени 2000 г.¹²⁰

¹²⁰ С 29 октября по 2 ноября 2000 г. первый заместитель министра путей сообщения РФ А. В. Целько посетил КНДР в рабочем визите и впервые обратился к руководству Северной Кореи с предложением модернизировать часть северокорейских железных дорог, которые помогли бы связать Южную Корею с Транссибирской магистралью. Предложение российской стороны было воспринято положительно.

Конец XX столетия ознаменовался для Северной Кореи и большими успехами в налаживании отношений с США. 23–25 октября 2000 г. Пхеньян посетила госсекретарь США М. Олбрайт. Тогда же был запланирован (не состоявшийся) визит в КНДР президента США Б. Клинтона.

Таким образом, несмотря на продолжающуюся «социалистическую фразеологию», к концу XX в. Северная Корея, экономическое положение которой стало крайне тяжелым, продемонстрировала всему миру волю к большей открытости и, возможно, внутренним реформам. В конце 1990-х годов в деревне стали создаваться небольшие производственные группы *пучжос*, построенные по семейному принципу, которым было позволено продавать излишки продукции, произведенной сверх плана. Еще в 1980-е годы в корейской провинции существовали небольшие семейные предприятия *канэбан*, в которых работали, как правило, люди пенсионного возраста и которым позволялось иметь небольшие частные ресторанчики, фотоателье, ателье по пошиву одежды и т. п.

Ко всему прочему, говоря о северокорейском «социализме», российскому читателю следует учитывать, что *корейские* представления о том, что такое «социализм», во многом не совпадают со стереотипами отечественной культуры.

Для того чтобы понять характер современного северокорейского общества и то, что можно ожидать от руководства КНДР в ближайшем будущем, необходимо обратиться к последним, 1992 и 1998 гг., редакциям Конституции КНДР.

§ 2. Редакции Конституции 1992 и 1998 годов как отражение новых тенденций в развитии КНДР

В апреле 1992 г. в КНДР была принята **новая редакция Конституции**. Она состояла из 7 глав и 171 статьи и во многом унаследовала отдельные положения предыдущей Конституции 1972 г. Однако в ней имелись отдельные принципиальные отличия, в которых отражалось изменившееся положение Кореи в условиях развала мировой системы социализма, а также перспектива постепенного отхода Ким Ирсена от дел и возможной передачи власти преемнику.

Прежде всего, следует отметить, что из Конституции 1992 г. исчезли ссылки на марксизм-ленинизм. Теперь идеи *чучхе* определялись уже не как «творческое применение марксизма-ленинизма к условиям Кореи», а как исконно корейские руководящие идеи, бази-

рующиеся на представлении о том, что в центре мироздания находится человек.

Из новой Конституции 1992 г. исчезли и ссылки на пролетарский интернационализм. Внешнеполитическая доктрина сменилась «поддержкой независимости» во всем мире. Не было в новой редакции и упоминания о «диктатуре пролетариата». В статье 12 первой главы «Политика» появилось положение о так называемой «народно-демократической диктатуре», которая должна была защищать страну от происков внутренних и внешних врагов. Крах мирового социализма вынудил КНДР отказаться от некоторых устаревших коммунистических доктрин.

Вместе с тем новая редакция Конституции совсем не отрицала того, что КНДР является социалистическим государством (ст. 1). Однако в северокорейском понимании социализм этот совсем не такой, каким его представляли, скажем, в Советском Союзе или других странах социалистического лагеря. Взгляд на социализм в КНДР, скорее, близок к традиционным представлениям об идеальном обществе. В новой редакции говорилось о том, что социалистическое государство в КНДР представляет интересы всего народа и заботится о его свободе и счастье. При этом важнейшую роль играют [традиционные] принципы коллективизма.

Особое место в новой редакции Конституции 1992 г. стало уделяться вопросам национальной обороны (четвертая глава). Кроме того, в Конституции было зафиксировано появление нового государственного органа — Государственного комитета обороны. Очевидно, это было связано с тем, что Ким Ирсен планировал передать военную власть в стране своему сыну Ким Чениру. Усиление роли государственной обороны в жизни страны автоматически приводило к повышению роли Ким Ченира. С 1991 г. он стал Верховным главнокомандующим Корейской Народной Армии. Однако пост председателя Государственного комитета обороны по-прежнему занимал Ким Ирсен.

Важнейшими изменениями новой Конституции 1992 г. следует считать новации, направленные на *рассредоточение* власти президента страны, т. е. самого Ким Ирсена. Например, по Конституции 1972 г. президент КНДР ратифицировал и денонсировал договоры, заключенные с иностранными государствами. Новая редакция 1992 г. оставила президенту лишь формальное право провозглашения подобных договоров, в то время как функция ратификации и денонсации была передана Верховному Народному Собранию (пар-

ламенту). Верховное Народное Собрание, имевшее ранее лишь право выбора президента страны, теперь получило право его отзыва. По новой Конституции президент уже не был Верховным главнокомандующим.

Очевидно, подобное рассредоточение власти, концентрировавшейся ранее в руках одного человека — президента страны, было своего рода подготовкой к тому времени, когда Ким Ирсену придется отойти от активной политической деятельности. Вместе с тем подобные изменения Конституции означали, что никто в Северной Корее не предполагал, что в будущем появится человек, способный, подобно Ким Ирсену, взять на себя всю полноту власти. Иными словами, *полная* передача власти Ким Чениру, о которой так часто писали западные средства массовой информации, не планировалась с самого начала.

В целом новая редакция Конституции 1992 г. была более «либеральной» и отличалась большей мягкостью позиций по целому ряду принципиальных вопросов. Например, уже не было обязательной увязки процесса объединения Корейского полуострова с выводом оттуда американских войск. Статья 68 о свободе вероисповедания предоставляла больше прав и гарантий, хотя и запрещала использовать религии для «привлечения внешних сил». Действительно, в 1990-е годы в КНДР появились католические и протестантские церкви (куда нередко приводили иностранных гостей, в том числе из Южной Кореи). Активизировалась деятельность представителей традиционной корейской религии *чхондогё* («учение Небесного пути»), с помощью которых Север и Юг старались наладить более активные контакты.

Таким образом, редакция Конституции КНДР 1992 г. обеспечивала запланированную *неполную* (хотя бы в первое время) передачу власти Ким Чениру, повышение роли государственной обороны в новых условиях вынужденной изоляции КНДР, а также предоставляла новые возможности на пути ограниченной либерализации общества¹²¹.

Кончина Ким Ирсена, бессменного вождя северокорейского народа, заставила внести очередные коррективы в Основной закон страны. **Новая, последняя редакция Конституции КНДР бы-**

¹²¹ По крайней мере в конце 1990-х годов в КНДР были отпущены цены на ряд товаров, не являющихся предметами первой необходимости. Исполнители песен перестали быть «безличными» народными, появились свои «звезды» популярной музыки, которая стала более современной.

ла принята 5 сентября 1998 г. на I сессии Верховного народного собрания 10-го созыва. Она состояла из 7 глав и 166 статей и практически не отличалась от редакции 1992 г., за исключением положений, связанных с фигурой президента страны — Ким Ирсена. Преамбула Конституции 1998 г. закладывала основы новой государственной идеологии, в которой образ Ким Ирсена был «вечно живущим», благодаря своим прижизненным делам и заслугам. Согласно идеям *чучхе*, вождь является стержневой фигурой общества. Поскольку в Северной Корее конца XX столетия не было человека, способного сравниться по своим качествам и заслугам с Ким Ирсеном, преамбула Конституции 1998 г. объявила его «вечным президентом республики»¹²². Одновременно из ст. 92, определяющей основные функции Верховного Народного Собрания, были изъяты положения о выборе и отзыве президента, а также все другие статьи Конституции, связанные с деятельностью президента КНДР.

На рубеже XX и XXI столетий в государственной идеологии КНДР появились новые моменты, отражающие всевозрастающую роль Ким Ченира как неформального руководителя страны. Средства массовой информации Северной Кореи называют его «солнцем XXI в.» и создателем новых «идей сильного и процветающего великого государства» (*кансон тэгук сасан*), которые являются развитием идей *чучхе* на новом историческом этапе и должны привести КНДР к процветанию. Несмотря на приверженность нового политического лидера страны «классическим» для Кореи принципам «самостоятельности», его первые шаги во внешней политике демонстрировали, что КНДР была намерена налаживать отношения с внешним миром и готова к продолжению диалога с Республикой Корея.

---

¹²² И в КНДР, и в Китайской Народной Республике название должности высшего руководителя государства передается одинаковым словом. Однако если официальные северокаорейские издания переводят его на русский язык как «президент республики», то китайские — как «председатель республики».

Предлагаемый читателю раздел является во многом экспериментальным. Со времени издания «Курса лекций по истории Кореи» (2002) прошло уже более 15 лет. Кроме того, в Курсе специально не описывались события корейской истории после 2000 г. Несмотря на то что в сравнении с многотысячелетней историей Кореи несколько лет — это крайне малый срок, есть особая необходимость в том, чтобы уделить пристальное внимание этому небольшому отрезку времени.

Во-первых, следует указать на то, что события начала XXI столетия специально не описывались не только в российской или западноевропейской, но даже в корейской исторической литературе¹. Поэтому получить какую-либо систематическую и достаточно подробную информацию о том, что происходило в Корее в последние годы, практически невозможно. В южнокорейских монографиях, имеющих такие громкие названия как, например, «60 лет новейшей истории [Южной] Кореи»² событиям первых пяти лет XXI столетия отводится лишь несколько страниц текста. В переиздании южнокорейской «Энциклопедии по новой и новейшей истории Кореи. 1860–2004»³ можно обнаружить общие сведения о событиях первых четырех лет 2000-х годов, однако по состоянию на начало осени 2007 г., указанного энциклопедического словаря не было ни в одной из центральных библиотек Южной Кореи.

Наиболее подробной по набору фактов оказалась японская «Энциклопедия по истории Северной и Южной Кореи. 1860–2005» под научной редакцией Ким Ёнгона⁴.

---

¹ По состоянию на 2007 г.

² *Со Чжунсок*. Хангук хёндэса 60 нён (60 лет новейшей истории [Южной] Кореи). Сеул, 2007.

³ Хангук кын хёндэса сачжон. 1860–2004 (Энциклопедия по новой и новейшей истории Кореи. 1860–2004). Сеул, 2005.

⁴ *Ким Ёнгон*. Тёсэн Канкоку кингэндайси дзитен (Энциклопедия по истории Северной и Южной Кореи. 1860–2005). Токио, 2006.

Однако указанных изданий недостаточно для того, чтобы составить целостное представление о ходе корейской истории в начале и середине 2000-х годов, уже не говоря о том, что изданий по истории Кореи, излагающих не только факты, но и теоретические аспекты развития страны, просто не существует. К тому же все эти издания недоступны для русского читателя и труднодоступны для специалистов.

Поэтому представляемый на суд читателя раздел — это практически первый⁵ опыт систематического изложения *основных* событий и истории Кореи в начале XXI в., а значит, что вполне естественно, не лишенный недостатков и недочетов. Возможно, не все самые важные события и тенденции в истории Кореи 2000–2005 гг. оказались в сфере внимания. Автор надеется в будущем учесть пока незаметные ему самому упущения, которые он надеется обнаружить в процессе дальнейшей работы над изложением новейшей истории Кореи⁶.

Основным источником фактической информации послужили южнокорейские и северокорейские периодические издания, перечень которых дан в Выборочном списке литературы, прилагаемом к настоящей монографии.

Глава 1. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В 2000–2005 ГОДАХ

§ 1. Хроника внутривнутриполитических событий

Поступательное социально-экономическое развитие Республики Корея, повышение благосостояния населения объективно давали возможность жителям Южной Кореи проводить меньше времени на рабочих местах. Социально-экономические процессы, приведшие к сокращению рабочего времени, происходили не без участия самих народных масс. В 2000 г. продолжались выступления населения за введение 5-дневной рабочей недели. 23 октября 2000 г. Совместная комиссия, состоявшая из представителей профсоюзов, предпринима-

---

⁵ В конце 2007 г. во Владивостоке из печати вышла монография И. А. Толстокулакова «Политическая модернизация Южной Кореи. Ч. 1–2», во втором томе которой впервые в отечественной историографии излагаются события новейшей политической истории Южной Кореи (с. 493–682); см. также примечание 1 к предисловию настоящей книги.

⁶ В настоящее время автор работает над рукописью новой книги, всецело посвященной истории Кореи начала XXI века.

телей и правительства Республики Корея, договорилась о том, что с конца 2001 г. в Южной Корее будет введена 5-дневная 40-часовая рабочая неделя.

Несмотря на заметные успехи в межкорейском диалоге⁷, во внешней политике, в экономике, положение правящей партии — Демократической партии нового тысячелетия (*Сэ чхоннён минчжудан*) — было не столь крепким. В декабре 2000 г. президент Ким Дэчжун назначил нового формального председателя правящей партии — Ким Чжунгволя, который в свою очередь 21 декабря 2000 г. представил ряд новых членов руководства партии. (Слишком частые замены лидеров партии свидетельствовали о нестабильности в ее внутреннем положении.)

Большая часть 2002 г. прошла в атмосфере подготовки и проведения очередных президентских выборов. Ожидалось, что предстоящие выборы станут особенными. Особенными по той причине, что среди будущих кандидатов не было (да уже и не могло быть) политиков, имевших особую, «харизматическую» биографию, как-либо выделявшую их из ряда «обычных людей». Так, первый президент Республики Корея Ли Сынман был в известной степени легендарной личностью, полвека отдавшей борьбе за независимость Кореи от японского колониального господства. Пак Чонхи и сменившие его президенты Чон Духван и Но Тхэу (Ро Дэу) были связаны с «особыми» событиями: «революции», жесткое подавление народных волнений или же, наоборот, активное выступление против диктатуры. Ким Ёнсам и Ким Дэчжун были известными борцами за демократию, ставшие заменитыми задолго до президентских выборов. Однако среди кандидатов на пост президента страны в 2002 г. подобных личностей уже не было.

В марте 2002 г. *предвыборная гонка* продолжилась. Кандидаты проводили поездки по регионам; в то время в провинции Южная Чхунчхон лидировал кандидат от демократической партии Ли Инчже, набравший 73,7 % голосов, а Но Мухён (1946–2009) от той же демократической партии — только 14,2 % голосов.

На южном острове Чечжудо, после проведения там 9 марта 2002 г. выборов в местные органы власти, соотношение популярности между двумя главными претендентами на пост президента Республики Корея — Ли Инчже и Но Мухёном было 55,3 % к 26,1 %. Среди кандидатов также выделялся Чон Донён.

⁷ Подробнее см. главу 3 части 5.

Однако к апрелю ситуация с популярностью кандидатов в президенты стала постепенно меняться в пользу Но Мухёна. В особенности это было заметно в столице и околостолличных регионах. Так, 6 апреля 2002 г. популярность Но Мухёна в Инчхоне возросла до 51,9 %. А в целом по стране, по итогам предварительных исследований по 10 избирательным округам, за Но Мухёна готовы были отдать свои голоса 45,9 % избирателей, за Ли Инчже — 43 %, а за Чон Донъёна — 11,1 % избирателей⁸.

19 апреля 2002 г. на регулярной сессии Национального собрания между представителями правящей демократической партии и главной оппозиционной партии *Ханнарадан* («Партии великой страны») развернулась полемика со взаимными обвинениями в связи с рядом коррупционных скандалов, в одном из которых был замешан третий сын Ким Дэчжуна — Ким Хонголь. В ответ правящая демократическая партия выдвинула ряд обвинений в коррупции в отношении бывшего лидера партии *Ханнарадан* — Ли Хвечхана (он также был кандидатом на пост президента страны).

В данном событии наиболее важным представляется сам факт возможности постановки вопроса об импичменте в отношении правящего президента страны. Причем не просто президента, но человека в почтенном возрасте (77 лет), имевшего неоспоримые заслуги в борьбе за демократию и за два года до описываемых событий получившего Нобелевскую премию мира. Все это демонстрировало продолжающийся процесс *понижения роли политического лидера* (президента).

Подобное скандальное развитие событий не могло остаться без какой-либо реакции со стороны президента Ким Дэчжуна, репутация которого вплоть до начала 2002 г. оставалась незапятнанной и который в известном смысле был символом «идеального президента» Республики Корея.

6 мая 2002 г. президент Ким Дэчжун выступил с официальным обращением, в котором извинился перед народом Республики Корея за произошедшее (в связи с коррупционным скандалом с его третьим сыном) и заявил, что намерен выйти из правящей демократической партии, а также будет способствовать проведению беспристрастного расследования в отношении своего сына (который в то время находился в США, но, по словам самого Ким Дэчжуна, был готов вернуться в Корею в любое время по требованию властей).

⁸ Чосон ильбо. 2002. 6 апр.

Также в своем обращении президент пообещал народу Южной Кореи, что приложит максимальные усилия для того, чтобы обеспечить справедливые региональные и президентские выборы 2002 г.

В известном смысле президент Ким Дэчжун продолжил традицию двух предшествующих президентов «эпохи демократического правления» Республики Корея, которую можно начинать с 1988 г., с момента провозглашения Шестой Республики, а именно — покидать ряды правящей партии незадолго до очередных президентских выборов. Ро Дэу вышел из партии *Минчжудан* (Демократической республиканской партии) 5 октября 1992 г., за 2 месяца до очередных президентских выборов, а следующий президент Ким Ёнсам 7 ноября 1997 г. покинул правящую в то время партию *Син хангуктан* (Новую корейскую партию) по требованию кандидата от этой партии на пост президента Республики Корея — Ли Хвечхана. Действительно, в то время президент Ким Ёнсам фактически полностью потерял поддержку народа также в связи со скандалом с его сыном Ким Хёнчхолом (который оказался замешанным в финансовых махинациях), а также по причине обрушившегося на страну финансово-экономического кризиса, который Ким Ёнсам не сумел предотвратить.

К июню 2002 г. окончательно определились два основных претендента на пост президента страны. Первый — это кандидат от правящей Демократической партии *Минчжудан* — Но Мухён, а второй — кандидат от главной оппозиционной партии *Ханнарадан* Ли Хвечхан.

Определились и главные различия в позициях двух кандидатов по основным политическим вопросам: 1) приоритеты во внутренней политике; 2) отношение к КНДР.

Ли Хвечхан отличался крайне негативной позицией по отношению к Северной Корее. Он считал, что за два года, прошедших после Пхеньянского саммита, ничего в ситуации на Севере не изменилось, так что нет необходимости обсуждать вопрос об отмене так называемого «Закона об охране государства» (*Кукка поанбон*), который, как известно, был в основном направлен против Северной Кореи. С точки зрения Ли Хвечхана, следовало сосредоточиться на дальнейшем развитии демократической системы Республики Корея.

Но Мухён, напротив, считал, что главные усилия нужно сконцентрировать на развитии межкорейских отношений, оказывать гуманитарную помощь Северу, не выдвигая при этом каких-либо особых условий. Все это, с точки зрения Но Мухёна, требовалось для обеспечения стабильности на Корейском полуострове, что, в свою очередь,

создавало бы хорошую базу для дальнейшего развития и Южной Кореи⁹.

22 ноября 2002 г. кандидат на пост президента от Демократической партии Но Мухён и кандидат от «Гражданского союза 21» (*Кунмин ёнхван 21*) Чон Мончжун приняли решение о том, что на президентских выборах их партии будут выступать единым фронтом, а Но Мухён станет единым кандидатом от двух политических партий. Подобное решение было принято для того, чтобы иметь возможность преодолеть в конкурентной борьбе за место президента главного кандидата от оппозиционной партии *Ханнарадан* — Ли Хвечхана.

Поскольку в Южной Корее на ход выборов очень большое влияние оказывает так называемая региональная неприязнь (проявляющаяся в поддержке политических лидеров по принципу региональной принадлежности), то объединение политических сил, имеющих различные уровни популярности в разных регионах страны, тем самым расширяет географию поддержки единого кандидата.

19 декабря 2002 г. в Республике Корея состоялись **16-е президентские выборы**, на которых победил кандидат от правящей демократической партии¹⁰ Но Мухён. Он получил 48,9% голосов избирателей¹¹. Но Мухёна поддерживали в основном жители столичного региона (Сеул, столичная провинция Кёнги), причем максимальную поддержку ему оказали представители молодого поколения — 20- и 30-летние граждане Республики Корея. Главный претендент на пост президента от оппозиционной партии *Ханнарадан* Ли Хвечхан получил максимальную поддержку на юго-востоке страны. Общий процент голосов избирателей, отданных в его поддержку, — 46,6 %. Следующий по популярности кандидат от Демократической трудовой партии (*Минчжесу нодондан*) — Квон Ёнгиль получил всего 3,9 % голосов избирателей. Три кандидата от других политических партий Южной Кореи набрали менее 1 % голосов¹².

Причины победы Но Мухёна можно определять по-разному. В то время южнокорейская пресса писала о том, что, видимо, населе-

⁹ Чосон ильбо. 2002. 9 июня.

¹⁰ Полное название партии — *Сэчхонён минчжесудан* — Демократическая партия нового тысячелетия. Была создана Ким Дэчжуном 20 января 2000 г.

¹¹ Информация была представлена 22 декабря 2002 г. на сайте Центрального избирательного комитета Республики Корея по адресу: <http://www.nec.go.kr/content.jsp>

¹² Там же.

нию «больше пришелся по душе» призыв Но Мухёна «избавиться от старой политики», реализовывавшейся на протяжении 50 лет существования Республики Корея, и построить «новую политику» (*сэ чончхи*), нежели призыв Ли Хвечхана к судебному разбирательству над коррупционным государственным аппаратом, находившимся у власти предшествовавшие 5 лет.

Также немалую роль сыграл план Но Мухёна перенести «административную столицу» страны в провинцию Чхунхон, что сказалось на уровне его поддержки в провинциях Северная и Южная Чхунхон, в которых в то время проживало почти 5 млн человек, т. е. 11–12 % населения Кореи¹³.

С 6 по 21 января **2003 г.** вновь избранный президент Республики Корея Но Мухён приступил к принятию дел от различных южнокорейских министерств и ведомств.

18 февраля 2003 г. Южная Корея впервые в своей истории столкнулась с актом бессмысленного, необъяснимого терроризма. 57-летний безработный по фамилии Ким поджег 2 пластиковые бутылки с бензином в одном из вагонов метро города Тэгу во время прибытия поезда метро на станцию Панвольдан, а сам покинул вагон. В поезде начался пожар. В результате теракта погибло около 130 человек. (В ходе расследования инцидента был обнаружен ряд существенных недочетов в обеспечении противопожарной безопасности в поездах южнокорейского метро¹⁴.)

25 февраля 2003 г. на площади перед зданием Национального собрания Республики Корея в 11 утра происходила церемония вступления в должность очередного, 16-го президента Южной Кореи — Но Мухёна. В президиуме присутствовали пять южнокорейских экс-президентов: Ким Дэчжун, Ким Ёнсам, Ро Дэу, Чон Духван, Чхве Гюха. На площади собралось более 45 тыс. граждан. Как и ожидалось, во время инаугурационной речи Но Мухён провозгласил основные цели своего правительства, цели, отличные от того, что делал его предшественник.

Во-первых, Но Мухён ставил своей задачей создать так называемое «правительство участия» (*чхаммэ чонбу*), т. е. такое правительство, которое станет ближе к народу, более открытым и доступным. Для построения такого правительства Но Мухён определил основ-

¹³ Для сравнения, в Сеуле и столичной провинции Кёнги проживает более 20 млн человек, т. е. чуть меньше половины населения Республики Корея.

¹⁴ После этого теракта во многих поездах метро сиденья для пассажиров стали изготавливать из металла или особого негорючего материала.

ные цели своего президентства: реализация демократии, доступной всем слоям населения; равномерно развивающееся общество, в котором граждане живут «все вместе»; «эпоха Северо-Восточной Азии», имеющая целью мир и процветание.

Что касается политики в отношении Северной Кореи, то здесь Но Мухён заявил о замене прежней «политики солнечного тепла» (*хэп-пёт чончхэк*) Ким Дэчжуна на **«политику мира и процветания»** (*пхёнхва понгён чончхэк*).

Однако проводить позитивную политику в отношении КНДР было не так просто. Иногда это стоило инициаторам такой политики не только больших материальных затрат, но и собственной жизни. И здесь речь идет не только и не столько о профессиональных политиках, сколько о предпринимателях, деятельность которых стала практической основой межкорейского сближения. И не всегда их «незаконная» (а в реальности — не прописанная в законах) деятельность положительно принималась обществом. Одним из таких людей был Чон Монхон, сменивший своего отца Чон Чжуёна, инициатора политики экономического сближения с Северной Кореей, на посту председателя компании «Хёндэ Асан», входящей в корпорацию «Хёндэ» (Hyundai).

Рано утром 4 августа 2003 г. Чон Монхон покончил жизнь самоубийством, выбросившись с 12-го этажа здания штаб-квартиры корпорации «Хёндэ», расположенной в Сеуле. В то время южнокорейские СМИ связывали это самоубийство с расследованием, начатым в отношении Чон Монхона в связи с подозрениями в тайном переводе денег в Северную Корею (перед проведением Пхеньянского саммита 2000 г.), а также в незаконном обороте денег в размере 15 млрд *вон* (около 12,5 млн долларов США)¹⁵. Компания «Хёндэ Асан» была создана в 1998 г. как одна из фирм корпорации «Хёндэ», в задачу которой входило развитие экономических отношений с КНДР. Именно благодаря деятельности «Хёндэ Асан» с проекта туристических поездок граждан Южной Кореи в северокорейские горы Кымгансан началось активное сотрудничество между двумя странами.

Поскольку на президентских выборах Но Мухён одержал победу с небольшим перевесом голосов, всего 2,3 %, почти половина населения страны, объединяемая главной оппозиционной партией *Ханнарадан*, не могла смириться с поражением и пристально следила за

¹⁵ Чосон ильбо. 2003. 5 авг.

политической деятельностью президента, пытаясь найти основания для того, чтобы изменить результаты выборов.

В ответ на это 13 октября 2003 г. администрация президента Но Мухёна объявила о том, что в связи с недовольством политикой, проводившейся президентом за 8 месяцев его нахождения у власти, предложено провести всенародный референдум о доверии президенту страны. Дата референдума была примерно определена на 15 декабря 2003 г.¹⁶ Однако никакого референдума в декабре в 2003 г. не проводилось, хотя скандал относительно «нелегальных денег», использованных во время предвыборной кампании, продолжался до конца 2003 г. Положение вновь избранного президента становилось все менее устойчивым.

2004 год. Процедура импичмента президенту Республики Корея Но Мухёну. По прошествии почти полутора лет после 16-х выборов Президента Республики Корея в Южной Корее продолжал разгораться скандал в связи с «незаконным» сбором средств на предвыборную кампанию основных претендентов на пост президента страны.

9 марта 2004 г. экс-председатель оппозиционной партии *Ханнара* («Партии великой страны») Ли Хвечхан (он же — основной соперник Но Мухёна на президентских выборах) выступил на пресс-конференции перед журналистами, на которой заявил, что берет на себя всю ответственность за незаконный сбор средств на свою предвыборную кампанию и что готов идти под суд, и даже в тюрьму. Тогда же Ли Хвечхан принес официальные извинения за случившееся гражданам Республики Корея.

Вместе с тем Ли Хвечхан указал на то, что и финансирование предвыборной кампании президента Но Мухёна также вызывает ряд вопросов. Ли Хвечхан призвал действующего президента самому принять соответствующие решения¹⁷.

В тот же день, **9 марта 2004 г.**, в Южной Корее впервые в истории страны был поставлен вопрос об импичменте главе конституционного правительства — президенту Но Мухёну.

159 депутатов Национального собрания Республики Корея — представители оппозиционной партии *Ханнара* (108 человек) и Демократической партии *Минчжудан* (51 человек) поставили свои подписи под инициативным письмом о начале процедуры импичмента

¹⁶ Там же. 2003. 14 окт.

¹⁷ Тона ильбо. 2004. 9 марта.

в отношении Но Мухёна. Письмо было передано заведующему в ответствующие структуры парламента в 3:49 по местному времени. Информация о поступлении соответствующего письма была официально объявлена в 6:27 того же дня. Таким образом, начиная с 6:27 10 марта и не позднее, чем через 72 часа, в Национальном собрании должно было быть проведено голосование по началу процедуры импичмента. Для принятия соответствующего решения требовалось получить не менее $\frac{2}{3}$ голосов от списочного числа депутатов.

Против Но Мухёна выдвигались два основных обвинения: нарушение закона о выборах и неспособность управлять государством (полноценно осуществлять политику правительства).

12 марта 2004 г. в Национальном собрании Республики Корея прошло голосование по вопросу начала процедуры импичмента в отношении президента Республики Корея Но Мухёна. Для того чтобы голосование состоялось, в нем должно было участвовать не менее $\frac{2}{3}$ от списочного числа депутатов, т. е. не менее 181 человека (всего членов парламента на тот момент было 271). В голосовании участвовали 195 депутатов. Из них за начало процедуры импичмента проголосовало 193 депутата, а против — только 2. При этом между депутатами новой пропрезидентской партии *Ури*¹⁸ даже имела место небольшая потасовка.

После завершения голосования председатель Комитета по правовым вопросам (*Кукхве попса вивончжан*) Ким Гичхун отправил соответствующие официальные уведомления президенту Но Мухёну и председателю Конституционного суда Республики Корея. С момента получения этих уведомлений президент Но Мухён временно приостановил исполнение своих полномочий (до принятия окончательного решения Конституционным судом), а Конституционный суд начал действовать согласно установленному порядку.

На время приостановления исполнения своих полномочий важнейшие общегосударственные функции президента, такие как исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего, объявление чрезвычайного положения, заключение международных догово-

¹⁸ Полное название партии *Ури* — *Ёллин ури дан*, что значит «Открытая наша партия». Поскольку название партии очень длинное и не поддается корректному переводу на иностранные языки, в англоязычной литературе принято называть партию по транскрипции одного из слов, входящих в название, — *Ури*, что значит «Наша».

Партия *Ури* была образована 11 ноября 2003 г. из пропрезидентски настроенных политиков и членов парламента (в частности, вышедших из Демократической партии).

ров и т. п., переходили в руки Председателя Госсовета Республики Корея (т. е. премьер-министра) Ко Гона¹⁹.

Через несколько дней после принятия шокировавшего население Южной Кореи решения в стране произошло еще одно *историческое событие*, которое осталось незамеченным и не получило должной оценки историков. А дело было в следующем. Если раньше, на всем протяжении истории Республики Корея, политики, как правило, поддерживали конституционную власть, а народ выступал против этой власти (против диктатуры, за демократизацию т. п.), то в *марте 2004 г.* все было наоборот. В то время как большинство политиков выступило против действующего президента, народ впервые за всю историю выступил в его поддержку.

Так, перед воротами Кванхвамун в центре Сеула каждый вечер устраивались «демонстрации со свечами» (*чхонпиль сиви*), участники которых призывали отменить процедуру импичмента и распустить не оправдавшее доверие народа правительство. Представители более чем 30 общественных организаций стали разворачивать движение за сбор 1 млн подписей в знак протеста против импичмента.

Ряд консервативных организаций, как, например «Гражданский союз за защиту права государства, против ядерной программы [КНДР] и против Ким [Ченира]» (*Пан-хэж пан-Ким кукжвон сухо кунмин хёбыйхве*), наоборот, выступил в защиту начала процедуры импичмента и выразил протест против негативного освещения событий ведущими южнокорейскими СМИ²⁰.

Процедура импичмента не только не снизила уровень поддержки президента большинством населения страны, но и положительно отразилась на росте популярности правящей пропрезидентской партии *Ури*. Как показали опросы общественного мнения, проведенные в Южной Корее до 17 марта 2004 г., за правящую партию на предстоящих парламентских выборах отдали бы свои голоса 59 % опрошенных. Кроме того, 71 % опрошенных был не согласен с началом процедуры импичмента в отношении Но Мухёна²¹.

18 марта Конституционный суд Республики Корея отправил на имя Но Мухёна официальный запрос с предложением лично явиться на открытые слушания суда 30 марта 2004 г. Однако еще за день до указанного обращения адвокатская группа Но Мухёна направила в

¹⁹ Чосон ильбо. 2004. 12 марта.

²⁰ Там же. 15 марта.

²¹ Там же. 17 марта.

Конституционный суд уведомление о том, что личная явка президента на слушания суда не входит в круг его обязанностей.

20 марта 2004 г. по всей стране прошли многочисленные демонстрации в поддержку президента Но Мухёна. Самая большая «демонстрация со свечами», собравшая по оценкам правоохранительных органов, более 130 тыс. человек, прошла в центре Сеула у ворот Кванхвамун. Демонстрация длилась с 6 часов вечера почти до полуночи.

В тот же день еще в 55 городах Южной Кореи прошли демонстрации против процедуры импичмента, собиравшие до 15 тыс. человек (в каждом населенном пункте)²².

В этот непростой для оппозиционных партий период 23 марта 2004 г. главой самой влиятельной оппозиционной партии *Ханнарадан* стала Пак Кынхе (р.1952) — дочь покойного президента Южной Кореи Пак Чонхи. 30 марта 2004 г. Пак Кынхе выступила с обращением к населению страны, с просьбой «дать партии еще один шанс», имея в виду резкое падение популярности партии *Ханнарадан* и стремительный рост уровня поддержки избирателями президентской партии *Ури*²³.

30 марта прошло первое публичное заседание Конституционного суда Республики Корея по вопросу обвинений, предъявленных президенту Но Мухёну парламентом страны.

После того, как стали известны предварительные итоги парламентских выборов 15 апреля 2004 г.²⁴ и стало понятно, что пропрезидентская партия имеет большинство мест в парламенте, лидер партии *Ури* Чон Донъён выступил с заявлением, в котором призвал парламент досрочно остановить процедуру импичмента и вернуть президента Но Мухёна к исполнению своих полномочий. Однако Пак Кынхе, в то время лидер партии *Ханнара*, ответила отказом и предложила дожидаться окончания работы Конституционного суда.

В последующие дни (в частности, 17 апреля 2004 г.) в Сеуле продолжились народные «акции (протесты) со свечами» (*чоппиль хэнса*) в поддержку президента Но Мухёна, на которых звучали лозунги, гласившие, что отныне истинными хозяевами страны являются не политики, а народ. Консервативным же силам удавалось организовывать небольшие демонстрации, призывавшие к импичменту президента.

²² Там же. 20 марта.

²³ Там же. 31 марта.

²⁴ Подробнее см. следующий параграф раздела.

Тем не менее Конституционный суд продолжал рассмотрение вопроса об импичменте Но Мухёну в обычном порядке, в частности, очередные слушания прошли 30 апреля 2004 г.; окончательное решение планировалось принять в середине мая 2004 г.

14 мая 2004 г. в 10:48 утра Конституционный суд Республики Корея огласил официальное заключение по поводу решения Национального собрания 16-го созыва объявить импичмент президенту Но Мухёну. В официальном заявлении, которое зачитал председатель Конституционного суда Юн Ёнчхоль, говорилось, что в действиях *президента* Но Мухёна не было обнаружено ничего незаконного. Таким образом, процедура импичмента была объявлена законченной в пользу Но Мухёна. С момента провозглашения этого официального решения президент Но Мухён уже считался вернувшимся к своим обязанностям.

Уже на следующий день, 15 мая 2004 г., президент Но Мухён выступил перед Голубым домом (президентской резиденцией) с официальным обращением к гражданам страны. В своей речи он прежде всего извинился перед народом Республики Корея за произошедшее, несмотря на то что он не был в чем-либо виновен, и указал на то, что возвращается к своим обязанностям с четким видением новой политики, и новый парламент 17-го созыва будет стоять в авангарде политических реформ²⁵.

Парламентские выборы 2004 г. Очередные выборы в Национальное собрание Республики Корея были назначены на 15 апреля 2004 г. Начало процедуры импичмента президенту Но Мухёну оказало значительное влияние на ход предвыборной кампании, в частности на отношение населения страны к ряду депутатов парламента, в том числе тем, кто голосовал за начало указанной процедуры.

В ходе предвыборной кампании по инициативе граждан была создана негосударственная организация, получившая название «Гражданский фронт парламентских выборов 2004». 6 апреля Фронт объявил о начале «Движения за непрохождение на выборах [ряда кандидатов]» (*Наксон ундон*). Речь шла о том, чтобы объединить усилия избирателей для того, чтобы ряд прежних депутатов парламента, выдвинувших свои кандидатуры на очередной срок и зарекомендовавших себя не с лучшей стороны, не прошел на очередных выборах. Для ориентации избирателей был опубликован (в том числе в

²⁵ Чосон ильбо. 2004. 15 мая, электронная версия.

интернете) список из 208 кандидатур, за которых рекомендовалось не голосовать²⁶.

12 апреля председатель пропрезидентской партии *Ури Чон Донъён* заявил о том, что покидает пост председателя предвыборного комитета партии, поскольку из-за его нескольких неудачных публичных выступлений резко сократился уровень поддержки населением партии *Ури*. В своем заявлении об уходе с указанного поста Чон Донъён назвал события 12 марта 2004 г. (голосование по вопросу начала процедуры импичмента) «государственным переворотом» и выступил с резкой критикой попыток ряда консервативных сил возродить регионализм²⁷.

15 апреля 2004 г. в Южной Корее прошли выборы в Национальное собрание 17-го созыва. По итогам выборов пропрезидентская партия *Ури* получила большинство мест в парламенте — 152, оппозиционная партия *Ханнарадан* — 121 место, Демократическая трудовая партия — 9 мест, Демократическая партия — 9 мест. Остальные партии — 6 мест, и беспартийные — 2 места. Для сравнения: в прежнем Национальном собрании 16-го созыва оппозиционной партии *Ханнарадан* принадлежало 145 мест, Демократической партии — 62 места, а партии *Ури* — только 47 мест²⁸. Таким образом, отчасти благодаря процедуре импичмента и последовавшему затем росту популярности президента Но Мухёна и его партии, в апреле 2004 г. президент, в случае непризнания Конституционным судом всех предъявленных ему обвинений, имел возможность получить действенный работоспособный парламент, в целом поддерживающий политику правительства.

Окончательно укрепив свою власть, президент Но Мухён попытался реализовать ряд проектов, которые могли бы стать историческими, заметно изменив ход развития южнокорейского общества.

Одной из подобных инициатив стало выдвинутое в сентябре 2004 г. предложение Но Мухёна об отмене Закона об охране государства (*Кука поанбоп*, сокращенно: *Кукпобоп*), который значительно ограничивал развитие отношений с Северной Кореей. Оппозиционная партия *Ханнарадан*, в частности ее тогдашний лидер Пак Кынхе, выступила с резкой критикой этой инициативы президента, обвинив его в том, что он пренебрегает принципами законности²⁹.

²⁶ Хангёре синмун. 2004. 6 апр.

²⁷ Чосон ильбо. 2004. 12 апр., электронная версия

²⁸ Там же. 16 апр.

²⁹ Мунхва ильбо. 2004. 6 сент.

18 сентября в центральных районах Сеула прошло несколько демонстраций как противников, так и сторонников отмены Закона об охране государства. Последних было меньшинство, не более 700 человек³⁰.

Ядерная проблема в Южной Корее. Начиная с 2003 г. весь мир был прикован к решению так называемой «ядерной проблемы Северной Кореи»³¹, и практически незаметным для мировой общественности оказался вопрос южнокорейской ядерной проблемы, возникший в 2004 г.

2 сентября 2004 г. в прессе появились сообщения о том, что вплоть до 2000 г. в Южной Корее проводились несанкционированные эксперименты по обогащению урана. Целью экспериментов, по словам южнокорейских властей, было самостоятельное создание топлива для атомных электростанций. Однако, в любом случае, данные эксперименты нарушали Договор о нераспространении ядерного оружия. В конце августа 2004 г. в Республику Корея прибыла неофициальная делегация МАГАТЭ для проверки указанных заявлений. Данный инцидент становился объективным препятствием в ведении Шестисторонних переговоров, поскольку позволял говорить не о «северокорейской ядерной проблеме», а о «ядерной проблеме на Корейском полуострове».

Делегация МАГАТЭ завершила свою работу 14 сентября 2004 г., опубликовав результаты своей инспекции, согласно которым в январе — феврале 2000 г. в Южной Корее проводились эксперименты по расщеплению 0,2 г. урана-235, в апреле — мае 1982 г. — эксперименты с плутонием; кроме того, к 2000 г. было произведено 150 кг металлического урана³².

18 сентября 2004 г., после завершения работы Постоянного комитета Совета национальной безопасности (*Кука анчжон почжан хвейи*) на пресс-конференции выступили три министра: министр объединения Чон Донъён, министр иностранных дел и внешней торговли Пан Гимун и министр науки и техники О Мён. Министры официально заявили о том, что Южная Корея не имеет намерений разрабатывать ядерное оружие или обладать им, не имеет и не собирается иметь никаких международных контактов в сфере ядерного вооружения. Однако нигде в заявлении не говорилось о том, что Республика Корея отказывается от экспериментов в сфере «мирного

³⁰ Чосон ильбо. 2004. 19 сент.

³¹ Подробнее см. главу 2 части 5 настоящей монографии.

³² Чосон ильбо. 2004. 14 сент.

атома». Говорилось лишь о «ядерной прозрачности», о контроле над циркуляцией ядерных материалов и необходимости информировать общественность о деятельности в ядерной сфере.

Различные скандалы, подобные описанному выше, ряд трудностей в экономической сфере и некоторая поспешность в принятии «кардинальных мер», например проекта отмены Закона об охране государства, привели к тому, что уже через несколько месяцев после победы Но Мухёна в Конституционном суде и на парламентских выборах уровень поддержки президента рядовыми гражданами страны начал резко падать. По результатам опросов общественного мнения, проведенных в сентябре — октябре 2004 г., из 10 человек 7 были не удовлетворены политикой президента³³.

Народное недовольство президентом Но Мухёном было настолько велико, что стало причиной еще одной попытки совершения террористического акта. 2 октября 2004 г. в 11:10 утра некто Ю (возраст 50 лет) припарковал автомобиль со взрывчаткой у дороги, ведущей к Голубому дому — резиденции южнокорейского президента, и позвонил по телефону в управление Начальника полиции, требуя организовать встречу с президентом. Уже через пять минут несостоявшийся террорист был задержан. Как выяснилось, до указанного случая он несколько раз пытался добиться личной встречи с президентом для обсуждения вопроса строительства дамбы Сэмангым в провинции Северная Чолла, но все время получал отказ³⁴. В произошедшем случае любопытно обратить внимание на *корейские* особенности «терроризма», когда требованием преступника является удовлетворение не личных, а общественных интересов.

Недовольство политикой Но Мухёна выражали не только отдельные граждане, но и широкая общественность, выходившая на демонстрации. 4 октября в Сеуле перед зданием мэрии около 100 тыс. человек, представлявших около 300 общественных и протестантских организаций, выступали против... проекта отмены Закона об охране государства. Демонстрантов разгоняли водометами, в результате чего 10 человек получили ранения³⁵. 7 октября подобная демонстрация против отмены Закона об охране государства прошла и в Пусане. В ней приняло участие около 3,5 тыс. человек.

В октябре ряд масштабных проектов Но Мухёна оказался заблокирован не только на уровне народного протеста, но и на уровне госу-

³³ Там же. 5 окт.

³⁴ Там же. 2 окт.

³⁵ Там же. 5 окт.

дарственных органов контроля. 21 октября 2004 г. Конституционный суд Республики Корея вынес очень непростое для Но Мухёна решение, которое поставило под вопрос эффективность и правильность его политической деятельности. Конституционный суд, который еще весной 2004 г. поддержал «опального президента», уже осенью выступил против одного из направлений деятельности Но Мухёна, которое должно было сделать его исторической личностью.

Речь шла о **переносе административной столицы Республики Корея в город Тэчжон** (провинция Южная Чхунчхон). Для этого президент принял «Закон об особых мерах по строительству новой административной столицы» (*Син хэнчжон судо-ый консор-ыль вихан тхыкпёль чочхибон*) и создал особый «Комитет способствования строительству новой административной столицы» (*Син хэнчжон судо консоль чхучжин вивонхве*). Конституционный суд Южной Кореи признал деятельность этого комитета противоречащей Конституции страны. После принятого решения все работы по переносу административной столицы в Тэчжон были прекращены. Для того чтобы деятельность в указанном направлении могла быть возобновлена, требовалось изменение Конституции, признание за провинцией Южная Чхунчхон статуса столичной, а перед тем — проведение всенародного референдума по указанным выше вопросам.

Таким образом, один из самых больших и амбициозных планов президента Но Мухёна провалился. Однако, несмотря на невозможность реализации изначального плана президента Но Мухёна, правительство страны не отказалось полностью от идеи рассредоточения центрального аппарата власти по регионам страны.

Так, оппозиционная партия *Ханнара* в конце октября 2004 г. выступила с инициативой перевести в провинцию Чхунчхон ряд министерств и ведомств, подобно тому, как в г. Квачхон провинции Кёнги уже расположен ряд южнокорейских министерств. Такой план «уменьшенного переноса [столицы]» с сохранением в Сеуле президентской резиденции, Национального собрания и Верховного суда (прокуратуры) помог бы, с точки зрения южнокорейского руководства, более равномерному развитию регионов.

Этот план начал реализовываться в проекте постройки «центрального административного города» в провинции Южная Чхунчхон, неподалеку от города Кончжу. Церемония закладки нового города состоялась 20 июля 2007 г. И хотя официального названия будущий город пока еще не получил, велика вероятность того, что

город будет носить имя знаменитого государя-реформатора Кореи XV в. — Сечжона. Планируется, что в административный город к 2014 г. будут переведены 12 министерств, а также ряд ведомств южнокорейского правительства — всего 49 органов исполнительной власти. Первый жилой квартал должен быть введен в эксплуатацию к 2012 г., а к 2014 г. новый центральный административный город станет крупным транспортным узлом Южной Кореи³⁶.

§ 2. Внешняя политика президентов Ким Дэчжуна и Но Мухёна

Во второй половине 2000 г. **Ким Дэчжун** старался закрепить и расширить достижения Пхеньянского саммита в том числе и в рамках своей международной деятельности. Так, с 5 по 10 сентября, находясь в Нью-Йорке в связи с участием в Саммите тысячелетия ООН, президент Южной Кореи выступил с речью, в которой призывал всю мировую общественность поддерживать позитивные изменения на Корейском полуострове.

23–24 сентября в местечке Атами (у Токио) прошли **переговоры Ким Дэчжуна и премьер-министра Японии Ёсио Мори**.

На переговорах обсуждались следующие вопросы: 1) поддержка северокорейской политики Ким Дэчжуна (в том числе и в форме прямой помощи КНДР); 2) совместная деятельность в сфере высоких технологий; 3) обсуждение вопроса возможности заключения договора о свободной торговле между двумя странами; 4) обсуждение совместного проведения финальных игр по футболу 2002 г. и объявление 2002 г. «Годом гуманитарного обмена между Японией и Кореей».

Улучшение ситуации на Корейском полуострове не могло не привлечь внимание России, в которой в то время разрабатывались различные крупномасштабные проекты с вовлечением Корейского полуострова. **С 26 по 28 февраля 2001 г. Республику Корея посетил с официальным визитом Президент Российской Федерации В. В. Путин**. Это был первый официальный визит российского Президента в Республику Корея. По его итогам было принято Совместное заявление, в котором указывалось, что Россия и Южная

---

³⁶ С более подробной информацией о проекте можно ознакомиться на сайте «Строительного агентства многофункционального административного города» по адресу: <http://www.macc.go.kr/>

Корея будут укреплять и развивать двусторонние отношения. Российская Федерация будет способствовать тому, чтобы окончательно разрешить вопрос с ракетной программой КНДР, будет поддерживать северокорейскую политику Ким Дэчжуна.

На переговорах была достигнута договоренность о создании Российско-Корейской Дальневосточной подкомиссии в рамках Российско-Корейского комитета по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Указанный комитет должен был курировать вопрос строительства промышленного комплекса в Находке и разработки газовых месторождений под Иркутском (Ковыкта). Кроме того, стороны договорились о тесном сотрудничестве в вопросе соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей. При этом Российская Федерация выразила намерение инвестировать до 500 млн долларов в модернизацию железных дорог КНДР (северо-восточного направления).

С 7 по 10 июля 2003 г. президент **Но Мухён** посетил с официальным визитом КНР. Одним из наиболее важных вопросов на двусторонних переговорах было обсуждение возможностей мирного решения северокорейского ядерного вопроса. Во время визита было подготовлено Совместное заявление глав двух государств, в котором был бы отражен и новый уровень экономических отношений между двумя государствами, способствующий созданию в Восточной Азии организации экономического сообщества (одно из программных положений администрации президента Но Мухёна), и мирный подход к решению северокорейской проблемы.

На протяжении всего периода президентства Но Мухёна одним из важнейших направлений его внешнеполитической деятельности был поиск источников дополнительных энергоресурсов для стремительно развивающейся экономики Южной Кореи. В частности, это было одной из главных целей визита президента Республики Корея в Казахстан с 19 по 20 сентября 2004 г., во время которого обсуждался вопрос совместной разработки нефтяных месторождений в районе Каспийского моря.

20–22 сентября 2004 г. состоялся визит президента Но Мухёна в Российскую Федерацию. 21 сентября во второй половине дня в Кремле прошли официальные переговоры между главами двух государств. На переговорах обсуждались, в частности, такие вопросы, как энергетика, эксплуатация природных ресурсов, космические технологии. Отношения между двумя странами были охарактеризованы как перешедшие из стадии «конструктивных и

взаимовыгодных партнерских отношений» в стадию *«всеобъемлющих партнерских отношений взаимного доверия»*. По окончании переговоров главы государств подписали Совместное заявление, состоявшее из 10 статей, в котором, в частности, указывалось, что Стороны договорились вести «энергетический диалог» по вопросу разработок нефтяных и газовых месторождений в Восточной Сибири; пришли к соглашению о сотрудничестве в сфере военных и космических технологий; подтвердили принципы мирного решения северокорейской ядерной проблемы и становления Корейского полуострова безъядерным, в частности, в рамках Шестисторонних переговоров, приверженность принципам нераспространения оружия массового поражения и средств их доставки, совместные меры по борьбе с терроризмом.

Кроме того, во время визита президента Но Мухёна был подписан ряд конкретных соглашений в рамках основных направлений совместной деятельности, указанной в Совместном заявлении: Соглашение о намерениях по совместной разработке нефтяных месторождений на Камчатке и Сахалине между южнокорейской Корейской нефтяной компанией (*Хангук согбю конса*) и Роснефтью (доля запасов из этих месторождений, которая могла бы быть импортирована в Южную Корею, оценивалась в объеме 1 млрд 700 млн баррелей). Кроме того, главы двух государств подтвердили намерение способствовать заключению договоров о совместной разработке газовых месторождений в Восточной Сибири. Министр науки и техники О Мён и глава Роскосмоса заключили договор о сотрудничестве в космической сфере, в рамках которого были запланированы подготовка и отправка в космос первого южнокорейского космонавта. Кроме того, были подписаны договоры между компаниями «Эл Джи Трейдинг» (LG Trading) и государственной нефтяной компанией Татарстана о строительстве нефтеперерабатывающего комплекса на сумму 1 млрд 740 млн долларов и ряд других договоров о двустороннем сотрудничестве в сфере добычи и переработки нефтепродуктов³⁷.

В отношениях с США Ким Дэчжуну удалось добиться определенных успехов на пути постепенного сокращения американского военного влияния в Республике Корея. **28 декабря 2000 г.**, после 5-летних переговоров с военными властями США, был подписан новый договор — «Соглашение по статусу [североамериканских]

³⁷ Тона ильбо. 2004. 21 сент.

вооруженных сил» (SOFA–Status of Forces Agreement). Впервые подобный договор был подписан в 1966 г., частично пересматривался в 1991 г. Новый договор 2000 г. значительно ограничивал права воинского контингента США и расширял права южнокорейских властей по отношению к военнослужащим США и контингенту войск в целом³⁸.

18 января 2002 г. Министерство обороны РК опубликовало сообщение о том, что в результате длительных переговоров с командованием американских вооруженных сил, расквартированных в Южной Корее, достигнуто принципиальное соглашение о том, что военная база США, расположенная в районе Ёнсан, в самом сердце Сеула, будет выведена за пределы города, в столичную провинцию Кёнги. В то время, правда, говорили о том, что города Пхёнхэк и Осан рассматриваться в качестве «кандидатов» для принятия американской военной базы не будут по причине массовых протестов населения этих городов³⁹.

С 19 по 21 февраля 2002 г. в рамках турне по странам Восточной Азии президент США Дж. Буш посетил с официальным визитом Республику Корея. Официальные переговоры проходили 20 февраля, как полагается по протоколу: в узком составе, в расширенном составе, а также во время официального приема в Голубом доме.

На переговорах обсуждались такие проблемы, как южнокорейско-американские союзнические отношения и борьба с терроризмом; ситуация на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии; двусторонние торговые и экономические отношения, вопрос ядерной и ракетной программ, обычных вооружений и оружия массового поражения КНДР. Президент США еще раз подтвердил отсутствие у США намерений военного решения северокорейской проблемы и призвал к скорейшему диалогу с КНДР. Президент Буш также указал на то, что отнесение КНДР к «оси зла» не имеет никакого отно-

---

³⁸ Согласно новому договору, если военнослужащий США совершал одно из определенных договором 12 видов преступлений (в том числе убийство, изнасилование), то арестовывался местными властями и находился под арестом корейских властей. Судопроизводство также осуществлялось теперь корейскими властями. Кроме того, новый договор оговаривал такие новые аспекты двусторонних отношений, как экологический аспект деятельности войск США в Корее (не загрязнение окружающей среды), а также вопрос постепенного возвращения Южной Корее ряда территорий, использовавшихся под нужды войск США в Корее.

³⁹ Чосон ильбо. 2002. 19 янв.

шения к народу КНДР в целом, но связано исключительно с высшим руководством КНДР⁴⁰.

12 по 17 мая 2003 г. новый президент Республики Корея Но Мухён совершил официальный визит в США. В первый день своего визита президент провел встречу с соотечественниками, проживающими в США. На встрече он выразил надежду на то, что 2-я дивизия ВС США в Республике Корея не станет передислоцироваться до тех пор, пока не будет решена ядерная проблема КНДР⁴¹. С другой стороны, Но Мухён подтвердил намерение осуществить перевод американской военной базы из Сеула (район Ёнсан) в другую часть страны, но сказал, что для решения этого вопроса требуются дополнительные усилия.

На переговорах с президентом США Дж. Бушем было достигнуто единство мнений по ряду важных вопросов, касающихся ситуации на Корейском полуострове. Обе стороны пришли к соглашению о недопустимости новой войны на Корейском полуострове и о том, что ядерную проблему КНДР следует решать мирным путем, посредством диалога. Но Мухён выразил надежду на то, что КНДР сможет выйти из изоляции и стать полноправным членом мирового сообщества.

Также на переговорах обсуждались меры по дальнейшему развитию американо-южнокорейских отношений.

Несмотря на отдельные вооруженные конфликты, возникавшие между Южной и Северной Кореей в первой половине 2000-х годов, северокорейский «ядерный кризис», проблемы в отношениях КНДР и США, общая ситуация как в мире, так и на Корейском полуострове складывалась таким образом, что приводила к постепенному ослаблению напряженности в регионе. Это давало возможность американским властям планировать дальнейшее сокращение воинского контингента США на Корейском полуострове. 6 июня 2004 г. американское военное командование в Республике Корея объявило о намерении до конца 2005 г. сократить контингент войск США, расквартированный в Южной Корее, на 12 500 человек и, таким образом, оставить на Корейском полуострове лишь 25 тыс. военнослужащих. Часть из сокращаемых лиц (от 3600 чел.) должна была быть передислоцирована в Ирак⁴².

⁴⁰ Там же. 20–22 февр.

⁴¹ Расположена к северу от Сеула и защищает город от возможного нападения с севера (Там же. 2003. 12 мая).

⁴² Там же. 2004. 9 июня.

В частности, в течение лета 2004 г. должна была закрыться военная база у селения Тондучхон (Camp Casey), около 4000 военнослужащих которой должны были отправиться в Ирак. Как ни странно, сокращение военной базы вызвало волну протестов у местного населения, лишавшегося основного источника доходов (содержание магазинов, ресторанов, клубов, ориентированных на американских военнослужащих).

§ 3. Экономическая ситуация в Республике Корея

В начале 2000-х годов ситуация в отдельных сферах южнокорейской экономики (прежде всего в сфере производства полупроводников) складывалась крайне благоприятно. За первое полугодие 2000 г. экспорт южнокорейских полупроводников вырос на 31,8 % (по сравнению с 1-м полугодием 1999 г.) и достиг уровня 11,9 млрд долларов⁴³.

В середине августа южнокорейская экономика демонстрировала устойчивую тенденцию экономического роста, занимая 13-е место в мире. При этом по уровню ВВП Южная Корея была на 13-м месте (406,7 млрд долларов; при том, что по количеству населения Республика Корея была 25-й страной в мире — 46 млн 858 тыс.), по экспорту — на 12-м месте, по импорту — на 14-м, по валютным запасам — на 7-м месте (74 млрд долл. США), по количеству пользователей сотовыми телефонами — на 6-м месте (50 чел. из 100), по кораблестроению — на 2-м месте, по количеству рабочих часов — на 1-м месте (50 часов в неделю).

Во второй половине 2000 г. в Южной Корее продолжились экономические реформы, в рамках которых *государство* ликвидировало убыточные предприятия. Так, в ноябре 2000 г. правительство опубликовало список 18 убыточных фирм, подлежащих ликвидации. Это были *частные* фирмы известных корпораций, такие как «Коммерческие автомобили Самсунг» (Samsung Commercial Vehicles), крупнейший производитель музыкальных инструментов «Самик» (Samick) и т. п. Были объявлены банкротами и взяты под государственное (судебное) управление 11 фирм. 8 нояб-

⁴³ Здесь и далее (кроме случаев, указанных особо) фактическая информация почерпнута из таких периодических изданий, как журнал «News Review» и «Korea Now» (Республика Корея, Сеул).

ря 2000 г. банкротом объявили фирму «Дэу Моторс» (Daewoo Motors). Таким образом, роль государства и планового регулирования в экономике Южной Кореи по-прежнему оставалась очень высокой.

При этом в планах правительства роль частного капитала оставалась высокой. 29 марта 2001 г. был открыт новый международный аэропорт в Инчхоне (первая очередь), построенный на острове Ёнчжондо. Сам проект по строительству нового международного аэропорта стал разрабатываться еще в 1992 г., и около половины стоимости строительных работ было профинансировано частным капиталом⁴⁴.

По итогам 2000 г. Южная Корея стала 4-м в мире производителем автомобилей. Событие это известной мере можно назвать историческим, поскольку в дальнейшем Южная Корея потеряла это высокое место, опустившись к 2004–2005 гг. на 7-е место в рейтинге автопроизводителей и уступив 6-е место Китаю.

В 2002 г. в сфере экономики в Южной Корее наблюдалось продолжение процесса трансформации банковской системы. Так, в апреле 2002 г. было объявлено о возможном слиянии банков *Синхан ынхэн* («Новый корейский банк») и *Корам ынхэн* («Корейско-американский банк»). Слияние банков объяснялось ужесточением конкуренции с другими южнокорейскими банками, в частности с банком *Кунмин ынхэн* («Гражданский банк»)⁴⁵.

9 июля 2003 г. Корейский институт развития (Korean Development Institute) опубликовал сообщение, согласно которому прогнозируемый рост южнокорейской экономики (ВВП) в 2003 г. должен был составить 3,1 % (против 6,3 % в предшествующем 2002 г.).

2003 г. продемонстрировал дальнейшее развитие тенденции переноса южнокорейского производства в Китай, иногда в форме «продажи предприятия» иностранному (китайскому) владельцу. Так, 16 декабря 2003 г. в южнокорейской прессе появилось сообщение о том, что автомобильная фирма «Ссангён моторс» (Ssangyong motors) будет продана китайской государственной нефтехимической корпорации «Китайская национальная группа Голубая звезда» (China National Bluestar Group). Предполагалось, что Меморандум о намерениях будет подписан к концу декабря 2003 г., а соглашение о

⁴⁴ Например, на строительстве второй очереди аэропорта объем государственных инвестиций составит 579,600 млн вон, а частных — 289,800 млн вон (По материалам газеты «Инчхон ильбо» от 26 июня 2007 г.).

⁴⁵ Чосон ильбо. 2002. 11 апр.

покупке 50 % акций по цене 11 000 *вон* за штуку — в первом квартале 2004 г.⁴⁶

Однако в целом не все в экономике Южной Кореи вызывало чувство оптимизма. Несмотря на известный контроль со стороны государства в сфере ценообразования, начало **2004 г.** сопровождалось очередным ростом цен.

По сообщениям Управления статистики Республики Корея (*Тхонгечхон*), за февраль 2004 г. значительно выросли цены на основные потребительские товары — на 3,4 %, по сравнению с февралем 2003 г., что уже превысило планировавшийся правительством уровень инфляции в 3 %⁴⁷.

Развитие инфраструктуры, скоростные поезда. Стремительное социально-экономическое развитие Южной Кореи, вовлечение все большего числа населения в сферу высокотехнологичного бизнеса, потребность в большей мобильности граждан и перенаселенность крупных экономических центров Южной Кореи привели к необходимости постройки линии скоростных железных дорог, которая должна была связать все крупнейшие города страны.

Проект по постройке скоростной железной дороги, получивший название «Кэй Ти Экс» (КТХ — аббревиатура от англ. Korea Train Express) был начат в 1992 г. В качестве основы проекта были выбраны французские технологии фирмы «Альфстом» с перспективой постройки производственных мощностей, необходимых для производства и обслуживания подвижного состава. Первые пробные пуски поездов состоялись в 2000–2001 гг. **1 апреля 2004 г.** началось регулярное движение скоростных поездов «Кэй Ти Экс». Поначалу на скоростной железной дороге возникали те или иные неисправности, вызывавшие сбой в движении и дававшие повод для критики со стороны противников проекта. Однако в течение последующих лет недоработки были во многом устранены, и линия скоростных железных дорог стала играть важнейшую роль в транспортной системе Республики Корея.

В конце апреля 2004 г. в южнокорейской прессе появились аналитические статьи о первом месяце эксплуатации скоростной железной дороги «Кэй Ти Экс». Оценки, как и следовало ожидать, были весь-

⁴⁶ Там же. — 16 дек. По состоянию на июль 2007 г. среди «официальных» электронных сайтов компании «Ссангён моторс» (smotor.com; ssangyong-motor.com) ни на одном из них невозможно было узнать ни о собственнике, ни о месте производства автомобилей под этой маркой.

⁴⁷ Чосон ильбо. 2004. 2 марта.

ма пессимистичными. Так, указывалось на то, что количество пассажиров, пользующихся скоростными железными дорогами, почти в 2 раза меньше расчетной цифры: ежедневное число пассажиров колебалось в пределах 71 тыс. человек вместо запланированных 150 тыс. В то же время число пассажиров, использовавших «традиционную» железную дорогу, несмотря на сокращение количества обычных поездов дальнего следования, оставалось по-прежнему высоким — до 107 тыс. человек в день. Подобные цифры, а также результаты опросов общественного мнения, согласно которым только треть пассажиров была довольна качеством обслуживания на новых скоростных поездах, внушали некоторый пессимизм относительно окупаемости и рентабельности нового вида транспорта.

На самом деле это было частью процесса *освоения и популяризации* нововведения общегосударственного масштаба. Люди не так легко отказываются от своих привычек, в особенности если это связано с большими расходами (стоимость проезда на скоростном экспрессе примерно в 1,7 раза больше, чем в обычном поезде дальнего следования), и не сразу понимают, что дороговизна с лихвой окупается большим комфортом и экономией времени⁴⁸.

В апреле 2004 г. стала особо заметной *тенденция переноса производственных мощностей крупнейших южнокорейских электронных компаний из Западной Европы в Восточную* — в те страны, которые вот-вот должны были стать членами Евросоюза и имели ряд экспортных налоговых льгот, которые делали производство именно в этих странах более выгодным.

Так, компания «Самсунг Электроникс» (Samsung Electronics) в марте 2004 г. закрыла линии по производству мониторов в Великобритании и перенесла сборочные заводы в Словакию. Фирма «Эл Джи — Филипс Мониторс» (LG-Philips Monitors) еще в августе 2003 г. закрыла завод в Уэльсе и в первой половине 2004 г. занималась налаживанием производства в Венгрии. Фирма «Дэу Электроникс» (Daewoo Electronics) перенесла завод из Франции в Польшу (Варшава) еще в 1994 г. Однако в преддверии вступления Польши в ЕС фирма планировала расширить производство на имеющихся заводах и в сентябре 2004 г. открыть линии по сборке цифровых телевизоров и жидкокристаллических мониторов⁴⁹.

⁴⁸ Если учесть время проезда до аэропорта, время ожидания и т. п., поездка на скоростном поезде на определенные расстояния в целом может оказаться быстрее, чем полет на самолете до того же населенного пункта.

⁴⁹ Чосон ильбо. 2004. 12 апр.

Помимо указанного, процесс переноса южнокорейских производственных мощностей затронул и Китай. К июню 2004 г. четко обозначилась тенденция падения конкурентоспособности южнокорейских товаров, производимых в Китае, и, как следствие, сокращение производства с последующими планами переноса производственных мощностей в страны Юго-Восточной Азии. В частности, в июне 2004 г. руководство компании «Самсунг Электроникс» объявило о планах закрытия китайского завода по производству СВЧ-печей и переноса завода в Таиланд. Причиной указанного явления было то, что в Китае до 30 % произведенных южнокорейскими фирмами товаров шло на внутренний китайский рынок, в то время как в странах ЮВА до 90 % продукции отправлялось на экспорт. В то же время в самом Китае появлялось все больше *собственных* фирм, производивших товары, аналогичные южнокорейским, но стоившие гораздо дешевле. Поэтому потребление южнокорейских товаров на китайском рынке постоянно сокращалось, что и приводило к убыткам⁵⁰.

По июльским прогнозам южнокорейского Центрального банка и Института экономических исследований Эл Джи в 2004 г. уровень роста экономики должен был составить не 5,5 %, как это предсказывали в мае 2004 г., а 5,4 %. Ухудшение показателей экономического роста объяснялось сокращением потребительского спроса, снижением инвестиций в промышленное оборудование, ростом цен на нефть и усиливающейся конкуренцией со стороны Китая (рост экономики которого прогнозировался в 8,7 %) ⁵¹.

Первые годы XXI столетия продемонстрировали тенденцию постепенного *качественного* изменения южнокорейского рынка труда. Согласно сообщениям Статистического управления Республики Корея (*Тхонгечхон*) от 19 октября 2004 г., наибольший рост количества занятых наблюдался среди женщин 40–50 лет. При этом они либо устраивались на поденную работу, либо открывали небольшие собственные предприятия (в большинстве случаев рестораны). Рост числа занятых именно в этой категории населения объяснялся сложностями в экономическом положении в семье (необходимость оплаты дополнительного образования детей или же потеря мужем рабочего места) ⁵².

⁵⁰ Там же. 2004. 7 июня.

⁵¹ Там же. 8 июля.

⁵² Там же. 19 окт.

§ 4. Интернет-революция и интернет-экономика в Южной Корее

Рубеж 1990–2000-х годов ознаменовался для Южной Кореи очень важными событиями и процессами, которые автор предлагаемой читателю монографии оценивает как «интернет-революция». Действительно, буквально за два года число активных пользователей интернетом в Республике Корея выросло с мизерных процентов до половины населения страны.

Автор связывает данный феномен с двумя важнейшими факторами. Первое — это собственно развитие информационно-коммуникационных технологий. Однако само по себе развитие технологий не является достаточным условием для их распространения. Для того чтобы технологии были востребованы, должна наличествовать объективная необходимость их активного использования.

К такой объективной необходимости автор монографии относит традиционную культуру *коллективизма*, крайне актуальную для обществ как Южной, так и Северной Кореи. Именно особая потребность в общении (взаимосвязях), обусловленная традиционной культурой, стала одним из важнейших толчков к развитию информационных технологий и интернет-инфраструктуры в Южной Корее.

Следует отметить, что интернет-технологии развивались в Южной Корее не стихийно, но были частью осознанно проводимой государством политики.

Так, президент Ким Дэчжун, принимавший участие в совещании стран — участниц АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество), проходившем в Брунее с 14 по 16 ноября 2000 г., призвал к кооперации в сфере высоких технологий, к помощи слаборазвитым странам — членам АТЭС в развитии интернет-технологий.

В связи с указанными процессами показательным был рост онлайн-торговли во второй половине 2000 г., причем не в сфере оборота потребительских товаров, а в биржевой торговле, и прежде всего торговле акциями. Так, в июне 2000 г. 59 % биржевых операций было совершено в онлайн-режиме (в то время как в мае — «только» 41,5 %).

В сентябре 2000 г. компания «Эл Джи Электроникс» продемонстрировала систему интернет-телевидения. По статистике конца 2000 — начала 2001 г., именно граждане Южной Кореи больше всего в мире проводили во всемирной паутине — 18,1 часа на человека в месяц, обогнав по этим показателям Гонконг, США, Сингапур,

Тайвань, Мексику, Испанию, Германию. Количество часов, проведенных в Сети, важно для понимания процесса *виртуализации* социальной, социально-экономической (торговля), социально-технологической составляющих жизни южнокорейского общества.

К началу 2001 г. число подписчиков *беспроводного* скоростного доступ в интернет достигло 15,78 млн человек. Подобное стремительное развитие интернет-технологий было не стихийным, но частью осознанной государственной политики. 14 февраля 2001 г. на встрече с министром культуры и туризма Ким Хангилом президент Южной Кореи еще раз озвучил задачу сделать Южную Корею лидером в сфере информационных технологий.

25 января 2003 г. в Южной Корее случилось происшествие, показавшее степень вовлеченности страны в интернет-экономику, или, другими словами, степень влияния интернета на экономику страны. Из-за хакерских атак с 14 часов 10 минут и примерно до 11 вечера во всей Южной Корее не работал интернет: ни обычный, ни беспроводной. На 9 часов в стране прекратилась интернет-торговля, интернет-оплата транспортных услуг, работа *интернет-предприятий*.

Подобного рода полный паралич интернета случился в Южной Корее впервые в ее истории. В интернет-развитых странах, таких как Япония, Тайвань, США, Канада, в эти дни также наблюдались сбои в работе отдельных элементов сетевой экономики, однако остановка интернета в общегосударственном масштабе имела место только в Южной Корее.

Указанный факт продемонстрировал, насколько важным к началу 2003 г. стал интернет для экономической и социальной жизни страны. Можно говорить о том, что в начале 2000-х годов в Южной Корее начало формироваться новое виртуальное социально-экономическое пространство, некий виртуальный субмир (формирование которого происходит во всех странах мира, но с разной степенью проникновения и с различными темпами), обладающий всеми теми атрибутами, которыми обладает мир реальный. Примером к указанному тезису может быть процесс формирования интернет-преступности. Так, 27 апреля 2004 г. правоохранительные органы Республики Корея опубликовали цифры статистики роста преступности в интернете среди подростков. Если в 2000 г. в связи с мошенничеством в интернете были подвергнуты наказаниям различной степени тяжести 675 человек, то в 2001 г. — уже 2193 человека, в 2002 г. — 8250 человек, а в 2003 г. — 10 187 человек. В то время пре-

ступления совершались в основном в сфере платежей в онлайн-овых играх.

К 2004 г. в Южной Корее появилась виртуальная полиция в лице Отдела компьютерных преступлений.

В целом первая половина 2000-х годов стала для Южной Кореи временем положительных качественных изменений в сфере политики (продолжение процесса демократизации), экономики, социальной жизни.

Все это создавало хорошую базу для развития межкорейских контактов и оздоровления ситуации на Корейском полуострове.

В свою очередь и в Северной Корее происходил ряд качественных изменений.

Глава 2. КНДР В 2000–2005 ГОДАХ

§ 1. Внутриполитические события

Внутриполитические события, происходившие в КНДР во второй половине 2000–2005 г., тесно переплетены с теми событиями, которые излагаются в отдельных параграфах настоящей главы, описывающих такие вопросы, как ядерная проблема КНДР, экономические реформы, межкорейские отношения, отношения КНДР с соседними странами. Поэтому все, что представлено в предлагаемом читателю разделе, — это не комплексное описание внутриполитических событий, но лишь те их аспекты, которые не вошли в перечисленные выше специальные разделы.

Весь указанный период времени в КНДР продолжала дальнейшее развитие идеология и политика *сонгун*, т. е. идеология и политика так называемого приоритета армии.

Идеи и политика сонгун. В официальной литературе начало идеологии *сонгун* принято соотносить с декабрем 1994 г. (с годом ухода из жизни Ким Ирсена), когда эти идеи были провозглашены Ким Чениром.

В литературе, как в северокорейской, так и в зарубежной, можно встретить различные толкования сущности и причин возникновения идеологии и политики *сонгун*. Предлагаемая в настоящей книге авторская трактовка — одна из возможных.

Очевидно, что еще до принятия новой редакции Конституции КНДР 1998 г. Ким Ченир не планировал полностью взять на себя

всю полноту власти в том объеме, в котором ею обладал Ким Ирсен. В 1994 г. он был Генеральным секретарем ТПК и Председателем Государственного комитета обороны (ГКО). Таким образом, в его руках была сосредоточена партийная и военная власть. Для того чтобы являться *реальным* и полноправным лидером страны в условиях, когда Ким Ирсен *стал считаться* «вечным президентом» КНДР (данное положение закреплено в Конституции 1998 г.), следовало изменить общество таким образом, чтобы военный аспект его жизни становился главнейшим. Таким образом, идеи *сонгун* как бы «подстраивали» общественное устройство КНДР под особую роль Ким Ченира как военного лидера государства. Ставшее «военно-приоритетным» общество естественным образом получало в качестве своего руководителя Верховного главнокомандующего и председателя ГКО.

Однако в конце 1990-х — начале 2000-х годов политика *сонгун* еще не была настолько важной в сравнении с тем, какой она стала с первой половины 2001 г., т. е. после вступления в должность президента США Дж. Буша и начала американо-северокорейского противостояния⁵³. Тогда на повестку дня особо встал вопрос об укреплении обороноспособности КНДР в контексте антисеверокорейской политики, которая стала проводиться новой администрацией США.

Изложим вкратце основное содержание северокорейских идей «приоритета армии». *Сонгун* — это «научная революционная теория» и «стратегия и тактика», которые «возникли в 1990-е годы» как «отражение реалий корейско-американского противостояния». Идеи возникли как «революционная философия», утверждающая, что «оружие — это и есть революция, это и есть победа социализма». На основе идей *сонгун* строится «политика *сонгун*», которая, в свою очередь, состоит из трех основных компонентов: 1) «философия приоритета армии» (*сонгун чхорхаек*), 2) «революционное руководство» (*хёнмён ёндо*) в духе политики *сонгун* и 3) «реализация в политике» (*чончхи сильхён*) идей *сонгун*⁵⁴.

В основе теоретических положений *сонгун* лежит **теория особой роли ружья** (*чхондэ чунсирон*), которая связана с тезисом о независимости государства. Однако вооружение («оружие») определяет не только жизненность общества в целом, но и вопрос наличия

⁵³ Подробнее об изменениях северокорейской политики США см. в § 4 настоящей главы.

⁵⁴ Ким Инюк. Ким Чониль чангун сонгун чончхи ирон (Теория политики *сонгун* полководца Ким Ченира). Пхеньян, 2003.

власти: «власть происходит от оружия и поддерживается оружием»⁵⁵. Главной целью обладания оружием (т.е. практическое проявление «любви к оружию»), согласно идеологии *сонгун*, заключается, прежде всего, в *противостоянии империализму*. Это, однако, совсем не означает, что КНДР собирается на кого-либо напасть. Тезис, указанный выше, означает лишь то, что империализму нельзя уступать ни в политическом, ни в военном плане. При этом сила оружия заключается в идеях его обладателей, а «ружье без идей слабее палки».

Передача и принятие оружия *по наследству* (сохранение традиций в армии) является одним из *важнейших условий* обеспечения *силы* оружия. Так, еще 10 июля 1952 г. Ким Ченир получил в наследство от отца два пистолета, которыми «вождь завещал сыну» бороться с врагами и защищать родину. Таким образом, факт необходимости передачи оружия по наследству (в рамках идеологии *сонгун*), а также факт того, что в случае с Ким Чениром такая передача состоялась, обосновывает как особую роль Ким Ченира в качестве высшего военного руководителя в государстве⁵⁶, так и его особое внимание к вопросам обороны.

Утверждение идеологии *сонгун* о главенстве человеческого фактора в вооруженных силах обосновывает то, что Корейская Народная Армия может быть одной из самых боеспособных именно благодаря особому воспитанию человека — бойца. В КНДР, реализующей идеи *сонгун*, вооруженные силы строятся исходя из «теории центральной роли вождя» (*сурён чунсирон*). Причем вождь, согласно *сонгун*, — это не просто отдельная «особенная» личность, а выразитель интересов и воли к *самостоятельности* народных масс. А Ким Ченир — это не просто «обычный» полководец. Он относится к своим бойцам, к армии [так, как в древности к подчиненным относились просвещенные государи]⁵⁷ с заботой и любовью. Кроме того, Ким Ченир *верит* в армию. В свою очередь, бойцы Корейской Народной Армии, согласно *сонгун*, верят полководцу.

⁵⁵ Здесь и далее все цитаты об идеях и политике *сонгун* взяты из вышеуказанной монографии Ким Инок.

⁵⁶ 24 декабря 1991 г., в день рождения своей матери Ким Чжонсук Ким Ченир стал Верховным главнокомандующим Корейской Народной Армии. В апреле 1993 г. Ким Ченир возглавил Государственный комитет обороны. На 24 декабря 1994 г. (в год ухода из жизни Ким Ирсена и опять же на день рождения матери Ким Ченира) был назначен очередной Пленум ЦК ТПК, закрепивший лидирующее положение Ким Ченира в КНДР.

⁵⁷ В квадратных скобках заключен авторский комментарий.

Важнейшим в идеологии и политике *сонгун* являются многочисленные утверждения о том, что армия не только обеспечивает защиту и независимость страны, но и активно участвует в экономической и культурной деятельности. Кроме того, именно политика *сонгун* является самым важным условием дальнейшего объединения родины и установления на Корейском полуострове прочного мира.

Роль Ким Ченира как высшего государственного деятеля неоднократно подтверждалась и обычной политической рутинной, как, например, избрание в Верховное Народное Собрание (ВНС) КНДР. 3 августа 2003 г. Ким Ченир был избран депутатом ВНС КНДР 11-го созыва по 649 избирательному округу. За него проголосовало 100 % избирателей.

3 сентября 2003 г. 1-й Съезд ВНС КНДР 11-го созыва переизбрал новый состав ГКО. Председателем ГКО единогласно был избран Ким Ченир.

Тогда же был назначен новый премьер-министр КНДР — Пак Пончжу, прежде занимавший должность министра химической промышленности.

Политические события 2004 г. Ёнчхонская катастрофа. Через несколько часов после того, как 22 апреля 2004 г. спецпоезд Ким Ченира, завершившего свой неофициальный визит в КНР (19–21 апреля 2004 г.)⁵⁸, пересек границу двух государств, примерно в час дня по местному времени, на железнодорожной станции Ёнчхон, расположенной неподалеку от корейско-китайской границы, произошел взрыв железнодорожного состава, перевозившего аммиачную селитру⁵⁹. Взрыв произошел во время маневровых работ на товарной станции в результате столкновения поезда, перевозившего селитру, и железнодорожного состава с нефтепродуктами. По сообщениям южнокорейских СМИ (информация получена по линии Международного Красного Креста), в результате взрыва погибло по меньшей мере 54 человека и 1249 получили ранения. При этом в радиусе 600 м от эпицентра взрыва были разрушены все постройки⁶⁰.

Северокорейские СМИ также не стали скрывать масштабов трагедии и сообщили о следующем ущербе: радиус действия взрывной волны — 1,5–2 км; более 8100 жилых домов и 30 промышленных по-

⁵⁸ Подробнее см. § 3 настоящей главы.

⁵⁹ Используется в КНДР в качестве удобрения. Также является взрывчатым веществом.

⁶⁰ Чосон ильбо 2004. 23 апр.

строек получили различные повреждения, из них более 1850 жилых домов были полностью разрушены. Погибло более 150 человек, более 1300 получили ранения. Число пропавших без вести не сообщалось⁶¹.

Трагедия в Ёнчхоне продемонстрировала несколько важных проблем развития КНДР начала 2000-х годов.

Во-первых, в южнокорейских и западных СМИ в связи с трагедией стали выдвигать предположения о возможном теракте, направленном против высшего руководителя страны. Это означало, что за пределами КНДР ряд политиков выдвигали предположения о наличии в стране оппозиции, которая имела целью изменить существующий в КНДР порядок с применением силы.

Во-вторых, масштаб катастрофы демонстрировал известную технологическую и экономическую отсталость Северной Кореи.

В-третьих, выражение соболезнования руководству КНДР и предоставление значительной гуманитарной помощи, которая должна была помочь в преодолении последствий ёнчхонской катастрофы, демонстрировала готовность мирового сообщества поддерживать отношения с КНДР.

Новый этап экономических реформ в КНДР. Еще в период до развала мировой системы социализма в КНДР существовали элементы рыночной экономики и форме частных домашних предприятий, именовавшихся *канэбан* (дословно — «семейные группы»).

После распада социалистического лагеря Северная Корея была вынуждена искать новые пути экономического развития и, в частности, предприняла попытку создания свободных экономических зон. Первая из них в районе городов Начжин — Сонбон начала функционировать с сентября 1993 г. (Закон о ее создании был принят 28 декабря 1991 г.). Планировалось, что свободная экономическая зона, находящаяся на берегу Восточного (Японского) моря, неподалеку от границ с Китаем и Россией, станет местом, привлекательным для иностранных инвестиций.

В январе 1998 г. Было создано первое крупное совместное предприятие по сборке автомобилей итальянского концерна «Фиат». Предприятие получило название «Пхёнхва» (что значит «Мир») и занималось сборкой легковых автомобилей марки «хвишхарам». 70 % капитала фирмы принадлежало инвесторам из Южной Кореи (Церковь Единения пастора Мун Сонмёна), а 30 % — правительству КНДР.

⁶¹ ЦТАК. 2004. 26 апр.

Для создания более благоприятных условий для экономической деятельности в новых условиях интеграции с государствами рыночной экономики 4 сентября 1999 г. В КНДР был принят «Закон о реформировании народной экономики КНДР».

2002 г. стал для КНДР особым годом, когда страна фактически вышла **на новый этап экономических реформ**, подразумевавший более масштабное использование механизмов рыночного регулирования, и большей открытости экономики для внешнего мира и, прежде всего, для Южной Кореи.

28 марта 2002 г. был издан Закон о планировании государственных земель КНДР (*Чосон минчжучжусый инмин конхвагук куктохо кехвекпон*). Несмотря на то что Закон оперировал такими понятиями, как «социализм» и «патриотизм», в нем были отражены новые реалии Северной Кореи, развивавшейся в условиях глобализации XXI в. В Законе говорилось об эпохе информационной индустрии, необходимости усиления сотрудничества с другими странами мира (ст. 9). Основными субъектами закона были [государственные] органы, а также предприятия и организации (*кигван, киопсо, танчхе*), которые могли быть и частными, хотя прямым текстом о частном капитале в законе нигде не говорилось.

Очевидно, реформы были направлены на то, чтобы привлечь иностранных, и прежде всего южнокорейских, инвесторов. Поэтому та часть экономических реформ, которая была связана с сотрудничеством с Южной Кореей, описана в разделе «Межкорейские отношения».

В июле 2002 г. в центральной газете Трудовой Партии Кореи — «Нодон синмун» вышла специальная статья, посвященная разъяснению сути планировавшихся экономических реформ. Реализация реформ привела к фактической отмене карточной системы и росту цен. Так, если до реформ 1 кг риса стоил 80 чон (1 чона — 1/100 воны), то после начала реформ официальная цена риса выросла до 44 вон за 1 кг (в 2002 г.). Реформы также предполагали больше свобод в экономической деятельности северокорейского населения.

Затем в том же 2002 г. в КНДР был принят ряд специальных законов о зонах свободной экономической деятельности, каждая из которых должна была привлечь капитал из-за рубежа: из Южной Кореи или из Китая.

На Китай была ориентирована Особая административная зона Синийчжу (город у реки Амноккан, на границе с КНР). Закон об Особой административной зоне Синийчжу был принят Постоянным

комитетом ВНС КНДР 12 сентября 2002 г. Согласно закону, Зона должна была выйти из-под подчинения провинции Северная Пхёнан и стать самостоятельной административной единицей. Государство гарантировало особый статус Зоны не менее чем на 50 лет. Планировалось, что Зона станет центром международной деятельности в сфере финансов, торговли, промышленности, передовых технологий, индустрии развлечений, туризма. Государство гарантировало защиту иностранных инвестиций, обеспечивало удобство передвижения, обмена информацией и т. п. для всех участников проекта.

Однако уже в октябре 2002 г. у начальника администрации Особого административного района Синийчжу — Ян Биня начались проблемы с властями КНР. Постепенно проект ОАЗ Синийчжу потерял свою актуальность.

23 октября 2002 г. был принят «Закон о Кымганской туристической зоне». Закон предусматривал создание особой зоны экономической деятельности в горах Кымгансан, на юго-востоке КНДР, рядом с демаркационной линией. Закон предполагал более льготные условия для южнокорейских предпринимателей, и прежде всего фирмы «Хёндэ Асан», для организации туров для иностранных граждан, в первую очередь граждан Южной Кореи.

13 ноября 2002 г. был принят «Закон о Кэсонской промышленной зоне», предусматривавший создание специального индустриального комплекса у города Кэсон, расположенного в десятке километров от демаркационной линии, на юго-западе КНДР.

Оба проекта, ориентированных на южнокорейский капитал (Кымгансакая туристическая зона и Кэсонский промышленный комплекс), успешно развивались в середине 2000-х годов⁶².

Экономические реформы, получившие особый толчок в 2002 г., подразумевали большую свободу социальной и экономической активности населения. Так, в сентябре **2003 г.** в КНДР была официально запущена система местной сотовой связи, которая была доступна не только для иностранцев или предпринимателей, но и для состоятельных «рядовых» граждан Северной Кореи. Свободная система сотовой связи просуществовала до июня 2004 г., после чего право использования сотовой связи осталось лишь у ограниченного количества людей, главным образом у работников иностранных представительств⁶³.

⁶² См. подробнее главу 3 части 5, посвященную межкорейским отношениям.

⁶³ Известия. 2004. 2 июня; электронная версия.

Как показали события **2004 г.**, экономические реформы в КНДР затронули не только сферу внешнеэкономических отношений, связанную прежде всего с экономическим сотрудничеством с Южной Кореей, но и экономическую структуру внутри страны.

В частности, в Северной Корее стали заметными изменения в сфере торговли, свидетельствовавшие о постепенном развитии внутренних рыночных отношений. Так, в апреле 2004 г. в Пхеньяне (в квартале Мунсу) района Тэдонган появился первый магазин, торгующий 24 часа в сутки⁶⁴. 9 июня 2004 г. на Пхеньянском фармацевтическом заводе состоялся пуск новой линии по производству лекарств совместной северокорейско-швейцарской фирмы «Пхёнс» (со швейцарской стороны в создании совместного предприятия участвовала фирма «Интерпасифик»). Фирма работала довольно успешно, и в июле 2005 г. в северокорейской прессе появлялись сообщения о достижениях в производстве лекарств на указанном совместном предприятии.

§ 2. Ядерная проблема КНДР

21 января 2003 г. от имени правительства КНДР было опубликовано заявление под названием «Честные и открытые меры самообороны в связи с выходом КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия».

В обширном документе была подробно представлена позиция КНДР по вопросу начала собственных разработок в сфере ядерных технологий. В документе делался акцент на двух основных моментах.

Первое — это энергетика. В заявлении говорилось о том, что «обычная» тепловая и гидроэнергетика показали свою ограниченность для условий Кореи и единственной возможностью обеспечения страны электроэнергией является атомная энергетика. Начиная с 1974 г., когда в стране был принят «Закон о ядерной энергетике» (*Вончжарёк поп*), КНДР обращалась к странам Западной Европы с просьбой поставить на возмездной основе соответствующее оборудование, но из-за сопротивления властей США эти первые попытки отказались неудачными. В середине 1980-х годов СССР начал работу по строительству АЭС. Для обеспечения всех формальных международных требований 12 декабря 1985 г. КНДР вступила в

⁶⁴ Мунхва ильбо. 2004. 17 апр.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Несмотря на то что советская сторона обещала пустить первый реактор еще в конце 1990 г., были проведены только работы по исследованию и подготовке строительной площадки.

Далее в Заявлении говорилось о том, что с начала 1990-х годов КНДР начинала реализовывать более активные контакты с МАГАТЭ (1992 г.) для обеспечения «прозрачности» деятельности КНДР в сфере ядерных технологий.

Затем с середины 1990-х годов была создана специальная международная организация, которая должна была решить вопрос ядерной энергетики в КНДР (15 марта 1995 г. Южная Корея, США и Япония основали Организацию развития энергетики на Корейском полуострове (Korean Peninsula Energy Development Organization — KEDO; в русском варианте также принято называть «КЕДО»). В дальнейшем (1997 г.) к организации присоединился и Евросоюз. Своей главной задачей организация определила постройку двух атомных реакторов на легкой воде мощностью 1000 мВт)⁶⁵.

Однако с самого начала проект реализовывался совсем не так активно, как ожидалось. Переговоры между КЕДО и КНДР по вопросу строительства реакторов тянулись с 21 апреля по 15 декабря 1995 г. Церемония начала работ прошла также с опозданием на 1 год: только в августе 1997 г. По северокорейско-американскому соглашению, первый реактор должен был быть введен в строй до 2003 г., однако, по мнению северокорейской стороны, к 2003 г. реализация проекта оставалась все еще на начальной стадии.

Из-за сложившейся ситуации КНДР был нанесен огромный ущерб в сфере электроэнергетики, и это сказалось на общем экономическом положении страны.

Кроме того, согласно пункту 2 параграфа 1 указанного северокорейско-американского соглашения (*Чо-ми кибон хабыймун*), до пуска первого из 2 атомных реакторов (в качестве компенсации за замораживание работ на графитовых реакторах) США обязывались поставлять ежегодно по 500 тыс. тонн мазута, причем на регулярной основе — по 40 тыс. тонн мазута в месяц. И ни разу данный пункт соглашения не был выполнен американской стороной.

14 ноября 2002 г. США приняли решение о прекращении поставок мазута в КНДР начиная с декабря 2002 г.

---

⁶⁵ Текст в скобках отсутствует в основном тексте северокорейского заявления и добавлен автором книги для пояснения хода событий.

Все эти изменения в северокорейской экономической политике США были следствием изменения отношения администрации США к КНДР в целом. Формально еще 17 сентября 1999 г. на Берлинских северокорейско-американских переговорах администрация Билла Клинтона заявила о том, что перестает считать КНДР вражеским государством и снимает ряд экономических ограничений в отношении КНДР, существовавших прежде.

Однако согласно рассматриваемому заявлению КНДР от 21 января 2003 г. прежняя американская политика, основанная на отношении к КНДР как к вражескому государству, все еще продолжалась.

В феврале 2001 г. новая администрация президента США Дж. Буша раскритиковала северокорейскую политику администрации Билла Клинтона и перешла к «политике силы» (*хим-ый чончхэк*).

В марте 2002 г. в американской прессе появились сообщения о том, что 7 стран мира — КНР, РФ, КНДР, Иран, Ирак, Сирия и Ливия — являются объектами, на которые нацелены ядерные ракеты США.

В августе 2002 г., одновременно с началом строительных работ (закладка фундамента) на площадке КЕДО, КНДР были предъявлены требования обеспечить «инспекцию на ядерных объектах». Тогда же администрация США обвинила КНДР в наличии неких планов «создания самого страшного в мире наступательного оружия».

Визит в Пхеньян в начале октября 2002 г. специального посланника президента США не изменил ситуацию. Посланник был проинформирован о недопустимости недружественной политики, проводимой администрацией Дж. Буша по отношению к КНДР.

В конце концов США определили Афганистан, Ирак и КНДР как страны, в которых им следует проводить военные операции («объекты агрессии»; *конгёк тэсан*).

Поэтому в настоящее время, отмечалось в Заявлении, для того чтобы обеспечить энергетическую и военную безопасность страны, КНДР была вынуждена выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия⁶⁶.

Таким образом, исходя из официальной позиции КНДР, основной причиной выхода из ДНЯО была не какая-либо «агрессивная» устремленность северокорейских властей, а вынужденная мера для

⁶⁶ Сообщение ЦТАК от 21 января 2003 г.

обеспечения населения и экономики электроэнергией⁶⁷. Аспект, связанный с обороной из-за отнесения КНДР к «оси зла» подавался в северокорейских СМИ как вторичный. Поэтому 5 февраля 2003 г. МИД КНДР выступил с критикой позиции США, которые расценивают пуск ядерных объектов, призванных обеспечить решение энергетической проблемы страны, как «угрозу мировому сообществу».

Для того чтобы обеспечить оборонный аспект ядерной программы КНДР, требовалось иметь необходимые средства доставки потенциально производимого ядерного оружия. Этими средствами были определены ракеты. В начале 2000-х годов в КНДР нередко проводили пробные пуски ракет, для того чтобы продемонстрировать мировой общественности наличие этих средств доставки. Но, опять же, согласно официальной позиции КНДР, Северная Корея не собиралась использовать ракеты в каких-либо агрессивных намерениях. Главная цель дальнейшего развития ракетной программы КНДР состояла исключительно в создании сдерживающего внешнюю агрессию фактора.

24 февраля 2003 г. в КНДР было произведено очередное испытание ракеты средней дальности, а 10 марта 2003 г. — повторное испытание ракеты средней дальности. (Максимальная дальность полета ракеты подобного типа — 160 км.)⁶⁸

Таким образом, к началу — середине 2003 г. ядерная программа КНДР, будучи изначально, по крайней мере, согласно заявлениям, мирной, стала приобретать элементы военного характера.

Несмотря на формальный выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, очевидно, руководство соседних с Северной Кореей стран Азиатско-Тихоокеанского региона понимало, что речь в данном случае не идет о какой-либо *реальной* ядерной угрозе со стороны КНДР. В июле 2003 г. в прессе появились сообщения о том, что КНР планирует послать в Северную Корею особого представителя, для того чтобы убедить руководство КНДР в необходимости участия в пятисторонних переговорах (КНДР, РК,

⁶⁷ Автор настоящей монографии не раз имел возможность лично удостовериться с крайнем дефиците электроэнергии в КНДР, в особенности в зимнее время. Зимой 2000 г. улицы столицы КНДР — Пхеньяна — нередко были погружены во тьму. Даже в самых дорогих и престижных гостиницах столицы лифты с высокопоставленными пассажирами застревали во время внезапных перебоев с подачей электроэнергии. Также следует заметить, что в КНДР немалая доля электроэнергии обеспечивается ГЭС, в то время как в зимнее время, с декабря по февраль, в Корее выпадает менее 10 % годовых осадков.

⁶⁸ Тона ильбо. 2003. 10 марта.

Япония, КНР, США) по вопросу урегулирования ядерной проблемы. В предложениях речь шла о начале первого раунда переговоров уже в июле — августе 2003 г.⁶⁹

Само северокорейское руководство уже с момента возникновения «ядерной проблемы» желало ее скорейшего решения, пытаясь достичь самой важной цели: обеспечить безопасность для КНДР путем снятия каких-либо противоречий с основными державами — потенциальными противниками, а точнее, с одной державой — с США.

31 июля 2003 г. в Нью-Йорке прошли американо-сеveroкорейские консультации по вопросу проведения переговоров по [северо]корейской ядерной проблеме. На переговорах обсуждались различные возможные схемы проведения переговоров: трехсторонние, четырехсторонние, пятисторонние. В частности, США предлагали сначала провести трехсторонние переговоры, а уже на следующем этапе — многосторонние. Однако северокорейская сторона предложила совершенно новый подход: начать непосредственно с проведения *шестисторонних* переговоров⁷⁰.

Шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме *первый раз* прошли в Пекине **с 27 по 29 августа 2003 г.** Любопытно отметить, что в тогдашней северокорейской прессе эти переговоры именовались «северокорейско-американские Шестисторонние переговоры по ядерной проблеме», поскольку с точки зрения руководства КНДР именно США и их «политика вражеского отношения» к Северной Корее и являлись главной причиной возникновения ядерной проблемы. Естественно, что трехдневные переговоры в принципе не могли ничего решить и были необходимы для того, чтобы участники имели возможность ознакомиться с позицией каждой из сторон, а также для выработки механизма дальнейших контактов (переговоров).

С нарастанием напряженности на Корейском полуострове в связи с северокорейской ядерной проблемой в сентябре 2003 г. вокруг полуострова активизировалась деятельность иностранных подводных лодок — американских, китайских, японских, российских и корейских (как Юга, так и Севера). В тогдашних южнокорейских СМИ писали о том, что зарубежные державы «репетируют блокаду» Северной Кореи в случае начала войны на Корейском полуострове⁷¹.

⁶⁹ Чосон ильбо. 2003. 11 июля.

⁷⁰ ЦТАК. 2003. 1 авг.

⁷¹ Чосон ильбо. 2003. 9 сент.

Однако трудно предположить, чтобы какая-либо из сторон планировала начать военные действия на Корейском полуострове: слишком небольшая территория, для того чтобы иметь возможность сдерживать военный конфликт в рамках *локального*, и слишком важный для мировой экономики регион: Республика Корея, КНДР, Япония, Россия. Наоборот, даже без самой КНДР страны — участницы Шестисторонних переговоров пытались различными способами найти выход из ядерного тупика.

В Бангкоке во время проведения конференции АТЭС (АРЕС) произошли встречи на высшем уровне между лидерами стран — участниц Шестисторонних переговоров в Пекине по северокорейской ядерной проблеме. В частности, 20 октября состоялась встреча между Дж. Бушем и Но Мухёном, на которой американский президент выразил готовность документально подтвердить гарантии неприкосновенности северокорейской политической системы в рамках многосторонних отношений, в том числе и на Вторых Шестисторонних переговорах, в том случае, если они состоятся⁷².

Очевидно, что КНДР, помимо Шестисторонних переговоров, старалась предпринимать ряд дипломатических усилий, для того чтобы найти пути диалога с Западом.

С 28 октября по 1 ноября 2003 г. КНДР посетил депутат нижней палаты парламента ФРГ Хардмут Кошик. Во время визита он встречался с высшим руководством Северной Кореи, обсуждал позицию КНДР относительно ядерного вопроса. Понятно, что один депутат парламента в принципе не мог решить северокорейскую ядерную проблему. Однако через свое интервью он прояснил позицию руководства КНДР, которое, по его словам, внимательно изучало предложения президента Дж. Буша, высказанные в Бангкоке, и было готово полностью заморозить ядерную программу в обмен на гарантии ненападения на Северную Корею и конкретные меры, направленные на нормализацию американо-северокорейских отношений.

С 6 по 10 января 2004 г. Северную Корею посетила делегация Стенфордского университета (США), имевшая полномочия обсуждать ядерную проблему. Во время визита делегации показали ядерные объекты в Ёнбёне, продемонстрировав тем самым известную открытость и готовность к более серьезному диалогу с США.

С 25 по 28 февраля 2004 г. в Пекине прошел **Второй раунд Шестисторонних переговоров** по ядерной проблеме на Корей-

⁷² Там же. 3 нояб.

ском полуострове. В то время северокорейские СМИ продолжали рассматривать эти переговоры как «переговоры по ядерной проблеме между КНДР и США», считая, таким образом, что все проблемы исходят от США и их непримиримой позиции в отношении Северной Кореи.

Второй раунд переговоров окончился безрезультатно, что представители КНДР объясняли позицией США. Действительно, североамериканская делегация требовала от КНДР полного и безоговорочного одностороннего отказа от ядерной программы, и только после этого рассматривалась возможность обсуждения проблем, волнующих северокорейское руководство. Кроме того, как оказалось в процессе переговоров, в то время власти США не собирались принимать конкретные шаги для нормализации северокорейско-американских отношений до тех пор, пока КНДР не удовлетворит требования США в вопросе сокращения ракетных и обычных вооружений, «прав человека» и т. п.

В свою очередь позиция КНДР, поддержанная делегатами КНР и РФ, состояла в прозрачном и поэтапном решении ядерного вопроса, когда отдельные шаги со стороны КНДР сопровождались бы определенными действиями со стороны США и других заинтересованных государств.

Третий раунд Шестисторонних переговоров, прошедший в Пекине с **23 по 26 июня 2004 г.**, также не принес заметных результатов. Ситуация с северокорейской ядерной проблемой стала разрешаться только начиная с 2005 г.

26 июля 2005 г. начался **Первый тур Четвертого раунда Шестисторонних переговоров**, которым предшествовала предварительная встреча между делегациями КНДР и США. Очевидно, что во время переговоров, продлившихся до 7 августа 2005 г. и сопровождавшихся северокорейско-американскими двусторонними консультациями, наметился некоторый прогресс, так как стороны решили продолжить **Четвертый раунд переговоров** во время **Второго тура**. Второй тур переговоров прошел в Пекине с **9 по 19 сентября** и завершился принятием «**Совместной декларации Четвертого тура Шестисторонних переговоров**», которую в Северной Корее оценивают как особое достижение, разделяя всю историю Шестисторонних переговоров на период *до* и *после* Совместной декларации от 19 сентября.

Действительно, текст Совместной декларации будто бы ставил точку в бесконечных спорах по ядерной проблеме на Корейском

полуострове, решая все проблемы, казавшиеся до тех пор неразрешимыми. В частности, все стороны пришли к соглашению о том, что КНДР отказывается от ядерного оружия и всех ядерных программ, в «ближайшем будущем» восстановит свое участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия. США и Республика Корея, в свою очередь, подтверждали отсутствие на Корейском полуострове ядерного оружия, принадлежащего этим странам, а США подтверждали отсутствие планов нападения на Северную Корею с использованием ядерного оружия или любого другого оружия массового поражения. За КНДР сохранялось право использования мирного атома, и подтверждалось желание КНДР построить на своей территории атомную электростанцию (с использованием реактора на легкой воде).

Совместная декларация от 19 сентября 2005 г. касалась не только ядерной проблемы Корейского полуострова, но и затрагивала важнейшие аспекты отношения КНДР со странами — участниками переговоров. В частности, Япония обязывалась приложить усилия для нормализации двусторонних отношений; США и КНДР на основе взаимоуважения также выражали намерение нормализовать двусторонние отношения.

Первый тур Пятого раунда Шестисторонних переговоров прошел в Пекине с 9 по 11 ноября 2005 г. и был по своей сути рабочим, так как главным предметом обсуждения на переговорах было выяснение подходов стран-участниц к вопросу реализации Совместной декларации от 19 сентября 2005 г.

Вопрос строительства атомной электростанции на легкой воде. Важнейшим аспектом, побудившим КНДР поднять вопрос о «ядерной проблеме», было невыполнение западными партнерами обязательств по строительству АЭС в КНДР. Поэтому Северная Корея всячески приветствовала любые попытки реанимировать проект строительства АЭС с реакторами на легкой воде.

Так, 15 ноября 2003 г. в Пхеньян прибыла делегация КЕДО во главе с исполнительным директором Чарльзом Картмэном. С 11 по 12 декабря в местечке Кымхо города Симпхо провинции Южная Хамгён прошли очередные переговоры между представителями международной организации КЕДО по вопросу условий строительства реактора на легкой воде в Кымхо. В частности, обсуждались вопросы допуска на строительную площадку северокорейских технических специалистов и вопрос действенности северокорейских законов на территории строительства АЭС.

Однако, вопреки ожиданиям северокорейской стороны, именно в ноябре 2003 г. были заморожены все строительные работы в местечке Синпхо (район Кымхо). В декабре 2003 г. приостановка работ на строительстве АЭС в Северной Корее сроком на 1 год была оформлена в КЕДО документально. В декабре 2004 г. мораторий на работы был продлен, а 31 мая 2006 г. КЕДО объявило об отказе от проекта постройки АЭС в Кымхо и о завершении своей работы в КНДР.

§ 3. Отношения между КНДР и КНР

На протяжении первой половины 2000-х годов отношения с Китайской Народной Республикой были для Северной Кореи одним из приоритетных направлений внешней политики. Развитие межкорейских отношений (межкорейское сближение начала 2000-х годов) стало сталкиваться с рядом трудностей после прихода к власти в США (самом ближайшем союзнике и военном партнере Южной Кореи) администрации президента Джорджа Буша, который кардинально пересмотрел северокорейскую политику США, проводившуюся прежней администрацией.

Таким образом, главным союзником и экономическим партнером КНДР на Дальнем Востоке стал Китай. Особое отношение Северной Кореи к Китаю также объяснялось и тем особым путем социально-экономического развития, по которому шла КНР: рыночные реформы и демократизация при сохранении власти Коммунистической партии Китая и формальной приверженности идеалам социализма. Таким образом, Китай для Северной Кореи мог быть своеобразным ориентиром при выборе собственной северокорейской стратегии социально-экономического развития.

Взаимный интерес двух стран выражался прежде всего в визитах государственных руководителей — официальных и неофициальных.

Визиты Ким Ченира в Китай.

В принципе, конец 2000 и начало 2001 г. можно расценивать как начало серьезного пересмотра модели экономического развития КНДР, поиск, своего собственного пути адаптирующегося к реалиям рыночной экономики. И в этих поисках весьма полезным мог оказаться опыт КНР.

Именно с этой точки зрения в прессе оценивался **официальный визит Ким Ченира в КНР**, который проходил с **15 по 20 января 2001 г.** Во время визита Ким Ченир посетил Шанхай — один из самых развитых экономических центров Китая.

19–21 апреля 2004 г. Ким Ченир совершил очередной неофициальный визит в Китай. Делегация КНДР была весьма представительной. В ее состав входили: главнокомандующий Корейской Народной Армией Ким Ёнчхун, председатель кабинета министров Пак Пончжу, заместитель председателя ГКО Ён Хёнмук. Целью неофициального визита в КНР было «укрепление традиционной корейско-китайской дружбы»⁷³, значение которой было особенно важным в контексте усиливавшейся напряженности на Корейском полуострове в связи с северокорейской ядерной проблемой.

19 января Ким Ченир встретился с Председателем КНР Ху Цзиньтао. На переговорах стороны обменялись точками зрения и выразили единство мнений по поводу «важных международных вопросов, представляющих взаимный интерес». Ху Цзиньтао отметил, что КНР поддерживает тот путь развития, который избрала КНДР и который соответствует реалиям и особенностям Северной Кореи. Ким Ченир, в свою очередь, отметил успехи на пути строительства «социализма с китайскими особенностями».

Таким образом, на этих переговорах Ким Ченир заручился поддержкой Китая в противостоянии позиции США, не признававших легитимность северокорейского общественного строя. Вместе с тем особое выделение того, что все экономические и социально-политические успехи КНР реализовываются *в рамках социалистической системы и под руководством Коммунистической партии Китая*, было сделано с целью подтвердить *принципиальную верность* социалистического пути развития, избранного Северной Кореей.

Таким образом, неофициальный визит Ким Ченира в апреле 2004 г. должен был помочь укрепить позиции КНДР на международной арене в условиях обострения отношений с США и их союзниками.

Ким Ченир завершил визит 21 апреля и на следующее утро, 22 апреля, на спецпоезде пересек китайско-корейскую границу⁷⁴.

С 18 по 20 октября 2004 г. Председатель Постоянного совета ВНС Ким Ённам посетил КНР. Формальным поводом для поездки в Китай послужило празднование 55-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя странами. Практическими це-

⁷³ Сообщение ЦТАК от 23 апреля 2004 г.

⁷⁴ Следующий (и последний по состоянию на 2008 г.) визит Ким Ченира в Китай состоялся с 10 по 18 января 2006 г. Однако он не рассматривается специально в настоящей книге, поскольку выходит за хронологические рамки, обозначенные автором.

лями, скорее всего, помимо подтверждения дружеских отношений между двумя странами были изучение опыта китайских реформ (посещение города Тяньцзинь) и переговоры об оказании Китаем продовольственной помощи Северной Корее.

С 22 по 27 марта 2005 г. Китай посетил премьер-министр КНДР Пак Пончжу. Во время визита он совершил турне по ряду городов и регионов Китая, в которых экономические реформы проводились наиболее успешно: Пекин, Шанхай, Шеньян. Таким образом, можно предположить, что одной из основных целей визита северокорейского премьера было изучение китайского опыта экономических реформ.

Чуть более чем через год после визита Ким Ченира в Китай, с **28 по 30 октября 2005 г.**, Северную Корею по личному приглашению Ким Ченира посетил **Председатель КНР Ху Цзиньтао**. То, что для Северной Кореи визит Ху Цзиньтао имел особую значимость, подтверждалось фактом личной встречи и личных проводов в аэропорту высокого гостя самим Ким Чениром. Во время визита, кроме ряда официальных встреч, среди которых были переговоры на уровне лидеров двух государств, Ху Цзиньтао посетил ряд объектов, связанных с северокорейско-китайскими политическими и экономическими отношениями. В частности, 29 октября лидер КНР посетил Тэанский стекольный комбинат, построенный при участии специалистов из Китая.

Важнейшим итогом визита в Северную Корею председателя КНР, помимо подтверждения традиционных отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами, стало подписание [Северо]Корейско-китайского соглашения о научно-техническом сотрудничестве, которое должно было помочь КНДР в деле модернизации экономики страны вне зависимости от характера отношений с Южной Кореей.

§ 4. Отношения между КНДР и Российской Федерацией

19–20 июля 2000 г. КНДР посетил с официальным визитом **Президент РФ В. В. Путин**. Этот визит должен был закрепить двусторонние отношения на новом этапе, рубежом которого стало подписание 9 февраля 2000 г. нового Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой.

Во время визита В. В. Путин встречался с Ким Чениром. Кроме того, в Пхеньяне прошли переговоры между министрами иностранных дел, обороны, образования двух государств. По итогам визита была принята Совместная декларация, содержащая 11 пунктов и подтверждавшая курс на укрепление и развитие двусторонних отношений. Ким Ченир получил приглашение посетить с ответным визитом Российскую Федерацию в 2000 г.

В середине **2001 г. Ким Ченир** совершил свой **первый визит в Российскую Федерацию**. Изначально предполагалось, что Ким Ченир посетит с ответным визитом РФ в апреле 2001 г., однако он состоялся на несколько месяцев позже. 26 июля 2001 г. спецпоезд (в составе 21 вагона) отправился из Пхеньяна. 29 июля Ким Ченир остановился в Омске. 3 августа 2001 г. лидер КНДР прибыл в Москву. Переговоры Ким Ченира с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным начались 4 августа. 5 августа Ким Ченир выехал в Санкт-Петербург, где пробыл до 11:25 утра 8 августа. Ким Ченир покинул Москву 9 августа 2001 г. На обратном пути в КНДР высокий гость сделал остановки в Новосибирске (11–12 августа) и в Хабаровске (17 августа). 18 августа спецпоезд пересек российско-северокорейскую границу в районе станции Хасан. На этом официальный визит руководителя КНДР в Россию был завершен.

В 2002 г. руководство КНДР, очевидно, надеялось на активное сотрудничество с Российской Федерацией, и для поддержания контакта с российской стороной Ким Ченир нередко посещал российское дипломатическое представительство в Северной Корее. Так, по приглашению чрезвычайного и полномочного посла А. Г. Карлова 17 марта 2002 г. Ким Ченир посетил Посольство РФ в КНДР по случаю празднования масленицы. Ким Ченира сопровождали руководящие кадры ТПК, первый заместитель министра иностранных дел Кан Сокчу.

С 14 по 16 апреля 2002 г. Пхеньян посетила делегация Санкт-Петербурга во главе с губернатором В. А. Яковлевым. 15 апреля, в один из главных государственных праздников КНДР — «День солнца» (день рождения Ким Ирсена) Ким Ченир принял высоких гостей из России. Кроме того, глава Санкт-Петербурга был принят премьер-министром КНДР Хон Соннамом. Во время визита, который В. А. Яковлев оценил как реализацию Российско-корейской Московской декларации 2001 г., обсуждался ряд проблем межгосударственного сотрудничества, и в частности возможные направления деятельности санкт-петербургских предпринимателей в Северной Корее.

В конце апреля 2002 г. КНДР посетила делегация во главе с Полномочным представителем президента РФ в Дальневосточном федеральном округе К. Б. Пуликовским. 26 апреля Ким Ченир организовал прием для высокой делегации.

С 20 по 26 августа 2002 г. состоялся **второй визит Председателя ГКО Ким Ченира в Российскую Федерацию**. На этот раз лидер КНДР ограничился посещением российского Дальнего Востока. 20 августа Ким Ченир во главе официальной делегации на поезде выехал из Пхеньяна. В составе делегации были: член ГКО, маршал Ким Ёнчхун, член ГКО Ён Хёнмук, член ЦК ТПК Ким Ёнсун, а также первый заместитель министра иностранных дел, председатель Государственного комитета по планированию, министр железных дорог КНДР Ким Ёнсам и др.

21 августа Ким Ченир посетил Комсомольск-на-Амуре. Особыми объектами его внимания стали ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное промышленное объединение» и Амурский судостроительный завод. Утром 22 августа Ким Ченир прибыл в Хабаровск. Там он посетил местное химико-фармацевтическое предприятие, ООО «Амуркабель», а также воинскую часть под Хабаровском.

Утром 23 августа Ким Ченир прибыл во Владивосток. Там состоялась встреча Ким Ченира с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. На переговорах, помимо общих вопросов двустороннего сотрудничества, особенно рассматривался вопрос соединения корейской железнодорожной магистрали с Транссибирской. 24 августа Ким Ченир покинул Владивосток и вечером того же дня в районе станции Хасан пересек государственную границу.

В первых числах ноября 2002 г. в КНДР прибыл Г. М. Фадеев, в то время министр путей сообщения РФ, для обсуждения вопроса модернизации Восточно-морской железной дороги (ВМЖД), столь важной для Кореи в вопросе воссоединения Транскорейской магистрали.

Визит был действительно важным для КНДР, поскольку помимо протокольных переговоров российского министра с его северокорейским коллегой Ким Ёнсамом, которые проходили во Дворце съездов Мансудэ 1 ноября 2002 г., российского министра в тот же день принял заместитель председателя ГКО — Ким Ильчхоль. Вечером от имени ГКО в честь российского гостя был организован торжественный прием, а на другой день — 2 ноября — было подписано российско-северокорейское соглашение о модернизации ВМЖД. На пресс-конференции, данной Г. М. Фадеевым 2 ноября в аэропорту, пе-

ред вылетом, он озвучил пожелание провести трехсторонние (РК — КНДР — РФ) переговоры по вопросу воссоединения и дальнейшей эксплуатации Транскорейской железной дороги.

В 2003 г. северокорейско-российские отношения находились в стадии дальнейшего укрепления и развития. **24 июня 2003 г.** в Пхеньяне состоялась церемония закладки камня на строительстве **русского православного храма**, решение о возведении которого было принято руководством КНДР по итогам визитов в Российскую Федерацию⁷⁵.

Очевидно, что в начале XXI столетия КНДР рассчитывала на помощь со стороны России на льготных условиях, наподобие того, как эта помощь предоставлялась КНДР в советскую эпоху. Свидетельством тому может быть, например, то внимание, которое в КНДР было уделено 55-й годовщине подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР (от 17 марта 1949 г.)⁷⁶.

4 июля 2004 г. в КНДР с двухдневным официальным визитом прибыл министр иностранных дел РФ. С. В. Лавров. В тот же день во Дворце съездов Мансудэ он провел переговоры с министром иностранных дел КНДР Пэк Намсуном и нанес визит председателю ВНС КНДР Ким Ённамю. По итогам переговоров был принят межминистерский *План двусторонних обменов на 2005–2006 гг.* Кроме официальных переговоров С. В. Лавров возложил венки к монументу Ким Ирсеню (что свидетельствовало о подтверждении особых отношений между РФ и КНДР) и к Монументу освобождения, воздвигнутому в честь советских воинов, отдавших свои жизни за освобождение Кореи от японского колониального господства в 1945 г.

5 июля 2004 г. С. В. Лаврова принял лидер КНДР Ким Ченир. На встрече Ким Чениру было передано личное послание от Президента РФ В. В. Путина. Таким образом, июльский визит министра иностранных дел РФ должен был дать новый толчок развитию российско-северокорейских отношений.

Действительно, в 2004 г. руководство КНДР проявляло особое внимание к вопросу улучшения и развития отношений с Россией, что можно проиллюстрировать фактом особого внимания Ким Че-

⁷⁵ ЦТАК. 2003. 24 июня.

⁷⁶ В Российской Федерации этой юбилейной дате также было уделено определенное внимание: в Посольстве РФ в КНДР по случаю знаменательной даты был устроен торжественный прием, на котором со стороны КНДР присутствовал вице-премьер КНДР Ро (Но) Дучхоль.

нира к 11-й международной олимпиаде по русскому языку, которая проходила в Пхеньяне в июле 2004 г.

В начале 2005 г. дружественные отношения между двумя странами были подкреплены вручением лидеру КНДР Ким Чениру памятной медали по случаю 60-летия победы в Великой отечественной войне. Медаль была вручена в посольстве Российской Федерации 8 марта 2005 г. С 14 по 18 августа 2005 г. КНДР посетил полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе К. Б. Пуликовский. А 16 ноября в Пхеньяне был подписан межгосударственный Корейско-российский план научно-технического обмена на 2005–2007 гг.

5–6 декабря 2005 г. Пхеньян посетила губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко. Очевидно, что в Северной Корее этот визит был воспринят как достаточно значимый, поскольку с губернатором российской Северной столицы встречался не только министр внешней торговли КНДР Лим Ёнман, но и премьер-министр Пак Пончжу и председатель Постоянного комитета ВНС Ким Ённам.

§ 5. Отношения между КНДР и США

Во втором полугодии 2000 г., на волне достижений Пхеньянского саммита 13–15 июня 2000 г., также наблюдалась тенденция американо-корейского сближения и улучшения отношений между двумя странами.

19 июня 2000 г. власти США разрешили продавать в КНДР товары с американскими торговыми марками, а в июле того же года 5 американских фирм объявили о намерении вкладывать деньги в развитие северокорейской экономики.

С 10 по 12 октября 2000 г. Первый заместитель Председателя ГКО КНДР Чо Мённок (фактически второе лицо в стране после Ким Ченира) посетил Вашингтон, где провел переговоры с президентом США Биллом Клинтон. По итогам переговоров было подписано коммюнике, в котором, в частности, было заявлено о том, что в ближайшем будущем (на практике — в конце октября 2000 г.) госсекретарь США Мадлен Олбрайт посетит КНДР, для того чтобы подготовить визит президента США Билла Клинтона в Северную Корею.

Мадлен Олбрайт совершила визит в КНДР **с 23 по 25 октября 2000 г.** Во время визита она встречалась с лидером КНДР Ким Че-

ниром, председателем Постоянного Комитета ВНС Ким Ённамом, министром иностранных дел Пэк Намсуном. На переговорах обсуждались возможный визит президента США Б. Клинтона в КНДР и северокорейская ракетная программа.

После завершения визита Мадлен Облрайт прибыла в Сеул, где провела пресс-конференцию, в ходе которой рассказала об итогах поездки в Пхеньян, встретила с Ким Дэчжуном.

Однако последовавшие затем 7 ноября 2000 г. президентские выборы в США фактически поставили крест на достижениях администрации президента Б. Клинтона. На выборах победил кандидат от Республиканской партии Дж. Буш (младший), негативно оценивавший северокорейскую политику предшествующей администрации. Инаугурация нового президента состоялась 20 января 2001 г.

Непримирение новой администрацией США прежней северокорейской политики обнаружилось в марте 2001 г., во время визита в США южнокорейского президента Ким Дэчжуна, результатом которого стало усиление международной напряженности вокруг Корейского полуострова в середине — второй половине 2000-х годов.

Новое американо-северокорейское противостояние началось также с марта 2001 г. Тогда в Нью-Йорке проходили северокорейско-американские переговоры, на которых КНДР выдвинула требования компенсации за невыполнение соглашения по строительству реактора на легкой воде и поставке мазута. 18 марта 2002 г. газета *«Нодон синмун»* указала на разрушение основ северокорейско-американского диалога, в том числе и по причине нежелания администрации США признать легитимность социалистической системы Северной Кореи, одностороннее причисление ее к «оси зла».

С 3 по 5 октября 2002 г. Пхеньян посетила делегация особого посланника президента США по вопросам Восточной Азии и Тихоокеанского региона — Джэймса Келли. Как писали в прессе того времени, это был первый визит из США подобного высокого уровня после визита в КНДР в ноябре 2000 г. госсекретаря США Мадлен Облрайт.

Во время визита американская сторона прояснила свою позицию относительно политики в отношении Северной Кореи. Стороны обменялись мнениями по спорным вопросам двусторонних отношений. Ни о каких достигнутых договоренностях или, наоборот, о каких-либо особо спорных вопросах северокорейская пресса не сообщала.

20 марта 2003 г. США и Великобритания начали военную операцию в Ираке. Через несколько дней в северокорейской прессе стали

появляться комментарии, в которых сообщалось о том, что, предположительно, третьей страной, после Афганистана и Ирака, на которую США собираются напасть, может быть КНДР. Однако северокорейская пресса предупреждала о том, что КНДР — это не Афганистан или Ирак, поскольку обладает таким сильным оружием, как «политика приоритета армии» (*сонгун чончхи*), принципы «единения в одном порыве» (*ильсим тангёль*), самостоятельные вооруженные силы и принцип «обязательных побед без поражений» (*пхильсын бульпхэ*)⁷⁷.

Таким образом, согласно официальной позиции КНДР, главной причиной возникновения ядерной проблемы были США, а точнее, изменение северокорейской политики США и несоблюдение обязательств в рамках организации КЕДО. Поэтому и решать данную проблему было возможно только с участием США.

23 апреля 2003 г. в Пекине начались **американо-северокорейские переговоры** по вопросу ядерной проблемы на Корейском полуострове. Еще до начала этих переговоров северокорейская пресса указывала на то, что прежде чем говорить о ядерной проблеме, необходимо определиться с политикой США по отношению к КНДР и, прежде всего, отказаться от отношения к КНДР как к вражескому государству. Переговоры продлились до 25 апреля. Интересно отметить, что, поскольку организатором переговоров была КНР, южнокорейские СМИ называли эти переговоры «трехсторонними».

По сообщению ЦТАК (в версии газеты «Чосон ильбо»), на этих переговорах были предложены «новые подходы» в решении вопроса двусторонних отношений. Однако в чем эти подходы были новаторскими, не сообщалось.

Несмотря на то что летом 2003 г. начался переговорный процесс в рамках Шестисторонних переговоров, представители официальных властей США продолжали довольно резко критиковать КНДР. Во второй половине ноября министр обороны США Рамсфельд в очередной раз назвал КНДР страной, в которой правит «власть зла». Таким образом, он высказал сомнения в перспективах успешности очередных Шестисторонних переговоров в Пекине по ядерной проблеме на Корейском полуострове. 26 ноября 2003 г. посол США в РК Томас Ховард призвал к большей взвешенности политики экономического сотрудничества Южной Кореи с Северной⁷⁸.

⁷⁷ Нодон синмун. 2003. 28 марта.

⁷⁸ ЦТАК. 2007. 22 нояб.; 27 нояб.

Несмотря на продолжавшиеся на уровне заявлений разногласия между двумя странами, КНДР и США предпринимали ряд практических шагов по налаживанию двустороннего диалога. Так, 11 февраля 2004 г. в Бангкоке прошли переговоры по вопросу поиска останков военнослужащих США, погибших в северной части полуострова в годы Корейской войны.

Кроме особых северокорейско-американских встреч, проходивших в третьих странах, начиная с 1991 г., т. е. со времени вступления КНДР в ООН, США получили возможность осуществлять оперативные контакты с представителями КНДР практически при любой экстренной необходимости, используя для этого институт представительства КНДР при ООН. Так, 6 июня 2004 г., в преддверии американско-южнокорейского саммита, представитель Госсовета США провел консультации с Послом КНДР при ООН Пак Кильёном⁷⁹.

Об улучшении северокорейско-американских отношений свидетельствовало официальное заявление ЦТАК КНДР, сделанное 20 июля 2004 г. о скором начале продаж в США товаров, произведенных в КНДР.

В 2005 г. продолжались двусторонние американо-северокорейские консультации по различным вопросам. Так, с 8 по 11 января Пхеньян посетила делегация Палаты представителей Конгресса США во главе с Председателем комитета по иностранным делам Томасом Лэнтосом (1928–2008), а с 11 по 14 января того же года в КНДР находилась делегация комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей. 30 августа 2005 г. в Пхеньян прибыла делегация Конгресса США, возглавлявшаяся председателем Подкомитета по АТР комитета по иностранным делам — Джеймсом Личем, целью которой было обсуждение вопросов, связанных с ядерной проблемой на Корейском полуострове.

Однако временное улучшение отношений с США было достигнуто только благодаря прогрессу на Шестисторонних переговорах по ядерной проблеме на Корейском полуострове, в частности после принятия Декларации от 19 сентября 2005 г.

§ 6. Отношения между КНДР и Японией

Пхеньянский саммит 2000 г. и последовавшее затем улучшение отношений между Северной и Южной Кореей, между КНДР и США также послужили объективным стимулом возобновления североко-

⁷⁹ Мунхва ильбо. 2004. 7 июня.

рейско-японских контактов, направленных на урегулирование отношений между двумя странами.

Японо-северокорейские отношения в указанный период развивались в нескольких основных направлениях: северокорейско-японские переговоры об урегулировании отношений, происходившие в третьих странах; визиты японского премьер-министра в КНДР; односторонние шаги Японии в отношении к КНДР, главным образом различные санкции, имеющие целью направить двусторонние контакты в определенное русло.

Ниже в таблице представлена общая хронология японо-северокорейских переговоров в третьих странах.

Таблица 5. Хроника северокорейско-японских двусторонних переговоров в третьих странах в 2000–2002 гг.

Основное содержание переговоров	Даты проведения	Место проведения	Позиция КНДР	Позиция Японии
Урегулирование отношений	30–31.10.2000	Пекин, посольство КНДР	10 млрд долл. компенсации за годы колонизации	4 млрд долл. компенсации, возврат 10 похищенных граждан Японии
Первые межправительственные переговоры по урегулированию отношений	20–30.10.2002	Куала-Лумпур	Компенсация за годы колонизации	Решение ядерного вопроса и вопроса похищенных граждан Японии

На переговорах 30–31 октября 2000 г., проходивших в Пекине, главным требованием КНДР было предоставление компенсации за годы японского колониального господства в размере 10 млрд долларов США. Важно отметить, что Япония в принципе не отказывалась от предоставления этой компенсации, хотя предлагаемая Японией сумма не превышала 4 млрд долларов. Ведь исходя из содержания договора 1965 г., заключенного между Республикой Корея и Японией, имевшего ссылку на резолюцию № 195 (III) ГА ООН, легитимной признавалась только Республика Корея, поэтому компенсация, предоставленная в то время Японией Южной Корее, могла признаваться полной и исчерпывающей.

17 сентября 2002 г., одновременно с межкорейскими переговорами по вопросу воссоединения Транскорейской железнодорожной

магистралей и автомобильных шоссе, состоялось событие поистине исторического масштаба — КНДР с официальным визитом посетил **премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми** (исполнявший обязанности премьера с 26 апреля 2001 г.).

В аэропорту высокого гостя встретили председатель Постоянного комитета ВНС КНДР Ким Ённам и другие официальные лица. В тот же день премьер Коидзуми дважды имел встречу с лидером КНДР — председателем ГКО Ким Чениром. По итогам переговоров была принята Пхеньянская корейско-японская декларация (*Чо-Иль Пхёнъян сонон*). Судя по содержанию, Декларация должна была решить большую часть проблем в северокорейско-японских отношениях.

Во вводной части Декларации присутствовало четкое указание на то, что прежние разногласия, связанные с событиями прошлого (т. е. с японским колониальным господством), устранены и установление политических, экономических, культурных отношений взаимовыгодно для двух стран.

Первая статья Декларации четко обозначала, что для достижения указанных целей уже в октябре 2002 г. начнутся переговоры по вопросу нормализации отношений между двумя странами.

Статья 2 Декларации указывала на то, что Япония признает все свои несправедливые действия в отношении Кореи в период японского колониального господства и *приносит свои глубочайшие извинения*. Предполагалось, что после установления дипломатических отношений в разумные сроки Япония окажет КНДР «безвозмездную финансовую помощь» (*мусан чагым хёмнёк*), гуманитарную помощь и т. п. Конкретный объем и характер помощи предполагалось обсудить еще до установления межгосударственных отношений, во время переговоров по нормализации отношений между двумя странами⁸⁰.

Стороны отказывались от всяческих взаимных материальных претензий друг к другу по состоянию прав собственности в период до 15 августа 1945 г. (т. е. до дня освобождения Кореи). Также предполагалось, что во время переговоров по нормализации отношений между двумя странами будет особо рассмотрен вопрос о положении

---

⁸⁰ Фактически Статья 2 Декларации обозначала ту же схему восстановления дипломатических отношений, которой в свое время следовала Южная Корея: 1) официальные извинения японских властей за годы колониального господства; 2) предоставление материальной, в том числе и безвозмездной, помощи Кореи в качестве компенсации за понесенный ущерб. Таким образом, Статья 2 устанавливала своеобразный паритет, «равноправие» между Южной и Северной Кореей в «механике» восстановления отношений с Японией.

корейцев⁸¹ в Японии и вопрос о статусе предметов достояния корейской культуры, находящихся в Японии.

В Статье 3 говорилось о том, что стороны обязуются не предпринимать действий, угрожающих безопасности какой-либо из сторон.

Статья 4 оговаривала вопросы усилий двух государств в обеспечении мира во всей Северо-Восточной Азии. В частности, КНДР обязывалась начиная с 2003 г. заморозить испытательные пуски ракет, а ядерную проблему Корейского полуострова предлагалось решать комплексно, с участием всех так или иначе связанных с этим вопросом государств. Декларация была подписана непосредственно лидерами двух стран.

Казалось бы, почти полувековое отсутствие дипломатических отношений между двумя странами, многочисленные проблемы в практических двусторонних связях почти что полностью решены.

Однако было в документе, подписанном лидерами двух государств, несколько моментов, которые могли сделать его практически неработающим. Во-первых, у документа не было статуса какого-либо договора и соглашения. Это была всего лишь *декларация*, отражавшая желание лидеров двух государств восстановить двусторонние отношения. Во-вторых, у декларации не было полноценного межгосударственного статуса. Декларация стала результатом подведения итогов *личной* встречи двух лидеров, о чем давалось пояснение в первых фразах документа. Таким образом, смена премьер-министра Японии автоматически могла привести к тому, что декларация утрачивала свою действенность.

Дзюнъитиро Коидзуми закончил свой визит в Пхеньян в день прибытия, 17 сентября 2002 г. Для КНДР важнейшим условием установления дипломатических отношений с Японией была выплата компенсаций за период японского колониального господства, подобно тому, как это было сделано Южной Корее после 1965 г.

20–30 октября 2002 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) состоялись **первые японо-северокорейские межправительственные переговоры** по вопросу восстановления двусторонних отношений.

Однако эти переговоры оказались безрезультатными и свели практически на «нет» итоги визита в КНДР японского премье-

---

⁸¹ Очевидно, имеются в виду корейцы, входящие в ассоциацию *Чо чхонрён*, т. е. ориентирующиеся на КНДР и получающие оттуда помощь.

ра в сентябре 2002 г. Северокорейская сторона настаивала на том, что главным условием для нормализации отношений между двумя странами должна быть материальная компенсация (экономическая помощь) за годы японского колониального господства. Японская сторона выдвигала требование предварительного решения вопросов ядерной программы КНДР и похищенных граждан Японии.

В ответ на подобную позицию Японии МИД КНДР официально заявил о возможности продления программы испытательных запусков ракет. При этом, как это ни парадоксально звучит, обе стороны выразили принципиальное намерение «реализовывать» положения Пхеньянской [северо]корейско-японской декларации сентября 2002 г.⁸²

Однако последующий 2003 г. не принес заметных сдвигов в реализации Пхеньянской декларации 17 сентября 2002 г.

Для того чтобы придать новый импульс японо-северокорейскому диалогу, **22 мая 2004 г.** премьер-министр Японии **Дзюньитиро Коидзуми посетил КНДР во второй раз.** Как и в 2002 г., визит японского премьера продлился всего 1 день. На этот раз на аэродроме его встречал не глава высшего законодательного органа КНДР Ким Ённам, а заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ёниль.

Переговоры лидеров двух государств также продлились всего один день. Главной темой переговоров было подтверждение намерения реализации основных положений Пхеньянской декларации 17 сентября 2002 г. Ким Ченир еще раз выразил мысль о том, что отношения между Японией и КНДР, которые сложились после Второй мировой войны, нельзя считать нормальными и что как для обеих сторон, так и для Северо-Восточной Азии в целом установление дипломатических отношений между двумя странами является крайне выгодным, соответствующим интересам всех государств.

По итогам визита японского премьера не было принято никаких совместных официальных итоговых документов. Однако Дзюньитиро Коидзуми пообещал, что приложит усилия для отмены японского закона об экономических санкциях против КНДР (принятого 29 января 2004 г.). Кроме того, Япония обязалась поставить в 2004 г. в Северную Корею 250 тыс. тонн риса и лекарств на сумму 10 млн долларов США в качестве гуманитарной помощи. Цель своего второго визита в КНДР японский премьер четко обозначил во время пресс-

⁸² ЦТАК. 2002. 5 нояб.

конференции, данной в гостинице «Корё»: выполнение положений, обозначенных в Пхеньянской декларации 2002 г., и нормализация отношений между двумя странами — замена враждебных отношений на отношения дружбы и сотрудничества⁸³.

Полтора года, прошедшие после принятия Пхеньянской декларации, не принесли каких-либо заметных результатов в улучшении отношений между двумя странами. Ряд японско-северокорейских переговоров, прошедших в это время, оказался безрезультатным. Однако, очевидно, личные устремления японского премьера отличались от позиции ряда государственных чиновников, вовлеченных в переговорный процесс, и были направлены на положительное решение вопроса двусторонних отношений. Для подтверждения своей позиции ему пришлось посетить Пхеньян еще раз. Времени на реализацию своих намерений у Дзюньитиро Коидзуми оставалось достаточно. Только 26 сентября 2006 г. на посту премьера его сменил Синдзо Абэ.

Очередной импульс улучшению двусторонних отношений был придан пекинской «Совместной декларацией Четвертого тура Шестисторонних переговоров» от 19 сентября 2005 г. В частности, в конце сентября 2005 г. в прессе появилась информация о возобновлении северокорейско-японских переговоров по вопросу нормализации отношений. Действительно, 9 ноября 2005 г. в Пхеньян прибыла делегация МИД Японии для ведения переговоров по вопросу нормализации межгосударственных отношений.

Глава 3. МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000–2005 ГОДАХ

§ 1. Политическая основа межкорейских отношений

Межкорейские отношения второй половины XX столетия развивались на основе целого комплекса различных факторов, одним из которых была политика Северной и Южной Кореи в отношении друг друга, принимавшаяся на уровне основополагающих концепций руководителей двух корейских государств. Ниже рассмотрим основные политические концепции, определявшие межкорейские отношения в первое пятилетие XXI в.

⁸³ ЦТАК. 2004. 22 мая.

Республика Корея. Вступивший в должность президента в феврале 1998 г. **Ким Дэчжун** предложил строить отношения с Северной Кореей на основе так называемой *политики солнечного тепла* (*хэппёт чончхэк*), исходившей из понимания того, что объединение двух Корей в обозримом будущем невозможно и главной задачей на ближайшую перспективу является установление системы мирного сосуществования на Корейском полуострове. В основу «политики солнечного тепла» были заложены три принципа: 1) недопустить вооруженных провокаций на Корейском полуострове, 2) не причинять ущерба и не пытаться поглотить Северную Корею, 3) способствовать межкорейскому примирению и развитию сотрудничества с Севером.

Пришедший к власти в 2003 г. президент **Но Мухён** в известном смысле унаследовал дух «политики солнечного тепла», но внес ряд изменений в концепцию межкорейских отношений. Изменения эти потребовались прежде всего в связи с двумя новыми факторами — субъективного и объективного характера. К субъективному фактору относится новая концепция роли Кореи в Северо-Восточной Азии, предложенная президентом Но Мухёном и озвученная им во время инаугурационной речи 25 февраля 2003 г.: создание Северо-Восточно-азиатского сообщества, наподобие Европейского сообщества, где Корея, причем объединенной Корея, отводится роль экономического центра региона. Таким образом, исходя из концепции Северо-Восточно-азиатского сообщества, на повестку дня ставилась задача не просто мирного сосуществования, но объединения Кореи.

К категории объективных изменений, оказавших воздействие на формирование южнокорейской политики в отношении КНДР, относилась северокорейская ядерная проблема, вставшая на повестку дня как раз в январе 2003 г.

Поэтому, ввиду изменившихся обстоятельств, правительство Но Мухёна выработало новый курс межкорейских отношений, который был назван *политикой мира и процветания* и выходил за рамки отношений между двумя странами, распространяясь на весь регион Северо-Восточной Азии. В рамках «политики мира и процветания» было выработано 4 основных принципа ее реализации: 1) решение проблем через диалог; 2) построение отношений на взаимодоверительной и взаимовыгодной основе; 3) международное сотрудничество на основе принципов [межкорейских отношений] Севера и Юга; 4) участие народа [в реализации «политики мира и процветания»].

В качестве стратегии политики были выбраны 3 основных направления: 1) на краткосрочную перспективу — решить ядерную проблему КНДР; 2) на среднесрочную перспективу — установить прочный мир на Корейском полуострове; 3) на долгосрочную перспективу — сделать [новую] Корею экономическим центром Северо-Восточной Азии⁸⁴.

В представленных выше программах обоих южнокорейских президентов — Ким Дэжунга и Но Мухёна Северная Корея выступала в качестве *пассивного* объекта, которому следует оказывать всестороннюю помощь и который следует *вести* в направлении реализации южнокорейской политики межкорейских отношений.

Вполне логично предположить, что **КНДР** с ее специфической идеологической основой — идеями *чучхе*, идеями *сонгун* — не собиралась лишь пассивно следовать тому, что предлагали руководители Южной Кореи, и к началу XXI столетия имела свой **собственный подход к вопросу межкорейских отношений**. Этот подход получил свое выражение в политике, название которой можно условно перевести как «[объединимся] самостоятельно нашей нацией» — *ури минчжок кжири*⁸⁵.

Формально в начале XXI столетия Северная Корея не отказывалась от тех принципов межкорейских отношений (принципов объединения), которые были провозглашены еще Ким Ирсеном и о которых говорилось в предшествующих главах настоящей книги. Однако принципы эти были развиты и дополнены после Пхеньянского саммита 2000 г. Именно тогда в Северной Корее впервые заговорили о новом подходе в межкорейских отношениях под лозунгом «[объединимся] самостоятельно нашей нацией», а предположительно в начале 2001 г. был запущен одноименный сайт.

Суть этого нового подхода состояла в том, что как в межкорейских отношениях, так и в политике сближения и объединения Кореи все должно было строиться на представлении об изначальном единстве корейской нации, которое является основой для преодоления любых различий, основой для того, чтобы отделить объединительный процесс от любых воздействий извне (США, Японии и других стран).

В Южной Корее новый северокорейский подход к межкорейским отношениям был воспринят с пониманием. Однако из южнокорей-

⁸⁴ Политика мира и процветания Республики Корея. Сеул, Когук Сосик, 2004.

⁸⁵ Подробнее см. сайт «Ури минчжок кжири»: <http://www.uriminzokkiri.com/> (2008.02.28)

ских текстов официальных совместных документов, принимавшихся впоследствии по завершении различных переговоров, всякое упоминание о принципе *ури минчжок кжири* изымалось.

§ 2. Межкорейские политические контакты и переговорный процесс

Межкорейский саммит, прошедший 13–15 июня 2000 г., дал заметный толчок активизации межкорейских отношений.

Летом 2000 г. южнокорейские корпорации «Эл Джи» и «Самсунг» объявили о намерении расширения сборочных производств в Северной Корее.

29–31 июля 2000 г. в Сеуле прошли **Первые переговоры Юга и Севера на уровне министров**. Северокорейскую делегацию возглавлял ответственный советник кабинета министров КНДР Чон Гымчжин. 31 июля 2000 г. президент РК Ким Дэжун лично принял северокорейскую делегацию. На переговорах была достигнута договоренность о возобновлении работы Офиса прямой связи между Югом и Севером (*Намбук Ёллак самусо*), который вновь открылся 14 августа 2000 г. Также было запланировано, что Вторые переговоры Юга и Севера на уровне министров пройдут в Пхеньяне с 29 августа по 1 сентября 2000 г.

На протяжении последующих лет межкорейские министерские переговоры проходили достаточно регулярно (см. табл. 6).

Название «министерские» употреблялось по причине того, что делегация Республики Корея возглавлялась министром объединения (в то время — Пак Чэгю), а делегация КНДР — ответственным работником кабинета министров, уполномоченным курировать вопросы объединения.

Именно на Первых переговорах на уровне министров впервые началось практическое обсуждение воссоединения железных дорог Севера и Юга, в том числе и для того, чтобы связать железные дороги Республики Корея с континентом. Для того чтобы воссоединить дорогу, проходящую вдоль западного побережья Корейского полуострова, требовалось разминировать участок земли в районе демаркационной линии и демилитаризованной зоны и восстановить железнодорожное полотно протяженностью 20 км — от южнокорейского Мунсана (расположен в 12 км до демаркационной линии; расстояние до Сеула — всего 46 км), и далее — до северокорейского селения Пондонни.

Таблица 6. Переговоры Юга и Севера на уровне министров⁸⁶
в 2000–2005 гг.

Порядковый номер переговоров Юга и Севера на уровне министров	Даты переговоров	Место проведения	Примечания
1	29–31.07.2000	Сеул	
2	29.08–01.09.2000	Пхеньян	
3	27–30.09.2000	о. Чечжудо	
4	12–16.12.2000	Пхеньян	Договоренность о следующих переговорах на март 2001 г.
5	15–18.09.2001	Сеул	
Подготовительная встреча для 7-х переговоров	02–04.08.2002	Туристическая зона Кымгансан	
7	12–14.08.2002	Сеул	
8	19–22.10.2002	Пхеньян	
9	21–24.01.2003	Сеул	
10	27–29.04.2003	Пхеньян	
11	09–12.07.2003	Сеул	
12	14–17.10.2003	Пхеньян	
13	03.–06.02.2004	Сеул	
14	04–07.05.2004	Пхеньян	
15	21–24.06.2005	Сеул	
16	13–16.09.2005	Пхеньян	
17	14–16.12.2005	о. Чечжудо	

Вторая половина 2000 г. может рассматриваться как *первый пик* в межкорейских отношениях после Пхеньянского саммита лета 2000 г.

С 4 по 12 августа 2000 г. КНДР посетила группа представителей 46 южнокорейских средств массовой информации, с которыми Ким Ченир встречался *лично*. Вряд ли можно считать историческим посещение страны группой журналистов, однако **интервью**, данное им **лидером КНДР Ким Чениром**, было из ряда вон выходящим и, к сожалению, осталось практически незамеченным мировой общественностью. Интервью же намечало совершенно иной курс лидера КНДР в сфере международной политики, в сфере отношений с Южной Кореей.

В интервью Ким Ченир заявил, что, во-первых, имеет намерение организовать встречу членов разделенных семей (семей, члены

⁸⁶ По материалам издания: Намбукхан хабын мункон чхонган. 2005.10 (Полный обзор документов соглашений между Южной и Северной Кореей. 2005.10). [Сеул], Государственное управление информации, 2005.

которых оказались по разную сторону от демаркационной линии после освобождения Кореи в 1945 г. и после Корейской войны 1950–1953 гг.) не только в августе, но и в сентябре 2000 г.

Переговоры между отраслевыми министрами Юга и Севера проходили отдельно (см. табл. 7).

Таблица 7. Переговоры отраслевых министров Юга и Севера⁸⁷
в 2000–2007 гг.

Название переговоров	Дата проведения	Место переговоров	Примечание
[1-е] ⁸⁸ переговоры министров иностранных дел	26.07.2000	Бангкок	
[2-е] переговоры министров иностранных дел	01.07.2004	Джакарта	
[3-и] переговоры министров иностранных дел	28.07.2005	Вьентьян	
1-е Переговоры министров обороны	25–26.09.2000	о. Чечжудо	
2-е Переговоры министров обороны	27–28.11.2007	Пхеньян	

Во-вторых, Ким Ченир подчеркнул, что в Пхеньяне проходят северо-корейско-американские переговоры, имеющие, в частности, целью исключение КНДР из американского списка государств-террористов. При этом по поводу США и ракетной программы Ким Ченир сделал поистине сенсационные заявления, в которых говорилось о том, что ракетная программа — это проявление особой «философии», которая заключается в том, что малые страны должны уметь противостоять сверхдержавам в их желании подчинить мир себе. Но не более. Никто не собирается нападать на США и другие страны. Смешно думать, говорил Ким Ченир, что одной-тремя ракетами можно выиграть войну. Он сказал, что КНДР готова отказаться от ракетной программы, если США будут выводить на орбиту спутники КНДР.

Таким образом, в августе 2000 г. на Корейском полуострове впервые за более чем полувековое разделение стали закладываться основы мирного решения всех региональных проблем.

С 15 по 18 августа 2000 г. одновременно в Сеуле и Пхеньяне прошла **первая встреча членов** так называемых **разделенных семей** (*исан качэжок*). Встреча проходила одновременно на Юге и на

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Нумерация переговоров не является официальной.

Севере полуострова. Имел место обмен делегациями родственников. Северокорейские участники встречи отправилась в Сеул на самолете авиакомпании «Эр Корё» (Ил-62М), а южнокорейские — на самолете авиакомпании «Кориан за» — в Пхеньян.

Впоследствии подобные встречи происходили довольно регулярно (см. табл. 8). Но уже не в Сеуле или в Пхеньяне, а в специально построенном комплексе в туристической зоне Кымгансан. Кроме того, стали организовываться виртуальные встречи в формате видеоконференции. Однако впоследствии эти встречи не привлекали такого внимания СМИ, как было в первый раз, в августе 2000 г.

Таблица 8. Встречи членов разделенных семей (исан качжюк) в 2000–2005 гг.

Номер встречи	Даты встречи	Место проведения
1	15–18.08.2000	Пхеньян, Сеул
2	30.11–02.12.2000	Пхеньян, Сеул
3	26–28.02.2001	Пхеньян, Сеул
5	11–13.09.2002	Кымгансан
***	***	***
10	11–16.07.2004	Кымгансан
11	26–28.08.2005	Кымгансан

Вторые переговоры Юга и Севера на уровне министров состоялись в Пхеньяне **29–31 августа**. Вторые переговоры также можно определить как особые не только по характеру достигнутых договоренностей, но и по тому, какие знаки внимания оказал главе южнокорейской делегации лидер КНДР Ким Ченир.

На Вторых переговорах стороны договорились о следующем: 1) в 2000 г. произойдут еще несколько встреч членов разделенных семей; 2) будут вестись переговоры между военными властями двух сторон по вопросу разминирования демилитаризованной зоны у места соединения железных дорог Юга и Севера; 3) будет создана система экономического сотрудничества и продовольственной помощи для Северной Кореи; 4) будут проведены рабочие переговоры по вопросу воссоединения железных дорог Севера и Юга; 5) будет вестись совместная деятельность по борьбе с наводнениями на реке Имчжинган; 6) будет организован обмен туристами (по 100 человек с каждой стороны) для посещения гор Халласан (Южная Корея) и Пэктусан (Северная Корея).

После завершения переговоров Ким Ченир пригласил министра объединения РК Пак Чэгю в свою резиденцию в провинции Се-

верная Хамгён, где 1 сентября провел с министром переговоры. В последующие годы подобные знаки внимания со стороны лидера КНДР ним объединения Республики Корея уже не оказывались.

Заметное улучшение отношений между двумя Кореями не ограничивалось только заявлениями, но вылилось и в ряд практических шагов. 3 сентября 2000 г. в КНДР были возвращены 63 «шпиона» и «партизана», которые находились в южнокорейских тюрьмах.

С 11 по 14 сентября 2000 г. в Сеуле с визитом находился секретарь ЦК ТПК Ким Ёнсун (которого южнокорейские СМИ в то время называли «правой рукой Ким Ченира»). Этот визит мог заложить основу поистине исторического события, поскольку главным предметом обсуждения на переговорах был ответный визит в Сеул председателя ГКО Ким Ченира. Во время пребывания в столице Южной Кореи Ким Ёнсун встречался и с южнокорейским президентом Ким Дэчжуном, и с главой Министерства планирования безопасности Лим Донвоном. Также на переговорах была достигнута договоренность относительно скорейшего начала работ по воссоединению железнодорожных магистралей Севера и Юга. Все указанное выше было зафиксировано в тексте совместного заявления, принятого по итогам переговоров.

Уже через несколько дней после окончания визита Ким Ёнсун, **18 сентября 2000 г.**, у реки Имчжинган была проведена *церемония начала работ по воссоединению железных дорог Южной и Северной Кореи*, а с 19 сентября Министерство обороны Республики Корея уже приступило к работе по разминированию участка строительных работ.

Как и планировалось, 25–26 сентября на острове Чечжудо прошли переговоры министров обороны двух Корей. На переговорах главным образом обсуждались вопросы разминирования участка строительных работ по воссоединению железных дорог в районе демилитаризованной зоны (требовалось обезвредить сотни тысяч мин). После завершения официальной части переговоров 26 сентября президент Ким Дэчжун принял северокорейского министра в своей резиденции — Голубом доме.

Поэтому присуждение Нобелевским комитетом Ким Дэчжуну премии мира, о котором было объявлено 13 октября 2000 г., выглядит вполне заслуженным не только в связи с историческим Пхеньянским саммитом, но и исходя из последовавших за саммитом процессов, которые должны были привести Корейский полуостров к миру и со-

гласию. Как уже отмечалось, премия была вручена Ким Дэчжуну в Осло 10 декабря 2000 г.

28 ноября в Пханмунчжоме прошли практические межкорейские военные переговоры по вопросу обеспечения проведения работ по воссоединению Транскорейской магистрали. Это были первые из подобных переговоров. 5 декабря 2000 г. в Пханмунчжоме прошел второй раунд межкорейских военных переговоров, на которых стороны договорились о том, что от мин будет освобождена полоса шириной в 4 километра вплоть до демаркационной линии. Кроме того, стороны договорились о том, что *строительные работы по восстановлению железнодорожного и автомобильного сообщения начнутся с марта 2001 г.*

В период с 30 ноября по 2 декабря 2000 г. была организована **вторая встреча членов разделенных семей**. Как и в августе 2000 г., эта встреча широко освещалась журналистами.

С 12 по 16 декабря 2000 г. в Пхеньяне в гостинице «Корё» прошли **четвертые** переговоры на уровне министерств. С Южной стороны делегацию возглавлял заместитель министра объединения Ким Хёнги, а с Северной — особый советник кабинета министров Чон Гымчжин. На переговорах рассматривалась возможность до завершения проекта строительства АЭС в КНДР с помощью КЕДО построить в КНДР одну южнокорейскую ТЭЦ мощностью на 500 тыс. кВт (стоимость около 500 млн долл.) или же обеспечить прямые поставки резервной электроэнергии в КНДР. По состоянию на конец 2000 г. Южная Корея могла произвести 46 млн кВт при потребности в 41 млн кВт. Речь о прямой поставке электроэнергии в Северную Корею в конце декабря 2000 г. шла отнюдь не по «гуманитарным» соображениям. Юг и Север активно разрабатывали проект по развитию Кэсонской и Нампхоской свободных промышленно-экономических зон, для которых требовалось обеспечение электроэнергией.

Кроме вопросов, связанных с энергетикой, на переговорах обсуждались и такие проблемы, как дальнейший поиск родственников почти 10 млн членов разделенных семей, спортивные и культурные обмены и т. п.

В целом объем гуманитарной помощи, предоставленной Южной Кореей КНДР, оценивался в 114 млн долларов США⁸⁹.

В начале 2001 г. президент Южной Кореи Ким Дэчжун все еще надеялся на дельнейшее позитивное развитие межкорейских отноше-

⁸⁹ Korea Now. January 13. 2001. P. 13.

ний. На пресс-конференции, проведенной 11 января 2001 г., он заявил о том, что надеется на то, что администрация Джорджа Буша поддерживает южнокорейские инициативы в отношении КНДР, продолжит северокорейскую политику Билла Клинтона. Также Ким Дэчжун выразил надежду на то, что в 2001 г. Ким Ченир посетит Республику Корея.

20 января 2001 г. Джордж Буш вступил в должность президента США. С 6 по 11 марта президент Ким Дэчжун совершил визит в США для встречи с новым президентом. Уже 7 марта оба лидера выступили с Совместным заявлением для прессы. И заявление это было весьма странным с точки зрения контекста дальнейших отношений администрации Д. Буша с Кореей. В заявлении говорилось о том, что главное в вопросе безопасности на Корейском полуострове — это традиционные союзнические отношения между Южной Кореей и США, а также подтверждался факт того, что межкорейские связи вносят заметный вклад в укрепление мира и стабильности на Корейском полуострове. В то время официально Джордж Буш заявлял о *поддержке* инициатив Ким Дэчжуна в урегулировании корейского вопроса. Правда, в выработке внешней политики двух стран по отношению к КНДР стороны обязались проводить взаимные консультации.

Однако, несмотря на внешнее единство мнений по вопросу о Северной Корее, которое было отражено в Совместном заявлении, уже в ходе двусторонних переговоров и после подписания заявления появился ряд проблем. В прессе появилась информация о *разногласиях* между Ким Дэчжуном и Д. Бушем во взглядах на характер северо-корейского государства («режима»). Причем эти разногласия уже в марте именовались как «пропасть» (gap). Таким образом, можно говорить о том, что с марта 2001 г. начался фактический закат «политики солнечного тепла» Ким Дэчжуна.

После временного пика в межкорейских отношениях, имевшего место во второй половине 2000 г., контакты между двумя Кореями вошли в «обычное русло» и характеризовались менее интенсивными, но стабильными процессами двустороннего сближения, перемежаемыми редкими вооруженными конфликтами. Трудно сказать, были ли эти вооруженные конфликты спланированными, как утверждает каждая из сторон, либо происходили по взаимному недоразумению.

Так, 27 ноября 2001 г., согласно информации южнокорейских СМИ, в демилитаризованной зоне произошел очередной вооруженный конфликт. Северо-корейская сторона сделала несколько выстре-

лов в направлении территории Южной Кореи, после чего в ответ были даны несколько предупредительных выстрелов⁹⁰. По сообщениям северокорейских СМИ 26 ноября 2001 г. к демилитаризованной зоне были стянуты два южнокорейских подразделения боевых бронемашин, что усилило напряженность у демаркационной линии. О каких-либо вооруженных столкновениях не сообщалось.

11–14 мая 2002 г. КНДР посетила Пак Кынхе — дочь покойного президента Пак Чонхи — политический лидер, уже весьма заметный в то время на политической арене Республики Корея. (В связи с указанным следует напомнить, что именно Пак Чонхи первым установил прямые отношения с КНДР в 1972 г.) В то время Пак Кынхе была депутатом Национального собрания Республики Корея и возглавляла комитет по созданию новой партии «Союз за будущее Кореи» (*Хангук мирэ ёнхан*).

12 мая Пак Кынхе провела переговоры с секретарем ЦК ТПК Ким Ёнсун. Далее для нее была организована встреча с представителями ряда северокорейских женских организаций. В южнокорейской прессе также отмечалось, что 13 мая лично Ким Ченир устроил прием по случаю визита высокого гостя (хотя в официальных сводках новостей ЦТАК КНДР никаких упоминаний о встрече Пак Кынхе с Ким Чениром не было). Пак Кынхе возвратилась в Южную Корею автотранспортом, через пограничный пункт Пханмунчжом, что могло расцениваться как особый символ в процессе налаживания практических межкорейских отношений.

С 6 по 8 сентября 2002 г. прошли очередные 4-е переговоры между Севером и Югом по линии Красного Креста. На переговорах обсуждались, главным образом, гуманитарные вопросы, такие как встреча членов разделенных семей и т. п. 8 сентября было принято Совместное заявление 4-й встречи организаций Красного Креста Севера и Юга. Основным содержанием договоренностей стал вопрос о создании постоянного помещения для встреч членов разделенных семей в горах Кымгансан. Заявление также указывало на то, что после «соединения» (т. е. начала эксплуатации) железной дороги, соединяющей Сеул с пограничным с Китаем северокорейским городом Синыйчжу, возможна постановка вопроса об открытии второго помещения для встреч членов разделенных семей.

На сентябрьском совещании обсуждался вопрос о продолжении поиска членов разделенных семей. Очередная встреча членов разде-

⁹⁰ Чунан ильбо. 2003. 17 июля.

ленных семей должна была пройти с 13 по 18 сентября 2002 г., также в горах Кымгансан. При этом количество участников с каждой из сторон было определено в 100 человек.

Таблица 9. Межкорейские переговоры по линии Международного Красного Креста в 2000–2005 гг.

Номер встречи	Даты встречи	Место проведения	Примечание
1	27–30.06.2000	Кымгансан	
2	20–23.09.2000	Кымгансан	
3	29–31.01.2001	Кымгансан	
4	06–08.09.2002	Кымгансан	
Рабочая встреча 2	15–17.12.2002	Кымгансан	
Рабочая встреча 3	20–22.01.2003	Кымгансан	Обсуждение деталей создания Павильона встреч в Кымгансане
5	04–06.11.2003	Кымгансан	
6	23–25.08.2005	Кымгансан	

С 19 по 22 октября 2002 г. в Пхеньяне прошли 8-е Министерские переговоры Севера и Юга. 21–24 января 2003 г. в Сеуле состоялись 9-е Межкорейские переговоры на уровне министров. 27–29 апреля 2003 г. в Пхеньяне прошли 10-е Межкорейские переговоры на уровне министров. С северокорейской стороны делегацию возглавлял ответственный советник кабинета министров Ким Ёнсон, а с южнокорейской — министр объединения Чон Сехён.

На переговорах обсуждались вопросы организации церемоний соединения железных дорог Севера и Юга, церемоний начала строительства Кэсонской промышленной зоны и Павильона для встреч членов разделенных семей в горах Кымгансан.

Кроме того, затрагивались такие вопросы, как возможность захода гражданских рыболовных судов в территориальные воды каждой из сторон, возможность частичного допуска южнокорейских рыболовов к северокорейским рыбопромысловым зонам в Восточном море.

В связи с ужесточившейся американской политикой по отношению к КНДР южнокорейской стороне были высказаны претензии в участии в совместных с США военных учениях, проходящих на Корейском полуострове⁹¹.

9–12 июля 2003 г. в Сеуле прошли 11-е Межкорейские переговоры на министерском уровне, с 14 по 17 октября — 12-е Переговоры в Пхеньяне, а с 3 по 6 февраля 2004 г. — 13-е переговоры в Сеуле. Послед-

⁹¹ ЦТАК. 2003. 27 апр.

ние из указанных, 13-е переговоры на уровне министерств, завершились принятием совместного заявления, в котором были определены главные направления развития межкорейских отношений на 2004 г.: конструктивное ведение Второго раунда Шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове; строительство и введение в строй первой очереди Кэсонской промышленной зоны; практические вопросы межкорейского сотрудничества меньшего масштаба — совместные работы по защите от наводнений на реке Имчжинган; морские перевозки и т. п.⁹²

С 14 по 17 октября 2003 г. в Пхеньяне прошли **12-е Межкорейские переговоры на министерском уровне**. Собственно встречи между уполномоченными лицами начались 15 октября и проходили в Народном дворце культуры. Южнокорейскую делегацию возглавлял Министр объединения Чон Сехён. На этот раз переговоры были особо отмечены приемом, данным в Театре Мансудэ от имени премьеры КНДР Пак Пончжу.

13-е Межкорейские переговоры на министерском уровне прошли в Сеуле со 3 по 6 февраля 2004 г. и ознакомились рядом важных договоренностей, зафиксированных в совместном заявлении. В частности, было принято решение как можно скорее начать переговоры между представителями военных властей двух государств, чтобы снять военное противостояние между двумя государствами. В экономической сфере было принято решение перейти к практической фазе реализации Первой очереди Кэсонской промышленной зоны (площадь 1 млн *пхён*⁹³), и в частности в первом полугодии приступить к освоению опытного участка площадью в 10 тыс. *пхён*. Следующей датой Девятой встречи членов разделенных семей в Кымгансане был определен март 2004 г.

14-е Межкорейские переговоры на министерском уровне, прошедшие в Пхеньяне 4 по 7 мая, не принесли каких-либо заметных результатов. Между 14-ми и 15-ми министерскими (21–24 июня 2005 г.) переговорами прошло более года, хотя изначально 15-е переговоры планировалось провести в Сеуле с 3 по 6 августа 2004 г.

Празднование 5-летия подписания Совместной декларации Севера и Юга от 15 июня 2000 г. 2005 г. ознаменовался рядом положительных сдвигов в межкорейских отношениях, что вы-

⁹² Намбукхан хабый мункон чхонган. 2005.10 (Полный обзор документов приглашений между Южной и Северной Кореей. 2005.10). [Сеул], Государственное управление информации. 2005. С. 29.

⁹³ Традиционная корейская мера площади, соответствует 3,3058 кв. м.

разилось, в частности, в торжественном праздновании 5-й годовщины подписания Пхеньянской декларации. Юбилейные мероприятия проходили в Пхеньяне 14–16 июня 2005 г. Для участия в торжествах прибыла представительная южнокорейская делегация во главе с тогдашним Министром объединения Республики Корея Чон Донъёном. 14 июня Чон Донъён был принят премьер-министром КНДР Пак Пончжу, 16 июня — Председателем Постоянного комитета ВНС Ким Ённамом, а 17 июня, уже после официального закрытия торжественных мероприятий — лидером КНДР Ким Чениром.

Кроме официальных лиц, представлявших на торжествах Республику Корея, на празднование прибыла делегация южнокорейской компании «Хёндэ Асан» во главе с Хён Чжонын (р. 1955)⁹⁴, председателем корпорации «Хёндэ», начавшей и активно развивавшей межкорейские экономические связи.

С 14 по 16 декабря 2005 г. на о. Чечжудо прошли 17-е переговоры на министерском уровне. С южнокорейской стороны делегацию возглавлял министр объединения Чон Донъён, а с северокорейской — ответственный работник кабинета министров КНДР — Квон Хоун. Основными вопросами, которые обсуждались на переговорах, были: вопрос обмена делегациями на правительственном уровне, снижение военной напряженности между двумя государствами, вопросы межкорейского экономического сотрудничества и встречи членов «разделенных семей».

§ 3. Межкорейские экономические отношения

Экономические отношения между КНДР и Республикой Корея можно *условно* рассматривать в рамках деятельности, во-первых, государств Севера и Юга Корейского полуострова, во-вторых, частного капитала. Во втором случае речь идет в основном о Южной Корее, поскольку, как известно, в КНДР нет крупных частнокапиталистических предприятий. Однако северокорейские государственные компании, созданные для совместной деятельности с Республикой Корея — совсем не «классические» социалистические предприятия, они имеют множество черт частных фирм.

Если рассматривать межкорейские экономические отношения в рамках деятельности двух государств, то здесь прежде всего следует остановиться на проекте соединения автомобильных и железных

⁹⁴ Председатель корпорации «Хёндэ» с 21 октября 2003 г.; назначена после самоубийства прежнего главы корпорации — Чон Монхона 4 августа 2003 г.

дорог Юга и Севера, налаживании межкорейского морского и авиационного сообщения.

3.1. Деятельность межгосударственных структур. Соединение дорог Севера и Юга

После исторического Пхеньянского саммита 2000 г. для развития экономических отношений между двумя корейскими государствами был создан специальный орган, который был призван координировать межкорейскую деятельность в этом направлении, — **Комитет по содействию экономическому сотрудничеству Севера и Юга**⁹⁵ (*Пук-нам кёнчжэ хёмнёк чхучжин вивонхве*).

Комитет был создан в 2000 г. Его первое заседание прошло в Пхеньяне 27–30 декабря 2000 г. (см. табл. 10). На заседании было решено создать ряд подкомитетов, которые занимались бы конкретными вопросами, такими как изучение ситуации с поставкой электроэнергии из Южной в Северную Корею, совместные работы по защите от наводнений на реке Имчжинган, и т. п.

Таблица 10. Заседания Комитета по содействию экономическому сотрудничеству Севера и Юга

Номер встречи	Даты встречи	Место проведения	Примечание
1	27–30.12.2000	Пхеньян	Создание рабочих групп в рамках Комитета
2	27–30.08.2002	Сеул	
3	06–09.11.2002	Пхеньян	
4	11–14.02.2003	Сеул	
5	19–23.05.2003	Пхеньян	
6	26–28.08.2003	Сеул	
7	05–08.11.2003	Пхеньян	
8	02–05.03.2004	Сеул	
9	02–05.06.2004	Пхеньян	
10	09–12.07.2005	Сеул	

С 13 по 17 сентября 2002 г. в рамках деятельности этого Комитета в туристическом комплексе Кымгансан прошло Первое совещание Подкомитета по соединению железных и шоссежных дорог Севера и Юга (*Чхольдо мит торо ёнгёль пунгва*). На совещании обсуждался вопрос практических шагов, направленных на воссоединение дорог

⁹⁵ В южнокорейском варианте названия Комитета слово Юг предшествует слову Север.

Юга и Севера. Было принято решение, что *церемония начала работ* по воссоединению железных и шоссейных дорог вдоль Восточного и Западного побережий будет происходить **18 сентября 2002 г.**

Согласно достигнутым договоренностям, в то время приоритетным было определено восточное направление — горы Кымгансан, так как именно там активно развивался туристический бизнес. (Кроме того, в то время еще рассматривался проект соединения Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей с выходом на российский Приморский край.) Для большей эффективности южнокорейского туристического бизнеса в горы Кымгансан требовался перевод туристического потока с морского транспорта на сухопутный.

Северокорейская сторона брала на себя обязательство в кратчайшие сроки проложить однокольный участок железной дороги длиной в 27,5 км Восточно-морской дороги от станции Ончжонни до станции Чочжинса. Юг также обязывался без промедлений восстановить ветку с южной стороны в направлении города Каннын. Восточный участок шоссе (двухполосная дорога) от города Косон до селения Сонхённи было решено ввести в эксплуатацию уже в декабре 2002 г.

В отношении Западно-морской дороги Северная сторона брала на себя обязательства восстановить линию железной дороги от города Кэсон до «центральной демаркационной линии» (*чунан пунгесон*) длиной в 15,3 км. Обязательства южнокорейской стороны в северокорейских документах особо не обозначались.

Что касается автомобильной дороги у Западно-морской линии, то было решено строить четырехполосное шоссе от места, где планировалось соорудить Промышленный комплекс Кэсон до демаркационной линии и дальше на Юг с восточной стороны железнодорожной ветки. Также стороны договорились о взаимодействии между военными властями обеих сторон, необходимом для практической реализации проекта.

18 сентября 2002 г., как и было запланировано, на западе и востоке Кореи одновременно прошли две церемонии начала строительных работ по воссоединению автомобильных и железных дорог Кореи. Судя по составу участников двух церемоний, в КНДР, очевидно, восточное направление признавалось более важным, чем западное.

На востоке церемония начала строительства проходила на станции Кымгансанская молодежная уезда Косон (КНДР). С североко-

рейской стороны в церемонии участвовали такие высокопоставленные лица, как председатель кабинета министров КНДР Хон Соннам, министр железных дорог КНДР Ким Ёнсам, с южнокорейской — директор фирмы «Хёндэ Асан»⁹⁶ Ким Юнгю. Кроме того, на церемонии присутствовал чрезвычайный и полномочный посол РФ в КНДР А. Г. Карлов (1954–2016), что было связано с тем, что Россия была вовлечена в работы по модернизации Восточно-морской железной дороги КНДР, одним из условий выполнения которых являлось как раз воссоединение северной и южной частей Восточно-морской дороги с последующим выходом ее на Транссибирскую магистраль.

Уделение повышенного внимания именно восточному направлению транскорейских дорог в 2002 г. вполне объяснимо.

Во всех проектах транскорейских магистралей именно Северная Корея занимает *центральное* место. Для Северной Кореи, в свою очередь, во всех транспортных проектах важен аспект конкретной экономической выгоды. У Южной Кореи очень активные экономические отношения с КНР, и, казалось бы, западное направление, обеспечивающее транспортный поток между Китаем и Южной Кореей, могло бы быть более выгодным. Но в данном случае в плане и дешевизны, и скорости, и безопасности достаточно конкурентоспособными остаются морские перевозки.

Другое дело — импортно-экспортные операции с Россией и Европой. В этом случае морской путь оказывается очень долгим. (Торговым судам приходится обходить Южную Азию, следовать вдоль берегов Африки и т. п. Северный морской путь также имеет ограниченные возможности эксплуатации.) Поэтому восточное направление представлялось для КНДР более выгодным. Тем более, что в этом случае Россия обещала модернизировать связанный напрямую с Транссибом участок железных дорог КНДР.

Кроме того, в развитии именно восточного направления есть и военно-идеологическое преимущество. Западно-морская железная дорога проходит по самым населенным провинциям Южной Кореи, следует через столицу КНДР — Пхеньян. Таким образом, в случае активной эксплуатации этого направления железной дороги встает вопрос обеспечения безопасности территорий и изоляции населения

---

⁹⁶ Следует напомнить, что «Хёндэ Асан» — это фирма, которая была создана председателем корпорации Хёндэ Чон Чжуёном в 1998 г. специально для сотрудничества с Северной Кореей (см. сайт фирмы «Хёндэ Асан» по адресу: <http://www.hyundai-asan.com/>).

Пробный пуск поезда между Южной и Северной Кореей 17 мая 2007 г.

от нежелательных контактов с представителями Южной Кореи и других стран.

Восточно-морская железная дорога проходит по менее населенным объектам КНДР, удалена от столицы страны и в военно-политическом плане оказывается предпочтительной.

Одновременно с переговорами в Пхеньяне, в пограничном пункте Пханмунчжом с 16 по 17 сентября проходили 7-е Рабочие переговоры по военным вопросам Севера и Юга (*Че 7 чха Пук-Нам кунса силъму хведам*), на которых обсуждались проблемы «военного обеспечения» строительных работ по восстановлению транспортного сообщения между двумя частями Кореи.

С 22 по 25 января 2003 г. в Пхеньяне прошло **Второе** заседание Подкомиссии по соединению железных и автомобильных дорог Севера и Юга (*Пук-Нам чхольдо мит торо ёнгёль пунгва*). Совещание прошло в рабочей атмосфере. Обе стороны подтвердили намерение прилагать максимум усилий для скорейшей реализации проекта. Значительные разногласия обнаружились в вопросе обеспечения эксплуатации поездов на соединенных железных дорогах. Однако стороны договорились решать возникающие вопросы путем стандартной процедуры обмена соответствующими документами.

С 10 по 12 марта 2003 г. в Кэсоне прошло **Четвертое** заседание Подкомиссии по соединению железных и автомобильных

дорог, на котором было высказано пожелание провести официальную церемонию соединения дорог (*кведо ёнгёль хэкса*) уже в конце марта.

Однако церемонию пришлось провести позже, и ее приурочили к 3-й годовщине Пхеньянского саммита 2000 г. Символическая **церемония соединения железных дорог Севера и Юга** — Западно-морской и Восточно-морской — прошла **14 июня 2003 г.** Она началась в 11 часов утра: на западе — на демаркационной линии у города Пхачжу (ответственная за церемонию — Южная сторона) и на востоке — на демаркационной линии уезда Косон провинции Канвон (ответственная — Северная сторона).

Соединение дорог было во многом действительно символическим. Если Южная Корея восстановила железнодорожные пути на всем протяжении Западно-морской линии от станции Мунсан до демаркационной линии, то Северная Корея лишь участок в 2,2 км, в то время как не были выполнены работы по постройке оставшегося участка пути в 13,1 км. На Восточно-морской железной дороге ситуация была почти противоположной. Реально были восстановлены участки по 400 и 100 м с Севера и Юга соответственно. При этом оставалось провести строительные работы на Севере — на участке в 18,5 км, а на Юге — 127 км — до города Каннин.

Несмотря на все это, на перспективу эксплуатации железных дорог стороны смотрели довольно оптимистично. Ожидалось (в случае, если ядерная проблема в КНДР не станет помехой), что по западной ветке поезда смогут начать движение уже с конца сентября 2003 г., а по восточной — с декабря 2003 г.⁹⁷

С 26 по 28 августа 2003 г. в Сеуле прошло **6-е заседание Межкорейского комитета развития экономического сотрудничества** (*Пук-Нам кёнчжэ хёмнёк чхучжисин вивонхвэ*). С Северной стороны делегацию возглавлял первый заместитель Государственного комитета по планированию Пак Чханнён, а с Южной стороны — заместитель министра финансов и экономики Ким Гванним.

На переговорах обсуждались важные вопросы двустороннего экономического сотрудничества и был достигнут ряд принципиальных договоренностей, которые были закреплены в Соглашении, подписанном по итогам переговоров. В частности, на переговорах речь шла о необходимости завершения соединения железнодорожных линий на Восточно-морской дороге на участке между станциями Он-

⁹⁷ Чосон ильбо. 2003. 16 июня.

чжонни и Чочжин и на Западно-морской железной дороге между станциями Кэсон и Мунсан.

Стороны договорились о том, что после завершения составления общего проекта Кэсонской промышленной зоны сразу будут начаты работы по строительству инфраструктуры.

Расширение Кымгансанского туристического проекта, в частности увеличение потока южнокорейских туристов, прибывающих автомобильным транспортом, также стало объектом особого внимания. Кроме того, стороны пришли к соглашению о необходимости принятия Межкорейского соглашения по морским перевозкам, развития прямого товарообмена (без участия стран-посредниц). Очередное, 7-е заседание Межкорейского комитета развития экономического сотрудничества было запланировано провести в середине октября 2003 г. Однако оно прошло на месяц позже, 5–8 ноября 2003 г.

С 5 по 8 ноября 2003 г. в Пхеньяне прошло **7-е заседание Межкорейского комитета развития экономического сотрудничества** (*Пук-Нам кёнчжэ хёмнён чхучжис вивонхве*). На совещании затрагивалось несколько важнейших вопросов. Во-первых, это скорейшее развитие Кэсонской промышленной зоны (КПЗ). На заседании стороны пришли к принципиальному соглашению о том, что строительные работы в КПЗ начнутся в первой половине 2004 г.

В то же время южнокорейская сторона указала на то, что и для развития КПЗ, и для других проектов важно скорейшее решение северокорейского ядерного вопроса. В частности, большие надежды стороны возлагали на 2-й раунд Шестисторонних переговоров в Пекине.

Кроме того, на 7-м заседании северокорейская сторона подняла вопрос о возможностях поставки в КНДР электроэнергии из Южной Кореи. Действительно, выход КНДР из ДНЯО как раз и был продиктован тем, что КЕДО не выполняло своих обязательств по постройке АЭС в КНДР. А для Северной Кореи (как и для Южной) в условиях ограниченности природных ресурсов⁹⁸ только постройка АЭС может решить проблему обеспечения электроэнергией.

Собственная ядерная программа КНДР, возобновленная для обеспечения страны электроэнергией, в силу технических проблем не могла привести к желаемому результату в обозримом будущем.

⁹⁸ Для работы ТЭС, помимо угля, в силу технологических причин необходимо наличие мазута. КНДР не обладает собственными источниками нефтепродуктов. Что касается гидроэнергии, то в силу климатических условий ГЭС могут полноценно функционировать исключительно в летний период времени.

Поэтому в условиях крайнего дефицита электроэнергии для Северной Кореи единственной возможностью была поставка электроэнергии из соседних стран. И здесь, по ряду причин, на первом месте среди возможных поставщиков, естественно, была именно Южная Корея⁹⁹.

Начиная с 2002 г., южнокорейское правительство уделяло особое внимание развитию Кэсонской промышленной зоны и на государственном уровне проводило политику поощрения южнокорейского бизнеса, который имел интерес в КПЗ.

В мае 2004 г. Экспортно-импортный банк (Су-чхурип ынхэн) вместе с Министерством объединения Республики Корея решил оказывать финансовую помощь южнокорейским мелким и средним предприятиям, которые изъявляют желание перенести свое производство в Кэсонскую промышленную зону (в частности, речь шла о небольших процентах по займам, примерно 4,5 % годовых)¹⁰⁰.

3.2. Совместные коммерческие проекты

Один из первых практически реализованных совместных межкорейских проектов «Пхёнхва», что значит «Мир», начался в январе 1998 г., когда было основано совместное межкорейское предприятие «Автомобильная корпорация Пхёнхва». Сборочные цеха должны были располагаться в портовом городе Нампхо. 70 % капитала принадлежало одноименной южнокорейской фирме, а 30 % — северокорейской стороне. Любопытно отметить, что большая часть капитала с южнокорейской стороны была предоставлена Церковью Единения (*тхонильгё*) Мун Сонмёна.

В феврале 2002 г. завершилось строительство первой очереди автоборочного завода «Пхёнхва». На нем стали собираться автомобили одноименной марки, поначалу только легковые. В апреле 2002 г. был собран первый легковой автомобиль «хвипхарам» (дословно — «свист», «свисток») из комплектующих для автомобиля «Сиена» («Siena») фирмы «Фиат». Комплектующие поставлялись с китайского автомобильного предприятия фирмы «Фиат». В дальнейшем на заводах «Пхёнхва» стали собирать легковые автомобили других моделей, полноприводные автомобили повышенной проходимости и микроавтобусы¹⁰¹.

⁹⁹ Чосон ильбо. 2003. 6 нояб.

¹⁰⁰ Мунхва ильбо. 2004. 17 мая.

¹⁰¹ Подробнее см. на сайте Корпорации «Пхёнхва» по адресу: <http://www.pmcgroup.co.kr/>

22 марта 2002 г. ознаменовалось весьма интересным событием, которое не привлекло к себе значительного внимания общественности. А именно было объявлено о том, что южнокорейская интернет-фирма «Хуннет» и две северокорейские организации — Комитет содействия развитию корейской национальной экономики в АТР (*Пом Тхэпхёнъян чосон минчжосок кёнчжэ кэбаль чхокчин хёпхве*) и Корейская всеобщая внешнеторговая корпорация (*Чосон чансэн муёк чхонхвеса*) договорились о том, чтобы к январю 2003 г. совместно разработать лотерейную интернет-программу и игровой сайт, для чего создать в Пхеньяне совместное предприятие.

Доходы от совместного игорного бизнеса, в который южнокорейская сторона планировала инвестировать до 300 тыс. долларов США, предполагалось разделять следующим образом: 30 % должна была получать южнокорейская сторона, 51 % — внешнеторговая корпорация КНДР, а 19 % — указанный выше Комитет.

В 2002 г. предполагалось, что сайт будет работать исключительно на внешних потребителей, а гражданам Республики Корея доступ к сайту будет получить крайне сложно¹⁰².

Упомянутый выше факт сотрудничества РК и КНДР в сфере интернет-игорного бизнеса весьма примечателен, поскольку указывает на несколько важных факторов: 1) выход КНДР в интернет-экономику; 2) внимание властей КНДР к игорному бизнесу; 3) сотрудничество между Югом и Севером на уровне открытия совместного офиса в Пхеньяне.

3.3. Практические экономические контакты

Пхеньянский саммит 2000 г. не только послужил отправной точкой в развитии крупных межкорейских экономических проектов, таких как Кэсонская промышленная зона или Кымгансанская туристическая зона, но и положил начало развитию *базиса системы* межкорейских экономических отношений, который должен был стать основой создания *системы* межкорейской экономики, которая выходила бы за рамки крупных проектов и могла бы охватить всех участников межкорейских экономических отношений, включая мелкие и средние предприятия.

---

¹⁰² По состоянию на июль 2007 г. рядовой южнокорейский пользователь мог легко выйти на указанный сайт (www.dprkorealotto.com) без каких-либо ограничений, в то время как новостные северокорейские сайты были недоступны для рядовых граждан Республики Корея.

Первые межкорейские *практические* переговоры, направленные на создание *системы межкорейских отношений*, прошли в Сеуле с 25 по 26 сентября 2000 г. Тогда в первую очередь были затронуты вопросы гарантии инвестиций и исключения двойного налогообложения. На протяжении последующих пяти лет подобные «практические переговоры» происходили достаточно часто, каждый год, по 5–6 встреч в году, за исключением 2001 г. На этих «практических переговорах» обсуждались и были приняты решения по таким вопросам, как механизм оказания гуманитарной помощи Северу со стороны Юга, решение спорных вопросов в бизнесе, способы взаиморасчетов, совместная эксплуатация дорог, межкорейские морские перевозки, въезд и выезд, порядок пребывания в особых экономических зонах (КНДР), сотрудничество в сфере сельского хозяйства и рыбной промышленности¹⁰³.

Все эти переговоры и следовавшие за ними практические шаги в развитии межкорейских экономических отношений закладывали фундамент прочных экономических связей между двумя государствами, вносили практический вклад в ликвидацию прежних отношений враждебности и взаимного недоверия.

§ 4. Межкорейские военные отношения. Вооруженные конфликты и столкновения

В начале XXI столетия межкорейские отношения в военной сфере были довольно сложными. С одной стороны, оба государства старались перейти от прежних отношений военного противостояния к отношениям мира и сотрудничества. И для этого была организована серия переговоров между представителями военных ведомств двух корейских государств. С другой стороны, время от времени между Северной и Южной Кореей происходили вооруженные столкновения, приводившие к человеческим жертвам и нередко ставившие весь процесс межкорейского сближения на грань срыва.

Однако в первой половине 2000-х годов межкорейские вооруженные конфликты не вписывались в общий контекст развития межкорейских отношений и, по большому счету, не оказывали негативного воздействия на них, побуждая руководителей двух государств искать пути создания более прочной системы межкорейской безопасности.

¹⁰³ Нам-Букхан хабын мунккон чхонгам (Полное собрание текстов договоренностей между Южной и Северной Кореей). Сеул, 2005. С. 105–200.

Первый **значительный вооруженный межкорейский конфликт** в рассматриваемый период произошел **в июне 2002 г. в Желтом море**. Впоследствии о нем вспоминали на протяжении многих лет, поскольку он выбивался из контекста межкорейских отношений, контекста тех достижений, которые стали результатом Пхеньянского саммита 2000 г.

По версии южнокорейской стороны, **29 июня 2002 года** в 9:54 и 10:01 утра два северокорейских сторожевых корабля пересекли так называемую Северную разграничительную линию (СРЛ; North limit line; *Пукпан хангесон*), разделяющую водное пространство КНДР и РК в Желтом море. Навстречу им устремились четыре южнокорейских скоростных сторожевых катера. Северокорейской стороне было предложено вернуться за разграничительную линию. В ответ в 10:25 северокорейский сторожевик «первый» открыл огонь, находясь в трех милях южнее СРЛ. После этого на море завязался бой, длившийся около 25 минут. В результате одно южнокорейское судно было потоплено, 4 человека погибли, и 1 пропал без вести, 19 моряков получили ранения.

На северокорейском сторожевом корабле начался пожар, погибло около десяти военнослужащих.

Инициатором вооруженного конфликта, естественно, объявлялась северокорейская сторона¹⁰⁴.

По версии северокорейской стороны, конфликт начался примерно в 10:10 утра, когда несколько южнокорейских военных кораблей вместе с десятком рыболовных судов вторглись в территориальные воды КНДР и начали обстреливать северокорейские пограничные корабли. Северокорейские СМИ объявили конфликт «спланированной южнокорейской провокацией».

Однако каких-либо внятных официальных оценок это событие не получило ни тогда, в 2002 г., ни даже спустя 5 лет после указанных событий, в 2007 г.¹⁰⁵

На самом деле и в этом, и в других подобных случаях конфликт мог произойти непроизвольно, без какого-либо «провокационного» плана одной из сторон. Во-первых, КНДР не признает то, каким образом в Республике Корея определяют границу Северной разграничительной линии (хотя на практике стороны придерживаются именно южнокорейской морской границы). Во-вторых, очевидно, место

¹⁰⁴ Чосон ильбо. 2002. 29 июня.

¹⁰⁵ Тона ильбо. 2007. 28 июня.

это очень богато рыбой, и рыболовецкие суда, «увлекшись» погоней за добычей, в порыве азарта могут и пересечь СРЛ. При этом, поскольку лов рыбы в приграничных водах — дело небезопасное, и с Северной, и с Южной стороны эти суда могут сопровождаться кораблями береговой охраны¹⁰⁶.

Однако, несмотря на все конфликты, происходившие между двумя Кореями в районе ДМЗ или СРЛ, объективные процессы межкорейского сближения брали верх над временными и по сути случайными столкновениями.

Межкорейские военные переговоры проводились в самых различных форматах — от практических, имевших вполне конкретные прикладные цели, как, например, разминирование участков демилитаризованной зоны, по которым должно было быть проложено железнодорожное полотно, соединяющее железные дороги Севера и Юга, до переговоров на уровне генералитета двух стран.

Очередные вторые межкорейские военные переговоры на уровне генералов (*Пук-Нам чаннё-гып кунса хведам*) прошли с **3 по 4 июня 2004 г.** в горах Сораксан (Южная Корея). Основным вопросом переговоров стало обсуждение и принятие ряда мер, которые бы позволили избежать военных конфликтов в Западном (Желтом) море. Кроме того, был принят конкретный график демонтажа технических средств идеологической пропаганды, которые были установлены сторонами вдоль демаркационной линии. Стороны также обязались не устанавливать эти технические средства вновь и не вести в дальнейшем никакой идеологической пропаганды.

Однако несмотря на принятые договоренности, в 2004 г. в Желтом море произошло еще несколько **вооруженных инцидентов** (4 июня¹⁰⁷, 1 ноября¹⁰⁸).

И тем не менее, несмотря на постоянные вооруженные столкновения между Севером и Югом, которые вряд ли были заранее спланированными акциями, межкорейские контакты в 2000–2005 гг. имели положительную тенденцию развития.

---

¹⁰⁶ Именно поэтому во время визита президента Республики Корея Но Мухёна в КНДР 2–4 октября 2007 г. Север и Юг достигли договоренности о создании совместной зоны морских промыслов в этом спорном регионе.

¹⁰⁷ ЦТАК. 2004. 5 июня.

¹⁰⁸ Чосон ильбо. 2004. 2 нояб. С. 1; Сообщение ЦТАК от 2 ноября 2004 г.

§ 5. Межкорейские культурные связи

Пхеньянский саммит 2000 г. придал импульс развитию межкорейских культурных контактов. Иногда в ход этих отношений вмешивалась политика. Сферы межкорейских культурных обменов были самыми разнообразными: религия, спорт, наука, культура и многое другое.

Приведем в качестве примера лишь несколько эпизодов из истории межкорейских культурных отношений 2000–2005 гг., которые позволят почувствовать интенсивность и всю сложность отношений между двумя государствами.

Контакты в сфере религий. 3 октября 2002 г. в КНДР у «восстановленной» в 1994 г. гробнице Тангуна — мифического¹⁰⁹ основателя древнекорейского государства Чосон (2333 г. до н. э. — 108 г. до н. э.) прошло первое в истории Кореи совместное празднование «Дня открытия Небес» (*Кэчхончжоль*), или — «дня рождения» Тангуна.

В праздничных мероприятиях приняли участие, так сказать, не совсем «обычные» представители обеих сторон. Север представляли заместитель председателя Постоянного комитета ВНС председатель ЦК корейской Социал-демократической партии (*Чосон сахве минчжудан*) Ким Ёндэ, председатель ЦК Партии молодых друзей [религии] чхондогё (*Чхондогё чхонудан*) Рю Миён и др.

Со стороны Юга в церемониях участвовали делегация религии *тэчжонгё* («учения великого предка»), поклоняющаяся Тангуну, делегация южнокорейских католиков и т. п.

Через год, **3 октября 2003 г.**, ситуация повторилась: Север и Юг провели очередное совместное празднование «Дня открытия Небес» в Пхеньяне. В церемониях, в числе которой была и «Церемония кормления духа Тангуна» (*Тангунчжэ*), участвовали высокопоставленные лица, связанные с межкорейскими отношениями. С северной стороны, в очередной раз, — заместитель председателя Постоянного комитета ВНС КНДР Ким Ёндэ, а также председатель Комитета объединения нации Тангуна Рю Миён и др. С южнокорейской стороны присутствовали представители Ассоциации национальных религий (*Минчжок чонгё хёбыйхве*) и другие официальные лица.

Участники церемонии (очевидно, по инициативе северокорейской стороны) приняли «Совместное воззвание к 70 миллионам соотече-

¹⁰⁹ Данный персонаж не является мифическим для властей КНДР, а также для ряда историков Южной Кореи.

ственников». В воззвании особо примечательными были положения о «защите мира [на Корейском полуострове]» силами всей нации и «защите “Родины” от внешних сил на основе проявления традиционного для нации Тангуна “духа единения”». Таким образом, через представление о «единстве нации» северокорейские власти пытались привлечь Южную Корею для оказания помощи в вопросе недопущения американской агрессии, о которой в то время активно говорилось в СМИ КНДР.

Спортивные контакты. На протяжении многих десятилетий истории межкорейских взаимоотношений, в особенности начиная с 1980-х годов, Северная и Южная Корея не раз пытались наладить контакты в спортивной сфере, в частности через проекты выступления единой командой на международных соревнованиях. Иногда происходил обмен спортивными делегациями. В 2003 г. КНДР согласилась на участие в *Летней универсиаде*, которая должна была проходить *в южнокорейском городе Тэгу* в августе. Церемония открытия была запланирована на 21 августа, и игры должны были продлиться до 31 числа.

Однако за несколько дней до начала универсиады произошло неприятное событие, которое сразу даже не было замечено средствами массовой информации. 15 августа 2003 г., в День возрождения¹¹⁰ Кореи, так называемые консервативные организации Южной Кореи провели митинг (ряд митингов), называвшийся «Антиядерный, Анतिकимовский всеобщий митинг 15 августа» (*Пан-хэж, пан-Ким 8.15 кунмин тэхве*). Мало того, что сам по себе митинг явно не вносил вклада в развитие межкорейских отношений, так еще во время митинга участники демонстрации позволили себе провести акт сожжения государственного флага КНДР¹¹¹.

16 августа северокорейская сторона все еще продолжала обмениваться материалами для подготовки Универсиады. Но уже 18 августа было представлено официальное заявление, в котором, в частности, говорилось о том, что КНДР отказывается от участия в церемонии открытия Универсиады, в том числе по причине невозможности южнокорейских властей обеспечить нужный уровень безопасности.

Поначалу, 18 августа, реакция властей Южной Кореи была неоднозначной. Помощник президента РК по вопросам национальной безопасности На Чжониль посчитал подобную реакцию Севе-

¹¹⁰ То есть день освобождения Кореи от японского колониального господства.

¹¹¹ Чосон ильбо. 2003. 19 авг.

ра неадекватной и объяснял ее непониманием в КНДР южнокорейской культуры демонстраций. Министерство объединения, в свою очередь, отправило в КНДР телефонограмму с просьбой не отказываться от участия в Универсиаде¹¹². Однако правительство Южной Кореи не принесло КНДР никаких официальных извинений за произошедшее.

Тогда 19 августа президент Республики Корея Но Мухён выступил с официальным заявлением, в котором выразил глубокое сожаление по поводу произошедшего. Вслед за этим, через 8 часов, представители КНДР через «пункт связи» в Пханмунчжоме (*Пханмунчжом ёллаккван*) подтвердили первоначальное намерение принять участие в Универсиаде в Тэгу.

Универсиада в Тэгу открылась 21 августа, и уже во время первых спортивных состязаний на трибунах стадиона можно было увидеть активные выступления северокорейских девушек из группы поддержки (300 человек), которая прибыла вместе со спортсменами. Церемония открытия Универсиады также освещалась в северокорейских СМИ, и не без упоминания «провокационных действий консервативных сил»¹¹³.

Однако атмосфера на Универсиаде продолжала оставаться весьма напряженной. 24 августа в 2 часа дня перед пресс-центром Универсиады сторонники «консервативных» политических групп снова устроили антисеверокорейскую демонстрацию, призывая к свержению Ким Ченира. В результате между демонстрантами и представителями северокорейских СМИ завязалась потасовка.

В тот же день северокорейские власти (Комитет за мирное объединение Родины — *Чогук пхёнхва тхониль вивонхва*) выступили с требованиями к южнокорейским властям принести официальные извинения.

26 августа руководство северокорейской делегации заявило на пресс-конференции, что если южнокорейские власти не принесут официального извинения за случившееся и не возьмут на себя обязательство впредь не допускать подобных демонстраций, то КНДР может принять решение о досрочном прекращении участия в Универсиаде. Так, было отменено участие северокорейских девушек из группы поддержки в матче по женскому футболу между командами КНДР и Мексики. (Однако же заявление это выглядело несколько

¹¹² Тона ильбо. 2003. 18 авг.

¹¹³ ЦТАК от 22 августа 2003 г.

странным, потому что накануне председатель Оргкомитета Универсиады (он же — мэр города Тэгу) Чо Хэнён выразил свое сожаление по поводу произошедшего.)

27 августа 2003 г. министр культуры и туризма Ли Чхандон на брифинге заявил о своем негативном отношении к инциденту и пообещал принять меры для того, чтобы подобное не повторилось. Несмотря на то что министр оценил свое выступление как «личное», «не согласованное с Голубым домом», очевидно, северокорейская делегация восприняла это заявление как официальное извинение и с 27 числа возобновила свое участие в Универсиаде, которая завершилась 30 августа.

В целом ситуацию на Корейском полуострове в 2000–2005 гг. можно охарактеризовать как положительную, несмотря на то что пик межкорейского сближения 2000 г. пошел на спад после 2001–2003 гг., в особенности после возникновения ядерной проблемы на Корейском полуострове.

17 мая 2007 г. состоялся первый пуск поездов по двум участкам пути, соединившим железные дороги севера и юга Корейского полуострова (западная и восточная ветки).

Со 2 по 4 октября 2007 г. Пхеньян с официальным визитом посетил президент Республики Корея Но Мухён, и принятые в ходе визита договоренности открывали новые перспективы межкорейских отношений.

Однако 2008 г. внес свои коррективы. Новый президент Южной Кореи Ли Мёнбак, избранный 19 декабря 2007 г. и вступивший в должность 25 февраля 2008 г., принял более прагматичный курс в отношениях с Северной Кореей.

Северная Корея, в свою очередь, несмотря на демонтаж ряда ядерных объектов в Ёнбёне в июне 2008 г., уже 27 августа того же года заявила о приостановке мероприятий по денуклеаризации страны в связи с невыполнением США своих обязательств в рамках договоренностей, принятых на Шестисторонних переговорах по ядерной проблеме на Корейском полуострове.

Таким образом, к концу первого десятилетия 2000-х годов перспективы развития ситуации на Корейском полуострове оставались во многом неопределенными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Декларация независимости 1 марта 1919 года¹

Мы в настоящем заявлении провозглашаем, что наша Корея — это независимое государство и что корейцы — это самостоятельный народ. Обращаясь с этим заявлением ко всем странам мира, мы демонстрируем истинность великого принципа равноправия всех людей. Давая этим наказ всем поколениям наших детей и внуков, мы навеки утверждаем законное право самостоятельного существования нации. Мы провозглашаем это, опираясь на авторитет нашей пятитысячелетней истории. Мы широко оповещаем об этом, основываясь на едином чувстве преданности родине нашего двадцатимиллионного народа. Мы настаиваем на этом во имя постоянного последовательного свободного развития нации. Мы поднимаем вопрос об этом, чтобы вместе со всеми идти в ногу со временем великого преобразования мира, основанного на проявлениях человеческой совести. Это — ясное веление Неба, великая тенденция эпохи, законное проявление права всего человечества на совместное существование, на общую жизнь. И ничто в Поднебесной не может затормозить и сдерживать это.

К настоящему времени прошло уже более десяти лет с тех пор как мы впервые за многие тысячи лет нашей истории вкусили боль и страдания от притеснений со стороны другой нации, став жертвой политики агрессии и авторитаризма, которые являются наследием старой эпохи. Так сколько еще мы будем лишены нашего права на существование? Так сколько еще быть препятствиям нашему духовному развитию? Так сколько еще быть попираниям нашего национального достоинства? Так сколько еще быть потерянной возможности вносить вклад и поддерживать величайшие новые тенденции мировой культуры с помощью новизны и отточенности неповторимых творческих сил нашей нации?

Увы! Если мы хотим широко возвестить об этой несправедливости, доставшейся нам от старых времен, если мы хотим освободиться от наших сегодняшних страданий, если мы хотим избавиться от угрозы нашему будущему, если мы хотим вернуть к жизни и возвысить подавляемую и уничтожаемую честь нашего государства и доброе сердце нашего народа, если мы хотим добиться гармоничного развития каждой личности, если мы не хотим передать нашим достойным сострадания детям мучительное и позорное наследство, если мы хотим привести многие поколения потомков к вечному и полному счастью и радости, то тогда самым большим и срочным для нас делом является достижение независимости нации. Ныне, когда каждый из двадцати миллионов корейцев преисполнен душевным

---

¹ Перевод выполнен с текста оригинала 1919 г. автором монографии по изданию: Самиль тоннип сононсо хэсольчжип (Сборник комментариев к Декларации независимости 1 марта). Сеул, 1987. С. 23–24.

огнем, подобным острию лезвия, в сегодняшний день, который с помощью армии, именуемой «справедливость», и оружия, именуемого «гуманность», защищает общность всего человечества и совесть эпохи, мы в нашем желании идти вперед и побеждать разве не одолеем любого силача, в нашем стремлении остановиться и организовать дела разве не достигнем любой смысл?

Мы не собираемся обвинять Японию в том, что ей нельзя верить, говоря, что после заключения Договора 1876 года об установлении дружеских отношений она время от времени разными способами нарушала свои твердые обещания. То, что ее ученые с кафедр, а политики в своей повседневной практике рассматривают великие дела, совершавшиеся из поколения в поколение нашими государями, лишь как что-то малозначительное, колониальное, а с нашим культурным народом обращаются как с дикарями, — это только лишь проявление чувств радости покорителя. Мы не собираемся упрекать Японию за недостаточность справедливости, говоря, что она игнорирует древние корни нашего общества и выдающиеся душевные качества нашего народа. Слишком занятые подстегиванием и воодушевлением себя самих, мы не можем даже подумать о ненависти к другим. Слишком занятые тщательной подготовкой нашего настоящего, мы не можем даже подумать об осуждении за дела прошлого. Сегодня наша задача — это только лишь осуществление нашего собственного возрождения. И она ни в коем случае не состоит в том, чтобы разрушать других. Это устройство новой судьбы нашего собственного дома по велению строгой совести. И это ни в коем случае не зависть, не преследование, не отвержение других из-за старой вражды или сиюминутных чувств. Это возвращение к естественному и разумному великому первоначалу посредством исправления и улучшения неестественного и неразумного положения, ставшего результатом громкого жертвоприношения японских политиков, скованных старыми идеями и старыми силами. Посмотрите на реальные достижения дня нынешнего, все более углубляющего пропасть навеки непримиримой вражды между двумя имеющими противоположные интересы народами, которая возникла из-за слияния двух государств, с самого начала не отвечавшего желаниям нашей нации, результатом которого, в конце концов, стало насилие во имя временного спокойствия, неравноправие при внешнем благополучии цифр статистики. Разве не ясно, что исправление старых ошибок с помощью мужества и отваги и создание новой дружественной обстановки, основанной на искреннем сочувствии и понимании, является самым коротким путем избавления от бед и обретения счастья в отношениях между двумя сторонами? К тому же совершенно ясно, что сковывание с помощью сил устрашения двадцатимиллионного корейского народа, полного возмущения и негодования, не только не стало отправной точкой для обеспечения вечного мира на Востоке, но, наоборот, тем самым все более укрепив опасение и недоверие к Японии со стороны четырехсот-

миллионного китайского народа, являющегося стержнем стабильности на Востоке, в результате приведет обстановку на Востоке в целом к печальной участи общего для всех падения и общей для всех гибели. Поэтому сегодня независимость нашей Кореи обеспечит для корейского народа законное существование и процветание и в то же время для Японии сохранит в целостности ее большую ответственность быть опорой для Востока, отвлечь ее от порочного пути; для Китая даст возможность избавиться от беспокойства и страха, подобного кошмарному сну. А для мира на Востоке, являющегося важной составной частью мира во всем мире и счастья всего человечества, станет необходимым этапом. Так почему же все это становится проблемой из-за пустяковых эмоций?

А-а! Новый мир открывается перед нашими глазами! Уходит эпоха сил устрашения, приходит эпоха моральных принципов. Дух гуманизма, отлитый и закаленный, выращенный, вскормленный в прошлом за все предшествующие столетия, как раз сейчас начинает пробуждать свет зари новой цивилизации в истории человечества. Новая весна, приходя в мир, побуждает к возрождению все сущее. Если говорить, что сковывание дыхания застывшим льдом и холодным снегом — это состояние того, ушедшего времени, то новый импульс жизненной энергии и биению сердца, даваемый ласковым весенним ветром и теплыми лучами солнца, — это реальность нынешнего времени. Поэтому у нас, встретивших вернувшуюся обратно добрую судьбу Неба и Земли и поднявшихся на волну прилива мировых перемен, не будет никаких колебаний, не будет никакой нерешительности. Охраняя целостность нашего исконного права на свободу, мы в полной мере вкусим радость жизни в процветании; проявляя нашу обильную силу самобытного творчества, мы взрастим совершенный цветок нации в мире, полном весны.

Настоящим заявлением мы решительно начинаем действовать. Совесть находится в нас, правда идет в ногу с нами. Все — мужчины и женщины, старики и дети — в едином порыве покинув темное и затхлое старое гнездо, вместе со всей просыпающейся природой добьются радостного возрождения жизни. Духи предков сотен и тысяч поколений невидимо помогают нам, общий ход развития всего мира защищает нас снаружи. Поэтому начало как раз и есть успех. И будет только стремительное движение вперед вслед за светом будущего.

Договор-обращение из трех пунктов

Сегодняшнее наше начинание этого великого дела — это требование нации во имя справедливости, гуманизма, права на жизнь, процветания в уважении. Поэтому оно будет исключительно проявлением духа свободы. Ни в коем случае не избегайте нашего дела из-за чувств неприязни к другим.

Все, до последнего человека, всегда, до последнего мгновения, с радостью сообщайте о справедливой воле нации.

Во всех действиях, уважая порядок прежде всего, выражайте нашу позицию и требования настолько возможно ясно и правильно.

/1/ марта 4252 года от основания Корейского государства

Представители корейской нации:

Сон Бёнхи, Киль Сончжу, Ли Пхильчжу, Пэк Ёнсон, Ким Вангю, Ким Бёнчжо, Ким Чханчжун, Квон Дончжин, Квон Бёндок, На Ёнхван, На Инхёп, Ян Чжонбэк, Ян Ханмук, Ю Ёдэ, Ли Гапсон, Ли Мёнрён, Ли Синхун, Ли Чжонхун, Ли Чжониль, Лим Ехван, Пак Чжунсын, Пак Хидо, Пак Донван, Син Хонсик, Син Сокку, О Сечхан, О Хваён, Чон Чхунсу, Чхве Сонмо, Чхве Рин, Хан Ёнун, Хон Бёнги, Хон Гичжо.

ВЫБОРОЧНЫЙ СПИСОК СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О КОРЕЕ¹

Источники

На русском языке

Ли Сунсин. Военный дневник (Нанчжун ильги) / вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. И прил. О. С. Пироженко. М., 2013.

Ким Бусик. Самгук саги. Исторические записи трех государств: В 3 т. Т. 1: Летописи Силла / Изд. текста, пер., вступит. ст. и комментарии М. Н. Пака. М., 1959; Т. 2: Летописи Когурё, Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / Изд. текста, пер., вступит. ст. и комментарии М. Н. Пака. М., 1995.

Ким Дэ Чжун. Новое начало. М., 1998.

Ким Ир Сен. В водовороте века. Мемуары. Т. 1–8. Пхеньян, 1992–1994.

Ким Ир Сен. За строительство социалистической экономики в нашей стране. Пхеньян, 1958.

Ким Ир Сен. О *чучхе* в нашей революции. Т. 1. Пхеньян, 1974; Т. 2. Пхеньян, 1975; Т. 3. Пхеньян, 1982.

Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи / Пер. с вэньяня (ханмуна) Дм. Воскресенского и Вл. Сорокина. М., 1972.

Ким Чен Ир. Об идеях *чучхе*. Пхеньян, 1982.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с китайского и комментарии А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М., 2004.

Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900–1911 гг. (Деятельность ч.п.п.м. Ли Бомчжина). Избранные материалы / Автор-составитель д.и.н. С.О. Курбанов. СПб., 2016.

Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1975.

На корейском и древнекитайском языках

Ким Гу. Пэкпом ильчжи (Дневник Пэкпома) / Пер. и коммент. Ли Манъёля. Сеул, 1997.

Корёса. (История Корё). На кит. яз. Т. 1–3. Пхеньян, 1958.

Намбукхан хабый мункон чхонган. 2005.10 (Полный обзор документов соглашений между Южной и Северной Кореей. 2005.10). [Сеул], Государственное управление информации, 2005.

---

¹ В выборочный список литературы внесены в основном монографические издания и сборники статей на русском и весьма ограниченно — на корейском и западных языках. Исключение сделано для тех авторских статей, в которых опубликованы концептуальные положения, использованные при написании настоящей монографии.

- Пак Чивон*. Кванон сочхо (Записки о земледелии). Пхеньян, 1960.
- Син Чхэхо*. Ккум ханыль. Син Чхэхо чакпхум-чжип (Небо мечты. Собрание сочинений Син Чхэхо). Сеул, 1990.
- Тэхан* мингук хонпоп (Конституция Республики Корея) // Пунчхэк кибон юкпоп (Шесть основных законов в отдельном томе). Сеул, 1996.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Актуальные проблемы Корейского полуострова*: Сб. ст. Вып. 1. М., 1996.
- Ан Дэсунгын* — национальный герой Кореи. М., 2012.
- Анализ российской исследовательской литературы по корейской тематике*. Сеул, 1997.
- Аносова Л. А., Матвеева Г. С.* Южная Корея. Взгляд из России. М., 1994.
- Бажанова Н. Е.* Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993.
- Библиография Кореи. 1917–1970*. М., 1981.
- Бутин Ю. М.* Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982.
- Бутин Ю. М.* От Чосона к Трем Государствам. (II в. до н. э. — IV в.). Новосибирск, 1984.
- Ванин Ю. В.* Аграрный строй феодальной Кореи XV–XIV вв. М., 1981.
- Ванин Ю. В.* История Кореи. Избранные труды. М., 2016.
- Ванин Ю. В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. М., 2006.
- Ванин Ю. В.* Октябрьская революция 1917 года в России и ее взаимосвязь с Первомартовским восстанием 1919 г. в Корею // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сб. ст. М., 1999.
- Ванин Ю. В.* Советский Союз и Северная Корея, 1945–1948. М., 2016.
- Ванин Ю. В.* Экономическое развитие Кореи в XVII–XVIII вв. М., 1968.
- Вестник Центра корейского языка и культуры*. Вып. 1–9. СПб., 1996–2006.
- Во имя дружбы с народом Кореи*. Воспоминания и статьи. М., 1965.
- Война в Корею. 1950–1953*. СПб., 2000.
- Волков С. В.* Ранняя история буддизма в Корею. М., 1985.
- Волков С. В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.
- Воробьев М. В.* Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961.
- Воробьев М. В.* Корея до второй трети VII в. Этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб., 1997.

Воронцов А. В. «Треугольник» США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность? М., 1991.

Воронцов А. В. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ. М., 1998.

Гамильтон А. Корея / Пер с англ. СПб., 1904.

Глухарева О. Н. Искусство Кореи. С древнейших времен до конца XIX в. М., 1982.

Горелый И. О. Корея. Концепции объединения. М., 1997.

Гражданцев А. Корея / Пер с англ. под ред. В. Т. Зайчикова. М., 1948.

Денисов В. И. Корейская проблема: пути урегулирования. 70–80-е годы. М., 1988.

Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы. (К этнической истории корейцев). М., 1972.

Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история Кореи по данным эпиграфики. («Стела Квангэтхо-вана»). М., 1979.

Деревянко Е. И. История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986.

Дмитревская Н. П. Япония и Южная Корея. Партнеры и соперники. М., 1992.

Дьячков И. А. «Немирный атом Северо-Восточной Азии: корейский узел. М., 2016.

Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб., 1998.

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006.

Жизнь и труд посвятившие Корею: российские корееведы 2-й половины XX века: Сб. статей. Т. 1. М., 2004.

Заборовская Л. В. Политика Цинской империи в Корею в 1876–1910 гг. М., 1987.

Зайчиков В. Т. Корея. М., 1951.

За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи. М., 1985.

Иванова В. И. Новая проза Кореи. М., 1987.

Ионова Ю. В. Обряды и обычаи и их социальные функции в Корею. М., 1982.

Исторический очерк Кореи (до августа 1945 г.). Пхеньян, 1978.

История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998.

История Кореи. Т. 1 / Пер. с кор. под ред. М. Н. Пака. М., 1960.

История Кореи. Т. 1–2. М., 1974.

История Кореи («Международное радио Кореи»; KBS; Ин-т международного образования при Министерстве просвещения Республики Корея). Сеул, 1995.

История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. проф. А. В. Торкунова. М., 2003.

История Российской Духовной Миссии в Корею: Сб. ст. М., 1999.

- Казакевич И. С.* Аграрный вопрос в Южной Корее. М., 1964.
- Казакевич И. С.* Аграрные отношения в Южной Корее, 1945–1976. М., 1980.
- Касевич В. Б.* Буддизм. Картина Мира. Язык. СПб., 1996.
- Ким Бён Кук.* Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун: правозащитник, политик, ученый. М., 1998.
- Ким Г., Чен В.* Православие и корейцы. М., 2014.
- Ким Г. Ф.* Рабочий класс новой Кореи. М., 1960.
- Ким Н. Н.* Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история. М., 2015.
- Ким Хан Гир.* Современная история Кореи. Пхеньян, 1979.
- Кобзев А. И.* Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
- Концевич Л. Р.* Корееведение. Избр. работы. М., 2001.
- Концевич Л. Р.* Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М., 2010.
- Концевич Л. Р.* Хронология стран Восточной и Центральной Азии: Addenda. М., 2011.
- Корееведение* в России: история и современность. М., 2004.
- Корейская* дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900–1911 гг. (Деятельность ч. п. п. м. Ли Бомчжина). Избранные материалы / Автор-составитель д. и. н. С. О. Курбанов. СПб., 2016.
- Корейская* Народно-Демократическая Республика. Справочник. М., 1988.
- Корейская* Народно-Демократическая Республика. (Сер. «Экономика и политика зарубежных стран социализма»). М., 1985.
- Корейские* народные изречения. На корейском и русском языках / Сост., пер., примеч. и предисл. Лим Су. М., 1982.
- Корейские* предания и легенды из средневековых книг / Пер. с ханмуна. М., 1980.
- Корея:* Север и Юг. М., 1965.
- Корея.* Справочник. Сеул, 1993.
- Коргун И. А., Попова Л. В.* Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2011 гг.). СПб., 2011.
- Кравцова М. Е.* История культуры Китая. СПб., М., Краснодар, 2003.
- Краткая* история революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян, 1982.
- Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009.
- Курбанов С. О.* К вопросу об установлении фактов истории Кореи (На примере описания корейских экспедиций Эрнста Оперта 1866 и 1868 гг.) // Вопросы истории Кореи 2004. СПб., 2004.
- Курбанов С. О.* Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007.

Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи. С древности до конца XX века. СПб., 2002.

Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почиттельности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996.

Курбанов С. О. Первомартовское движение и буржуазно-демократическая революция в Корее // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. С. 91–104.

Курбанов С. О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб., 2016.

Курбанов С. О. С блокнотом по Корее (1987–2011): записки востоковеда. СПб., 2013. Второе изд.: СПб., 2017.

Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кюннер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Тёсэн. Владивосток, 1912.

Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995.

Ланьков А. Н. Корея. Будни и праздники. М., 2000.

Ли Бомджин. [Сборник статей, документов, материалов]. М., 2002.

Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Пер. с кор. под ред. С. О. Курбанова. М., 2000.

Лим Сан Чжон. Культурный очерк по Корее. Пхеньян, 1980.

Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб., 2003.

Лобода И. Г. Корейская мозаика. М., 1985.

Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950–1970 гг.) М., 1977.

Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996.

Марков В. М. Искусство Республики Корея второй половины XX века. Владивосток, 2002.

Мартынов В. В. Экономико-географическая характеристика КНДР и Южной Кореи. М., 1970.

Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.

Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо. СПб., 1994.

Никитина М. И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. СПб., 2001.

Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.

Обзор по Корее. Пхеньян, 1982.

- Описание Кореи.* Т. 1–3. СПб., 1900 (сокр. переизд.: М., 1960).
- Освобождение Кореи.* Воспоминания и статьи. М., 1976.
- Отношения Советского Союза с народной Кореей.* 1945–1980: Документы и материалы. М., 1981.
- Очерк корейской истории.* Кн. 1–3. Пхеньян, 1992, 1995, 1996.
- Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1860–1888). М.; Иркутск; СПб., 1998.
- Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004.
- Пак Б. Б. Российский дипломат К. И. Вебер и Корея. М., 2013.
- Пак Б. Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи. 1905–1919. М., 2009.
- Пак Б. Д. Возмездие на харбинском вокзале. М.; Иркутск, 1999.
- Пак Б. Д. Корейцы в Российской Империи. Дальневосточный период. М., 1993.
- Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979. 2-е изд., доп. М., 2004.
- Пак Б. Д. Освободительная война корейского народа накануне первой мировой войны. М., 1967.
- Пак М. Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М., 2003.
- Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. (К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков). М., 1987.
- Пак М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
- Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997.
- Пан Хван Чжун. Корея. Краткие сведения. Пхеньян, 1987.
- Первомарттовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение: Сб. ст. М., 1999.
- Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.; Л., 1956; Вып. 2. М.; Л., 1963.
- Петухов В. И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987.
- Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX — начале XX в. М., 2004.
- Плотников Г. К. Отечественная освободительная война корейского народа (обзор боевых действий) // За мир на земле Кореи. Воспоминания и статьи. М., 1985.
- По Корею. Путешествия 1895–1896 гг. М., 1958.
- Погио М. А. Очерки Кореи. СПб., 1892.
- Политика мира и процветания Республики Корея. Сеул, Когук Сощик, 2004.
- Прошин А. А., Тимонин А. А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985.
- Республика Корея. Карманная энциклопедия. М., 2000.

Российское корееведение в настоящем и прошлом. ТТ. 1–10. М., 2004–2013.

Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М., 1997.

Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века). К 120-летию установления дипломатических отношений. М., 2004.

Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906.

Рю Хакжу. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975.

Селищев А. С. Русские и корейцы: опыт первых контактов (1854–1884). СПб., 2013.

Серошевский В. Корея. СПб., 1909.

Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М., 2000.

Синицын Б. В. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959 гг.). М., 1961.

Синицын Б. В. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М., 1967.

Солдатова М. В., Пак К. А. Современная литература Кореи. Владивосток, 2003.

СССР и Корея. М., 1988.

Суслина С. С. Экспансия иностранного капитала в промышленности Южной Кореи. М., 1979.

Суслина С. С. Промышленность Южной Кореи (экономическое развитие и социальные последствия). М., 1988.

Суслина С. С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х — начало 90-х годов). М., 1997.

Тангун. Родоначальник Кореи: Сб. научно-исследовательских ст. Пхеньян, 1994.

Терентьев-Катанский А. П. С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII вв. М., 1990

Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 г. — начало 80-х годов). М., 1998.

Тихонов В. М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. — 562 г.). М., 1998.

Тихонов В. М. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 г. М., 2003.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи в 2 Т. Т. 2. Двадцатый век. М., 2011.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи в 2 Т. Т. 1.

Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.

Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002.

Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Ч. 1–2. Владивосток, 2007.

Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003.

Торжунюв А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000.

Тригубенко М. Е., Толорая Г. Д. Очерки экономики Республики Корея. М., 1993.

Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004.

Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. СПб., 1996.

Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960.

Тягай Г. Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.

Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983.

Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М., 1996.

Усова Л. А. Корейское коммунистическое движение 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997.

Хан Ёнзу. История Кореи: новый взгляд. Пер. с корейского под ред. М. Н. Пака. М., 2010.

Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении») / Исследование, пер. с ханмуна, примеч. и прилож. Р. Л. Концевича // Памятники письменности Востока LVIII. М., 1979.

Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997.

Чон Чин Сок и др. История корейской философии. Т. 1. М., 1966.

Чон Чин Сок и др. История корейской философии. Т. 1. М., 1966.

Шабина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М., 1952 (2-е изд., перераб. М., 1958).

Шабина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953). М., 1958.

Шабина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1918–1945). М., 1959.

Шипаев В. И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917). М., 1964.

Шипаев В. И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.

Шипаев В. И. Япония и Южная Корея: «Помощь развитию» и ее последствия. М., 1981.

На западноевропейских языках

Dallet Ch. Histoire de l'Eglise de Corée. Vol. 1–2. Paris, 1874.

Gleysteen W. H. Jr. Massive Entanglement, Marginal Influence. Carter and Korea in Crisis. Washington, 1999.

Griffis W. E. Korea, the Hermit Nation. New York, 1882.

Jones L. P., Sakong H. Government, Business and Entrepreneurship in Economic Development: The Korea Case. Cambridge, 1980.

Jung Woon Yong. Trends in Koguryo's Relationship with Paekche and Silla during the 4th–7th Centuries // International Journal of Korean History. Vol. 8. Aug. 2005. Seoul, PP. 85–125.

Hulbert H. B. The History of Korea: In 2 Vol. Seoul, 1905.

Korea Annual.

Korea Company. Yearbook. 1996/1997. Seoul, 1997.

Oppert E. Forbidden Land. Voyages to the Corea. London, 1880.

The May 18th KwangJu Democratic Uprising. Kwangju, 2000.

Yim Louise. My Forty Year Fight for Korea. Seoul, 1951 (2-е изд.: 1959 г.).

На корейском языке

Ё Ингу. Ким Ильсон чусок-ква Ё Унхён (Президент Ким Ирсен и Ё Унхён). Пхеньян, 2000.

Ё-сси хянъяк онхэ (Перевод на корейский язык и комментарии к Уставу [семьи по] фамилии Ё). Сеул, 1976.

Ким Ёнмён. Кочхё-ссын Хангук хёндэ чончхиса (Исправленная новейшая политическая история Кореи). Сеул, 1999.

Ким Ёнтхэ. Дасан-ый кукка кэхённон сосоль (Введение в теорию государственных реформ Дасана) // Дасан-ый чончхи кёнчже сасан (Политические и экономические идеи Дасана). Сеул, 1990.

Ким Инок. Ким Чониль чангун сонгун чончхи ирон (Теория политики сонгун полководца Ким Ченира). Пхеньян, 2003.

Ким Сонсу. Хангук кёнчже-ый ихэ (Понимание корейской экономики). Сеул, 1992.

Ким Сугён. Когурё, Пэкче, Силла оно ёнгу (Изучение языка Когурё, Пэкче, Силла). Сеул, 1995.

Ким Чжсинбон. 3–1 ундон (Первомартовское движение). Сеул, 1989.

Кодын хаккё кукса [Родная история для средних школ высшей ступени] Т. 1. Сеул, 1992.

Ли Сану. Пак чонкквон 18 нён. Кы кволлёг-ый нэмак (18 лет власти Пак [Чонхи]. Ее внутренние мотивы). Сеул, 1986.

Ли Хангу. Хангук чэболь хёнсон са (История формирования корейских [корпораций] чэболь). Сеул, 1999.

Ли Хончжик. Чынбо Сэ кукса сачжон (Расширенная Новая энциклопедия корейской истории). Сеул, 1992.

Пён Тхэсон. Хангукса тхоннон (Очерки истории Кореи). Сеул, 1996.

Сарё-ро понын 20 сеги Хангукса (История Кореи XX века, представленная в исторических материалах) (Сост. Ким Самун). Сеул, 1997.

Со Чжсунсок. Хангук хёндэса 60 нён (60 лет новейшей истории [Южной] Кореи). Сеул, 2007.

Хан Угын. Тонхак нонмин понги (Крестьянское восстание тонхак). Сеул, 1985.

Хангук кын хёндэса сачжон. 1860–2004 (Энциклопедия по новой и новейшей истории Кореи. 1860–2004). Сеул, 2005.

Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон (Энциклопедия корейской национальной культуры). Т. 1–27. Сеул, 1993.

Хангук хёндэса каный (Лекции по новейшей истории Кореи) / Сост. Ким Инголь и др. Сеул, 1998.

Хангук хёндэса-ый чэ чомён. 1945–1980 ёндэ-ый чончхи, вёгё пунсок (Новое освещение новейшей истории Кореи. Анализ внутренней и внешней политики 1945–1980-х годов). Сеул, 1993.

Хангук чончжэн са (История войн Кореи). Сеул, 1992.

Хангукса (История Кореи). [В 7 т.] Т. 1. Сеул, 1959.

Хангукса тхыккан (Спецкурс по истории Кореи). Сеул, 1990.

Чосон когохак кэё (Краткий обзор корейской археологии). Пхеньян, 1977.

Чосон чонса (Полная история Кореи). Т. 1–33. Пхеньян, 1979–1983.

Чху Хонсу. Тэхан мингук имси чонбу са (История Временного правительства Республики Корея). Сеул, 1989.

ПЕРИОДИКА

Korea Now. Seoul, 2000–2005.

News Review. Seoul, 1999.

Ёнхап ньюс. Сайт южнокорейского агентства новостей Ёнхап. На кор. яз. 2000–2005 гг. (Электронная версия — <http://www.yonhapnews.co.kr/.com>).

Мунхва ильбо («Газета Культура»). На кор. яз. 2000–2005 гг. (Электронная версия — <http://www.munhwa.com>).

Тона ильбо («Восточноазиатская газета»). На кор. яз. 2000–2005 гг. (Электронная версия — <http://www.donga.com>).

Чосон ильбо («Корейская газета»). На кор. яз. 2000–2005 гг. (Электронная версия — <http://www.chosun.com>).

Чосон чунан тхонсин ([Сообщения] Центрального телеграфного агентства Кореи (КНДР)) — <http://www.kcna.co.jp>

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**баоцзи 133
Абахай 258, 261, 262
Абэ Нобуюки 441
Абэ Синдзо 684
Авалокитешвара 93
Агуда 167
Адо 79, 80
Алексеев К. А. 354, 358
Аматэрасу 425
Амин 262
Амитаба 92, 202
Амугань 185
Ан Гён 232
Ан Духи 459
Ан Мёнгын 379
Ан Му 411–413
Ан Чжонбок 292, 300, 304
Ан Чжунгын 372, 379
Ан Чханхо 379, 407
Андервуд Х. Г. 337
Апензеллер Х. Г. 337
Аранбуль 55
Арнольд А. 442
Арён 63
Ачесон Д. 464
Ачжагэ 138
- Б**ажанова Н. Е. 579, 601, 608, 718
Бартольд В. В. 11
Безобразов А. М. 363, 364
Берия Л. П. 580
Бернё 316
Би Шэн 193
Бичурин Н. Я. 8
Браун В. Г. 512
Браун М.-Л. 358
Бутин Ю. М. 34, 39, 42, 718
Буш Д. 646, 647, 656, 664, 667, 670, 677, 693
- В**ан Гон 139–143, 145–148, 150, 151, 153–156, 159, 161, 211, 213
Ван Чжо 44
Ван Юн 139, 145
Ванин Ю. В. 4, 154, 157, 221, 238, 269, 380, 470, 718
Ванхва-гун 320
Василевская И. И. 362
- Вебер К. И. 323, 353, 722
Ви Ман 35–37, 39, 44
Вигутхэ 47
Вильсон В. 381, 406, 408
Владимирцов Б. Я. 181
Волков С. В. 79, 156, 718
Вон Гю 148
Вон Гюн 254, 255
Вон Сехун 446
Вонбом 310
Вонгван 113
Вонсон-ван 136
Вонхё 123
Вончжон (Корё) 178, 188, 190
Вончжон (Силла) 137
Воробьев М. В. 17, 22, 718
Воронцов А. В. 508, 719
Вэй Мань 36, 37
Вэнь-ди 102
- Г**ао Ган 478
Гао-цзу 104
Гао-цзун 107
Глейстин В. Х. 543
Глухарева О. Н. 200, 719
Гончаров И. А. 315
Горбачев М. С. 560, 612, 616
Гражданцев А. 719
Гуань-чжун 36
- Д**е Граммонт Л. 301
Денисов В. И. 5, 719
Деревянко Е. И. 127, 719
Джой Т. 479
Джонсон Л. 511
Джэйсон Филипп 355
Дун Чжуншу 83
Дэн Сяопин 615
- Е**лисеев Д. Д. 231
Ельцин Б. Н. 465, 560
Ечжон 169–171
Ё (Рё) Унхён 381, 444–447, 725
Ё (Рё) Чжун 385
Ёкке[гён] 41
Ём Хынбан 210
Ён Гэсомун 109
Ён Хёнмук 671, 674

- Ёнгю 213, 251
 Ённён 187
 Ёнсан-гун 235, 236, 238, 239
 Ёнчжо 275, 2836 305, 310, 312
 Ёнчхан-тэгун 259, 260
 Ёнгъян-ван 81
 Ёсимити Хасегава 368
 Ёсира 254, 255
 Ёситада Ханабуса 126, 326, 328
- Ж**данова Л. В. 126, 199, 719
 Живков Т. 615
- Забровская Л. В. 362, 719
 Засулич М. И. 365
- И**мхэ-гун 260
 Инмок 260
 Иноуэ Каору 350, 352
 Инса Раа 94
 Инчжо 240, 261, 264, 265, 271–273, 278, 282, 299
 Инчжон (Корё) 169–172
 Инчжон (Чосон) 240
 Ирён 31, 80, 112, 197, 199
 Ичхадон 81
 Йечжон 153
- К**азакевич И. С. 720
 Какхун 200
 Камингс Б. 467
 Кан Бансок 415
 Кан Бо 195
 Кан Гамчхан 162–164
 Кан Гынчжо 589
 Кан Дальён 398
 Кан Ильсун (Чынсан) 392
 Кан Мёнгиль 298
 Кан Сокчу 673
 Кан Угу 385
 Кан Хвиан 232
 Кан Чжо 161, 162, 198
 Кан-ван (Пархэ) 132
 Канчжон 175
 Карлов А. Г. 673, 700
 Картмэн Ч. 669
 Касевич В. Б. 79, 720
 Кацура Таро 367
 Каяма Мицую 425
 Квак Чэу 251
- Квангэтхо-ван 79, 97, 99, 719
 Кванхэ-гун 259–262, 273
 Кванчжон 148, 149
 Кваным 93
 Квон Гын 209
 Квон Ёнгиль 631
 Квон Ильсин 300, 301
 Квон Санъён 302
 Квон Хоун 697
 Квон Чхольсин 300, 303
 Квон Юль (Квон Нюль, Квон Рюрю) 251, 254, 255
 Келли Дж. 677
 Кеннеди Дж. 511
 Кён Дэсын 174, 177
 Кёндог-ван 125
 Кёнсун-ван 140, 142, 143
 Кёнхан 193
 Кёнхвон 138–140, 142
 Кёнчжон 149, 151
 Кёнэ-ван 140
 Киёмаса Като 246, 247, 254
 Киётака Курода 321
 Ким Ан 172
 Ким Бангён 189
 Ким Бён Кук 574, 720
 Ким Бодан 175
 Ким Боммун 135
 Ким Бому 301, 302
 Ким Бонхю 143
 Ким Бочжон 185
 Ким Бусик 53, 59, 116, 172, 196, 717
 Ким Вонбон 427–430
 Ким Вонмён 208
 Ким Г. Ф. 399, 720
 Ким Гванним 702
 Ким Гваный 197
 Ким Гёнсон 183
 Ким Гису 324, 325
 Ким Гичхун 635
 Ким Гу 408, 409, 429–431, 445, 446, 457, 459, 486, 717
 Ким Гюсик 381, 407, 409, 428, 446
 Ким Доён 496
 Ким Донвон 395
 Ким Донин 404
 Ким Донха 409
 Ким Дубон 428, 446, 448
 Ким Дурян 298
 Ким Дыксин 295

- Ким Дэмун 112
Ким Дэчжун 516, 517, 521, 522, 541, 551, 553, 556, 558, 565–567, 571–578, 620, 621, 628–633, 643–645, 653, 677, 685–687, 691–693
Ким Ёндэ 709
Ким Ёнгон 626
Ким Ёнмён 558, 725
Ким Ённам 671, 675–677, 681, 683, 697
Ким Ёнсам 465, 524, 541, 551, 553, 554, 556–558, 564–574, 628, 630, 632
Ким Ёнсам (КНДР) 674, 700
Ким Ёнсон 695
Ким Ёнсун 674, 691, 694
Ким Ёнтхэ 290, 725
Ким Ёнчхун 671, 674
Ким Ильчхоль 674
Ким Инголь 485, 513, 726
Ким Инок 656, 657, 725
Ким Инчжун 178, 187, 188
Ким Ир 592
Ким Ирсен (Ким Ильсон) 10, 15, 31, 33, 268, 381, 387, 405, 414–419, 431, 432, 434, 436, 438, 439, 441, 446, 448–450, 454, 465, 468, 470, 474, 476, 478, 561, 567, 580–586, 588–595, 597–602, 604–606, 608–614, 617–619, 622–625, 655–657, 673, 675, 686, 717, 720
Ким Мани 311
Ким Мёнвон 247
Ким Мунгын 310
Ким Оккюн 329–331, 333
Ким Саён 307, 308
Ким Сами 180
Ким Самун 485, 725
Ким Санбом 297
Ким Сисып 231, 717
Ким Соволь 404
Ким Сонгон 531
Ким Сонмун 297
Ким Сонсу 491, 725
Ким Сончжу 415, 416
Ким Сугён 65
[Ким] Тонмён 417
Ким Тхончжон 189
Ким Хан Гир 522, 720
Ким Хангиль 654
Ким Хёвон 243
Ким Хёк 413
Ким Хёнги 692
Ким Хёнхи 613, 614
Ким Хёнчжик 415, 418
Ким Хёнчхоль 571
Ким Хонголь 629
Ким Хондо 295
Ким Хончжип 325, 349, 351, 352, 354
Ким Хончхан 135
Ким Чвачжин 385, 412, 413
Ким Ченир (Ким Чжониль) 577, 605, 606, 609, 612, 614, 617, 619–621, 623–625, 636, 655–658, 670–676, 681, 683, 688–691, 693, 694, 697, 711, 725
Ким Чженам 260
Ким Чжинбон 384, 725
Ким Чжихве 458
Ким Чжонпхиль 499, 516, 538, 556, 557, 566, 573, 574
Ким Чжонсук 657
Ким Чжонхён 164
Ким Чжонхи 296
Ким Чжонхо 297
Ким Чжончхоль 546
Ким Чжосун 305
Ким Чжуэль 493
Ким Чжунгволь 628
Ким Чжунгын 297
Ким Чжэбон 397
Ким Чжэгу 527, 537, 539
Ким Чхан 171
Ким Чхан Хо 589
Ким Чханси 307
Ким Чхольсу 398
Ким Чхунчху 120
Ким Чхэк 472, 582, 608
Ким Ынсо 250, 252, 254
Ким Юк (Чамгок) 285
Ким Юнгю 700
Ким Юнстик 325
Ким Юнху 184, 186
Кипха 112
Киси Нобусукэ 506
Кихвон 137, 141
Кичжа 32, 34, 36, 39, 44
Кларк Р. 506
Клинтон Б. 570, 664, 676, 677, 693
Ко Гон 636
Ко Донму 129
Ко Ёнсу 106
Ко Хын 84
Ко-ван 130, 131

- Кобзев А. И. 241, 717, 720
 Когутвон-ван 61, 97
 Кои-ван 61, 71
 Коидзуми Дзюнъитиро 681–684
 Кон (наложница) 259
 Конмин-ван 202, 204–209, 211, 212
 Конфуций 81, 82, 84, 196, 198, 233, 313
 Концевич Л. Р. 228, 720, 724
 Конъян-ван 154, 211, 213
 Кочжин 134
 Кочжон (Корё) 175, 182, 183, 185, 186, 188, 195
 Кочжон (Чосон) 312, 319–322, 324–326, 330–332, 335–337, 347, 350–355, 358, 360, 361, 367, 369, 373, 374, 381, 382, 406, 598, 609
 Кошик Х. 667
 Кравцова М. Е. 34, 76, 720
 Крадин Н. Н. 181
 Кунбок 135
 Кунъе 139, 141, 142, 145, 148
 Курбанов С. О. 11, 25, 51, 97, 158, 233, 302, 303, 318, 385, 588, 589, 619, 717, 720, 721
 Курино 365
 Кюнер Н. В. 8, 377, 721
 Кымва 55
 Кымган 140
 Кынчхого-ван 61, 84
 Кычанов Е. И. 127, 134, 168, 721
 Кэйсукэ Отори 348
 Кэгл М. 469

 Лавров С. В. 675
 Ланьков А. Н. 242, 418, 437, 449, 579, 721
 Лебедев Н. Г. 437
 Ленин В. И. 535
 Ли Банвон 213, 215, 216
 Ли Банква 215
 Ли Бансок 215
 Ли Банхан 216
 Ли Бёк 300, 301
 Ли Бомсок 485, 486
 Ли Бомчжин 352, 353, 363, 369, 717, 720
 Ли Бончхан 409
 Ли Ванъён 352, 353, 368, 370–372
 Ли Вичжон 369
 Ли Вл. Ф. 5
 Ли Вонхве 344
 Ли Гвалье 261
 Ли Гван 179
 Ли Гвансу 381, 404, 408, 425, 457
 Ли Гви 261
 Ли Геёль 311
 Ли Гёнха 325
 Ли Гёнхва 298
 Ли Гибун 404, 488, 493–495
 Ли Гиён 404, 486
 Ли Гибэк (Ли Ги Бэк) 9, 25
 Ли Гитхэк 567
 Ли Го 174
 Ли Гонсу 172
 Ли Гынно 425
 Ли Гюбо 176, 199
 Ли Гюён (Очжу) 285
 Ли Донму 291
 Ли Доннён 407
 Ли Донук 301
 Ли Донхви 396, 406, 407
 Ли Ёнтхэ 343
 Ли Жусун 250
 Ли И 241, 242, 284
 Ли Ик (Сонхо) 267, 285, 286, 288, 289, 291, 300, 301
 Ли Иль 246, 247
 Ли Иним 209, 210, 213, 224
 Ли Инчже 573, 628, 629
 Ли Инъён 374, 375
 Ли Мёнбак 712
 Ли Мёнбок 312
 Ли Мёнук 295
 Ли Мёнъюн 311
 Ли Мину 551
 Ли Мунчжин 84
 Ли Нён 202
 Ли Сан 404
 Ли Сансоль 369
 Ли Сану 504, 725
 Ли Санчжун 418
 Ли Санчжэ 356, 391, 398
 Ли Сонге 205, 207, 210–216, 218, 224, 227, 234, 284, 299, 314
 Ли Сугван (Чибон) 284, 285, 299
 Ли Сунин 209
 Ли Сунсин 244, 245, 248–250, 253–257, 403, 717
 Ли Сынман 356, 406–408, 410, 431, 442–446, 457–459, 462, 465, 466, 468, 472, 479, 483–495, 499, 501, 503, 505, 506

- Ли Сынхун 530, 532, 565, 628
Ли Сыхун (Первомартовское движение) 301, 382
Ли Сынхю 31, 199
Ли Сяньнянь 612
Ли Хангу 531, 725
Ли Хаын 312
Ли Хван 241, 242
Ли Хвечхан 573, 574, 630, 631, 634
Ли Хёсун 592
Ли Хисон 539
Ли Хисын 425
Ли Хичжо 307
Ли Хончжик 341, 374, 725
Ли Хунчжан 323
Ли Чжагём 170, 171, 173
Ли Чжачхун 212
Ли Чжонму 226
Ли Чжуиль 495
Ли Чжунгён 351
Ли Чжэмён (сын тэвонгуна) 351
Ли Чжэмён 372
Ли Чжэхён 206
Ли Чхадон 712
Ли Ыйбан 174
Ли Ыймин 174, 175
Ли Юнчжэ 425
Лим Бёнчхан 373
Лим Гёнман 676
Лим Гёнми 210
Лим Гёноп 264
Лим Донвон 691
Лим Ён 178, 188
Лим Коккчон 223
Лим Сан Чжон 721
Лим Сандок 267
Лим Сахон 236
Лим Сугён 614
Лим Юму 178, 188, 189
Линдсей Х. 315
Лич Дж. 679
Лю Шанчжи 253
Лотоцкий С. С. 468
Лэнтос Т. 679
Лю (Ю) Гечхун 311
Лю (Ю) Дэчхи 329
Лю Ёник 9
Лю (Ю) Хёнвон (Панге) 285, 286

Ма Цзяньчжун 328
Мазуров В. М. 513, 721
Майтрея 142, 144
Макартур Д. 472, 477
Макгрудер К. 499, 501
Малик Я. А. 478
Ман Чжок 180
Мансои 179
Манъи 179
Мао Вэньлун 263
Мао Цзэдун 464, 465, 478
Маранантха 80
Марков В. М. 434, 721
Марков Г. Е. 181
Маркс К. 397
Матвиенко В. И. 676
Меликсетов А. В. 76, 478, 719
Мёллендорф П. Г. 327, 335
Мёнчжон (Корё) 174, 175
Мёнчжон (Чосон) 222, 240
Мёнчжун 185
Мёчхон 170, 172, 173
Мин (королева) 319–321, 325–328, 330–332, 348, 350–352, 354, 358, 367, 372
Мин Вонсик 390
Мин Гёмхо 325, 326
Мин Ёнмок 331
Мин Ёнхван 354, 363
Мин Ёнъик 331
Мин Тхэхо 331
Мин Чжонсик 373
Минору Окамото 504
Миура Горо 352
Мобан 304
Мокчон 761
Море 80
Мори Ёсиро 643
Мохуцзы 80
Му-ван (Пархэ) 131
Му-ван (Пэкче) 101, 107
Мугабе Р. Дж. 614
Мукхочжа 80
Мун Гонин 171
Мун Гюхён 614
Мун Сегван 522, 523
Мун Сонмён 659, 704
Мун-ван (Пархэ) 131, 132
Мунён-ван 88
Мунсон-ван 135
Мурель-ван 74, 116, 120
Муцухито 320

Мэгата Танэтару 366
 Мэнсон Ф. 469
 Мэн-цзы 82

На Докхон 264
 На Дохян 404
 На Дэён 250
 На Чжониль 710
 Нагамаса Курода 246
 Нам Иль 479
 Нам Ын 215
 Наммо 112
 Намхэ-ван 64, 80
 Никитина М. И. 112, 498, 721
 Николай II 354, 369
 Никсон Р. 518
 Но Мухён 628–639, 641–645, 647, 667, 685, 686, 708, 711, 712
 Но Тхэу см. Ро Дэу
 Нульчжи-ван 66, 80
 Нурхацци 258, 261
 Нынгян-гун 261
 Нэмуль-ван 66

О Гёнсок 329
 О Мён 640, 645
 О Соннюн 418
 О (У) Тхак 171
 О Юнчжун 342, 354
 Олбрайт М. 622, 676, 677
 Оливер Р. 466
 Ом Сумён 418
 Ончжо 59, 60
 Опарин А. И. 455
 Опперт Э. 317
 Охира Масаёси 507

Павлов А. И. 364
 Пак Б. Б. 322, 722
 Пак Б. Д. 269, 322, 324, 362, 372, 722
 Пак В. П. 362, 371, 724
 Пак Вончжон 237
 Пак Ёнхё 329, 330, 333, 351, 390, 406
 Пак Иллян 197
 Пак Инхо 392
 Пак К. А. 434, 723
 Пак Квансе 342
 Пак Кильён 679
 Пак Кымчоль 592, 597
 Пак Кынхе 637, 639, 694

Пак Кюсу 311, 316, 317, 329
 Пак М. Н. 9, 15, 722
 Пак Напха 385
 Пак Пончжу 658, 671, 672, 676, 696, 697
 Пак Пхо 216
 Пак Со 183
 Пак Хончжан 253
 Пак Хонгён 397, 447, 448, 465, 584
 Пак Чегэ (Чхочжон) 285, 290, 291
 Пак Чесун 364, 368
 Пак Чивон (Ёнам) 285, 289, 291, 297, 718
 Пак Чон Хё 362, 722
 Пак Чонхи 484, 498–505, 507–526, 528–540, 543, 544–549, 557, 574, 590, 592, 628, 637, 694, 725
 Пак Чончхоль 553
 Пак Чунбин 392
 Пак Чханнён 702
 Пак Чханок 586
 Пак Чхунхун 544
 Пак Чэю 687, 690
 Пак Ынсик 386, 403, 408
 Пак Янъю 160
 Пан Гимун 640
 Пеллио П. 124
 Переломов Л. С. 82, 717
 Петухов В. И. 435, 436, 722
 Пён Тхэсон 24, 68, 84, 271, 562, 725
 Пирю 59, 60
 Плотников Г. К. 468, 722
 Подок 81
 Пок Чигён 142
 Поксин 108
 Попхын-ван 73, 75, 3 80
 Почжан-ван 109, 110, 129, 134
 Пу И 410, 504
 Пуликовский К. Б. 674, 676
 Путин В. В. 621, 643, 672–675
 Путята Д. В. 354
 Путятин Е. В. 315
 Пхун 108
 Пэ Хёнгён 142
 Пэ Чжунсон 189
 Пэк Конни 311
 Пэк Наксин 311
 Пэк Намсун 675, 677
 Пэк Сухан 172
 Пэн Дэхуай 475

- Рамсфельд Д. 678
 Рёдзо Хэримото 326
 Ридель Ф. К. 317
 Риджуэй М. 477, 478
 Риччи М. 297, 299
 Ро Дэу (Но Тхэу) 539, 552, 553, 555–564, 566–571, 628, 630, 632
 Ро (Но) Дучхоль 675
 Роджерс Д. 318
 Роз П. Г. 316
 Романенко А. А. 437
 Рузвельт Т. 431
 Рю Рер (Ю Ёль) 229
- Сабатин 357
 Сайто Макото 385
 Саритай 183, 184
 Сеспедес Г. 298
 Сечжо 221, 234, 236
 Сечжон 31, 214, 223, 225, 228, 229, 234, 643
 Сигэтаке Нодзу 366
 Сим Ыйгом 243
 Симбирцева Т. М. 10, 322, 723
 Симчхон 293
 Син Гюсик 407, 409
 Син Дольсок 374
 Син Икхи 486, 487
 Син Ип 246
 Син Сунгём 142
 Син Хёнсик 9
 Син Хон 232
 Син Чхэхо 403, 404, 718
 Син Юнбок 295, 296
 Синан 185, 186
 Сингом 140
 Синдон 208
 Синдэ-ван 57
 Синму-ван 135
 Синчжон 175
 Сиракава 409
 Со Гванбом 329, 333
 Со Гочжон 231
 Со Пэап 163
 Со Тхэсан 392
 Со Хи 160, 161
 Со Чжунсок 626, 725
 Со Чжэпхиль 331, 333, 355, 357
 Солдатова М. В. 434, 723
- Сон Бёнхи 346, 380, 382, 391, 392, 406, 716
 Сон Бёнчжун 367
 Сон Ен Чжон 275
 Сон Сирёль 283
 Сон Хён 231, 232
 Сон Хыйан 237
 Сон Чжину 444, 445, 457
 Сон Чхон 179
 Сондог-ван 112, 125
 Сондон-нёван 78, 101
 Сон-ван (Пэкче) 100, 101
 Сон-ван (Пархэ) 131–133
 Сончжо 240, 245, 251, 252, 259–261, 278
 Сончжон (Корё) 149, 150, 153, 159, 160
 Сончжон (Чосон) 222, 234–236, 238
 Сонъ-ван (Пархэ) 132
 Сосоно 60
 Сосурим-ван 71, 97
 Сохён 299
 Сталин И. В. 454, 465, 478, 580, 583, 585, 586
 Стивенс Д. В. 366, 372
 Су Динфан 109, 110
 Сукчон (Корё) 169
 Сукчон (Чосон) 272, 278, 282, 295, 297
 Сун 162
 Сунвон 304, 309, 310
 Сунчжо 303, 305, 306, 309, 319, 341
 Сунчжон 369, 370, 371, 394, 398
 Сундо 79
 Суслина С. С. 723
 Сыма Цянь 27, 36, 47, 84
 Сяо Пайя 163, 164
 Сяо Сюньнин 160
- Тай-цзу (Цзинь) 167
 Тай-цзу (Мин) 213
 Тай-цзун (Тан) 106, 107
 Тай-цзун (Сун) 159
 Тай-цзун (Цин) 261
 Такаги Масао 261, 263–265
 Такэдзоэ Синъитиро 504
 Там Чжин 331, 332
 Тангун 94
 Тангун-Вангом 31–34, 39, 43, 213, 229, 618, 619, 709, 723
 Танчжон 32
 Тафт В. Х. 367
 Темучин 181, 185

- Терентьев-Катанский А. П. 182, 193, 723
 Тихонов В. М. 99, 127, 723
 Ткаченко В. П. 560, 723
 Токугава 320
 Толстокулаков И. А. 434, 723
 Тонмён-ван 54, 199, 417
 Торкунов А. В. 5, 465, 468, 478, 719, 724
 Троцевич А. Ф. 112, 199, 721, 724
 Трумэн Г. 440, 470, 478
 Тхеве 241
 Тхэчжо (Корё) 139, 142, 147,
 Тхэчжо (Чосон) 213, 215, 284
 Тхэчжон 216, 227, 234
 Тхэчжо-ван 57
 Тэ Гванхон 146
 Тэ Инсу 132
 Тэ Мые 131
 Тэ Хымму 131
 Тэ Чоён 129, 130, 131
 Тэбангон 171
 Тэмусин-ван 57
 Тэраути Масатакэ 370, 371, 377, 379, 426
 Тягай Г. Д. 269, 362, 371, 724
- У** Гунчхик 307, 308
 У-ван 209, 211
 У-ван (Китай) 34
 Угаки Кадзусигэ 389
 Уго-ван 41
 У-ди 37
 Усова Л. А. 396, 729
 Утхэ 60
- Фадеев** Г. М. 647
Ферон 317
Фут Х. 356
- Хабэк** 55
 Халберт Х. Б. 337, 369
 Хан Анин 171
 Хан Бэккём (Куам) 284, 285, 292
 Хан Гюсоль 367
 Хан Угын 338, 726
 Хан Чжин 425
 Хван Саён 303
 Хван Син 253
 Хванин 31
 Хванун 31, 32, 34
- Хве Хон 202
 Хегай А. И. 449
 Хегон-ван 116, 125
 Хечжон 148
 Хечхо 123, 124
 Хёккосе 62–64
 Хён Сынчжон 566
 Хён Чжингон 404
 Хён Чжонын 697
 Хёнчжон 162, 164, 198
 Хидэёси Тоётоми 245–247, 250, 252–254, 256
 Хидэи Укида 251
 Хиробуми Ито 368, 370, 372, 379
 Хо Ви 374, 375
 Хо Гаи 449
 Хо Гюн 293, 299
 Хо Мок 260
 Хо Хон 446
 Хо Чжон 495
 Хо Чжун 232, 298
 Ховард, Томас 678
 Ходж Д. Р. 441, 448
 Хон Богвон 185
 Хон Бомдо 375, 376, 411–413
 Хон Гехун 344
 Хон Гённэ 306, 309
 Хон Гильдон 293, 299
 Хон Дагу 189
 Хон Дэён (Тамхон) 285, 290, 291, 297
 Хон Ёнрик 329
 Хон Соннам 673, 700
 Хон Ю 142
 Хон Юхан 300
 Хонган-ван 141
 Хонеккер Э. 612, 615
 Хончжон 309, 310, 319
 Хрущев Н. С. 590, 595
 Ху Цзиньтао 671, 672
 Хубилай 181, 188
 Ху-ван 32
 Хуэйнэн 79
 Хыйгён 185
 Хыйчжон 175
 Хынбу 293
 Хэбуру 54, 55
 Хэмосу 55
- Целько** А. В. 621
 Цзи-цзы 32

Цзян Цзэминь 615

Чан Бого 135

Чан Джэён 377, 724

Чан Доён 500

Чан Инхван 372

Чан Кайши 427, 431, 463, 465, 477

Чан Мён 487, 493, 496, 497, 500, 507

Чан Тхэксан 565

Чансу-ван 99, 100

Чаушеску Н. 615

Черненко К. У. 610

Черчилль У. 431

Чжоу Вэньмо 363

Чжу Си 204, 217, 242, 284, 292

Чи Ногён 171

Чи Чансу 458

Чингисхан 181

Чиндон-нёван 74

Чинпхён-ван 113

Чинсон-нёван 114

Чинсон-тэгун 237

Чинуль 200

Чинхын-ван 76, 101, 112–114

Чистяков И. М. 435

Чо (королева) 312, 316, 319

Чо (семья) 309, 310

Чо Бёнгап 343

Чо Бёнок 492

Чо Бонам 487, 488

Чо Вичхон 175, 179

Чо Гван 172, 173

Чо Гванчжо 239

Чо Ёнгю 213

Чо Ёнха 331

Чо Ингён 309

Чо Мангён 310

Чо Мансик 390, 395, 446, 447

Чо Мённок 676

Чо Минсу 210

Чо Хэнён 712

Чо Чжун 209, 213, 215

Чо Чханон 172

Чоль Гок 244, 245

Чон Бёнха 354

Чон Бонсу 263

Чон Бончжун 343–346

Чон Гымчжин 687, 692

Чон Донгён 637, 639, 640, 697

Чон Дочжон 209, 213, 215, 216, 230

Чон Духван 537–551, 553–555, 557, 559, 562, 564–566, 568, 570, 571, 574, 613, 628, 632

Чон Дыккон 202

Чон Инхон 260

Чон Мёунун 372

Чон Монхон 633, 697

Чон Мончжу 209, 212, 213

Чон Мончжун 631

Чон Санги 297

Чон Сехён 695, 696

Чон Сон 294, 295

Чон Сынхва 537, 539

Чон Хан 260

Чон Хасан 303

Чон Чжадаль 397

Чон Чжисан 172

Чон Чжуён 382, 565, 577, 621, 633

Чон Чжунбу 173–175

Чон Чжэвон 288

Чон Чжён 382

Чон Ягён (Дасан) 285, 287–292, 298, 300, 302, 303

Чон Якчён 300, 301

Чон Якчон 300, 301, 303

Чонсун 303, 305

Чонхе 131

Чончжо 277, 289, 301, 303–305

Чончжон (Корё) 148

Чончжон (Чосон) 215

Чу Гичхоль 425

Чу Ёсоп 404

Чукчи 112

Чумон 54

Чун-ван 36, 37

Чунчжон (женское имя, Силла) 112

Чунчжон (Чосон) 237, 239

Чха Досон 375

Чха Чжичхоль 524

Чхан-ван 211

Чхве Гюха 537–539, 542, 543, 632

Чхве Доксин 481

Чхве Ён 208, 210

Чхве Ёнгон 592

Чхве Икхён 325, 373

Чхве Ин (Рин) 457

Чхве Ингю 492

Чхве Мансэн 209

Чхве Намсон 382, 427, 457

Чхве Рян 160

- Чхве Сечжин 228
 Чхве Сихён 339, 341, 342, 344, 345
 Чхве Сынно 150
 Чхве Тхак 171
 Чхве У 175
 Чхве Хан 187
 Чхве Ханги (Хеган) 285, 320
 Чхве Чжеу 338–341
 Чхве Чханик 581, 586
 Чхве Чхивон 116, 126, 338, 719
 Чхве Чхун 198
 Чхве Чхунхон 175–177, 180, 182, 202
 Чхве Ый 175, 187
 Чхве Юный 193, 197
 Чхимню-ван 80
 Чхок Чунгён 171, 172
 Чхольчжон 310, 312, 319, 329
 Чху Хонсу 407, 726
 Чхумо 59
 Чхунмог-ван 206
 Чхуннёль-ван 190, 205
 Чхунсон-ван 205, 207
 Чхунхян 293, 295
- Шабшина** Ф. И. 269, 377, 724
 Шакьямуни 80, 124, 125, 202
 Шалл И. 299, 300
 Шастан 304
 Шипаев В. И. 377, 490, 509, 526, 724
 Ши-цзу 181
 Шпейер А. Н. 358
 Штыков Т. Ф. 439, 452
 Шунь 267
 Шуньдао 79
 Шуффельд Р. В. 322
 Шэн-цзун 159, 162, 163
- Ыйчжа-ван** 107, 108
 Ыйчжон 170, 173–175
 Ыльчжи Мундок 103, 104, 403
- Эдао 79
 Эмбер 304
 Эно 137
- Ю** Гам 172, 173
 Ю Гван 240
- Ю Гён 187
 Ю Сонён 246
 Ю Хакчу 367
 Ю Чхисон 546
 Юань Шикай 335, 348
 Юк Ёнсу 522
 Юкинага Кониси 245, 252, 256
 Юльгок 241
 Юн («Малые», «Большие») 240
 Юн Бонгиль 409
 Юн Босон 496, 501–503, 513, 514
 Юн Гигён 235
 Юн Дусо 296
 Юн Дусу 247
 Юн Ёнчхоль 638
 Юн Иним 240
 Юн Сибён 367
 Юн Тхэиль 499
 Юн Чжичхун 302
 Юн Чхихо 356, 359, 426, 427
 Юн Чхом 173
 Юри 60
 Юри-ван 57, 73
 Юхва 55
- Яковлев** В. А. 673
 Ян Бинь 661
 Ян-ди 103
 Янгиль 137, 138, 141
 Яо 32, 267
 Ясуги Кадзуо 506
- Cummings** B. 467
- Dallet** Ch. 288, 724
- Gleysteen** W. H. 543, 724
- Hulbert** H. B. 369, 725
- Jones** L. P. 379, 491, 725
Jung Woon Yong 97, 725
- Sakong** Il 379, 491, 725
- Weathersby** K. 465
- Yim Louise** 393, 725

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к третьему изданию	3
Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие к первому изданию	7
Введение	11
§ 1. О понятии «история»	11
§ 2. О проблеме периодизации истории Кореи	14
Часть I. Ранняя история Кореи	
Глава 1. Корейский полуостров в догосударственную эпоху	18
§ 1. Каменный век — палеолит, мезолит, неолит — на территории Корейского полуострова	18
§ 2. О происхождении неолитического населения Корейского полуострова	24
§ 3. Бронзовый и железный век на Корейском полуострове	26
Глава 2. Государство Древний Чосон	30
§ 1. Формально-хронологические этапы истории Древнего Чосона	31
§ 2. О местоположении Древнего Чосона	37
§ 3. Социально-экономическое устройство Древнего Чосона	39
§ 4. История восприятия Древнего Чосона в Корее	43
§ 5. Судьба четырех китайских округов на территории Древнего Чосона	44
Глава 3. Протогосударства Пуё и Три Хан	45
§ 1. История Пуё	46
§ 2. Чингук и Три Хан: Махан, Пёнхан, Чинхан	49
Глава 4. Формирование Трех государств: Когурё, Пэкче и Силла в I–IV веках	52
§ 1. Когурё	54
§ 2. Пэкче	59
§ 3. Силла	62
Глава 5. Административное, социально-экономическое устройство Трех государств	67
§ 1. Общие черты	67
§ 2. Когурё	69
§ 3. Пэкче	71
§ 4. Силла	73
Глава 6. Культура Кореи периода Трех государств	78
§ 1. Верования	78
§ 2. Конфуцианство и письменность	81
§ 3. Материально-техническая культура	85
§ 4. Архитектура	87
§ 5. Скульптура, живопись, ремесло	91
Глава 7. Войны между Тремя государствами	96
§ 1. Противостояние Пэкче и Когурё	97
§ 2. Союз Пэкче и Силла	99
§ 3. Развал союза Пэкче и Силла	101
§ 4. Войны Когурё с китайской империей Суй	102

Глава 8. Войны Трех государств с китайской империей Тан и объединение Кореи под эгидой государства Силла	104
§ 1. Войны Когурё с Китаем династии Тан в середине VII в.	105
§ 2. Покорение Пэкче и Когурё танским Китаем и объединение Кореи под эгидой королевства Силла	107
§ 3. Силлаский институт <i>хваранов</i>	111
Глава 9. Административное, социально-экономическое устройство Объединенного Силла	115
§ 1. Административное устройство Объединенного Силла	116
§ 2. Социально-экономическое устройство Объединенного Силла	119
§ 3. Культура Объединенного Силла	123
Глава 10. Государство Пархэ (Бохай)	126
§ 1. Образование государства Пархэ и проблема его этнокультурной принадлежности	129
§ 2. Основные вехи истории государства Пархэ	131
Глава 11. Распад и гибель государства Силла	135
§ 1. Объединенное Силла к концу IX — началу X века: причины распада единого государства	136
§ 2. Хронология Поздних Трех государств	139

Часть II. История Кореи в Средние века

Глава 1. Становление государства Корё	144
§ 1. Объединение страны под властью Корё	145
§ 2. Реформы системы государственного управления начала эпохи Корё	148
§ 3. Социально-экономические реформы начала Корё	154
Глава 2. Отражение военных походов киданей в 993–1018 годах и чжурчжэней в 1107 году	158
§ 1. Политика Корё по отношению к киданям в X веке	159
§ 2. Военные походы киданей в Корё в X–XI веках	160
§ 3. Политика Корё по отношению к чжурчжэням в X–XII веках	165
Глава 3. Корё в XII — начале XIII века: мятежи аристократии, борьба за власть при дворе и крестьянские восстания.	168
§ 1. Мятежи корёской аристократии в XII веке	169
§ 2. Военная диктатура рода Чхве	173
§ 3. Народные волнения конца XII — начала XIII века	178
Глава 4. Военные походы монголов в Корё и подчинение Корё монгольской династии Юань Китая	181
§ 1. Военные походы монголов в Корё	181
§ 2. Дипломатические отношения между Корё и монголами. Подчинение Корё монгольской династии Юань Китая	186
Глава 5. Культура Кореи эпохи Корё	191
§ 1. Научно-технические достижения Корё	191
§ 2. Издание исторических сочинений, литература, образование в Корё	196
§ 3. Архитектура, ремесло, живопись Корё	200

Глава 6. Государство Корё в XIV веке и приход к власти новой династии Ли	203
§ 1. Социально-экономическое положение Корё в XIV веке	203
§ 2. Попытки проведения реформ и приход к власти Ли Сонге	205
Глава 7. Корея в XV — начале XVI века: формирование государства Чосон раннего периода	214
§ 1. Борьба за власть в первые годы династии Ли	214
§ 2. Государственно-административное устройство Кореи периода Чосон	216
§ 3. Социально-экономические изменения в раннем Чосоне	221
§ 4. Внешние связи Кореи в XV–XVI веках	224
§ 5. Культурные достижения Кореи XV–XVI веков	228
Глава 8. Буддизм и конфуцианство в Кореи XV–XVI веков	233
§ 1. Политика корейских государей по отношению к буддизму и конфуцианству в XV — начале XVI века	234
§ 2. Выдвижение конфуцианских ученых нового поколения — <i>сарим</i> (Корея XVI века)	237
Глава 9. Имчжинская война 1592–1598 годов	243
§ 1. Первый период войны (1592–1593). Флотоводец Ли Сунсин	245
§ 2. Второй (1593–1597) и третий (1597–1598) периоды войны. Последствия Имчжинской войны	252
Глава 10. Маньчжурские военные походы в Корею 1627–1636 годов. Подчинение Кореи маньчжурской династии Цин	258
§ 1. Корея в начале XVII века	259
§ 2. Маньчжурские военные походы в Корею	262
§ 3. Начало формирования представления о Кореи как о «маленьком Китае»	266

Часть III. История Кореи в Новое время

Глава 1. Социально-экономические изменения в Кореи XVII–XVIII веков	268
§ 1. Переход к новой агротехнике, его социально-экономические последствия	270
§ 2. Новая аграрная политика государства	271
§ 3. Ремесло и торговля	275
§ 4. Социальное расслоение. Новый путь экономического развития Кореи	279
Глава 2. Идеиное течение <i>сирхак</i>	283
§ 1. Возникновение и развитие идейного течения <i>сирхак</i>	283
§ 2. <i>Сирхак</i> о реформах в сфере земледелия и землепользования	286
§ 3. <i>Сирхак</i> о государственном устройстве Кореи, ее месте в мире	290
Глава 3. Литература Кореи XVII — начала XIX века	292
§ 1. Литература, живопись, ремесло, наука	293
§ 2. Распространение христианства	298
Глава 4. Корея в первой половине XIX века. Правление <i>тэвонгуна</i>	305
§ 1. Положение в Кореи в начале XIX века	305
§ 2. Реформы <i>тэвонгуна</i>	312

Глава 5. «Открытие Кореи» и начало социально-экономических преобразований. Движение за реформы <i>кэхва ундон</i>	319
§ 1. Завершение политики «закрытия страны»	320
§ 2. Начало социально-экономических преобразований	324
§ 3. Движение <i>кэхва ундон</i> . Переворот 1884 года	329
Глава 6. Крестьянское восстание и идейное учение <i>тонхак</i>	334
§ 1. Корея второй половины 1880-х — начала 1890-х годов	335
§ 2. Возникновение идейного учения <i>тонхак</i>	338
§ 3. «Революция» <i>тонхак</i>	341
Глава 7. Реформы 1894–1895 годов. Деятельность Общества независимости. Провозглашение Корейской империи	347
§ 1. Японо-китайская война и реформы годов <i>кабо</i> и <i>ыльми</i>	347
§ 2. Образование и деятельность Общества независимости	353
§ 3. Провозглашение Корейской империи	360
Глава 8. Корея в первое десятилетие XX века: сопротивление японской колониальной политике	362
§ 1. Корея в 1900–1905 годах	363
§ 2. Корея под протекторатом Японии (1905–1910)	367
§ 3. Японская колонизация Кореи (1910 год) и начальный этап антияпонского движения за независимость	371
Глава 9. Первое десятилетие после японской аннексии Кореи. Первоапрельское движение 1919 года	376
§ 1. Корея в 1910–1919 годах	377
§ 2. Первоапрельское движение 1919 года	381
Глава 10. Движение за независимость Кореи в 1920–1930-е годы внутри страны	387
§ 1. Положение в Корее в 1920–1930-е годы	388
§ 2. Основные направления движения за независимость внутри страны	390
§ 3. Коммунистическое движение и выступления народных масс	395
§ 4. Движение за сохранение национальной культуры	402
Глава 11. Движение за независимость Кореи в 1920–1930-е годы за рубежом	405
§ 1. Временное правительство Республики Корея	406
§ 2. Действия корейских вооруженных отрядов в Маньчжурии	410
§ 3. Революционная деятельность Ким Ирсена	414
Глава 12. Корея в годы японо-китайской и Второй мировой войны	420
§ 1. Положение Кореи в годы японо-китайской и Второй мировой войны	421
§ 2. Новая стадия движения за независимость	427

Часть IV. Новейшая история Кореи.

Вторая половина XX века

Глава 1. Освобождение Кореи от японского колониального господства. Проблема воссоздания государственности в 1945–1948 годах	433
§ 1. Освобождение Кореи от японского колониального господства	434
§ 2. Политика СССР в Корее в 1945–1948 годах. Первые шаги на пути создания КНДР	437

§ 3. Политика США в Корее в 1945–1948 годах. Первые шаги на пути создания Республики Корея	441
§ 4. Деятельность корейских политических лидеров, направленная на построение государственности в Корее в 1945–1948 годах	444
Глава 2. Корея в 1948–1950 годах	449
§ 1. КНДР в 1948–1950 годах	450
§ 2. Республика Корея в 1948–1950 годах	456
Глава 3. Корейская война 1950–1953 годов	462
§ 1. Международная ситуация и начало корейской войны	463
§ 2. Ход боевых действий и переговоров	468
§ 3. Основные итоги войны	481
Глава 4. Южная Корея на пороге «экономического чуда»: конец президентства Ли Сынмана, «Апрельская революция» и Вторая Республика	484
§ 1. Первая Республика после корейской войны	484
§ 2. «Апрельская революция» и Вторая Республика	492
Глава 5. Военный переворот, или «революция» Пак Чонхи. Образование Третьей Республики	498
§ 1. Приход к власти Пак Чонхи	499
§ 2. Первые достижения Третьей Республики: восстановление отношений между Южной Кореей и Японией	504
Глава 6. Третья и Четвертая Республики: Южная Корея под властью диктаторского режима Пак Чонхи. Хроника политических событий	510
§ 1. Диктатура и демократия в Третьей Республике	511
§ 2. Переворот <i>юсин</i> и ужесточение диктатуры в период Четвертой Республики	517
Глава 7. Третья и Четвертая Республики: Южная Корея под властью диктаторского режима Пак Чонхи. Социально-экономическая политика	525
§ 1. Основные направления развития экономики	526
§ 2. Движение за новую деревню	534
Глава 8. Республика Корея в начале пути демократизации: приход к власти Чон Духвана и Пятая Республика	537
§ 1. Приход к власти Чон Духвана	538
§ 2. Установление Пятой Республики	544
§ 3. Социально-экономическая и внешняя политика Чон Духвана	547
Глава 9. Республика Корея на пути демократизации: президент Ро Дэу и Шестая Республика	552
§ 1. Приход к власти Ро Дэу. Провозглашение Шестой Республики	553
§ 2. Внешняя политика Ро Дэу	559
§ 3. Социально-экономическая ситуация в годы президентства Ро Дэу	562
Глава 10. Республика Корея в условиях демократии: Шестая Республика второй трети — конца 1990-х годов	564
§ 1. Выборы президента Ким Ёнсама	564
§ 2. Курс реформ Ким Ёнсама и «эпоха Международного валютного фонда»	568
§ 3. Выборы президента Ким Дэчжуна	572

§ 4. Преодоление «эпохи Международного валютного фонда» и основные достижения политики Ким Дэчжуна	575
Глава 11. КНДР в 1953–1960 годах: охлаждение отношений с СССР и начало курса на независимое развитие	578
§ 1. Успехи послевоенного восстановления 1953–1956 годов	580
§ 2. III съезд Трудовой партии Кореи и курс на независимое развитие. Движение <i>Чхоллима</i>	584
Глава 12. КНДР в 1961–1972 годах: углубление курса на независимое развитие и построение социализма	591
§ 1. IV съезд Трудовой партии Кореи, «метод Чхонсанри» и «Тэанская система работы»	591
§ 2. Курс на параллельное строительство экономики и обороны	595
§ 3. V съезд Трудовой партии Кореи, Конституция КНДР 1972 года и построение социализма	600
Глава 13. КНДР в 1970–1980-х годах: «борьба за окончательное построение социализма». КНДР перед комплексом проблем	603
§ 1. Новая политика мобилизации народа	604
§ 2. VI съезд Трудовой партии Кореи. Попытка «открытия» северокорейского общества в 1980-е годы	608
Глава 14. КНДР после распада социалистического лагеря и смерти Ким Ирсена	615
§ 1. Время испытаний и поиска новых путей	616
§ 2. Редакции Конституции 1992 и 1998 годов как отражение новых тенденций в развитии КНДР	622

Часть V. Корея в XXI веке. 2000–2005 годы

Глава 1. Республика Корея в 2000–2005 годах	627
§ 1. Хроника внутривнутриполитических событий	627
§ 2. Внешняя политика президентов Ким Дэчжуна и Но Мухёна	643
§ 3. Экономическая ситуация в Республике Корея	648
§ 4. Интернет-революция и интернет-экономика в Южной Корее	653
Глава 2. КНДР в 2000–2005 годах	655
§ 1. Внутривнутриполитические события	655
§ 2. Ядерная проблема КНДР	662
§ 3. Отношения между КНДР и КНР	670
§ 4. Отношения между КНДР и Российской Федерацией	672
§ 5. Отношения между КНДР и США	676
§ 6. Отношения между КНДР и Японией	679
Глава 3. Межкорейские отношения в 2000–2005 годах	684
§ 1. Политическая основа межкорейских отношений	684
§ 2. Межкорейские политические контакты и переговорный процесс	687
§ 3. Межкорейские экономические отношения	697
§ 4. Межкорейские военные отношения. Вооруженные конфликты и столкновения	706
§ 5. Межкорейские культурные связи	709
Приложение. Декларация независимости 1 марта 1919 года	713
Выборочный список специальной литературы о Корее	717
Указатель имен	725

Научное издание

КУРБАНОВ Сергей Олегович

**ИСТОРИЯ КОРЕИ:
с древности до начала XXI в.**

Редактор *Е. Е. Жирнова*

Корректор *М. А. Логинова, Е. В. Величкина*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной, А. М. Вейшторп*

Обложка *Е. В. Арделян*

Подписано в печать 04.05.2018. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Усл. печ. л. 46,5.
Планируемый тираж 1000 экз. 1-й завод — 100 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги **Издательства СПбГУ** можно

ЗАКАЗАТЬ

на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**

в интернет-магазинах: **ozon.ru**; **bookvoed.ru**; **URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ

в книжных магазинах СПбГУ ***Дом университетской книги***

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия В. О., д. 15

Университетская наб., д. 11

А также в магазинах

Санкт-Петербурга: Сеть книжных магазинов «Буквоед»

Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28

«Подписные издания», Литейный пр., д. 57

Москвы:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

Перми:

«Пиотровский», ул. Ленина, д. 54

Екатеринбурга:

«Ельцин-Центр», ул. Бориса Ельцина, д. 3а